

# МИНУВШЕЕ



# ***МИНУВШЕЕ***

**ИСТОРИЧЕСКИЙ  
АЛЬМАНАХ**

**5**

**ATHENEUM**



---

**Editorial board: Jean Bonamour, John Malmstad, Richard Pipes  
Marc Raeff, Dmitri Segal**

**Editor: Vladimir Alloy**

---

**Copyright by Atheneum, 1988**

**All rights reserved**

**Publisher: Atheneum, 10 bis, rue Duhesme, 75018 Paris  
Printed in France**

**ISBN 2-906141-07-0**

**На первой странице обложки воспроизведены: портреты И.Ильфа,  
А.В. Чаянова, С.М. Третьякова и К.Вагинова; автографы А.Белого,  
И.А. Бунина и З.Н. Гиппиус.**

***ВОСПОМИНАНИЯ***



**Д. Бурлюк**  
**ВОСПОМИНАНИЯ ОТЦА РУССКОГО ФУТУРИЗМА**

Публикация Е. Чижова и Д. Ксенина

Футуристы, подобно нечаевцам, были нигилистами русскими у врат великих дней 1917 года. Предупреждая Красный Октябрь, они были большевиками, чайками, носящимися в умах перед валами сметающей революции.

Д.Бурлюк (1930, США)

...А когда левые отвечали, что их дело — революция сознания, что надо массу поднимать до себя, а не апеллировать к бескультурной России, — им справедливо возражали: «Революция не может ждать того момента, когда народ пересоздастся; революция хочет иметь помощников сегодня, — тем более, что никому не известно, насколько лучше ваши левые, непонятные формы прежних, привычных и понятных».

Б.Арватов. — «Печать и революция», 1922, №7, с.143.

Минуло семьдесят лет с момента выхода первого боевого сборника русских кубо-футуристов «Пощечина общественному вкусу»<sup>1</sup>, но интерес к творчеству «будетлян» и проповедываемой ими эстетике не ослабевает и по сей день. Между тем, имя вождя, вдохновителя и, пожалуй,

---

<sup>1</sup> Сборник *ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ (В защиту свободного искусства)*. М., Издание Г.Л. Кузьмина, 1913, 113 стр. Кроме (см. след. стр.)

наиболее эксцентричной фигуры этого движения, своеобразнейшего поэта и художника Давида Давидовича Бурлюка (9 июля 1882 — 15 января 1967) по-прежнему остается в тени его более знаменитых соратников и последователей.

Начав свое шумное шествие с эпатажных манифестов, выставок, поэтических сборников, скандальных лекций и диспутов, где сбрасывались с «парохода современности» Пушкин, Толстой и Достоевский, первые футуристы явились не только разрушительной силой, ниспровергавшей привычные вкусы и представления, но и создателями той эстетической базы, на которой возникли многочисленные направления «левого» искусства в России в 1910-1920-е. Эта созидательная сторона деятельности группы, сплотившейся вокруг Д.Бурлюка, не была в полной мере осознана современниками, а в 1930-1950-х отрицалась советской критикой, видевшей угрозу социалистическому реализму в любом проявлении «левизны» в живописи или в литературе.

Семена, посеянные организованной и возглавленной Д.Бурлюком первой, самой левой русской футуристической группой «Гилея» (они же — кубо-футуристы или «будетляне»: В.Хлебников, В.Маяковский, А.Крученых, В.Каменский, Е.Гуро, Б.Лившиц), дали обильные всходы — уже в 1910-е футуризм в России являл собой сложную картину борьбы и сотрудничества многочисленных литературных и художественных группировок, каждая из которых претендовала на выражение единственного «истинного» футуризма. Как литературное направление русский футуризм включал помимо «гилейцев» деятельность эго-футуристов во главе с Игорем Северяниным, объединений «Мезонин поэзии» (Хрисанф, В.Шершеневич, С.Третьяков, Р.Ивнев, К.Большаков и др.) и «Центрифуга» (Б.Пастернак, Н.Асеев, С.Бобров, Божидар и др.). Под непосредственным влиянием футуризма развивались дарования Т.Чурилина, И.Зданевича, В.Парнаха, И.Эренбурга. Русский футуризм в изобразительном искусстве, столь не похожий на своего итальянского тезку, представлял еще более сложную и противоречивую картину. Не имея возможности здесь остановиться на детальном разборе этого явления, отметим лишь, что благодаря, в первую очередь, организаторской энергии и агитационной активности кубо-футуристов стали возможны первые выставки русского художественного авангарда «Стефанос» (М., 1907-1908), «Звено» (Киев, 1908), «Венок» (СПб., 1908), «Венок-Стефанос» (СПб, 1909), «Салоны» В.Издебского (Одесса, Киев, СПб, Рига, 1909-1911), «Союз молодежи» (Рига, 1910, 1911), «Бубновый валет» (М., 1910-1913), — соединившие таких его корифеев, как В.Кандинский, М.Ларионов, Н.Гончарова, П.Филонов, К.Малевич, В.Татлин, Р.Фальк, А.Экстер, А.Лентулов, А.Явленский, И.Пуни,

---

одноименного манифеста включает стихи, прозу и статьи В.Хлебникова, Д. и Н.Бурлюков, В.Маяковского, Б.Лившица, А.Крученых и В.Кандинского.

Статья *КУБИЗМ* в этом сборнике, приписываемая в разных источниках Д.Бурлюку, написана Н.Бурлюком.

В. Баранов-Россине и др. Несомненно, что эстетика футуризма наложила отпечаток на развитие театра (Н. Евреинов, Вс. Мейерхольд), на теорию литературы и философию искусства (В. Шкловский, Р. Якобсон, О. Брик, Н. Пунин).

••

Не ограничиваясь экспериментами в области художественной формы, футуризм с момента своего возникновения в дореволюционной России поставил себя в связь с явлениями политической и общественной жизни, — это неизбежно вытекало из его активистского мироощущения и непримиримого оппозиционерства.

Пролетарская революция, опрокинувшая институты старой культуры, невольно придала конкретный смысл дотоле неопределенным угрозам и пророчествам представителей «непризнанных» течений, породив у них надежду на занятие ключевых позиций в культурной политике Советской России. Воинственное отвержение прошлого, потеряв свою романтическую окраску (по утверждению Л. Троцкого, желтая кофта футуристов приходит к «внучатой племяннице» романтическому красному жилету Теофиля Готье<sup>1</sup>), обрело отныне характер политической платформы, позволяющей «говоря от лица определенной школы, говорить в то же время от лица власти»<sup>2</sup>. Двадцатые годы проходят в ожесточенной борьбе группировок, культивирующих эстетику футуризма, с пролеткультовскими и идейно-реалистическими группировками, ведущейся в условиях нехарактерной для России свободы слова и творчества. Однако, по меткому замечанию Э. Голлербаха: «Лозунги в защиту свободного искусства едва ли уместны при сильном и крепком режиме, хотя бы и молодом, но рассчитывающем на длительную жизнь /.../ Абсолютная свобода искусства возможна только тогда, когда существуют "дураки", которые даром кормят своих собственных разрушителей»<sup>3</sup>. Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 прекращает функционирование всех группировок с целью образования под контролем партии единых творческих объединений.

Упомянутое постановление ЦК положило начало в СССР массированному наступлению на все направления «левого» искусства. Оружием официальной критики становится лексикон классовой и политической борьбы, произвольно применяемый к вопросам культуры. Систематические нападки на футуризм, начавшиеся в советской прессе еще в 1920-е, находят опору в его официальном определении как «порождения ущербного сознания дореволюционной деклассированной

<sup>1</sup> Л. Троцкий. *ЛИТЕРАТУРА И РЕВОЛЮЦИЯ*. М., «Красная новь», 1923, с. 92.

<sup>2</sup> А. В. Луначарский. *ЛОЖКА ПРОТИВОДЯДЯ*. — «Искусство коммуны», 1918, №4, 29 дек.

<sup>3</sup> Э. Голлербах. *ПОЭЗИЯ ДАВИДА БУРЛЮКА*. Н.-Й., изд. М. Н. Бурлюк, 1931, с. 6-7.

интеллигенции»<sup>1</sup>. После гибели и посмертной канонизации В. Маяковского как первого поэта революции, бывшие его соратники постепенно предаются забвению. В эти годы утверждается установка: «Маяковский приблизился к пролетариату, чего не смогли сделать его бывшие соратники (например, Бурлюк, Крученых, Хлебников и др.)»<sup>2</sup>. Живущая и по сей день, она не допускает появления стихов Д. Бурлюка и А. Крученых даже в виде журнальных публикаций. Она же пока препятствует опубликованию в СССР полного собрания сочинений В. Хлебникова, этого «своеобычайшего из мировых поэтов нынешнего века» (Р. Якобсон).

Первые послереволюционные годы Д. Бурлюк проводит на Востоке России, где наряду с литературной и художественной деятельностью продолжает заниматься пропагандой современного искусства, читает лекции и организует целый ряд выставок — в Златоусте, Миассе, Екатеринбурге, Троицке, Омске, Томске, Иркутске, Чите и Владивостоке, вместе с Н. Асеевым, С. Третьяковым и Н. Чужаком сотрудничает в дальневосточном журнале «Творчество». В апреле 1920 он становится свидетелем провозглашения на огромной территории — от Байкала до Тихого океана — «буферной» Дальневосточной республики со столицей в Чите, а в сентябре — перебирается в Японию, навсегда покинув Россию. За два с половиной года пребывания в Японии художник создает около 450 живописных полотен, которые экспонируются почти во всех крупных городах этой страны.

2 сентября 1922 Д. Бурлюк прибывает в Нью-Йорк, и с этого времени Соединенные Штаты становятся местом его постоянного жительства (в 1930 принимает американское гражданство). Однако, еще многие годы свою судьбу и свои надежды художник и поэт связывает с Советской Россией. В 1920-1930-х он читает лекции в рабочих клубах о жизни в СССР, сотрудничает в американских советских органах «Русский голос» и «Новый мир», где публикует обзоры отечественных газет, агитационные фельетоны и статьи, участвует в литературной группе американских пролетарских писателей «Серп и молот» и в революционном художественном объединении «Джон Рид клуб». Советская, революционная и подчеркнута пролетарская тематика сквозит и во многих его литературных и художественных произведениях (поэмы «Десятый Октябрь» — 1927, «Горький» — 1929, новеллы из цикла «Колчаковщина» — 1920-1929, картины «Рабочие» — 1923-1924, «Ленин и Толстой» — до 1930 и др.). Все эти годы Д. Бурлюк не прекращает переписки с друзьями в СССР, встречается с приезжающими в США советскими деятелями культуры (В. Маяковский, А. Кравченко, Б. Пильняк и др.). В своих «Заметках о художественной жизни Америки», напечатанных в советском журнале «Искусство в массы» в №8 за 1930 он предлагает открыть постоянную галерею советских

<sup>1</sup> Малая советская энциклопедия, 1931, т. 9, с. 507.

<sup>2</sup> УСВОИМ ОПЫТ МАЯКОВСКОГО. — «Резец», Л., 1932, № 11, с. 10.

художников в Нью-Йорке, «которая явилась бы центром связи между художественными учреждениями страны пролетариата и Нового Света».

Вся творческая и агитационная деятельность Д.Бурлюка этого периода проходит под девизом «Футуризм — искусство пролетариата». В 1929 он пишет: «Я на чужбине 6 лет веду неустанную работу пером на защиту Советской родины моей, в стране хищного капитала; не порываю с родным и близким, веду свою литературно-художественную работу, стоя на страже свободы Нового — Революционного Искусства, во имя создания невиданных форм эстетических, коих ждет пролетариат»<sup>1</sup>. Однако добровольно взятая на себя Д.Бурлюком роль советского глашатая пролетарского искусства в Америке невольно оказывается в противоречии с переоценкой наследия футуризма в СССР и генеральной ориентацией «страны пролетариата» на социалистический реализм.

Из писем друзей он узнает о начавшемся в СССР процессе забвения литературно-художественных заслуг футуристов и об идеологической неприемлемости для Госиздата своих стихов наряду с сочинениями Б.Лившица и А.Крученых; о том, что его достижения в живописи выдаются подражателями за свои собственные открытия, а о нем самом в России нет ни одной обстоятельной работы. В Большой советской энциклопедии (1927) Д.Бурлюк обнаруживает о себе неприязненную статью И.Грабаря, а в Литературной энциклопедии видит свое имя лишь на последней странице приложения, в котором он назван «художником, примкнувшим (!) к футуризму» (т.1, 1929, с.768). Его картины, специально присланные в Москву на выставку «13» и выставку художников «Джон Рид Клуба» (1931) расцениваются советской критикой как типичные произведения «попутчика»<sup>2</sup>.

Полное равнодушие отечества к многолетнему труду Д.Бурлюка побуждает его развернуть интенсивную деятельность по реабилитации футуризма и восстановлению своего имени в истории формирования новой пролетарской культуры. Начиная с середины 1920-х он все чаще выступает в несвойственном «будетлянину» амплуа мемуариста. «Отец русского футуризма», как именует он себя на обложках своих книг, Д.Бурлюк публикует автобиографические заметки, сопровождая их выдержками из адресованных ему восторженных писем, газетных статей и рецензий<sup>3</sup>, завязывает переписку с искусствоведами, историками литературы и музейными работниками в СССР, непосредственно участвует

<sup>1</sup> Д.Бурлюк. *ЭНТЕЛЕХИЗМ. ТЕОРИЯ. КРИТИКА. СТИХИ. КАРТИНЫ. (К 20-ЛЕТИЮ ФУТУРИЗМА — ИСКУССТВА ПРОЛЕТАРИАТА. 1909-1930)*. Н.-Й., изд. М.Н. Бурлюк, 1930, с.5.

<sup>2</sup> См., например, «За пролетарское искусство», 1931, № 6, с.28; № 7, с.8 и каталоги указ. выставок.

<sup>3</sup> Таковы его книги: *БУРЛЮК ПОЖИМАЕТ РУКУ ВУЛЬВОРТ БИЛЬДИН-ГУ. К 25-ЛЕТИЮ ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*. Н.-Й., изд. кооп. «Русский голос», 1924; *1/2 ВЕКА. К 50-ЛЕТИЮ ДАВИДА БУРЛЮКА*. Н.-Й., изд. М.Н. Бурлюк, 1932; *ЭНТЕЛЕХИЗМ...*



в выпуске в США трех монографий о себе, написанных советскими авторами<sup>1</sup>, с 1930 — издает журнал «Color and Rhythme», посвященный; главным образом, собственному творчеству и содержащий многочисленные автобиографические материалы.

В своей основной теоретической книге «Энтелехизм...», посвященной 20-летию футуризма, Д.Бурлюк обвиняет критиков в СССР, ополчившихся на это движение, в недобросовестности и лжи и призывает пролетариат «начать изучать то искусство, которое первым пришло ему на службу». Подводя итог развитию футуризма, он пишет: «Футуристы оказали полное влияние на всех художников, прозаиков и поэтов, работавших позже. Вся жизнь подверглась влиянию футуристов-свободников». Заявив о всестороннем влиянии своего детища на новое искусство, Д.Бурлюк провозглашает себя вождем эстетической революции, подготовившей революцию в России, родоначальником пролетарской культуры, «первым истинным большевиком в литературе» и предлагает установить памятник в бронзе «Зачинателям Первого искусства Революции Пролетарской» (с.3, 11).

Излишне вновь указывать причины, по которым приведенная самооценка Д.Бурлюка, как и его лозунг «Футуризм и Красный Октябрь — не отделимы!» не утвердились в советском литературоведении и искусствоведении.

♦♦

С гораздо большим вниманием и объективностью было встречено искусство Давида Бурлюка на его второй родине — в США. С 1930-х он ориентируется главным образом на американскую публику, причем его поэтическое творчество, доступное американцам лишь в переводах, отступает на второй план. Д.Бурлюк все чаще называет себя представителем современного американского изобразительного искусства, подчеркивая свою роль в его становлении и развитии. В 1930-1960 художник принимает участие во всех крупных выставках современного искусства в Америке, а также — в Париже, Мюнхене, Лондоне и Праге, проводит около 30 персональных выставок в Нью-Йорке и других городах США. Неустанная выставочная и пропагандистская деятельность Д.Бурлюка постепенно приносит свои плоды. Его работы приобретаются крупнейшими музеями Америки, в том числе нью-йоркскими музеями — Метрополитен, Уитни, Бруклинским, Музеем современного искусства и др. Творчество художника привлекает внимание многих американских искусствоведов, ему посвящаются многочисленные статьи в художественной прессе, а в 1944 выходит обширная монография «Burliuk», написанная известным специалистом по современному искусству К.-С. Драйер. Среди русских художников, работавших после

<sup>1</sup> Э.Голлербах. *ИСКУССТВО ДАВИДА Д. БУРЛЮКА*. 1930; его же: *ПОЭЗИЯ ДАВИДА Д. БУРЛЮКА*. 1931; И. Поступальский. *ЛИТЕРАТУРНЫЙ ТРУД ДАВИДА Д. БУРЛЮКА*. 1931 (все — Н.-Й., изд. М.Н. Бурлюк).

революции за границей<sup>1</sup>, Д.Бурлюк, несомненно, являлся одним из наиболее преуспевающих и широко признанных мастеров.

В 1950-1960 Д.Бурлюк много путешествовал по Европе и дважды — в 1956 и 1965 — посетил СССР. Радужный прием, оказанный ему на родине<sup>2</sup>, не означал, однако, пересмотра официального отношения к футуризму и левому искусству в Советском Союзе. В 1960 Д.Бурлюк с горечью пишет на полях статьи Герберта Рида «В защиту абстрактного искусства»: «Пора на нашей Великой Родине прекратить гонение на футуризм — модерное искусство!»<sup>3</sup>

♦♦

Первая четверть XX столетия насыщена грандиозными событиями как в государственной истории России, так и в истории ее культуры. Однако в мировом искусстве Нового времени едва ли отыщется глава менее доступная объективному и всестороннему изучению, чем борьба русских литературно-художественных группировок начала нынешнего века. Сегодня, когда почти не осталось живых свидетелей этой борьбы, а важнейшие документы заперты в архивах и музейных запасниках, каждая вновь открытая страница приобретает ценность памятника эпохи. Признанию выдающейся организаторской и пропагандистской роли Д.Бурлюка в формировании целого пласта русской поэтической и художественной культуры, как и непредвзятой оценке его живописного и литературного дарования в наши дни не должны помешать ни упрямая молчаливость официального советского искусствоведения, ни наивное самовозвеличивание «Зачинателя пролетар-футуризма».

♦♦

Публикуемые ниже воспоминания Д.Бурлюка представляют собой отрывки из его рукописи, направленной в 1930 харьковскому искусствоведу М.Зубареву<sup>4</sup>. Отсутствие целостности, многочисленные повторы и обращения к адресату, вкрапленные в текст, не позволяют рассматривать их как единое и завершенное литературное произведение. По этой причине мы отказались от опубликования здесь ряда фрагментов рукописи, дополненных и изданных Д.Бурлюком в последу-

<sup>1</sup> По данным биографического словаря *ХУДОЖНИКИ РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ*, публикация которого готовится в изд. Atheneum, за границей в промежутке между двумя мировыми войнами работало около 600 русских художников.

<sup>2</sup> См.: И.Ильин. *СНОВА В МОСКВЕ. В ГОСТЯХ У БУРЛЮКА*. — «Вечерняя Москва», 29 мая 1956; В.Леднев. *СПУСТЯ СОРОК ЛЕТ*. — «Советская культура», 1 мая 1956; *В ДАР ГОРОДУ-ГЕРОЮ*. — Там же, 12 июня 1965.

<sup>3</sup> Страницы статьи Н.Рид'a *IN DEFENSE OF ABSTRACT ART* из журнала «The New York Times Magazine» (17 апреля 1960) с приведенной записью Д.Бурлюка имеются в одном из собраний Ленинграда.

<sup>4</sup> См. запись от 30 апреля 1930 в *ДНЕВНИКЕ* М.Н. Бурлюк. — «Color and Rhythme», № 53, 1963/1964, с.4.

ющие годы. Так, в выпускаемом им в Нью-Йорке малотиражном (часть номеров снабжена пометкой «На правах рукописи») журнале «Color and Rhyme» в разные годы были напечатаны обстоятельные воспоминания Д.Бурлюка и его супруги М.Н. Бурлюк (Еленевской) о В.Хлебникове, В.Маяковском и о первых шагах футуризма в России (№№ 13 — 1940, 26 — 1952, 31 — 1956, 49 — 1961, 55 — 1964/1965 и др.); воспоминания Д.Бурлюка о М.Горьком вошли в книгу «Горький и художники» (сост. И.А. Бродский), М., 1964, с.47-54; наконец, фрагмент воспоминаний о И.Репине был воспроизведен с небольшими сокращениями в книге: «И.Е. Репин. Художественное наследство», т.2, М.-Л., 1949, с.279-282. Незначительные купюры в тексте Д.Бурлюка обозначены нами многоточием, заключенным в косые скобки; границы отдельных отрывков, расположенных в тексте Д. Бурлюка не подряд, — увеличенным интервалом и строкой точек. Заглавие дано редакцией.

Как указывалось выше, к мемуарному жанру Д.Бурлюк обращался неоднократно, начиная с середины 1920-х, и в течение ряда лет систематически отсылал материалы к своей биографии на родину (следует надеяться, что они, наряду с эпистолярным наследием Д.Бурлюка, сохранены в личных и государственных архивах СССР и ждут своего опубликования). Однако изданные им при жизни автобиографические заметки как на русском, так и на английском языках, как правило, носили фрагментарный характер. Публикуемые отрывки расположены нами, в основном, в хронологической последовательности и дают в сумме едва ли не самую обстоятельную автобиографию Давида Бурлюка вплоть до 1930.

## ПРЕДКИ МОИ

О предках своих мог бы написать целую книжищу. И напишу когда-нибудь, времени больше будет. Пока пишу по-русски. А потом, может быть, и на родной украинский язык перейду. Ибо родился на Украине, ныне под бурей великой Революции ставшей свободной и незримо прекрасной.

Украина, братски связанная с Великим Союзом Советских Республик Ленина, была и остается моей Родиной.

Там лежат кости моих предков.

Вольных казаков, рубившихся во славу силы и свободы.

Я посчитал своим долгом здесь в нескольких чертах вспомнить некоторых из предков моих, ибо чую всегда связь с ними; хотя кажется на первый взгляд, они и я так различны, но прочтя о них до конца, читатель увидит роль наследственности.

Жизнь моя, пролетевшая мимо взмахами 47 лет крыльев поспешных, распадается формально надвое, как художника и писателя.

До января 1904 года и позже.

В январе 1904 года в Херсоне была устроена выставка, на коей экспонировали я и сестра Людмила<sup>1</sup>, тогда ученица Академии художеств (СПБ), и тогда же мной был напечатан ряд писем об искусстве в либеральной газете Юга, издававшейся В.И. Гошкевичем<sup>2</sup>.

Таким образом, в текущем году исполнилось «официально» 25 лет моей художественно-литературной деятельности.

Чтобы разобраться в самом себе, «гнотхи сеавтон», как говорили греки, познай самого себя, — надо узнать о своих предках, ибо оттуда пришли те черты характера, с которыми приходится потом всю жизнь пытаться строить. Иногда возложенная на себя миссия так мало вяжется с наследственным... и тогда приходится пересоздавать себя.

Родился 9 июля (ст. ст.) 1882 года на хуторе Семиротовшине (легенда о Петре I-м во время войны с Карлом), вблизи Рябушек Лебединского уезда Харьковской губернии. Домик стоял на высоком холме над ставком. У постели роженицы была баба-повитуха, а роды были (первые) трудными. Мать рассказывала: очнулась после муки, тянувшейся целые степные сутки... Мальчик родился... Тишина, запах цветов и листьев рощ дубовых... Песни возвращающихся с полей... Закат победоносно-торжествующий пылью золотой, оранжевыми и лимонными красными отблесками. Жить, жить...

Дед Федор Васильевич был крутого нрава. Он сердился на моего отца Давида Федоровича, что тот женился на городской...

— Ишь, учёную привез... скубенты... нигилисты... — сердито ворчал тяжелый, грузный старик.

Ворчал, а сам своих трех сыновей (Давид, Егор, Евстратий) и дочерей (Вера, Татьяна, Анюта, Марьяна) всех сквозь университеты провел.

Видел старик: ученые начинают в жизни верх брать, думал так весь уезд захватить в свои руки... Но ошибся. Бурлюки обучились, а учение вырывает из грядок...

Только лишь неученые всю жизнь репой в одной гряде сидят.

Мать говорила, что мое появление на свет помирило Федора Васильевича с отцом.

Отец и мать, живя на хуторе, решили вести трудовой образ жизни.

Сами работали. Носили зерно в млын на гору. Отец брал пятипудовый мешок, а матери насыпал 20 фунтов. Скоро это надо было оставить. Хрупкая матушка (урожденная Людмила Иосифовна Михневич из Ромен, а ранее Нежино) захворала, надорвав спину.

Гнездо Бурлюков было в Рябушках.

Прадед Василий заложил его еще во времена наполеоновского нашествия.

Занимался пчелами, потомок вольных запорожцев, никогда не знавших крепостного права. Василий-прадед дожил до 86 лет; последние годы спасался, за неимением пещеры жил в коморе — лето и зиму, занимаясь духовным самоуглублением.

На приходившую старуху жену кричал: «Отыди, счадие адово!» Та плакала.

У Василия было много детей. Я помню имена: Федора, Мелетия, Анания и, кажется, Ивана.

Бурлюки отличались высоким ростом, ловкостью и силой. Трое из этого поколения Бурлюков погибли трагически.

Мелетий имел, подобно Ананию и Федору Васильевичу, большие хозяйства, крепкие дома, амбары и другие уголья и удобства; спал по-степному. Смыкались ворота и калитки на запоры дубовые, железные. На степи украинской, пустынной тогда еще и старомодной, сереберяно змеился поземок. Спущены собаки, злокосматые, чужих не видевшие...

Дом Мелетия Васильевича подобен форту, сооруженному из толстых дубовых бревен. Окна ставнями закрыты на болты, а те задвинуты глубоко в рамы дубовые, кленовые...

Спит Мелетий Васильевич, чутко дремлет его жена... В одну из таких ночей случился пожар.

Успели выскочить, но Мелетий, выскочив в оснеженный сад, вспомнил о документах, бумагах и деньгах, оставшихся в крепком ящике массивного стола в кабинете...

Твердо сквозь дым и искры вернулся в косыми, злыми, бегающими огнями из соседних комнат озаренный кошмарно кабинет. Ключ не подошел. Пришлось ломать стол. У Мелетия Васильевича сила была бурлючья, руки, как крюки, но украинский столяр сладил все не по-теперешнему — тяп да ляп.

Вот наконец ящик вынут, и в руках Мелетия Васильевича... Но оступление из кабинета уже отрезал целый страшный суд языков огненных. Стал биться Мелетий Васильевич в окна, разбивал их, кричал... но ставень дубовых сломать не мог...

Решил через огонь идти...

Шел, проваливался сквозь сгоревший местами пол, вылезал и снова на костях своих крепких шел, дул на загорающиеся бумаги...

В кухню выполз, а здесь пол был глинобитный... Выхватила спасающегося хозяина подоспевшая помощь.

Все сгорело на старике, один пояс, ремешок остался, а когда посадили умирающего в бане в ванну с водой, страшно оползло обгоревшее мясо, и кости на умирающем обнажились.

Так умер Мелетий Васильевич.

Я эти случаи из семейной хроники Бурлюков привожу не впустую, и читатели увидят смысл этой и нижеследующей истории.

Иван Васильевич был ростом высок, холост и жил с братом своим Ананием, имея одно общее хозяйство.

Мне пришлось в юности бывать в этой усадьбе, когда уже все стало в упадок приходиться, но и то можно было еще вообразить обеспеченность и зажиточность, с какой жили вольные казаки Украины в прежние времена, имея в балках усадьбы, любовно обстроженные пасеки, полные роями несущих мед душистый пчел, а на прозрачных ручьях и речонках — мельницы, что под сенью верб серо-зеленых с истым шумом вращали своими черными, как раки, колесами, чтобы далеко в степь разнести сладкий теплый запах муки, смолотой уже из нового, оправдавшего надежды урожая. Крепостное право, гнусно глумившееся над человеком при царях в других странах, на Украине менее корни пустило и не так бросалось в глаза, не так обездолило народ. Много жило на Украине потомков недавних запорожцев вольных, чьи роды избегли отвратной участи крепостной зависимости.

Иван Васильевич любил в ясные зимние дни по свежему снегу на легких санках-козырках на бодрой лошади в соседнее местечко к знакомым барышням прокатиться.

Случилось только, что однажды, когда он с утра уехал таким манером, перед вечером на двор обратно примчался конь, в мыле, весь трясущийся, с глазами, кроваво заведенными.

Чуя недоброе, снарядили верховых навстречу Ивану. А позже и все происшедшее было восстановлено и передавалось так:

Иван Васильевич сделал на своих козырках уже более полдороги, как вдруг он увидел на конце поля, которое переезжал, две черные точки... Будто два теленка... Конь заострил уши и стал нервничать... А волки, это были они, кругами шли по полю, все туже заворачивая узел своего бега...

Еще через несколько мгновений — лошадь вывернула Ивана из козырков и в ужасе исчезла в розовой морозности заката, как шарахнувшаяся птица, а Иван подтянул пояс на своей поддевке потуже и стал хладнокровно шагать до дому... Дорога была здесь прямая, от леса до леса, и поле версты на три не имело ни кустика, ни ложбинки...

Звери продолжали кружить вокруг намеченной добычи своей. Круги их прыгающего бега становились все уже...

Наконец, наступил момент, когда звери бросились с двух сторон к Ивану под ноги с намерением повалить обреченного человека.

Быстрым движением, однако, хладнокровно Иван изловчился и схватил дюжих зверей каждого одновременно за кожу на крепких шеях их, будто то были не волки, охотничьи борзые собаки, и поймал он их за ошейники сверху и держит.

Иван продолжал идти... Теперь волки, напуганные, в свою очередь, случившимся, роняли пену из страшных раскрытых пастей своих, угловатыми лапами упираясь глубоко до земли, с каждым шагом Ивана продирали серебряный покров укатанного ездой снега...

Держал Иван Бурлюк волков как на железных палках, отведя их в стороны от себя, чтобы не укусили звери за ноги его... И шел, все шел к закату, медленно угасавшему за дубовой рощей...

За человеком и двумя усмирненными волками оставались черные полосы, из-под снега зиявшей черной земли. Звери упирались, идти не хотели, но вел их Иван. Он шел домой...

Когда верховые увидели Ивана Васильевича с пригорка, они успокоились:

— Иван Васильевич у Симерницких двух борзых купил...

Но подоспев ближе, по бледному лицу Ивана Васильевича, по волосам, растрепанным и сбившимся, по шапке потерянной понятия недоброе. Волков убили.

Рук человека, потерявшего дар речи и память, разжать не могли.

Через несколько дней похоронили Ивана, умершего от горячки с кусками волчьей кожи, зажатыми навеки в руках его, железно-могучих.

Чтобы предки мои были очерчены так, как известно, мне еще надо сказать о смерти Федора Васильевича; в те годы только что отстроили железную дорогу Харьков — Сумы, со станции Боромля.

Паровоз бросал искры сгорающих в его утробе соседних лесов, кругом были сугробы снега... Семафор стоял на туманном метельном небе, как часовой...

Сторож ударил три раза, и пассажирский медленно тронул, набавляя ход, к семафору.

Федор Васильевич замешкался у стойки. Не хватало еще одной рюмки, и толстый буфетчик Лукич налил ее с верхом... Селедочкой закусил...

В дверях пытались Федора Васильевича задержать... Не тут-то было! Выскочил [неразб.] в руках два пуда серебра в чемодане... Но упрямый лесовщик решил поезд догнать... До семафора бежал... И здесь только упал, обливаясь потом, с пеной у рта, с налившимися кровью глазами, в сугроб, разбросав руки, сраженный ударом...

Наследников вызвали телеграммой на Боромлю из Рябушек...

Вот три Бурлюка.

Что связывало их в один общий тип? Упрямство, характер, стремление овладеть раз намеченным.

Во всю свою жизнь в себе я чуял эти же черты... Но было упрямство мое направлено к преодолению старого, изжитого вкуса и к проповеди, к введению в жизнь нового искусства, дикой красоты. Подобно Ивану, вел я волков нового вкуса в жизнь, и подобно деду Федору, никогда не упустил поезда, а догонял его... Старался догнать...

## КАК ОТНОСИЛСЯ Я К ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОЙ ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФУТУРИЗМА

Наследственность и внушение... Брат матушки моей (родился в 1841 году) Людмилы Иосифовны Михневич — Владимир Осипович Михневич<sup>3</sup>, известный фельетонист, газетчик 80-х — 90-х годов, издавал, вместе с Нотовичем<sup>4</sup>, «Новости»; пожертвовал 100 тысяч на основание «Литературного Фонда» в 900-х годах с надписью «Литературой заработал, литературе отдаю»<sup>5</sup>.

Эти фондовцы сожгли потом дом Пушкина в селе Михайловском, что весьма прискорбно<sup>6</sup>.

Дядя-писатель учился в Академии художеств, но по близорукости художества бросил (я унаследовал от него страсть к перу и сам близорук). Тетка, его старшая сестра, в 70-х годах училась в Академии художеств. Со стороны матери все родичи были причастны к образованию. От матушки в детстве вечно



слышал имена русских революционеров, так как она училась до замужества год-два на курсах в Киеве, вращалась в революционных кружках народовольцев, слышала и видела нечаевцев и т.д. ... Людей, шедших против рутины, против устоев. Для меня это было важным впечатлением детства. Было сказкой первых восторженных прекрасных минут жизни, когда сознание четко, как хрустали горных льдов при блеске магния, при синизне молний...

Со стороны отцовской — украинские казаки, потомки запорожцев. Наша уличная кличка — «Писарчуки». Мы были писарями «Запорожского Вийска».

В нашем роду по отцовской линии только поколение моего отца пошло регулярно учиться в средней и высшей школах, оторвалось от земли. Ушло на белое поле, где черное сеется семья свиное... Отец странствовал по России. Попадал в странствиях своих в города, где встречался с литераторами и художниками. Благоговел перед ними. Но сам прожил годы свои в деревне, батраком у помещичьих полей... пером он сам писал всю жизнь. «Посредником» издана его «Библиотека маленького хозяина»<sup>7</sup>, а в «Журнале для всех» (кажется) в 1902 году напечатано было его стихотворение одно, из массы оставшихся и погибших в рукописях. Писал он по-русски и по-украински, на последнем, родном, языке — мало. При таких условиях не удивительно, что я научился сам в пять лет читать и поглощал книжку за книжкой из большой библиотеки отца. Там имелись «Отечественные записки», «Русская мысль», «Русское богатство», «Журнал для всех» и сочинения Добролюбова, Некрасова, Шелгунова и т.д....

Вышеупомянутые журналы отец выписывал неотступно год за годом, и они одни уже, с первого года из возникновения, получаясь в деревенском доме (Корочка, Белая, Обоянского уезда Курской губернии) были материалом для юного читателя. За чтением последовало писание.

Готовили меня в классическую гимназию. Целая коллекция домашних педагогов, на дому живших. Первыми сочинениями моими еще в 1890-2-3 годах были подражания Аксакову, а затем Николаю Васильевичу Гоголю. Изо всех писателей я Гоголя знал лучше всех, заучив из него массу отрывков наизусть. Осенними и зимними вечерами всегда в доме читали вслух старшие, а мы, дети, слушали, а позже и сами читали. Гоголь захватывал своим юмором. Лермонтов, Пушкин, в изданиях Девриена и Вольфа — 90-е годы (были тогда малыми по объему, особенно первый), были изучены таким образом наизусть. Еще и теперь почти

с каждой страницы я смогу прочесть те или другие строки по памяти. Тарас Григорьевич Шевченко по-украински читался нам обычно отцом. Чтение «Петруся» всегда оканчивалось слезами. Но издания того времени были полны многоточиями... Свирепый след разгула отвратной цензуры царской. Хотелось знать, а что там было... Но воображение бессильно было подсказать.

*С 1892 года* началось изучение латинского языка.

*С 1894* — французского и немецкого.

*А с 1895* — греческого.

Изучению латыни я придаю для себя большое значение. Она приучила меня любить четкость и звуковую инструментовку (мой термин 1910 года) слова. Живописность звуковой речи. Начиная с того времени, мои письма к матери пестрели латинскими словами и выражениями. В Сумской (1894 г.) гимназии, Тамбовской (1895-6-7) и Тверской (1898) я выделялся прекрасными сочинениями по-русскому, получая ремарки учителей: «Вы настоящий поэт».

*С 1890 года* начал вести дневник. Но прозу ленился писать (процесс писания), увлекся рисованием и лишь с 1901 года начал регулярно писать стихи.

Печататься начал впервые в 1904 году в газете «Юг» в Херсоне, рядом статей по вопросам искусства<sup>8</sup>. «Что такое искусство» Льва Николаевича Толстого подняло во мне массу творящих течений мысли. Уже в те годы я относился враждебно к обеспеченной буржуазии, увлекаясь простотой Толстого Л.Н. и американца Торо. Сократические диалоги Платона были с восторгом изучаемы и проводимы в жизнь в спорах... до слез (1902-5 гг.). Относился враждебно, с ненавистью и к писателю-чиновнику, писателю-профессионалу, увенчанному казенной славой, а читил до вывиха сердца «безумную прихоть певца»...

В те годы я стоял за формулу «искусство для искусства», а не искусство для сытых и праздных, мастерство для наживы, коммерции и эксплуатации.

И теперь опять, после 25-летних размышлений, я стою накануне опубликования «Извещения об энтелехическом стихосложении и законе реституции в области феноменов эстетических»<sup>9</sup>.

Теперь та же формула «искусство для искусства» будет дана на сей раз в ярком освещении, как законный процесс психофизической жизни, а не тщета и капризная схема бездельников. Такое освещение формула получила, ибо под нее не было подведено основания «энтелехизма» и защищалась она политически

реакционными элементами (Тютчев, Фет, а позже группой «Весов»). Но теперь, после очистительных гроз революции, после того, как в советской литературе опять («На литературном посту», «Воспитание масс на отечественной литературе») замечается поворот к идеализму (после реализма первых десяти лет) — формула «искусство как форма» должна быть выдвинута с энтелехическим фундаментом, железобетонно подведенным наконец под нее... Эстетика как наука из ряда наук естествознания. Эстетические факты, как результат процессов биологии. Закон реституции, как характернейшая база объяснения возникновения пунктов «Седалищ сил» (как например, применим к стихосложению: седалище звуковой инструментовки в строке — рифма).

Мной написан и находится у меня в рукописи роман «Лестница Иакова», где художественно изображена та обстановка, в которой возникал и рос футуризм, начавший эстетическую революцию в стране россов, ныне гордой СССР! В романе много автобиографичности, и выведены первачи футуризма. В живописи, между прочим, Филонов, о котором мало знают, он молчаливником был<sup>10</sup>.

В 1896-1898 годах я знакомлюсь с «Чехонте» и к 1902 году многие рассказы его знал наизусть. Затем увлечение Горьким и Бальмонтом. В 1903 году встречался, или, вернее, жил в одном доме с Алексеем Михайловичем Ремизовым<sup>11</sup>, он снимал в Херсоне в доме моей матушки комнаты. Стал подписчиком «Мира искусства», а затем и «Весов». Но защищая отныне формулу «чистого искусства», я оставался, в силу ранее начертанных подоснов психики своей, потомком русских нигилистов-революционеров, нося в душе преклонение перед великими тенями прошлого, кои вели магически жизнь полукрепостной Родины к Красному Октябрю. «Оттого с первых дней Октября русский футуризм оказался на стороне революционной власти», — так Вяч. Полонский весьма справедливо определяет позицию направления, его политическую ориентацию в седьмой книге «Печ[ать] и Револ[юция]» на стр. 21<sup>12</sup>.

Характеризуя довольно правильно, не без изучения первоисточников, Вяч. Полонский однако нигде не указывает, что литературно-художественная революция, коей являлись кубофутуризм и футуризм, разразилась в России за 10 лет до Красного Октября. Футуристы восстали против преклонения перед общепринятым и желанием всех и вся идти только по путям этих канонов. Футуристы являются с этой точки зрения настоящими революционерами в своей области, столь важной и первейшей

для культуры безгранного СССР. Теперь пришло время назвать вещи своими именами и уяснить себе смысл пережитого в искусствах русских. Помнить, что Красный Октябрь политики русское искусство, как всегда и везде, предчувствием перешло ранее, идя авангардом неким революционного пролетариата.

Вячеслав Полонский определяет футуризм как направление, шедшее в ногу с революционной властью в первые ее годы. Создав сам положения (очень почтенные), Вяч. Полонский вдруг затем там же пишет: «Футуристы оказались мало подготовленными для того, чтобы стоять во главе литературного движения в эпоху вел[икой] революции». Вот уж отношение к литературе, как к какому-нибудь департаменту! (Если ругаться.) Кто вообще, кроме отдельных великих, оказался подготовленным?

Попав в Петербург и Москву, я встречался с символистами.

В 1907-8-9 годах посещал Общество свободной эстетики, где имел удовольствие многократно видеть величайшего из поэтов-символистов В.Я. Брюсова<sup>13</sup>. Попыток печататься в журналах никогда не делал: ибо прозы в юности не писал, было некогда. А «профессиональных стихов», как в журналах, для читателя у меня не было, да и сейчас нет. Называю это «коммерческой литературой». Относился и отношусь к подобной «ходкой» литературе свысока: с презрением.

#### 40 ЛЕТ ЛЮБВИ К ЖИВОПИСИ (ХУДОЖНИК Д.БУРЛЮК В РОЛИ ИСТОРИКА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО КРИТИКА СВОЕЙ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА. 1890 — 1930.)

До 1890 года я не помню, чтобы меня интересовало рисование. Но 1890 год может считаться началом моего детского искусства.

В этом году я стал пунктуально вести дневник и, вперемежку с записями, делал рисунки, главным образом, или, вернее сказать, исключительно пейзажного характера. Я рисовал дома, деревья, замки и особенно любил рисовать кусты трав.

Через два года, продолжая увлекаться рисованием, я стал засаживать за стол свою сестру Людмилу и брата Владимира<sup>14</sup>. Ей было тогда 8 лет, а брату 6, и делал в их тетрадки рисунки, о которых я только что сейчас рассказывал, заставляя «своих учеников» копировать эти рисунки.

Мое вступление в 1894 году во второй класс классической гимназии в городе Сумы Харьковской губернии сразу дало мне прозвище «художника» среди бутузов и шалунов класса.

Не упоминаю, что порядком страдал от них также и за свое «еврейское» имя Давид.

Но так как я жил в казенном пансионе при этой гимназии и в свободное время и в пансионе продолжал рисовать пейзажи, отличавшиеся большой тщательностью тушевки, то «слава» моя скоро распространилась и среди старших классов. Воспитанники различных классов занимались за общими столами в двух огромных залах пансиона.

Моя матушка не замедлила получить от учителя рисования Александра Карловича Венига (сына знаменитого профессора)<sup>15</sup> положительное письмо, в котором вновь приехавший в Сумы на место умершего учителя рисования — древнего старика — новый преподаватель усиленно рекомендовал Людмиле Иосифовне обратить внимание на «искру Божию, имеющуюся в Вашем сыне, ученике второго, вверенного мне класса».

Моя матушка всю жизнь гордилась этим письмом и тщательно берегла его, предвидя в нем предвестие несомненной ожидающей ее сына славы на художественном поприще. А.К. Вениг выписал на семь рублей красок из столицы, и, когда краски получились, посылочка была раскрыта, моего носа коснулась струя неизъяснимо-восхитительного запаха масляных красок...

От восторга у меня потекли слюнки...

В течение десятков лет я помню этот запах и этот момент. Уроки рисования, впрочем, дальше двух копий маслом с акварели Александра Венига, не пошли. Одна акварель изображала деревню весной, а другая — такую же среди сугробов снега.

В 1895-6 и 7 годах я учился в Тамбовской гимназии. Здесь я много копировал пейзажей из всевозможных журналов, а также стал рисовать под руководством художника Ризниченко<sup>16</sup>.

В 1898 году я, передвигаясь за отцом, менявшим место службы, переведен в Тверскую гимназию. В это время мною сделаны попытки рисования с натуры: предыдущие два года мое рисование затруднялось осложнением с глазами, но теперь все это позади, и вот летом 1898 года я жил у своих родителей в Новгородской губернии, в пяти верстах от имения Суворова «Кончанское».

У нас проживала в то лето художница Александра Ивановна Рощина-Колесова<sup>17</sup>. Она учила живописи сестру Людмилу и мою матушку Людмилу Иосифовну<sup>18</sup>.

Я продолжал рисовать карандашом и тушью.

Я забыл сказать, что в августе месяце 1897 года, когда мы жили в Харьковской губернии, Лебединского уезда, в родовом гнезде Бурлюков «Рябушки», я сделал первый рисунок с натуры — портрет моей сестры Людмилы. Это был набросок с натуры, и он отличался сходством. Что привело меня в восторг. Лед тронулся.

В 1898 году за лето я сделал сотню-другую уже и набросков фигур и лиц, а также большое количество пейзажей. Работал карандашом, а также китайской тушью, кистью.

Меня интересовали: лунные ночи, рассветы, которые мы никогда не пропускали наблюдать со старшим братом моей жены Марии Никифоровны!<sup>19</sup> Павлом Еленевским, проживавшим тогда у нас.

В 1899 году, благодаря любезности Никифора Ивановича Еленевского, мой тогда безработный отец устраивает свою семью на лето в романтическом заброшенном старинном имении «Линевка» на реке Свияге, в Симбирской губернии. Этот уголок как бы создан для художника. Старый деревянный флигель, густо окруженный кустами сирени. Березы охватывают своими белыми руками крышу громадного барского дома, белые колонны которого элегически отражены в прекрасном озере, заросшем желтыми кувшинками и белыми лилиями.

Около усадьбы — парк, переходящий в засыхающую осиную рощу.

Здесь памятником кирпичная труба и тлеющие корпуса десятилетия тому назад брошенной сукновальной фабрики.

За усадьбой увалами всходят террасы полей, чтоб потом через 11 верст оборваться лесными изумрудами к Волге.

За лугом в другую сторону раскинулось, без единого деревца, большое село Шумовка; там на кладбище — древнейшая, откуда-то перевезенная сотни лет назад церковь. С этой церкви я впервые сделал серьезный этюд, мокрой тушью, отсидев свой зад в работе несколько дней подряд. Рисунки тушью, которые я без конца делал с утра до вечера все это лето, увлекали меня, наполняя все досуги. Я был по преимуществу пейзажистом, не чуждаясь, однако, делать наброски какого-нибудь шалуна, облокотившегося в своем рваном картузе о плетень, или девочки-гусятницы.

Осенью этого года, достав программу Казанской художественной школы у сына профессора Модеста Богданова<sup>20</sup>, я отправился в Казань и в канцелярии школы показал свои рисунки мокрой тушью Григорию Антоновичу Медведеву, Мюфке<sup>21</sup> и пей-

зажисту (фамилии не помню). Они посоветовали мне не оканчивать гимназии и немедленно поступить ввиду моего «выдающегося дарования» в Казанскую школу. В этом году я прошел в Казани класс частей масок, вплоть до головного класса, а также писал натюрморты.

.....  
*Лето 1900 года*

я делал запоем наброски с рабочих и девушек во время их полевых работ. Это относится к работе карандашом.

Уезжал в степь, к молотилке, вставал на заре и, когда все вокруг брались за работу, я брался за свой карандаш и рисовал до наступления темноты.

Так же, как и в 1899 году, в это лето я был обуреваем влечением к «стенной живописи».

В Линевском флигеле, где мы жили в 1899 г., было много пустых комнат, и я углем на стенах, беленных мелом, рисовал всевозможные фантастические пейзажи, а также двух ангелов из стихотворения Лермонтова:

Дух отрицанья, дух сомненья  
На духа чистого взирал...

А также «Шильонского узника».

Тема темницы и человека, прикованного к колонне, всегда меня интересовала, и только вероятно обстоятельства, что мне выпало жить в чересчур беспокойные годы, помешали мне выполнить эту картину в громадном виде.

В 1900 году стенная живопись состояла в том, что на всех белых стенах на этот раз уже снаружи усадебных построек Золотой Балки появились бесконечные рисунки углем всевозможных физиономий и рож типа «гротеск». /.../

*1900-1901 годы*

в Одесском художественном училище я был переведен по рисованию в фигурный класс, а по живописи в головной.

Встреча здесь с художником-учеником Исааком Бродским, с Тимофеем Колца, с Анисфельдом, с Мартыщенко и Овсяным (умер вскоре в туманах Питера) соединила меня дружескими узами с Одессой<sup>22</sup>.

Мой колорит ознакомился с лиловатыми гаммами русского импрессионизма Костанди<sup>23</sup>, и когда я в 1901-2 году опять по-

явился в Казани, затосковав по своим казанским друзьям, то в бесконечном количестве привезенных опять на берега Волги мной этюдов юга было гораздо больше мягкости и понимания тональности. Мои работы в портретном классе по живописи заслужили сразу ряд высших похвал Медведева, и художественный совет школы восхищался моими пейзажами и композиционными работами. Мюфке купил для себя небольшую «Лунную ночь на Украине», а на ученической выставке мой холст «Мельницы над Днепром» (Золотая Балка) был приобретен за несколько десятков рублей для музея при школе. Эта картина, кажется, сгорела во время пожара, случившегося через несколько лет в школе.

К концу учебного года мы учились в старом здании школы, я перешел, нарисовав вместе с Георгием Лукомским<sup>24</sup> «Венеру Милосскую», в натуральный класс, — как по рисунку, так и по живописи.

Из учившихся со мной я помню по фамилиям Петра Максимовича Дульского, Ивановскую, Гермогена Цитовича — внука Аксакова, очень одаренного человека, которому войны и необычная щепетильность помешали стать хорошим сезаннистом. Еще помню также Уводскую, Давыдова и Добрынина<sup>25</sup>.

#### *В 1902 году*

летом в Золотую Балку я поехал, вооружась уже холстами большого размера и мастихином. Здесь без конца рисовал этюды сельских поселян. Этого года мои работы уже были художественно интересны, жаль, что все они пропали.

Весной у меня гостили Исаак Бродский, Мартыщенко, Орланд, Овсяный<sup>26</sup>. Моя сестра Людмила, запершись в отдельной комнате, раздевала крестьянских девушек и писала с них этюды в натуральную величину.

Загорелые бронзы тел, крепкие осторожные ноги деревенских Венер. Мы завидовали ей.

.....

#### *Лето 1902 года*

было для меня «историческим». Я начал писать красками запоем. Мой отец Давид Федорович нашел хорошую службу в имении Золотая балка Святополк-Мирского. Князь-крепостник и бонвиван не жил в имении, и мы пользовались большой свободой. Отец дал мне 100 рублей, я поехал в Одессу и вернулся в Золотую балку на берег Днепра, с целой корзинкой прекрасных красок.

Теперь ночной сторож будил меня, когда начинали тускнеть очи украинских звезд, когда над Запорожским Днепром



начинала индеветь пелена тумана, в холодеющем перед рассветом лиловатом воздухе, и я, схватив с вечера приготовленный ящик с красками, бежал писать на берег Днепра весенний рассвет, мазанки запорожцев, голубые дали и вербы, осокори и степные курганы.

Когда я привез в Одессу 350 таких этюдов, то Александр Попов-Иорини, Ладыженский<sup>27</sup> и К.К. Костанди не только не похвалили меня, но даже сделали выговор, что это «не искусство, а какое-то фабричное производство».

.....

Осенью я уехал за границу<sup>28</sup> и поступил в Мюнхенскую Академию художеств в мастерскую профессора Вилли Дица<sup>29</sup>. Но так как я был в Баварии один (познакомился с Пискуновым<sup>30</sup>), то через два месяца, затосковав, вернулся в Золотую Балку, где бесконечно работал всю зиму и весну.

Летом 1903 года приехал туда окончивший уже Казанскую школу Гермоген Цитович, и мы — я, мой брат Владимир и Цитович — уехали учиться живописи в Мюнхен.

Цитович влюбился в Пинакотеке в портрет какой-то дамы: стонал по ней день и ночь и, когда потом, после месяцев работы в Школе Ашбе<sup>31</sup> (Ашбе восхищался мной, показывая мою работу всем учащимся, называл «прекрасной дикой степной лошастью») мы уехали, к весне, учиться в Париж, то Цитович все еще оставался в Мюнхене, ежедневно ходя на свидания со своей возлюбленной, воплощенной на плоскости холста; с красавицы возлюбленной своей он решил сделать копию, чтобы хоть в таком виде увезти необычайную даму сердца в свои киргизские, башкирские ковыльные степи.

В 1904 году вспыхнула русско-японская война.

Цитовича, воевавшего еще ранее с «большим кулаком» в Китае, вновь забрали на Маньчжурский фронт, и это ускорило также и наш отъезд из Парижа, где мы прожили только до июля 1904 года. Я должен здесь указать, что если Третьяковскую галерею я впервые увидел в 1897 году, то эти годы до 1904 проходили в моем творчестве под знаком Шишкина, Куинджи и Репина, слегка Серова.

*1904 год*

в Париже для меня Курбэ и Морис Дэни.

Влияние Курбэ было на меня громадно. Я восхищался холодностью Давида, но недостаток зрения моего всегда увлекает меня в сторону более живописного самовыражения.

В 1904 году летом мы живем в Херсоне и один месяц в Алешках.

Мой отец опять без работы.

Но уже к *весне 1905 года* он находит место в имении «Нагорная» Полтавской губернии, около Константинограда. Владельцы — крепостники и отъявленные черносотенцы Бискупские.

Работаем здесь: я, Владимир, Людмила и наша матушка, в четыре кисти... Без конца...

Неустанно пишу портреты со своей матушки.

По целым дням пишу пейзажи.

Это *лето 1905 года* должно быть отмечено созданием ряда уже доведенных до известного выявления законченности пейзажей Украины.

После выставки в Одессе «2-й Салон» Издебского 1911 года большинство работ этих было продано.

Это время в моей живописи отмечено отчаянным реализмом: каждая веточка, сучочек, травка, — все выписано.

В смысле колорита стараюсь подгонять цвет так, чтобы на расстоянии он вполне совпадал с натурой.

До этого лета у нас практиковалось писать этюды на одном и том же холсте, один поверх другого, для «практики»: только что оконченный этюд снимался ножом, или же вытираем был холст о песок дорожки.

С этого года я начал записывать аккуратно каждую минуту, проведенную за работой: каждые пять минут отдыха «пузыровки» портретной сельской модели сурово вычеркивались.

Одиннадцать, двенадцать и тринадцать часов работы были средним уровнем.

*Осенью 1905 года*, когда я рисовал без конца портреты с приехавшего к нам от Тульского земства друга Льва Николаевича Толстого Михаила Васильевича Булыгина<sup>32</sup>, вспыхнула Великая Всероссийская Забастовка.

Помещик-крепостник Бискупский, адъютант бывшего князя Михаила, ненавидевший моего отца за либерализм, «в 24 часа» выставил батьку из имения: он хотел арестовать всех нас за пропаганду, но потом побоялся «саморекламы» и оставил свой план. И мы поехали по первому снегу, на санях, через села и станции, охваченные первым трепетом пламени отдаленной революции, в город Харьков.

Это путешествие сестрой Людмилой все было изображено в прекрасных реалистических акварелях.

По прибытии в Харьков, по улицам, где еще кое-где не просохла кровь от жертв расстрелов подавленного восстания,

я бегал, ездил на извозчике, уговаривая всех харьковских художников, и в залах Дворянского собрания организована была под фирмой прогрессивного тогда Медицинского общества (врач Недригайлов, Фабр и какая-то слепая дама) большая выставка в пользу голодающих. Выставка открылась в начале 1906 года.

Жили мы на Пушкинской улице в чистенькой квартирке, однако в полуподвальном этаже; каждый вечер я рисовал керосиновые лампы, заслоненные зелеными или синими бумажными абажурами, бросавшими свет на членов нашей семьи, а также на немногочисленных знакомых, посещавших нас. У бедняков друзей никогда много не бывает...

Во время этого рисования матушка, обыкновенно, читала что-нибудь вслух, а младшие мои сестры Надежда и Марианна позировали под это чтение<sup>33</sup>.

Еще только два года назад маленькие девочки, с еле обозначающимися формами будущих красавиц-женщин, сняв свои платьица, насупившись, садились позировать мне, тосковавшему после мюнхенских натурщиц по обнаженному телу. Маленькие модели получали в час десять копеек.

В нашем харьковском подвале мы долго не остались: молодой тогда энергичный отец поступил в Земельный банк, ведавший в те годы покупкой в Полтавской губернии имений разорившихся помещиков и распределением земель между селами прилегающих к бывшим опустевшим помещичьим гнездам деревень.

В Харькове между тем у меня завязались художественные связи, и я соединил два враждовавших общества художников в одно. Теперь вместе выставляли мои новые знакомые: Митрофан Семенович Федоров, Евгений Андреевич Агафонов (ныне в Соединенных Штатах — купил здесь себе дом), Васильковский, Пестриков<sup>34</sup>, какой-то чех-художник, живший за городом, среди капустных огородов, и несколько старых академистов-особей и подрастающей молодежи. Из разных мест, в течение ряда лет потом я продолжал посылать работы на выставки Харьковского О-ва Художников.

### *В 1906 году*

ранней весной мы уехали в Роменский уезд, в имение, только что перешедшее в банк.

Сюда приехала из Петербурга сестра Людмила, видевшая Щукинскую коллекцию и уже на своих холстах грезившая Сезанном.

Впрочем, эти грезы сливались с твердой, талантливо перенятой выучкой болота академизма на Васильевском острове.

Гораздо радикальнее в это время проявлял себя спортсмен и юноша-силач брат Владимир.

Еще в 1906 году он стал делать прямо потрясающие вещи. Никогда не видав Гогена и Ван-Гога, он как-то сразу вошел и стал полновластным мастером в новом искусстве.

Я же весной этого года написал «Тающий снег», который был выставлен потом и продан на выставке «Венок-Стефанос» в следующем году в Москве.

Написав около 30 этюдов, уже определенно импрессионистически мастерских, делающих эпоху в истории русского пейзажа, среди них интереснейший этюд парников с видом украинской деревни на горе на горизонте (этюд также был продан с какой-то выставки), мы всей семьей упаковали наши картины, часть которых была написана на тиковой материи от старых помещичьих матрасов (этюды 1905 года — на некоторых этюдах полосы тика повылазили потом), но в 1906 году эти этюды были написаны на хорошем холсте.

Мы перебрались в Козыршину Новомосковского уезда Екатеринославской губернии, в имение бывшее генерала Свечина. /.../

*Лето 1906 года*, а затем зима и ранняя весна 1907 означают для меня работу необычайной напряженности.

Также в этом году весной нами были отправлены работы на выставки в Москву и Петербург на «Московское Товарищество»<sup>35</sup>, «Весенне-академическую» и прочие.

В небольших дозах картины были приняты также на «Союз», СПб «Мир Искусства», в «Общество Передвижников» и другие популярные тогда [экс]позиции искусства, где друг на друге сидели родичи и знакомые всемогущего академизма и куда нас, импрессионистов, пустили лишь по добродушному попустительству в самых безвредных дозах<sup>36</sup>.

Летом 1906 года у нас работали Бродский, Мартыщенко, Орланд, наезжали Агафонов и Федоров. С братом Владимиром трудился Баранов (Россине)<sup>37</sup>.

В имении «Козы» (см. рисунки и картины Бродского этого года) я написал целый ряд светло-зеленых прозрачных этюдов, в течение месяцев вставал на рассвете, чтобы писать утреннюю зелень.

Непрерывно работали наброски, эскизы, рисунки с крестьян и крестьянок; позировавших в большой зале, превращенной нами в мастерскую.

Рисунок с меня, сделанный Исааком Израилевичем Бродским в это время, он подарил Илье Ефимовичу Репину<sup>38</sup>.

Вокруг дома вечно гудела толпа крестьян, которых отец наделял землей. Отец перетруился на этой работе, и с ним случилось как-то, когда мы поехали с ним в Полтаву, что-то вроде удара, от переутомления.

Впрочем, через несколько суток он оправился, и только речь его стала немного временами невнятна.

Это было первое предупреждение; удар, сделавший его инвалидом, случился с ним в 1913 году, позже.

Я продолжал сумасшедше работать и осенью 1906 года. Весной 1908 в Художественном Харьковском музее на университетской горке была открыта большая выставка «Белое и Черное». Здесь я выставил свой многодневный труд — группу крестьян, нарисованных в «Козырщине» с натуры в схожий с жизнью размер.

В это время рисунки Врубеля были для меня настольной книгой.

Я должен указать, что будучи модернистом по природе, я склонен к духу противоречия, в то время как Владимир уже целый год писал крайние вещи, переходя даже за дерзость Ван-Гога, я очень медленно поворачивал к формуле Сезанна, все еще задерживаясь на реалистическом импрессионизме, толкованном, впрочем, весьма радикально и субъективно. Приехавший Бродский и его оруженосец Орланд, Мартыщенко начали было в нашей буйной компании писать коричневые пейзажи, но даже и их мы заставили изменить свою гамму.

Исаак неоднократно признавался мне, что работа со мной в «Козырщине» (Екатеринославской губ.) в 1906 году заставила его изменить отчасти свою палитру.

### *1907 год*

ранняя весна перебрасывает нас в «Чернянку», имение Мордвинова, граничащее с Советским нынешним госзаповедником Аскания-Нова.

Здесь мы стали экспериментировать с холстами, стали обращать внимание на так или иначе приготовленный грунт и, после первых успехов на выставках столиц, заготавливать сотни холстов для покорения русского художественного вкуса, не зная сами, что мы работаем в преддвериях революции, на порогах Красного Октября, являясь истинными зачинателями нового революционного искусства, вождями идей революции, важных всюду и везде, хотя бы они не были облачены в маски «узкополитические» по первому взгляду.

Я по-прежнему работаю в двух направлениях: с натуры — портреты, эскизы типов рабочих и работниц, приходивших ко мне «пузировать» (так они произносили слово «позировать»). И ежедневно пишу пейзажи. В 1907 году в декабре и 1908 в январе открылась выставка «Венок-Стефанос» в Москве: Банковский переулочек на Мясницкой.

В московской прессе очень хороший отзыв дал о нас некто Тимофеев.

На эту выставку в троице Бурлюков мы взяли молодого льва Аристарха Лентулова, Сапунова, Гончарову, Якулова, Ларионова, Судейкина и Крымова, Штюцваге, П.С. Уткина, Дриттенпрейса и других.

Из будущего «Бубнового Валета» участвовал Рождественский, «Красные Ворота», из «Голубой Розы» — замечательный Кнабе и др.<sup>39</sup>

Цель моей этой главы, однако, не выставки в течение живописных устремлений моих: о них сумеет сказать всякий исследователь по каталогам и газетам.

*Лето 1908 года* опять протекает в писании импрессионистических и жанровых работ.

С поворотом к Сезанну.

Лето 1909 года отмечено созданием целого ряда этюдов заброшенных усадеб (из этой серии, кажется, имеются вещи в Русском музее в Ленинграде).

*В 1909 году осенью* я принял участие на выставке Издебского «Салон» и здесь приобщился, плечо к плечу, к лучшим мастерам, привезенным моими старыми, еще из Мюнхена знакомыми, из Парижа<sup>40</sup>.

1909 год отмечен в моем творчестве громадным количеством этюдов, сделанных на скотном дворе, в загонах, свинарниках и конюшнях. Без усталости я писал волов, верблюдов, лошадей.

Холсты мои этого времени: белые плоскости, покрытые прекрасным синим или меловым казеиновым грунтом, на котором набросаны иногда только контуры.

Я не имею здесь при себе ни этих картин, ни снимков с них, ни каталогов выставок, где эти картины были выставлены. Они лежат в подвале «Дома Печати» в Москве, а им место — на глазах рабочих масс.

Уже в 1908-9 году меня надо считать неоимпрессионистом.

Организовавши в 1908 году своей «Салон» в Университете в Петербурге, Сергей Маковский<sup>41</sup> («моль в перчатках», как его называл Кульбин<sup>42</sup>), взял, однако, для этой выставки две моих неоимпрессионистических картины, «Капусту» и «Волов».

Картины брата Володи «Павлины» и т.д. он взял, но выставить устранился.

Еще гораздо более радикальным, между тем, оказалось лето 1910 года. Здесь уже были написаны неоимпрессионистические этюды Днепра. К нам приезжали и работали с нами некоторое время Михаил Федорович Ларионов, а затем Лентулов. Ларионов написал «Случку», «Стог», «Шиповник», «Окно с букетом», «Дождь» — прекрасные вещи. Лентулов — этюды баб.

Подобная работа воспроизведена в «Голубом Всаднике» Кандинского.

У нас в Одессе осенью (Преображенская, 9) был проездом Василий Васильевич Кандинский<sup>43</sup>, и мы отныне стали его соратниками в проповеди нового искусства в Германии.

1911-12-13 годы являются эпохой кубистической живописи, а также начала создания футуристических холстов<sup>44</sup>.

.....

### В 1915 году

мною были написаны картины «Ожившее средневековье» (человеческие массы на поле сражения, режущие и колющие друг друга). Справа во весь большой холст — тело прекрасной женщины, символ человеческой изничтожаемой плоти, все искромсанное, изрезанное. Она в руках держит цветок лотоса. Под землей, под полем сражения — три катакомбы: в одной из них — ребенок, сидящий на ночном горшке; в средней катакомбе — Лев Толстой, унесший туда «свечу мудрости». В третьей катакомбе — скрутившиеся змеи.

Где находится эта картина, мне неизвестно.

Размер картины 3 аршина на 2 и 3/4.

Была выставлена в Москве, в доме Михайловой, на выставке «Современных течений живописи» (1915 г.).

В том же году: «Русские жницы в поле».

Картина воспроизведена в красках в книге С.М. Вермеля «Московские мастера»<sup>45</sup>.

В том же году картина «Святослав», стиль старинной украинской живописи, и потом «Купальщицы», картина с куском золота, всаженым, вlepленным в цветистый хаос холста. Общий тон картины: розоватый перламутр.

1916 г.

Большой холст (2 метра) «Татаре».

Эту картину в 1916 видел Максим Горький на выставке «Бубнового Валета» в Москве и сказал:

— Страшную картину вы написали, Давид Давидович<sup>46</sup>...

Если в предыдущей картине «Средневековье» господствуют принципы египетской живописи — одноместного изображения многовременности, — то в «Татарах» даны две точки зрения.

«Татаре» пируют на трупах пораженных русских воинов, а поле, в целях экономии пространства, взято под углом и поставлено в другой плоскости. /.../

Картина писалась в 1916 году на реке Уфимке, в Уральских горах, на Шафеевом Перевозе; оканчивалась при станции Иглино той же Уфимской губернии, в осенние месяцы, перед тем как была она отвезена в Москву на выставку.

Картины этих лет выражают мою борьбу против одичания и зверской жестокости капиталистов, врагов рабочего класса, выразившихся тогда в кощунственной кровавой бане мировой войны.

В тот же год были написаны:

«Страшный неустойчивый бог войны».

«Люди каменного века» и многочисленные картины, изображающие беженцев.

В 1916 году в количестве 200 экземпляров в Уфе мной была отпечатана брошюра — описание и объяснение этих картин. Брошюра раздавалась на выставке. Само собой разумеется, что у меня копия ее не сохранилась<sup>47</sup>.

В 1917 году

были написаны:

«Опоздавший Ангел Мира»

«Бочка Данаид»

«Храм Иисуса» и

«Казнь русской Марии-Антуанетты» (гибель монархической идеи в России).

Картины писались весной, летом и в осень 1917 года. Жил я тогда в Башкирских степях, около станции Буздяк Волго-Бугульминской железной дороги. Окрестное башкирское население оказывало мне исключительное гостеприимство<sup>48</sup>.

Картины, которые во время наступления зоны боев были мной оставлены в Буздяке (от пушечной стрельбы мне нужно было спасать своих малых детей в 1918 г.<sup>49</sup>), башкирами были сохранены, и в настоящее время сто семь картин находятся в Уфимском художественном музее, а 35 картин, «представляющих местный интерес», виды местности Буздяка и типы жителей-башкир взяты и украшают башкирский народный дом в селе Буздяк (целы ли они — вопрос...).

/.../ Оливер Сэйлер дал описание в своих статьях и книгах этих картин: «Опоздавший Ангел Мира» назван Оливером



Сэйлером (известным американским критиком) «гениальной картиной, отображающей бедствия, страдания трудовых народных масс России, катившейся к Великому освобождению из этих ужасов бездны человеческих горя и страдания к Красному Октябрю».

*В 1918 году*

мною написаны:

«Прилавок Современности»

«Краски дня»

«Раковина»

«Павлины и женщины»

«Казак» и другие...

Картины находятся в Уфимском художественном музее, и я оттуда постепенно получаю их фотографические воспроизведения.

Со стороны других музеев, бесплатно получивших мои художественные труды, следовало бы дожидаться любезности выслать мне в Америку каталоги и снимки с моих картин<sup>50</sup>. Картины 1917 и 18 годов полны выражения глубочайшего сочувствия страданиям и скорби народных масс.

Оливер Сэйлер в своей книге «Россия» (1919 год, Бостон, США) считает эти картины единственно значительными для искусства России перед временем Красного Октября<sup>51</sup>. /.../

До моего переезда в Японию я писал в России большие холсты социального характера, где в символических образах протестовал против дикости и бессмысленности капитала милитаристов: в своих картинах я изображал трудящиеся массы. /.../

Я написал также свыше 1000 пейзажей, натюрмортов и изображений животных.

Фабричный пейзаж также не был забыт мною...

В 1909 году ездил в Екатеринослав и в Кичкас, теперешний Днепропетровск, где писал железнодорожные мосты и фабричные трубы.

Оглядываясь на свое искусство до 1920 года, я должен указать, что за 20 лет первой половины моего творчества я перепробовал все роды живописи, и в моих холстах нашла отображение многогранность жизни. Только такие слепые нетопыри-эстетики царских дней, как Игорь Грабарь, влезший в Советскую культуру, может, воспользовавшись случаем, гнусно клеймить и порочить брезгливой оценкой идиота мой обширнейший и создающий, защищающий новый вкус, многолетний труд. Я говорю о Большой Советской энциклопедии, где Игорю Гра-

барю — врагу нового искусства — была дана возможность расправиться со своим эстетическим противником.

В моем лице Грабарь палачевал все новое искусство<sup>52</sup>. /.../

Я всегда был задолго до Красного Октября пролетарским художником, изображая на своих холстах рабочих.

Я предвосхищал жизнь...

И только глупость современников, занятых поощрением буржуазного искусства, мешала оценить это мое качество уже 10 лет тому назад.

А теперь, наконец, пора это сделать.

В Японии, в 1920 году, я принялся за отображение жизни этой необыкновенной страны. За два года пребывания там мной написано около трехсот пейзажей, из них 125 осталось в музеях и частных коллекциях Японии. В Японии мной написаны были две наиболее значительные по размеру картины:

«Бурлюк предсказывает своим друзьям поглощение Иокагамы разбушевавшимися волнами» (1921 год), а также «Рыбаки Тихого океана». Эта картина приобретена Музеем современной живописи в Нью-Йорке.

Кроме того, в Японии написан целый ряд маленьких картин, изображающих полевые работы, посадку риса, пильщика дерева, а также знаменитая картина «Рубильщик красного дерева», где разрешались проблемы движения. «Рубильщик дерева» был воспроизведен в самых больших газетах Америки, и влияние манеры движения было моментально использовано американскими художниками.

Через возвращающегося в СССР в 1925 году моего друга Владимира Маяковского мной переданы на родину «Сажальщица риса» и «Японка» (картины написаны в Сизуакакен — Япония).

По прибытии в Америку с 1923 года мной написаны следующие холсты размером 3 на 4 ашина.

1923-24 гг.: «Рабочие» (картина воспроизведена Луначарским в «Красной Ниве» в 1925 году. В 1926 году эта революционная картина, являющаяся идеологически принадлежащей пролетариату СССР, была выставлена во Дворце искусств на Интернациональной выставке по случаю 150-летия Соединенных Штатов, в городе Филадельфия. Картина являлась единственно демонстрирующей из всех пяти тысяч картин идеи революционного класса и была второй по размеру среди самых больших полотен выставки. Место этой картине, бесспорно, должно быть отведено в одном из музеев центральных СССР или УССР, но Общество культурной связи в Америке ограничивается канцелярщиной, а мой пролетарский карман чересчур слаб для отправки

этого холста на родину, где ему надлежащее место. Владимир Маяковский и А.Кравченко<sup>53</sup> видели эту картину и дали о ней лучшие отзывы. Она воспроизведена во всех изданиях официального каталога американской выставки.

В 1926-27 году написана мной такого же большого размера картина (на сюжет: «Рабочий воздвигает небоскребы и вторжение механики») «Приход Механического Человека».

В 1927 году картина была выставлена на международной выставке современного искусства в Бруклинском музее, устроенной Анонимным Обществом<sup>54</sup>. По размеру картина была самой большой на выставке: она занимала отдельный зал, привлекала общее внимание.

Кроме того, написаны до 1930 года картины:

«Советский серп» (жатва в СССР), «Азиатская ночь» (не была выставлена), «Ленин и Толстой» (сеятель и пахарь — не окончена), «День и ночь» и «Последний вздох фабричных труб». Эта картина очень понравилась депутату московских художников, когда он был у меня в 1929 году, А.Кравченко. Надо еще отметить, в заключение этого перечисления, мои картины «Электрическая станция на реке Гарлеме» и значительный рисунок «Дайман Феррх» (воспроизведенный в «Радиоманифесте»<sup>55</sup>), «Рабочие у паровых лопат» и другие.

Два рисунка — «Адам и Ева» и «Возвращение рабочих» — были напечатаны в единственном революционном американском журнале «Нью-Массес».

Все эти строки о моем прошлом, об бывшем, но я футурист и люблю... и

Будущее

Меня интригует картина, сложившаяся в голове: «Лагерь нищих». Крайняя нищета на фоне загорающегося далекими огнями капиталистического города-гиганта. Бедняки среди отбросов, ржавых колес, груд рухляди, свалок. Сделал бы великое произведение, но тиски проклятой нищеты мешают (верю — пока) приняться за облюбованный достойный труд.

Другой картиной, которую давно ношу в душе, является «Закладка небоскреба». Первые зубы стальные когтей здания, втыкающиеся в землю, и рабочие, во много ярусов, трудящиеся по безмерному холсту.

Мечтаю отобразить в рисунках и холстах этого лета: жизнь бедноты Нью-Йорка, рабочих, а со временем, когда явится возможность, и углекопов Америки.

.....

Здесь, в Америке, имеется шесть моих больших картин, 150 холстов из Японии и штук 300 написанных в Америке. Кроме того, каждый день я делаю один рисунок головы с натуры, а при возможности иногда больше. Эта работа дала уже около 1000 рисунков.

У меня в квартире с 1915 года нет большого зеркала, может быть, этим объясняется полное отсутствие среди моих работ автопортретов.

У меня, кроме того, имеется один простак, который говорит, что в зеркало на себя смотреть вредно, так как «это развивает нервность, ибо ведь человек каждую минуту стареет»...

Себя я считал задолго до революции пролетарским революционным бедняцким художником.

Всеми моими силами считаю всегда нужным, неотложным служить моим братьям, рабочим и крестьянам Великой Социалистической моей Родины. В качестве одного из руководителей, вождей, кузнецов новых, гордых, смелых вкусов искусства, освобожденного Человечества Завтрашнего дня. /.../

Касаясь эволюции моей в области рисунка, я должен указать, что начал работать в методах классического выявления формы, а затем в течение долгих лет шел по пути импрессионизма, «от пятна».

Но в последние годы линия является подчас важным исходным пунктом для моей работы. В период 1908-09 года, в России мной был сделан большой цикл рисунков японской тушью, причем характерно, что мое рисование этого рода оказало влияние на многих художников, в том числе Бориса Григорьева<sup>56</sup>.

В изданиях первых футуристов дан целый ряд фотографий с этих рисунков, эти рисунки попали в Историю немецкую о русском искусстве (Уманьский, Берлин, 1920 год)<sup>57</sup>. А также затем были перепечатаны в Историю модернистического искусства, изданную в Соединенных Штатах в 1923 году Валден Ченей.

Я забыл упомянуть, что в бытность свою в Японии я нарисовал около трехсот заказных портретиков-миниатюр, исполненных японской кистью в национальном японском стиле.

Кроме того, в 1923 году мной были написаны декорации и сделаны костюмы к пьесе Ивана Народного «Небесная дева».

Эти декорации явились первыми декорациями конструктивного характера, поставленными на американской сцене (в 1924 году в доме Маккей на Лонг-Айленде).

С 1929-30 года я начал резать по дереву, увлекшись работами моего старшего сына<sup>58</sup>.

## КАК ГРУППИРОВАЛОСЬ ЯДРО (БОМБА) ФУТУРИСТОВ

Кубизм в живописи и борьба за него велась одновременно с той кампанией, что началась в 1908 году против позиций старой литературы.

Вначале мы никого не ругали, хотели писать и печататься. Но почуяли, что это немислимо. Все и вся занято «своими». Мы считали и считаем писателя свободным писать, как он хочет, а они думают, что писать должно так, как писали ранее! Вот ослы. Появление книжки Е.Гуро «Шарманка»<sup>59</sup> — первая книжка футуристов — было объявлено Вяч. Ивановым, им замечено, а Ал. Ремизов (культурный) назвал нас «песьеголовцами», еще и в печать мы не попали.

Когда мы появились в 1909 году в Обществе имени Куинджи в Железнодорожном клубе в СПб, то к концу вечера Денисов-Уральский стал бросать в нас (я, Владимир Бурлюк, Лентулов) бутылками, еле удалось отбиться, уйти...<sup>60</sup>

Против старого мной были выпущены тогда две листовки и брошюра. В 1909 году «Голос импрессиониста в защиту живописи» раздавался бесплатно публике на выставке «Венок» (март 1909 г.) — угол Невского пр. и Фонтанки. Ал. Бенуа в газете «Речь» выступил в то время в защиту нашу<sup>61</sup>. На выставку, после письма Брешки<sup>62</sup>, явились жандармы и хотели арестовать художников, а выставку закрыть.

В 1910 году также весной (апрель — конец мая) состоялась выставка картин (Бурлюки, Кульбин, Евреинов, Городецкий) и автографов русских писателей, на углу Невского и Александровского сада<sup>63</sup>; публике раздавался памфлет «Ответ Бенуа»; этот листок сохранился, он целиком напечатан в самом последнем номере «Золотого руна», причем Михаил Федорович Ларионов в пику мне (чтобы не рекламировать) приписал там листовку С.Городецкому<sup>64</sup>. Текст «Голоса импрессиониста», я думаю, не сохранился (может быть, А.Н. Бенуа имеет).

Надо сказать, что в 1907-8 году (декабрь-январь) состоялась выставка «Стефанос» в Москве. /.../

Осенью (ноябрь-декабрь) 1908 г. та же выставка открылась в Киеве (Иернджишек на Крещатике).

В 1909 году осенью открылась выставка в городе Екатеринославе — областная со специальным художественным павильоном. Я составил там крыло левого направления. Его после моего отъезда загородили стенкой от публики, чтобы не портило зала. До картин не дотронулись, повесил — пусть висят.

Там же мне пришлось читать отчет одного критика о выставке, бывшей в Екатеринославе перед этим: «В общем, выставка удачна, не было у нас новаторов вроде Врубеля и Малявина, да, пожалуй, и слава богу...» Вот как изменился вкус толпы за 20 лет! Теперь так и в медвежьем углу не напишут.

В 1908 году (май) в Питере в Пассаже открыли с Кульбиным «Салон», единственную попытку объединения всех направлений.

В 1909 году (осенью — поздно) участвовал в Одессе на выставке «Салон» Вл. Издебского. Та же выставка в 1911 году, опять в Одессе.

В 1910 году — «Бубновый валет».

1911 год — вступил в Московское училище Живописи, Ваяния и Зодчества.

1912-13 (было приписано футуристам) Балашев порезал картину И.Е. Репина; в феврале 1913 года в Политехническом музее выступил против футуризма. Макс Волошин выпустил брошюру, использовал найденный мной материал, статью профессора, у которого учился И.Е. Репин, где тот с песком мешает корифея живописи за его ошибки в анатомии. В это же время найдется в газетах требование психиатра московского Бехтерева (?) посадить футуристов в сумасшедший дом<sup>65</sup>. Мы выдвигали чисто по-большевистски, в своих бесчисленных тогда лекциях характерно-классовую точку зрения, применяя ее беспощадно в искусстве. Попрекали «Дворянством»<sup>66</sup>. А в мае или в июне в «Русском слове» 1914 года помещена грандиозная статья Мережковского «Еще один шаг Великого Хама»<sup>67</sup>. Раньше крыл Мережковский нас, а потом и большевиков стал, ибо футуристы были и есть первые большевики в искусстве. Об этом и Ал.Н. Толстой в Париже писал. Обращаю внимание на статью в одном из сборников наших того времени «Копролитический Монумент».

В Питере 1912-13 гг. устраивались выставки «Союза молодежи» (Жевержеев, Школьник)<sup>68</sup>.

Там печатались мои стихи, в издаваемом журнале и была ими же выпущена брошюра «Галдящий Бенуа»...

В 1916 г. на выставке «Бубновый валет» раздавалась брошюра моя «Объяснение моих картин».

У нас много было классовой ненависти с самого начала: бедных к богатым. Мы все были бедняками. Никто из богатых нас никогда не поддерживал, нас только ругали... только издевались над нами. Когда нас начали травить, мы озверели. Денег печатать книги у нас не было. Мы стали представителями эстрадной литературы, литературы размалеванного забора, забора революционного.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Кузнецова-Бурлюк Людмила Давидовна (1886-1968) — живописец. Вплоть до 1908 принимала участие в выставках, организованных Д.Бурлюком. Жена скульптора В.Кузнецова. В 1956 выехала из СССР и поселилась в Праге — у младшей сестры Марианны. В 1967 к 80-летию художницы в Праге состоялась выставка ее работ. Д.Бурлюк посетил сестер в 1957 и 1962.

<sup>2</sup> Гошкевич Виктор Иванович (1860-1928) — редактор-издатель «научно-литературной, политической, сельскохозяйственной и коммерческой газеты» «Юг», выходившей в Херсоне в нач. 1900-х, основатель и хранитель Херсонского музея древностей (Государственного историко-археологического музея). Под его руководством братья Бурлюки летом 1912 производили раскопки около имения Черняка.

Материалы за подписью Д.Бурлюка в 1904 в газете «Юг» не публиковались. Газета ничего не сообщает и об упоминаемой Д.Бурлюком выставке.

<sup>3</sup> Михневич Владимир Осипович (1841-1899) — петербургский журналист и писатель, с 1877 — один из главных сотрудников газеты «Новости», где публиковал воскресные фельетоны, рассказы, театральные рецензии под псевдонимом Коломенский Кандид. Автор много-томного издания *ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ (1879-1886)* и др.

<sup>4</sup> Нотович Осип Константинович (1849-1914) — известный петербургский издатель и журналист. В 1876 приобрел мелкую газету «Новости» и превратил ее в серьезный политический орган.

<sup>5</sup> Литературный фонд — более известное название Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, возникшего в 1859 в Петербурге; просуществовало до 1918.

<sup>6</sup> В имении Михайловское, поступившем в казну в 1899 от младшего сына А.С. Пушкина — Григория, была устроена Литературным фондом Колония для престарелых писателей и учителей имени А.С. Пушкина. Дом, в котором жил поэт, был за ветхостью снесен еще в сер. 1860-х. Д.Бурлюк имеет в виду, вероятно, пожар 1908 года, уничтоживший дом, заново построенный Г.А. Пушкиным.

<sup>7</sup> Брошюры Давида Федоровича Бурлюка (1857-1915) по вопросам сельского хозяйства пользовались успехом и неоднократно переиздавались в 1900-х. Так, его книга *ЧЕРНЫЙ ПАР ИЛИ КАК ПАХАТЬ ПОЛЕ ПОД ОЗИМЫЕ, ЧТОБЫ ВСЕГДА ИМЕТЬ ХОРОШИЙ УРОЖАЙ* выдержала семь изданий, последнее из которых состоялось в Казани в 1922.

<sup>8</sup> См. прим.2.

<sup>9</sup> ЭДИКТ ОБ ЭНТЕЛЕХИЧЕСКОМ СТИХОСЛОЖЕНИИ опубликован в книге Д.Бурлюка ЭНТЕЛЕХИЗМ. ТЕОРИЯ. КРИТИКА. СТИХИ. КАРТИНЫ. К 20-ЛЕТИЮ ФУТУРИЗМА — ИСКУССТВА ПРОЛЕТАРИАТА. 1909-1930. Н.-Й., изд. М.Н. Бурлюк, 1930, 24 с., илл.

<sup>10</sup> Роман ЛЕСТНИЦА ИАКОВА опубликован не был.

Филонов Павел Николаевич (1883-1941) — живописец и поэт, автор книги стихов ПРОПЕВЕНЬ О ПРОРОСЛИ МИРОВОЙ (Пг., 1915). Член-учредитель футуристического общества Союз молодежи (1910-1913). В 1914 опубликовал манифест СДЕЛАННЫЕ КАРТИНЫ, в котором провозгласил принципы «аналитического искусства». Погиб в Ленинграде в блокаду. Д.Бурлюк был знаком с П.Филоновым в 1907-1913 и посвятил ему новеллу FILONOV — «Color and Rhyme», №28, 1954 (на англ. языке).

<sup>11</sup> Ремизов Алексей Михайлович (1877-1957) — в 1902-1903 жил в Херсоне, куда приехал по отбытии срока поселения в Вологде за революционную агитацию. К этому периоду относятся его первые шаги на литературном поприще. Так, в дек. 1903 в местном театре была поставлена с участием Вс. Мейерхольда драма С.Пшибышевского СНЕГ в его переводе. Д.Бурлюк посетил А.Ремизова в Париже в 1950.

<sup>12</sup> Вяч. Полонский. ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ. — «Печать и революция», 1927, кн.7. Полонский Вячеслав Павлович (1886-1932) — советский литературный критик и публицист, редактор журналов «Печать и революция» и «Новый мир».

<sup>13</sup> С Валерием Яковлевичем Брюсовым (1873-1924) Д.Бурлюк познакомился осенью 1907 в Москве, куда приехал для организации выставки «Стефанос». В.Брюсов в это время являлся председателем московского аристократического литературно-художественного кружка Общество свободной эстетики. В своих воспоминаниях о поэте («Color and Rhyme», №57, 1964, с.32-33, на англ. яз.) Д.Бурлюк писал: «Брюсов был первым поэтом русским большого города. Он был отцом урбанистической поэзии. Моя поэзия, а затем и Маяковского, имела в начале с ней тесную связь».

<sup>14</sup> Бурлюк Владимир Давидович (1887-1917) — живописец, соратник Д.Бурлюка и участник первых выставок русского авангарда. По свидетельству художника М.В. Матюшина: «Одарен он был так же исключительно, как и работоспособен. Как художник он был гораздо сильнее своего старшего брата» (РУССКИЕ КУБО-ФУТУРИСТЫ. — В кн.: К ИСТОРИИ РУССКОГО АВАНГАРДА под ред. Н.Харджиева, Стокгольм, «Гилея», 1976, с.140). О творчестве Владимира Бурлюка положительно отзывался А.Н. Бенуа — см.: «Речь», 1909, №79, 22 марта. Погиб в Первую мировую войну.



В публикуемых воспоминаниях не упоминается второй брат Д.Бурлюка — Николай (1888-1918 или 1890-1920, эти даты, как ни странно, даются по-разному самим Д.Б.) — поэт и художник, участник «бурлюковских» сборников. К.И. Чуковский, назвав его «самым целомудренным из всех футуристов», писал в 1914: «Грустно видеть, как этот кротчайший поэт напяливает на себя футуризм, который только мешает излиться его скромной глубокой душе». (Собр. соч. в 6 тт., М., 1969, т.6, с.249).

<sup>15</sup> Вениг Александр Карлович (1865-1907) — живописец, сын профессора Академии художеств (в дальнейшем — «АХ»), акад. Карла Богдановича Венига (1830-1908).

<sup>16</sup> Ризниченко Федор Петрович (1865 - ?) — живописец, окончил АХ; до 1922 участвовал в художественных выставках в Петрограде.

<sup>17</sup> Рощина-Колесова А.И. — художница, ученица И.И. Шишкина, жила и работала в Полтаве; до 1940 участвовала в советских художественных выставках.

<sup>18</sup> Работы Л.И. Михневич (Бурлюк) (1860-1923) экспонировались в 1911 на выставке «2-й Салон» В.Издебского (см. прим.40).

<sup>19</sup> Бурлюк (Еленевская) Мария Никифоровна — супруга (с 1912) и соратник Д.Бурлюка, издатель его книг в США и журнала «Color and Rhyme», в котором в разные годы опубликовала свои воспоминания. Собрала обширную коллекцию произведений современного русского и американского искусства.

<sup>20</sup> Богданов Модест Николаевич (1841-1888) — зоолог и путешественник, профессор Казанского, затем — Петербургского университетов.

<sup>21</sup> Медведев Григорий Антонович (1868-1944) — живописец, один из основателей Казанской художественной школы.

Мюфке Карл-Герман-Людвиг Людвигович (1868-1933) — архитектор, преподаватель Казанской художественной школы, строитель ее нового здания.

<sup>22</sup> В 1900 семья Бурлюков переехала в имение кн. Святополк-Мирского «Золотая Балка» на Днепре, и Д.Бурлюк перевелся в Одесское художественное училище.

Бродский Исаак Израилевич (1883-1939) — живописец, впоследствии — один из столпов социалистического реализма в изобразительном искусстве. В нач. 1900-х был дружен с семьей Бурлюков, исполнил портреты Д.Бурлюка (карандаш, 1903 и 1906) и его сестры Людмилы (карандаш и масло, оба — 1906, Музей-квартира И.Бродского в Ленинграде). (См. также прим.26).

Анисфельд Борис (Бер) Израилевич (1879-1973) — живописец и художник театра. С 1917 проживал в США, где поддерживал связь с Д.Бурлюком. Ему посвящен очерк Д.Бурлюка в его кн. *РУССКОЕ ИСКУССТВО В АМЕРИКЕ*, Н.-Й., изд. М.Н. Бурлюк, 1928, с.20.

Мартышенко Митрофан Павлович, он же с 1911 — Греков Митрофан Борисович (1882-1932) — живописец, впоследствии — известный советский баталист. Его имя носит Студия военных художников в Москве.

Ученики Одесского художественного училища Колца и Овсяный умерли от туберкулеза в годы учебы.

<sup>23</sup> Костанди, Кириак Константинович (1852-1921) — живописец и преподаватель Одесского художественного училища, академик (с 1907).

<sup>24</sup> Лукомский Георгий Крескентьевич (1884-1952) — художник и автор многочисленных трудов по истории искусства и архитектуры. С 1924 проживал во Франции.

<sup>25</sup> Дульский Петр Максимильянович (1879-1956) — график и искусствовед, автор ряда книг по графике; один из организаторов музейного дела в Казани, Заслуженный деятель искусств ТАССР.

Ивановская-Ливанова Надежда Николаевна (1880-1963) — живописец, участница казанских художественных выставок.

Уводская (Протопопова) Елизавета Владимировна — художница, до 1938 участвовала в ленинградских художественных выставках.

Добрынин Петр Семенович (1867-1948) — живописец и график, после революции жил в Москве; писал картины на историко-революционные темы и на темы социалистического строительства.

Биографических сведений о Давыдове и о Г.Цитовиче не обнаружено. Дополнительные штрихи к портрету последнего можно найти в кн.: K.Drier. *BURLIUK*. N.Y., 1944, p.31, 33-39.

<sup>26</sup> В книге *МОЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ* (Л., 1965, с.29) И.Бродский писал: «Вспоминаю, как я, Греков, Колесников и Орланд гостили у Бурлюка, отец которого работал управляющим имением Золотая Балка князя Святополк-Мирского. Бурлюк в те годы не был футуристом, к искусству относился серьезно, был очень трудоспособен, работал без отдыха с утра до ночи и в этом отношении оказывал на нас хорошее влияние. В доме Бурлюков мы чувствовали себя превосходно. Это была замечательная, очень дружная семья, в которой все жили интересами искусства. Родители Бурлюка всячески поощряли нас, гостивших у них молодых художников, делая все для того, чтобы мы могли с наибольшей пользой провести лето. Мне хорошо запомнилась мать Бурлюка, необычайно отзывчивая женщина, хорошо понимающая искусство, очень тонкая и исключительно одухотворенная натура, стремившаяся привить детям настоящую художественную культуру, которой она сама была наделена в высшей степени».

Орланд Лейба Менделевич (1884 - ?) — живописец, соученик И.Бродского по АХ.

<sup>27</sup> Попов-Иорини Александр Андреевич (1852-1919) — живописец, директор Одесского художественного училища в 1885-1917.

Ладыженский Геннадий Александрович (1853-1916) — живописец, преподавал в Одесском художественном училище в 1882-1914.

<sup>28</sup> Перед поездкой за границу Д.Бурлюк вместе с сестрой Людмилой предпринял попытку поступления в АХ, окончившуюся для него неудачей. Об этом эпизоде Д.Бурлюк не сообщает в своих воспоминаниях.

<sup>29</sup> Диц Вильгельм фон (1839-1907) — живописец, с 1870 — профессор Мюнхенской академии художеств.

<sup>30</sup> Возможно, имеется в виду Пискунов Михаил Федорович (1867 - ?) — художник и архитектор, выпускник АХ 1892-1901).

<sup>31</sup> Ашбе Антон (1862-1905) — живописец и педагог, основатель школы живописи и рисунка в Мюнхене, в которой в 1890-1900-х обучались, среди прочих, русские художники: В.Кандинский, И.Грабарь, А.Явленский, М.Веревкина, И.Билибин, Д.Кардовский и др.

<sup>32</sup> Булыгин Михаил Васильевич (1863-1943) — бывший гвардейский офицер, владелец хутора Хатунка близ Ясной Поляны; последователь, знакомый, корреспондент и адресат Л.Н. Толстого.

<sup>33</sup> Бурлюк Надежда Давидовна (р. 1895) в 1914 вышла замуж за крупного инженера-энергетика Антона Безвала. Бурлюк Марианна Давидовна (р. 1897) — певица, училась на вокальном отделении Московской консерватории. В 1916 вышла замуж за чешского художника Вацлава Фиалу. Живет в Чехословакии.

<sup>34</sup> Федоров Митрофан Семенович (1870-1942) — живописец, ученик И.Е. Репина, работал в Харькове (1902-1904) и в Ленинграде (с 1934).

Агафонов Евгений Андреевич (1879 - ?) — живописец, учился в АХ (1899-1907). В последующие годы переехал в США, жил в Нью-Йорке, поддерживал знакомство с Д.Бурлюком.

Васильковский Сергей Иванович (1854-1917) — живописец. Окончил АХ, работал в Харькове.

Пестриков Михаил Родионович (1864 - ?) — живописец, выпускник АХ. До 1930 участвовал в харьковских выставках.

<sup>35</sup> Московское товарищество — выставочное объединение (1893-1924) художников-реалистов — предоставляло возможность выставляться молодым художникам различных направлений.

<sup>36</sup> «Союз» — Союз русских художников — объединение (1903-1923) петербургских и московских (с 1910 только московских) художников,

значительная часть которых тяготела к пленерной живописи и импрессионизму. В нач. 1900-х члены Союза, как и члены объединения «Мир искусства» (1898-1904, 1910-1924), были не только чужды «всемогущему академизму», но противостояли ему в выставочной деятельности и художественной критике.

В полемике с художниками старшего поколения Д.Бурлюк неоднократно пользуется термином «импрессионизм», применяя его не в традиционном узком смысле (т.е. как определенный творческий метод), а для обозначения свободы художественного самовыражения вообще.

<sup>37</sup> Баранов-Россине Владимир Давидович (1888-1942) — один из основоположников абстракционизма в живописи и скульптуре, автор первых «движущихся» и «звучащих» скульптур. В 1925 эмигрировал во Францию. Погиб в немецком концлагере.

<sup>38</sup> Этот рисунок Д.Бурлюк обнаружил в мастерской И.Е. Репина во время посещения его усадьбы в Пенатах (Куоккала) в 1915. — См.: *И.Е. РЕПИН. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДСТВО*, т.2, М.-Л., 1949, с.282.

<sup>39</sup> В *ИСТОРИИ РУССКОГО ИСКУССТВА* (М., 1969) Д.З. Коган в разделе «Новые течения в живописи 1907-1917 годов» пишет: «Участие в выставке "Стефанос" наряду с братьями Бурлюками таких художников, как Лентулов, Ларионов, Гончарова, делало ее как бы преддверием следующего этапа в развитии русского искусства. Здесь русская живопись вступала в новую, еще более сложную и трудную полосу, когда художественной молодежью были созданы многие, порой весьма яркие произведения...» (т.10, кн.2, с.103).

«Бубновый валет» — название нашумевшей выставки, организованной в декабре 1910 М.Ларионовым при участии Д.Бурлюка, Н.Гончаровой, А.Лентулова и др. В конце 1911 группа участников этой выставки организовала официально утвержденное объединение с тем же названием. Д.Бурлюк, не являясь членом объединения, принимал участие в его выставках и диспутах.

«Голубая роза» — кратковременное объединение художников, группировавшихся вокруг московского журнала «Золотое руно», издаваемого Н.П. Рябушинским. Единственная выставка объединения была устроена весной 1907 при содействии этого журнала (обзор см. в №5 за 1907, с. 4-28). Д.Бурлюк в выставке не участвовал.

Лентулов Аристарх Васильевич (1882-1943) — живописец, соратник Д.Бурлюка в организации первых кубо-футуристических выставок. Дружба А.Лентулова и Д.Бурлюка началась после упомянутой выше выставки «Венок» (1907) и продолжалась в течение 1910-х.

Сапунов Николай Николаевич (1880-1912) — живописец и художник театра, участник выставок «Мир искусства» и член «Голубой розы». Иронический «портрет» Н.Сапунова дан Д.Бурлюком в опущенном нами фрагменте воспоминаний: «Лицо бледное, испитое, голос сиповатый. Талант имел бесконечный, но фасону предела тоже не было».

Гончарова Наталья Сергеевна (1883-1962) — живописец, график и художник театра. Вместе с мужем М.Ларионовым организовала выставки «Бубновый валет», «Ослиный хвост», «Мишень» и др. С 1915 жила в Париже.

Якулов Георгий Богданович (1884-1962) — живописец, график, художник театра. С 1911 — постоянный участник выставок «Мир искусства».

Ларионов Михаил Федорович (1881-1964) — живописец, график и художник театра, один из столпов русского художественного авангарда. Дружба М.Ларионова и Д.Бурлюка приходится на 1907-1910. Серьезные эстетические расхождения привели к ухудшению их отношений и к окончательному разрыву в 1913.

Судейкин Сергей Юрьевич (1882-1946) — живописец, график и художник театра. Член объединений «Голубая роза» и «Мир искусства». В 1920 уехал в Париж, а с 1923 прожил в США. В своей книге *РУССКОЕ ИСКУССТВО В АМЕРИКЕ* Д.Бурлюк посвятил С.Судейкину очерк, в котором в частности писал: «Среди художников, находящихся в Америке, С.Ю.Судейкин является наружно "самым русским"» (с. 11-13).

Крымов Николай Петрович (1884-1958) — живописец-пейзажист и художник театра. Член «Голубой розы» и Союза русских художников. Впоследствии — Народный художник РСФСР.

Уткин Петр Саввич (1875/1878-1934) — живописец и педагог, член «Голубой розы». После 1920 работал в Ленинграде. Большая часть его произведений погибла в блокаду.

Дриттенпрейс Владимир Петрович (1878 - ?) — график, член «Голубой розы» и участник выставок «Мир искусства»; рисовал для журнала «Золотое руно» и «Весы» (1907-1908).

Рождественский Василий Васильевич (1884-1963) — живописец, член-учредитель объединения «Бубновый валет»; впоследствии — советский художник-реалист.

Кнабе Иван-Альберт (1876-1910) — живописец и график, член «Голубой розы». Его символические картины неоднократно воспроизводились журналом «Золотое руно». В своей статье *РУССКИЕ «ДИКИЕ»* для альманаха *ГОЛУБОЙ ВСАДНИК* (Мюнхен, 1912) Д.Бурлюк назвал И.Кнабе в числе русских художников-новаторов.

Биографических данных о Штюрцваге не обнаружено.

<sup>40</sup> Издебский Владимир Алексеевич (1882-1965) — скульптор и график, организатор двух выставок «Салон» (1-й — 1909-1910, Одесса, Киев, СПб, Рига; 2-й — 1911, Одесса, Николаев), в которых участвовали художники русского, французского и немецкого авангарда. Знакомство Д.Бурлюка с В.Издебским состоялось в 1902 в Мюнхене и продолжалось в США, где последний жил с 1930.

<sup>41</sup> Маковский Сергей Константинович (1877-1962) — поэт, художественный критик, редактор-издатель журнала «Аполлон», организатор художественных выставок в Петербурге. После 1917 — в эмиграции. Автор мемуаров *ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОСТИ* (Н.-Й., 1955) и *НА ПАРНАСЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»* (Мюнхен, 1962).

<sup>42</sup> Кульбин Николай Иванович (1866-1917) — приват-доцент Военно-медицинской академии, главный врач Генерального штаба и художник-дилетант, пропагандист новаторских течений в искусстве. В организованных им выставках наряду с другими представителями крайне левых направлений участвовали Д. и В. Бурлюки. В своих воспоминаниях о Н.Кульбине Д.Бурлюк называет его «исходным пунктом», «базой наших операций по завоеванию города на Неве» («Color and Rhyme», №55, 1964/65, с.25-28). В ироническом освещении образ Н.Кульбина предстает в мемуарах Г.Иванова *ПЕТЕРБУРГСКИЕ ЗИМЫ* (Париж, 1927).

<sup>43</sup> Кандинский Василий Васильевич (1866-1944) — основоположник абстракционизма. В 1910 — центральная фигура немецкого и участник многих выставок русского художественного авангарда. При его содействии на выставках нового искусства в Германии экспонировались работы русских кубо-футуристов и, в частности, Д.Бурлюка — на 1-й и 2-й выставках «Der Blaue Reiter» (Мюнхен, 1911-12) и на выставке «Der Sturm» (Берлин, 1913). В изданном по инициативе В.Кандинского программном сборнике немецкого экспрессионизма *DER BLAUE REITER* (Мюнхен, 1912) Д.Бурлюк опубликовал свою статью *DIE WILDEN RUSSLANDS* (с.18-19). В выпущенном одновременно сборнике *ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ* Д.Бурлюк поместил 4 стихотворения Кандинского из его книги *KLÄNGE*. В 1910-1915 двух художников связывала тесная дружба (см. статьи Д.Бурлюка: *BURLIUK AND DER BLAUE REITER*. — «Color and Rhyme», №43, 1960, с.2 и *OUR FREINDSHIP WITH W.W. KANDINSKY* — там же, №51/52, 1962/1963, с.9).

<sup>44</sup> В 1910 Д.Бурлюк при содействии К.Костанди восстановился в Одесском художественном училище для получения диплома о художественном образовании (получен им в мае 1911). В 1911-1914 он обучался в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Л.О. Пастернак вспоминал: «Кто бы мог поверить, например, что Д.Бурлюк в Петербурге "читал доклад" свой, то есть разносил в пух и прах Пушкина, Толстого, Рафаэля, Репина, Серова, а по приезде в Москву снова приходил в мой натурный класс, где числился учеником, и усердно, но безуспешно доканчивал свой этюд с натурщика» (В его кн.: *ЗАПИСИ РАЗНЫХ ЛЕТ*, М., 1975, с.66). За пропагандистское турне по 27 городам России Д.Бурлюк вместе с В.Маяковским был исключен из училища (21 ноября 1914).

<sup>45</sup> В издании футуристов «Московские мастера. Журнал искусств», М., 1916, под ред. поэта С.М. Вермея, была воспроизведена картина Д.Бурлюка *ЖНИЦА* (между с.16 и 17) и напечатаны два его стихотворения. В статье за подписью А.К. (Алексей Крученых — ?) дается следующая характеристика Д.Бурлюка-художника: «Весь от культуры. Русский лубок, старые книги, гравюры, эстампы, старинные письма от иконографии до иероглифов — вот источник вдохновения и тот материал художника, который преломляется у него в вечном стремлении найти какое-то новое выражение форм живописи» (с.84-85).

<sup>46</sup> Личное знакомство Д.Бурлюка с А.М. Горьким состоялось при участии И.Бродского в февр. 1915 в Петрограде. В последующие годы Д.Бурлюк посвятил писателю поэму *ГОРЬКИЙ* (Н.-Й., 1928-1929), а также специально для книги *ГОРЬКИЙ И ХУДОЖНИКИ* (М., 1964) написал о нем воспоминания. А.М. Горький, отмечая несомненную талантливость молодых поэтов-футуристов, футуризм как литературное направление не признавал.

<sup>47</sup> Имеется в виду брошюра: *ПОЯСНЕНИЯ К КАРТИНАМ ДАВИДА БУРЛЮКА, НАХОДЯЩИМСЯ НА ВЫСТАВКЕ. 1916. МОСКВА.* Уфа, печатня т-го дома Н.К. Блохин и К°, 1916, 9 с.

<sup>48</sup> В неопубликованной части воспоминаний Д.Бурлюк писал: «Я в Москве пробыл при первой пролетарской власти с 25 октября по 2 апреля включительно 1918 года, когда я уехал к семье в Уфимскую губернию, и летом автоматически оказался отрезанным от своих возникновением "чехословацкого фронта", поддержанного тогда же белыми "орлами" контрреволюции».

<sup>49</sup> Дети Д.Бурлюка: Давид (р. 1913) — впоследствии занимался скульптурой; Николай (р. 1915) — стал художником и журналистом, участвовал в многочисленных выставках в США.

<sup>50</sup> Подробно осветить вопрос о нахождении картин Д.Бурлюка в советских музеях затруднительно — по причине отсутствия в СССР изданий каталогов русской живописи не только в областных или республиканских собраниях, но и в Третьяковской галерее. В каталоге Русского музея (Л., 1980) значится 17 живописных полотен Д.Бурлюка. О его уфимских работах см.: *КАРТИНЫ БУРЛЮКА В УФИМСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ МУЗЕЕ.* — «Красная Башкирия» (Уфа), 23 апр. 1940.

<sup>51</sup> Оливер Сэйлер в своей книге *RUSSIA WHITE OR RED* (Boston, 1919) писал о выставке «Бубнового валета» 1917 года: «Именно на этой выставке, по моему мнению, были наиболее выразительные и яркие полотна, отразившие переживания войны и революции. Главной картиной был "Опоздавший Ангел Мира", ее автор — лидер русского футуризма Давид Бурлюк, удивительный гений казачьей крови» (с.89). Примечательно, что книга О.Сэйлера, присланная автором Д.Бурлюку, послужила ему своеобразной протекцией при получении визы в США в 1922.

<sup>52</sup> Живописец, историк искусства и художественный критик Игорь Эммануилович Грабарь (1871-1960) выступал с резкими нападками на футуризм с момента его зарождения — см., напр., его статью «СОЮЗ» И «ВЕНОК» («Весы», 1908, №1, с.142), в которой он писал: «Когдаходишь на выставку, то получаешь впечатление, что, кроме Бурлюков, здесь никого нет, и кажется, что их много: десять, может быть, двадцать Бурлюков. Потом оказывается, что их только трое и что один

из них пишет квадратами и цифрами, другой — запятыми, а третий — шваброй. При ближайшем рассмотрении тот, который пишет шваброй, оказывается женщиной и притом обладательницей наибольшего таланта. Впрочем, и двое других, несомненно, талантливы и полны того невинного задора, который быстро спадает. Очень долго бурлюкаться нельзя». В статье И.Грабаря *БУРЛЮК* для Большой советской энциклопедии (т.8, 1927, с.200) сказано: «Б. — только способный эклектик, перепробовавший все разновидности крайних левых течений в искусстве».

<sup>53</sup> Кравченко Алексей Ильич (1889-1940) — советский график, иллюстратор многочисленных книг. Посетил США в 1929.

<sup>54</sup> Анонимное общество (*Société Anonyme*) — выставочная и издательская организация по пропаганде современного искусства, основанная в Нью-Йорке в 1920. Д.Бурлюк принимал активное участие в деятельности общества и был лично дружен с его основателем — художницей и коллекционером Катрин С. Драйер, которая написала монографию *BURLIUK* (N.Y., 1944).

<sup>55</sup> «Радиоманифест» и «Радиоманифест №2», изданные Д.Бурлюком в Нью-Йорке в 1926 и 1927, провозгласили т.н. «радиостиль» в искусстве — подчеркнуто урбанистический вариант футуризма.

<sup>56</sup> Григорьев Борис Дмитриевич (1886-1939) — живописец и график, участник выставок «Мир искусства». С 1919 — в эмиграции. В 1920-1930-х подолгу жил в Нью-Йорке, был близок к семье Бурлюков. В журнале «Color and Rhyme» воспроизводились его работы и был опубликован его дневник *НАБРОСКИ НА ПЕСКЕ* (№23, 1951, в лит. обработке М.Н. Бурлюк). В 1923 Д.Бурлюк написал сонет *КАРТИНЫ Б.ГРИГОРЬЕВА*, а в 1928 посвятил ему очерк в книге *РУССКОЕ ИСКУССТВО В АМЕРИКЕ* (с.21).

<sup>57</sup> В книге — К. Umanskij, *NEUE KUNST IN RUSSLAND. 1914-1919*. Potsdam, 1920 — воспроизведено три рисунка Д.Бурлюка.

<sup>58</sup> См. статью: E. Pollock. *DAVID BURLIUK — THE SCULPTOR IN WOOD* — «Color and Rhyme», №13, 1940, с.17-18.

<sup>59</sup> Гуро Елена Генриховна (1877-1913) — поэт и живописец. Вместе с мужем — художником и композитором Михаилом Васильевичем Матюшиным (1861-1934) — организовала в 1909 футуристическую группу «Союз молодежи» (см. прим.66). Ее первую книгу *ШАРМАНКА. Рассказы, пьесы, стихи, проза* (СПб, 1909) — по свидетельству М.Матюшина, любили А.Блок, Л.Шестов, О.Дымов (*К ИСТОРИИ РУССКОГО АВАНГАРДА*, с.138).

<sup>60</sup> Общество имени Куинджи — основано в 1909 на средства Архипа Ивановича Куинджи (1842-1910). Ставило задачей сохранение и разви-



тие реалистических тенденций в искусстве. Описанный инцидент представлен здесь в весьма тенденциозном освещении. В действительности он не имел связи с гонениями на футуристов, отношение к которым в Обществе им. Куинджи в целом было благожелательным. Подробнее и точнее этот эпизод описан самим Д.Бурлюком в «Color and Rhyme», №28, 1954, с. 18-19 и №55, 1964/65, с.28.

Денисов-Уральский Алексей Кузьмич (1864-1926) — пейзажист и художник прикладного искусства (резчик по камню).

<sup>61</sup> В газете «Речь» (1909, №79, 22 марта) Александр Николаевич Бенуа (1870-1960) писал: «Старший из братьев Бурлюк /.../ кажется чересчур методичным, но зато сколько в нем пытливого всматривания. Картины его имеют в себе что-то тяжелое, известковое. Но они полны большого чувства природы и своеобразно передают грандиозное уныние степного простора. Давиду Бурлюку, так же как и младшему его брату, мешают проблемы слишком теоретического характера. Но от этого "почтенного" недостатка до шарлатанизма целая непроходимая пропасть».

<sup>62</sup> Брешка — сатирическое прозвище Николая Николаевича Брешко-Брешковского (1874-1943), писателя, публициста и художественного критика. Свою рецензию на упоминаемую Д.Бурлюком выставку «*ВЕНОК СТЕФАНОС*» ИЛИ «*ЮНОШИ В КУРТОЧКАХ*» («Биржевые ведомости», 1909, 27 марта, №11028, веч. выпуск), направленную в основном против В.Бурлюка, Н.Н. Брешко-Брешковский закончил словами: «Группа "Венок" побила рекорд, придя первой к столбу претенциозной безграмотности и полного нравственного одичания... Это своего рода чемпионы...»

<sup>63</sup> Имеется в виду устроенная Н.Кульбиным выставка «Треугольник — Венок/Стефанос», на которой Н.Евреинов и С.Городецкий выступили в качестве художников.

Городецкий Сергей Митрофанович (1884-1967) — в 1910-е поэт-акмеист; впоследствии — советский поэт, драматург, переводчик. На упомянутой выставке экспонировалось два его этюда *МАТЬ*, выполненных на рогоже.

Евреинов Николай Николаевич (1879-1953) — драматург, режиссер и теоретик театра. В начале 1920-х эмигрировал во Францию. Д.Бурлюк считал идеи Н.Евреинова близкими футуризму и в своей книге *РУССКОЕ ИСКУССТВО В АМЕРИКЕ* назвал его «гениальным русским режиссером, создателем Нового театра». Н. Евреинов посвятил Д.Бурлюку главу в своей книге *ОРИГИНАЛ О ПОРТРЕТИСТАХ* (М., 1922, с.72-77).

<sup>64</sup> Речь идет о листовке Д.Бурлюка *ПО ПОВОДУ «ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПИСЕМ» Г-НА А.БЕНУА*, перепечатанной в «Золотом руне» в №11/12 за 1909 (номер вышел в конце апреля 1910). Позднее Д.Бурлюк выпустил брошюру *ГАЛДЯЩИЕ БЕНУА И НОВОЕ РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО* (СПб, 1913).

<sup>65</sup> 16 января 1913 психически больной иконописец Абрам Балашев изрезал картину И.Е. Репина *ИВАН ГРОЗНЫЙ И СЫН ЕГО ИВАН. 16 НОЯБРЯ 1581 ГОДА* в Третьяковской галерее. На диспуте в Политехническом музее Д.Бурлюк выступил в качестве официального оппонента по докладу Максимилиана Волошина *О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЦЕННОСТИ ПОСТРАДАВШЕЙ КАРТИНЫ РЕПИНА*. Материалы диспута приведены в книге М.Волошина *О РЕПИНЕ* (М., 1913). Примечательно, что на диспуте присутствовал сам И.Е. Репин. В бубновалетовском *СБОРНИКЕ СТАТЕЙ ПО ИСКУССТВУ* (вып. 1, М., 1913) Д.Бурлюк в качестве приложения опубликовал *ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РУССКИМ КРИТИКАМ ПО ПОВОДУ ИНЦИДЕНТА С КАРТИНОЙ РЕПИНА*, в котором отклонил газетные обвинения в причастности футуристов к происшествию. (См., напр., Н.Н. Брешко-Брешковский. *ДИКАРИ ИЗ «БРОДЯЧЕЙ СОБАКИ»*. — «С.-Петербургская газета», 12 ноября 1913, №311). Выступлений Бехтерева против футуристов в газетах этого времени не обнаружено.

<sup>66</sup> Почти все представители русского кубо-футуризма были выходцами из непривилегированных слоев общества. Бурлюки, М.Ларионов, К.Малевич, В.Каменский — принадлежали по происхождению к мещанскому сословию; А.Крученых и П.Филонов — из крестьян; В.Маяковский — из мелкого чиновного дворянства. К родовому дворянству принадлежали лишь Н.Гончарова и В.Хлебников. Смысл фразы Д.Бурлюка о «попрекании дворянством» не ясен.

<sup>67</sup> «Союз молодежи» — петербургское общество художников, основанное в 1909 Е.Гуро и М.Матюшиным. В последующие годы оба художника покинули общество в результате его раскола, и бразды правления в нем перешли к Л.Жевержееву и И.Школьнику. Союз выпускал одноименные литературно-художественные сборники. В выставочной деятельности Союза молодежи и в его сборниках активное участие принимали гилейцы во главе с Д.Бурлюком.

Жевержеев Левкий Иванович (1881 - ?) — меценат, коллекционер и исследователь театрального искусства.

Школьник Иосиф Соломонович (1883-1926) — живописец из возглавляемой Н.Кульбиным группы «Треугольник».

<sup>68</sup> В статье *ЕЩЕ ОДИН ШАГ ГРЯДУЩЕГО ХАМА* («Русское слово», 1914, №149, 29 июня) Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865-1941) писал: «Футуризм похож на будущее, как шенок — на зверя, червь — на дракона: еще бессильный, беззубый, бескрылый, но те места уже чешутся, где вырастут зубы и крылья. Зловеще стрекочущий звук пропеллера, звук стальных "драконьих" крыл — песнь футуризма: действительная музыка будущего».

## Корнелий Зелинский В ИЮНЕ 1954 ГОДА

Публикация и предисловие В.Стрижа.

Больше тридцати лет прошло с самоубийства А.А. Фадеева (1901-1956). И сам он, и этот прискорбный факт малодушия давно уже отошли на дальний несущественный план нашей жизни, вспоминаются только кстати, как подстрочные примечания или пояснительный текст в скобках по поводу чего-нибудь важного, насущного. А ведь долгие годы (и какие!) Фадеев играл важную, главенствующую роль в судьбах многих сотен советских литераторов и в судьбе самой советской литературы. Был или по крайней мере казался всемогущим.

Краткая Литературная Энциклопедия дает такую справку о постах, занимаемых А.А. Фадеевым в эти годы: в 1926-32 — один из руководителей РАПП (Российской Ассоциации Пролетарских Писателей); после ликвидации литературных группировок специальным постановлением ЦК ВКП(б), с 1934 А.А. Фадеев становится заместителем председателя организационного комитета Союза писателей; в 1939-44 — секретарь СП. С 1946 по 1954 — А.А. Фадеев генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР, в 1954-56 — секретарь правления СП. Одновременно он являлся вице-президентом Всемирного Совета мира и членом Президиума Советского комитета защиты мира. А.А. Фадеев — депутат Верховных Советов СССР и РСФСР, член ЦК КПСС.

Эту справку для современного читателя можно дополнить расшифровкой и дополнением некоторых пунктов:

— во-первых, РАПП, как самая массовая писательская организация страны (к тому же еще и «пролетарских писателей») претендовала на главенствующую роль в советской литературе («Столбовая дорога литературы» — определял ее роль А.А. Фадеев) и более или менее действенно

диктовала свои требования и воззрения остальным писателям, особенно так называемым «попутчикам»: А. Белому, Б. Пильняку, Е. Замятину, М. Булгакову, Б. Пастернаку, О. Мандельштаму, А. Ахматовой и т. д. Главной теоретической скрипкой РАППа был, конечно, Л. Авербах, но и Фадеев являлся заметным деятелем. Желаящие могут ознакомиться в томе «Литературного наследства», посвященном Маяковскому, как Владимир Владимирович в последние годы своей жизни был вынужден всерьез сопротивляться требованиям к поэзии, предъявляемым молодым, но уже очень руководящим А. А. Фадеевым.

— во-вторых, позже Фадеев стал особой, приближенной к самому И. В. Сталину, который, дав бывшему рапповцу титул Генерального секретаря (небывалый для писательских организаций), этим самым сделал А. А. Фадеева писательским Сталиным со всеми вытекающими отсюда последствиями и полномочиями. А. А. Фадеев достаточно много и часто общался с И. В. Сталиным, получал от него инструкции и руководящие указания, служил как бы органом связи партийного и советского руководства страны с широкой массой «инженеров человеческих душ». Связь эта чаще была односторонней — сверху вниз, но иногда, по многочисленным свидетельствам мемуаристов, Фадеев доносил до руководства некоторые нужды своих подопечных.

— в-третьих, что впрочем вытекает и из «во-вторых», и из некоторых особенностей того времени, именно через А. А. Фадеева проходили и им утверждались или визировались бесконечные списки «врагов народа» — писателей, обреченных на уничтожение.

Все эти обстоятельства заставляли литераторов относиться к Фадееву с особым вниманием и любовью.

Есть нечто магическое, таинственное, что заставляет даже незаурядных, умных и достаточно пронизательных людей искать знакомства и общения со всякого рода начальниками, гордиться доступом к ним. Вспомним хотя бы И. Э. Бабеля, который с настойчивостью самоубийцы посещал дом «железного наркома» Н. И. Ежова.

Очевидно, во многом (особенно для нашей страны) это объясняется недостатком (или абсолютным отсутствием) информации, попыткой хотя бы таким опасным путем подключиться к источнику, носителю или передаточному пункту, звену сведений, касающихся, иногда опосредованно, а иногда впрямую, судьбы или даже жизни интересующегося.

Попытки эти, как выяснилось, в большей своей части были пустыми, так как начальники потому и сохраняют свои места, что умеют держать язык за зубами и знают точно, о чем и с кем можно беседовать. Более того, бывало, что эти начальники, по своей инициативе или по данным указаниям, распространяли заведомо ложную информацию, опровергавшуюся всем ходом последующих событий. И нельзя сказать, что никто не понимал, не представлял себе таких возможностей. Некоторые понимали, другие знали точно. И тем не менее, как бабочки на огонь, летели к подобным людям. И гибли: иногда физически, чаще — нравственно.

Воспоминания современников о такого рода начальствующих персонах, приближенных к самым верхам, удивительно похожи друг на друга, как будто строятся по единому сценарию. Никто в общем не может сказать определенно, чем конкретно занимался человек — объект воспоминаний — в период общения с вспоминающим. Сохранилось впечатление, что он был очень, непомерно занят, загружен, падал от усталости, с большим трудом выкраивал время для встреч с друзьями и пользовался любым случаем, чтобы обещать себе и близким, сопровождая эти обещания самыми страшными клятвами, что как только он доведет некоторое так и не названное дело до... — так сразу же все бросит, от всего откажется, переизберется и займется (обязательно в глуши, подальше от суеты) любимым творчеством (писанием, наукой). Но (и в этом-то заключена драматургия любого мемуарного очерка) освободиться от общественного, административного дела не удавалось — перечисляются объективные причины: международная обстановка, происки империализма, нет подходящей замены, а кому-то ведь надо работать, личное доверие самого Сталина, поручение партии и т.д. Это кульминация воспоминаний, после которой наступает развязка: уважительно, но с оттенком сожаления рассказывается, какой это, в сущности, был замечательный (писатель, ученый), как тонко он чувствовал (слово, научный эксперимент), как жаль, сколько потеряло все человечество оттого, что ему самому так мало довелось (пописать, поэкспериментировать). Смотри соответственно тома воспоминаний об А.А. Фадееве и И.В. Курчатове.

В одном из номеров «Литературной газеты» за первую четверть 1984 года были напечатаны только что появившиеся воспоминания писателя Даниила Гранина, который познакомился с Фадеевым на II съезде писателей и встречался с ним в эти последние полтора года жизни Александра Александровича хоть и нечасто, но подробно. Так вот, Гранину, инженеру-физику по образованию и специальности (писателем он тогда только начинал становиться) бросилось в глаза сходство Фадеева и Курчатова. И хоть Гранин так и не сформулировал, в чем он увидел истоки своих ассоциаций, хоть сравнивает он руководителя литературного и руководителя научного только с целью доказать, что оба были лучше, — совершенно понятно, что сама идея сравнения возникла от принципа обоих общаться с вверенными их руководством людьми.

В чем же на самом деле общность этих двух личностей?

Портреты обоих выдающихся руководителей висят передо мной. У А.А. Фадеева взгляд строгий, тонкие губы вытянуты в ниточку, лицо тщательно выбритое. Напоминает он своим седо-моложавым подтянутым видом армейского старшину десантных войск, «слугу царю, отца солдатам», кем он, в сущности, и был при высоком руководстве. И.В. Курчатова, несомненно, интеллигентнее (сказалось и происхождение, и образование), а особой, специальной формы бородка, не позволяя смешать его с дореволюционной профессурой (Зелинский, Тимирязев, Боткин...), в то же время надежно отделяет мэтра от об-

лика профессуры советской, рабфаковской. Налицо недостающее звено в развитии, связь поколений, преемственность науки.

Внешнее коренное различие, казалось бы, говорит и о внутренней несхожести? Но почитайте воспоминания современников, порасспрашивайте людей, знавших покойных деятелей, и вы убедитесь, что сходство даже гораздо больше, чем несомненная внешняя непохожесть.

Общность в главном: в постах, которые занимали эти люди, в их роли главных авторитетов своей специальности, завоеванной не значимостью собственного творчества, а назначением, номенклатурой. Общность в отдалении от руководимой массы и когда-то близких людей, а, следовательно, — в одиночестве. Общность, наконец, в легендах, которые начали рождаться о них еще при их жизни и бурно расцвели после их смерти.

Многочисленная мемуарная литература, существующая вокруг этих двух имен, с абсолютной достоверностью утверждает на самом деле только одно: их никто не знал. Никого они не допускали до себя дальше положенного предела, никто не мог назвать себя ближайшим другом кого-нибудь из них, самым доверенным товарищем. Сестры, родственники, соратники, жены, любовницы тшатся и мучаются, воссоздавая такой, казалось бы, знакомый облик, такого, казалось бы, известного человека. А он ускользает теперь, после смерти, с меньшим искусством, чем ускользал от общения, от понимания будучи живым. Остается неизвестным, загадочным, таинственным. И выясняется, что никто не знал, что этот человек думал, говоря кому-то нечто. То же, что говорил, или совершенно противоположное? А может, вовсе не думал о предмете беседы, а говорил автоматически, машинально, будучи на самом деле занят совершенно другим, никому не известным? И вот создаются и распространяются устные и письменные легенды, может быть, и верные по фактологии, но способные к многозначному толкованию, а значит совершенно никак не характеризующие человека, значит всегда сомнительные, не исключающие других легенд с противоположными движениями души того же героя. Возникает мистическая ситуация: описанных, реконструированных в мемуарах персон — нет. Они — миф, фата-моргана, призрак, мираж. Их подлинные лица не сохранились даже в тайных архивах, потому что не существовало этих подлинных лиц. Только маски. Потому что невозможно было оставаться таким важным начальником и иметь свое лицо. Много званных да мало избранных! А уж из званных властями выбиться в те годы в избранные можно было только через тернии лагеря и чудовишные затяжные казни тела и духа. Но это не был путь наших героев.

Говорят, что у И.В. Курчатова в столе лежали полученные агентурными путями и переданные ему лично Л.П. Берией графики и описания опытов американцев, связанных с изобретением атомной бомбы. Что поэтому, когда И.В. Курчатов непостижимо для своих сотрудников показывал им именно тот участок, на котором опыты следует

повторить, и предсказывал, какие должны получиться результаты, дело было не в его фантастической интуиции, а только в лучшей осведомленности. И мы можем легко поверить в это, а можем легко отвергнуть, не имея доказательств ни ложности легенды, ни ее достоверности. А про А.А. Фадеева рассказывают, что на самом деле он и не пил вовсе, а выдумал свою запойность, чтобы регулярно оказываться не в форме, когда будет нужно подписывать очередные списки очередных писателей-смертников. И, несмотря на всю фантастичность и надуманность такого мифа, мы можем себе представить, что раз или два для него были основания. Или — что все это чистые выдумки.

Одни утверждают, что, когда И.В. Сталин решил провести в физике чистку, подобную той, что так успешно прошла незадолго перед этим в биологии, И.В. Курчатов явился к нему на прием и твердо заявил: или бомба, или марксизм. А другие возражают, что так поступил совершенно другой физик, потому что Курчатов звука не смел проронить при Великом Вожде, не то что возразить ему в чем-то. И обе легенды равно могут быть похожи на Курчатова, так же как обе легенды могут не иметь к нему никакого отношения.

Н.Я. Мандельштам пишет, что Фадеев, случайно столкнувшийся с ней в лифте, молча сунул ей деньги (это случилось после ареста О.Э' Мандельштама). А существует версия, что это именно он, Фадеев, настоял для своего и органов НКВД удобства на подмосковном санатории для О.Мандельштама, буквально заставил его туда поехать, чтобы опальный поэт был в известном месте, под рукой, когда его (очень вскоре) нужно будет арестовать. И то, что оба своих поступка Фадеев мог совершить совершенно сознательно, вполне заслуживает доверия, хотя так же вероятно себе представить, что он не делал ни того, ни другого. Или сделал что-то одно. Любое.

Мы можем принимать или отвергать легенды, толковать случай с Н.Я. Мандельштам как желание А.А. Фадеева помочь ей или как попытку отделаться от нее меньшей ценой, и никто не сможет нам понастоящему возразить, потому что все эти истории, даже при достоверности фактографии — все равно легенды. А легенды они потому, что никто никогда не знал человека Александра Александровича Фадеева, никто, при видимости добрых легких отношений с половиной света («Для большинства... он не Фадеев, а Саша», — пишет Антал Гидаш), не дружил с ним, не говорил по душам, никому он не был младшим братом, всех или почти всех удалось ему обвести вокруг пальца напускной открытостью или кроткой доброжелательностью. И ускользнуть, оставаясь одиноким волком, существующим сразу во многих ипостасях, не смешивая разных своих обликов и не собирая их никогда воедино. Остаться никому неизвестным, чтобы уцелеть, лавируя, передвигаясь по острию, по лезвию, чтобы закончить все неожиданной для всех точкой пули. И тут он надо всеми посмеялся, задал загадку и исчез.

В.Важдаев намекает на то, что причиной резкого падения у Фадеева интереса к жизни был, как выяснилось потом, ошибочный ди-

агноз врачей — цирроз печени. Болезнь неизлечимая, ведущая к быстрой и мучительной кончине. Он же рассказывает, как тяжело и болезненно воспринял А.А. Фадеев крушение последней своей литературной работы, романа «Черная металлургия», который весь был построен на неправильных, но одно время активно поддерживаемых руководством (правительством) технических идеях. (Скажем кстати, Фадееву всю жизнь не везло с отрицательными персонажами романов. Если у предателя Мечика из «Разгрома» всего-навсего нашелся там же на Дальнем Востоке героический заслуженный партизан-однофамилец, то у предателя Стаховича из «Молодой гвардии» героическим уже оказался прототип — Виктор Третьякевич, а все «вредители» из «Черной металлургии», как выяснилось, было просто оклеветаны.) Некоторые говорят, что застрелился Александр Александрович от угрызений совести: именно в это время стали возвращаться из небытия — из лагерей, отправленные туда с визой Фадеева сотни или даже тысячи литераторов. Все это может быть правдой по отдельности и в комплексе, и все это — все равно легенды. Потому что, как в пьянство, ушел Фадеев в смерть обманом, чтобы никого не было рядом, чтобы уйти одному и от всех, чтобы никто не увидел, не разгадал, не подслушал, не узнал...

Когда-то Н.Эйдельман, анализируя интеллигентские, народные и дворянские легенды, возникшие в России вокруг подлинных или мнимых тайн царского двора, справедливо заметил, что симптоматично уже само возникновение их. Что возникают подобные многочисленные и разветвленные легенды вокруг того, что особенно тщательно таят, прячут, скрывают. Возникают взамен спрятанной истины, какова бы она ни была.

В нашем случае возникло нечто подобное. Таинственная, скрывающаяся от современников личность после смерти обрастает легендами, прядется теперь уже от потомков за густой завесой мифов.

И даже если представить себе невероятное — что нынешнее руководство окажется настолько умнее и дальновиднее прежнего, что перестанет скрывать от собственного народа такие, уже далекие во времени события, опубликует предсмертные письма А.А. Фадеева (о которых ходит масса легенд и слухов — опять-таки абсолютно недостоверных, так как человека, державшего эти письма в руках, почему-то никак не удается увидеть), загадка последней акции А.А. Фадеева все равно не будет разрешена, потому что мир узнает не истину, а лишь версию, которую Фадеев захотел предложить. А истину он вряд ли открыл кому-нибудь и перед самой смертью. Человек, всю жизнь тщательно скрывающийся ото всех, сделавший тайну чертой своего характера, не может внезапно измениться, даже расставаясь с миром.

Вот почему мы обречены пользоваться исключительно зашифрованными, причем зашифрованными не авторами воспоминаний, а самим объектом, сведениями о Фадееве. Вот почему находка Трои Шлиманом на основании анализа текста «Илиады» — факт вероятностно в сотни раз более возможный, чем установление истинного облика человека,



который руководил советской литературой в течение тридцати лет, из воспоминаний о нем современников, родных и близких.

— Что же? — могут возразить мне многие, — может быть, тогда и не следует тратить на это время. Раз результат работы все равно будет эфемерным, нужна ли сама работа?

— Нужна, — отвечу я, — потому что прошло уже тридцать лет со времени самоубийства А.А. Фадеева и сама его личность, так же как этот прискорбный факт малодушия давно отступили в нашем сознании на дальний план, стали не слишком существенны для нас. Но время, в которое все это происходило, ситуация, возникшая на переломе этого времени, отношения между людьми, которые по самому своему положению писателей должны были формировать мировоззрение, воспитывать новое поколение советских людей, и нравственные оценки ими всего происходящего, не могут перестать волновать нас.

Любые мемуары, за редкими исключениями, — это скорее автопортрет, чем портрет описываемого, и всегда отпечаток эпохи, верный или искаженный, но способный в сопоставлении с другими подобными отпечатками помочь восстановить облик реликта.

Поэтому и в данном случае нас интересует даже не столько сам А.А. Фадеев, сколько представления о нем людей, достаточно тесно общавшихся с ним, нравственный облик того круга литераторов, который был в те времена при Фадееве, вокруг Фадеева, и позиция в нем, в этом круге, самого Александра Александровича, как опять-таки представляют ее себе участники событий. Именно всем перечисленным требованиям и отвечает очерк К.Л. Зелинского.

Корнелий Люцианович Зелинский (1896-1970) на протяжении своей достаточно долгой жизни был известным советским литератором. В начале 20-х годов он стал конструктивистом, одним из основателей той литературно-художественной группировки, куда входили такие значительные художники, как поэты И.Сельвинский, В.Луговской, В.Инбер, архитекторы Мельников и Веснин, живописец и график Эль Лисицкий и другие. К.Зелинский был главным теоретиком группы. Александр Архангельский в пародии на Илью Сельвинского так определяет роль каждого из группы:

Й-йехали ды констры,  
Й-йехали ды монстры,  
Инберы, винберы,  
Губы по чубам.  
Й-йехали ды констры  
По Лугу по вскому...

.....

А по-а-середке  
Батька Сельвинский.  
В окуляры зыркает  
Атаман Илья:

— Гей, вы, де-хлопцы,  
А куды Зелинский,  
А куды да куд-куды  
Вин загинае шлях?!

Прошло совсем немного времени, и Зелинский загнул шлях в совершенно противоположном направлении, выступив в 20-м номере журнала «На литературном посту» за 1930 год с резкой критикой своих бывших соратников и отмежеванием от собственной прежней жизни. Статья называлась категорично — «Конец конструктивизма». Мудрый критик и теоретик как в воду глядел. Буквально через несколько дней после этого советскому конструктивизму наступил конец.

Поддержав все постановления партии и правительства, выступив устно и письменно против всех подлинно или мнимо виновных перед советской властью, изменив всем, кому можно или нужно было изменить, Корнелий Люцианович благополучно завершил свою литературную и физическую жизнь автором не только многочисленных литературоведческих и критических работ, но и попытал сил в беллетристике и в поэзии.

Все это необходимо было сказать не в осуждение жизненного пути мемуариста, а только с целью определения его места в описываемом им мире. К.Зелинский был обычный преуспевающий литератор из московской художественной элиты. Жизнь круга, в котором вращался, он знал хорошо и давно, и описывает ее, насколько можно судить, достаточно верно. Особенно важно, что мемуары относятся к июню 1954 года — странному времени, когда одна эпоха уже закончилась, а другая еще не наступила, хотя многие признаки свидетельствовали о грядущих переменах. Резко менялись и отношения между людьми. Прямо об этом в воспоминаниях К.Зелинского не сказано, но отдельные детали достаточно ясно характеризуют перемены: «В последние месяцы А.Фадеев стал чаще, чем к кому бы то ни было другому, заходить к Вс. Иванову. Ему было легче видеть людей "нейтральных", встреча с которыми его ни к чему не обязывала и которые "не выдадут". Поэтому в последние месяцы он встречался с такими писателями, как Вс. Иванов, К.Федин, И. Андроников, Е.Книпович».

Ситуации, описанные К.Зелинским, совершенно достоверны (так вполне могло быть, действия и слова участников абсолютно соответствуют их характерам) и одновременно пародийны. Для объяснения этого тезиса понадобится небольшое отступление в будущее.

Когда уже в начале 60-х годов сын А.А. Фадеева Миша поступал, кажется, в МГУ, он получил двойку на экзамене по литературе, поскольку не сумел ответить на какой-то вопрос о Льве Толстом. Московские писательские круги широко и заинтересованно обсуждали тогда этот случай. «Папа-то Толстого прекрасно знал!» — с некоторым ехидством говорили многие. Помимо вполне понятного злорадства, что провалился в вуз сын такого могущественного когда-то Фадеева, от которого зависела, если даже не твоя жизнь, то, по крайней мере, и премии, и почести, и ордена, и поездки, — здесь существовал и

второй план. Фадеев считался подражателем, эпигоном Льва Толстого. Намек на это есть и в воспоминаниях Зелинского (разговор Фадеева со Сталиным по поводу литературного стиля «Молодой гвардии»), об этом когда громче, когда тише говорили в свое время все. Действительно, множество мемуаристов подтверждают, что Фадеев знал Толстого страницами наизусть, ценил его превыше всех остальных русских писателей. Фразы в произведениях Фадеева зачастую строятся по-толстовски: они длинные, с многочисленными придаточными предложениями, периодами, прямыми (не метафоричными) сравнениями.

К.Зелинский пишет о Фадееве без теплоты, но отношение свое высказывает не прямо, а маскирует его в тексте, пользуясь доступными опытному литератору приемами: сопоставлением непоследовательного поведения и восприятия мира героем (в различных по характеру ситуациях и обстоятельствах) и пародией. Пародия здесь, на наш взгляд, неприлично обнажена.

Появление в доме Зелинского критикессы Е.Книпович, с чего начинается очерк, играет роль сообщений об уходе Льва Николаевича Толстого из Ясной Поляны в 1910 году. Трагический, закончившийся смертью, уход великого старца, пародируется трагикомическим странствованием Фадеева по лесу, после ссоры с тещей и сестрой. И завершается этот «уход» не гибелью, не нравственным катарсисом, а тривиальной попойкой в компании Сергея Смирнова и Сергея Васильева на даче у Михаила Бубеннова. И масштаб (человеческий и нравственный, уж не говоря о литературном) собутыльников, и стиль и характер их бесед с Фадеевым, и даже само их отношение к, как они уже считают, развенчанному властителю, призваны еще больше усилить пародийность ситуации, поставить «советского Льва Толстого» на достойное его место.

И вот, после всех скитаний и унижений, очищений и слез, после, казалось бы, нестерпимо надрывных (от которых всю жизнь надо менять) излияний: «... через день, возвращаясь из Москвы на машине, уже в самом Переделкине я увидел впереди себя зад правительственного "ЗИСа". В окне его, на длинной шее покачивалась серебряная голова, отдающая уже в желтизну. Это был Фадеев, возвращавшийся из Кремля. Он снова был в заботах, подчеркнуто деловит и хлопотлив. Он загружал секретарей всякими поручениями... На этот раз не пешком, не босым с ботинками за плечами, а в комфортабельной машине, подчеркивающей его общественно-политический ранг, А.А. Фадеев привез Бубеннову взаймы 20 тысяч, которые тот у него попросил. После этого он перешел улицу Маяковского и направился к Суркову, чтобы сообщить последнему о том, что доклад на Втором съезде писателей должен будет сделать он, Сурков».

Фарс ухода закончен. Всё опять на своих местах.

Зелинский и словно бы жалеет Фадеева, и снова и снова, не в силах сдержаться, наносит ему — уже неспособному ответить — ловкие удары. Они не сконцентрированы в одном месте, а разбросаны по

всему тексту, замаскированы вставными историями и отвлекающими абзацами, но они достигают цели и замах соответствует силе удара.

Вот идут трогательные абзацы о взаимной любви Фадеева и его матери. Слов сказано много, разговор ведется неспешный, обстоятельный, и вдруг, словно скороговоркой, как незначущее обстоятельство, отмечается, что не пришел Фадеев на похороны любимой матери, как, впрочем, и всегда уклонялся от присутствия на похоронах близких людей. Одновременно, но отделив несколькими абзацами элегий и восторгов от первого выпада, вспоминает Зелинский, что и мать Фадеева, любя сына, предпочитала не жить у него в доме, потому что не могла привыкнуть к его гостям, чиновным и недемократичным.

Вот заводит мемуарист речь о молодых годах Фадеева, прошедших на Дальнем Востоке, упоминает двоюродных братьев Саши, первых его учителей отношения к жизни, к революции, рассказывает про их судьбу. Старший — Всеволод Симбирцев, был сожжен японцами в паровозной топке вместе с Сергеем Лазо. Младший — Игорь Симбирцев, более близкий к Фадееву и по годам, и непосредственно, бытово, и по общему партизанскому подполью, застрелился, чтобы не попасть в руки врагов, окруженный белыми. Казалось бы, чистая информация. Ан нет. Опять параллель, снова пародия. Потому что одновременно нагромождаются личные обстоятельства А.А. Фадеева в послесталинское время: пьянка на даче Бубеннова с резкими выпадами против Александра Александровича Васильева и Смирнова, фадеевский анализ собственных отношений со Сталиным и Берией, пересказанная Зелинскому Фадеевым история о литераторе, который отказался его принять, когда Фадеев подошел к его даче, отзывы Леонида Леонова — и все это создает полное ощущение изоляции, окружения, недоброжелательного кольца вокруг Фадеева, демонстрирует тупик, в который зашел руководитель советской литературы и готовит конец — пародию на конец Игоря Симбирцева. Потому что и кольцо — другое, и причины окружения — разные. И вот, вслед за К.Зелинским, мы с уважением относимся к самоубийству в бою И.Симбирцева, а на долю Фадеева остается только, в лучшем случае, жалость, близкая к снисходительности.

Есть в воспоминаниях К.Зелинского и один просчет, литературская накладка, которая позволяет убедиться в полной выстроенности очерка, подгонке его «под ответ». Речь идет о том, что на даче у Бубенного Зелинский с Фадеевым не был. Это специально оговорено. Разговоры же за столом передает как очевидец, со всеми подробностями, деталями и репликами. Разумеется, мемуарист хорошо знает своих героев, тексты их полностью соответствуют характерам. Конечно, в одном месте он пытается оправдать свою осведомленность и ссылается для этого на рассказ жены Бубеннова Вали. Но из контекста явственно вытекает, что Вали при большей части разговоров присутствовать не могла. Слишком уж шекотливые темы затрагиваются собеседниками, слишком откровенно высказывается Фадеев, рассказывает о своих отношениях с конкретной женщиной, уточняет, что происходило это на квартире Павлика (Антокольского ?). Подобного рода

рассказы при посторонней женщине, да даже при женщине вообще, для Фадеева невозможны — его рыцарство, шепетильность отмечают многие мемуаристы и сам Зелинский. Но в данном случае ему и не нужна была документальная точность. Он писал свой очерк об изменившемся отношении литераторов к А.А. Фадееву, и подобная сцена была для этой цели необходима. Возможно, что Валя Бубеннова что-то и рассказала ему или их общим знакомым, но возможно также, что весь этот разговор Зелинским выдуман, то есть, воспроизведен таким, каким он мог бы быть, если бы состоялся. Он знал отношение к Фадееву Бубеннова, Васильева, Смирнова (кстати, это не Сергей Сергеевич Смирнов — автор «Брестской крепости» и «Катюши», а Смирнов — поэт, баснописец и пародист, прославившийся тем, что никогда не упускал случая злобно высмеивать именно тех литераторов, которые были в правительственной опале), знал манеру и способ их выражений, знал, что они могут сказать Фадееву. Он реставрировал даже не конкретный разговор, а изменившуюся ситуацию, когда таившиеся до сих пор перед Фадеевым литераторы, внезапно обнажили свои истинные к нему чувства. И в этом смысле, даже легендарный разговор этот в свидетельстве Зелинского нам ценен, как показатель изменившейся расстановки сил.

Вызывают удивление отдельные детали, касающиеся только одного аспекта жизни Фадеева. Правда, характерные не только для воспоминаний Зелинского, а широко присутствующие во всей литературе о Фадееве. Постоянно все вспоминающие, причитая по поводу недуга Александра Александровича — его страсти к выпивке, тенденциям к запою, одновременно, как будто это не они сейчас ахали, утверждают, что пил он очень немного. Вот, например, в очерке К.Зелинского Е.Книпович говорит: «За сутки четвертинка: за обедом сто граммов, вечером — сто граммов... При этом А.А. работал». (То есть, он не был алкоголиком, напивавшимся с упомянутой четвертинки, и не был запойным, который, начав выпивать, не может остановиться.) Сам Фадеев рассказывает Зелинскому про свои странствования по лесу с ежедневными выходами к «забегаловкам»: «Я рассчитывал свои деньги. Я мог выпивать только по 200 граммов в сутки, что стоит девять рублей, и еще я мог купить немного хлеба...» (тоже не напоминает запойного алкоголика. Способность рассчитать — не самая сильная сторона этого класса людей. А выпивки получается опять даже меньше пресловутой четвертинки.) Наконец Валя Бубеннова свидетельствует: «Александр Александрович выпил очень немного».

Так почему же тогда все скорбят о запойности Фадеева, почему, с полного молчаливого одобрения своего собеседника К.Зелинского, Леонид Леонов обличает: «Только железный организм мог это вынести»! Паразитально! И не ясно.

Таким образом, воспоминания К.Зелинского, ценные объективной оценкой ситуации 1954 года — времени перелома в жизни страны — реальной (то есть возможной) расстановкой сил и внутренних писательских отношений, так же как и все другие воспоминания об А.А. Фаде-

еве, не могут быть признаны абсолютно достоверными. Они интересны как концепция самого Зелинского, литератора, стоявшего практически в центре московской художественной жизни, как его представления о причинах самоубийства Фадеева и, еще шире, о началах изменения отношения литераторов рядовых или почти рядовых к недавним руководителям. Они интересны также возникшей может быть даже против воли мемуариста картиной начала борьбы за скоро освобождающееся кресло Фадеева и описанием возможных участников этой борьбы.

В очерке так или иначе упомянуто довольно много литераторов, но никто из них не вызывает симпатии. Достойным своего окружения выглядит Фадеев — человек слабый в своей постоянной необходимости казаться сильным, человек многоликий не мудростью, а приспосабливаемостью. Дача Фадеева (по манере Зелинского об этом упомянуто вскользь) принадлежала раньше писателю Зазубрину и унаследована Фадеевым как имущество репрессированного. Леонид Леонов, будучи председателем Литфонда, воспользовался служебным положением и на литфондовском участке из литфондовских материалов выстроил себе и дочери две роскошные дачи. Он же отдал свою квартиру дочерям, а на себя с женой получил новую — пятикомнатную. Крайне несимпатичными хамами и невеждами выглядят и Бубеннов, и Васильев, и Смирнов. Про А.Суркова Фадеев говорит: «Он ведь баптист, доклады делать умеет». И хотя совершенно неясно, причем здесь религиозная секта, к которой, кстати, Сурков никакого отношения никогда наверняка не имел, неодобрительный, осуждающий смысл высказывания читается определенно.

Не лучше выглядит и сам автор очерка. Он в номере гостиницы разговаривает со своим другом грузинским писателем Константином Гамсахурдия, причем речь идет как раз о том, что больного с высокой температурой Гамсахурдию арестовали и отправили в лагерь. В это время Зелинского вызывают на Лубянку. И он ни словом не обмолвился другу, куда вдруг зашел из его уютного номера. Не героем выглядит он и на Лубянке.

Таким образом, нарождающаяся писательская знать никак не выигрывает по сравнению с уходящим Фадеевым. Он даже при всем перечисленном выглядит крупнее как личность.

Условия для изменения государственного климата уже возникли, а личности, стремящиеся на гребне смутного времени пробраться к кормилу, — еще более жалки, чем те, кто принадлежит ужасному прошлому.

Воспоминания К.Л. Зелинского не более чем еще одна легенда о А.А. Фадееве и времени, но и в качестве легенды они ценны для нас представлением участника событий о процессах перемен, которые возникли в стране после смерти И.В. Сталина, о настроениях тех, кто всей жизнью был связан с прошлым, и тех, кто легко менял шкуру и убеждения. И особенно важно, что писал К.Зелинский совсем не об этом.

В понедельник, 14 июня, вечером ко мне на дачу пришла литератор К[нипович]\* и, заняв место против меня за столом, с той своей церемонной подобранностью, которая придает ей, вместе с высокой прической, особый облик, который имели петербургские литературные дамы начала века, сказала мне:

— Корнелий Люцианович, милый, как Вы пишете? Я вижу, Вы все сидите за работой. Я совершенно не в состоянии работать в эту пору. Вот уже четыре дня, как я ничего не делаю.

После нескольких таких незначущих слов К[нипович] продолжала:

— У меня к Вам есть одно дело. Я пришла с Вами посоветоваться. Мы говорили с Валюшей, и наш выбор пал на Вас. Мы знаем, что Вы любите Александра Александровича, и Вы можете общему делу.

— А что такое?

— А.А. ушел из дома в прошлый вторник, и вот уже неделю никто не знает, где он. До того все было сравнительно хорошо: я бывала у него все время. Дней десять тому назад он посылал за мной и Ираклием Андрониковым и читал нам первые главы своего нового романа, около двух с половиной печатных листов. Это написано очень хорошо. С начала июня он начал понемногу выпивать. Впрочем, когда он не в больнице, он всегда понемногу пьет. Но все в приличных рамках. За сутки четвертинка: за обедом сто граммов, вечером — сто граммов. Валька пила вместе с ним. Если он не спал, она сидела рядом, разговаривала с ним. При этом А.А. работал. Кроме самых близких, никому не было известно, что он находится у себя на даче. В понедельник Валя уехала в Москву с поручениями А.А. Тут приехала М.В. Он с ней поругался. Впрочем, Вы ее не знаете. Эта дама — дура стоеросовая. Она взялась упрекать А.А., зачем он пьет. А когда А.А. находится в таком состоянии, он решительно не терпит никаких замечаний и выговоров.

Как быть? Мы проверили все точки. Стандартный дом «прочесан». Там его нет. Нет его и во Внукове, у Т[вардовского], и у Вас, и у К[закевича]. Его видели в среду в Переделкине с шофером Н[илина]. В переделкинскую «забегаловку» он не заходил. Кроме того, у него в кармане только 30 рублей. С ними он не может далеко уехать или запить. Что Вы скажете?

— Я скажу, что попытаюсь кое-где навести справки. Возможно, он по ту сторону железнодорожной линии в Чоботах. В прежние годы он любил ходить в дом электромонтера. Его румяно-

---

\* В квадратных скобках расшифровки фамилий сделаны публикатором.

лица баба ему нравилась. Он любил бражничать в его доме. Кроме того, сам электромонтер довольно любопытный мужик. Вроде старого Казанка из «Последнего из удэге». Вы же знаете, что Александр Александрович вообще время от времени любил укрываться от людей.

— Я это знаю, но не понимаю.

— На этот счет я Вам расскажу такую притчу или быль. Надежда Константиновна Крупская рассказывала Луначарскому (а он мне), что, когда они были в Зоологическом саду в Лондоне, то Владимир Ильич обратил внимание, что для крупных зверей кроме клетки, в которой лев или тигр находятся целый день, есть еще маленькая полутемная комнатка позади, куда они могут уходить от глаз людских. Владимир Ильич спросил сторожа Зоологического сада:

— И часто звери пользуются этой своей комнаткой?

— Да, мистер, льву, как и человеку, обязательно нужно иногда побыть самому с собой, иначе он перестанет быть львом, так же, как человек — человеком.

В день ухода из дома А.А. Фадеев подошел к даче Вс. Иванова и, не заходя в дом, крикнул ему:

— Всеволод!

На зов вышли Вс. Иванов и его жена. В последние месяцы А.Фадеев стал чаще, чем к кому бы то ни было другому, заходить к Вс. Иванову. Ему было легче видеть людей «нейтральных», встреча с которыми его ни к чему не обязывала, и которые «не выдадут». Поэтому в последние месяцы он встречался с такими писателями, как Вс. Иванов, К.Федин, И.Андроников, Е.Книпович. Всеволоду Иванову и его семье Фадеев также читал начало своего нового романа еще в мае.

Фадеев стоял на дорожке перед террасой без шляпы. Лицо его было красное, и ярко блестела седина.

— Всеволод! Я окосел! — А потом, встретившись глазами с женой писателя, продолжал: — Как она на меня смотрит! У нее в глазах жалость. Почему Вы меня жалеете? Я не хочу этого.

— Александр Александрович, Вам надо сейчас пойти домой. Не показывайтесь в таком виде никому. Давайте мы пойдем вместе, — строгим голосом классной дамы сказала Т.В.

— Я знаю, но провожать меня не надо. Я сейчас пойду сам.

— Может быть, Вы зайдете, посидите у нас, отдохнете?

— Нет, не хочу я входить в дом.

В тот же день, в понедельник, мой сосед по даче, поэт В[асильев], сказал мне через забор:



— Саша у Б[убеннова] во Внукове. Мы там были с Сережей С[мирновым]. Абсолютно ясная голова. Пьет очень мало. Но он сидит в саду за столиком и все время говорит. Мишка и его Валя сбились с ног. Хотите, поедем завтра туда с утра.

— Нет, я не поеду.

— Ну, как хотите.

А.А. Фадеев ушел из дома в крайне возбужденном состоянии. В такие периоды он совершенно не мог спать. В Кремлевской лечебнице его лечили усиленными дозами снотворного, главным образом, нембутала. Но когда алкоголь вливался в жилы, тогда наступало такое взвинченное состояние, что не помогали никакие снотворные.

А.А. Фадеев ушел из дома, не столько повздорив с М.В., сколько поругавшись со своей сестрой. Она у него нашла и вынула из-под подушки наган, который Фадеев приготовил себе. Нашла коса на камень, схватилась фадеевская «порода» друг с другом.

Во вторник А.Фадеев зашел, как говорится, на часок вместе с шофером писателя Н[илина] в переделкинскую «забегаловку». Он все понимал. Его сознание улавливало малейшие изменения отношения, которые он мог прочесть в глазах окружающих. Ведь все знали его «завихрения», знали возможные «точки», как и его собутыльников. Все это не могло пройти незамеченным. Появление в «забегаловке» у моста, где солдаты, благодаря его, Фадеева, хлопотам, строили плотину, появление в группе шоферов, местных пьяниц, толпившихся у стойки дачников, случайных посетителей из городка писателей, деятеля высокого государственного положения, депутата двух Верховных Советов, члена Центрального Комитета партии, писателя, всенародно известного, — все это вызывало у окружающих нездоровое любопытство. Фадеев умел видеть себя со стороны. Это его тревожило.

— У меня в душе такое напряжение, как между двумя полюсами лейденской банки, где вот-вот готова проскочить искра. Вот почему, чтобы успокоиться, я пошел в лес, где и провел несколько дней и ночей. Из Переделкина пешком через лес во Внуково, где меня не так знали. Я рассчитал свои деньги. Я мог выпивать только по 200 граммов в сутки, что стоит девять рублей, и еще я мог купить немного хлеба. Первую ночь я провел, бродя по лесу, иногда ложился на траву под деревьями. Свежо не было, было тепло и тихо. Я слышал окружающие меня звуки, движение поездов, лай собак в далеком жилье, неведомые шумы леса. Я наслаждался. Я наслаждался дыханием самого леса, кото-

рое возвращало меня к моим скитаниям по тайге в годы партизанской юности на Дальнем Востоке. Очевидно, это чувство живет где-то в моей душе, как моя вторая натура. Я дышал полной грудью, и чувство безвестности, чувство того, что сейчас никто не знает, где я и кто я, — все это выливалось в счастливое чувство свободы и независимости.

Я смотрел на Фадеева, слушал его хрипловатый голос, напленный какой-то счастливой печалью, и вспоминал другой случай и другого Фадеева.

Однажды, тоже летом (очевидно, после войны, в 1944 или 1945 году) я был в гостях в номере гостиницы «Москва» у своего грузинского друга писателя Константина Гамсахурдии, который рассказал мне, как его арестовали, когда он был тяжело болен гриппом, с высокой температурой до 40°. Но его бросили в машину, потом в поезд, привезли в Москву и потом отправили в лагерь на север в Коми АССР. Во время этого рассказа зазвонил телефон, спросили меня:

— Корнелий Люцианович, не спрашивайте, кто с Вами говорит. — Голос был такой, словно звонили из соседнего номера, во всяком случае, по внутреннему телефону гостиницы «Москва». — Вы сейчас выйдете из гостиницы и пройдете на Лубянку, зайдете в первую дверь направо, если стать лицом к Лубянке. Там уже выписан пропуск, и Вас будет ждать человек. Не задерживайтесь. Через полчаса Вы должны быть на месте.

Я, очевидно, побледнел, потому что Константин Семенович сказал мне: «Если ты задержишься долго у "женщины", то скажи жене, что был у меня».

Разумеется, мне было уже не до дружеской беседы, и я пошел по пути, который мне был указан. «Но человека человек послал к анчару властным взглядом».

Все было, как указано. Меня встретил молодой высокий человек с белым стеариновым лицом. Не помню уже, как мы пробирались внутри этого громадного здания. Мы поднялись на лифте и потом вошли в одну из комнат, где меня ждал некий полковник Р. и два его помощника. На столе лежала претолстенная папка. Ее полковник начал перелистывать жестом, в котором одновременно сочетались небрежность и желание ознакомиться с тем, что уже давно было хорошо изучено.

— Вот Вы, Зелинский, — сказал полковник, стоя за столом (меня он посадил перед собой), — называете себя советским писателем, критиком.

— В чем же тут криминал?

— Криминал в том, что, называя себя советским, — он голосом подчеркнул это слово, — Вы ничем не хотите помочь партии и государству в их работе с врагом.

— Мне кажется, это обязанность каждого советского гражданина.

— Бросьте говорить об обязанностях. Вы их не выполняете. Мы ничего до сих пор от Вас не получили, а в то же время Вы позволяете себе высказывания, в которых низводите Маяковского до Джамбула (тут я узнал свой разговор с одним товарищем в Алма-Ате). Вы восторженно говорили у Пастернака, что «Сестра моя жизнь» — это необычайное произведение.

— Все же я не понимаю, в чем тут криминал?

— А тут криминал в том, что при Вас некоторые люди говорили и другое, а мы об этом вынуждены узнавать от других лиц, а не от Вас.

Полковник Р. начал перелистывать мое досье и перечитывать мне некоторые фразы из донесений, которые он получал. Я невольно узнавал своих знакомых писателей и их жен. Да, и их жен, которые оказывались иногда куда более активными и дотошными в этом тайном репортаже.

Тут мимо меня пролетела моль. Я был в возбужденном состоянии. И вот, когда перед моим лицом мелькнула моль, я невольно смахнул ее рукой, как бы сделал это дома.

— Вот видите, — сказал полковник, — а ведь Вы та же моль, и я так же могу смахнуть Вас рукой, как Вы — это насекомое, которое, я бы сказал, не имеет пищи в нашем учреждении, не характерно для него.

Два его помощника безмолвно стояли и смотрели на меня раскрытыми очами. Их бледные лица, замершие по обе стороны их язвительно-веселого начальника, казались мне лицами помощников Харона, готовыми усадить меня в лодку, которая переплывет Стикс.

— Да, служба — не дружба, — подумал я. — Тоже ребята маются.

Это продолжалось долго. Я пришел домой в четвертом часу утра. До сих пор не понимаю, почему меня отпустили. Правда, с угрозой сказав, что это последний вызов: в следующий раз дело кончится иначе. Моя жена открыла мне дверь с лицом испуганным и в то же время недоверчивым (я жил в то время в проезде Художественного театра и с Лубянки шел пешком, бесшумно ступая своими ботинками на резиновой подошве по безлюдному Кузнецкому мосту).

Светало. Я уже не мог заснуть. Почему-то мне все виделись эти два молодых лица — белые, как свечи, и неподвижные. Их глаза все ширились и ширились, точно в сказке Андерсена.

Едва дождавшись восьми часов утра, я поехал к Фадееву на дачу в Переделкино. Тогда вокруг его дачи еще не было забора. Но я не решился войти и постучать в дверь. Я присел под деревом. Тут было видно всех, кто входил и выходил из двери. Примерно через час вышел Фадеев, он был в одних трусиках, с рыбным сачком и лопатой направляясь к своему маленькому искусственному пруду. Это была его забава, его отдых. Он любил чистить этот прудик. Завел в нем каких-то рыб, которых осенью вылавливал. До Фадеева эта дача принадлежала писателю Зазубрину, который был репрессирован еще до 1937 года и был большим хозяином: выстроил баню, начал рыть и пруд. Только Фадеев расположился, чтобы погрузиться в свое сокровище, как я вышел из-за деревьев.

— Эй, здорово, Корнелий. Раздевайся, будем чистить пруд вместе. Вон там есть грабли, которыми ты будешь собирать тину, — и Фадеев рассмеялся своим особым смехом. Но, очевидно, заметив, что я приехал к нему не просто в гости, он спросил: — Ты чего распарадился?

— Мне, Саша, надо с тобой серьезно поговорить.

Фадеев нахмурился, но характер наших отношений был таков — я не скажу дружеский, но интимно-доверительный, так что не смог бы он меня не принять, не смог бы уклониться от разговора. Сейчас многие пишут о своей дружбе с Фадеевым. Я бы хотел сказать, что само представление о дружбе у Фадеева проделало сложную эволюцию. Он сам рассказал о ней, об эволюции этих представлений в своих произведениях, начиная с «Последнего из удэге», в котором подверг художественному анализу понятие дружбы, рисуя взаимоотношения Петра Суркова и Алеши Маленького, и кончая «Молодой гвардией», где о дружбе сказаны слова, явно навеянные общением автора со Сталиным. Случилось так, что оба эти романа создавались в годы моих частых встреч с Фадеевым. Когда он писал «Последний из удэге», мы жили с ним зимой 1931-32 гг. в старом деревянном доме в Малеевке, который сгорел во время нашествия немцев. Когда Фадеев заканчивал «Молодую гвардию», мы оба жили в Переделкине — я жил в двухэтажной даче Сельвинского, Фадеев со своей матерью — на своей даче. Часто ночью через оголенные осенью деревья я видел огонь в его доме. Фадеев покрывал карандашом страницу за страницей, и стопка их поднималась все выше и выше. Он работал в каком-то лихорадочном напряжении.

— Ты знаешь, — сказал он мне однажды, — мне кажется, что в творчестве есть какая-то одержимость, если хочешь — болезнь. Я совершенно потерял сон. Только утром или днем после прогулки я могу заснуть на 2-3 часа.

Фадеев читал мне «Молодую гвардию» главу за главой. Прочел он однажды и то место в сороковой главе, где рассказывается об Уле Громовой так: «Только теперь стало видно, какой огромный моральный авторитет среди подруг и товарищей был накоплен этой девушкой еще с той поры, когда, равная среди равных, она училась со всеми и ходила в степь... Уля не имела теперь подруг, особенно приближенных к ней, она была равно внимательна и добра и требовательна ко всем, но достаточно было девушкой видеть ее и обменяться с ней двумя-тремя словами, чтобы почувствовать, что это в Уле не от скупости душевной, а за этим стоит огромный мир чувств и размышлений, разных оценок людей, разных отношений к ним, и этот мир может проявить себя с неожиданной силой, особенно если заслужишь ее моральное осуждение. Со стороны таких натур даже ровное отношение воспринимается как награда, — что же сказать, если они хоть на мгновение приоткроют свое сердце!»

— Ты что же, о себе так написал? — сказал я, прослушав эту страницу, чуть насмешливо. Но Фадеев не обиделся.

— Я теперь не начальник. Теперь в Союзе начальники Тихонов и Поликарпов. Но был человек, к которому я приглядывался много лет, у которого даже ровное отношение воспринималось как награда, а осуждение или ирония казались обвалом снега в горах.

— Ты о ком?

— О ком? О ком? Ты сам знаешь, о ком.

Да, я понимал, какие наблюдения и смысл вложил Фадеев в подтекст этой фразы, адресованной девушке, которая вдруг перестала иметь подруг, особенно «приближенных к ней». В отношении героини «Молодой гвардии» это показалось мне не очень-то реальным и близким к действительности, и я сказал об этом Фадееву.

— Ну что же, — ответил Фадеев, — пусть поймут те, кому надо понять...

В течение долгих лет я наблюдал сложную гамму отношений Фадеева к Сталину. Сначала Фадеев был в него просто влюблен. Заливаясь своим фальцетным смехом, он мне рассказывал, почему Сталин решил ликвидировать РАПП.

— «Вы просто еще маленькие люди, совсем небольшие люди, куда вам браться за руководство целой литературой». —

Ты понимаешь, он так и сказал, что мы — маленькие люди — ха-ха-ха.

— А это не задело твое самолюбие? — спросил я Фадеева.

— Как может задеть самолюбие то, что было святой правдой? Мы действительно были маленькие люди.

Однажды на вечере у Веры Инбер, на котором, кроме Фадеева, присутствовали одни беспартийные писатели (это было в 1936 году), Фадеев с необычайным воодушевлением пропел поистине гимн Сталину.

— Какое у нас сейчас замечательное правительство! — восхищался Фадеев. — Никогда в истории России не было такого замечательного правительства.

Он восхищался Сталиным. Фадеев, однако, забыл о разговоре, который произошел у А.М. Горького (этот разговор передавали и Фадеев и П.А. Павленко).

Перед тем, как встретиться с группой писателей 26 октября 1932 года (мне пришлось присутствовать на этой встрече, выступать и говорить со Сталиным), состоялась предварительная встреча писателей-коммунистов со Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым, Бухариным, — тоже на квартире у Горького.

Выпили. Фадеев и другие писатели обратились к Сталину с просьбой рассказать что-нибудь из своих воспоминаний о Ленине. Подвыпивший Бухарин, который сидел рядом со Сталиным, взял его за нос и сказал: «Ну, соври им что-нибудь про Ленина». Сталин был оскорблен. Горький, как хозяин, был несколько растерян. Сталин сказал:

— Ты, Николай, лучше расскажи Алексею Максимовичу, что ты на меня наговорил, будто я хотел отравить Ленина.

Бухарин ответил:

— Ну, ты же сам рассказывал, что Ленин просил у тебя яд, когда ему стало совсем плохо, и он считал, что бесцельно существование, при котором он точно заключен в склеротической камере для смертников — ни говорить, ни писать, ни действовать не может. Что тебе тогда сказал Ленин, повтори то, что ты говорил на заседании Политбюро?

Сталин неохотно, но с достоинством сказал, отвалиясь на спинку стула и расстегнув свой серый френч:

— Ильич понимал, что он умирает, и он действительно сказал мне — я не знаю, в шутку или серьезно, но я вам рассказал как серьезную просьбу, — чтобы я принес ему яд, потому что с этой просьбой он не может обратиться ни к Наде, ни к Марусе. «Вы самый жестокий член партии», — эти слова, как по-

казалось Павленко, Сталин произнес даже с оттенком некоторой гордости.

Все замолкли после этого рассказа. Никому уже не хотелось дальше расспрашивать Сталина. Но Фадеев, когда рассказывал про этот эпизод, добавил от себя, что Сталин был действительно железный человек, но ему надо было разоблачить клевету Бухарина перед Горьким, и он это сделал.

— Имейте в виду, Фадеев, — говорил Сталин, — что люди обкатываются, как камешки морской водой. Надо чтобы вы также научились обкатывать людей. Но вы не умеете обкатывать людей — вот ваша беда. Политик не имеет права быть чересчур впечатлительным. Мало ли какие бывают у людей острые углы, жизнь их обтачивает в интересах общего дела.

Вот оно, «одинаково ровное отношение» ко всем людям. Вот оно откуда у Фадеева — стремление всегда поменьше упоминать фамилий конкретных лиц в своих произведениях. Мало ли, что может произойти с людьми? Судьба лиц превратна. Лица уходят, идеи остаются — так думал я, когда Фадеев, недовольный, нахмурившийся, шел голый, в одних трусиках, к себе домой, бросив у пруда лопату и рыбный сачок. Его ноги ступали сильно и упруго, вся фигура его излучала ощущение мускулистого здоровья.

— Посиди на террасе, — сказал мне Фадеев. — Я сейчас переоденусь.

Хотя я и не спал всю ночь, но все во мне было возбуждено. Я сидел один на длинной террасе, похожей на корабль, слушая пение птиц. В открытое окно доносилось утреннее дуновение трав, и все это смешивалось с ощущением то ли возвращенной жизни, то ли прощания с ней. Прошло много времени. Я ждал 15, 20 минут. Вероятно, минут через 45 или больше спустился со второго этажа Фадеев.

Он был одет в безукоризненно накрахмаленную рубашку, серый костюм; вымыт, причесан. Фадеев сел против меня, выложив обе руки на стол, сцепив их пальцами.

— Ну, что ты можешь сообщить, зачем ты приехал?

Уже вся эта поза и манера разговаривать показали мне, что Фадеев с кем-то переговорил по телефону в Москве и что вообще я должен приготовиться к разговору совершенно официальному.

Я рассказал Фадееву просто как информацию, без всяких эмоций, так сказать, в «обезжиренной форме» о беседе, которую я имел этой ночью.

— Ну, что же, — ответил мне Фадеев успокоительным, безразличным тоном, — это, конечно, неправильно, что на тебя кричали, что тебе угрожали. Ты, конечно, не принадлежишь к тем интеллигентам, с которыми можно разговаривать подобным образом. Но вообще-то я тебе должен сказать вот что: нечего тебе обижаться на людей, которые тебя пригласили в это учреждение. Каждое дело поручается тем людям, которые могут его выполнить. Посади тебя на их место и поручи тебе вылавливать врагов народа, ты бы это дело завалил через два дня. Это не игра в бирюльки и не светский прием. И я думаю, что ты прекрасно понимаешь, что партия обрекает тех людей, которых она туда посылает, не на легкую работу. Я даже удивляюсь тому, что ты, взрослый человек, обращаешься ко мне с такого рода делами, — тут Фадеев набрал в грудь воздуха и с тем воодушевлением, которое было нам так знакомо по его ораторским выступлениям в Союзе писателей, продолжал: — Я еще тебе должен сказать, что мне как-то сказал Иосиф Виссарионович, что все ваши писатели изображают из себя каких-то недотрог. Идет борьба, тяжелая борьба. Ты же сам прекрасно знаешь, государство и партия с огромными усилиями вылавливают всех тех, кто вредит строительству социализма, кто начинает сопротивляться, поскольку это новое начинает набирать силы и идти вперед и вперед. «А вы, — сказал мне Иосиф Виссарионович, — вместо того, чтобы помочь государству, начинаете разыгрывать какие-то фанабери, писать жалобы и т.п.» Подумаешь, кто-то тебя там оскорбил, кто-то на тебя возвысил голос. Ты на фронте, вот что ты должен помнить.

Тут в голосе Фадеева прозвучал уже металл, и я понял, что притронулся сразу ко многим струнам его души, начиная от потревоженной идиллии с ловлей рыбешек в пруду и кончая теми грозами, которые он нес в душе, почерпнув их где-то там, в недоступном для меня «верху».

Что же, думал я, уходя от него на станцию в это безоблачное утро, — жизнь обкатывает людей, как камешки, и ты, мой милый Саша, тоже в этом обдирочном барабане. Поблагодари судьбу: если она не улыбнулась тебе, то, по крайней мере, сохранила так называемое «ровное отношение».

А вот сейчас я видел другого Фадеева, того Фадеева, который возвратился из леса. Он говорил:

— У меня на даче в Переделкино в шкафу висит пиджак, который я надеваю в парадных случаях. Я испытывал мальчишеское удовольствие от того, что его нет на моих плечах. Он мне



казался свинцовым. Так много груза лежит на мне, что иногда его хочется отставить в сторону. Я не могу жить в моем доме. Я не люблю свой дом, он противен мне.

И, посмотрев мигающими, добрыми и совсем не пьяненькими глазами, он продолжал:

— Рано утром я подошел к станции Внуково. Издалека — из-за деревьев видел, как открывалась «забегаловка», как продавец мыл кружки для пива, прыскал водой на пол, открывал дверь. Я подошел, чтобы выпить свои сто граммов и закусить кусочком хлеба с луком. Потом я снова ушел в лес. Я бродил по лесу, два-три раза в день возвращался в «забегаловку». Но жизнь моя была здесь, в лесу. Какое это чудесное чувство, когда ты слушаешь, как утром просыпается природа. Только на рассвете меня очень раздражал звук моторов, которые заводили на Внуковском аэродроме. Я был сам с собой, сам с собой, — несколько раз повторил Фадеев, — и вокруг меня был целый мир. И я был никому и ничем не обязан.

Утром в субботу, 12 июня, М.Б[убеннов] приехал на станцию на своем блестящем «ЗИМе». Они с шофером решили зайти в местную «забегаловку». Возле стойки стояла небольшая очередь, среди которой были грузчики со станции, сезонные рабочие, те неопределенного вида мужчины и женщины, всегда плохо одетые, в стоптанных сапогах и ботинках, люди, которые начинают свой день со стопки и кончают его той же стопкой. В этой цепочке людей, дежуривших возле стойки с одним продавцом в фартуке, который наливал стаканчики по сто граммов, отпускал засохшие бутерброды с заплесневелой колбасой, разливал в кружки пиво, предварительно обмакнув их в ведро с мутной водой, — стоял и высокий человек в сером пиджаке и шляпе, прямо державшийся. Руки он держал по швам, и его ярко-серебряная, отдающая уже в желтизну голова выделялась над всеми. Он стоял, переминаясь с ноги на ногу, смиренно дожидаясь своей очереди.

— Я его сразу узнал, — сказал мне М[ихаил] Б[убеннов]. — Я подошел и тронул его за рукав: «Александр Александрович! Поедьте ко мне».

Тот обернулся, и я увидел лицо, все заросшее седой щетиной, какое-то измятое, в котором глубокая внутренняя печаль сочеталась с мгновенно возникшим выражением наигранной мужественности, веселости и готовности шутить над собой и своей земной удалью.

А.А. Фадеев замигал глазами:

— А выпить будет что?

— Организуем. Хватит.

М[ихаил] Б[убеннов] живет во Внукове на улице Маяковского. Напротив его дачи, ворота в ворота, находится дача А[лексея] С[уркова].

— Когда мы ехали ко мне, в парке мы встретили сына С[уркова]. «Ну, теперь С[урков] будет ломать голову, — сказал Фадеев, — что это у меня за новая коалиция». И он расхохотался тем громким принужденным смехом, в котором он так хорошо умел утопить и свое истинное отношение, и свои чувства, и те сложности жизни, какие она может создавать ежеминутно.

— Мы зашли ко мне на дачу, — продолжал Б[убеннов], — и тут Фадеев захотел, естественно, внести ясность в наши отношения. Надо сказать, что я с ним был на «вы». И вообще появление Александра Александровича у меня, видимо, у него самого вызывало потребность как-то объяснить мне и свой приход, и свое поведение. Мы прошлись по саду и сели на скамеечке у большой сосны.

«Я знаю, — сказал Фадеев, — что ты имеешь против меня зуб. Я знаю, что ты мной недоволен. Но ты не прав, когда думаешь, что я против тебя». — «Дело не во мне только, а в том, что Вы, Александр Александрович, ко всему молодому поколению писателей относились нехорошо. Через меня говорили другие». — «Это неправда. Я искренне говорю, что ничего не имею ни против тебя, ни против других молодых писателей. Но ты должен понять, что, естественно, люди моего поколения мне психологически ближе, понятнее. Со многими из них я пил водку, например, с Катаевым, — при этом Фадеев громко захохотал и хлопнул меня по колену. — Ты не должен ничего иметь против меня. Я могу тебе сказать, что на Сталинском комитете я лично выступал за то, чтобы дать тебе премию за вторую часть «Белой березы»\*. Я считаю ее лучше первой части. Я всем это говорил, и это моя точка зрения».

---

\* Известен рассказ И. Андроникова о том, как Фадеев спас его от Сталинской премии. Рассказ этот, видимо, не записан, и, не в силах передать его живое звучание, ограничусь нарочито сухой передачей фабулы.

Предварительное прохождение кандидатуры Андроникова в Комитете по Сталинским премиям состоялось в отсутствие Фадеева. Члены Комитета, зная об отношении Фадеева к Андроникову, не сомневались в его поддержке.

Последнее, заключительное заседание Комитета проходило в здании правления ССП, на улице Воровского. Андроников ждал решения в вестибюле.

Когда дошло до обсуждения кандидатуры Андроникова и начались выступления «за», Фадеев, наклонившись к сидевшей рядом даме — члену Комитета, сказал, что сейчас провалит эту кандидатуру, чем вызвал ее изумление: все же знают, как А.А. любит Ираклия Луарсабовича. Вслед за этим (см. след. стр.)

Валя Б[убеннова] позвала их закусить к столу. Фадеев опять-таки не захотел войти в дом. Им накрыли за маленьким круглым столиком, вкопанным в землю, выкрашенным в тот же ядовито-зеленый цвет, что и вся дача Б[убеннова]. Это укромный уголок сада. Из него видна только дача одного руководителя джаз-оркестра, преуспевавшего, как, впрочем, и прочие дачевладельцы. В этом уголке А.А. Фадеев прожил еще двое суток. Первые сутки они почти не ложились и сидели вместе за столом.

— Александр Александрович разулся, — рассказывала Валя Б[убеннова], — и я увидела, что его ноги были все в волдырях, так он натер их ботинками, ходя беспрерывно по лесу. Было просто страшно глядеть на эти сорванные волдыри. Я подала на стол пол-литра водки, хлеб и редиску. Александр Александрович выпил очень немного. Потом он взял редиску и начал засовывать ее в рот прямо с зеленью и жадно заедать хлебом. Видно было, что он очень голоден.

О чем же говорил Фадеев? От чего он облегчал душу свою и почему он говорил? Он вспоминал молодость. Говорил о Союзе писателей, о своем предстоящем докладе на съезде, о семье, о Берии, о женщинах. О своих отношениях со Сталиным. Он пел песни: «Шумел камыш», «Трансвааль, Трансвааль, страна моя». Он говорил:

— Я приложился к самогону еще в 16 лет, и после, когда был в партизанском отряде на Дальнем Востоке. Сначала не хотел отставать от взрослых мужиков. Я мог тогда много выпить. Потом я к этому привык. Приходилось. Когда люди поднимаются очень высоко, там холодно и нужно выпить. Хотя бы после. Спросите об этом стратосферников, летчиков или испытателей вроде Чкалова. И когда люди опускаются ниже той общей черты, на которой мы видим всех, тогда тоже хочется выпить.

Мне мама сама давала иногда опохмелиться. Мама меня понимала больше всех. Моя мама была замечательным человеком.

---

Фадеев убедил присутствующих воздержаться от присуждения премии Андронику, который еще успеет ее получить. Фадеев просил только не сообщать об этом Андронику, которому он сам все объяснит.

После заседания, спустившись вниз, Фадеев сказал ошеломленному Андронику о происшедшем и, забрав к себе в машину (он ехал к кому-то из больных писателей), объяснил, что Сталин, увидев имя Андроникова, захочет познакомиться с его творчеством поближе и, конечно, узнает об его устных рассказах. Но там есть персонажи с грузинской интонацией, что может насторожить Сталина, вызвать его подозрения и неблагоприятные для Андроникова последствия.

По словам И.Л. Андроникова, он очень благодарен Фадееву за спасение от этой опасной ситуации.

Она умерла недавно, этой весной. Хотя я ожидал ее смерти, но не могу с этим примириться. Я впервые понял, что значит слово «сирота».

При этом Фадеев оглядел всех каким-то странным, вопрошающим взором.

— Я ее любил так, как никого в жизни. Я уважал ее. И она меня понимала. Это был очень сильный человек. И я гордился всегда ею и горжусь тем, что я ее сын.

Лицом Фадеев был очень похож не на мать, на отца, Александра Ивановича Фадеева, который был сыном наибеднейшего крестьянина-угольщика из села Покровского на Урале. Был это природный революционер, который обошел всю Россию. Был он из числа тех молчаливых, конспираторов и чудаков, из которых царские тюрьмы не могли выжать ни одного слова. Судился он еще по «делу 163» в конце прошлого века в Петербурге. Но об отце Фадеева должна быть особая повесть.

В мать Фадеева, Антонину Владимировну, которая сначала была назначена Красным Крестом фиктивной невестой для того, чтобы носить передачи Александру Ивановичу, влюбился нежно-угрюмый Александр Иванович с черной окладистой бородой. И приехала она потом в ссылку к своему жениху. Родился потом в железнодорожной больнице при станции Кимры, во время скитаний этих людей, Александр Александрович Фадеев.

Характером Фадеев был весь в свою мать, которую он так любил.

Антонина Владимировна, женщина с высоким лбом, с необычайно прямым и сильным характером, была фельдшерка и акушерка. Немало километров отхватила верхом она, ночью по дальневосточной тайге одна, направляясь с чугуевского медпункта в какую-нибудь дальнюю деревню, где рожала деревенская баба. Антонина Владимировна никогда и не перед кем не сгибалась. Она дала пощечину большому царскому начальнику, который приехал ревизовать медицинский пункт в Чугуеве и позволил себе какую-то насмешку. Не знаю, позабылось уже, почему произошел такой случай. С Антониной Владимировной я познакомился уже поздно, после войны. И Фадеев как-то ревновал меня к своей матери, потому что Антонина Владимировна почему-то привязалась ко мне, звонила иногда мне по телефону, звала меня к себе.

Однажды мы встретились с Фадеевым у постели его матери, когда она лежала в больнице. По стечению обстоятельств, в той же палате лежала тогда и сестра Маяковского — Ольга Владимировна, которая страдала болезнью сердца.

— Не люблю я жить у Саши на даче, — говорила мне Антонина Владимировна на вопросы, почему это она не пользуется воздухом и летом всегда живет в своей квартире в Москве. — Не люблю, потому что не могу привыкнуть к этой жизни, когда приезжают на автомобилях разные люди, разных положений, кто выше, кто ниже. Не могу приспособиться к этой жизни.

Ей, человеку глубоко демократичному, которая провела всю свою жизнь среди страждущего люда, крестьян, сезонников, рабочих, — стеснительно было выходить к гостям, которые были один знатнее другого.

Когда умерла его мать, Фадеев был в Кремлевской больнице. И он не смог (или не хватило сил) поехать проводить ее в последний путь. Он попросил меня это сделать и сказать несколько слов. Проводили ее, кроме близких, родных, старые дальневосточные друзья Фадеева еще по партийной работе, партизанской борьбе, во главе с Губельманом. Но в Фадееве всегда была жива эта демократическая косточка, которая так давала себя знать в его матери.

Как-то еще до войны встречали мы Новый год вместе с рабочими и служащими городка писателей в Переделкине. Были там Катаев, Нилин, Бек и другие писатели, постоянно тогда жившие в Переделкине. И, как водится, нам, писателям, отвели лучший угол, поближе пододвинули выпивку и закуску. Рассердился Фадеев. Перешел на другой конец стола, где большей частью сидели немолодые женщины: судомойки, прачки, сторожихи, — и крикнул, чтобы им передали туда вина.

— Я поднимаю тост, — и назвал тут Фадеев имя одной прачки, — за то, что она выстирала столько-то простыней и наволочек за прошлый год. Кланяюсь ее труду. Руку бы ей поцеловать, как полагается дамам в светском обществе, да, видишь, она их под задницу прячет, стесняется.

Все рассмеялись, а Фадеев продолжал, и всех, кто был за столом из служебного персонала, вспоминал по имени и отчеству. О всех он что-то помнил и знал, кто что сделал. И для каждого у него нашлось слово благодарности.

— Вот черт, — подумал я тогда, — глаз у него какой. Всех зацепил, все, кажется, заметил. И где он обо всем этом узнал?

Присутствовавшая при этом Р.Я. Головина, которая работала в Доме отдыха, сказала:

— Вот так всегда. Едет Александр Александрович в город, увидит меня издали, остановит машину и скажет: а может, Вас подвезти, Роза Яковлевна? И видно при этом, что он стесня-

ется своего поступка, боится, не подумала бы я, что он рисуется своим демократизмом.

— Еще любил спорить с электриком Алексеевым. Помните, был такой в толстых очках, красномордый. Чего он ему только, этот электрик, не наговорит. Он все серьезно выслушает и на все серьезно ответ даст.

И в других положениях вспоминался мне не раз Фадеев, когда он встречал тебя с наигранным смехом и с подчеркнутой выправкой, когда строго выступал на собраниях, и когда он при свечах (помню, погасло тогда электричество в целом районе) в старом здании Центрального дома литераторов громил вместе с Корнейчуком «космополитов» и цитировал направленные стенограммы. Голос его тогда был беспощаден, и, казалось, что этот голос был похож на ветер, который срезает верхушки деревьев. А верхушками этих деревьев были Юзовский, Гурвич и прочие наши товарищи.

И вот сейчас я вижу его опять в саду М[ихаила] Б[убеннова], он продолжает свою добрую, облегчающую душу исповедь.

— Да, были, конечно, и бабы, лучше сказать — женщины. Я не люблю это слово — «бабы». Мне не везло. И не везло потому, что духовное и физическое не могло объединиться в одной женщине. У меня могла получиться семья с Валей Г., но у нее совершенно невозможный характер. Я ничего не могу поделывать в отношении своей теперешней семьи. Я уважаю жену за некоторые ее качества. А вот мне ближе всего оказалась теперь Клава С. Я мог бы на ней даже жениться. Но я не был с ней близок.

— Ну это ты, впрочем, врешь. Ты много раз у нее ночевал.

— А вот, представь себе, что ночевал, а не спал. Она жила с К., а со мной вот не захотела. А я считаю, что если бы она меня по-настоящему приголубила, я бы бросил все и уехал с ней жить куда-нибудь далеко, или, еще лучше, пошел бы с ней пешком. Я вообще не знаю, как надо устраивать жизнь с женой и где найти место между женщиной и тем главным, чему я служу. А я слуга партии.

— Я знаю, меня любил Иосиф Виссарионович. Но как он ко мне относился — я понять не могу. Я много раз не понимал, что он от меня хочет.

Пожалуй, Фадеев сам тоже не знал, как ему относиться к Сталину и что он от него хочет. То он восхищался, то его сердце сжималось и он уходил душой от Сталина. То он отождествлял Сталина с партией, то разделял его с нею. То считал его продолжателем дела Ленина, то терялся в догадках, как ему себя вести.

Однажды во время войны я обратился к Фадееву с просьбой помочь вызволить мою сестру, которая находилась в «Алжире» — то есть, иначе говоря, в Акмолинском лагере жен изменников родины. Ее муж — И.А. Танин, помощник Н.С. Хрущева, когда тот был секретарем Московского комитета партии, после прихода Берии был арестован, как, впрочем, и другие помощники Н.С. Хрущева в его секретариате. Похоже, что Берия хотел создать у Сталина впечатление, что Н.С. Хрущев окружил себя так называемыми «врагами народа».

Так или иначе, по существовавшему в те годы закону, моя сестра без предъявления какого-либо обвинения была арестована и отправлена в Акмолинский лагерь.

— Я бы, конечно, вступился за твою сестру, — сказал мне Фадеев, — но боюсь, что моя поддержка будет хуже веревки для приговоренного к повешению.

— То есть как это так?

— Долгий разговор. Но у меня с Берией особый счет. Еще в мае 1937 года Сталин предложил мне поехать на съезд партии Грузии. «Напишите, товарищ Фадеев, ваши впечатления об этом съезде для меня. Личные впечатления. Немного, страницы на полторы». Я, как член ЦК, избранный на XVIII съезде, поехал туда в качестве полноправного делегата и взял с собой Петю Павленко, который присутствовал на съезде в Тифлисе в качестве гостя. Мы написали Сталину письмо вдвоем, рассказали, что понравилось. Написали, что нас смутило. А смутило нас то, что уже тогда бюст Берии стоял где-то на площади, а съезд каждый раз вставал, когда входил Лаврентий Павлович. Мы написали, что такое почитание секретаря ЦК Грузии расходится с историей и традициями большевистской партии, что это, может быть, и не к чему.

Написав такое лихое письмо, мы его отправили Иосифу Виссарионовичу. Прошел какой-нибудь месяц, как Берия был вызван в Москву и назначен сначала заместителем Ежова. Ко мне пришел Павленко и сказал: «Саша, мы пропали». Я ответил ему, хохотнув: «Бог нас не выдаст...», — но вторую половину поговорки: «свинья не съест» — я Петьке сказать не осмелился.

— Ты меня, Корнелий, прости, может быть, я не имею права тебе рассказывать про это, но ты, как беспартийный, не обязан меня выдавать. Надо же кому-нибудь выговориться. А я тебе верю, ты человек наш. Ты тоже коммунист, хотя и не в партии. Так я считаю.

Короче говоря, был после этого обед у Сталина на даче. Мне о нем рассказывал Чиаурели. И было на обеде этом три чело-

века: Сталин, Берия и Чиаурели. Разговор шел на грузинском языке. Вот Сталин и говорит Берии: «Что-то ты, Лаврентий, говорят, культ себе устраиваешь, статуи воздвигаешь?»

Берия, человек хитрый и неглупый, спросил Сталина, откуда такая версия, кто меня топит. А Иосиф Виссарионович, как известно, был большим артистом и по-разному мог разговаривать — и с подковыркой, а когда нужно, мог и так человека увлечь, так приласкаться, такой натурой показаться, что, кажется, ты ему должен всю душу доверить. Помнишь, как в «Полтаве» Пушкина о Мазепе сказано.

— Да вот слухом земля полнится, — ответил Сталин. — Среди писателей такой разговор был.

Берия, конечно, сразу смекнул, о чем идет речь, и начал меня расхваливать до небес, что такой-де Фадеев замечательный парень, но только увлекающийся. Сталин слушал, в усы улыбался, да помалкивал. В конце концов он ему это письмо отдал: прочти, говорит, сам.

Берия, конечно, эту штуку мне навек запомнил. Конечно, он меня в сводках мог чернить, как хотел, ну, там, вино, женщины, мог даже еще другое приписать, но Сталин в политических обвинениях ему не верил. В этом меня он знал сам, вернее, так сказать, перечеркивал это и все. Тогда Берия решил вселить в меня иглу с другой стороны. Он арестовал Марианну Г., которая была заслуженной чекисткой. Она была первой женой Лебединского. Красивая женщина была и замечательная коммунистка. Она в НКВД занималась как раз делами культуры. Но к тому времени, когда Берия ее арестовал, она уже ушла из этого ведомства. Я написал ему письмо. Проходит месяц, другой, третий — нет ответа. А ведь я — Фадеев, член ЦК, как же так? Ну, думаю, я сделал ошибку, что опустил письмо в общий ящик в приемной на Кузнецком, куда жены опускали свои письма со слезами. Я передал ему новое письмо другим способом. В нем я писал, что считаю Марианну (мы все ее Мурашей звали) кристально честным коммунистом и готов ответить за нее, как и за себя, партийным билетом. Опять идет неделя за неделей. Недели через три, а может быть и через месяц раздается звонок. Жил я в это время, как ты знаешь, в Комсомольском переулке, в доме НКВД, в квартире, которую я получил еще при Ягоде.

— Товарищ Фадеев?

— Да.

— Письмо, которое Вы написали Лаврентию Павловичу, он лично прочитал и дело это проверил. Человек, за которого Вы ручались своим партийным билетом, получил по заслугам. Кроме



того, Лаврентий Павлович просил меня — с Вами говорит его помощник — передать Вам, что он удивлен, что Вы, как писатель, интересуетесь делами, которые совершенно не входят в круг Ваших обязанностей как руководителя Союза писателей и как писателя.

Секретарь Берии повесил трубку, не ожидая моего ответа. Мне дали по носу, и крепко. Марианну в общем порядке послали в «Алжир». Все работники ГУЛага, т.е. Главного управления лагерей, конечно, лично ее хорошо знали, любили и жалели. Ей предложили работать в администрации или даже в КВЧ, но она, гордый человек, была оскорблена несправедливо возведенным на нее обвинением до последней степени.

Она была осуждена в административном порядке на пять лет пребывания в Исправительно-трудовом лагере. Ты понимаешь, если даже сам Берия не сумел ей ничего пришить, кроме недогляда по службе (мало, оказывается, раньше арестовывала), значит, за ней решительно ничего не было. Итак, попала она в женские лагеря, где по преимуществу находились жены «врагов народа», люди, не имевшие собственной статьи. Марианна отказалась от всяких поблажек. Она сказала, что будет работать на общих работах. «Если у вас есть тачки, — сказала она, — то дайте мне в руки тачку». Она работала на молочной ферме, резала камыш для утепления, была на общих физических работах. Она мало писала. Ее душа не могла примириться с тем, что с ней произошло. Она, которая сама допрашивала, сама вела дела и отправляла в лагеря, теперь вдруг оказалась там. Это она могла представить себе только в дурном сне. Она была вообще немного фанатичным человеком. В ней было что-то от женщин Великой французской революции.

Анатоль Франс, вероятно, мог бы написать эту фигуру. Это красивая и романтическая женщина, у которой судьба отняла ее положение, ее партийный билет, даже ее веру в правоту того, чем она сама занималась, и согнула ее не только перед королями и травой.

Прошло пять лет. Наконец она написала, что отбыла свой срок и просит помочь ей вернуться в Москву. Я позвонил начальнику ГУЛага, и тот товарищ, который хорошо меня знал, с большой охотой сказал: я дам распоряжение выдать ей паспорт и вернуть ее в Москву. И вот через некоторое время мы встретили словно прежнюю Марианну, к которой опять вернулась человеческая речь, улыбка, вера в завтрашний день. Она поселилась через двор в том же доме, где жил я, у своей матери, и отдала свой паспорт коменданту в пропуску. Комендант через

день сказал ей: «Тов. Г., начальник паспортного стола хотел бы лично с Вами поговорить, хотя Вы и живете в доме НКВД».

— Как же вы, тов. Г., — сказал начальник паспортного стола, — такой опытный человек и не знаете порядков. Ведь мы же с вами бывшие коллеги. Я вас знаю давно и многое о вас слышал. Но ничего для вас сделать не могу. У вас же в паспорте стоит другая литера.

— Что за литера? — побледнев и стараясь казаться спокойной, спросила Марианна.

— А такая литера, которую вы сами прописывали людям. Эта литера не дает вам права жить в Москве, а только за 100 километров от столицы.

— Как же так? — растерянно спросила Марианна. — Как же мне быть? К кому я должна обратиться? Мне же обещали...

— Вы можете обратиться лично к товарищу Берии, чтобы было принято специальное разрешение об оставлении вас в Москве. А пока я вам дам временную прописку на две недели.

Не сразу сказала нам об этом Марианна. Только через несколько дней я узнал о том, что выдача паспорта и разрешение вернуться в Москву, выданные через ГУЛаг, были комедией. Разумеется, ни она, ни я к Берии не подумали бы обращаться. Он хорошо помнил все это дело и, вероятно, даже дал тайную инструкцию последить за Марианной.

Нам оставалось несколько дней. Мы встречались каждый день. Она, так же, как и Валя, была человеком с трудным характером. Но она была так красива — так же, как когда-то Лариса Рейснер. Я не мог не любоваться ею, думая, как удивительно природа может объединить в одном человеке и женскую красоту и железо революции.

В тот день, когда ей предстояло выехать в г. Александров, за 100 километров от Москвы, ее мать пошла в магазин. Марианна попросила ее взять ключи, так как собиралась тоже уйти из дома по своим делам. Я решил написать обо всем этом до того еще и Сталину, но ответа не получил.

Мать Марианны вернулась домой, открыла дверь и увидела свою дочь висящей на лампе. Мы постарались тогда замять эту историю, объяснить самоубийство Марианны расстройством психики и т.д.

Но это была несгибаемая душа. Она была коммунисткой. Ты понимаешь это слово — коммунисткой, которая не хотела сдаваться до последней минуты. Но ее человеческая гордость была, пожалуй, выше всего. Она не могла признать насилия над собой. Так-то, Корнелий, обстоят дела. Вот почему я не могу

просить за твою сестру. Ты понимаешь, что моя просьба может только ухудшить ее судьбу.

Да, это была правда. В те времена я попросил принять участие в судьбе моей сестры Алексея Толстого, и ему, как председателю комиссии по расследованию фашистских зверств во время войны, пошли навстречу. Моя сестра была освобождена из лагеря на полгода раньше. Впрочем, после этого ей еще 10 лет пришлось пробыть в ссылке в глухой деревне Ленинградской области.

Когда она временно приезжала в Москву в 1945 году (Фадеев в это время писал «Молодую гвардию»), мы как-то обедали у Фадеева на даче. Был он с матерью Антониной Владимировной, и я с сестрой Тamarой. Во время обеда раздался гудок автомобиля, и в дом вошел фельдъегерь из ЦК, который вручил Фадееву пакет, запечатанный сургучными печатями. Фадеев попросил подождать его ответа в машине. Распечатав письмо — это была короткая записка на бланке от А.Н. Поскребышева, — он передал ее мне. Я хорошо запомнил эту записку, она гласила: «Товарищ Фадеев! Товарищ Сталин просит вас быть завтра между 5 и 6 часами на его даче на обеде. Машина будет за вами послана. Подпись: А.Н. Поскребышев».

Впервые в жизни я увидел, как Фадеев побледнел, потом вся кровь бросилась ему в лицо, и оно стало малиновым.

— Пойди, передай фельдъегерю... нет, нет, не ты, пусть это сделает мама. Мама, прошу тебя, пойди и скажи фельдъегерю, что я болен, что я не могу присутствовать там, где меня просят. Я потом сам все объясню товарищу Поскребышеву.

Наш мирный обед был расстроен. Кое-как мы закончили свой разговор и молчаливо пошли домой. На следующее утро, как обычно, Фадеев пришел под мое окно и кликнул меня:

— Пойдем, Корнелий, по грибы.

Я вышел, и мы отправились с ним в сторону Одинцова.

— Слушай, Саша, — сказал я, — все-таки я не понимаю тебя. Не каждый день Сталин приглашает к себе на обед. Если тебе не нужно, то, по крайней мере, ты бы мог что-то сказать о всех нас, о литературе. Это же редкий случай, когда можно встретиться и поговорить в удобной обстановке о самых важных наших делах.

Фадеев рассвирепел:

— Поди ты к черту, — сказал он. — Вообще ты меня не имеешь права спрашивать о том, почему я не поехал к Сталину и что я ему должен говорить. Тебя это не касается, и не лезь в те дела, которых не понимаешь.

Я был обижен таким неожиданным взрывом резкости и неприязни.

— Поди и ты тогда к черту! Не хочу я с тобой «идти по грибы». Не хочешь — не говори. Но я не хочу выслушивать твоих дерзостей.

И я зашагал через поле, с которого была уже убрана картошка, увязая ботинками в комьях мокрой земли. Не успел я дойти до опушки, как меня догнал Фадеев. И снова, как это с ним часто бывало, я почувствовал внезапный переход от дикого гнева к ласке и от холодного официального тона к истинно человеческому, почти братскому обращению. Он обнял меня за талию:

— Не сердись на меня, я виноват перед тобой. Но что ты хочешь от меня знать, когда я сам не знаю, почему я не поехал. Я не могу поехать, потому что я уже седой человек и не хочу, чтобы меня цукали, высмеивали. Мне трудно уже выносить иронию над собой. Я не котенок, чтобы меня тыкали мордой в горшок. Я человек. Ты это понимаешь? Там будет этот самый Берия, — сказал он с отвращением. — Ты знаешь, какие у меня с ним отношения. Я знаю, что меня там ждет. Меня ждет иезуитский допрос в присутствии Сталина.

Через несколько дней Фадеев исчез. С ним случилось то «завихрение», в которое он попадал всякий раз, когда взрывались нервы, и из которого он не мог сразу вывести себя, точно самолет из штопора. Где он пропадал — было неизвестно. Затем он пришел ко мне на дачу и попросил сказать Антонине Владимировне, что он находится у меня. Дома знали, что если Фадеев у меня, то уже все в порядке, поскольку я, как там было известно, ничего не пил из-за болезни сердца.

Целые сутки пролежал на моей постели Фадеев. Я читал ему, сидя рядом в кресле, или готовил обед, и мы все время говорили.

— Я тебе должен сказать одну вещь, Корнелий, я не могу ее носить в себе, потому что с этим жить нельзя. Я должен с кем-то выговориться, и нет сейчас кроме тебя другого человека, с которым бы я мог даже посоветоваться. Меня вызвал к себе Сталин. Он был в военной форме маршала. Встав из-за стола, он пошел мне навстречу, но сесть меня не пригласил (я так и остался стоять), начал ходить передо мною:

— Слушайте, товарищ Фадеев, — сказал мне Сталин, — вы должны нам помочь.

— Я коммунист, Иосиф Виссарионович, а каждый коммунист обязан помогать партии и государству.

— Что вы там говорите — коммунист, коммунист. Я серьезно говорю, что вы должны нам помочь, как руководитель Союза писателей.

— Это мой долг, товарищ Сталин, — ответил я.

— Э, — с досадой сказал Сталин, — вы все там в Союзе боретесь «мой долг», «мой долг»... Но вы ничего не делаете, чтобы реально помочь государству в его борьбе с врагами. Вот вы, руководитель Союза писателей, а не знаете, среди кого работаете.

— Почему не знаю? Я знаю тех людей, на которых я опираюсь.

— Мы вам присвоили громкое звание «генеральный секретарь», а вы не знаете, что вас окружают крупные международные шпионы. Это вам известно?

— Я готов помочь разоблачать шпионов, если они существуют среди писателей.

— Это все болтовня, — резко сказал Сталин, останавливаясь передо мной и глядя на меня, который стоял почти как военный, держа руки по швам. — Это все болтовня. Какой вы генеральный секретарь, если вы не замечаете, что крупные международные шпионы сидят рядом с вами.

Признаюсь, я похолодел. Я уже перестал понимать самый тон и характер разговора, который вел со мной Сталин.

— Но кто же эти шпионы? — спросил я тогда.

Сталин усмехнулся одной из тех своих улыбок, от которых некоторые люди падали в обморок и которая, как я знал, не предвещала ничего доброго.

— Почему я должен вам сообщать имена этих шпионов, когда вы обязаны были их знать? Но если вы уж такой слабый человек, товарищ Фадеев, то я вам подскажу, в каком направлении надо искать и в чем вы нам должны помочь. Во-первых, крупный шпион ваш ближайший друг Павленко. Во-вторых, вы прекрасно знаете, что международным шпионом является Илья Эренбург. И, наконец, в-третьих, разве вам не было известно, что Алексей Толстой английский шпион? Почему, я вас спрашиваю, вы об этом молчали? Почему вы нам не дали ни одного сигнала? Идите, — повелительно сказал Сталин и отправился к своему столу. — У меня нет времени больше разговаривать на эту тему, вы сами должны знать, что вам следует делать.

— Понимаешь, какой свинец он вложил мне в грудь. Я не имею права не верить генеральному секретарю ЦК партии в том, что он мне говорит. И в то же время я ему не верю, потому

что все это неправда. Зачем он мне вложил этот свинец? Что от меня Сталин хочет?

Фадеев внезапно зарыдал, сдерживаясь и стараясь скрыть от меня свое душевное состояние.

— Какого дьявола ты меня упрекаешь, что я пью. Тебе хорошо говорить, ты боишься даже рюмку проглотить. Вообще ты сейчас уйди, оставь меня одного.

Мы были одни в большой пустынной даче. Я спустился вниз, затопил печку, поколол дрова. Прошло много часов, но я слышал, что Фадеев, который был наверху в маленькой комнате на даче Сельвинского, ворочался на диване, вставал, ходил по комнате. Потом он спустился вниз уже совершенно спокойный и сказал:

— Где тут у тебя можно помыться? Я пойду домой. Я не помню, что я тебе говорил. Вообще, ты понимаешь, что я тебе ничего не говорил.

— Понимаю, — сказал я. — Ты мне ничего не говорил. Я ничего не слышал.

Но все-таки этот разговор имел свое продолжение.

В мае того же года, когда закончилась война, Берия пригласил Фадеева к себе в гости на дачу.

— Сначала мы ужинали с ним вдвоем. Низко опущенная люстра над белой скатертью, тонкие вина, лососина, черная икра. Бесшумно входящие горничные. Только иногда в дверях показывались люди, несшие охрану. Дважды Берия вызвали к телефону в его кабинет, и его помощник, молодой грузинский полковник, подходил и шептал что-то по-грузински на ухо Берии.

Берия был со мной весьма любезен. Мы говорили о литературе. Потом Берия осторожно подошел к вопросу, который передо мною поставил еще зимой Сталин, что в Союзе писателей существует гнездо крупных иностранных шпионов. Я понял, о чем идет речь, и сказал:

— Лаурентий Павлович, почему вы выдвигаете такие предположения, внушая их Иосифу Виссарионовичу, в которые я, работая бок о бок с людьми и хорошо зная их, просто не могу поверить?

— Ладно, — отрывисто прервал нашу беседу Берия. — Лучше пойдемте сыграем в бильярд.

Но в бильярдной комнате, где мы остались совсем вдвоем, я окончательно поругался с Берией. Тут меня прорвало. Я начал говорить, что вообще нельзя так обращаться с писателями, как с ними обращаются в НКВД, что эти вызовы, эти перетряски, эти науськивания друг на друга, эти требования доносов — все это нравственно ломает людей. В таких условиях не может су-

ществовать литература, не могут расти писатели. Берия отвечал мне сначала вежливо, а потом тоже резко. В конце концов мы оба повысили голос и поругались.

— Я вижу, товарищ Фадеев, — сказал мне Берия, — что вы просто хотите помешать нашей работе.

— Довольно я видел этих дел. Вы мне их присылаете. Таким образом всех писателей превратите во врагов народа.

Берия разозлился, бросил кий и пошел в столовую за пиджаком, который он там оставил. Я воспользовался этим случаем и через другую дверь вышел на террасу, затем в сад. Часовые видели меня в воротах, поэтому выпустили меня. Я быстрым шагом отправился на Минское шоссе. Прошло минут пятнадцать, как я скорее догадался, а потом услышал и увидел, как меня прощупывают длинные усы пушного вдогонку автомобиля. Я понял, что эта машина сейчас собьет меня, а потом Сталину скажут, что я был пьян, тем более, что Берия усиленно подливал мне коньяку. Я улучил момент, когда дрожащий свет фар оставил меня в тени, бросился направо в кусты, а затем побежал обратно, в сторону дачи Берии, и лег на холодную землю за кустами. Через минуту я увидел, как виллис, в котором сидело четверо военных, остановился возле того места, где я был впервые замечен. Они что-то переговорили между собою — что, я уже не слышал, — и машина, взвывая, помчалась дальше. Я понял, что если я отправлюсь в Москву по Барвихинскому, а потом Минскому шоссе, то меня, конечно, заметят и собьют. Поэтому, пройдя вперед еще около километра за кустами, я перебежал дорогу и пошел лесом наугад по направлению к Волоколамскому шоссе. Я вышел на него примерно в том месте, где проходит мост через Москву-реку у Петрова-Дальнего. Пройдя еще полкилометра, я сел в автобус, приехал к себе на московскую квартиру, где официально, так сказать, я был уже в безопасности. Не знаю, сообщил ли Берия Сталину о нашей встрече или нет. Однако в отношении ко мне Сталина усилились те язвительные ноты, которые, впрочем, были у него всегда.

Я всегда представлял себе Фадеева в Союзе писателей или иных общественных, публичных местах как человека, озабоченного своей осанкой и стремлением держаться так, чтобы его внешность как бы отвечала тому пафосу и красоте коммунистических идеалов, огонек которых всегда горел в его душе. И во всей его фигуре, ладной, стройной, с высоко поднятой головой, чувствовалась внутренняя мобилизованность и желание, чтобы всякий, кто взглянет на него со стороны, внутренне повторил бы

чеховские слова: вот человек, в котором все красиво: и платье, и душа.

Помню, как в 1947 году в Риге Фадеев, с которым мы тогда жили в одном доме в дни съезда латвийских писателей, тревожился по поводу потерянной расчески:

— Эта гребенка мне необходима. Я не могу позволить, — с ироническим хохотком говорил Александр Александрович, — чтобы мои волосы лежали кое-как.

Мне нравилось в Фадееве это его постоянное ощущение присутствия идейности и красоты. Мне кажется, что с годами он становился и физически красивее. В его холодном взоре светилась пристальная наблюдательность и ум. И ранняя седина украшала его.

Сталину нравилось «сбивать фасон» с Фадеева. Однажды на заседании правительства по вопросу о присуждении Сталинских премий Сталин (как мне рассказывал Фадеев) с издевкой спросил его: почему в списке нет романа Панферова «Борьба за мир»?

— Что вы думаете по этому поводу, товарищ Маленков? — спросил Сталин входящего Маленкова.

Фадеев отвечал, что Комитет по Сталинским премиям не обсуждал этого романа, так как не считает его находящимся на уровне необходимых художественных требований.

— Мы другого мнения, товарищ Фадеев, — сказал Сталин, оглядываясь на присутствовавших при этом Кагановича, Маленкова, Ворошилова и др. — Ну как, уважим предложение т. Маленкова? Дадим Панферову премию? Я думаю, надо дать.

— Ты понимаешь, Корнелий, — говорил мне Фадеев, — беда в том, что Сталин сам когда-то писал стихи. У него плохой художественный вкус, и по этому поводу с ним спорить невозможно. Например, Сталин сделал мне такое замечание о «Молодой гвардии»: «У вас, товарищ Фадеев, слишком длинные фразы. Народ вас не поймет. Вы учитесь писать, как мы пишем указы. Мы десять раз думаем над тем, как составить короткую фразу. А у вас по десять придаточных предложений в одной фразе». Я попытался сослаться, что у Толстого тоже были фразы с придаточными предложениями. Но на это Сталин мне сказал, что мы еще для вас пантеон не построили, товарищ Фадеев, подождите, пока народ построит вам пантеон, тогда и собирайте туда все ваши придаточные предложения.

Фадеев по мере сил скрывал от всех, что творилось в его душе. Он изо всех сил стремился быть дисциплинированным членом партии, верным сталинцем. Свое заключительное слово на юбилейном вечере по поводу своего пятидесятилетия (а этот



юбилей распорядился отпраздновать именно Сталин) Фадеев закончил словами какой-то молитвы, что он отныне всю свою дальнейшую жизнь и дальнейший труд посвятит делу Сталина и имени Сталина.

Уже готовясь к своей казни (я иначе не могу назвать его самоубийство), Фадеев переделал эти слова и заменил слово «Сталин» словом «партия», но постеснялся в новой редакции включить эту свою речь в книгу статей «За тридцать лет».

Это была трагедия человека, который был кристальным коммунистом, человеком бесконечной веры в людей. О нем можно было бы сказать словами Блока:

Он весь дитя добра и света,  
Он весь свободы торжество!

Во имя того прекрасного и человеческого, о чем Фадеев сумел с такой целомудренной правдой рассказать в своем «Разгроме» и на многих страницах «Последнего из удэге», Фадеев 16-летним мальчиком вступил в партию, пошел в партизанскую борьбу. Этот прямо державшийся мальчик, «ушастик», как звали его, влюблен был в партию, знал множество стихов наизусть и отлично их читал. И вот он вошел в этот сложный мир, где все было запутано и извращено Сталиным. Фадеев не мог даже посметь открыто выразить свое несогласие со Сталиным в чем-либо, хотя и стремился всегда держаться с достоинством. Но его сбивали ударами железного кулака, совали носом в бериевскую грязь, стремились как можно больше замазать этой грязью. И все-таки, когда умер Сталин, Фадеев пришел в «Правду» и среди работников отдела литературы с необычайно вдохновенной силой рассказал о том, каким удивительным человеком был Иосиф Сталин.

Не знаю, как нес на себе Фадеев этот груз? Но я знаю, я видел, как иногда ему было тяжело, хотя видел его и в роли карателя тоже.

И вот я опять вижу его в саду во Внукове.

— Под утро в воскресенье, 13 июня, Фадеев немного забылся сном на раскладушке, которую ему вынесли в сад. Под крышу он по-прежнему не хотел идти. Утром после завтрака к Б[убеннову] приехали два поэта. А. Фадеев пил меньше всех. Он по-прежнему сидел на узенькой маленькой скамеечке за зеленым столом, босой, небритый. Он был полон радушия к людям, от него веяло теплом и дружелюбием. Каждому он хотел сказать что-нибудь приятное. Он хотел, чтобы забыли о том, кто он. Он говорил В[асильеву], хватаясь руками за голову:

— Сережа, как я перед тобой виноват! Боже мой, как я перед тобой виноват! Я же люблю твои стихи, — при этом Фадеев читал некоторые стихи поэта наизусть. — Я еще во время войны должен был провести тебя на Сталинскую премию.

— Что же делать, Саша. Ведь я во время войны не мог от тебя забеременеть.

— Ах вот как ты бьешь. Ну что ж, бей. Я это заслужил. Ты это про А. говоришь, я знаю. Было это у Павлика на квартире. Было в гостинице «Москва». Была такая полоса, когда я не выходил из «штопора», хотя, как сказано у Пушкина, «но строк печальных не смываю».

В начале войны Фадеев был назначен заместителем председателя Совинформбюро (председателем был А.С. Щербаков). Но случились срывы. Фадеев очень тяжело переживал народную трагедию отступления. Иным казалось, что Фадеев был, глядя с фасада, неуязвимо официальной личностью с холодными глазами, что ничто не могло тронуть его железного сердца. Но это было не так. Фадеев, подобно Маяковскому, который тоже имел громоподобный голос и позу неудержимо устремленного вперед человека, в действительности был очень ранимым человеком. Таким людям, с такой легко уязвимой душой трудно живется на белом свете в наше крутое и неумолимое время. Не выдержал Фадеев обрушившихся событий. Дрогнули его нервы. Скрылся он где-то на квартире у рабочего на Красной Пресне и окунулся в хмель, чтобы забыться, отвести хотя бы на несколько дней те страшные видения, которые сам видел, выезжая на фронт, не боясь там подставлять грудь под пули. А вот воображение художника не выдержало их.

А.С. Щербакову понадобился Фадеев по делам службы. Нет Фадеева. Нет его дома, ни в редакции, неизвестно где скрылся заместитель председателя Совинформбюро. Пришлось позвонить все тому же Лаврентию Павловичу. А Лаврентий Павлович, конечно, глаз не сводил с генерального секретаря Союза писателей. Послали фельдъегеря за Фадеевым, вызвали в ЦК. Под председательством Маленкова было заседание Секретариата.

— Я хоть и был членом ЦК, — рассказывал мне Фадеев, — но сидел в приемной комнате как проситель. Сжался весь, напряглось у меня все внутри. Думаю, скажу сейчас Щербакову (а мы оба друг друга терпеть не могли) такие слова, за которые меня не только из ЦК, но и из партии вышибут. Я ненавидел Щербакова за то, что он кичился своей бюрократической исполнительностью, своей жестокостью бесчеловечного служаки. Но вот вышел из комнаты, где происходило заседание, А.А. Андре-

ев, подошел ко мне, посмотрел мне в глаза, на сведенные брови, почувствовалось ему какое-то отчаяние мое, и он положил мне на плечо руку и сказал тихим простым голосом:

— Что с вами, товарищ Фадеев? Нехорошо вам, голубчик?

И вдруг пропала у меня вся моя силовая выдержка, вся напряженность, неудержимо хлынули слезы, и я закрыл лицо руками.

— Ничего, товарищ Фадеев, — сказал мне Андреев, — ведь тут ваши товарищи сидят. Разберемся как-нибудь в вашем горе.

— Ты знаешь, Корнелий, спас меня Андрей Андреевич. Как-то вышло с этими слезами все тяжелое, что накопилось в душе. На Секретариате дали мне только выговор, хотя Щербаков и требовал моей крови. Я уж не знаю, как вышел с этого заседания, как домой пришел.

И вот опять я вижу Фадеева босым в саду, за столиком, выкрашенным в ядовито-зеленый цвет.

А. Фадеев упоминал о многих женщинах, с которыми он был интимно близок, но ни об одной он не сказал плохо. И теперь в этом состоянии ослабления всех скреп он не плюнул вдогонку ни на один подол. Только об одном литераторе он говорил с возмущением и минутно вспыхнувшей ненавистью.

— Нет, ты понимаешь, ты понимаешь, что было. В прошлом году, осенью, я вот так вынужден был зайти к нему, как к тебе. Я шел из «шалмана» и, переходя речку, свалился, измок весь и зашел к нему, чтобы обсушиться и прийти в себя, прежде чем вернуться домой. И эта сволочь меня не приняла. Он велел своему сторожу передать, что «занят срочной работой»! А ведь я Фадеев! И «писательский сторож» привел меня к себе, раздел, уложил на кровать, помыл меня.

Рассказывая обо всем этом, Фадеев, не стесняясь четверых присутствовавших при этом людей, плакал, вытирая слезы грязным носовым платком, каким вытирал руки, которые мыл в ручье, когда жил в лесу.

— Он однодневка. Это не художник. В конце концов это карьерист высокого масштаба, хотя я и признаю, что он очень способный человек.

— Так тебе и надо, суке, — говорили Фадееву Б. и В. — Ты его породил. Вот теперь и пожинай то, что посеял.

— Да, верно. Так мне и надо. Но я думаю, что он человек, и человек идеи. Ничего настоящего человеческого в нем нет. Человек, который может обращаться со своим сердцем, как с водопроводным краном, который можно отпускать и перекрывать, — это уже не человек.

— Как же теперь будет со съездом?

Фадеев снова принужденно захохотал.

— Бог нас не выдаст, свинья нас не съест. А если и съест, то подавится. Я не хочу делать доклад на съезде. Я хочу выпустить свой роман, опубликовать хотя бы десять листов перед съездом. Не лежит у меня душа к докладу и воротит меня от него.

— А кто же будет делать доклад?

— Доклад сделает Сурков. Он ведь баптист, доклады делать умеет. — И Фадеев опять захохотал.

В воскресенье появился у Б. Тараканов. Не знаю, каким образом в Союзе наконец стало известно, что Фадеев у Бубеннова и что его надо спасать. Но Фадеев отказался уехать домой. Как будто уже решившись и как будто уже поддавшись на уговоры, он в самую последнюю минуту вдруг решительно заявил:

— А мне здесь хорошо. Я никуда не поеду.

Во вторник, 15-го, утром я, направляясь в Москву, заехал на дачу Фадеева и говорил с его секретаршей. Она выбежала ко мне в сад.

— Спасибо вам, Корнелий Люцианович, но Фадеев уже отыскан. Я знаю, что он у Б. Я послала ему записку с Таракановым, и он будет дома, как миленький. Мы ума не приложим, что с ним делать. Признаюсь вам по секрету, что я в его отсутствие обшарила его письменный стол, чтобы проверить, что им написано. Мне кажется, что им написаны только те два с половиной листа, которые он всем читает. Все остальное — черновики. Но, может быть, это не так.

Во вторник в 11 утра «ЗИС», который был закреплен за Фадеевым в Союзе писателей, прибыл за начальником на дачу Бубеннова. Но его там не оказалось. Рано утром, пока еще все спали и никто его не видел, он ушел пешком в Переделкино и вернулся на свою дачу. Когда встревоженный Тараканов из Внукова приехал в Переделкино, Фадеев был дома.

На другой день открывался Пленум Центрального Комитета. На нем, впервые после долгого отсутствия в Кремле, появился А.А. Фадеев. Он был тщательно выбрит. На нем хорошо сидел его государственный пиджак. И во всей его фигуре чувствовалось, что перешел в другой класс бытия.

Еще через день, возвращаясь из Москвы на машине, уже в самом Переделкине я увидел впереди себя зад правительственного «ЗИСа». В окне его на длинной шее покачивалась серебряная голова, отдающая уже в желтизну. Это был Фадеев, возвращающийся из Кремля. Он снова был в заботах, подчеркнуто деловит и хлопотлив. Он загружал секретарей всякими поручениями.

Действительно, А.А. Фадеев, по-видимому, согласовал с надлежащими лицами на Пленуме ЦК свой отказ делать доклад на съезде писателей. После окончания Пленума А.Фадеев 22-го июня отправился во Внуково снова. На этот раз не пешком, не босым с ботинками за плечами, а в комфортабельной машине, подчеркивавшей его общественно-политический и государственный ранг. А.А. Фадеев привез Бубеннову взаймы 20 тысяч, которые тот у него попросил. После этого он перешел улицу Маяковского и направился к Суркову, чтобы сообщить последнему о том, что доклад на Втором съезде писателей должен будет сделать он, Сурков.

Таковы некоторые события июня 1954 года.

Почему у меня возникла потребность записать их, как простому летописцу? Не знаю. Для кого этот материал? Для психолога или физиолога, для историка или политика? Я не художник-исследователь, подобно Бальзаку или Толстому, человеческих страстей, которые могут брать верх над умом, талантом и общественным положением человека. Но видел перед собой выдающегося художника нашего времени, в таланте которого есть обаяние, приходящего в противоречие с теми рамками быта и бытия, какие ему определила история и какие он создал себе сам. Я видел перед собой человека, на арене души которого борются идея и порок, государственная целеустремленность и физиологическая слабость, красота чувствований и тонкость ощущений и болезнь, прямота и двойственность, гордость и самоуничтожение.

Судьба А.Фадеева была трагична. Да и все его произведения, в сущности говоря, трагичны по своему сюжету. Однако все они кончаются выходом в прекрасное. И сам Фадеев, как образ человеческий, тоже выходит в прекрасное. Он начал свою жизнь как Бакланов из романа «Разгром», влюбленный в вождя своего партизанского отряда. Он видел впереди себя ту мечту о красоте человека, которая вела в жизни Левинсона. Она вела за собой и Фадеева. Он сам хотел быть прямым, стройным, ничем не искривленным, как то умпостижаемое коммунистическое общество, которому он посвятил свою жизнь. Он вышел на борьбу за это общество, готовясь пожертвовать всем. Его старший двоюродный брат Всеволод Симбирцев был заживо сожжен японцами в топке паровоза вместе с Сергеем Лазо. Другой его двоюродный брат, Игорь Симбирцев, был в некотором роде его наставником. Он тоже мечтал об этом новом, прекрасном мире. Игорь Симбирцев был ранен в бою с каппелевцами в 1920 году под Хабаровском. И когда враги на конях, в черных мундирах с серебряными петлицами, приближались к нему, раненному пулеметом в

ноги, беспомощному, лежавшему на снегу, он пустил себе пулю в сердце, чтобы не выдавать себя врагу на поругание и муки.

А.Фадеев встретил в жизни препятствия, которые приходили в непримиримое противоречие с самой природой его светлой души. Ни одного думающего и чувствующего человека не может не потрясти и не заставить задуматься картина того, как знаменитый писатель, так тесно сросшийся с особым государственным укладом нашей литературной и политической жизни, уходит в лес, боясь показаться на глаза людям в том неприглядном и грязном виде, который, увы, так понятен и знаком простому трудовому русскому человеку. Нет, не только болезнь или алкоголь отверзают уста человеческие перед неблизкими людьми, уста, обычно так скованные — в соображении всех политических последствий — отвешивающие каждое слово.

Во всем этом сложном явлении — «Фадеев», — известном людям по книгам, отразились также и другие грани и стороны нашего времени. И может быть, для будущего исследователя нашей эпохи эти грани помогут глубоко понять художника и по-новому осветить наше время.

Не знаю, может быть, это чувство понудило меня записать все, что я видел и узнавал.

Как-то в середине 30-х годов, осенью, по жнивью шли мы с Фадеевым по широкой поляне, которая опускается от писательских дач, прижавшихся к лесу в Переделкине. Мы шли к ручью, чтобы пересечь его и подняться через кладбище к станции. Не помню, но почему-то мы вспомнили Билла Хейвуда или Большого Билла, как его называли в Америке. Это был удивительный человек, неукротимый пролетарский боец, который по Чикагскому процессу 1918 г. был приговорен к 20 годам каторжной тюрьмы. Ему удалось бежать. Последние годы Большой Билл прожил в России. Он умер в мае 1928 года. Я знал его и помню его похороны. На Красной площади выстроились рабочие делегации. Отовсюду слышалась английская речь. С трибуны Ленинского мавзолея Бухарин произнес горячие слова. Потом говорил негр, потом испанец. Многие делегации конгресса Профинтерна, который проходил тогда в Москве, собрались у останков горняка Билла Хейвуда. Горстка пепла, оставшаяся от его грузного, изуродованного побоями тела, была разделена надвое. Одна часть осталась у подножия Кремля, рядом с великими могилами, между Лениным и другом Билла Джоном Ридом, другая — по желанию Билла — была отправлена за океан на кладбище Чикаго — туда, где лежат жертвы трагедии в Хаймаркете, чью кровь он

поднял, как знамя своей родины. После смерти Большого Билла на его грудь положили орден Боевого Красного знамени, которым он очень гордился.

Мы вспоминали о Билле Хейвуде, о котором я написал когда-то небольшой очерк в связи с выходом его автобиографии. Помнил я и самого Билла. Фадеев знал Хейвуда куда лучше, чем я. Он мне рассказывал, как «белые капюшоны» (ку-клукс-клановцы) — отряды штрейкбрехеров и полиции — напали на группу рабочих, среди которых был Билл Хейвуд. Его жизнь — это жизнь поистине героя Джека Лондона, которого, кстати, он сам очень любил.

— Да, у него самого можно поучиться, как писать, хотя он и был простым горняком и впервые взял перо в руки, — сказал Фадеев. — Помнишь, как он описал вождя американских «юнионов» Самуэла Гомперса? Почти физически ощущаешь перед собой этот «приземистый образчик рода человеческого, с огромной головой, покрытой местами плешинами, как у ребенка, страдающего глистами». Так и видишь его маленькие глазки, злой рот, широкий, с отвислыми губами. Так и видишь, что это «спесивый, вздорный, капризный, мстительный субъект...» — Да, Хейвуд был настоящий пролетарский боец, и в нем горела настоящая пролетарская ненависть, которую он почерпнул в самой гуще рабочих масс. Вспомни, как он описывает жизнь населения горняцких поселков, которое вдыхало медь, ело медь и одевалось в медь. Рудокопы страдали от того, что пили отравленную медью воду.

— Ну, я пошел, — сказал Фадеев, — я пошел домой. — И Фадеев зашагал через поле — высокий, сильный, взбудораженный воспоминаниями о Хейвуде. Он зашагал наискось, минуя тропинки, и громко запел одну из своих любимых песен:

Ничего не люблю, только ветер один,  
Да ночлег под ракитою в поле.  
Только ветер один с молдаванских равнин,  
Да широкую вольную волю.

Мне показались удивительными слова этой песни после рассказа о Хейвуде, в котором звучал пафос и гнев пролетарской дисциплины. Но все это странным образом переливалось у Фадеева в его чувство широты и обаяния вольного мира сего.

Ничего не люблю, только ветер один,  
Да в далекой степи одинокий костер,  
Да высокие звездные очи.  
Да на шали твоей молдаванский узор,  
Да любовь одной ночи короче...

Фадеев уходил все дальше, освещаемый заходящим солнцем. Слова песни доносились уже неразборчивее. Только высокий голос его звенел в широком поле:

Да любовь одной ночи короче...

— Эх, Саша, Саша, — подумал я про себя, — тебя бы сейчас на какую-нибудь трибуну, другую бы ты, вероятно, песню запел. Конечно, мир широк, хочется нам все обнять. Да как его обнять? Недаром сказал как-то Достоевский в «Братьях Карамазовых»: «Широк человек, слишком широк, я бы сузил».

4-го июля, в воскресенье, я зашел к писателю Л[еонову]. В одних трусиках и сетке, в туфлях и галошах, с лопатой в руке он возился с мокрой землей в саду, готовя яму для какого-то растения. Потом мы обедали вместе на террасе его нового дома, и среди прочего речь зашла о Фадееве.

— Позавчера мы были в ЦК. Меня тоже вызывали. Фадеева не было. Там мы говорили о подготовке к съезду, и выяснилось, что Фадеев доклада делать не будет. Что делается с этим человеком? Что-то гложет его изнутри, а что — понять не могу.

— Я думаю, что, вероятно, он и сам этого не понимает.

— Нет, не думаю. Сам он это знает очень хорошо, но ни за что никому не скажет. Что только он не делал над собой! Как он вынес этот непрерывный запой в течение тридцати лет. Только железный организм мог это вынести. Как-то несколько лет тому назад я был у него в санатории в Барвихе. Мы пошли купаться. Я посмотрел на его тело. Ладный, мускулистый, он был точно налитой. Нет, эту русскую трагедию я не принимаю. С Фадеева много спросится. После Горького ему была поручена литература. Он многое мог сделать для нашей литературы. Мог и сказать о ней, показать ее размах и значение. А что он сказал на XIX съезде? Он вроде как извинялся. Вообще на Фадеева напала какая-то умиленность и готовность каяться. Мы ведь с ним живем на одной лестничной площадке. Я как-то зашел к нему. Он показывает договор на «Молодую гвардию», который ему прислали: «Вот видишь, еще договор. Слишком много денег. У писателей слишком много денег. Я об этом написал записку в ЦК. Надо умерить и подрезать доходы». А я подумал: «У кого много денег? У тебя — да. Но если они тебя мучают — отдай их в какой-нибудь детдом или, наконец, просто в Литфонд на ссуды писателям. Но ведь другие-то — я это знаю по Литфонду — писатели живут, еле-еле сводя концы с концами. Сколько у нас



еще нищеты? Что это за жест? По Толстому получается, Алексею Константиновичу: «мы вчера осетра с трудом съели».

Слушал я эти слова и думал при этом: а ты, брат, как председатель Литфонда, вымахал себе двухэтажную собственную дачу из фондовых материалов по казенной цене и на участке Литфонда. Вот какой был ты председатель. Да что себе. Еще и дочери на том же участке отдельную дачу построил. Дочерям квартиру отдал, а новую, пятикомнатную, получил для себя с женой. И другой член Секретариата тоже арендованную дачу сдал, а себе собственную построил. С арендованной, литфондовской, мало ли что может случиться, жизнь начальства непрочная, а собственность при тебе остается. Гуляли мы как-то с Лидиным на улице в Переделкине и встретили сторожа дачи напротив. Залюбовались мы дачей: с двумя балконами, фиоритурами, розы посажены. Так и дышит на тебя все преполнейшим благополучием.

— Вот хороша дача, адмиральская, не нашим чета, — говорю я сторожу. А он и отвечает:

— Не горюй, милый, моему-то дали по ж... и дачу отняли. Теперь не знает, куда барахло перевозить, да и не на чем, машины нет. Ведь все казенное было. Вот она казенная-то жизнь. Черствый сухарь, не угрызешь. А хуже всего, если сам помрешь, тут уж твоей семье так дадут, до самой Москвы лететь будет без пера в задней части.

Тут и подумалось, плохо разные цитаты вспоминать, тем более из А.К. Толстого.

— Почему Фадеев чего-то все боится? — продолжал писатель Л[еонов]. — Говорят, он боялся Берии. Конечно, это был страшный человек. Но Ягода тоже был страшен, только в своем роде. Однажды у Алексея Максимовича мы пили вместе, за одним столом. И вот Ягода тянется ко мне через стол, пьяный, налитый коньяком, глаза навывкате, и буквально хрипит: «Слушайте, Л[еонов], ответьте мне, зачем вам нужна гегемония в литературе? Ответьте, зачем нужна?» Я тогда увидел в его глазах такую злобу, от которой мне бы не поздоровилось, если бы он мог меня взять. Но не мог он тогда. Конечно, Берии было легче брать людей. А время уже не то. Берия сумел затерроризировать старика и за его спиной делал, что хотел. Но все же я не побоялся Ягоды. Зачем Фадееву, такому писателю, чего-то бояться?

— Видишь ли, мне кажется, ты подходишь к Фадееву только с одной стороны, со стороны его ответственности за его действия.

— А как же иначе? Возьми Суркова. Сурков — я его теперь ближе узнал — человек принципиальный и совсем не разболтанный. У него много чувства ответственности перед всеми нами. И не его вина, если он не все может поднять. Нет, история еще спросит с Фадеева.

Мы прошли в новый леоновский кабинет. Все в нем дышало подчеркнутой простотой. Деревянный стол из толстых досок, крепко скроенный, похожий на чертежный, видно, дело рук хозяина, большого умельца; широкие деревянные табуретки, громадный циркуль над столом. На другом столике у окна два моторчика — вентиляторы, на стене карта Вологодской области. У другого окна в ящиках различные растения. На столе большая пачка белых листов, исписанных карандашом по левой стороне. На всем печать простоты, аккуратности, трудолюбия и сытого комфорта.

— Конечно, наше время трудновато для пера. Но ведь как в омут ни ныряй, голою рукою налима не достанешь.

— Видишь ли, Л[еонов], ты издал роман, кончил большую работу, и у тебя сейчас особое чувство удовлетворенности, которое я очень хорошо понимаю. Но ты, как художник, можешь понять и другое. Я напомним тебе четыре некрасовские строчки, которые, по-моему, точно могут обрисовать душевное состояние Фадеева, когда он входит в штопор, в омут или как хочешь это называй:

Что враги? Пусть клеветуют язвительней.  
Я пощады у них не прошу.  
Не придумать им казни мучительней  
Той, которую в сердце ношу.

— Что же, строки хорошие, верные, может быть, и правда в том есть. Пусть история будет Фадееву судьей.

*12 июля 1954 г.*

## КОДА ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ

Все эти события, встречи, разговоры я записал тогда же, летом 1954 года. Не думал я, что развязка наступит столь быстро. В воскресенье, 13-го июля 1956 года, когда я лежал на операции в Боткинской больнице, Фадеев все-таки пустил себе пулю в сердце. Два раза он к этому примерялся. Первый раз еще в 1945 году. Тогда пришла звать его обедать И.В. и застала его пишущим ка-

кое-то письмо, на столе лежал наган. Фадеев скомкал эту записку и бросил ее в корзину под столом, наган спрятал в ящик письменного стола. Но уже тогда жил Фадеев под надзором. Вынули записку, расправили ее и прочитали слова: «Я не могу больше жить Дон Кихотом». После этого он уходил в лес, а чаще в пещеру к зеленому змию. Но в тот день, как ему кончить себя, Фадеев был совершенно трезв.

За неделю я был у него. Он ходил по своей огромной комнате наверху в какой-то неутолимой тревоге и сказал мне:

— Мы, Корнелий, сейчас все в дерьме, — и показал рукою по самые губы. — Никто сейчас после того, что произошло, по-настоящему писать не сможет — ни Шолохов, ни я, никто из людей нашего поколения.

— Это почему же ты так думаешь?

— Да потому так думаю, что исковерканы мы. У меня «Черная металлургия» была задумана как роман, где молодое поколение разоблачает вредителей, а оказалось, что «вредители» были правы, и все надо писать мне заново.

— Саша, это же и есть замечательный сюжет для романа, что «вредители» оказались правы, а те, кто их разоблачал, — демагоги.

— Не знаю, не знаю, — нервно пробормотал Фадеев. — Я не могу уже приняться за этот роман.

Давно я не видел Фадеева в таком взвинченном состоянии и ушел от него с тяжелым чувством. И только в больнице узнал, что произошло.

Очевидно, всякое самоубийство человека ошибка, тем более самоубийство руководителя. Но я вижу перед собою и другое лицо Фадеева, как главного докладчика на XIII пленуме Союза писателей еще до войны. Он происходил в ЦДРИ. Фадеев накануне своего доклада, который ему помогала готовить Е.И. Ковальчик, ушел в «пещеру». Уже открылся пленум, а докладчика нет. Начали с последнего вопроса повестки дня пленума (а пленум был посвящен вопросам критики). Наконец, через 2-3 дня появился Фадеев. Он совершил какое-то нечеловеческое усилие, вышел из «пещеры», привел себя в порядок и заставил себя сделать доклад. Он перелистывал готовые листочки, разложенные по разделам. Вначале сказал такую фразу, которая потом была вычеркнута из стенограммы, но меня она и тогда поразила: «Я сделал много ошибок, и, может быть, вся моя жизнь и состояла из одних ошибок». На него нападали тогда Грибачев, Бубеннов и другие, еще молодые, писатели. Лицо его сохраняло

выражение какого-то защитительного надменного спокойствия. Но когда он выходил, на губах у него была пена.

Мне рассказывал К.Федин, который вместе с Вс. Ивановым первым вошел в комнату после самоубийства, что А.Фадеев лежал на кровати сбоку, полусидя, был в одних трусиках. Лицо его было искажено невыразимой мукой. Правая рука, в которой он держал револьвер, была откинута направо на постель. Пуля была пущена в верхнюю аорту сердца с анатомической точностью. Она прошла навывлет, и вся кровь главным образом стекала по его спине на кровать, смочив весь матрац. Рядом на столике, возле широкой кровати, Фадеев поставил портрет Сталина. Не знаю, что он этим хотел сказать — с него ли спросите, или — мы оба в ответе, — но это первое, что бросилось в глаза Федину. На столе, тщательно заклеенное, лежало письмо, адресованное в ЦК КПСС.

— Я первый приехал на происшествие, — рассказывал мне потом начальник Одинцовской милиции, — и хотел взять письмо, но полковник из Комитета госбезопасности резким жестом взял его из моих рук. «Это не для нас», — добавил он.

Фадеев застрелился днем перед обедом. Перед этим он спулся вниз в халате, беседовал с рабочими, которые готовили землю под клубнику, говорил, что где надо вскопать. В соседней комнате находилась Е.Книпович, но она сказала, что ничего не слышала. Находящиеся в саду люди слышали сильный удар, как будто бы упал стул или кресло. Когда настало время обеда, послали за отцом его младшего сына Мишу. Он первый увидел отца мертвого, с простреленной грудью, и со страшным криком скатился вниз, а потом побежал на дачу к Вс. Иванову, где и находился все время.

Много я слышал разных слухов и обвинений в адрес Фадеева от разных людей, но ведь современники всегда судят о человеке с точки зрения своих современных интересов. А мне все видится эта седая голова, с мукой на лице, упавшая на грудь; видится она еще русской, высоко поднятой, когда шел он мальчиком по сихотеалинской тайге, готовый и тогда пожертвовать своей жизнью во имя прекрасного человека.

1962 г.

**Сильва Гитович**  
**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ**

Неожиданно мы стали владельцами отдельной квартиры. В те далекие времена это было почти чудом. Получили мы ее, так сказать, на крови ближнего.

В старом трехэтажном доме, с громадными, гостиничного типа коридорами, Литфонд решил надстроить два этажа.

Будущие квартиры давно уже были строго распределены. Мы, молодые, даже и не помышляли быть среди этих счастливцев.

Крошечная 25-метровая квартирка на последнем этаже предназначалась Юрию Инге. Но на одном из литературных собраний, я не помню по какому поводу, разразился скандал, страсти разгорелись, и вспыльчивый Инге набил морду писателю Брыкину. Все, кто знал суть дела, утверждали, что Юра поступил совершенно правильно, что это был акт Справедливости, но секретариат посмотрел на это несколько иначе: он не одобрил поведение Инге и, в наказание за содеянное, было постановлено у Инге квартиру отобрать и передать ее Гитовичу.

Раздираемый противоречивыми чувствами, Саня ринулся к Инге, дабы вдвоем решать, как поступать в данном случае.

— Соглашайся не раздумывая, — сказал Инге, — мне они квартиру теперь все равно не дадут. Пусть хоть будет у тебя.

И так мы попали в этот список счастливых.

Еще лестница не была достроена, и стояли леса, но мы на четвереньках влезали наверх, протискиваясь между досок, и с площадки заглядывали туда, где будет наша квартира. Пол еще не был настлан, дверей не было, вместо окон светились аккуратные прямоугольные дырки.

Мы с нетерпением ждали момента, когда, наконец, все достроят и нам вручат наш собственный ключ и можно будет повернуть его в замке, открыть дверь и переступить порог собственной квартиры.

Но этот радостный момент затягивался, готовых квартир еще не было и непонятно было, когда они будут. Все строительство приостановилось из-за отсутствия гвоздей. И вот тогда Секретариат выделил авторитетную комиссию из трех уважаемых писателей, куда вошли Зошенко, Слонимский и Стенич, и они, вооружившись всякими внушительными бумагами, отправились по хозяйственным организациям раздобывать гвозди.

В Главленстрое они пришли в кабинет Завснаба. За очень большим письменным столом сидел, проваливаясь в кресле, очень маленький человек явно еврейского происхождения, который, выслушав товарищей, безапелляционно сказал:

— Гвоздей нет!

На это нечего было возразить, и делегация, потоптавшись, направилась к выходу. И вдруг уже в дверях Валентин Стенич обернулся и зычным голосом с отличной дикцией спросил: «Ну, а когда вы нашего Христа распинали, небось тогда у вас были гвозди?»

К счастью, хозяйственник, обладавший чувством юмора, расхохотался и гвозди дал. Так смогли закончить строительство нашего дома, и мы поселились в надстройке.

В этой же надстройке, но в другом флигеле, поселился Михаил Михайлович Зошенко.

Я еще в Смоленске, девочкой, читала его рассказы, любила их и, конечно, с нескрываемым интересом смотрела на Михаила Михайловича, когда он, не торопясь, шел домой по Перовской. Шутка ли, идет живой Зошенко.

Невысокого роста, очень смуглое лицо, приподнятые плечи, медленные, неуверенные движения.

В нашем дворе я иногда встречала манерную говорливую даму, одетую во что-то воздушное голубое с оборочками, в немислимых шляпках. Мне сказали, что эта дама — жена Зошенко.

\*\*

Я сижу на широком подоконнике в Доме книги и жду Саню. Скоро конец рабочего дня. Мимо проходят разные люди. Вот вразвалку идет Борис Корнилов, а за ним, чуть забегаая вперед и заглядывая ему в лицо, семенит худенькая, стриженная, очень хорошенькая Люся. Увидя их, остряк Стенич когда-то сказал: «С своей волчицею голодной выходит на дорогу волк».

Вот по длинному коридору в растегнутом пальто и темной кепке медленно идет Михаил Михайлович. В вывернутой руке, как ружейный приклад, он держит тугой колючий ананас, издали похожий на черепаху.

Тогда ананасы были в диковинку, и все встречные с интересом смотрели на Зошенко, на большой с прозеленью ананас и знали, что он его несет старшему техреду, роковой женщине — Лидочке Чаловой. Любопытные сослуживцы, как бы невзначай, проходя открывали дверь и заглядывали в комнату техредов, и мне сквозь раскрытую дверь был виден заваленный бумагами стол, и на гранках, как бронзовый идол, стоял ананас, а над ним маячило розовое, хорошенькое личико Чаловой.

Напротив ее стола сидел Михаил Михайлович — подтянутый, изящный, вежливый, смотрел на нее печальными глазами и улыбаясь ей что-то говорил.

Потом я видела, как Лидочка надевает синюю поддевичку с серой мерлушкой и, сунув Михаилу Михайловичу свой портфель, в одну руку берет ананас, а другой цепляется за рукав Зошенко и, смеясь и что-то щебеча, уводит его коридором Госиздата.

\*\*

Говорят, что жизнь украшают чудачки. Одним из таких окололитературных чудачков был Петр Ильич Сторицын.

Он был старый холостяк, образованный, умный, злой.

В прошлом он был очень богат. До революции отец его владел половиной мельниц Одессы.

Петр Ильич промотал отцовское наследство, помогая писателям. Говорят, он много помогал Бабелю, Олеше, Багрицкому.

Ежедневно Сторицына можно было встретить в ресторане Европейской гостиницы. Он садился с газетой и заказывал самое дешевое — макароны с сыром и боржом. Он сидел, читая газету, и прихлебывал боржом, терпеливо дожидаясь, пока не появится кто-нибудь из писательской братии и не перетащит его за свой стол. Он тяготел к писателям, не мог дышать вне атмосферы литературных разговоров и острот.

Сам он был рассказчик замечательный — острый, меткий, злой, и когда бывал в ударе — был неповторим.

Михаил Михайлович очень любил Сторицына. Без конца давал ему деньги, поил, кормил, но это нисколько не мешало Петру Ильичу, ради красного словца, платить Зошенко черной неблагодарностью.

«Послушайте, послушайте, — говорил он, по своему обыкновению захлебываясь и брызгая слюной, — знаете, чего не хватает Зошенко для полного счастья? Для полного счастья ему не хватает мании величия. Он обманул партию, он обманул правительство, он обманул читателей, он обманул писателей, но само он знает, что он не Вольтер».

Михаилу Михайловичу, бывшему тогда в зените славы, было хорошо известно все то, что говорил о нем Петр Ильич и, тем не менее, он все ему прощал и без конца возился со злым и неблагодарным старым чудаком.

Умер Петр Ильич с голоду в жестокие дни блокады, до самых последних дней утверждая, что немцам Ленинграда не видать.

\*\*

Наступил страшный 37-й год. И каждую ночь у нас под окнами гудели машины, и мы не спали и тревожно прислушивались к шагам на лестнице. Утром дворники называли номера квартир, где ночью были обыски. Так взяли Берзина, Тагер, Олейникова, Куклина, Стенича и многих других. В отличие от правил, Заболоцкого взяли днем.

Перед арестом Николай Алексеевич жил в доме творчества в Елизаветино. Секретарь парторганизации, Григорий Мирошниченко, вызвал его телеграммой, в которой говорилось, что Заболоцкий должен явиться 18 марта к 4 часам в партком.

Приехав утром, Николай Алексеевич зашел к нам, и мы договорились, что, как только он освободится, он сразу же приходит, остается у нас обедать и будет читать первую главу только что им переведенного «Слова о полку Игореве».

Обед уже давно был на столе, а Николай Алексеевич все не пришел. Я несколько раз звонила к нему, не понимая, чей это мужской голос отвечает мне, что Николая Алексеевича нету дома. Когда я, наконец, сказала, что мне непонятно, где он может быть, ведь он обещал у нас обедать, тот же мужской голос грубовато стал меня уговаривать не ждать Николая Алексеевича, а садиться за стол.

Но мы все ждали.

А в девятом часу пришла совершенно убитая Екатерина Васильевна и сказала, что у них был обыск, и Николая Алексеевича арестовали. Нечего и говорить, какое это было горе для нас всех.



Екатерина Васильевна осталась одна с двумя маленькими детьми. Она мне рассказывала, что Зошенко, будучи очень плохо знаком с Заболоцким, а ее и совсем не зная, услышав об аресте Николая Алексеевича, пришел к ней и предложил ей деньги.

\*\*

Я вспоминаю, как летним вечером мы сидим около дома на бульварчике. Несмотря на то, что вечер жаркий, на Михаиле Михайловиче одет темный костюм и безукоризненно отглаженная черная рубашка. Своей маленькой смуглой рукой он держит Санину палку и лениво чертит ею по земле.

Михаил Михайлович говорит, что его давно поражает то обстоятельство, как люди неправильно понимают наши поступки. И, печально усмехнувшись, он рассказывает следующую историю:

Однажды он был очень влюблен в замужнюю женщину. Их роман развивался вяло. Ему было неясно, любит она его или нет. Он мучился, ревновал, приходил в отчаянье и вновь на что-то надеялся.

Ему все же почти удалось уговорить ее поехать вдвоем на юг — туда, где у них нет ни одной знакомой души. Она и хотела и колебалась. В конце концов они порешили на том, что он едет в Ялту, а она ему туда напишет. Он уезжал и совсем не был уверен, что получит от нее письмо, и что все будет так, как они придумали вдвоем.

И вот, говорит Михаил Михайлович, он представил себе раскаленный ялтинский почтамт, очереди курортников и себя, потного, в который раз втискивающего голову в маленькое окошечко и спрашивающего у девушки, нет ли ему писем. И вечную стереотипную фразу:

— Вам писем нет.

И вот, чтобы не ходить безнадежно на почту и из какого-то дикарского суеверия, что может быть одно письмо притянет за собой другое, Михаил Михайлович перед своим отъездом взял конверт, написал на нем: Ялта, до востребования, М.М. Зошенко, оторвал кусок «Известий», вложил в конверт, запечатал и бросил в почтовый ящик.

Приехав в Ялту и выждав положенный срок, в течение которого могло прийти письмо от любимой, он пошел на почту, получил — увы — собственное письмо, разорвал конверт, скомкал газету и печальный пошел своим путем.

Так из его романа ничего не получилось.

И вот прошло 10 лет.

В один из его приездов в Москву к нему в гостиницу пришла энергичная напористая дама — администратор Бюро выступлений, и предложила ему выступить в ЦПКО в Зеленом театре. Так как Михаил Михайлович очень не любил публичных выступлений, да и чувствовал себя неважно, он от выступления отказался.

— Ну, пожалуйста, товарищ Зошенко, выступите, не подводите нас, ведь Зеленый театр — это 10000 зрителей, — упрашивала его она.

Михаил Михайлович вторично отказался. И тогда бойкая дама запальчиво сказала:

— Мне совершенно непонятно, товарищ Зошенко, как Вы, человек, так любящий свою славу, отказываетесь выступить в Зеленом театре?

— Почему Вы думаете, что я так уж люблю свою славу? — заинтересовался Михаил Михайлович.

— А почему Вы сами себе писали письма? Мой муж служил в НКВД, и там долго думали, почему Вы сами себе послали в Ялту письмо. Сперва тщательно исследовали клочок газеты и, не обнаружив ничего, в конце концов сообразили, что письмо это Вы послали из тщеславия, чтобы знали, что писатель Зошенко сейчас находится в Ялте. Девушка на почте прочтет фамилию адресата, расскажет, что Вы здесь, своей подруге, та — другой, и так вся Ялта будет знать, что здесь отдыхает писатель Зошенко.

«И вот, — говорил Михаил Михайлович, — я, Сашенька, был несчастен и одинок, мне свет был немил, а людьми все было понято совершенно иначе».

Мы долго в тот вечер сидели на бульварчике.

Михаил Михайлович говорил, что он убежден в том, что человек не должен менять давно сложившийся образ жизни. Резкое изменение образа жизни вышибает человека из седла. Он говорил, что и ранее замечал, что люди пьющие и сразу бросающие пить, более двух лет не живут. Так же и курильщики, так же и люди, много и жадно работавшие, работавшие со страстью, и вдруг выходя на пенсию или почему-либо другому лишившись своей работы, скоро скисают, и смерть приходит быстрее.

Он говорил, что много об этом думает и хочет об этом написать.



Мне вспоминается большой литературный вечер в Капелле, где среди других выступал и Михаил Михайлович. Он читал «Рогульку», и зал буквально валился от хохота, а он печально глядел на публику и с совершенно отсутствующим видом, без тени улыбки, читал свой рассказ.

Читал он мастерски.

На балконе — юноша — точная копия Зошенко — такого же роста, худой, с блестящими волосами, со смуглым матовым лицом, сгибался в три погибели от хохота. Это был его сын, так поразительно похожий на него.

\*\*

Как-то вечером ужинали у нас Михаил Михайлович и Чивилихин. Михаил Михайлович ел очень мало, а пил только пиво, которое любил. Шутили, смеялись. Кто-то вспомнил выдумку Байсенберга, что все науки делятся на мужские и женские — география, арифметика, геометрия и др.

Например, женская геометрия:

«— Дорогая, почему ты сюда идешь? Лучше пойти наискосок.

— Но так, как я иду, гораздо ближе.

— Голубчик, но геометрия нас учит, что по диагонали путь короче.

— Я не знаю твоей геометрии, я всегда так хожу, и тут гораздо ближе».

Женская арифметика:

«— Дорогой, дай мне 200 рублей.

— Миленькая, но у меня нету.

— Как нету? Ведь вчера ты получил 2000.

— Ну и что же? Мы послали маме, выкупили из ломбарда твою шубу, отдали долги. Ну, возьми карандаш и посчитай.

— Не буду я заниматься твоими дурацкими подсчетами. Я знаю, что, если вчера было 2000, сегодня не может не быть 200 рублей».

Михаил Михайлович беззвучно смеялся.

— А вот хотите, — сказал он, — я вам расскажу о женской лжи?

— Когда-то у меня была возлюбленная, имевшая мужа ревнивца, который старался ее не отпускать никуда ни на шаг. Несмотря на это, она ухитрялась со мной встречаться, придумывая различные уловки. Так, однажды, она сказала дома, что у нее уезжает подруга, которую она должна проводить на вокзал, а сама пришла ко мне.

И вот, сидя в рубашечке на краешке стола, она звонит мужу и сладким голосом говорит, что только что отошел поезд, и она скоро будет дома.

— Но поезд отходит в 10 часов 5 минут, а уже 11, — резонно замечает муж.

— Не знаю, как по твоим, — запальчиво говорит она, — но по вокзальным — 10.

Саня вспомнил, что накануне мы читали «Историю моей болезни» — один из наших любимых рассказов. Чудная, умная и лукавая проза.

— А ведь «выдача трупов с 3-х до 4-х», — сказал Михаил Михайлович, — не мной придумано. Такое разве придумаешь.

Он сказал, что это объявление читал своими глазами в приемной Куйбышевской больницы.

\*\*

Осень 1946 года. Саня в Корее. Я работаю в секторе пропаганды Союза писателей.

В аппарате Союза и среди писателей страшное волнение — всех писателей и издательских работников вызывают в Смольный, где будет делать доклад Андрей Александрович Жданов. Составляются списки, заготавливаются пропуска. Я иду к Сергееву и объясняю ему, что так как Саня в Корее, то я должна во что бы то ни стало тоже быть в Смольном, чтобы самой все видеть и слышать, дабы иметь возможность все ему рассказать.

После моих упорных просьб — пропуск я получаю.

Серенький августовский день. Недавно прошел дождь, и широкая лестница Смольного еще не просохла. Вереницей идут писатели. Взволнованные, тревожные лица.

У входа милиционеры проверяют пропуска. В вестибюле — снова проверка. У лестницы — снова.

Вот открываются двери, и все входят в исторический зал Смольного. Входят чинно, без толкотни. Тихо садятся. Все места заняты.

На трибуне Андрей Александрович Жданов — представительный, полнеющий, с залысинами на висках, с холеными пухлыми руками. Он говорит гладко, не по бумажке, стихи цитирует наизусть. Все, что он говорит, ужасно. С каждой его фразой напряжение все более и более возрастает. В зале тревожная, щемящая тишина. Все боятся посмотреть друг на друга. Я вижу, как у Щварца ходуном ходят руки.

Ни Зощенко, ни Ахматовой в зале нет.

Вот Жданов кончает свой доклад, маленькими глотками пьет воду и садится, приглашая писателей высказываться.

Долго никто не решается выступить первым. Наконец на трибуне вырастает высокая статная фигура Николая Федоровича Григорьева. Несмотря на мужественный вид, он, заикаясь, начинает что-то лепетать о детской литературе, все время поворачиваясь к залу спиной. С детской литературы он быстро перекакивает на другое и объясняет, как это нехорошо, что писателям у нас слишком много дано благ — у них и закрытые распределители, и лимиты, и квартиры. И все это зря. И все это надо в корне изменить.

После него на трибуну вползает толстенький Николай Никитин. Серый костюм на нем слегка тесноват и подчеркивает его полноту.

Сквозь стекла очков он беспомощно оглядывает зал, потом поворачивается, переводит глаза на Жданова и говорит, обращаясь уже не к сидящим в зале, а только к одному Жданову. От волнения он путает его имя и отчество и дважды, обращаясь к нему, называет его Александром Андреевичем. Он говорит захлебываясь, путаясь, и вдруг, обрывая себя на полуслове, говорит, что ему трудно выступать с этой эстрады, и тяжело спускается в зал.

Бедняга — трибуну, с которой в былые дни выступал Владимир Ильич Ленин, он назвал эстрадой.

Это было страшное и жалкое зрелище.

Я все старалась запомнить, чтобы рассказать Сане.

---

И вот 14 августа.

Во всех газетах опубликовано постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград». Весь город только об этом и говорит.

В союзе собрания за собраниями.

Газеты пестрят статьями.

Постановление изучают. Все должны его знать.

Вернувшись домой из детского садика, маленькая Анька Каминская вбежала в комнату Анны Андреевны и, лукаво улыбаясь, сказала:

— Акума, а я знаю один секрет! Я тебе его сейчас скажу.

Потом порывисто нагнула голову Анны Андреевны и в самое ухо прошептала:

— Секрет — это Зощенко и Ахматова.

Что она хотела сказать, что ее пятилетний ум думал по этому поводу, установить не удалось.

Рассказывают, что в бакалее стояла за чем-то большая очередь. Очередь гудела, толкалась и переругивалась. Всем было некогда, и все дружно ругали директора магазина, создающего очереди. Он и пьет, и ворует, и вообще его давно пора посадить в тюрьму.

— Но кого мне будет жаль, если его посадят, так это его жену, — сказала сердобольная старушка. — Жена-то в чем виновата?

— Да, — сказали в очереди. — Жены за все в ответе. Вот и сейчас, ведь все знают, что Зошенко подлец и мерзавец, а жену его Ахматову за что так ругают? Все за него же!

— Да, бедная она, бедная, — дружно жалела очередь.

---

И вот клубок покатился все стремительнее и стремительнее, беспощадно разрастаясь и увеличиваясь.

Без конца собрания и проработки. Во всех газетах разгромные статьи, высказывания, рецензии.

В Союзе писателей, в Красной гостиной какое-то очередное собрание. Народу немного. Среди других выступает писатель N. Он бойко говорит, что не может понять, как, глядя на героев Зошенко, мы могли выиграть войну?

— Ну, а глядя на тов. N, — сказал мрачно Михаил Михайлович, — разве можно понять, как мы смогли выиграть войну?

А клубок все катится дальше. Вот их исключают из Союза, лишают карточек, и петля затягивается все туже и туже. Денег нет, карточек нет. Хлеб надо покупать на рынке втридорога. Старые друзья их боятся. Михаил Михайлович рассказывал нам, как, идя домой, на мостике через канал, он нос к носу столкнулся со своим давнишним, многолетним другом, который виновато опустил глаза и дрожащим голосом сказал: «Миша, у меня семья...»

\*\*

Он нам рассказывал, как в Ленинград приехал Валентин Катаев, позвонил ему и бодро закричал в телефонную трубку: «Миша, друг, я приехал и у меня есть свободные 7000, которые мы с тобой должны пропить. Как хочешь, сейчас я заеду за тобой».

Это было сказано в то время, когда неизвестно было, чем заплатить за квартиру и где раздобыть денег, чтобы на рынке купить хлеб.

Действительно, очень скоро катаевская машина появилась перед домом. В открытой машине, кроме него самого, сидели две веселые раскрашенные красочки в цветастых платьях, с яркими воздушными шариками в руках, трепыхающимися на ветру.

— Миша, друг, — возбужденно говорил Катаев, — не думай, я не боюсь. Ты меня не компрометируешь.

— Дурак, — сказал Михаил Михайлович, — это ты меня компрометируешь.

— Вот в этом-то и сказала вся темная душа Вальки Катаева, — грустно усмехнувшись, сказал Михаил Михайлович.

\*\*

Еще Михаил Михайлович рассказывал, что в эти же времена пришла к нему одна московская поэтесса — дама средних лет, одетая несколько крикливо, похожая на заграничный вязальный крючок, и деловито сказала:

— Михаил Михайлович, так как Вас теперь вообще не будут печатать, а я хочу славы, то Вы напишите оперетту, песенки к ней я могу написать сама. Все это, конечно, пойдет под моим именем, а часть гонорара я дам Вам.

При всем своем безденежье Михаил Михайлович эту даму прогнал.

\*\*

Из Москвы в Ленинград приехал Сережа Антонов. Он стал в свое время нашим другом тоже при печальных обстоятельствах. После проработки космополитов и у нас молчал телефон, и к нам никто не приходил, и Саню никто не печатал, и денег не было никаких. Правда, это длилось не так уж долго, но все же это горькое время не минуло и нас.

И вдруг зазвонил телефон, и Сергей Антонов, с которым мы тогда и знакомы-то не были, как давнишний друг попросил разрешения к нам зайти.

Он пришел нагруженный кулками со всякими вкусностями, и мы устроили маленький пир, и сидели допоздна, и Сережа на долгие годы стал нашим другом.

И вот он приехал, пришел к нам и, узнав, что мы видимся с Зошенко, умолял познакомить его с Михаилом Михайловичем. Мы в тот же вечер позвонили Михаилу Михайловичу и попросили его прийти к нам.

Сережа, большой его поклонник, был очень рад.

Михаил Михайлович сильно похудел, под глазами темные круги. Стал молчаливее и печальнее. Темная рубашка была уже не так блестяще отглажена, как раньше.

Сели за стол. Смуглой рукой Михаил Михайлович подносил стакан с пивом к глазам, как бы внимательно рассматривая его на свет, потом опускал, немного отпивал и снова ставил. Ел он очень мало.

В тот вечер Михаил Михайлович был задумчив и говорил, что раньше ему и в голову не приходило класть деньги на книжку. Все, что зарабатывалось — все куда-то тратилось. Он считал, что, если нужно, он всегда сможет заработать. А тут приходилось продавать вещи. Вот продал диван красного дерева Ивану Кратту. Вдвоем с дворником Гришей Кратт вытаскивал этот диван. Суетился, весь красный от натуги, топтался, застрелвал в дверях, а принес к себе на четвертый этаж — у него сердечный приступ. Диван стоит, а он умер. Как все это глупо.

Вот квартиру переменял на меньшую, рассказывал Михаил Михайлович, теперь живу по той же лестнице на 2-ом этаже. Платить дешевле.

— Михаил Михайлович, дорогой, чем Вы теперь занимаетесь? Что делаете? — спросил Сережа.

— Вот кончаю пьесу писателя N, — грустно усмехнувшись, ответил Зошенко.

Сидели долго. Сережа сбежал еще за коньяком.

Уже под утро, подпирая голову рукой, Михаил Михайлович говорил с тоской в голосе, что, по-видимому, он был в чем-то неправ, наверное, у него была какая-то дворянская заносчивость. Может быть он оторвался от масс?

— Как Вы осмеливаетесь так говорить? — истошно кричал Саня. — Как Вы смеете признавать несуществующие ошибки? У Вас бабий характер. Берите пример с Ахматовой. Это крепень. Вот — мужской характер. А Вы — баба, баба, баба.

— Да, — сказал Михаил Михайлович, — я как-то скис, а то все время с ней шли ноздря в ноздю.

\*\*

Прошло время, и кто-то в верхах заинтересовался, как все-таки живут Зошенко и Ахматова.

И вдруг одного и другого вызывают в Смольный.

Анна Андреевна рассказывала нам, что, когда она, направляясь в Смольный, выходила из пятого троллейбуса, к ней подбежал Михаил Михайлович, возвращавшийся уже оттуда. Он ска-



зал ей, что она может не волноваться, что он уже там был, что ничего страшного нет, просто там интересуются, как они живут, и предложил Анне Андреевне проводить ее.

И вот они идут. И если бы заснять это на киноленту, то получились бы такие впечатляющие кадры:

1. Крупно. Развевающийся красный флаг.
2. Крупным планом Смольный.
3. Широкая аллея, и Зощенко под руку с Ахматовой медленно направляются к ступеням Смольного.

Молоденькая секретарша, ставившая печать на выход Анне Андреевне из Смольного, вскинула на нее глаза и быстро-быстро шепотом сказала ей:

— А я Ваши стихи все равно люблю.

\*\*

Ранней весной Михаил Михайлович встретил Саню и сказал, что его вызывают в Москву. Саня очень пожалел, что нам не придется ехать вместе, так как мы с ним тоже собирались в Москву. Но мы твердо договорились в Москве непременно встретиться.

При встрече Михаил Михайлович рассказал следующую историю, случившуюся с ним.

Из Ленинграда в Москву вместе с Зощенко ехал один знакомый журналист. Михаилу Михайловичу было известно, что в гостинице Метрополь ему заказан номер. Приехав в Москву, они договорились, что каждый идет по своим делам, а вечером позднее журналист будет звонить ему в Метрополь.

С поезда Михаил Михайлович сразу пошел в гостиницу. Когда он пришел к директору Метрополя, тот смущенно сказал:

— Товарищ Зощенко, кому-кому, но Вы понимаете сами — Вам я всегда сделаю все в первую очередь. Но случилось непредвиденное. Тот человек, который должен был сегодня освободить номер, уезжает только завтра утром. Извините меня, но я могу устроить Вас на сегодняшнюю ночь в Боярском зале. Только на одну ночь. Завтра номер будет обязательно.

Конечно, Михаил Михайлович мог бы пойти в Москве ко многим, но ему не хотелось, он не был уверен, как они сейчас воспримут этот визит, и он дал согласие на Боярский зал.

Проболтавшись день в Москве, он вечером вернулся в Метрополь и пошел в общежитие, называвшееся почему-то Боярским залом. Это, видимо, была бывшая гостиная, переоборудо-

ванная под общежитие. По стенам стояли диваны причудливой формы, середина комнаты была заставлена койками, а сбоку стоял стол, на котором помещался графин с водой и телефон, а за столом сидела дежурная.

Час был поздний, и командировочные Боярского зала уже были в сборе. Кто лежал в неестественной позе, изгибаясь по форме дивана, кто спал, держа портфель, кто, сонный, не выпускал из рук штаны.

Михаилу Михайловичу показали его койку, он лег и стал дремать.

Вдруг резко зазвонил телефон. Дежурная сняла трубку и сказала: «Зощенко к телефону». Многие подняли голову. Михаил Михайлович решил к телефону не подходить.

— Зощенко здесь? — спросила дежурная.

— Его нет в России, — сказал кто-то.

Ретивая дежурная, встав из-за стола, стала ходить по рядам и, расталкивая спящих, спрашивала:

— Вы Зощенко? Вы — Зощенко?

Командировочные в ужасе отшатывались.

Михаилу Михайловичу ничего не оставалось делать, как подойти к телефону. Все повскакали со своих мест и бросились к нему.

— Товарищ Зощенко, извините меня. Это я сказал, что Вас нет в России, — сказал один из командировочных. Я инженер. Я был уверен, что Вас так ругают только потому, что Вы сбежали за границу.

Время шло, а командировочные толпились около его койки, садились рядом, задавали вопросы.

В ту ночь Боярский зал не спал.

\*\*

Михаил Михайлович вернулся из Москвы в несколько лучшем настроении. Он рассказывал московские новости, где был, с кем встречался. Он говорил, что все, кого он видел, очень изменились за все эти годы.

— Один Вы не меняетесь, — сказал он Сане, — каким был, таким и остался.

— А знаете, Сашенька, каким я Вас вижу в своем воображении? — сказал Михаил Михайлович. — Вот представьте себе, что весь этот ужас окончился. Все хорошо. Я сижу в саду, в летнем ресторанчике и потягиваю пиво, и вдруг вижу вдалеке клубится пыль, и Вы на белом коне подъезжаете и кладете мне на стол отрубленную голову Плоткина.

\*\*

Щурясь от солнца, Михаил Михайлович читал газету, вывешенную на стене. Он повернулся к Сане и сказал, что его приглашают в Союз писателей на встречу с английскими студентами.

— Видите, дорогой, меня опять начинают водить по паркету.

А когда на другой день я его встретила медленно идущего по Перовской, и он, повернувшись ко мне, глухо сказал: «Вот, Сильва, я опять проштрафился», — у меня больно сжалось сердце. Я уже знала, что на встрече в Союзе англичане задали вопрос Зоценко и Ахматовой, согласны ли они с критикой в их адрес. Анна Андреевна, повернув свой гордый профиль, ответила, что она не обсуждает постановление своего правительства. Михаил Михайлович же взволнованно стал объяснять, что он не может согласиться с тем, что он подонок, предатель и трус.

И когда я вспоминаю сейчас, как он шел, как старик, с трудом передвигая ноги, мне делается страшно.

\*\*

Через несколько дней в Ленинград приехал Симонов, специально для того, чтобы уговорить Михаила Михайловича выступить на собрании и сказать несколько покаянных слов.

Зал был полон. Мы стояли в коридорчике недалеко от сцены, а Михаил Михайлович сидел там же на подоконнике и курил.

Он был не смуглый, как всегда, а какой-то желтый, с провалившимися глазами.

Симонов, в отличном серо-сиреновом костюме и в шерстяной рубашке темно-вишневого цвета, то и дело подходил к нему и что-то с жаром ему говорил, а Михаил Михайлович сидел с тоскливым, безучастным видом, держа в худой руке потухшую папиросу.

Я знаю, что он не хотел выступать. Но Симонов своего добился.

Сквозь раскрытую дверь в зал я вижу отчаянное лицо Михаила Михайловича. Он стоит на сцене, и я слышу, как, срываясь, с дрожью в голосе он почти кричит:

— Нет, я не подонок, нет, я не прохвост.

На возвышении, как на эшафоте, стоял такой беззащитный, такой ранимый писатель Михаил Зоценко и уверял других писателей, что он не подонок.

\*\*

Так как постоянно мы жили в Комарово, мы стали реже видеть Михаила Михайловича.

При встречах он и раньше был немногословен, а теперь стал еще молчаливее. Меньше шутил. Глуше смеялся. Начал прихварывать.

Как-то мы были у него в другой маленькой квартире. Он плохо себя чувствовал. Болело сердце.

Он был один. Лежал, прикрывшись пальто. Рядом на стуле стояли пузырьки с лекарствами. В комнате было не прибрано. Везде, на столе и на книгах, лежала пыль.

Он был грустен и говорил:

— Я все думаю, Сашенька, что человеку надо вовремя умирать. Боже, как был прав Маяковский. Я, Сашенька, опоздал умереть. Умирать надо вовремя.

Мы сидели у него недолго. Боялись его утомить.

И ушли с саднящей болью в сердце.

В Комарово ходили слухи, что Михаил Михайлович болен.

Я встретила медсестру Литфонда, которая сказала:

— Еду к Зошенко, он очень плох. Ничего не ест.

Смерть его я скрыла от Сани. На похоронах мы не были. О похоронах Зошенко и обо всем, что там было, я знаю от друзей.



***ИЗ ИСТОРИИ  
ИСКУССТВА***



## ИЗ АРХИВА ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА

Публикация Режиса Гейро

### I. ПЕРЕПИСКА С БРАТОМ

В парижском архиве поэта и издателя Ильи Зданевича, более известного как Ильязд, сохранилось 34 письма и открытки, посланных его братом Кириллом с 1921 по 1967 гг. Столь малое для сорока шести лет переписки число их объясняется длительным перерывом в общении братьев. Никаких следов от писем Кирилла периода 1933-1958 гг. в архиве нет. Если вспомнить, как заботливо относился Илья Зданевич к сохранению своих бумаг, можно прийти к естественному выводу: за четверть века он не получил от брата ни строки. Объяснить это молчание могут три различных, но вполне однозначных причины. С конца войны и до 1956 г. Кирилл Михайлович провел в лагере (точные даты его заключения нам неизвестны). Во время Отечественной войны почтовая связь между СССР и Францией отсутствовала. Наконец молчание 1933-41 гг. вызвано, видимо, простой осторожностью, которая запрещала связь с эмигрантом, даже братом. Это подтверждает последнее из писем Кирилла Зданевича до «перерыва» (март 1933), где отчетливо выступает постоянный страх перед надвигающимися гонениями. Кроме того, по словам самого Кирилла, Илья получал далеко не все письма, отправляемые на его адрес. Это может объяснить наличие лакун и логических несоответствий в имеющихся в нашем распоряжении письмах.

В русском искусстве братья Зданевичи выступили впервые в начале 1910-х годов. Родились они в Тифлисе — Кирилл в 1892 г., Илья — в 1894. Дом Зданевичей был одним из центров художественной жизни города, здесь собирались художники, деятели искусства, жившие в то время в Тифлисе, и атмосфера, окружавшая братьев, во многом определила и их жизненный путь, и художественные взгляды. Кирилл стал живописцем, Илья — первым в России пропагандистом «Манифеста футуризма», только что изданного Маринетти и привезенного в Тифлис вернувшимся из Франции художником Б.Лопатинским.

В 1911 г. оба брата покидают Тифлис и уезжают в столицу. Илья поступает на юридический факультет Петербургского университета, а Ки-



рилл — в Академию художеств. С этого времени начинается участие Зданевичей в художественной жизни Петербурга. Картины Кирилла экспонируются на организуемых Ларионовым выставках, Илья, более склонный к теоретическим исследованиям, участвует в выработке манифеста лучистов и манифеста «Почему мы раскрашиваемся», закладывает основы литературно-художественного течения «всёчество», выступает в подвале «Бродячей собаки». В 1916 он вместе с художниками М.Ледантю, Н.Лапшиным, В.Ермолаевой и О.Лешковой издает абсурдистский журнал «Бескровное убийство». В тот же период Илья пишет свою первую пьесу на заумном языке «Янко круль албанской», которая будет поставлена на сцене в декабре 1916 г.

К тому же времени (1912 г.) относится и знакомство братьев Зданевичей и Михаила Ледантю с грузинским художником-примитивистом Нико Пиросманишвили (Пиросмани). Зданевичи первыми заинтересовались своеобразным мастером, выставили его картины, Илья написал о нем первые статьи.

Февральская революция 1917 г. застала Зданевичей в Петрограде. Только что закончивший университет Илья некоторое время служил секретарем при кабинете А.Ф. Керенского, а в мае 1917 оба брата вернулись в Грузию. Здесь Илья в продолжение нескольких месяцев участвует в экспедиции Е.Такайшвили, которая отправилась в оккупированные русскими войсками районы турецкой Грузии для изучения древнегрузинской церковной архитектуры.

С октября 1917 г. Тифлис переживает период чрезвычайного художественного и литературного подъема. Один за другим сюда съезжаются русские авангардисты, присутствие которых дает решительный толчок активности местных новаторов. Особенно усиливается это движение с созданием в мае 1918 г. независимой Грузинской республики. Золотой период Тифлиса продолжался до прихода в город Красной Армии в марте 1921 г. Одним из первых русских авангардистов появился здесь А.Крученых. Но истинным вдохновителем, вождем и теоретиком нового движения был, несомненно, Илья Зданевич. Поводом к открытию «боевых действий» стала выставка картин Кирилла Зданевича, открывшаяся в октябре 1917 г. и вызвавшая оживленную полемику на страницах тифлисских газет. Группа И.Зданевича вскоре учредила новую ассоциацию, которой было присвоено название «Университет 41°». Под этим же именем основаны издательство, театр, газета. Зданевич ставил целью утверждение новой поэтической школы, возрождение живого поэтического языка и приближение его к «зауми» и абстракту. В этот период им написаны еще три заумные драмы, составившие продолжение «Янко», а также устроен цикл докладов, с которыми, кроме него самого, выступали в помещении кабаре «Фантастический кабачок» А.Крученых и И.Терентьев.

Жизнь в Париже всегда была мечтой братьев Зданевичей. Уже в 1913-1914 Кирилл Зданевич впервые долго живет в Париже, близко общаясь с художниками-кубистами, среди которых Пикассо и Брак, а также с Сергеем Шаршунум. В 1920, он возвращается в Париж через Константинополь и Италию и вновь проводит здесь несколько месяцев, прерванных

лишь короткой поездкой в Берлин в конце года. В октябре 1920 г. Илья тоже обращается в Комиссию Искусств Грузинской республики с просьбой разрешить ему поездку во Францию для знакомства с новейшими течениями современного искусства. Получив разрешение выехать из Грузии, он вынужден был целый год провести в Константинополе в ожидании французской визы. Здесь он пытается пропагандировать идеи «Университета 41°». Вообще организация заграничных отделений «41°» была постоянной заботой членов «университета». Терентьев пытается восстановить тифлисский золотой век в Константинополе, затем в Москве и Ленинграде, Крученых — в Баку, а затем в Москве. То же самое пытался сделать и Илья, очутившись в Париже в 1921 и стараясь вначале убедить в своих идеях дадаистов, а затем, потерпев неудачу с французами, — объединить вокруг себя молодых русских поэтов (группа «Через»). Однако попытки оказались безуспешными.

Все эти события отражены в письмах следующего десятилетия, которые писал брату Кирилл. Постоянные их темы — известия о Терентьеве, устройство выставок Пиросмани и подготовка монографии о нем, продажа картин мастера-примитивиста, размышления о том, как жить, оставаясь вольным художником при советском строе. Особенность переписки из Советского Союза с адресатом-эмигрантом оказывает некоторое влияние и на содержание писем: Кирилл более охотно обращается к повседневности, стараясь избежать политических тем, или таких, которые можно было расценить как политические. Но из этих описаний отчетливо видно, как замедляется темп жизни. По сравнению с кипучей активностью «золотого века», с массой книг, докладов, вечеров, которые разбудили Тифлис на 4 года, из писем Кирилла возникает ощущение города, охваченного летаргией. «Жизнь мельчает», — пишет он брату. В московской художественной среде он оказывается «чужаком». Мы не располагаем ответами Ильи (кроме одного), но, возможно, он мало говорил брату о своей деятельности в группе «Через», во всяком случае в письмах Кирилла об этом нет ни слова. Никак не реагирует он и на последнюю, изданную в Париже заумную драму Ильязда «Ледантю фарам» (1923), хотя, несомненно, получил ее от брата. Вполне возможно, что здесь сказалась обычная осторожность человека, прекрасно сознающего, что международная корреспонденция перлюстрируется. Это, несомненно, отражалось на «уровне откровенности» в письмах Кирилла. Иногда, опасаясь неосторожности со стороны брата, Кирилл даже пробует предупредить его: «У тебя же представление не совсем верное и просто ошибочное о жизни здесь» (28.3.1933). Характерен и эпизод с романом Ильязда «Восхищение»: вначале Кирилл хвалит роман, а несколько писем спустя ограничивается изложением отрицательного мнения о книге издательского совета «Федерации».

Главной темой писем является повседневная жизнь, за деталями которой проступает путь художника, его восприятие окружающего в разные периоды: от лишений и трудностей первых лет, когда Кирилл просит брата помочь ему уехать из Грузии, через недолгое время надежд и обманчивых иллюзий — до страшного тупика, к которому, судя по последнему

письму, приближается К.Зданевич. Критерием при отборе писем для публикации служил, с одной стороны, представляемый ими историко-социологический интерес, а с другой — упоминание в тексте малоизвестных моментов литературного и художественного процесса. Этим объясняется пропуск некоторых писем первого периода (1921-33) и полное отсутствие писем второго периода (1958-67). Последние почти целиком посвящены затруднениям Кирилла при получении им визы во Францию, куда он собирался поехать для встречи с братом. Он добился ее лишь в ноябре 1967 г., когда братья увиделись впервые после полувековой разлуки. Кирилл Зданевич скончался в Тбилиси в 1969 г., Илья — в Париже в 1975 г.

1

Здравствуй, дорогой Илья!<sup>1</sup>

Получил от тебя всё. Живем при советском строе<sup>2</sup> так — фунт хлеба 2000 р. Сахар — 20000. Колбаса — 8-10. Костюм 100000. Ботинки 45000. Зарабатываю изредка в Кавросте<sup>3</sup> — квадратный аршин 1000 руб., при всем напряжении больше 300000 в месяц никак нельзя заработать. Продаем что можем. Папа и Мама<sup>4</sup> живут автономно, у них все свое — и хлеб, и сах[ар], и пр. Я должен кормить Михаила Қсав.<sup>5</sup>, Валю, Алика и кое-как себя. Ну, в общем, уповаю сам не знаю на что. У меня с Игорем мастерская. Кажется, хотят выпереть нас оттуда, но пока уже 2 месяца работаем там и проводим время со своими подругами (у меня Оля Апрелева, блондинка — балет Госуд[арственной] оперы)<sup>6</sup>. Твоя знакомая Батумская — кланяется тебе. Игорь ждет всё свои доллары<sup>7</sup> — не дождется. Он заделался художником. Уже в Кавросте очень интересно работал, но зараб[отал] меньше меня. Софья Мельникова<sup>8</sup> приехала из Сухуми и распускала сенсацию, что ты едешь, но, слава Богу, это кажется неправда. И не думай об этом. Постепенно тут жизнь мельчает. Закрыты все кафе, рестораны, очень много закрыто магазинов. Свободная мелкая торговля есть, но постепенно торговать становится нечем. Да, еще. Я развелся с Валей гражданскими законами — она получила польский паспорт и думает ехать или в Варшаву, или в Москву<sup>9</sup>, но пока мы с ней не считаем [себя] свободными. Я несу скромно свои обязанности. Где Гюрджиев?<sup>10</sup> Тата?<sup>11</sup> Рахмуль?<sup>12</sup> Тате очень кланяйся, целуй ей руки и скажи о моем разводе. Зерновым<sup>13</sup> же нет. Наступает лето, и я измышляю, что бы продать, чтобы послать на дачу Алика. Он большой, рисует, умный. Конверты 6 штук посылаю. Остальные были порваны, их открывали на почте же, у нас дома

пропал только один<sup>14</sup>. Не успели всех захватить. Ну, до свидания, целую крепко.

Твой Кирилл.

18 апр[еля] 19]21

<sup>1</sup> Это письмо было послано в Константинополь, где И.Зданевич жил с октября 1920 до октября 1921 в ожидании визы во Францию и служил в местном отделении американской фирмы «Нир Ист Рэлиф». Сам Кирилл уехал в Париж еще в октябре 1920 через Константинополь и Италию и вернулся домой лишь в марте 1921. На обратном пути он остановился в Константинополе, где находился Илья, а уже затем отправился в Тифлис.

<sup>2</sup> Красная армия вошла в Тифлис 25.2.1921 и 17.3. грузинское правительство во главе с Н.Жордания капитулировало.

<sup>3</sup> Весной 1921 И.Терентьев пишет И.Зданевичу: «Дружбу веду с Кириллом. С ним у нас общая мастерская плакатов и веселья (мы художники-плакатысты Грукавроста — Грузинск[ое] Кавказск[ое] Российск[ое] Телеграф[ное] Агенство)».

<sup>4</sup> Родители И. и К. Зданевичей. Отец — Михаил Андреевич (1862-1941) — преподавал французский язык в 1-й мужской гимназии Тифлиса. В 1930-х ему запретили преподавательскую работу и он стал бухгалтером на маленькой станции тифлисо-батумской ж.д. Мать — Валентина Кирилловна (урожд. Гамкрелидзе, 1870-1941) — была талантливой пианисткой, ученицей П.И. Чайковского. Семью посещали многие художники, жившие в Тифлисе или приезжавшие туда (см.: Спасский. *МАЯКОВСКИЙ И ЕГО СПУТНИКИ*. М., 1940; К.Паустовский. *ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ*. — *БРОСОК НА ЮГ.*).

<sup>5</sup> Личность не установленная.

<sup>6</sup> Ольга Григорьевна (? - 1970), впоследствии вторая жена К.Зданевича (с 1926).

<sup>7</sup> Ср. письмо Терентьева И.Зданевичу год спустя (8 февр. 1922): «Жду всё время денег от Карповича из Вашингтона».

<sup>8</sup> София Георгиевна Мельникова (сценический псевдоним, урожд. Каплан, по мужу Барковская, 1890-1980) — в 1909-1910 актриса Литейного театра (Петербург), впоследствии — тифлисского театра миниатюр, «муза 41°». Ей посвящен ряд произведений И.Зданевича и других тифлиских поэтов и художников, собранных в сб. *СОФИИ ГЕОРГИЕВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ. ФАНТАСТИЧЕСКИЙ КАБАЧОК. ТИФЛИС 1917, 1918, 1919*. Т., 1919.

<sup>9</sup> После развода с Кириллом Валя Зданевич оставалась в Тифлисе до 1926 (как следует из писем К.). Между ними сохранялись дружеские отно-

шения и они встречались, когда Кирилл приезжал из Москвы в Тифлис (особенно в 1923-24).

<sup>10</sup> Кирилл Зданевич был членом «Общества за гармоническое развитие человека», основанного Г.Гурджиевым (1872-1949) в Тифлисе в 1919. В единственном выпуске газеты «41°» помещена статья И.Терентьева о методе Гурджиева. В 1921 Г. жил со своими учениками в Константинополе, а в 1922 поселился неподалеку от Парижа, где он и умер в 1949. В архиве И.Зданевича хранится письмо от П.Успенского — ученика Гурджиева, однако сам Илья, в отличие от брата и многих деятелей искусства того времени, кажется, не был поклонником Г.И. Гурджиева и его учения. Кирилл создал портрет Гурджиева.

<sup>11</sup> По-видимому, речь идет о Мелите Зеленской (см. прим. 5 к п. №7).

<sup>12</sup> Личность не установленная.

<sup>13</sup> Семья Зерновых и Зданевичей связаны дружбой с начала века. Московский врач Михаил Зернов каждое лето практиковал на кавказском курорте Эссентуки, куда Зданевичи приезжали для отдыха и лечения. В 1907 вся семья Зерновых перенесла тиф. Болезнь миновала только младшего сына Зернова — Владимира Михайловича, которого на это время отдали Зданевичам, поручив заботам Валентины Кирилловны. После этого связь между обеими семьями еще более укрепилась. Приезжая в Москву, Илья всегда приходил к Зерновым. В 1920 Зерновы покинули Эссентуки и поселились сначала в Боржоми (где у них гостила В.К. — в письмах «мама»), затем переехали в Тифлис и жили на квартире Зданевичей в Кирпичном пер. В эмиграции Илья поддерживал отношения с детьми доктора Зернова, которые были его сверстниками. В архиве И.Зданевича хранятся два письма (1936 и 1942 гг.) Софии Михайловны Зерновой (1899-1978), видной общественной деятельницы русской эмиграции; речь в них идет о стипендии для сына Ильи. Есть также и письмо (24.12.1921) от Николая Михайловича Зернова (1899-1978, доктор философии и богословия, профессор Оксфордского ун-та), посвященное жизни в Белграде, где Зерновы устроились в первое время после отъезда из России и до своего переселения в Париж. Владимир Михайлович Зернов (р.1900) был впоследствии крестным отцом дочери Ильязда (1927).

<sup>14</sup> Речь идет о конвертах, которые Кирилл посылал с разными марками на свой адрес, чтобы марки были погашены. Затем он снимал их с конвертов и отправлял брату. Впоследствии в Париже Илья время от времени продавал любителям советские марки. В переписке И.Зданевича этих лет, хранящейся в его архиве, марки на конвертах часто отсутствуют.

Тифлис, 1 декабря 1921<sup>1</sup>.

Дорогой Ильюша! Очень обрадовались твоему письму, и я был в восторге от твоей быстроты розыска всех знакомых наших. Твое поручение исполнили немедленно, и Терентьев сегодня прислал письмо, извещающее о принятых им мерах<sup>2</sup>. Спасибо за ботинки, которые хранятся в Батуме в сейфе и Нико обещал привезти мне в четверг, 1 декабря. Не беспокойся, пожалуйста, о нас, и пусть твое настроение не омрачается счастьем быть в Париже. Надеюсь, ты получил мое письмо на твою просьбу дать тебе совет, ехать ли в Париж. Париж тебе даст знание языка, но для устройства судьбы необходимо ехать в Америку, и ты старайся там «завязать сношения», чтобы тебе можно тронуться туда на готовое дело. Привет Ол[ениной]<sup>3</sup>. Прилагаемое письмо передай ей.

Целую крепко, крепко. Твой Кирилл.

<sup>1</sup> Письмо в очень плохом состоянии, бумага прорвана, части некоторых слов отсутствуют. Это письмо является первым из полученных Ильяздом в Париже от брата.

<sup>2</sup> Речь идет о визе для И.Терентьева для поездки сначала в Константинополь, а затем по Америке и Европе — с лекциями об «Университете 41°» и с тем, чтобы открыть филиалы университета по всему маршруту следования, а затем вернуться в Тифлис или Москву. (Письмо от И.Т. от 8.2.1922). Терентьев действительно уехал в Константинополь, где открыл отделение «41°», однако, не получив визы для дальнейшего путешествия, — в августе 1922 вернулся в Тифлис.

<sup>3</sup> Вероятно, речь идет о Марии Олениной д'Альгейм, петроградской знакомой Зданевичей, певице Мариинской оперы. В 1921 она открыла в парижском районе Пасси музыкальную школу, где устраивались приобретающие известность «вечера стихов и музыки». На одном из этих вечеров выступил И.Зданевич с докладом «Новые школы в русской поэзии» (это произошло 27.11.1921, т.е. через две недели после его приезда в Париж).

Дорогой Илья!<sup>1</sup>

Получил твое письмо от 1 марта через 14 дней. Рисунки сделаю и вышлю не раньше 1 апреля<sup>2</sup>.

Здесь очень плохо мне: почти все время голодаю. Давножданное письмо из Америки пришло но там нет ни одного слова про визу. Так что эти мечты надо оставить.

Можешь ли прислать мне визу и когда? Этот вопрос для меня *самый важный* сейчас. Если не можешь или не скоро, то я должен тогда ехать в Тифлис: там без меня совсем плохо Алику и Вале. Свои же отношения с Олей я почти закончил. Она уезжает в Румынию. Чем живешь? откуда деньги?<sup>3</sup> что Судейкин<sup>4</sup>, Барт<sup>5</sup>, Ларионов<sup>6</sup>? Нашел ли Цедербаума и мои марки у него?<sup>7</sup>

Жду скоро ответа о визах.

Твой Кирилл

20.III.1922

<sup>1</sup> Письмо послано из Константинополя. В конце января или начале февраля 1922 Кирилл Зданевич и Игорь Терентьев приезжают в Константинополь, где живут до лета в ожидании денег и виз из Америки. См. письмо Терентьева из Константинополя от 8.2.1922: «Жду всё время денег от Карповича из Вашингтона. Запрос сделан 1 1/2 м[есяца] т[ому] назад. В зависимости от его ответа определится наше дальнейшее. Однако возможно: поездка в Париж, Америку и Берлин и возвращение в Тифлис, а оттуда в Москву (Крученных пишет в Тифлис, что в Москве хорошо, и зовет даже нас туда)».

<sup>2</sup> И.Зданевич просил брата, чтобы тот непременно переслал ему свои рисунки. Среди проектов Ильи по укреплению связей между русской и западной творческой интеллигенцией была выставка в Париже работ русских художников. Она была организована объединением «Удар» и открылась в галерее «Ля Ликорн» 2 февраля 1923. Среди выставленных картин было много работ Кирилла Зданевича.

<sup>3</sup> В то время материальное положение И.Зданевича было крайне тяжелым и ему помогали более обеспеченные друзья. В августе 1922 он все же нашел временную работу, на месяц превратившись в рабочего авторемонтной станции. К этому времени ему также удалось получить заказы на рисунки тканей для С.Терк-Делоне.

<sup>4</sup> Братья Зданевичи знали С.Ю. Судейкина (1882-1946) уже со времен петроградской «Бродячей собаки», одним из организаторов которой он был в 1911. Илья Зданевич выступал там с докладами «Раскраска лица (Беседа на Гауризанкаре)» (9.4.1914) и «Поклонение башмаку» (17.4.1914). В конце 1917 Судейкин попал в Тифлис, где вместе с грузинскими художниками Д.Какабадзе, Л.Гудиашвили и Кириллом Зданевичем он устроил кабачок «Химериони». В 1920 в Париже К.Зданевич и С.Судейкин жили вместе у Ларионова, друга Судейкина с 1902, когда оба они были исключены из МУЖВЗ. Несмотря на различие взглядов на живопись, Судейкин был близок с авангардистами — футуристами и кубистами. После отъезда К.Зданевича в Тифлис Судейкин остался в Париже, где оформлял балеты и пьесы до 1923, а затем переехал в США, где оставался до своей смерти. В январе 1922 Илья Зданевич исполнял каллиграфические украшения для платья, по модели С.Терк-Делоне, для второй жены худож-

ника Веры Судейкиной (впоследствии жена И.Ф. Стравинского). По рукавам платья были расположены заумные стихи (с подписью Э.Эганбюри — псевд. И.Зданевича).

<sup>5</sup> Виктор Сергеевич Барт (1887-1954), художник, близкий друг Зданевичей. Бывший ученик МУЖВЗ (1906-1911), поступил в 1911 в петроградскую Академию художеств, был в одном классе с Кириллом Зданевичем. Вместе с М.В. Ледантю (1891-1917) был в 1912 исключен из Академии, участвовал в выставках «Союза молодежи», примыкал к «Ослиному хвосту», экспонировался на выставке «Мишень» (1911). В 1919-36 жил в Париже, сотрудничал в журнале Сергея Ромова «Удар», верстка которого делалась И.Зданевичем; писал статьи по теории живописи; рисовал костюмы для заумной пьесы И.Зданевича *ОСТРАФ ПАСХИ* (вечер поэта Божнева, 29.4.1923). В Барту посвящен доклад И.Зданевича «Что выгоднее — брать серебро напрокат или покупать его в рассрочку?» (19.5.1922). Участвовал в оформлении советского павильона на Международной выставке в Париже (1925), где экспонировались страницы *ЛЕДАНТЮ ФАРАМ* Ильязда. Вернулся в Москву в 1936. Работал иллюстратором и оформителем наглядных пособий.

<sup>6</sup> Зданевичи впервые встретились с М.Ф. Ларионовым (1881-1964) и Н.С. Гончаровой (1881-1962) в 1911. Кирилл Зданевич участвовал в выставках «Ослиный хвост» и «Мишень», подписал манифест лучистов. Илья Зданевич работал с Ларионовым над редакцией этого манифеста (однако сам его не подписал), составил манифест *ПОЧЕМУ МЫ РАСКРАШИВАЕМСЯ* (подписал вместе с Ларионовым) в дек. 1913, написал монографию *НАТАЛЬЯ ГОНЧАРОВА — МИХАИЛ ЛАРИОНОВ* (М., 1913), которая до сих пор остается подробнейшим каталогом раннего периода обоих мастеров (И.З. выступает под псевдонимом Эли Эганбюри). После приезда в Париж И.Зданевич первые несколько недель жил у Ларионова. Впоследствии они сотрудничали в организации русских балов на Монпарнасе.

<sup>7</sup> См. письмо Кирилла от 28.2.1921: «Найди Владимира Цедербаума, доктора, он должен был передать марки худ[ожнику] Какабадзе. Узнай все это и возьми себе. Там были армянские наборы, довольно редкие и дорогие». О продаже марок Ильей Зданевичем см. прим.15 к п.1.

30.VI.1922

Дорогой Илья!

Завтра в 4 часа я уезжаю обратно в Тифлис<sup>1</sup>. Я думал, что ты пришлешь визу и я поехал бы к тебе и вместе работали бы. Но очевидно приходится это дело *отложить*. Я буду работать в Тифлисе для Парижа и, если нужно будет, пришло еще. Это все, что я ус-



пел сделать. Будь добр, пиши в Тифлис, через Кон[стантинополь]. Тарсидзе<sup>2</sup> в Тиф[лисе]. Мама с чрезвычайным нетерпением ждет от тебя известия. Я видел Лели<sup>3</sup>, и он все рассказывал про тебя — не слишком ли много ругаешься? Спешу за визами. Когда более или менее устроится, то присылай мне визу в Тифлис.

Целую тебя крепко

Твой Кирилл

<sup>1</sup> Так закончилась последняя заграничная поездка молодого К.Зданевича. Терентьев вернулся из Константинополя в Тифлис не ранее 8 августа 1922 (в этот день он пишет И.Зданевичу: «По обстоя[тельствам] денежн[ым] и личным я с ближайш[им] пароходом еду в Тифлис»). К.Зданевич оставался в Тифлисе до октября 1926.

<sup>2</sup> В списке людей, которым Ильязд послал свой роман *ВОСХИЩЕНИЕ* (1930) находится адрес некоего Тарсидзе, живущего в Соединенных Штатах (69 East 66 Street, New York). Другими данными о нем мы не располагаем.

<sup>3</sup> Личность не установленная.

5

Здравствуй, дорогой Илья!

Я опять в Тифлисе!<sup>1</sup>

Лучше здесь, чем в Констан[тинополе]. Хочу в Москву, но приезжающие оттуда не советуют — ужасная дороговизна при полном отсутствии заработка. Не знаю, что дальше будет делать Игорь<sup>2</sup>, пока сидит в Констан[тинополе]. Валя и Алик<sup>3</sup> тут здоровы и все хорошо. Если можешь прислать Эспри нуво, журнал № с Браком и Пикассо<sup>4</sup>. Получил ли мои рисунки. Если нужно, еще пришлю. В Тифлисе в общем легче, чем где-либо, но тебе, конечно, тут делать нечего. Коля Мицишв[или]<sup>5</sup> едет в Париж. Пиши. До свидания. Коля Чернявский<sup>6</sup> писарем в полку в Одессе, но придет сюда.

Целую тебя крепко,

Кирилл.

<sup>1</sup> Письмо не датировано. Оно было послано не раньше начала июля, но не позже самого начала августа 1922 (поскольку И.Терентьев «все сидит в Константинополе»).

<sup>2</sup> Игорь Герасимович Терентьев (1892-1941), поэт, теоретик искусства, художник и постановщик, был одним из трех вождей «Университета 41°» (с И.Зданевичем и А.Крученых). В Тифлисе написал 2 сборника стихов, теоретические трактаты, выступал с докладами о заумной поэзии. В 1923 приехал в Москву и вместе с К.Зданевичем стал сотрудничать в журнале «Крысодав». В дек. 1923 — янв. 1924 выступал с К.С. Малевичем и П.Н. Филоновым за беспредметное искусство и против реалистов. В это же время занимался и театром. С 1927 возглавил «Театр Дома печати». Ненадолго арестовывался — после скандала, вызванного постановкой *РЕВИЗОРА* в стиле «41°», которая привела в восторг В.Мейерхольда и С.Третьякова. Арестован в 1931, отправлен на Беломорско-Балтийский канал. Там руководил театральной труппой, составленной из заключенных. Погиб в заключении в 1941.

<sup>3</sup> Жена и сын художника. Валерия Владимировна Зданевич (урожд. Валишевская, 1896 - 1975) и К.Зданевич вступили в брак 11(23).10.1915 в тифлисской Кукийской Александро-Невской церкви. Была сестрой польского художника Сигизмунда (Зиги) Валишевского (см. прим.5 к п.9). Александр (Алик) Кириллович Зданевич родился 13.3.1917. В конце 30-х гг. работал водителем такси в Тбилиси. Дальнейшая его судьба нам неизвестна.

<sup>4</sup> «Эспри Нуво» («l'Esprit Nouveau») — «журнал эстетики», впоследствии «журнал современной деятельности». Основан теоретиками пуризма худ. и арх. Ш.-Э. Жаннере (Ле Корбюзье — архитектор Центрсоюза в Москве), худ. А.Озанфаном и литератором Полем Дэрме. Первый номер вышел в 1920, издание прекратилось после 28 выпусков в 1925. Журнал был хроникой всего, что происходило в среде кубистов и посткубистов, особенно в области прикладного искусства; участвовал в пропаганде современных художественных течений. Почти в каждом номере за 1921 сообщалось о работах Брака и Пикассо, помещались специально посвященные им статьи: Андре Сальмона *ПИКАССО* (№1, 1920) и Вальдемара Жоржа *БРАК* (№6, 1921).

<sup>5</sup> Грузинский поэт, член группы «Голубые роги» Николай Мицишвили. Вряд ли уехал в Париж в 1921, во всяком случае в начале 1922 в Тифлисе под его редакцией выходила газета «Фигаро».

<sup>6</sup> Николай (Колау) Андреевич Чернявский (1892-1947). Один из наиболее талантливых поэтов «41°», заумник. Писал оркестровые стихи в манере И.Зданевича. Некоторые из них печатались в сб.: *СОФИИ ГЕОРГИЕВНЕ МЕЛЬНИКОВОЙ* (см. прим.8 к п.1). Кирилл Зданевич иллюстрировал и оформил его книгу: Н.Чернявский. *ПИСЬМА. СТИХИ* (Тифлис, 1927).

Здравствуй, Илья!<sup>1</sup>

Твой портрет получили. Отличный вид и пр[очее]. Судя по письму, жить в Париже не имеет смысла. Нужно для работы иметь более или менее нормальные условия — не лучше тебе было бы в Берлине или в Москве?

Тут нам хорошо, работаю. Буду писать «левые» декорации для Лоэнгрина<sup>2</sup>, «Самое главное» Евреинова<sup>3</sup> и др. О Пиросмани я тебе писал<sup>4</sup>. Жду с нетерпением твоей статьи о нем. Посылаю тебе 35 марок. Пиши. Валя обижается, почему не справляешься о ней и не кланяешься. Бой кончился?

Целую

Кирилл

<sup>1</sup> Письмо не датировано, получено Ильей Зданевичем 19.10.1922 (штамп И.З. на обратной стороне листа).

<sup>2</sup> О представлении «Лоэнгрина» в Грузии Советская Театральная энциклопедия не сообщает. Опера Вагнера была поставлена в начале 1922. Еще до этого Кирилл Зданевич участвовал в постановках опер «Испанское каприччио» и «Ночь на лысой горе» (1922).

<sup>3</sup> Пьеса была впервые поставлена в феврале 1921 в Петрограде в театре «Вольной комедии» с декорациями и костюмами Ю.П. Анненкова. На сцене Грузинского драматического театра Тифлиса поставлена в начале 1922. С Н.Н. Евреиновым (1879-1953) Зданевичи познакомились в Петербурге в начале 1910-х гг., затем снова встретились в 1919 в Тифлисе, где Евреинов жил вместе с поэтом В.Каменским. В парижском архиве И.Зданевича хранится несколько писем Евреинова. Он хотел поставить заумную «дра» Ильязда *ЯНКО КРУЛЬ АЛБАНСКАЯ*. С этой целью Евреинов обращается к Ильязду в 1934 и повторно в 1943, на этот раз предлагая ему развернутый план постановки. Еще в 1930 он просил Ильязда сделать сценарий по его роману *ВОСХИЩЕНИЕ* и предлагал поставить его на сцене своего «Le théâtre et la vie». Однако из всех этих планов ничего не вышло.

<sup>4</sup> Речь идет о монографии о Пиросманишвили (открытка из Тифлиса от 20.12.1922). «Издание Пиросмана движется. Исполнено 40 снимков. В книге будет 44 черных и 6 в красках. Твою статью жду с нетерпением, но боюсь, не дойдет, как первая». Книга о Пиросманишвили вышла из печати только три года спустя — в 1926. Тексты для нее, кроме К.Зданевича, писали также Т.Табидзе, Г.Кикодзе и Н.Чернявский. В архиве Ильи Зданевича находятся черновики его статьи о Пиросмани, однако сама статья в монографии так и не появилась.

Здравствуй, дорогой Илья!

Сезон 23-24 здесь в Тифлисе был одним из самых оживленных за последние годы. Лично для меня, конечно, станковизм не существовал, но практическая работа художника для масс была. Три балета в опере в моих декорациях, две пьесы в Груз[инской] драме («Человек-масса» Толлера, «Газ» Кайзера<sup>1</sup>) и 1/2 пьесы Робакидзе «Мальштрем»<sup>2</sup> были сделаны. До футуризма далеко, но тот футуризм 13-17 годов уже, я бы сказал, уже жизненен здесь, и поиски новой формы (футуристичной, конечно) делают возможной работу среди современ[ной] обста[но]вки, в силу ее большей ясности. Кроме этой работы, были несколько плакатов литографских, обложки, украшения домов и пр. Колька здесь, вот его писание<sup>3</sup>.

Здесь развелось грузинских футуристов человек 20, которые дня три тому назад устроили на одном ужине большое побоище символистам, были побиты Тициан Табидзе<sup>4</sup> и сам Робакидзе. Публика первый раз видела лысый череп маэстро.

В общем я занят много и зарабатываю так, что нам хватает, но, правда, провинция и пр[очее]. Но как жить в Москве или Питере? Игорь живет на иждивении тещи в Петрограде, а вообще братии худ[ожественн]ой приходится там туго.

Может быть, приедем в Париж на время. Скажи Мелите Зеленской<sup>5</sup>, что ее сестры Эля и Нюта живут в одной комнате, зале Константина наверху, живут плохо, совсем без денег, да еще Эля болеет. Поцелуй от меня Мелиту.

Ну, до свидания, буду писать.

Целуем Алик, Валя и Я.

Кирилл.

13.III.1924

<sup>1</sup> Пьеса «Человек-масса» немецкого драматурга и бывшего председателя Республики советов Баварии Эрнста Толлера (1893-1939) была поставлена в Грузинском театре им. Шота Руставели в 1923. Постановку осуществлял М.Корели, главную роль исполнял известный грузинский актер Акакий Хорава. Пьеса австрийского драматурга Георга Кайзера (1878-1945) «Газ» была представлена в том же театре в постановке Котэ Андрионикашвили.

<sup>2</sup> Григол (Григорий) Робакидзе (1884-1962) — писатель, критик, драматург, представитель декадентской поэзии в Грузии. Написал пьесу «Мальштрем» в 1922-23. Был основателем группы грузинских поэтов «Голубые роги», которая заседала в «Фантастическом кабачке». Несмотря на различия в подходе к проблемам искусства, авангардисты «41°» и символисты-декаденты «голуборогцы» оставались в дружеских отношениях, хотя над самим Робакидзе футуристы охотно подтрунивали. В 1932 Г.Робакидзе эмигрировал в Германию.

<sup>3</sup> При письме была приложена статья Н.А. Чернявского *ДЕКОРАЦИИ К.ЗДАНЕВИЧА* (из журнала «Театр и арена», выходявшего в Тифлисе). Автор упоминает обе первых постановки К.Зданевича в опере, и спектакль «Человек-масса» в Грузинской драме: «Сцена — "Завод". Свод окрашенных плоскостей, архитектурная смычка станков усиливает живописный прием. Сильные, объемистые формы устави́ли сцену. Посреди весело взмывает вверх полоса красных и темных ромбов — мостовая дуга. Сбоку серая четверть вросшего в землю маховика. На станках огромный круг семафора на планочной стойке. По ходу пьесы на сцене сменяются силуэты фабрик, белая клетка, длинные спицы обратным веером сведены вверх, как руки в мольбе». Чернявский так и сообщает о будущей декорации К.Зданевича: «Ближайшей премьерой в Груздраме идет пьеса Кайзера "Газ". В декорациях — машинность, лаконизм, движение форм в пространстве — супрематизм». Статью иллюстрируют два вида декораций (гравюры работы К.Зданевича).

<sup>4</sup> Тициан Табидзе (1895-1937) — крупнейший грузинский поэт, один из основателей группы «Голубые роги» и завсегдатаев «Фантастического кабачка». Репрессирован.

<sup>5</sup> Мелитта Чолокашвили (1895-1985) — в замужестве Зеленская. Подруга Зданевичей. В Тифлисе держала знаменитый литературный салон. Эмигрировала в Париж и вышла замуж за поэта и драматурга Сергея Рафаловича. Первый муж Мелитты — Константин Зеленский, петербургский адвокат. См. письмо И.Терентьева к Илье (сент. 1922): «Мелитта Зел[енская] д[олжно] б[ыть] еще в Константинополе, а Константин Данил[ович] вызывает ее в Тифлис — послал деньги и пароход[ный] билет. Я думаю, что она не вернется».

Здравствуй, дорогой Илья!

Что делаешь и как живешь? Что твой роман, застрял в типографии или где? Вообще, конкретно, какие твои планы? Под влиянием факта СССР — этого небывалого явления, в связи с грандиозными новыми идеями стомиллионной массы, нам кажется,

«41°» пора пересмотреть заумь как единственную форму искусства. Жизнь и всё вокруг требуют от искусства *активной* работы в перестройке социальных условий. Мы не сможем стоять в стороне. Искусство должно быть связано с массами — пролетариатом (отнюдь не буржуазией — для них это эстетика, гурманство). Игорь Терентьев активно стал на этот путь: он заведует 2 клубами, режиссер, поэт и др.<sup>2</sup> После наших и твоих, главным образом, блестящих заумных дра, после получения так сказать диплома премьера зауми, наступило время творчества футуристического понятного для тиража книги 100000 экземпляров.

Илья! Жизнь за границей, конечно, в некоторых отношениях удобней, чем здесь, но этот пустяк не должен тормозить нашей работы. Жить за границей — быть вольно или невольно эмигрантом — а это отвратительно. Мое и Игоря и Крученых<sup>3</sup> мнение, что сейчас не надо силу своей энергии употреблять на критику: пассаистов, лефовцев<sup>4</sup>, пролетпоэтов, имажинистов и пр[очих]. Наоборот, скорее контакт нужен с ними для общего дела. *Необходимо* изменить анархическую тактику разноса всех и всего и изолированности вследствие этого. Конечно, это не относится к белогвардейцам эмигрантам: Бунин и пр[очие]. Я бы хотел получить от тебя ответ на это письмо, и тогда мы обсудили бы, как дальше быть. Очень жду ответа.

---

У меня все время есть работа — декорации, плакаты и пр. Валя поехала в Москву, пока там. Не видишь ли Зеленского Конст[антина]? Кланяйся ему, скажи, что я почти каждый день бываю у Ольги Григор[ьевны]. Мы с ней подружились<sup>5</sup>. Ну, Илья, желаю всего хорошего. Пиши.

Целую крепко.

Кирилл.

13. X. 1924.

<sup>1</sup> Речь идет о романе *ПАРИЖАЧЬИ, ПУТАНИЦА В 23 ГЛАВАХ*. Написан летом 1923. В конце того же года открылась подписка на книгу, которую предполагали печатать в 550 экз. Среди подписчиков были все друзья Ильязда, однако собрать нужную для издания сумму не удалось.

<sup>2</sup> См. письмо И. Терентьева к И. Зданевичу: «Здесь в Ленинграде /.../ я имею две комнаты под 41°: кабинет, увешанный, обставленный и оклеен-

ный 41 градусом, и мастерскую звука! Со мной несколько месяцев работает до 10 молодых людей: музыкантов, актеров и инженеров (будущих). На днях под названием «Фонологический Отдел Исследовательского Института Высших Художественных Знаний» эта работа должна быть утверждена в Академическом Центре. /.../ Части института (90%) объединены платформой "беспредметности" и составляют федерацию: 41° + супрематизм (Малевич) + Зорвед (Матюшин)». (Полный текст письма приводится в *L'AVANGUARDIA A TIFLIS, Venezia, 1982, a cura di G.Paganì Cesa, p.269-280*. Однако датировка ошибочна: указано — 5.12.1924, в то время как верная дата — 5.2.1924).

<sup>3</sup> Алексей Елисеевич Крученых (1886-1968), известный поэт-заумник. Был одним из трех руководителей «Университета 41°». Напечатал на Кавказе более 60 книг, среди которых несколько иллюстрировал Кирилл Зданевич. Однако позиция Крученых отличалась от «41°». Имя его редко встречается в письмах К. Зданевича (в сравнении с именем Терентьева). В архиве Ильязда хранится лишь три письма от самого Крученых.

<sup>4</sup> Интересны отношения между членами «41°» и левовцами. По словам Ильи Зданевича проект «Лефа» был задуман Маяковским соответственно основанной самим И.Зданевичем и Сергеем Ромовым группе «Через». Произошло это на банкете, организованном ими 24.11.1922 в честь Маяковского. Задачу группы «Через» ее основатели видели в создании настоящего моста *через* границы между советскими поэтами и поэтами эмиграции, с одной стороны, и с другой — иностранными литераторами. Эту позицию внутри Советской России должен был поддержать «Леф». Несмотря на эту общность происхождения двух групп, Ильязд никак не был связан с «Лефом». В его архиве нет ни одного письма от Маяковского. Оставшиеся на родине члены «41°» были в разной степени близки к «Лефу». Наиболее тесно связан с ним был Крученых. Терентьев же сотрудничал лишь в двух первых номерах журнала. Во втором номере он поместил стихотворение *ПЕРВОЕ МАЯ* и статью *ЛЕФ ЗАКАВКАЗЬЯ*. Он сотрудничал и в сатирическом левовском журнале «Крысодав» (вместе с Кириллом Зданевичем). Однако уже с самого начала Терентьев занял по отношению к «Лефу» довольно критическую позицию: «"Леф" — само собой выйдет, что это — 41°. Прием испытанный и единствен[ный] — узурпация того, что всегда было нашим /.../ Название "Леф" разве не наше?» (Письмо И.Т. к Илье Зданевичу от 4.5.1923). Тем не менее, и Терентьев, и К.Зданевич просят Ильязда сотрудничать в «Лефе» и издать в Париже «хотя бы один номер по-французски». Терентьев еще раз появился в «Лефе» в 1924 (№2), поместив ответ на первые нападки на членов «41°» (*ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО гр. СОСНОВСКОМУ ПО ПОВОДУ ЕГО СТАТЬИ В «ПРАВДЕ» №113*). А в 1928 С.Третьяков, директор «Нового Лефа», еще раз выступил со статьей в защиту Терентьева.

<sup>5</sup> Вторая жена Кирилла Зданевича (с 1927). Скончалась 28.12.1970, через год после смерти К.З.

Здравствуй, дорогой Илья!

Отвечаю тебе на письма — ничего утешительного нет, т.к. отрисовок с иллюстраций *нет*. Я сам их заказывал, и они были в количестве 1020 шт[ук]. В Тифлисе нет меловой бумаги, и поэтому нельзя напечатать и черные, о цветных же мечтать нечего. Вообще если бы уплатили бы деньги, то это стоило бы дорого. Две есть возможности. Когда будут печатать 2-е издание, тогда допечатать для тебя будет можно. Но это будет через год. Как быть, вообще не знаю<sup>1</sup>.

---

Выставка Пиросмани *будет в Москве*<sup>2</sup>. Я уговорил Шеварднадзе<sup>3</sup>. Это выяснится скоро. Но, с другой стороны, я через 5 дней уеду в Москву, довольно с меня Тифлиса!

После выставки приму все меры, чтобы добиться поездки с выставкой в Париж.

---

Относительно картин, которые я хотел тебе переслать. Это чепуха, что они взяты на учет, тут она просто себя показала, а он согласился, но его как раз не было дома. Ни ребенка, никого тут приплетать нечего, словом, молодец баба.

---

Если возьмешься за свои работы, то буду очень рад.

Поздравляю тебя с будущей перспективой, и поцелуй от меня Аксель<sup>4</sup>.

Оля вам кланяется.

Передай привет Зиге<sup>5</sup> и скажи, что он поступает по-Якобштодски<sup>6</sup> со мной — не может черкнуть ни слова.

Ну, целую тебя крепко.

Кирилл.

29.XI.1926

<sup>1</sup> См. прим.4 к письму №6.

<sup>2</sup> 25 февраля 1927 в Тифлисе открылась большая выставка Н.Пиросманишвили. Экспонировалось более 90 картин, среди которых 40 принадлежали Кириллу Зданевичу. Экспозиция как таковая в Москву не отправилась, но несколько вещей грузинского примитивиста были показаны на Выставке искусства народов СССР (см. прим.5 к письму №10).



<sup>3</sup> Художник Дито Шеварднадзе был директором Национальной галереи Грузии. И.Зданевич участвовал с ним в экспедиции проф. Е.Такайшвили в области турецкой Грузии, занятой русскими войсками (июнь-октябрь 1917). И.Зданевич выполнил большое число фотоснимков и чертежей церквей и других памятников древнегрузинского зодчества. Е.Такайшвили, после долговременного пребывания во Франции, в 1947 вернулся в Грузию. В 1952 вышла из печати книга об экспедиции, в которой приведены многочисленные документы, выполненные И.Зданевичем, однако без указания его имени. Дито Шеварднадзе был одним из крупнейших коллекционеров живописи Пиросмани и организатором выставок его картин. Свою коллекцию он передал музею, которым руководил (см. письмо 13).

<sup>4</sup> Аксель (Симона-Элиза) Брокер (1909-1978), подруга французского поэта-сюрреалиста Ренэ Кревеля (1900-1935), известная на Монпарнасе натурщица, позировала Паскину, А.Джиакометти, Г.Мишонзе и др. Аксель и Илья Зданевич вступили в брак 18.9.1926, развелись в 1939. Об их детях см. ниже. Второй женой И.Зданевича (1943) были нигерийская княгиня (из племени Йоруба) Ибиронке Акинсемойин (1919-1945). Являясь британской гражданкой, она была арестована правительством Виши и отправлена в концлагерь, где заболела туберкулезом. От этого брака у И.Зданевича родился сын Шалва (1943). В 1968 И.Зданевич женился в третий раз на художнице-керамистке Элене Дуар (р.1910); свидетелями на бракосочетании были поэт-дадаист Жорж Рибемон-Дессень и Пабло Пикассо.

<sup>5</sup> Польский живописец Зига (Сигизмунд) Валишевский (1897-1936, по некоторым данным — 1939), брат первой жены Кирилла Зданевича. Один из наиболее талантливых художников тифлисского кружка. Уехал во Францию до 1920, оставался в Париже до конца 1920-х, затем переехал в Краков, где был одним из признанных мастеров. Еще во Франции, в 1927, Ралишевский потерял обе ноги вследствие болезни кровеносных сосудов.

<sup>6</sup> Личность не установленная.

Здравствуй, дорогой Илья!

Получил три первые главы романа<sup>1</sup>. Конечно, в таком виде их легче нести, но Оля перепечатала их на днях — трудно было найти машинку. Но чтобы можно было устраивать роман, нужно по крайней мере половину его. Я говорил с «Красной новью»<sup>2</sup>, и там принципиально согласны взять его. Тебе выгодней будет печатать в журнале, а потом отдельной книгой. Итак, присылай

скорей продолжение. Роман мне нравится. Как ты живешь там и как у Пирумовых?<sup>3</sup> Ты работаешь на фабрике?<sup>4</sup> Как здоровье твое, девочки<sup>5</sup> и жены? Передай Аксель мой и Олин горячий привет и всякие пожелания<sup>6</sup>. Оля напишет вам.

---

Выставка с Пиросманом открылась<sup>7</sup>, но пока нет никаких разговоров о покупке, но может быть продажа в Третьяковку. Возможна поездка выставки за границу — Берлин<sup>8</sup>. Я думаю, что там можно будет продать несколько картин. У нас их ведь очень много (54 шт.). Грузины разводят панику, сюда прискакал кто-то из Тифлиса и готовит какую-то каверзу с карт[инами], но я думаю, что вряд ли удастся им их получить даром. Если захотят сохранить их у себя, пожалуйста, всю коллекцию можно продать тысяч за 15-20. Но это только разговоры. Я пока никак не устроен, нет ни службы, ни комнаты, живем все в общежитии Рабиса<sup>9</sup>, тетка сумасшедшая<sup>10</sup> нас прогнала из комнаты, а купить ее пока нет денег. Работаю неважно, не могу получить постановки в театре больше, но думаю, что в конце концов вылезу наверх. Пожалуйста, снеси Зиге это письмо, вот жалко его<sup>11</sup>. Целую тебя крепко. Твой Кирилл.

Очень хотел бы встретиться с тобой и с тв[оим] семейств[ом].

Новый адрес мой: Петровский парк, Петровско-Разумовская аллея, дом 18а, мне.

<sup>1</sup> Речь идет о романе Ильязда *ВОСХИЩЕНИЕ*, законченном к весне 1927. На вечере 27.6.1927 у художника Г.И.Шильтьяна Ильязд читал куски из него. О судьбе романа см. дальше.

<sup>2</sup> «Красная новь» в это время ориентировалась на попутчиков. В 1927 после кампании против журнала, начатой напостовцами, «Красная новь» переживала кризис, в результате которого создатель журнала А.К. Воронский был выведен из состава редакции, а в январе 1929 — арестован за «троцкизм».

<sup>3</sup> О Пирумовых точных сведений мы не имеем. Возможно, речь идет об эмигрантах, вернувшихся в СССР около 1932. В парижском архиве Ильязда есть запись о том, что 15.4.1930 он дал Пирумову экземпляр своего романа *ВОСХИЩЕНИЕ*. Но возможно, речь идет о каком-то служащем советского посольства, с которым Ильязд был связан во время работы переводчиком при посольстве (1924). По-видимому, этот чиновник занимал довольно высокий пост, если Ильязд обращается к нему за помощью (см. письмо 16).

<sup>4</sup> Илья Зданевич с января 1927 официально зарегистрирован как ривальщик по ткани (он выполнял эту работу для С.Делоне уже давно, но sporadически и неофициально). Он работает на трикотажной фабрике Блак Белэр, которая станет с марта 1928 одним из известнейших предприятий «Ткани Шанель». В 1933 Ильязд становится директором фабрики. Его деятельность в области haute couture завершилась в 1937.

<sup>5</sup> Речь идет о Мишель Зданевич, дочери Аксель и Ильи. Родилась в Париже 15 января 1927. Крестной матерью ее была знаменитая Коко Шанель, а крестным отцом — Владимир Зернов.

<sup>6</sup> То есть к ожидавшемуся в феврале рождению ребенка.

<sup>7</sup> Речь идет об открывшейся 7 ноября 1927 Выставке народов СССР к десятилетию Октября: «Через 1 месяц выставляю на выставке Народов СССР к 10 Ок[тября] 16 картин Пиросмана» (из письма Кирилла к брату от 25.9.1927). На выставке экспонировалось 23 картины Пиросманишвили: 1. Олень, 2. Медведь под лунным светом, 3. Красавица из Ортачалы с веером, 4. Рыбак, 5. Дворник, 6. Натюрморт, 7. Кутёж трех князей на лугу, 8. Кало I, 9. Кало II, 10. Арсенальная гора ночью, 11. Верблюд (татарский погонщик верблюда), 12. Путешественник, 13. Кутёж у Гвимрадзе, 14. Мальчик, 15. Грузинка в народной одежде, 16. Семейная компания, 17. Корова, 18. Красавица из Ортачалы, 19. Женщина со своими детьми, 20. Натюрморт; 21. Панно, 22. Белый духан, 23. Свадьба в старой Грузии (Свадьба в Кахетии). По книге-каталогу *ПИРОСМАНИ*, изд. «Аврора», Л., 1983, только шесть картин (№№1, 2, 3, 5, 6, 7) принадлежали коллекции И. и К. Зданевичей (по нумерации этого каталога — 2, 19, 67, 109, 151, 173). Среди картин, посланных К.Зданевичем на выставку, были еще №№4, 8, 9, 16 (см. письмо от 14.2.1928), №10 (см. письмо от 27.3.1930) (по каталогу — 102, 62, 63, 190). №№12 и 13 (кат.: 104 и 177) принадлежали Николаю Чернявскому (см. прим.6 к письму 1), который нашел их в духанах. М.Тоидзе нашел №22 и подарил эту работу Национальной галереи Грузии еще в 1920 (кат.: 199). №23 (кат.: 158) сам Пиросманишвили подарил Обществу грузинских художников в 1916.

В настоящее время почти все эти картины находятся в Национальной галереи Грузии, кроме №№4 и 9 (Третьяковская галерея), №17 (собрание И.Андроникова, Москва), №18 (собрание Т.Александровой — И.Попова, Москва) и №10. Судьба последней вещи замечательна. В 1930 она все еще находилась у Кирилла Зданевича, который сообщает брату, что она «никому не будет продана». Затем она оказывается у Лили Юрьевны Брик, а впоследствии попадает в коллекцию французского писателя-коммуниста Луи Арагона, мужа Эльзы Триоле и зятя Л.Брик, у которого она и осталась до его смерти в 1982.

<sup>8</sup> 23.7.1930 Д.Шеварднадзе пишет Ильязду: «Первая выставка Пиросманишвили предполагается в Дрездене в сентябре месяце, в других городах — в последующие месяцы. /.../ До Германии предполагается вы-

ставка здесь, а потом проездом в Москве». Выставки Пиросманишвили в Германии так и не было.

<sup>9</sup> Рабис — профсоюз работников искусств.

<sup>10</sup> Сестра Михаила Андреевича Зданевича — Инна Андреевна (ум. в Гандже в 1938).

<sup>11</sup> Речь идет о болезни и ампутации ног у С.Валишевского (см. прим. 5 к письму 9).

11

Здравствуй, дорогой Илья!

Сегодня получил 5 глав: все они переданы редактору (зав.)<sup>1</sup> «Красной нови», через несколько дней я буду знать о возможности печатать там роман или нет. Сейчас закрывается 40 издат[ельств] в том числе и Круг<sup>2</sup>, и будет трудней печатать, хотя твой р[оман] очень хорош и, думаю, пойдет.

2 картины купили за 700 р[ублей]: «Семейную компанию» и «Князя с канци» — в худ[ожественный] отдел Главнауки. Эти картины будут за границей в Париже на выставке. «Рыбак» и «Коло» будут в Третьяк[овке]<sup>3</sup>. Но больше продавать не буду. Натюр-морт, мальчик и князь висят в нашем полуподвале.

Послал немного денег маме — и тут пришлось многое мне и всем купить, и нету 500 р[ублей]. Теперь, когда получу из Тр[етьяковки], они пойдут на хорошую комнату.

Сейчас у меня очень плохо с работой. Но теперь начинаю писать к весне картины.

Розыски картин Ларионова пока не привели ни к чему. Еще узнаю у Штеренберга и др.

---

Тебя можно поздравить?

Аксель передай всякие пожелания. Нам очень интересно, кто у тебя будет<sup>4</sup>.

Барту напишу, но тут беднота страшная, есть хороший Гончаров и Тышлер<sup>5</sup>, — остальные у вас. Скоро спишемся и пришлем карточку. Как фабрика? Может быть, когда-нибудь придется там работать и мне.

Ты знаешь Микадзе в Париже?<sup>6</sup>

Все целуем тебя и Аксель и детей.

Твой Кирилл.

Буду писать еще на днях.

14.II.[19]28

Илья! ты мог бы прислать мне штук 6-8 разных номеров кистей, мелких и средних, Лефрана?<sup>7</sup> Здесь совершенно нет хороших, и вообще нет, которыми можно было бы работать, и еще один мастихин — нету. Буду очень, очень благодарен.

Адрес наш тот же.

<sup>1</sup> Главный редактор А.К. Воронский к тому времени был уже выведен из состава редакции «Красной нови».

<sup>2</sup> «Круг» — кооператив писателей, организовавшийся в Москве в 1922. В нем принимали участие Вс.Иванов, Б.Пастернак, А.Аросев, Е.Замятин, Б.Пильняк, И.Эренбург и др. Они создали одноименное издательство и альманах. «Круг» был близок по направлению к «Красной нови». Деятельность его пришлось уменьшить к 1928, а в начале 1929 — он окончательно вошел в издательство «Федерация».

<sup>3</sup> Соответственно №№180 и 123 (с 1930 — в Русском Музее, Ленинград), 102 и 63 — по каталогу Кетевана Багратишвили, *НИКО ПИРОСМАНИ*, изд. «Аврора», Л., 1983. Две последних картины, о которых Кирилл не сообщает брату, за какую сумму они были проданы, — перешли в Третьяковскую галерею прямо с Выставки народов СССР. В Париже выставка Пиросмани так и не побывала.

<sup>4</sup> В четыре часа того же дня у Ильи Зданевича и Аксель родился сын Даниель Ильич (19.2.1928).

<sup>5</sup> Гончаров Андрей Дмитриевич (р.1903) — художник.

Александр Тышлер (1898-1980) — художник, с 1910 ученик Прахова в Художественной школе Киева, затем — ученик Александры Экстер. Много работал как театральный художник: исполнитель декораций для Еврейских театров Минска и Харькова, для Театра профсоюзов Москвы.

<sup>6</sup> О путешествии в Париж А.Микадзе никаких сведений у нас нет.

<sup>7</sup> Известная французская фабрика красок, основанная в 1720 и существующая по сей день.

Дорогой Илья!<sup>1</sup> То, что я дал Игорю денег, конечно, это ужасная оплошность — когда я получу их — неизвестно — но вот это было сделано почему. Крученых дал 100, Катаньян<sup>2</sup> — 60, Третьяков<sup>3</sup> — 50 и я — 200. Этим мы поддержали его в самый трудный момент — без них не было бы показа его театра в Москве. Но по-

каз был, и его театр берут на госсубсидию. Другими словами, им одержана колоссальная наша победа! Сейчас театр пока не работает, но, вероятно, останется в Москве. Игорь и Кашницкий<sup>4</sup> делают всё, чтобы вернуть деньги, но когда это будет, не знаю — может быть, завтра, а может быть, через 2 недели. Я прямо болен от огорчения и расстройств из-за тебя, но кто мог думать, чтобы на их голову свалились 333 несчастья и деньги будут задержаны!!! Роман в «Федерации»<sup>5</sup>. Мне кажется, что и там не пройдет, но в Зибре уже подготовлена почва и туда, если мне вернуть в субботу эту, отнесу. Шклов[ский]<sup>6</sup> помочь ничем не может, он уехал на Семиреч[енскую] ж[елезную] д[орогу]. Здесь была мама с папой. Жили неделю. Если бы их не было, то я мог бы собрать денег, но они мне стоили всё, что было.

Я жду одну работу на днях, и, если ее получу, то тогда без Игоря вышлю сто. Целую. Прости.

<sup>1</sup> Открытка, без даты. Штемпель московского почтамта от 28.5.1928.

<sup>2</sup> Василий Абгарович Катанян (1902-1980) — поэт, журналист, известный литературовед, специалист по Маяковскому. Был близким другом тифлисских заумников со времен «41°» и «Фантастического кабачка», участвовал в одноименном сборнике, автор сборников «Синим вечером» и «Убийство на романтической почве» (Тифлис, 1918 и 1919). В ноябре 1975, за несколько недель до своей смерти, Илья Зданевич после полувековой разлуки снова встретился с В.Катаняном и Л.Ю. Брик (25.11.1975), приехавшими в Париж на выставку «Маяковский — 20 лет работы».

<sup>3</sup> Сергей Михайлович Третьяков (1892-1939) — директор «Нового Лефа», поэт, бывший преп. русского языка Пекинского ун-та (1924-25). Сочувствовал и покровительствовал заумникам. Арестован в 1937. О его помощи Терентьеву см. также письмо 13.

<sup>4</sup> Владимир Самойлович Кашницкий (1897-1963), композитор, сотрудничал с Терентьевым во всех его ленинградских постановках, последовал за ним в Москву.

<sup>5</sup> «Федерация» (Федерация объединений советских писателей, ФОСП) образована 27.12.1926 на объединенном собрании ВАПП (Всероссийской ассоциации пролетарских писателей), ВОКП (Всероссийского общества крестьянских писателей) и ВСП (Всероссийского союза писателей). Основную цель «Федерация» видела в «объединении различных писательских группировок, желающих активно участвовать в строительстве СССР и считающих, что советская литература призвана сыграть в данной области одну из ответственных ролей». Для этого «Федерация» пыталась выработать общую платформу для вошедших в нее объединений на основе резолюции ЦК РКП(б) от 18.6.1925 «О политике партии в области художественной литературы». Позже в ФОСП вошли «Леф», «Перевал», «Куз-

ница» и «Литературный центр конструктивистов». «Федерация» организовала свое издательство под тем же названием, выпускала журнал. В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 23.4.1932 «О перестройке литературно-художественных организаций», Федерация, как и другие литературные группировки, прекратила существование.

<sup>6</sup> Виктор Борисович Шкловский (1893-1984) познакомился с братьями Зданевичами в Петербурге во времена «Бродячей собаки». В книге *ЖИЛИ-БЫЛИ* (М., 1966) он дает иронический портрет молодого паладина художественного экстремизма Ильи Зданевича. Впоследствии они встречались в Тифлисе (осенью 1917 — по возвращении Ильи из экспедиции) и в Берлине (в декабре 1922, встреча описана И.Зданевичем в докладе *БЕРЛИН И ЕГО ХАЛТУРА*). В архиве И.З. хранится 3 письма Шкловского.

### 13

Здравствуй, дорогой Илья!<sup>1</sup>

Я думаю, что это моя и твоя судьба — быть неудачниками! Ведь нужно было бы — Терентьеву обворовать тебя и меня, а редакциям возвращать роман! Игоря дела неважны, я думаю, что ему не дадут денег — слишком его театр экспериментальный и левый — не для рабочих. И, зная, что положение его безнадежно, выманить обманами у меня последние деньги! Это я ему не прощу никогда — бывают дни, что и Мирель<sup>2</sup>, и мы тем более — сидим почти без еды, и за что всё это? Чтобы он мог продержаться свой театр лишних два-три дня!! О его театре я пришлю тебе рецензии, а пока положу страницу из «Лефа»<sup>3</sup>. Пока о романе.

«Федерация» на голосовании отклонила его. Против были, кроме Фадеева («Перевал»)<sup>4</sup>, почти все. Начиная с заглавия — восхищение — некое мистич[еское] состояние духа. Весь роман построен на мистике. Это одно. Другое, какое твое отношение к действ[ующим] лицам? Эстетонаблюдательное равнодушие. Почему эти горцы — только зобатые и кретины? Что это за страна уродов? Футуризм повернул за эти годы на 180°, но все это прошло мимо тебя, ты оторван от здешней жизни и требований. Роман можно и нужно переделать — в таком виде вряд ли он может печататься в СССР. Дальше, почему напущен такой туман, не указано приблизительно ни время, ни место. Материал у тебя очень интересный. Есть места великолепные — огромной образности и мастерства, но это ложный свет. Язык: видно, ты давно не был в России, язык очень странный, даже неуклюжий местами, как будто безграмотный. Их мнение — тебе совершенно необходимо приехать сюда хотя бы на время — здесь ты сможешь набрать

ся заряду надолго, а еще лучше переехать совсем! Тут ты найдешь крупную литератур[ную] работу. Нужны и пьесы, и сценарии, и романы, и очерки, нужно стать своим: тогда и «Восхищ[ение]» сможешь протолкнуть. Везде завал своих, а тут еще оплачивай чужих<sup>5</sup>. Третьяков просил и спрашивал, почему ты утерять всякую связь с Лефом хотя бы? Не Крученных — он потерял всякий авторитет и значение — Круч[еных] сейчас не издает своих вещей, а Хлебникова в 100 экз[емплярах]. Круч[еных] и Терентьев — рвачи, и конечно *ни тебе* ни мне ориентироваться на них нельзя, и ты только скомпрометируешь себя в литерат[урных] кругах, появившись с ним! Да, дорогой Илья, теперь не эпатировать нужно (Терентьев плохо усвоил это), а работать на СССР — литературные группировки все работают на это разными способами и умением, но нельзя применять к лит[ературным] приемам критики 1916-19 г., как до сих пор разводит Круч[еных]. И он за бортом общей работы и даже Лефа! Вот тебе Третьяков. Он становится весомей Маяков[ского] и др[угих]. С ним считаются, и он крупный человек — а ведь Леф! (а зарабатывает: за квартиру платит 200 р[ублей] в мес[яц]).

Третьяков просил прислать 1 главу твоего нового романа и я прошу тебя это сделать. Он даст «консультацию»: стоит ли его продолжать (в том смысле, что пойдет ли он здесь), и вообще, если поправится, то он может очень много помочь. Но, ради бога, без ангелов и прочей сволочи. Делай ясную и четкую классовую линию и не путай язык.

Что я буду делать с ром[аном]? Я сейчас предлагаю его Борису в Заккнигу<sup>6</sup>. Если у мамы есть сейчас экземпляр, она отнесет туда, а нет — мне придется перепечатать здесь и послать. За это время я буду продолжать поиски и другие возможности его напечатания. Я Бориса предупрежу, что у мамы черновик. Как я живу? Сейчас плохо. Нет декоратив[ной] работы, живу обложками. Это с работы 30-35 р[ублей] в месяц 3-5 шт[ук]. Алик в «Лесной школе». А мы в полуподвале тетки Нины (она у [неразб.] в Гандже) на 12 кв[адратных] арш[инах], тесно и сыро. Но не унываю. Написал одну картину и буду еще делать. Выставлять буду осенью. Тружусь, результаты будут, но нужно еще год долбить. Подумай о приезде и отвечай. Я тебе еще на днях буду писать. Целуй детей и жену. Целую тебя. Оля целует всех. Фото пришлю, когда будут деньги сняться.

В рукописи ст[раница] 11.

Строка внизу: *Незнакомец окружил (?) монаха*. Замечено при чтении Фед[ерацией].<sup>7</sup>



Я согласен с мнением многих, что первая глава лишняя — мистикой, стилизацией и просто неинтересная.

Все, что я тебе писал, пожалуйста, продумай серьезно. Может быть, будут неудобства для семьи (твоей) в случае твоего приезда сюда, но опять-таки не отмахивайся от трудности, тебе пора взяться за свое дело — быть русским писателем — в этом тебя ждут и крупные победы и также деньги. Что ты добьешься в Париже? Пора ясно поставить вопрос о будущем *и не забавляться миражами*. Заумь — лаборатория, футуризм, в том виде, каком был, — давно умер. Цель — строительство, средство — мастерство формы. «Друзья» открыли лицо, да у них давно нет и старой платформы. Работать с ними, работать на них — для дела? Да, совершенно неизвестна или очень мало вразумительна платформа Игоревского театра — не в декларативном смысле. Конечно, не плохо, как Третьяков, написать несколько слов по поводу, но работать с ними, — нет, довольно!<sup>18</sup>

Пожалуйста, решай конкретно о твоём приезде сюда. До этого ты мог бы дать что-нибудь в Леф — посылаю тебе журналы — подумай серьезно и скорей отвечай<sup>9</sup>.

Твой Кирилл

<sup>1</sup> Письмо не датировано, но И.Зданевич, по-видимому, считал дело настолько важным, что сохранил копию своего ответа брату. При письме Кириллу Ильязд послал и свои возражения на критику, высказанную «Федерацией» (копия также хранится в архиве поэта). Дата ответа — 24.6.1928.

<sup>2</sup> Мирель Кирилловна (в замужестве Куталадзе, родилась 29.7.1929) — первая дочь Кирилла и Ольги Григорьевны Зданевич.

<sup>3</sup> Речь идет о статье директора «Нового Лефа» С.Третьякова *ПЕРЕГИБАЙТЕ ПАЛКУ!* («Новый Леф», 1928, №5, с.33). Третьяков с восторгом хвалит терентьевскую постановку *РЕВИЗОРА* в театре Дома печати и поддерживает ее против критиков, возмущенных эротизмом терентьевской трактовки Гоголя.

<sup>4</sup> Александр Александрович Фадеев (1901-1956) — писатель, один из руководителей РАПП и ВОАП, член президиума Союза писателей. Влияние Фадеева было уже тогда очень велико. Впоследствии — генеральный секретарь Союза советских писателей (см. подробнее раздел *ВОСПОМИНАНИЯ* настоящего выпуска). В группу «Перевал» не входил.

<sup>5</sup> Ильязд подробно ответил критикам из «Федерации» в письме от 1928:

Вот что делает мой роман неприемлемым, в передаче моего брата (цитирую): «заглавие "Восхищение" — некое мистическое состояние духа». «Весь роман построен на мистицизме. Далее, каково твое отношение к действующим лицам? /.../ ни время, ни место /.../. Язык очень странный /.../ безграмотный». Ни с одним из приведенных выше соображений я не могу согласиться. /.../ Если «восхищение» есть какое-то мистическое состояние духа, то не менее мистичны восторг, подъем, увлечение и т.д. /.../ Если придерживаться подобной терминологии, придется признать мистическими все состояния психики. Восхищение не мистика, это чувство предреволюционное и революцию сопровождающее. Я был на Финляндском вокзале в марте 1917 года во время памятной встречи. Восхищенного взгляда матросов, несших Ильича, я никогда не забуду /.../. Я переработал в моем романе впечатления, собранные мной в течение долгих путешествий по родному мне Кавказу /.../. Если после этого вы спрашиваете, каково мое отношение к действующим лицам, я недоумеваю. Я готов спросить — читали ли вы рукопись? /.../ после того, как автор выставляет самодурство властей, поборы, насилия над женщинами, расстрелы, карательные отряды — не ясно, как он относится к действующим лицам? /.../ Я знаю, что футуризм повернул за эти годы. Но я плохо понимаю, почему этот эпитет был пристегнут к моему роману. Я, действительно, был футуристом (и первый в России заговорил о нем в конце 1911 года), но уже в 1914 слово это потеряло всякий смысл, чем и объясняется его «поворот на 180°», объединяя скорее людей, а не идеи. И с 1914 года я футуристом больше не называюсь (заумником — да, но это совсем не то же) /.../ Вы спрашиваете, почему /.../ я написал вещь, якобы вне времени и места? Я интернационалист, а не ученик Лескова. Я и имена взял такие, которые встречаются повсюду, чтобы не лишая вещь качеств зоркого наблюдения, отнять у нее тот невыносимый «style russe», которым /.../ еще щеголяют наши «бытовики». Мне писали также, что вещь производит впечатление «перевода с иностранного» — тем лучше. Но насчет «безграмотности» — это, во всяком случае, преувеличение. /.../ Если я представляю якобы святого, окруженного ангелами, и потом показываю, что это блудник, всякой сволочью окруженный, в чем же тут опять злосчастная мистика? /.../ Нельзя /.../ называть, положим, Горького, если его герои молятся, — религиозным писателем /.../ Но что более всего меня удивило, это замечание, что я оторван от жизни и ее требований. /.../ Всякий принимает участие в советском строительстве согласно своим возможностям. «Восхищение», где я воссоздал окружение гор подлой империей (это вся проблема быта горного крестьянства) — я полагаю, что это мой вклад в общее дело. От-

казать в приеме рукописи, это /.../ ваше право. Но что вы закрываете мне путь к работе, незаслуженно награждая меня репутацией мистика, против этого я возражаю.

<sup>6</sup> Личность не установленная. В ответе брату Ильязд также спрашивает об этом служащем Закавказской книги: «Кто такой Борис?»

<sup>7</sup> В своем ответе Ильязд предлагает: «Вместо *окружил* монаха, можно *подцепил* монаха и воздел его над пропастью». При последней редакции романа фраза приобрела следующий окончательный вид: «Незнакомец *облапил* монаха и воздел над пропастью». См.: *ВОСХИЩЕНИЕ*. Изд. «41°», Париж, 1930; репринт — Berkeley Slavic Specialities, Berkeley, 1983 с.20.

<sup>8</sup> В ответе Ильязда: «Твое приглашение приехать платонично и преждевременно. Не забывай, что у меня двое малых детей и такая же беспомощная жена, что в Париже я живу в обрез, но наконец, после стольких несчастных лет, начинаю устраиваться. И бросить это всё, налаженное с таким невероятным трудом, ради миража "доходной" литературной работы. Пример Третьякова не доказательство. Маяковский тоже умеет вышибать рубли, а я никогда не сумею, так как не умею и не выучусь халтурить и многое прочее /.../. Решение вопроса дано в твоей фразе: везде завал своих, а тут еще оплачивай чужих. И эта формула теперь царит повсюду. Всё, что ты пишешь: как надо писать, очень хорошо. Но не так это всё просто делается».

<sup>9</sup> Дальнейшая судьба *ВОСХИЩЕНИЯ* была следующей: Ильязд сам издал роман в Париже. Он вышел в 1930. Д.Святополк-Мирский (NRF, décembre, 1931) и Б.Поплавский («Числа», 2/3-1930, с.258-259) откликнулись на него вполне доброжелательными рецензиями. Однако коммерческого успеха книга не имела. В 1983 ее репринтировали в США, в 1987 — она вышла в переводе на французский язык.

## 14

Здравствуй, дорогой Илья!

Я уже потерял счет месяцев, когда я писал последний раз тебе. Обстоятельства разные, но мама писала о тебе почти всё, как идет у тебя: Сейчас тебе напишу о новости, вряд ли приятной для тебя.

Около полутора месяцев тому назад Госиздат послал меня в Самару — установить рекламу и оборудовать магазины. Уехал с радостью — не выезжал из Москвы почти три года. Приехал, едва начал работать, телеграмма из Москвы от Шеварднадзе: «Приехал Москву вести переговоры насчет приобретения для галереи Грузии картин Пиросмани. Прошу приехать срочно на день. Проезд оплачу и пр.».

Отвечаю — приехать не могу, неустойка 700 р[ублей]. Новая телеграмма: «Наркомпрос совсем уезжает Европу конце февраля. Нужно сейчас кончить. Марте будет поздно. Послано спешное письмо. Отвечайте телеграфно».

Получил письмо, где он пишет, что в Грузии Пиросман будет конфискован бесплатно, все картины посылаются в Европу на выставку в Германии. Сейчас такое положение, что стало совершенно невозможно держать лучшие картины национального худ[ожника] где-то в Москве. Из музеев Ленинграда и Москвы давно вывезли всё грузинское и тем более забрали бы все бесплатно у частного лица.

Простит назначить сумму и кончить все к обоюдному удовольствию. Какое тут удовольствие! Отвечаю, припертый к стенке, — 8 т[ысяч] рублей. Он: «сумма колоссальная, максимум за 40 картин могу предложить две т[ысячи] 500 р[ублей]». Отвечаю — три. Получаю письмо от жены, где она пишет, что у Шевар[днадзе] на всю выставку с покупкой и пересылкой и ремонтом — 5 т[ысяч] р[ублей], так что я угадал, больше нельзя было бы взять<sup>1</sup>.

Остались у нас следующие картины. «Мальчик» — маленький размер — твой любимый. «Арсенальная гора ночью», «Верблюды», «Черный лев», «Кутёж молокан» — все первоклассные картины, которые не будут никому проданы<sup>2</sup>. Теперь у меня одна забота и желание — восстановить хотя бы до 10-15 картин собрание, и это можно вполне рублей за 500 с поездкой в Тифлис.

Вот как я распределил деньги.

У мамы долгов — 350 р[ублей] — оплачены.

У папы — 200 р[ублей] — оплачены.

Все остальные деньги в банке, за вычетом папе, маме и на покупку Пиросмана остается 1900 р[ублей]. Одну половину прячу для тебя (переслать нельзя), другую — меняю комнату (я живу с семьей в комнате 21 кв[адратный] ар[шин], полуподвал, сырая, уже третий год), — вот и всё.

Сергей Матвеевич<sup>3</sup> был как раз здесь и тоже сказал Оле, что лучше, конечно, продать, пока не отняли, самому Шеварднадзе пришлось свои 16 картин подарить Нац[иональной] галерее.

Очень жду от тебя ответа

---

Мы все здоровы. Через месяц жена и дочь едут в Тифлис, я же хочу после первого мая, когда кончу работу в Госиздате.

Как живет твоя семья и дела?

Сейчас я стал хорошо зарабатывать — до 350 р[ублей] в мес. Это тут очень хорошо, работаю в Госиздате, но дальше видно будет.

Отвечай.

Целую тебя крепко

Твой Кирилл.

Володя<sup>4</sup> в Москве замдиректора Синей Блузы — живет не плохо.

Еще раз целую детей,

Брат.

27.III.1930.

Москва.

<sup>1</sup> Ответа Ильязда в нашем распоряжении нет, но продажа картин Пиросмани глубоко его опечалила, как это видно из письма Д.Шеварнадзе к И.Зданевичу от 23.6.1930: «Вы, кажется, очень огорчены, что Кирилл продал нам своего Пиросмани. Будьте уверены, что более подходящего места, как Нац[иональная] галерея, для Пиросмани нет. Было бы стыдно, если бы Пиросмани не был на своей родине представлен как следует. Что мало заплатили сравнительно, это мы по средствам, слава и честь Кириллу, что он пошел нам навстречу, он же не для спекуляции собирал».

<sup>2</sup> «Мальчик» — вероятно, «Мальчик в национальном костюме» (в настоящее время хранится в собр. М.Чаурели, Тбилиси); «Верблюды» — в собр. И.Сановича, Москва; «Черный лев» — в собр. М.Куталадзе, Тбилиси; «Кутёж молокан» — в музее Н.Пиросманишвили, Мирзаани. О судьбе «Арсенальной горы» см. прим.7 к письму 10.

<sup>3</sup> Сергей Матвеевич Ромов (1883-1939) — критик, покровитель молодых русских поэтов в Париже, редактор парижского журнала «Удар» (1922-23, вышло 4 номера), друг дадаистов. Выступал свидетелем обвинения на так наз. «деле Барэсса» (см. «Littérature», п.20, août 1921, p.7-9). Был близким другом Зданевичей (особенно Ильи, с которым основал поэтическую группу «Через»). В 1927 поехал в СССР, рассчитывая скоро вернуться в Париж, где оставил жену и больного сына. Однако в Париж возвратиться уже не смог. В конце 1930 Ильязд обратился ко всем бывшим друзьям Ромова, чтобы собрать деньги для лечения сына Р., больного туберкулезом. В СССР Ромов работал некоторое время в «Литературной газете», затем был арестован. Умер вскоре после освобождения. Иллюзии, которые левые художники русского Монпарнаса питали в отношении СССР, хорошо видны из заявления «Союза русских художников», секретарем которого был Ильязд. Оно было сделано в январе 1926: «После признания СССР Францией общее собрание Союза от 15 января приняло резолюцию о своей лояльности в отношении СССР. В период орга-

низации отдела СССР на Международной выставке — члены Союза оказали деятельное содействие. В настоящее время ими сделаны заявления о возвращении в подданство СССР, и Союз стремится стать артистическим центром советской колонии Парижа». Неизвестно, было ли это заявление передано в советское посольство. Во всяком случае, сам Ильязд, который в качестве секретаря Союза писал этот текст, — до самой смерти сохранял статус беженца. Его ответ на приглашение в СССР смотри в письме к Кириллу (прим.8 к письму 13).

<sup>4</sup> Речь, вероятно, идет о дяде Ильи и Кирилла Зданевичей — Владимире Зданевиче.

## 15

Здравствуй, дорогой Илья!

Несколько открыток я тебе послал, но видно из твоих писем маме, ты их не получил, впрочем, и твоего письма я не получил. Попробуем, это дойдет ли. Хочу послать тебе газеты «Литер[атурную]» и «Советское искусство» — они тебя интересуют? Что ты хочешь из книг — я тебе пошлю с удовольствием все, что хочешь. Я покупаю довольно много лит[ературных] новинок (в большинстве барахло). Сейчас работаю над передвижными выставками и немного пишу маслом, но, к сожалению, маслом работаю мало, хотя красок и проч[его] у меня много.

Семейство мое обогатилось еще девочкой<sup>1</sup>. Большое развлечение в маленькой комнате. Двое девочек, мамаша и я, попробуй займись чем-либо! Впрочем, при благоприятных условиях в дальнейшем имею возможность получить квартиру (2-3 ком[наты]) в Городке художника, где всегда будет комната для родителей и для тебя. Но думаю, что тебе так же трудно, как и нам, уехать (тебе еще трудней) — вот Ромов торчит тут со своей любовью, вздыхая, кричит и стареет. Был у нас Парнах<sup>2</sup>, больше интересовался нами, а о Париже говорил меньше. Если благополучно окончится моя работа, то с Мирелью поедем в конце апреля на две недели в Тифлис повидать стариков.

Мог бы прислать кое-что из трикотажа? Тогда я тебе написал бы. Если бы была телефонная связь с Парижем, я поговорил бы с тобой, но думаю, что скоро будет и это возможно. С Лондоном уже установлена. Пожалуйста пиши, что тебе нужно из книг, журналов. Мне же было бы интересно какой-нибудь Арт и Мируар-спорт, что ли.

Привет от Мирель и

Оли.

Мирель целует брата и сестру своих и спрашивает, как она будет с ними говорить, и просит ее учить французскому.

Видел ли Зигу?<sup>3</sup> Пришли его адрес.

Я его целую и тебя.

Твой Кирилл.

24.III.1932

<sup>1</sup> Валентина Кирилловна Зданевич родилась 19.2.1932.

<sup>2</sup> Валентин Яковлевич Парнок (псевдоним: Парнах, 1891-1951), поэт, переводчик, журналист, балетмейстер. Брат поэтессы Софьи Парнок. Был близок с французскими и немецкими дадаистами, стихи которых переводил на русский язык и для которых перевел на французский русскую авангардную поэзию. Живя в Париже с 1915, вместе с И.Зданевичем, С.Шаршуном, Г.Евангуловым и др., принадлежал к «Палате поэтов», затем входил в группу «Через», основанную И.Зданевичем 24 ноября 1922. О В.Я.Парнахе см.: Marzio Marzaduri. *DADA RUSSO*, Ed. Il cavaliere azurro, 1984, с.153-158; Л.Флейшман, Р.Хьюз, О.Раевская-Хьюз. *РУССКИЙ БЕРЛИН 1921-1923*. Париж, ИМКА-Пресс, 1983, с.312-314. В последней книге нам представляется ошибочным утверждение, что В.Парнах вернулся в Москву уже в 1922. Оно основано лишь на советских изданиях в 1922-1930 его статей о французской поэзии. Мы считаем (как и М.Марзадури), что Парнах окончательно вернулся в СССР в самом конце 1920-х. Еще в 1928 И.Зданевич заказывает ему перевод на французский язык («уплачено по 75 фр. за главу») своего романа *ВОСХИЩЕНИЕ*. Парнах перевел 4 первых главы. К тому же, в архиве И.Зданевича хранится открытка, датированная 17.8.1928, посланная Парнахом из Сен-Мало, где он сообщает, что после 10 дней в деревне «на днях уже [будет] в Париже».

<sup>3</sup> О Зиге Валишевском см. прим.5 к письму 9.

Здравствуй, дорогой Илья!

Я надеюсь, что эти два письма дойдут до тебя, и можно написать, не ожидая взоров «недремлющего ока». Итак, года полтора я тебе не писал — не писал вовсе не потому, что не хотел, а потому, что слишком отвратительно вечно думать, что ты пишешь, как это может быть истолковано — враг ты или еще хуже чего пр[очее]. Работал я в одном симпатичном заведении: в одном из руковод[ящих] органов НКЗ<sup>1</sup> (я «оформлял» выставки-передвижки, диаграммы), и вдруг в один прекрасный день все сороботники

— объявлены вред[ителями] и расстреляны, а другая часть — журналисты — получили 10 лет. Впрочем, пример еще ближе: И. Терентьев — оказался и то и се, один год сидел в ЧК, а потом получил 5 лет на работы в Карелию<sup>2</sup>. Словом, понятно, что очень трудно здесь жить с идеологич[еской] стороны, так что ли, если можно выразиться, вовсе не потому что враг и контра, как раз нет, я работаю активно в стройке СССР — выставки, уголки и пр. и пр. У тебя же представление не совсем верное, и даже просто ошибочное, о жизни здесь. Например, для меня совершенно дико было услышать, что ты послал телеграмму Пирум[ову]<sup>3</sup>. Неужели тебе не ясно, что Пир[умов] тобой скомпрометирован, Парижем, и всякое твоё обращение к нему больше чем неуместно и нелепо. Конечно, он ничего не ответил, да и вообще, какое дело ему до нас? Все равно, что послал бы телеграмму Пуанкаре что ли, чтобы он дал тебе денег, или что-нибудь в этом роде. Или жалко, что ты его не знаешь: он мне наврал, что перевел, но мама пишет — не получала. Позвоню еще ему. Но лучше бы вместо посылок, телеграмм, никому не нужных, перевел бы лишние франки старикам. Теперь о родителях: папа не может работать, в прошлом году я заработал до 20 000 р[ублей], на эти деньги мама ездила в Ессентуки<sup>3</sup>, папа ко мне на дачу. Я себе во всем отказывал даже (не мог купить костюм, впрочем, это здесь — событие). Но все проходит. Кстати это стоило до 4 т[ысяч] р[ублей]. Сейчас у меня нет таких работ и не будет этот год, в результате я не могу посылать в месяц и 200 руб[лей] в Тиф[лис]. Старики живут на мои и твои посылки, впрочем, что такое мои двести, когда кило хлеба — 18 р[ублей], мясо — 20 р[ублей], лобно — 6 и т.д. Эти деньги на 5 дней да твои дней на 10, а остальное? Итак, дорогой Илья, как-нибудь усиль помощь, обидно и очень тяжело: старики на конец жизни голодают. Я постараюсь взять папу на лето на дачу, но как с мамой? Перспективы очень грустные. Что касается поездки в Париж мамы или папы, это вряд ли возможно. Разлучать стариков нельзя, а выехать вместе — это почти невозможно. Что касается твоего приезда, то это по-моему тоже невозможно, не советую даже думать об этом. Почему? Да хотя бы потому, что с кем ты там встречаешься, и пр[очее]. Кстати, наш друг Сер[гей] Матвеевич сидит уже более 3-х месяцев в Бутырках<sup>4</sup>.

Итак, я кончаю невеселые страницы. Тебе их передаст человек, который все видел здесь.

Дети мои здоровы, и я так же.

Целуем твоего Даниеля и его сестру. Привет жене.



Воздержись от телеграмм, и афишированных посылок денег — здесь всё иначе.

Если бы можно было прислать несколько журналов спортивных.

Илья, пожалуйста, дай джемпер подателю письма, он был добр, оставил мне свой здесь. Купить нельзя. А также несколько носков. Я тебе пришлю бандеролью несколько книг, кот[орые] тебе будут интересны.

Целую тебя крепко, крепко, прости за это письмо, я очень спешу его писать.

Еще раз целую тебя.

Твой Кирилл.

28.III.1933.

Москва

<sup>1</sup> Народный комиссариат земледелия.

<sup>2</sup> О судьбе Игоря Терентьева см. прим.2 к письму 5.

<sup>3</sup> О Пирумове см. прим.3 к письму 10.

<sup>4</sup> В парижском архиве И.Зданевича хранится снятая в Звенигороде фотография семьи Зданевичей вместе с Сергеем Ромовым. На обратной стороне снимка помечена дата: 28 августа 1933. Т.о. либо датировка ошибочна, либо Ромов уже не «сидел в Бутырках» к тому времени.

## II. ФРАГМЕНТЫ ВОСПОМИНАНИЙ

В продолжение всей своей жизни Илья Зданевич возвращался к мемуарным заметкам о Нико Пиросманишвили, художнике-примитивисте, с работами которого братья Зданевичи и М.В. Ледантю познакомились в 1912 г. в Тифлисе. Первая статья о творчестве Пиросманишвили стала в то же время и первой печатной работой самого Ильи Зданевича. Она появилась в газете «Закавказская речь» от 10 февраля 1913. 22 июня 1914 г. Зданевич опубликовал в газете «Восток» манифест с призывом о помощи Нико Пиросманишвили. 60 лет спустя, в 1973 г., Зданевич, превратившийся к тому времени в Ильязда, — переиздал эту работу во французском переводе с иллюстрациями Пабло Пикассо. Это стало его последним выступлением в печати.

В бумагах Ильи Зданевича содержатся также многочисленные мемуарные записи (на русском и французском языках), часть из которых посвящена Пиросмани, «открытому» Зданевичами и Ледантю, и др. художникам. Публикуемые здесь фрагменты, по-видимому, представляют собою вариант статьи для альбома, который художник Давид Какабадзе (1889-1952) хотел посвятить творчеству Пиросманишвили, но который так и не вышел в свет. Д.Какабадзе жил в Париже с 1919 по 1927 гг., после чего возвратился в Тифлис. Целый ряд замечаний, разбросанных в этой тетради, равно как и в самой статье, позволяет отнести настоящий очерк о первой встрече Ильи Зданевича с Нико Пиросмани, — к 1927 г. Кроме того, мемуарист вспоминает о своей первой встрече с В.Бартом и М.Ледантю. Нам неизвестно, передал ли Ильезд полный текст настоящего очерка Д.Какабадзе и существовал ли вообще такой заверченный вариант. В настоящей публикации мы попытались восстановить логический порядок фрагментов, безусловно составлявших единый текст.

## ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы любим кичиться той школой, которую прошли мы за эти годы. Молодые буяны пятнадцать лет назад, свергнувшие все кумиры, провозгласившие новое зрение и ухо, мы были принуждены дважды — войной сперва, революцией потом — пересмотреть наши новые взгляды и вышли в конце концов победителями. Однако эти испытания не принесли нам еще той свободы, которую мы чувствовали, требовали для себя с первых дней нашего бунта. Еще и теперь понятия совсем другого порядка, чем искусство, — переход к высшим формам существования, попытки осязать подлинный, скрытый мир — руководят нашими мнениями и поисками. Вот почему личность Пиросманишвили, одного из величайших мастеров современной живописи — кажется нам загадочной, и определение самоучки как бы позволяет нам замаскировать наше ослепленное бессилие. Между тем, ничего загадочного в этом случае нет.

## ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПИРОСМАНИШВИЛИ

Гоголевская улица, расположенная у самого вокзала, начинается, кажется, у таможни и, пересекая так называемую Вокзальную, тянется домами на запад. Угол ее при пересечении с вокзаль-

ной артерией оживлен, по нему с утра до вечера взад и вперед тянутся извозчики, нагруженные мешками, чемоданами и преимущественно корзинами — излюбленным способом упаковки тифлисцев. [Он] занят бакалейными лавками и винными погребами, в числе их упомянутый погреб Баядзе. Но дальше улица была тихим пристанищем, где на выкрашенных мелом дворах ютятся железнодорожные служащие преимущественно.

Покинув «Кардинала», я спустился по улице, имени которой не помню, вниз, пока, не сделав и сотни шагов, достиг улицы Гоголя и повернул направо, бегом, держась южного ее тротуара. Улица была пустой и обыденной. Но когда я настолько приблизился к Вокзальной, что готов был потонуть в ее шуме, крике рыборотговцев, пении зеленщиков, быть задавлен трамваем, — мне представилось зрелище, смысл которого я сразу не понял или даже не хотел понять. Рядом со мной стоял сгорбившись старик в серой изодранной и замасленной паре, в рваной обуви, с красными опухшими руками. Лицо неизлечимого пьяницы, хотя и было покрыто черной с проседью бородой и густыми, ниспадавшими усами, казалось заостренным, больным. Изношенный фетр, посыпанный прелью. И в поднятой руке, дрожащей, точно от бессилия, испуга, или умолявшей о пощаде, — орудие тайны — тонкая кисть, которой на стене он, голодный, выводил слово «Обед». Я окликнул его невольно, не веря, не соглашаясь, что это он. Старик обернулся. И вдруг упал как приговор взгляд очей, слезящихся, черных, воспламененных, жутких, нечеловечьезвериных. Увы, я знал, что это — Пиросманишвили. Пиросманишвили, герой снов моих и мечты в течение долгих месяцев, певец моей родины, истолковавший ту любовь, которая руководила мной неисчислимыми путями — в поезде, верхом, вплавь, на работах и кутежах, — мудрец, один где[-то] в глуши постигший тайны живописи, сумев увидеть то, что никто не видит, неуловимый, единственный чародей. Лучше бы я тебя никогда не видел.

Старец (мне не подыскать другого слова) был слишком велик, чтобы я мог обратиться к нему с присущей мне развязностью. Этот босяк, от которого несет краской, этот опустившийся маляр — Пиросманишвили. Что же мне делать, куда мне деться?

Старик принял меня безразлично, почти надменно. Он знает, что я его ищу и что ищу весь год. Но он сейчас занят, после завтрака в «Карданахе» он готов меня выслушать.

Но когда я расстался с ним, вземная радость овладела мной. Я бежал домой рассказать, что нашел Николая, что Николай напишет мне множество картин, что участие его на выставке обеспечено. Я не видел больше ни лохмотьев, ни лица, ни лихорадоч-

ных рук, а только голубое небо, пейзажи, женщин, идущих за водой, львов и кутил, рассеявшихся вокруг нашего покрытого кленой стола!

Но после полудня надо было вернуться к действительности. Я поехал на Молоканскую. В погребе на Молоканской мне отвечали, что Николай отдыхает после завтрака и сейчас придет. Николай ждал меня, опершись на стойку перед недопитым стаканом. Заговорив с ним, я убедился, что моим надеждам оставлено даже меньше места, чем я полагал. Старик, хотя и не пьяный, отвечал на вопросы бессвязно, точно держаться за нить мысли ему уже было трудно. Я говорю старик, [а] ведь ему, оказывается, было всего пятьдесят лет. Но что его могло уже так растоптать и унижить, если не страсть к вину, которой он болен уже 10 лет.

Я упорствовал, точно стучался в двери, за которыми готовится развязка драмы. Слишком поздно. Все, чего я добился, кое-как растопив его недоверие, — что старик напишет мой портрет<sup>2</sup>, что мне давало возможность провести несколько дней в обществе мечты, которую я не хотел уже хоронить. Назавтра я должен был начать позировать тут же, пользуясь любезным согласием владельца Сандро Кочлашвили.

Но вечером другие чувства озаботили меня. Надо помочь денежно художнику, как-нибудь смягчить эту страшную нужду. Быть без денег, чтобы собирать его клеенки, туда-сюда, [но] обеспечить хоть чем-нибудь самого мастера, больного, нищего... Я пошел к одному из моих знакомых, проживавшему в своем доме на Московской улице, — присяжному поверенному Канчели<sup>3</sup>, с которым, несмотря на разницу лет, меня долго связывала дружба. Я полагаю, что был достаточно красноречив, чтобы убедить его наутро съездить со мной на Молоканскую. Канчели нашел, что состояние Николая безнадежно, хотя и готов был принять мою мысль — дать художнику большой заказ: расписать столовую в его доме. Но протест домашних оставил пожелание это неосуществленным.

Дом Канчели был в эту эпоху самым видным и левым артистическим салоном Тифлиса. На широкой веранде, выходящей в небольшой огороженный дворик с садом, а когда было холодно — в квадратной гостиной, украшенной коврами и миниатюрами, непереволившиеся гости играли с трех часов дня и до полуночи в нарды, в рамс, говорили о поэзии, живописи, о последних покупках у старьевщиков [...]

[...] напоминанием о стране, которую я покинул много лет назад<sup>4</sup>, с которой я еще поддерживаю слабую связь, но облик которой все больше и больше изглаживается в моей памяти. Однако историю, о которой меня спрашивает Какабадзе<sup>5</sup>, я помню столь отчетливо, столь в свое время она потрясла и всколыхнула, что мельчайшие подробности этой драмы, в которой с внешней стороны не было ничего драматического, я могу и сейчас рассказать во всех деталях.

Какабадзе пишет своим почерком, мелким и напоминающим скорее почерк начетчика, чем живописца, что Нико Пиросманишвили, художник-самоучка, умерший от нищеты и пьянства девять лет назад и украшавший своими выдумками и портретами родные кабаки и погреба, — входит на родине в славу, украшает государственный музей и удостоился даже роскошного издания, снабженного множеством иллюстраций и торжественных статей. В них несколько раз упоминается мое имя, как в статье, подписанной моим братом, оставшимся там с семьей, так и в других, так как я знал покойного, позировал ему для портрета и покупал его клеенки (я говорю клеенки, а не холсты, так как старик писал чаще на черной клеенке). Но так как торжественные статьи полны странных противоречий и вообще вызывают ряд сомнений, Какабадзе просит меня восстановить во всех деталях историю моей встречи с живописцем. И я это делаю — крайне неохотно, не потому только что я ленив до пера. Но воскрешать эту поросшую мхом историю — значит рассказать об одном из самых жестоких уроков, полученных мной у судьбы, и вызвать образ самонадеянной молодости, увя, отцветшей... Однако написать несколько страниц значит эту молодость пережить, и ради этого я готов потрудиться, надев роговые очки и наполнив до отказа стило.

Стоят ли внимания читателя все те подробности моей личной жизни, которые я должен привести в обилии и без которых сама история встречи останется жутким, но невразумительным скелетом?

Город Тифлис — моя отчизна, расположенный на ... долготе и широте, на берегах реки Куры, был некогда столицей Грузинского царства, история которого уходит вглубь эпохи, предшествовавшей Рождеству Христа. В XVIII веке изнеможенные борьбой с соседними Персией и Турцией, грузины искали защиты у русских царей, что и позволило последним при первом же удобном случае сделать Грузию одной из русских губерний. Тогда Тифлис



**Кирилл и Илья Зданевичи (Тифлис, 1918)**

Эта и дальнейшие фотографии и документы хранятся в архиве Ильяэда. Пользуемся случаем поблагодарить г-жу Зданевич за предоставление их для печати.



**Слева направо: М.Фабри, М.Ледантю, Я.Лаврин;  
на переднем плане И.Зданевич  
(1912)**



Слева направо: М.Ларионов, Н.Гончарова, И.Зданевич  
(1913)



**Внѣпартійное Об-во Художниковъ.**

**Концертный Заль  
ПЕТРОПАВЛОВСКАГО УЧИЛИЩА**

(Большая Колпацкая, 10).

**Понедѣльникъ, 31 МАРТА 1914 года, въ 8<sup>1/2</sup> час. вечера,**

**ИЛЬЯ ЗДАНЕВИЧЪ  
ДОЛОЖИТЬ  
О НАТАЛИИ  
ГОНЧАРОВОЙ**

**ПРОГРАММА:**

Выставка И. Гончаровой. Удивление футуризма. Сущность искусства. Роль времени. Вселенство. Жизнеописание Гончаровой. Парижъ. Въ монастырь. Кубъ и будущее. Лучи. Пломинчество на востокъ. О сюжетахъ. Возбужденія сотрудничаютъ. Искусство религиозное и искусство государственное. Письмо И. Гончаровой. Каноны лужны. Циклы творчества И. Гончаровой. Разложение красокъ. Деревня и церковь. Кубизмъ, футуризмъ, лужны. Техника.

**ПОСЛѢ ДОКЛАДА**

**ДИСПУТЪ**

**подъ предѣдательствомъ**

**П. А. СМЪЛОВА.**

Въ диспутѣ примутъ участие: *Ф. Ф. Мандельштамъ*, Б. Н. Лившицъ, *М. В. Ле Дакю*, Г. В. Иваноръ, А. С. Туръе, С. Н. Масляковъ, *Ф. И. Ринковъ*, *И. И. Шмаковъ*, В. И. Шульцъ, *И. И. Соломоновъ*. *Р. Р. Ивневъ*

На экранѣ будутъ показаны снимки съ работъ  
Н. Гончаровой. *прочеи посвященъ  
к И. Гончаровой съ снимки.*

Билеты отъ 30 коп. до 2 руб. продуются въ Вольфа (Невскій, 12) и Гостинный дворъ, 18), Погова (Невскій, 66), Житковикова (Литейскій, 23), Учебное Дѣло, в. Алексеева (Пет. ст., Волной пр., 6 и 80), на выставкѣ И. Гончаровой (Июль, 68), въ клубѣ Об-ва Художниковъ (Васильевъ, 10), въ Центральной театральной массѣ (Невскій, 22) и въ массѣ зала.

Печ. за № 6370 разр. 21 Марта 1914 г. за Спб. град., пом. 4го, камерг. Лысковскій.

Тип. В. Анкина, Невскій, 61.

Афиша 1914 года.

# СИНДИКАТ ФУТУРИСТОВ

---

## ТИФЛИССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

*Ильич.*  
в субботу 19 января 1912 года в 9 часов вечера

в помещении столовой „ИМЕДИ“ (Пушкинская ул. д. быв. Семинарии)

## ВЕЧЕР ЗАУМНОЙ ПОЭЗИИ

ПРОГРАММА:

# Илья Зданевич

ДОКЛАД

Заумная поэзия и поэзия вообще

# С. Г. МЕЛЬНИКОВА

ЧТЕНИЕ

Произведения Д. Бурлика, В. Гильдова, Е. Гуро, И. Зданевича, А. Кручениха,  
В. Хльбинкова и друг.

ПОСЛЕ ДОКЛАДА

# ≡ Д И С П У Т ≡

ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ

# САНДРО КАНЧЕЛИ

Участвуют: С. Валишевский, Сергей Городецкий, В. Гудиев, Ю. Деген,  
Л. Джапаридзе, Г. И. Диасамидзе, Кара Дарвиш, Гр. Робакидзе, Т. Та-  
бидзе, Н. Чернявский, Паоло Яшвили и др.

За вход 4 рубля.

Билеты в столовой „Имеди“, на выставке картин К. Зданевича,  
грузинской „Чашке Чаю“ и конторе газеты „Республика“

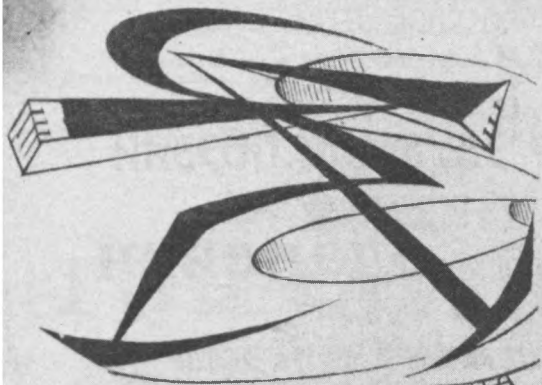
**Афиш и объявлений не будет.**

---

Типография Кавказского Т-ва Печати в Тифлисе. Телефонъ 17-69.

Афиша 1912 года.

97  
**IL FUTURISMO**



RIVISTA  
SINTETICA

diretta da F. T. MARINETTI

DIREZIONE DEL  
MOVIMENTO FUTURISTA:  
Corso Venezia, 61 - MILANO

IL PUNTO DE BACCIONI

BACCIONI

Mon cher Zdanévitch  
j'espérais venir à Paris, vous voir et  
causer longuement avec vous. Je dois ma-  
heureusement retarder encore ce plaisir.  
Toute ma sympathie et une chaleur  
reuve poignée de main.

F. T. Marinetti

Bien de choses affectueuses  
à Larionov et Gontcharova

Письмо Ф.-Т. Маринетти к И.Зданевичу (1922)



Слева направо: В.Барт, С.Ромов, К.Терешкович  
(1923)



**П.Пикассо (слева) и И.Зданевич  
(Париж, 1960-е)**

становится резиденцией русского наместника, какого-нибудь генерала или князя, бесконтрольно хозяйничавшего в этом отдаленном углу империи. Население города возрастает, увеличиваясь за счет пришельцев — преимущественно русского служилого и рабочего класса и торговцев армян и азербайджанцев, татар. Школа, учреждения — все делается русским, и процесс обрусения местного населения идет весьма быстро. Но указанные условия делают Тифлис по культурному уровню много выше провинциального русского города, сохраняя за ним весьма своеобразную смесь столицы и глухой провинции.

В этом городе я и родился<sup>6</sup>. Отец мой был преподавателем французского языка<sup>7</sup> и литературы. [Здесь я] провел детство и затем окончил гимназию. Так как семья наша была одним из культурных очагов, то дом наш усердно посещался художниками и литераторами, туземными и заезжими. С детства брат мой и я брали уроки живописи (брат мой и сделался художником, я же занятия эти бросил), позже — изучали грузинскую старину (с каковой целью немало путешествовали) и были непременно посетителями всяческих обществ города — художественных, археологических, музыкальных, географических и прочих. Никогда в этом мире я не слышал имени Пиросманишвили, не встречался в быту с его картинами.

Образовательная поездка по России, предпринятая нами совместно с моим отцом летом<sup>8</sup>, сыграла большую роль в наших дальнейших судьбах. В Казани на выставке, устроенной в местной школе живописи, мы познакомились с новой живописью, с отголосками живописи Матисса, которых мы не могли видеть в московских галереях, где нас кормили художниками «Мира искусства». Однако провидения Александра Иванова и предчувствия Врубеля, что картину надо строить, — были для нас откровением. В Киев мы поехали смотреть Кирилловский монастырь. Архаическая, так называемая, живопись, представилась нам не той, какой она понималась до того — «неумелой».

В 1911 я окончил гимназию<sup>9</sup> и переехал продолжать учиться в Петербург, уже футуристом при этом, так как с весны этого года я затеял переписку с Маринетти и зубрил наизусть его манифест<sup>10</sup>. Брат же мой расстался с Тифлисом годом ранее, провел год в Москве, где вошел в круг живописцев-бунтарей того времени, а в 1911 переехал также в Петербург, где я его и застал. Мой футуризм позволил мне сразу войти в круг его единомышленников и быть дружно принятым.

Памятный год. В это лето я подружился с присяжным поверенным Канчели, любителем искусств и старины, и все лето

пьянствовал с ним и его друзьями и родственниками в деревне, где порой мы выпивали за день (пирушки начинались в полдень и кончались на рассвете) по 10 бутылок вина каждый.

Все рушилось. Из Италии Маринетти присылал мне манифесты и своего [неразб.] и казалось, наступал час великих свобод. Куда мы ни кидали взгляд, видели новое, а старые ценности рушились в прах. Как мы презирали в эту эпоху Ренессанс со всеми его рафаэлями, и наших отечественных гениев.

Одно событие, характерное в судьбах новой русской живописи, произошло в эту эпоху. Три молодых художника, ученики Академии художеств по классу Ционглинского — Барт, Ледантю и Сагайдачный — были исключены из Академии за левизну артистических идей<sup>11</sup>.

В вечер этого события я был у Барта, взбешенного и без умолку кричавшего, на третьей линии Васильевского острова. В комнате, скудно освещенную единственной лампой, бросавшей свет на писанного киноварью натурщика (повод к исключению), вошел застенчивый молодой человек, русский, с козлиной бородкой и говоривший почти шепотом. Это и был Ледантю, отношение которого к истории было противоположно отношению Барта. Спокойно, безразлично, как бы с покорностью, разговор шел и об Академии, и о моих фотографиях, снятых в путешествии летом в Осетии, и о «Парикмахере» Ларионова, который висел в то время на выставке «Мира искусства» на Троицкой улице.

Ледантю был не только превосходным художником, но он был и самым зрячим художником своего времени. Он никогда не говорил много или громко. Но несколько почти шепотом брошенных фраз, сопровождавшихся застенчивым жестом нежнейших рук, разили, разбивали, рушили и вместе с тем приподнимали завесу. Я с ним быстро подружился.

Один порок, и притом наследственный, преследовал Ледантю — он был пристрастен к вину. То и дело, приходя к нему, я заставал его пьяным или отсыпавшимся после попойки. Ледантю стыдился, пытался скрывать свой недостаток, но вино было сильнее его. Я думаю, оно и послужило причиной его гибели.

Мой брат иногда не отставал от него. 18 января, в день своих именин, он вернулся к полудню вдребезги пьяным, и мне ничего не оставалось, как, надев шубу, уехать на Гороховую, где Ледантю жил со своей матерью, вдовой военного врача<sup>12</sup>, в двух убогих комнатах. Там я узнал, что в это после обеда в Троицком театре состоится диспут о новом искусстве, куда мы сообщаем и отправились и где я выступил впервые с проповедью футуризма. Так определилась на многие годы моя профессия.

Зима, особенно суровая в том году, еще не кончилась, когда Ледантю и брат мой покинули Петербург для Москвы, чтобы участвовать в устройстве столь шумевшей тогда выставки «Ослиный хвост»<sup>13</sup>. Из Москвы они проследовали на Кавказ, брат мой — домой, Ледантю же — приглашенный к нам погостить у нас летом. Однако, усердное знакомство с духанами — как там зовут кабаки, было видимо причиной того, что в квартире моих родителей в Кирпичном пер. Ледантю прожил месяца два, а потом переселился в ателье на Гунибскую улицу, в бывший дом моей матери. Когда, сдав к маю зачеты в Университете, я также явился домой на каникулы, в этом ателье висела картина Пиросманишвили «Обед носильщиков».

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Илья Зданевич встретил Н.Пиросманишвили в декабре 1912, возвратившись на рождественские каникулы из Петербурга, где он обучался на юридическом факультете Университета. Однако первое знакомство с творчеством Пиросмани братьев Зданевичей и Ледантю произошло летом 1912. Тогда же Ледантю приобрел первую картину художника у владельца одного из тифлисских духанов.

<sup>2</sup> Портрет Ильи Зданевича Пиросмани писал с 27 января по 1 февраля 1913. (См.: Кирилл Зданевич. *Н.ПИРОСМАНИШВИЛИ*, М., 1964, где приводятся записи Ильи). Портрет выставлялся в том же году в Москве вместе с другими работами Пиросмани («Мишень», 24 марта — 7 апреля 1913). Картина находилась затем в собрании Кирилла Зданевича, затем в коллекции Т.Александровой и И.Попова в Москве, в настоящее время — в собрании С.Шустера, Ленинград.

<sup>3</sup> Канцели Александр (Сандро) Иванович, грузинский общественный и литературный деятель, поэт, издавал совместно с Г.Диасамидзе в Тифлисе газету «Республика» в 1917-1918. Участвовал в жизни «футуристического» Тифлиса, написал стихи в честь «Фантастического кабачка» (см. *AVANGUARDIA A TIFLIS*, Venezia, 1982, p.317).

<sup>4</sup> И.Зданевич покинул родину в октябре 1920.

<sup>5</sup> См. Предисловие к разд. II.

<sup>6</sup> И.Зданевич родился в Тифлисе 21 апреля (9 апреля, ст. ст.) 1894.

<sup>7</sup> В первой мужской гимназии. Среди его коллег упоминается Александр Ельчанинов; а среди учеников М.Зданевича — Николай Черняв-



ский (будущий поэт-футурист) и С.Спасский (см.: С.Спасский. *ВОСПОМИНАНИЯ*. М., 1940). В той же гимназии с 1900 по 1903 учился и Н.С. Гумилев, который возможно также проходил курс французского языка у М.Зданевича.

<sup>8</sup> Летом 1910.

<sup>9</sup> На выпускных экзаменах И.Зданевич получил высший балл почти по всем предметам, кроме древней литературы (4) и немецкого языка (4) и был удостоен серебряной медали.

<sup>10</sup> Первый манифест футуризма появился в газете «Le Figaro» по-французски 20 февраля 1909 и лишь после этого по-итальянски в газете «Poesia». В феврале 1910 появился манифест художников-футуристов, а в январе 1911 — музыкантов-футуристов.

<sup>11</sup> Ледантю поступил в Академию художеств осенью 1909. О Викторе Барте см. прим.5 к письму 3 Кирилла Зданевича. Оба были исключены из Академии художеств в январе 1912.

<sup>12</sup> Отец художника Василий Ледантю работал врачом в с.Чижове Бежецкого уезда Тверской губ. Умер от тифа вскоре после рождения Михаила Ледантю.

<sup>13</sup> Вернисаж состоялся 20 марта 1912. Выставка продолжалась до 7 апреля.

## ПИСЬМА Н.С. ГОНЧАРОВОЙ И М.Ф. ЛАРИОНОВА К ОЛЬГЕ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ

Публикация Э.Гарэтто

Письма Н.С. Гончаровой (1881-1962) и М.Ф. Ларионова (1881-1964), предлагаемые в настоящей публикации, находятся в архиве О.И. Ресневич-Синьорелли, хранящемся в Венеции (Fondazione Cini). Они являются свидетельством крепкой и многолетней дружбы крупных русских художников с Ольгой Ивановной Ресневич (1883-1973), переводчицей, знатоком и популяризатором русской культуры в Италии. Переписка продолжалась более 40 лет, почти до самой смерти корреспондентов. С Ольгой Ресневич-Синьорелли Ларионов и Гончарова познакомились в Риме, куда они приехали с С.П. Дягилевым, Л.Ф. Мясиним и с администратором «Ballets Russes» С.Л. Григорьевым в октябре 1916 г.<sup>1</sup>

Сотрудничество обоих художников с группой Дягилева стало для них началом нового творческого этапа, в значительной мере отличного от предшествующей художественной деятельности. С Дягилевым Ларионов и Гончарова были знакомы еще по «Миру Искусства», ему были обязаны устройством зарубежных выставок<sup>2</sup>. К тому же Гончарова уже работала для него в качестве театрального художника<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> По неизданным дневникам О.И. Синьорелли и ее переписке с мужем время пребывания Ларионова и Гончаровой в итальянской столице можно определить так: после гастролей в Испании (начало июля — начало октября 1916) балетная труппа отправляется в Соединенные Штаты, в то время как Дягилев, Ларионов, Гончарова, Мясин и Григорьев едут в Рим для подготовки нового сезона. См. воспоминания С.Григорьева в сб. Т. Loguine. *GONTCHAROVA ET LARIONOV*. Paris, 1966, p. 109; см. также воспоминания Деперо (*DEPERO FUTURISTA*, Milano, 1927, p. 133), в которых итальянский художник (о нем — см. прим. 8) рассказывает о знакомстве с Ларионовым и Дягилевым, датируя встречу 1916 г.

<sup>2</sup> Имеются в виду парижские выставки 1906 и 1914.

<sup>3</sup> Имеются в виду декорации и костюмы к балету *ЗОЛОТОЙ ПЕТУШОК* (муз. Римского-Корсакова). Премьера состоялась в Париже 24 мая 1914. В эти годы интерес Гончаровой к театрально-декоративному искусству сильно возрастает: в 1915 она готовит для Камерного театра Таирова декорации для пьесы Гольдони *ВЕР*.

Поработав с «Русскими балетами» в Швейцарии<sup>4</sup>, куда Ларионов и Гончарова приехали из России по приглашению Дягилева в 1915 г., в конце того же года они переезжают в Париж, а летом 1916 г. отправляются в Испанию<sup>5</sup>, и лишь затем появляются в Риме.

Римский сезон оказался очень оживленным и насыщенным и для «Русских балетов», и для обоих художников. На это время приходится самый расцвет футуристического движения в Италии, особенно в области сценографии<sup>6</sup>. Дягилев приглашает работать над декорациями к балетам многих виднейших представителей художественного авангарда, таких как Балла<sup>7</sup> и Деперо<sup>8</sup>. Весной, после гастролей в Соединенных Штатах, в Риме оказывается вся дягилевская труппа. Сюда же приезжают Пикассо<sup>9</sup> и Кокто<sup>10</sup> для работы над балетом «Parade». В Риме находятся также Стравинский<sup>11</sup> и Бакст. В апреле 1917, в римском театре Costanzi «Русский балет» выступает четыре раза<sup>12</sup>.

<sup>4</sup> В Швейцарии Ларионов создает декорации и костюмы к балету *SOLEIL DE NUIT* (по *СНЕГУРОЧКЕ* Римского-Корсакова). Он также рисует декорации и костюмы к балету *HISTOIRES NATURELLES* (муз. Равеля), а Гончарова работает над балетом *ЛИТУРГИЯ* (два последних балета так и не были осуществлены).

<sup>5</sup> Здесь Ларионов начинает работу над балетом *РУССКИЕ СКАЗКИ* (создает декорации и костюмы к первой сцене — *КИКИМОРА*). Гончарова здесь же работает над двумя неосуществленными балетами: *ESPANA* (муз. Равеля) и *TRIANA* (муз. Альбениса).

<sup>6</sup> Имеются в виду проекты и постановки футуристического экспериментального театра («синтетический театр» Маринетти, «пластический динамизм» Деперо и «цветной театр» Риччарди. См.: G. Antonucci. *CRONACHE DEL TEATRO FUTURISTA*, Roma, 1975 и P. Fossati. *LA REALTA ATTREZZATA*, Torino, 1977).

<sup>7</sup> Джакомо Балла (1874-1958), художник, видный представитель итальянского футуризма в живописи. Автор декораций к балету *FEU D'ARTIFICE (ФЕЙЕРВЕРК)* на муз. Стравинского. Единственное представление состоялось в Риме 12 апреля 1917.

<sup>8</sup> Фортунато Деперо (1892-1960), художник, скульптор, виднейший деятель итальянского футуризма. В 1916 открылась в Риме его первая персональная выставка и выставка «пластических групп», благодаря которой Дягилев ему поручил подготовку декораций и костюмов к *СОЛОВЬЮ (LE CHANT DU ROSSIGNOL)* Стравинского. Впоследствии договор был аннулирован. Балет был представлен в Париже в 1920 с декорациями Матисса. Дягилев и Деперо познакомились через М.Н. Семенова (1872-1952), игравшего главную роль в связях между дягилевской группой и итальянскими футуристами. Однако это сотрудничество продолжалось недолго, во-первых, из-за технических причин, во-вторых, из-за отрицательных откликов французской прессы на постановки. (См.: P. Fossati, *op.cit.*, p.83).

<sup>9</sup> Пабло Пикассо (1881-1973) — создал декорации к балету *PARADE*.

<sup>10</sup> Жан Кокто (1889-1963), писатель, художник, драматург, виднейший деятель французского авангарда. Автор либретто балета *PARADE*.

<sup>11</sup> Игорь Федорович Стравинский (1882-1971) дирижировал оркестром на премьере *ФЕЙЕРВЕРКА* 12 апреля 1917.

<sup>12</sup> 9, 12, 15, 27 апреля. В Риме представляются следующие балеты: *ЖАР-ПТИЦА, SOLEIL DE NUIT, ФЕЙЕРВЕРК, ШУТНИЦЫ (LES FEMMES DE BONNE HUMEUR)* (по мотивам Гольдони, муз. Скарлатти). С 15 по 25 апреля «Русские балеты» выступали также в неаполитанском театре San Carlo (см.: *RICORDO DI S. DIAGHILEV*, Museo teatrale Alla Scala/Teatro, La Fenice, 1972).

В Риме Ларионов работает над декорациями и костюмами к балету «Русские сказки»<sup>13</sup>, для которого Гончарова создает некоторые костюмы. Одновременно она работает над серией картин «Мосты». Во время их пребывания в Риме они участвуют в некоторых выставках: в студии Брагалья<sup>14</sup> открывается их экспозиция «Raggismo» («Лучизм»)<sup>15</sup>; Дягилев устраивает в Grand Hôtel выставку Ларионова, Гончаровой и Пикассо. 12 апреля в фойе театра Costanzi на торжественном приеме они выставляются вместе с Пикассо и итальянскими художниками. Небольшая выставка рисунков Ларионова открывается на Капри<sup>16</sup>, где в те годы часто встречаются виднейшие деятели мировой культуры. Глава итальянского футуризма Маринетти<sup>17</sup> устраивает в честь русских художников торжественный прием.

Через общих парижских друзей Ларионов и Гончарова знакомятся с Ольгой Ивановной Синьорелли и ее мужем, известным врачом и большим любителем живописи. Знакомство происходит в их доме на улице XX Settembre, — одном из наиболее знаменитых в Риме литературных салонов.

О.И. Ресневич-Синьорелли была яркой фигурой в культурной жизни итальянской столицы. Она родилась в Латвии, откуда уехала в Швейцарию (1902). Поступив на медицинский факультет Бернского университета, она в 1905 переезжает в Сиену, а оттуда в Рим, где заканчивает университет и знакомится со своим будущим мужем, Анджело Синьорелли. Довоенные и военные годы Ольга Ивановна посвящает почти целиком медицине. В то же время она живо интересуется литературой и искусством. Ее подлинный интерес к художественному творчеству, чуткость к людям, отсутствие снобизма — создают свободную и теплую атмосферу этого «русского дома», где встречаются знаменитости и начинающие художники. Частыми гостями тут были известные композиторы и музыканты, такие как Альфредо Казелла<sup>18</sup>, знаменитые живописцы Филиппо де Пизис<sup>19</sup>

<sup>13</sup> Ларионов не успел закончить декорации, и премьера *РУССКИХ СКАЗОК* состоялась в Париже 11 мая 1917.

<sup>14</sup> Антон Джулио Брагалья (1890-1960), театральный деятель, и Карло Лудовико, его брат. Студия Брагалья станет в 1918 знаменитым Casa d'arte Bragaglia, крупнейшим культурным центром итальянской столицы.

<sup>15</sup> См.: М. Chamot, *GONCHAROVA*, London, 1979, p.17-18.

<sup>16</sup> На Капри бывали все ведущие деятели «Русских балетов» (см.: *CAPRI, 1905/1940, FRAMMENTI POSTUMI*, Milano, 1983, p.151).

<sup>17</sup> Филиппо Томмазо Маринетти (1876-1944), писатель, лидер итальянского футуризма в литературе.

<sup>18</sup> Альфредо Казелла (1883-1947), композитор, пианист. Один из крупнейших итальянских музыкантов начала века. Учился в парижской консерватории. В 1915 вернулся в Италию. Один из основателей Национального Общества Современной Музыки (1917). Вместе с д'Аннунцио и Малипiero создает Корпорацию Новой Музыки (1923). Автор балета *LA GIARA* (1924). Автор биографии Стравинского: *СТРАВИНСКИЙ* (1928) и собственной автобиографии *I SEGRETI DELLA GIARA (ТАЙНА ДЖАРЫ)*.

<sup>19</sup> Филиппо де Пизис (1896-1956), художник, писатель, искусствовед. Один из крупнейших представителей современной итальянской живописи. Долго жил во Франции. Издана его переписка с Ольгой Синьорелли (F.de Pisis. *LETTERE A UN' AMICA, 50 lettere a Olga Signorelli*, Milano, 1967).

Джорджо де Кирико<sup>20</sup>, Армандо Спadini<sup>21</sup>, скульпторы, такие как Огюст Роден и Иван Местрович<sup>22</sup>. В 1915 г. Ольга Ивановна познакомилась с Элеонорой Дузе, знакомство переросло в «девять лет крепкой дружбы»<sup>23</sup>. Впоследствии О.Синьорелли написала книгу о великой актрисе, переведенную на многие языки<sup>24</sup>.

Литература, бесспорно, занимала главное место среди интересов Ольги Синьорелли. Одной из первых в Италии она переводит только что появившиеся в России произведения русских символистов<sup>25</sup>, Достоевского<sup>26</sup>, Толстого<sup>27</sup>, Гоголя<sup>28</sup>, Чехова<sup>29</sup>. Ее переводческая работа привлекла к ней внимание крупнейших итальянских издателей 20-х годов и еще больше расширила ее литературные связи. Среди друзей и знакомых Ольги Синьорелли были крупнейшие деятели итальянской литературы: Пиранделло<sup>30</sup>, Папини<sup>31</sup>, С.Алерамо<sup>32</sup>. Дом Синьорелли сделался местом встречи русской и итальянской культур. В продолжение более полувека почти все русские литераторы и культурные деятели, приезжавшие в Рим, были ее гостями. Трудно перечислить всех писателей, художников, театральных деятелей, посещавших ее дом. Список этот огромен, упомянем лишь Вяч. Иванова<sup>33</sup>, П.Муратова, В.Мейерхольда, З. Райх, К.Станиславского. Ольга Ивановна очень дружила с Горьким и его семьей, бывала у них в Сорренто и часто советовалась с писателем по поводу книг для перевода. Он, в свою очередь, обращается к ней за помощью для получения итальянских виз для приезжающих друзей, как было, например, с визами для В.Ходасевича и Н.Берберовой. А.Белый, узнав о ее намерении переводить «Серебряного голубя», отправляет ей из Берлина все свои книги.

<sup>20</sup> Джорджо де Кирико (1888-1978), художник, глава «метафизической школы». Написал декорации для балета *LA GIARA* Казеллы.

<sup>21</sup> См. письмо 2, прим.6.

<sup>22</sup> Иван Местрович (1883-1962), югославский скульптор.

<sup>23</sup> Из неизданных дневников О.И. Синьорелли.

<sup>24</sup> Olga Resnevic-Signorelli. *ELEONORA DUSE*, Roma, 1938; Berlin, 1939; Zürich, 1947; Roma, 1955; Milano, 1959; Schwarzwald, 1962; Warsawa, 1972; Москва, 1975; Рига, 1978.

<sup>25</sup> О.И. Синьорелли перевела *СКИФЫ* Блока и несколько глав романа А.Белого *СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛУБЬ*.

<sup>26</sup> *БЕСЫ (GLI OSSESSI)*, 1927), *СЛАБОЕ СЕРДЦЕ* и *МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ (CUOR DEBOLE, PICCOLO EROE)*, 1921), некоторые письма (*LETTERE*, 1928).

<sup>27</sup> *ХАДЖИ-МУРАТ* (1930).

<sup>28</sup> *ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО (DIARIO DI UN FOLLE)*, 1930).

<sup>29</sup> *СТЕПЬ (LA STEPPA)*, 1920).

<sup>30</sup> Луиджи Пиранделло (1867-1936), писатель, драматург. Один из ведущих деятелей итальянской литературы начала века.

<sup>31</sup> Джованни Папини (1880-1956), писатель, публицист. Издатель журналов «La Voce», «Leonardo» и футуристического журнала «Lacerba». Сотрудник символистского журнала «Весы». Был близким другом О.И. Синьорелли и ее мужа (см. их переписку: *CARTEGGIO PAPINI-SIGNORELLI*, Milano, 1979).

<sup>32</sup> Сибилла Алерамо (псевд. Рина Фаччио, 1876-1960), писательница.

<sup>33</sup> О.И. Синьорелли была близко знакома с Вяч. Ивановым и его семьей. Вместе с ним переводила *ПЕРЕПИСКУ ИЗ ДВУХ УГЛОВ (CORRISPONDENZA DA UN ANGOLO ALL'ALTRO)*, 1932) Иванова и Гершензона.

Во время своего пребывания в Риме Ларионов и Гончарова очень близко сошлись с Ольгой Синьорелли и ее семьей. Доктор Синьорелли лечил Ларионова от последствий нефрита, которым он заболел на войне. Ларионов и Гончарова часто навещали Ольгу Ивановну, следили за занятиями рисованием старшей дочери Синьорелли. Ларионов знакомит Ольгу Ивановну с Дягилевым, который несколько раз посещает ее дом и просит ее стать врачом трупы. В доме Синьорелли Ларионов и Гончарова встречаются с виднейшими деятелями итальянской культуры и искусства<sup>34</sup>.

Вернувшись во Францию, они всегда хранили память о римских друзьях, о теплой атмосфере этого русского дома. Эти чувства постоянно проявляются в письмах. Несмотря на всю их любовь к Италии, им так и не суждено было вновь попасть туда.



Публикация состоит из 9 писем: 4 написаны Ларионовым, 2 Гончаровой и 3 — ими обоими. Все письма можно разделить на две группы: в первую входят письма 1917-1921 гг., во вторую письма 1949-1957 гг., судя по содержанию последних, можно предположить, что связь между художниками и О.И. Синьорелли не прерывалась и в тот период, за который мы не располагаем корреспонденцией.

Письма печатаются не по автографам, а по ксерокопиям, находившимся в распоряжении публикатора. Качество ксерокопий в некоторых местах довольно слабое, что иногда затрудняло понимание текста.

В письмах авторы используют частично старую, частично новую орфографию. При публикации мы воспроизводим их только по новой орфографии. В квадратные скобки «[ ]» заключены окончания слов, не дописанные в подлиннике, а также восстановленная публикатором датировка писем. В косые «/ /» — все дополнения и замечания публикатора.



Письма публикуются с любезного разрешения Марии, Елены и Веры Синьорелли — владельцев всего архива О.Синьорелли. Пользуемся случаем, чтобы выразить им нашу признательность. Особо мы хотели бы принести благодарность Марии Синьорелли, всесторонняя помощь и замечания которой в значительной мере помогли появлению этой публикации.

---

<sup>34</sup> Например, через О.И. Синьорелли познакомились они с Элеонорой Дузе.

[Октябрь 1916 — апрель 1917, Рим]<sup>1</sup>

Дорогой друг,

Когда я возвращался домой после работы в своей декоративной студии<sup>2</sup>, я думал о Вас, и у меня были в голове те строки, которые Вы прочтете сейчас. Пожалуйста, вникните в них, так как у них немного странный слог.

Когда солнце падает  
и высокий загибается рог — на крышах домов  
абрикосовые деревья сквозят листьями  
в небе и яркие плоды как звезды.  
Вечерняя пыль сметает след  
горизонта. Проходящие женщины  
с ведрами воды кажутся кусками  
то только туловища, то только  
ног. Дрожащая вода в реке  
точно бесконечная газета и...  
ряд событий до того стремителен,  
что ничего нельзя разобрать...  
Это так же как жизнь... Холодные  
облака и сухой воздух... Острые  
движения стрижей над водой и  
падающие звуки... Весь этот  
блеск исчезающих воспоминаний  
летнего вечера.

---

Это ощущения ранней молодости, когда я был импрессионистом<sup>3</sup> и любил безумно Верлена.

Ваш Ларионов

Написано на гостиничном бланке «Hôtels Reunis, Minerve-Cavour-France». Ларионов и Гончарова жили в гостинице «Минерва».

<sup>1</sup> О датах пребывания в Риме Ларионова и Гончаровой см. в предисловии, а также письма 6 и 7.

<sup>2</sup> Студия находилась на улице Principessa Clotilde. Здесь Ларионов рисовал декорации для *РУССКИХ СКАЗОК*.

<sup>3</sup> Ларионов имеет в виду самый ранний период своего творчества (1898-1904), где часто встречается тема «заката солнца».

26 Avril 1918  
 Paris  
 Hôtel de Castille  
 rue Cambon, 31<sup>1</sup>

Милая Ольга Ивановна!

Давно я Вам не писал — очень извиняюсь. Но зато мы Вас всегда помним — Вас и доктора Синьорелли. Как я Вам говорил, так это и осталось, т.е. Вы и Ваш муж мои самые прекрасные воспоминания после Рима. Вообще я очень редко пишу. Теперь еще наша выставка<sup>2</sup> отняла у нас целых полтора месяца — и поэтому я не сразу Вам ответил на Ваше письмо, которое передал Казелла<sup>3</sup> — впрочем, он передал его нам уже перед самым своим отъездом. Наша поездка в Рим, к сожалению, не состоялась<sup>4</sup> — а мы мечтали с Нат[алией] Сергеевной увидеться с Вами и доктором. Но теперь не все так удобно устраивается, как рассчитывали. Так и это наше намерение не осуществилось. Видел Вашу фотографию с детьми. Это так снято, точно это картина Спадини<sup>5</sup>. Она вся светлая и свежая. Я с большим сожалением теперь вспоминаю, это очень жаль, что мне так и не пришлось увидеть итальянскую провинцию. Помните, мы с Вами все собирались поехать куда-нибудь в провинцию на день-два. Теперь в Париже весна. Я думаю, что у Вас она давно — и в Риме, пожалуй, сейчас даже жарко. В Риме ли сейчас доктор? Как здоровье Дузе?<sup>6</sup> Для меня было совсем не удивительно, что Серб<sup>7</sup> поссорился с Папини<sup>8</sup>, уж очень они разные. Хотя, быть может, они уже помирились? Это тоже по моим предположениям возможно. Что делают футуристы? Как Папини, Спадини? В Вашем письме Вы об этом мало писали. Вот уже год, как мы уехали из Рима, мне кажется, за это время многое изменилось. Мы сейчас живем более сильным темпом, чем до войны, и год теперь очень много времени. Нас в Париже бомбардировали много раз, что Вы, наверное, знаете из газет. Но мы на это никакого внимания не обращаем, и я даже под звук пушки (этой большой, что стреляет на 100 верст) открыл выставку, и вернисаж был многолюдный и оживленный (посылаю Вам первую критику), несмотря на то, что почти пол-Парижа уехало. Мы всю зиму проработали и устроенная нами выставка современного театрального искусства даже с нашей точки зрения кое-что, в особенности в такое трудное время. Посылаю Вам также афишу и каталог. Афиша каждая разная, т.е. каждая по разному крашена и красили мы их сами и те, которые послали друзьям, подписаны.



На лето я и Нат[алия] Сергеевна уедем в провинцию. Я буду заниматься сельским хозяйством. Сейчас, когда из России трудно получать деньги, живописью не проживешь, да и отдохнуть хочется. Французская провинция меня тоже очень интересует, да и живописью можно будет заняться более свободно. До 15 мая мы во всяком случае в Париже пробудем. И адрес все там же: Hôtel de Castille, rue Cambon, 31. Напишите, пожалуйста, несколько слов о Вас и Вашей жизни. Нат[алия] Сергеевна все думает о керамике<sup>9</sup> и сделала несколько проектов, но Вы ей писали, что первые пробы с блюдами вышли, кажется, не совсем удачно, но я думаю, дальше может пойти лучше и если не сейчас, то через год Нат[алия] Серг[еевна] думает Вам прислать еще рисунки для керамики. Нат[алия] Серг[еевна] будет Вам писать отдельно. Пока целую Вашу руку, будьте здоровы, передайте поклон доктору. Как рисунки Марии<sup>10</sup> и что делает Елена?<sup>11</sup>

Всего хорошего.

Ваш М.Ларионов.

Написано на бланке парижской галереи Sauvage. Название и адрес галереи зачеркнуты.

<sup>1</sup> В это время у Ларионова и Гончаровой еще не было постоянного места жительства (см. письмо 4).

<sup>2</sup> Имеется в виду выставка «L'Art décoratif théâtral moderne», проходившая в Париже с 16.04 до 7.05.1918 в галерее Sauvage.

<sup>3</sup> См. прим.22. к предисловию.

<sup>4</sup> Желание Ларионова и Гончаровой вернуться в Италию не осуществилось.

<sup>5</sup> Армандо Спадини (1883-1925), художник, представитель классической итальянской школы. Сотрудничал в журн. «Весы». Его кисти принадлежат несколько портретов Ольги Синьорелли с детьми.

<sup>6</sup> В 1910-е гг. Дузе переживала тяжелый жизненный и творческий кризис, часто болела, в эти годы нигде не выступала, снялась только в фильме *ПЕПЕЛ* (1916).

<sup>7</sup> Имеется в виду В.Черина (1891-1931) — югославский писатель, публицист.

<sup>8</sup> См. прим.35 к предисловию.

<sup>9</sup> См. письмо 3.

<sup>10</sup> Мария Синьорелли (р. 1908), старшая дочь Ольги Синьорелли. С раннего детства увлекалась рисованием и изготовлением кукол. Видный деятель итальянского кукольного театра. В 1947 основала итальянскую Оперу марионеток. Работала над костюмами и декорациями для многих итальянских театров. Автор исследований о театре.

<sup>11</sup> Дочь Ольги Синьорелли.

3

[26 апреля 1918, Париж]<sup>1</sup>

Милая, дорогая Ольга Ивановна.

Как Вы живете? Что делаете? Мы о Вас и о докторе часто вспоминаем и очень любим Вас обоих. Все лето надеялась, что удастся увидеться с Вами, поехать в Рим, но так и не пришлось, и просидела все лето в Париже. Но все же возможно, что на зиму поедем в Рим, и это меня очень радует. Опять будем видеться как в прошлом году, только, Бог даст, доктор будет работать в Риме<sup>2</sup>. Быть может, удастся немного поездить вместе по Италии, которую мне бы хотелось больше знать. Если приеду, теперь непременно буду брать уроки итальянского языка — такая бессмыслица жить в стране и не знать ее языка, а объясняться на международном французском. Вообще планов, конечно, много. Помнит ли доктор один из них, кот[орый] меня очень интересовал — это устройство керамической мастерской?<sup>3</sup> Вы писали, что блюда не удались. В чем и как? Не удалась ли форма, или цвет, или рисунок? Отдадите ли их переделывать? Если у Вас будут фотографии с них, пришлите, если Вас не затруднит, — все равно, хотя самые маленькие. Мне интересно видеть, что передается в керамике из акварели.

Как Марина работает?<sup>4</sup> Вероятно летние впечатления выливаются в массу картин и Елена их великолепно демонстрирует — это Мария, это дом, это Пипетто<sup>5</sup>, это Вера<sup>6</sup>, это я, это мама, это папа, это Вера, это Пипетто. Очень было хорошо прошлую зиму. /Бог/ даст, будет опять время, когда можно будет из Москвы ездить в Рим в три-четыре дня, чтобы повидать своих друзей, хоть на короткий срок, и обратно. Каким легким и быстрым покажется такое путешествие, и как часто его можно будет делать.

Как здоровье Дузе? Передайте ей мой привет. Я ее люблю, точно я ее давно знаю, да и на самом деле я ее знаю из Москвы<sup>7</sup>, хотя и не была знакома с ней, и если я тогда еще не знала, какой она милый, простой человек, то все же знала и видела, какая она великая артистка.

Выдаете ли Вы наших общих римских друзей: Баллу<sup>8</sup>, Спадини<sup>9</sup>, Рикарди<sup>10</sup>, Прюнье<sup>11</sup>, а также и злого Папини? Всем им передайте мой привет, а также и от Михаила Федоровича. Казелла сейчас /неразб./.

Целую Вас крепко, крепко и посылаю мой сердечный привет милому доктору. Михаил Федорович вам обоим кланяется и напишет особо.

Наталья Гончарова.

<sup>1</sup> Датировано по связи с предыдущим письмом.

<sup>2</sup> Во время войны доктор Синьорелли находился во фронтовой зоне в северо-восточной части Италии.

<sup>3</sup> Проект не осуществился из-за военных условий. Сохранились некоторые акварели, обрамленные по указаниям Ларионова.

<sup>4</sup> См. письмо 2, прим.11.

<sup>5</sup> Кошка Синьорелли.

<sup>6</sup> Дочь Ольги Синьорелли.

<sup>7</sup> Дузе приезжала в Россию в 1891, 1896 и 1908.

<sup>8</sup> См. прим.7 к предисловию.

<sup>9</sup> См. письмо 2, прим.6.

<sup>10</sup> По всей вероятности, имеется в виду Акилле Риччарди (Ricciardi) (1884-1923) — крупный деятель итальянского театрального авангарда. Инициатор экспериментального «цветного театра» (см. трактат *IL TEATRO DEL COLORE*, Milano, 1919).

<sup>11</sup> Henry Prunières (1886-1942) французский музыковед, основатель журнала «Revue musicale».

43, rue de Seine  
Paris (VI)

13 июня [1920]<sup>1</sup>

Милая Ольга Ивановна.

Давно ни я, ни Наталья Сергеевна Вам не писали. Спасибо за письмо и за великолепную куклу, которую прислала Мария. Я очень ей благодарен, так же как и за Вашу память. Хотя мы не

пишем, но я и Наталия Сергеевна всегда помним Вас и доктора. Этой весной я надеялся быть в Риме и увидеть Вас. Но так случилось, что поехать не пришлось, к большому моему огорчению. Когда Вы ходили на балет<sup>2</sup>, я надеюсь, что Вы вспоминали меня и Наталию Сергеевну. Недавно были у Прюнье и видели Спадини и его последнюю вещь, пейзаж. Прюнье живет рядом с нами. Как живет Папини? Все так же сердит, как и раньше? Теперь, на расстоянии я его больше люблю. Я Вам посылаю, вместе с этим письмом, альбом<sup>3</sup> от нас с Нат[алией] Серг[еевной]. Вам его передаст наш друг, молодой режиссер, госп[один] Кролль<sup>4</sup>. Я прошу Вас принять г-на Кролля. Он — наш друг и очень интересный человек. Он Вам расскажет о нас. Кроме всего прочего, я сейчас с Нат[алией] Серг[еевной] создаю новый журнал театра, музыки и живописи. Кролль также сотрудничает в этом журнале. Журнал называется «Параллели» (Les Parallels)<sup>5</sup>. Пожалуйста, познакомьте Кролля с римскими артистами. Где сейчас Дузе? Я очень хотел бы ее видеть, и у меня есть идея, снова, быть может, не надолго, но увидеть ее на сцене<sup>6</sup>. Я Вам буду писать подробно еще об этом. Скажите только, как она себя чувствует, как ее здоровье. Вы и доктор наверное здоровы, а дети выросли сейчас так, что я бы с трудом их узнал. Я и Нат[алия] Серг[еевна] посылаем Вам наши карточки, которые немного лучше тех, которые я оставил, уезжая в последний день из Рима. Спасибо Вам за Вашу карточку. Я на нее часто смотрю. Гончарова также просит передать карточку Дузе, которую она ей обещала, а также попросите, чтобы Дузе дала свою, и пришлите ее нам. Если можно, через Кролля, если он поедет обратно через Рим; если же нет, то по почте. И напишите нам не ожидая оказии, прямо по почте. Мы очень будем рады получить от Вас весточку. Что делается в художественном отношении в Риме? Быть может, я сам скоро приеду в Рим, но на это трудно надеяться. Мы сейчас устроились в Париже более прочно, чем раньше. Взяли квартиру. До настоящего времени все ездил по свету, и нигде больше году не жили, очень все это утомляет и надоедает. нужно было на лето поехать в Лондон и не поехали — мне было лень покинуть место. Вот до чего надоедают путешествия. Спешу окончить письмо, потому что нужно его еще отвезти Кроллю. Он уезжает сегодня вечером. Крепко целую Вашу руку, горячий привет доктору и детям.

Искренно Ваш М.Ларионов

<sup>1</sup> Датировано по содержанию (см. прим.3).

<sup>2</sup> Ларионов имеет в виду гастроль дягилевского балета в Риме (театр

Costanzi, февраль-март 1920). Во время этих гастролей исполнялся также балет *РУССКИЕ СКАЗКИ* с декорациями Ларионова и костюмами Ларионова и Гончаровой.

<sup>3</sup> Альбом *L'ART DECORATIF THEATRAL MODERNE* с рисунками художников с дарственной надписью «Дорогой Ольге Ивановне, на добрую память о нас обоих. М.Ларионов, Н.Гончарова». Надпись датирована 13 июня 1920.

<sup>4</sup> Георгий Кролль; режиссер и театровед. Его жена, Раиса (урожд. Самойлова), стала позднее женой Де Кирико.

<sup>5</sup> По данным, имеющимся в нашем распоряжении, проект не был осуществлен.

<sup>6</sup> Дузе вернется на сцену в 1921. См. письмо 5.

5

43, rue de Seine, Paris  
France

14 февраля  
[1]921 года

Дорогая Ольга Ивановна.

Спасибо за Ваше милое письмо. Эти дни после телеграммы я Вам не писала, т[ак] к[ак] хотела разобраться и обдумать костюмы Дузе<sup>1</sup>. И так увлеклась этим делом, что почти уже закончила рисунки и могу их отправить через два-три дня.

Их на мой взгляд лучше сшить не в костюмерной, а в мастерской, где шьют платья, хотя это вероятно будет несколько дороже. Я думаю, что такая мастерская возьмет не менее полутора тысяч за костюм. Цены здесь на платья сейчас очень высокие, но в костюмерной сделают грубее, и главное не сумеют справиться с талью /?/.

Конечно, я с большим удовольствием буду наблюдать за исполнением, где бы эти костюмы ни исполнялись. И конечно, ни за наблюдение, ни за рисунки я с Дузе ничего не возьму. Если они ей не будут нужны после исполнения костюмов, пусть она мне их вернет, когда костюмы будут сшиты.

Как бы мне хотелось приехать в Италию на первое представление<sup>2</sup> и повидать и Вас и Вашего мужа. Это трудно, но я все же немножко надеюсь. Как Вы живете? Что рисует Мария? Мне бы очень хотелось видеть ее рисунки. Если ей не жалко, пошлите мне что-нибудь ее работы.

Целую Вас крепко. Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет Вашему мужу. Михаил Федорович Вам обоим кланяется.

Ваша Наталия Гончарова

P.S. В этом письме вложено и письмо для Дузе, передайте его, пожалуйста, ей.

<sup>1</sup> Имеются в виду костюмы для пьесы Ибсена *ЖЕНЩИНА ИЗ МОРЯ*, — одно из последних выступлений Дузе (весна 1921, Турин-Рим). Марина Цветаева видела рисунки к этим костюмам в 1929, когда была в мастерской Гончаровой, на улице Visconti (см.: М.Цветаева. *НАТАЛИЯ ГОНЧАРОВА*. — В кн. *ИЗБРАННАЯ ПРОЗА В ДВУХ ТОМАХ*, New York, 1979, с.338).

<sup>2</sup> Премьера состоялась в Турине 5 мая 1921.

6

2-9-49 [Париж]

Дорогая Ольга Ивановна!

Очень прошу Вас, извините меня за долгое молчание. Прежде всего я утерял Ваш адрес, затем мне и Наталии Сергеевне пришлось больше чем на 3 месяца уехать в Монте-Карло, так как мы (она главным образом) работали в балете Msa de Cuevas'a (Grand Ballet de Monte-Carlo)<sup>1</sup>. После этого я видел Мишо<sup>2</sup> (мой приятель) и он мне дал Ваш адрес. Но случилась неприятность: я заболел (печень). Это было очень тяжело. Я пролежал около месяца. Сейчас несколько дней как я выхожу. И я спешу Вам написать. Я и Нат[алия] Серг[еевна] всегда о Вас думаем, так же как о Ваших дочерях, очень талантливых девушках (теперь больших и дамах). Одна из них выставлена в Париже<sup>3</sup>. Очень я бы хотел Вас увидеть, так же как и Нат[алия] Серг[еевна]. У нас самые горячие чувства к Вам. Все-таки юные годы в этой художественной обстановке, в которой мы прожили [1]916-17 годы<sup>4</sup> тогда в Риме, когда была жива Дузе, был Папини. Ваша большая чуткость и любовь к искусству. Это не забывается всю жизнь. Мы с особенной силой вспомнили все, особенно теперь, когда мой приятель, художник Леонард Михайлович Бенатов<sup>5</sup> со своей женой (поэт — она шведка) уезжают в Италию на месяц-полтора. Я это письмо посылаю сейчас. Они же уезжают в понедельник 5-го. Едут на машине (отомobile) и наверное будут позднее, особенно если поедут в

Рим на обратном пути. Я не знаю, застанут ли они Вас в Риме в это время — летнее — когда отдых, и все уезжают из города. Но если застанут, я их прошу Вас увидеть и передать Вам поклонны от нас обоих и наше горячее желание Вас увидеть. Бог даст, это желание исполнится. Может мы в Рим приедем, а может Вы в Париж. Жена моего друга фотографирует. Я ее попрошу для меня и Нат[алии] Серг[еевны] сфотографировать Вас и, если можно, акварели Наталии Сергеевны<sup>6</sup>. Мне очень хочется на это посмотреть. Дорогая Ольга Ивановна, кажется, жена Казеллы (моего друга) выпустила книгу о нем<sup>7</sup>. Если Вам не трудно, укажите Бенатову, где бы он мог эту книгу приобрести. А пока я и Нат[алия] Серг[еевна] крепко Вас обнимаем. Целую Вашу руку и оба желаем Вам всего /лучшего/.

Ваши Н.Гончарова — М.Ларионов

Дорогая Ольга Ивановна!

Скажите, пожалуйста, напишите мне: *был ли Маринетти в России в 1910-м году?* Или он был там *только в 1913-1914 году?*<sup>8</sup> Мне это нужно знать. Вы, если знаете Balla (Балла)<sup>9</sup>, худ[ожник]-футурист, или Carra (Карра)<sup>10</sup>, тоже художник-футурист. Ольга Ивановна, может, так много прошло времени, что Вы забыли мое имя. Меня звать Михаил Федорович.

Еще раз всего лучшего.

Ваш М.Ларионов.

Написано на почтовой бумаге с адресом: 16, rue Jacques Callot. (Тот же адрес, что и в предыдущих письмах: дом, в котором жили художники, находился на углу rue J. Callot и rue de Seine). От руки латинскими буквами добавлено: Larionov. Tel. Odeon 55-66.

<sup>1</sup> Имеется в виду Grand Ballet du Marquis de Cuevas. Гончарова рисует декорации и костюмы к балету *LE COEUR DE DIAMANT*. В том же году оба художника работают также для балетной группы Князева (балет *LA VEILLEE*) и для оперы Россини *СЕВИЛЬСКИЙ ЦИРЮЛЬНИК*, поставленной в Лондоне Мясиним.

<sup>2</sup> Pierre Michaut (1895-1956), франц. театральный и кинокритик.

<sup>3</sup> Имеется в виду Мария Синьорелли, которая в эти годы организовала в Париже разные выставки кукол и марионеток (1949-1951).

<sup>4</sup> См. прим.1 к предисловию.

<sup>5</sup> Л.М. Бенатов (1908 - ?), художник, в Париже — с 1922. В конце 1940-х — начале 1950-х собирался вместе с Гончаровой расписывать фресками часовню в деревне, проект не осуществился из-за болезни Ларионова (см. М. Chamot. *GONCHAROVA*. London, 1979, p.22).

<sup>6</sup> Имеются в виду акварели, отправленные Гончаровой для выполнения керамических блюд (см. письмо 3).

<sup>7</sup> Среди изданий, опубликованных о Казелле после его смерти (1947), книги, составленной его женой (Ивонн Муллер) не обнаружено.

<sup>8</sup> Маринетти был в России только в 1914. Он приехал в Москву 26 января, выступал 27 и 28 января. В Петербурге выступал 1 и 4 февраля. В.Марков исключает возможность более ранней поездки итальянского футуриста в Россию (см.: V.Markov. *STORIA DEL FUTURISMO RUSSO*. Milano, 1973, итал. перевод, глава 4, прим.60). В связи с приездом Маринетти Ларионов написал статью в московской газете, в которой призывал публику бросать в него тухлые яйца, и таким образом отомстить за предательство идеалов футуризма (там же, с.144).

<sup>9</sup> См. прим.7 к предисловию.

<sup>10</sup> Карло Карра (1881-1966), итальянский художник-футурист. Один из авторов первого футуристического манифеста (от 20 февраля 1909). После 1915 переходит к «метафизической» живописи.

7

Vernet-les-Bains, 31-5-57

Милый, дорогой друг! Самый старый друг из всех!

Как под старой, ржавой травой, омоченной весенним дождем, — дрожит весенняя земля и на ней лепестки розовые цветущей яблони, еще не потерявшие тепла весенних лучей, так наша дружба, возникшая в Риме в те далекие, можно сказать, героические времена, 40 лет тому назад, еще крепче, еще ценнее. Теперь мы ближе к Вам отсюда, на полдороге из Парижа в Рим. Но хотелось бы быть в Риме и увидеть и обнять Вас снова, дорогая Ольга. Действительно, на свете есть только дружба, это чувство остается и живет чем дальше, тем с большей силой. Сейчас мы оба больны и я Вам пишу больной рукой. Мне — 76 лет, Наталии тоже и она плохо ходит. Я вспоминаю Ваших девочек и их рисунки. Если не ошибаюсь, Мария и Елена. Рисунки очень красивые. Я их до сих пор храню. Это ничего, что я Вам отвечаю на Ваше милое письмо только сейчас? Ваше пожелание исполнилось: мы себя чувствуем хорошо. Наташа прочла по-итальянски Вашу книгу о Дузе<sup>1</sup>. Это лучшее, что она о ней читала. Читая о Дузе, перед нами возникал Ваш образ, какая Вы были в ту зиму в 1916 году, когда мы познакомились в Риме. Как странно, для нас время



точно и не прошло. В воскресенье мы отсюда уезжаем и будем в Париже в понедельник. Дайте весточку о Вас. Обнимаем и целуем Вас и дочек Ваших крепко-крепко.

Ваши всегда  
Наталья Гончарова  
и М.Ларионов

Написано на гостиничном бланке Hôtel Alexandra — Vernet-les-Bains (Pyrenées Orientales) France.

<sup>1</sup> См. прим.28 к предисловию.

8

26-8-57 [Париж]

Дорогой друг Ольга Ивановна.  
Дорогой друг Ольга (позвольте?)

Вот уже Бог знает сколько времени, как я получила Вашу прекрасную книгу о Дузе, и за весь год не поблагодарила Вас. Этот год был очень тяжел — очень длительный для меня: с прошлой осени у меня было много работы, волнительной и спешной<sup>1</sup>.

Ларионов тоже не так уж хорошо себя чувствовал. А я все больше и больше расхварывалась и слабела, и к концу зимы захворала очень сильным ревматизмом и главное в руках. Да и моральное состояние было не очень хорошее.

Теперь, после четырехмесячного перерыва, понемногу принимаюсь за работу — так что, надеюсь, к зиме смогу быть в полном порядке. Это письмо допишу. Но потом напишу более веселое. По Вашей книге о Дузе я многому выучилась — и по части работы, и по части понимания актерской и вообще театральной работы; а так как не говорю по-итальянски, а книга эта меня глубоко заинтересовала, то я сделала усилия, чтобы хоть немного исправить этот пробел моего образования. Мне удалось книгу прочитать, и одну главу даже по-русски перевести Ларионову. Еще раз спасибо Вам от него и от меня. Дорогой друг, целуем Вас крепко-крепко. Наталья и Миша Л.

/на полях приписка/:

Получили ли Вы наше письмо из Vernet-les-Bains этой весной?<sup>2</sup>

<sup>1</sup> В 1956: ретроспективная выставка (Париж, Galerie de l'Institut). В 1957: выставка «Art abstrait — Les premières générations» (Saint-Etienne). Кроме того, Гончарова готовит для В.Фокина («Le Théâtre d'Art du Ballet») декорации и костюмы для балета *ИГРУШКИ*, работает над многими балетами: *LES ELPHES, EROS, ISLAMILI, L'APPRENTI SORCIER, LES SYLPHIDES, ПЕТРУШКА*.

<sup>2</sup> См. письмо 7.

9

23.3.[19]56

Дорогая Ольга Ивановна.

Я очень рад, что зашел Мишо, наш общий друг. Он очень славный человек. Когда я узнал, что Вас интересует книжка о декорациях Русского балета, мы с Наталией Сергеевной были очень рады и с удовольствием дарим Вам эту книжку. Я узнал, что *Милоша*<sup>1</sup> Вы знаете хорошо и что он интересуется книгами и фотографиями о балете. Скажите ему, что у меня довольно порядочная коллекция<sup>2</sup> и есть много дубликатов, когда он соберется в Париж, пускай зайдет ко мне: 16, rue Jacques Callot, Paris 6<sup>e</sup>. Телефон мой Odeon 55-66. Милая Ольга Ивановна, передайте Вашим дочерям мой привет старого друга.

Целую крепко Вашу руку.

Будьте здоровы, и я думаю — до скорого, может быть, свидания.

Ваш всегда

М.Ларионов.

Дорогая Ольга Ивановна, очень рада написать Вам эти несколько слов. Позднее напишу еще, сейчас не буду задерживать нашего друга Мишо. Целую Вас крепко.

Ваша Н.Гончарова.

/Письмо отправлено вместе с книгой: Larionov — Gontcharova. *LE BALLET RUSSE DE SERGE DE DIAGHILEW*. P.Worms. Belvès, 1955. На книге дарственная надпись/:

Дорогой Ольге Ивановне с дружбой и в память чудесных римских дней.

Наталия Гончарова

8.3.[19]56. Париж

/и далее написано: /

Милая Ольга Ивановна.

Очень рад Вам написать, до сих пор я и Наташа видим Вас, как Вы были и мы Вас помним последний раз в Париже и самое сильное воспоминание какой Вы были в Риме. Мы очень жалеем, что не можем Вас видеть сейчас, но очень рады, что эта книжка попадет к Вам.

Милая Ольга Ивановна, не судите строго эту книжку. Она Вам напомнит все же о Сергее Павловиче и о нас.

Ваш всегда

М.Ларионов

8 марта 1956.

Париж.

Настоящее письмо любезно предоставлено Марией Синьорелли из ее личного архива. Пользуемся случаем выразить ей нашу признательность.

<sup>1</sup> Аурель Милош (Aurel Milloss, р. 1906) — итальянский хореограф, танцовщик и театральный режиссер, венгерского происхождения. Работал для Римской оперы и для миланской «La Scala». Впоследствии — главный хореограф Римской оперы.

<sup>2</sup> О собрании книг Ларионова см. подробнее: I.K.Fletcher. *LARIO-NOV — BIBLIOPHILE*. — В сб.: T.Loguine. *GONTCHAROVA ET LARIO-NOV*, p.183-184.

Михаил Ледантю  
**ЖИВОПИСЬ ВСЕКОВ**  
Публикация Дж. Э. Боулта

Публикуемый текст является одной из теоретических работ живописца и театрального художника Михаила Васильевича Ледантю (1891-1917)<sup>1</sup>. Ледантю (в другом написании Ледантью) внес существенный вклад в развитие русского авангарда Москвы и Петербурга незадолго до Октябрьской революции и оказывал серьезную поддержку Михаилу Федоровичу Ларионову (1881-1964)<sup>2</sup> и Наталье Сергеевне Гончаровой (1881-1961)<sup>3</sup>. Он, например, помог Ларионову с организацией трех наиболее значительных выставок, проходивших в Москве в 1912-1914 гг.: «Ослиный хвост» (1912), «Мишень» (1913) и «№4» (1914). Насколько сам Ледантю был обязан Ларионову, видно из предлагаемого манифеста всечества,

---

Публикатор выражает искреннюю признательность С.Васильевой за перевод и техническую помощь при подготовке данной рукописи к печати.

<sup>1</sup> Серьезных работ о Ледантю нет. Краткие биографические сведения о нем можно найти в каталогах недавних выставок, посвященных русскому искусству XX века: *PARIS-MOSCOU*. Paris, Centre George Pompidou, 1979 (Советское издание: *МОСКВА-ПАРИЖ*. М., Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 1981) и *ART AND REVOLUTION*, Budapest, Palace of Art, 1987. Существует несколько неопубликованных вариантов статьи Ледантю *ЖИВОПИСЬ ВСЕКОВ*. Один из вариантов (в рукописной и машинописной форме) находится в ЦГАЛИ в Москве (ф.792, оп.1, ед. хр.1, лл. 17-34; 35-56). Он подписан и датирован: «М.В. Ледантю, весна 1914 г.» Другой вариант находится в частной коллекции в Москве, третий — в частной коллекции в Париже. Все три текста очень схожи и отличаются лишь орфографией и несколькими незначительными дополнениями/пропусками. Здесь приводится парижский текст.

<sup>2</sup> О Ларионове см.: Т.Loguine. *GONTCHAROVA ET LARIONOV*. Paris, Klincksieck, 1971; *MIKHAIL LARIONOV*. Catalog of exhibitions at the Schirn Kunsthalle. Frankfurt, and Musee Rath, Geneva, 1987-88; *MICHAIL LARIONOV*. Catalog of exhibition at the Galerie Aronowitsch. Stockholm, 1987.

<sup>3</sup> О Гончаровой см.: M.Chamot. *GONCHAROVA*. Stage Design and Paintings. London, Oresko, 1979.

написанного весной 1914 г.: многие высказывания Ледантю являются перифразом теоретических положений Ларионова того периода — автор платит дань уважения своему наставнику.

Ледантю стал известен как московский кубофутурист, хотя родился он в Чижове Тверской губернии, а живописи начал учиться у польско-русского художника-импрессиониста Ян<sup>4</sup> Францевича Ционглинского (1858-1912), у которого, кстати, училось также несколько известных представителей петербургского авангарда, не последними из которых были Елена Гуро, Владимир Марков (Вальдемар Матвейс) и Михаил Матюшин. Несомненно, Ледантю был не меньше других поражен разработанной Ционглинским теорией значения цветов и их согласования, которая была в 1913 г., после смерти автора, опубликована его сыном<sup>4</sup>. В 1909 г. Ледантю поступил в Академию художеств, но был, видимо, глубоко разочарован учебной там и через год вошел в «Союз молодежи» — эклектическую группу художников-авангардистов, членами которой были братья Бурлюки (Давид и Владимир), Павел Филонов, Ларионов, Казимир Малевич, Ольга Розанова, Владимир Татлин. В «Союзе молодежи» Ледантю познакомился с новыми взглядами на эстетику изобразительного искусства, разработанными Филоновым (его система аналитической живописи), Малевичем («заумь»), Матюшиным («зор-вед») и др. Возможно, как раз яркость той стилистической мозаики, с которой он столкнулся, та артистическая «*embarras du choix*» — и заставили Ледантю сформулировать положения всечества в 1912-13 гг.

Главным вкладом Ледантю в деятельность «Союза молодежи» было его участие в качестве актера и театрального художника в постановке народной пьесы «Царь Максимилиан и его непокорный сын Адольф», осуществленной Союзом в январе 1911 г. в Петербурге. Пьеса, поставленная Бонч-Томашевским, должна была ближе познакомить зрителей с «психологией народа»<sup>5</sup>, а участие Е.Сагайдачного привлекло к ней молодых художников, в том числе Августа Балльера, Александра Гуаша, Савелия Шлейфера, Эдуарда Спандикова и Ледантю, которые помогали с декорациями и костюмами. В январе 1912 г. Бонч-Томашевский привез пьесу в Москву, где ответственным за оформление стал Татлин. Ни московская, ни петербургская постановка не имели большого успеха, хотя обе были искренней попыткой оживить современный театр введением в него «низменных» элементов балагана.

Переехав в 1912 (?) в Москву, Ледантю в течение следующих трех лет был членом группы Ларионова, куда входили Владимир Левкиевский, Сергей Романов, Алексей Шевченко, Илья Зданевич и другие. Ларионов к тому времени стал главной движущей силой авангарда. Будучи человеком импульсивным, он порвал с «Бубновым валетом» — группой, которую сам же и основал в 1910 г., — считая бывших коллег неискренними и слишком консервативными. Ледантю разделял восхищение Ларионова русским примитивом, особенно лубком; названия его картин, пред-

<sup>4</sup> А. Рубцов. ЗАВЕТЫ ЦИОНГЛИНСКОГО. СПб, «Сириус», 1913.

<sup>5</sup> См. раздел «Хроника» в альманахе СТУДИЯ, М., 1911, №4, с.27.

ставленных в 1912 г. на выставке «Ослиный хвост», «Триптих», «Охотник», «Косари», «Женская фигура», — говорят о том, что «сельский» модернизм привлекал его гораздо больше, чем урбанизм итальянских футуристов. Ледантю и братья Зданевичи (Илья и Кирилл) приобрели несколько работ «грузинского Руссо» — Нико Пиросманишвили (1892-1918)<sup>6</sup> и начали популяризировать его творчество, причем четыре работы Пиросманишвили (одна из личной коллекции самого Ледантю и три из коллекции Ильи Зданевича) были выставлены в 1913 г. вместе с их работами (выставка «Мишень», где было представлено семь картин Ледантю из серии «Кавказские мотивы», которые были отмечены за «благородство колорита»<sup>7</sup>). Работы Ледантю получили также положительную оценку в сборнике «Ослиный хвост и Мишень» (Москва, Мюнстер, 1913), куда вошли репродукции его картин, а сам художник подписал, вместе с другими, опубликованную в сборнике декларацию «Лучисты и будущники»<sup>8</sup>. Кроме того, он подписал предисловие Ларионова к каталогу выставки «Мишень»<sup>9</sup>.

Будучи, как и его коллеги Гончарова, Ларионов, Илья Зданевич, — «злым молодым человеком», — Ледантю сознательно занимается эпатажем. В 1913 г., например, он выступает ярым сторонником раскрашивания лиц и, как и его друзья, разгуливает по Москве с абстрактными рисунками и тайными знаками на лице<sup>10</sup>. Его поведение считалось настолько вызывающим, что весной 1913 г. его привлекают к суду, который пытался установить, насколько раскрашивание лица приемлемо в рамках общественных приличий<sup>11</sup>.

Несмотря на то что Ледантю экспериментировал с лучизмом и манера его оставалась фигуративной, создается впечатление, что он, в отличие от Ларионова, не был вполне уверен в ценности абстракционизма. Он, конечно же, был знаком с ларионовской концепцией лучизма и говорит о ней в манифесте, но лучизм для него был лишь одной из форм

<sup>6</sup> О Пиросманишвили см.: Ш.Амиранашвили. *ПИРОСМАНИШВИЛИ*. М., «Советский художник», 1967; Cyrille Zdanévitch. *NIKO PIROSMANI*. Paris, Gallimard, 1970; Г.Поспелов и др. (ред.). *ПРИМИТИВ И ЕГО МЕСТО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ НОВОГО И НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ*. М., «Наука», 1983. Илья Зданевич в то время был особенно близок с Ледантю; название изданной в 1923 экспериментальной книги зауми Зданевича *ЛЕДАНТЮ ФАРАМ* (Париж, «41°»), по-видимому, символизировало эту привязанность.

<sup>7</sup> Тугендхольд. *МОСКОВСКИЕ ПИСЬМА*. — «Аполлон», СПб, 1913, №4, с.43

<sup>8</sup> М.Ларионов и др. *ЛУЧИСТЫ И БУДУЩИКИ*. — В сб.: В.Паркин и др. *ОСЛИНЫЙ ХВОСТ И МИШЕНЬ*. Москва, Мюнстер, 1913, с.175-178.

<sup>9</sup> Среди установок, изложенных в предисловии к каталогу «Мишени»: «признание всех стилей, которые были до нас и созданы теперь, как кубизм, футуризм, орфеизм» и «провозглашение всевозможных комбинаций и смешений стилей».

<sup>10</sup> Манифест *ПОЧЕМУ МЫ РАСКРАШИВАЕМСЯ* за подписями М.Ларионова и И.Зданевича был опубликован в «Аргусе», СПб, 1913, декабрь, с.114-118. В тексте приводятся фотографии Гончаровой, Ларионова, Ледантю и И.Зданевича с лицами, разрисованными в духе футуризма и лучизма.

<sup>11</sup> Описание суда и фотографии Ледантю с раскрашенным лицом содержатся в «Жизни и суде», СПб, 1913, 9 мая, с.10.

изобразительного искусства 1912-1914 гг. Другой художник, Шевченко, в своем неопримитивистском манифесте 1913 г. утверждает следующее:

В буквальном смысле слова нет такой вещи, как копия...

Живопись есть изобразительное искусство и, как таковое, может свободно выбирать предмет изображения, то есть природу или другое, уже существующее, произведение.

В этом легко убедиться, если взять две работы и не просто двух разных лиц, а даже сделанные с одной модели, из одного положения: это два разных художественных произведения<sup>12</sup>.

Сам термин «всечество» может ввести в заблуждение, поскольку, как это явствует из манифеста всеков, отнюдь не «всё» было позволительно, а Ледантю скорее отрицает, чем утверждает. Он с легкостью отказывает в артистических правах другим — как русским, так и западным художникам, начиная с Давида Бурлюка и Петра Кончаловского и кончая Жаном Метцанже и Анри Лефоконье; причем положительную программу всечества никак не назовешь ни ясной, ни однозначной. По существу, Ледантю призывает к артистической свободе и развитию синтетического стиля, в котором, при соблюдении узкоспециальных требований фактуры и тембра, русский примитив сочетался бы с искусством Востока.

Мы так никогда и не узнаем, как развивались бы идеи Ледантю — в 1915 г. он был призван в армию и погиб два года спустя. Ему, возможно, было бы любопытно узнать, что противоположность «всего», т.е. «ничего», — также привлекло внимание художников и литераторов, в результате чего в 1919 г. родилось новое направление, так называемые ничевоки<sup>13</sup>. Но это уже другая история...

---

Каждая теория в искусстве является следствием известных его достижений, попыток их объяснить, но никогда не бывает их причиной. Художественное творчество непосредственно открывает пути и не может безнаказанно считаться какой-нибудь предвзятостью. Таким образом, в настоящее время все происходящее с живописью нельзя считать следствием отдельных стараний направиться к тем или иным задачам.

Живопись, как искусство, — самодовлеющая, и создаваемые ею формы вызываются исключительно моментом соприкоснове-

<sup>12</sup> А. Шевченко. *НЕОПРИМИТИВИЗМ*. М., изд. автора, 1913, с.6.

Эта и некоторые другие цитаты приводятся в обратном переводе с английского.

<sup>13</sup> Группа «ничевоки» была основана в 1920 в Ростове-на-Дону и Москве Борисом Земенковым и др. См. манифесты, опубликованные в их сборнике *СОБАЧИЙ ЯЩИК*. М., «Хобб», 1920.

ния творчества с окружающей реальной жизнью; учитывать значение подобных моментов по напряженности в них элемента чисто художественного — вот единственная задача каждой теории живописи. Верность такой теории определяется точностью знаний ее автора в области неизбежных законов художественного построения. Эти законы постигаются путем тщательного изучения наиболее ярких случаев их применения, совпадающих обыкновенно с эпохой расцвета живописи в каждой культуре. Необходимо стараться расшифровать тот или иной способ создания данной формы и его жизненное происхождение.

Метод, по которому составляется так называемая история искусства, не выдерживает никакой критики, так как составители обыкновенно становятся на точку зрения современного им мастерства, того уровня вкуса, который их окружает, и при полном желании беспристрастности неизбежно впадают в чисто субъективные оценки. При этом, конечно, ускользает внутреннее содержание произведения, заключенное в его художественном построении. Внимание останавливается лишь на внешнем виде формы, подыскивается ему более или менее удовлетворительное объяснение, затем устанавливаются время, место и отыскиваются имена авторов. При известном постоянстве отличительных внешних признаков их совокупность называется стилем данной эпохи или народа, и историк искусства чувствует себя удовлетворенным.

Однако для подлинного понимания и оценки любого периода живописи слишком недостаточно останавливаться лишь на этом. Мало знать, как выглядит данное произведение, — необходимо разобрать, как оно сделано и почему именно так. В противном случае оценка не может быть полной, неизбежны самые грубые ошибки, которых и можно указать сколько угодно в любом труде по истории живописи. В последнее время особенно часто указываются подобные случаи и почти нет двух солидарных между собой мнений о любом вопросе в этой области. Выдвинута даже мысль, что, ввиду столь частых недоразумений, нельзя настаивать на их случайности. Можно смело пойти дальше и прямо заявить, что всякая попытка историков искусства основываться на изучении только внешнего вида художественного произведения (а до сих пор так только и делалось) есть одно сплошное недоразумение.

Приведу примеры: Бенуа в своей «Истории живописи всех времен и народов»<sup>1</sup> так мало места уделяет живописи египетской, делая это в силу будто бы ее «неумелости», что становится вполне понятным его анекдот с Врубелем<sup>2</sup>, которого он произвел в течение нескольких лет из «ломак» и «гениальничавших» в «под-



линные гении» («Мир искусства»)<sup>3</sup>. Тут просто полное непонимание значения живописной формы, в силу подхода только к ее внешнему, анекдотическому виду.

Вся современная иконография никогда не пытается объяснить происхождение византийских форм, их торжество над формами античными и их так определенно выраженный характер самодовлеющей их художественной ценности (как построения отвлеченного, почти геометрического). Очевидно, несмотря на любую эрудицию, при современных условиях язык линий, цветных масс, декоративной и композиционной орнаментики г.г. историкам совершенно неизвестен. Этим же объясняется такое невероятное недоразумение, как допущение Археологической комиссией г.г. Васнецовых, Врубелей, Нестеровых и т.п. живописцев Академии Художеств к церковной росписи византийского стиля или такое вопиющее безобразие, как роспись «под Византию» нового Кронштадтского собора<sup>4</sup>.

Ни в одном из существующих трудов по истории искусства не рассматривается эволюция художественного построения живописных форм. С архитектурой и декоративной скульптурой дело обстоит лучше. Там есть все-таки попытка провести некоторые параллели, указать способы, их значение, как практическое, так и художественное. За архитектурой признано право самобытности в силу практической необходимости. Тут нельзя предписывать подражание природе, анекдотичности изображения, тут создаются новые, свои собственные законы — пропорции, композиции, орнаментации и т.д. К живописи с такой точкой зрения подходить не принято — у нее нет тех материальных преимуществ архитектуры, которые исключали бы возможность всякого иного подхода. Изображение природы, подражание ей — вот что ставится главным образом в заслугу живописцу. Понятно, что при таких требованиях самоценность живописи установить невозможно.

Иллюзионизм, заменяющий недостаток настоящей живописной формы, выдвигает целую систему фокусов в погоне за передачей третьего измерения; воздушная перспектива, эффекты светотени и т.п. вещи, которые теперь привыкли считать за необходимую принадлежность достоинства картины. Так нам по крайней мере усиленно стараются внушить в разных школах и академиях люди очень мало причастные к живописи. Однако действительное мастерство никогда не согласится прибегнуть к подтверждению тех зрительных обманов, которыми пользуется фотографическая пластинка. У живописи есть средства выразить и третье измерение (как всякое другое понятие) гораздо лучше —

средство это соответственное деление картинной плоскости и заполнение ее в нужной пропорции тем количеством форм, которые всесторонне рисуют данный предмет или целый ряд их в состоянии покоя или движения — безразлично. Этим способом между зрителем и картиной могут быть сосредоточены элементы третьего измерения, и при достаточной напряженности живописных средств не нужно даже стараться изображать предмет, чтобы все было достаточно ясно. Примитивом такого живописного построения являются скульптурные барельефы. Живопись в своих средствах гораздо богаче и потому имеет несравненно больше возможностей. В виде примера такого построения можно привести последние работы Пикассо, где именно выявлена форма.

Средства живописи, составляющие живописную форму, можно разделить на три группы: линия, цвет и фактура. Все эти три группы так неразрывно связаны между собою, что разделение это делается лишь для большего удобства говорить о каждой группе в отдельности. Живописное значение всех этих составных частей формы настолько теперь забыто, что приходится остановиться на их определениях. Линия в живописи имеет два значения: 1) как средство деления холста или граница закрашенной части картинной плоскости; 2) как самостоятельная небольшая часть закрашенной поверхности, имеющая преимущество длины над шириной. Живописец, проводя линию по картинной плоскости, тем самым совершает действие двоякого значения: он делит эту плоскость на две части по одну и по другую сторону линии и в то же время на два цвета — первоначальной поверхности и линии. Согласование того и другого необходимо для напряженности так называемого рисунка, а разнообразие характера этого согласования — достоинство линии. На большом пространстве линия той же толщины, того же цвета и так же сделанная имеет совершенно иное значение, чем на маленьком. Это можно назвать линейной фактурой. Ее необходимо учитывать. Но о фактуре вообще придется говорить дальше особо. Цвет, заполняющий ограниченные линиями части пространства, имеет два основных свойства: он или содержится весь в этих границах (декоративность), или их переступает. Если цвет захватывает соседнюю, за линией, часть картины, то получается так называемая растекающаяся раскраска. Прием этот тоже по преимуществу декоративный (крашеные лубки, китайские и японские цветные рисунки). Этот прием имеет значение особенно в тех случаях, когда необходимо модулировать количество цвета в пропорции с его яркостью, что очень важно. Если цвет через некоторые промежутки повторяется в той же силе, то получается раскраска про-

текающая — прием главным образом чисто живописный. Я упоминаю все эти общеизвестные определения для дальнейшего. Цвет в картине всегда вызывается другим цветом как по силе, так и по количеству. Все остальные свойства цвета непосредственно связаны с фактурой, о которой сейчас придется говорить несколько подробнее. В книжке «Пощечина общественному вкусу», изданной в 1912 году в Москве, в статье Бурлюка «Живописный контрапункт» рассказывается очень много забавных вещей на тему о фактуре<sup>5</sup>. Как человек, следящий за современностью, автор статьи где-нибудь, очевидно, услышал слово «фактура» и поторопился его объяснить. Вышло хорошо: по его определению, фактура — нечто вроде устройства поверхности картины. Он приводит даже целый ряд классификаций такого географического термина. Курьезный этот случай с одним из главарей русских футуристов (так по крайней мере Бурлюка величает наша критика) я привожу исключительно, чтобы показать, насколько опасна безграмотность в мастерстве живописца. Не следует слишком прислушиваться к последним крикам западной моды.

Если всматриваться в то, как цвет расположен на картине, где его наращение, где понижение, где он корпусен, где прозрачен и т.д. — можно увидеть, что один и тот же цвет, заполняя цветное пространство, бесконечно варьируется. Иногда он легкий, иногда тяжел, то плотен, то жидок — все это в строгой зависимости от роли этого цвета в картине: какое из свойств реального предмета должен он внести в холст — жесткость, хрупкость, мягкость и т.д.; все эти знания о предмете передаются фактурой цвета в сочетании с фактурой линии в полной мере. Фактура, кроме того, может передать даже фабулу, даже отвлеченную задачу своим бесконечным разнообразием. В термине «фактура», таким образом, заключается понятие о тоне как характере цвета, о тональности как характере вариации тона и т.д.

При органичности целого в холсте, построенной на законе контраста и симметрии, т.е. вводя в картину однородные различия и противоположные сходства, получается наиболее совершенная фактура, в которой должны быть учтены амплитуды наиболее резких моментов цвета. М.Ф. Ларионов удачно определяет фактуру как «тембр живописи»<sup>6</sup>. Манера наложения краски, то есть густо или жидко, мазком, втиранием или лессировкой, — здесь не играет роли. Примитивные знания техники говорят нам, что писать жидко и одинаково по всему холсту самое лучшее в смысле сбережения интенсивности цвета и прочности всей работы. С легкой руки Бурлюка у нас так смешались понятия фактуры и

манеры, что за «устройством поверхности картины» забыли о технике, требующей очень большого к себе внимания. Тем, кто хочет познакомиться на практике с поразительной живописной фактурой, можно посоветовать внимательно посмотреть русские иконы на досках (особенно новгородского письма) — трудно где-нибудь встретить большее мастерство.

Их этих трех элементов живописи складывается форма, из их расположения в картинной плоскости — композиция. Главное значение композиции — в равновесии всех этих частей; нужно учитывать все влияния, например, линии на цвет и т.д., и только полное согласование их может дать живописи ту действенность, которая ей свойственна, как искусству. Все факторы создания картины реальные и вот почему картина есть эквивалент действительных ощущений мира — я еще раз повторю это определение, как наиболее точное. Только в пределах такой конструкции держалась всегда и держится теперь живопись, в ней заключается ее жизненность: как для существования живого организма необходимы определенные условия, так для цельности картины нужна та напряженность мастерства, которая может соединить в одно живописные элементы.

В настоящее время все так называемые новаторы говорят о «сдвиге» как принципе, оправдывающем бесформенность их картин<sup>7</sup>. Первоисточником пользования этим «сдвигом» всегда называется Сезанн, этот гениальный мастер из Aix, который уже во всяком случае заслуживает лучшей участи, чем стать родоначальником современных (особенно русских) футуристов. В конце концов, что же такое этот «сдвиг»? Когда смотришь картины Сезанна в их целом, то поражаешься их изумительной конструктивности. Нужно было действительно обладать колоссальным знанием искусства (быть может, интуитивным — это безразлично), чтобы в эпоху торжества импрессионизма, упразднения синтеза и победы первичного впечатления создать такие классические формы. Холсты Сезанна так насыщены равновесием живописных элементов, так тонко понята предметность как объект композиции, что его картины всегда будут школой живописцев. Для большей точности своей конструкции, в которой он приближается к древним мастерам расцветных времен живописи, он умело приводит сочетания предметов не только в краске (рефлекс давно известный), но и в форме — рефлекс, утерянный искусством академий, салонов и импрессионистов. Только академист, подходящий в картине к тому, что на ней изображено, со своим запасом анатомических и перспективных познаний, может найти у Сезанна какой-то «сдвиг» формы и т.д. С такой точки зрения,

действительно, у него лица сделаны «неправильно», перспектива сдвинута к холсту, но ведь это абсолютно неважно. Конструкция его картины как органического целого безукоризненна — больше от живописца требовать нечего. Последователи Сезанна очень запнулись об этот его «сдвиг». Я не говорю, конечно, о такого рода его последователях, как Эмиль Бернар (автор воспоминаний о Сезанне, книжки более чем ненужной) и т.д., — ими я считаю школу кубистов. Из нее нужно выделить Пикассо — это мастер, который, конечно, будет классиком (слово это в нашей художественной литературе звучит всегда как-то двусмысленно, но я под ним понимаю вполне определенную ценность). У остальных своих последователей кубизм проявился только как известная трактовка реальной формы и даже не дошел до ее синтеза. Метцанже — это типичный академист<sup>8</sup>: его пропорции, его рисунок (несмотря на плоскостную разбивку) — все анатомично, перспективно и вполне соответствует работе хорошего, «грамотного» академика живописи. Иная несколько система расположения отдельных частей, но это не касается построения, да не так усердно преследуется иллюзионизм — разницы, однако, очень мало по существу. Глаз — натуралист, склонный к некоторым обобщениям, но не выходя из пределов внешнего впечатления, как в пропорции, так и в манере письма. В его картинах попытки плоскостного и даже геометрического построения кажутся ненужными, настолько они случайны. Брак, романтик по характеру, благодаря близости к Пикассо, наиболее синтетичен из этой группы. Трудно говорить определенно о Леже, Ле-Фоконье, Пикабия, Дюшане и др., так как эти художники все время меняют в корне свои приемы. Наиболее яркий из них Леже все же не свободен от влияния импрессионизма, закваска которого обнаруживается в разной степени у каждого из названных живописцев.

Из разбора произведений кубистов никак нельзя вывести утверждения, что кубизм — новая живописная концепция: как видим, там есть самые разнообразные исходные точки. Поверхностному наблюдателю, вроде наших русских Бурлюков, плоскостная трактовка кажется каким-то большим переломом в живописи: заявление даже, что «кубизм — плоскостное восприятие мира» и т.д., все это ничего не значащие дилетантские фразы. Единственное завоевание кубистов — устранение воздушной перспективы иллюзионизма и попытка выявить третье измерение примитивным делением холста — этой заслугой они обязаны Сезанну и Пикассо. В общем, это только манера, хорошая, полезная, слов нет, но лишь манера. Кубистам в дальнейшем развитии пришлось столкнуться с возникшим в Италии течением футу-

ризма<sup>9</sup>. Теоретические положения футуризма, претендующие на целое мирозерцание и охватывающие собою не только искусство, но и другие жизненные выявления, за последнее время стали общеизвестны. Я не буду о них распространяться, приведу только главные положения, выставленные их манифестом живописцев (каталог первой выставки в Париже). Все их положения не касаются живописи как таковой, а главным образом ее сюжета. Так, отвергается писание «пи», рекомендуется воспевать город, движение, зритель предполагается в центре картины, так что писать возможно с нескольких точек зрения, допускается на холсте нанесение ряда моментов, прозрачность предметов и т.д. — все, как видим, относится к тому, «что», а не «как». Между тем, если действительно хотят внести в живопись новую концепцию, то прежде всего, переводя язык живописи на язык слов, придется встретиться с этим «как». Как сочетать предлагаемые темы с неизбежными живописными законами, как ввести по-новому их в холст, какие могут быть для этого новые средства? Вот на эти вопросы те, кто хочет сжигать музеи, кто утверждает искусство живописи с 20-го века, — никогда не смогут ответить. Средства живописи всегда одни и те же, и не может никакая отвлеченная теория их изменить. Они переменятся разве только, если будут изобретены совершенно новые материалы. В Японии на улицах в несколько минут из цветного песка по заказу составляются различные изображения настоящими мастерами, теперь делаются попытки перенести живопись на экран, реализовать движение цветных плоскостей кинематографическим способом, но все это не может изменить основных свойств живописи и достигнутых преимущественностью аксиом. Футуристы не дали опять-таки новой концепции в живописи и доказали только то, что это концепция единственная, неизменяемая, — всегда была, есть и будет, что организм живописный жизнен только при определенных условиях и все попытки его сделать иначе бесполезны. Итак, те футуристы, о которых я все время говорю, — прямые наследники неоимпрессионистов (Синьяк). Их стремление обозначить момент движения разделением формы совершенно аналогично задаче последних добиться цветового толкования света дивизионизмом красок. Как те, так и другие не считаются с целым, и композиция отставляется на задний план. Боччиони, трактующий разделенную реальную форму, в живописном ее преломлении сходится с Босхом (Нидерланды, XV в.), а в картине «Le Rire» это подправлено соусом ренуаровского импрессионизма. Комбинация искусственная и свидетельствующая о неумении сочетать фабулу с формой. Северини в прежних работах (*La Danseuse, La Confection*)

близок к пуантилистам по манере. Позднейшие работы Северини (я сужу по репродукциям), благодаря его соприкосновению с французами, дали уже гораздо лучшие синтетические построения. Французские участники первой выставки футуристов (Балла, Руссо и т.д.) заимствовали свои формы даже у Ходлера и английских графиков. Они слишком много места уделили теории, предва-рившей их мастерство, и поэтому были вынуждены соединиться с кубистами, у которых все же имелась несравненно больше раз-работанная форма. Выдвинутые манифестом футуристов тезисы имеют все-таки большое значение. Главный из них — это движе-ние. Они облекли движение в разделение реальной формы и огра-ничились этим. Однако эта тема в живописи может быть выра-жена гораздо богаче и полнее через соответственное разделение картинной плоскости. Фраза футуристов: «Бегущая лошадь имеет не четыре ноги, а двадцать», — достаточно выясняет их отноше-ние к мастерству — ведь для мастера она ровно ничего не значит. При умении понимать значение линий, их игру между собой и ограниченным ими пространством возможно сделать такую их комбинацию, которая выразит движение, тяжесть и т.д., — мож-но создать так называемый «стиль движения», к чему, в сущности, и сводится наиболее серьезное значение футуристического выступ-ления в живописи.

В задачу этой статьи не входит подробный разбор всех живо-писных проявлений настоящего времени, поэтому я ограничива-юсь лишь главнейшими моментами художественной жизни. Те-перь она идет таким повышенным темпом, что все время на по-верхность выносятся новые и новые задачи, направления, теории и т.д. Эти течения очень еще не разработаны, не создали соб-ственных живописных форм и питаются пока тем, что завоевано кубизмом и футуризмом. Во всяком случае, следует отметить их академический характер. Я делаю оговорку: академической я называю такую живопись, в которой расходятся фабула и форма, где нет их непосредственного взаимодействия и, следовательно, органической конструкции. В этом смысле, большинство совре-менных западных живописцев не отрешилось от академизма, за блестящим исключением Сезанна и Пикассо. Нашумевший Ма-тисс<sup>10</sup> — академист, даже не прикрывающийся ничем, кроме яр-ких и пустых красок, но они же и выдают его с головой. После Гогена и Сезанна западные синтетики обратились к изучению искусства «примитивов», догадались наконец, что только там можно найти утраченные знания формы, потеря которой так силь-но чувствуется при всякой попытке синтеза. Воспитанные на образцах живописи Лувра и Ватикана и не имеющие под рукой

более нужного материала в достаточном количестве, как горожане, они, конечно, удовлетворились быстрее, чем следовало бы. Правда, их мастерство и техника почти искупают недостатки основной концепции, но все же знание формы у них мирится с целым рядом неизбежных компромиссов.

Необходимо указать еще одного большого мастера, который стоит совершенно особняком, не причастен ни к каким теориям и направлениям, но безукоризненно интересен непосредственностью выявления своих тем в исключительной, ему одному свойственной форме — это Анри Руссо, живописец единственный по своей своеобразности и законченности — вот почему, может быть, он остался в стороне и не создал школы, как другие.

Русская живопись занимает особое место по богатству имеющегося в распоряжении материала. Ее история, еще никем не составленная (нельзя считать с тем, что пишется по этому поводу нашими историками искусства), могла бы составить целое художественное событие. В пределах этой статьи, конечно, невозможна такая задача. Я укажу только несколько главных моментов расцвета русской национальной живописи и ту связь ее с искусством Востока, которая красной нитью проходит [через] всю ее историю. Не касаясь искусства древнейшего времени (каменные бабы и т.д.), начну сразу с иконописи. Первоначальная иконопись Киевского периода под влиянием мастеров византийских обособляется, делается самостоятельной, одновременно с упадком византийского стиля. Русские мастера впитали в свое искусство свойственные грекам достоинства построения, но их творчество не было только подражательным. Школа Новгородского письма исключительно своеобразна, несмотря на ее каноничность, происходящую из греческих подлинников. Существуют попытки объяснить эту эмансипацию Новгородской иконописи влиянием западных примитивов, благодаря сношениям новгородцев с ганзейцами. Но тут есть две ошибки: одна хронологическая, другая, более существенная, — стилистическая. Если уже было возможно участие Запада в живописи новгородского искусства, то почему непременно влияние должно было исходить с Запада, а не наоборот? По достоинству новгородские иконы несравненно выше соответствующих им по времени образцов искусства западного. Исключительная законченность конструкции этих икон не может быть названа случайным соприкосновением с чужой культурой Запада, где даже не было достойных подражания образцов. Что некоторые технические работы в Новгороде были выполнены немцами (чехами) — еще не означает их влияния на художественную сторону этих работ. Наоборот, корсунские, солунские



формы — вот к чему по своему содержанию ближе всего новгородский стиль. Те же различия по внешности с византийцами, которые вызвали предположения о иных влияниях, объясняются просто развитием стиля, пересаженного на иную почву. Русские мастера работали в других условиях, чем греки, поэтому и внешняя форма их произведений, носящая на себе влияние этих условий, разнится от своего первоисточника, но преемственность в построении здесь несомненна, а это самое важное. Новгородская икона — наиболее совершенная из всех, следом за ней идет школа Московская, в лице Рублева достигшая своего апогея. Не буду перечислять всех школ живописи — это задача историка — можно только сказать, что все другие школы пользовались материалом этих двух и более или менее удачно с ним справлялись. Западные влияния проникают в иконопись позже, особенно со времени Симона Ушакова (17 в.), и тут начинается ее упадок. Появляется манерность, излишние нагромождения деталей, свойственные всегда упадочным формам, даже делаются какие-то компромиссы между каноном иконописи старой и псевдорелигиозным, дошедшим с Запада. Вскоре после этого иконопись как искусство теряет всякое свое значение, остается лишь у старообрядцев, потребности которых обслуживает несколько небольших, верных традициям школ. Там главным образом повторяются старые формы чисто ремесленным способом; такие школы существуют и до сих пор, но имеют значение разве как наследство былого мастерства.

С внесением в Россию официального западничества, при Петре Великом, национальному искусству был нанесен решительный удар. Оно было насильственно принуждено сдать прежние позиции и если не погибло окончательно, то только потому, что искусство как таковое никогда погибнуть не может. Одновременно с развитием так называемого «государственного искусства», живописи «высокого стиля» и началом академизма, впоследствии оформленного окончательно, замечается развитие лубка — искусства народного, непосредственного и, следовательно, идущего от традиций прежнего «большого искусства». Это было неизбежно и формы лубочной живописи очень определенно говорят за свою преемственность. Но ниже можно видеть очень ясно выраженное влияние Востока — персов, турок и т.д., так как на примитивах это влияние выражено откровеннее, чем на законченном искусстве. Желających убедиться в этом можно отослать хотя бы к собранию лубков Ровинского и к любой книжке персидских народных сказок. Официальное академическое искусство не считалось совершенно с тем, что делалось в этой области, оно прежде всего следило за Западом, за тамошним вкусом и старалось на-

саждать его в России самым бесцеремонным образом. Эта традиция сохранилась у нас до сих пор — даже наши «новаторы» (передвижники, «Мир искусства») не обходились никогда без западной санкции. В этом трагедия единственного крупного живописца, выдвинутого академией, но и погубленного ей же — Ал. Иванова<sup>11</sup>. Это единственная крупная величина на горизонте русской живописи XVIII и XIX вв. Все остальное, даже хорошее (а его было немало), слишком нивелировано академической меркой. Историк искусства этого периода не приходится вовсе считаться с академией — ведь самая причина создания академии в полном упадке жизненности искусства (первая академия в Болонье основана исключительно благодаря этому). Нужно разыскивать то ценное, что создано подлинными художниками за это время, нужно изучать лубки, вывески, вышивки, разные изделия русского искусства во всей его самостоятельности и со всеми признаками его преемственности. Обратившись к современному изучению этого материала, можно открыть заключенные в нем неисчерпаемые возможности дальнейшего художественного развития. Говоря о серьезном изучении, я, конечно, не имею в виду той поверхностности, которая вызвала стасовских «петушков» и «полотенца» и на которой до сих пор держится так называемый русский стиль старого порядка, «петушковый», или модернизированный — рериховский, васнецовский, билибинский, врубелевский и т.д.<sup>12</sup> Разницы тут нет никакой. Подобный подход к делу исключает всякую возможность продуктивной работы в этом направлении. Нужен тот разбор, о котором я говорю все время и который невозможен для дилетантов.

К освобождению от дилетантства, к изучению мастерства как такового в самом полном объеме и призывает живописцев «всечество».

Современная русская живопись находится в самом неопределенном положении. Говорить об академизме, передвижничестве и т.д., конечно, не стоит: тем, кому еще не ясна мертворожденность этих учреждений, очевидно, очень мало дела до искусства. К этим же двум покойникам можно отнести и псевдоноваторов из «Мира искусства» — этого очага беспомощного декадентства, который держится до сих пор только соками усиленно привлекаемых новых «сил» из молодежи. Об идеологии этой группы лучше всего можно судить по «художественным письмам» ее присяжного критика и идеолога г-на Бенуа<sup>13</sup>. Предоставим полемизировать с ним г-ну Бурлюку — составителю достойная друг друга пара, которой, в сущности, давно пора действовать сообща с разных флангов. Разбирать деятельность группы «Мир искусств-

ва» — значит констатировать многообразие проявления дилетантства — занятие очень скучное и совершенно бесполезное. Поэтому я предпочитаю перейти к так называемому «новому русскому искусству». Одно уж это название «новое», на котором усиленно настаивают представители «Бубнового валета» и «Союза молодежи», подрывает к ним всякое доверие в смысле мастерства. «Бубновый валет» как нечто самостоятельное совершенно не существует<sup>14</sup>, несмотря на обилие и размеры выставляемых ежегодно Машковым, Кончаловским и т.д. полотен. Раскрашенный академизм этих двух живописцев оправдывается разве лишь каким-нибудь дефектом художественного чувства; их экскурсии в область построения совершенно бессильны; несмотря на «убежденность» линий и красок, все это не идет дальше плохого академического этюда. Лентулов, принявшийся за последнее время раскрашивать Леже, — зрелище тоже плачевное. Существует «Бубновый валет» исключительно участием французов — единственным грамотным элементом в его среде, если не считать их добросовестной ученицы Экстер<sup>15</sup>. Шагнуть дальше эпигонства не хватает ни у кого из участников этих выставок ни смелости, ни данных.

Что можно сказать об объявившем себя футуристическим «Союзе молодежи»? Разве только попросить объяснений, на каком основании они рискнули так называться. Впрочем, и спрашивать бесполезно, их картины ясно говорят о том, что в ответе на подобный вопрос будет все что угодно, кроме смысла. Это же подтверждается и статьями их сборников. Тут уже не эпигонство, а просто паразитство какое-то: каждое новое слово, особенно западной моды, вызывает в «Союзе молодежи» немедленный рефлекс значительно раньше, чем смысл этого нового достигает сознания «Союзников». Этим живописцам, конечно, всего выгоднее кричать о новой живописи, чтобы замаскировать полное отсутствие мастерства. Они это и делают в лице Бурлюка и т.п. К сожалению, в Петербурге с этой «новой живописью» принято считаться, как с каким-то направлением; вот почему, может быть, создалось огульное отрицательное отношение ко всем усилиям упразднить живописную косность.

Футуристической живописи в России не было пока вовсе, кроме нескольких опытов Гончаровой и Ларионова, но и те выразились в совершенно своеобразной форме, вообще присущей их мастерству. Творчество этих двух художников достаточно известно, его мотивы выяснены в их специальной монографии и спорить о значении этого творчества не приходится.

Постоянное искание новых живописных форм в пределах преемственности построения и стиля, указанных знанием, постоян-

ная борьба с каждым проявлением косности или внешней подражательности — вот на чем объединилась с этими мастерами группа солидарных по взглядам художников.

Этапы деятельности этой группы — выставка «Ослиный хвост», где впервые выяснилась обособленность задач ее участников от всего другого, что преподносилось обыкновенно под названием «новой живописи». Я помню, как писавшие об этой выставке газетные рецензенты удивлялись несоответств[ию], будто бы, боевого названия с экспонатами. Понятно, содержание этих экспонатов было им не по плечу. Второй этап — выставка «Мишень», где Ларионов впервые выступил с новым живописным приемом «лучизмом». Прием этот очень своеобразен, основан чисто живописными законами и находится в полном соответствии с требованиями мастерства. Главное достоинство лучизма в освобождении живописной формы от обычной трактовки предметности в пользу наибольшего развития линейной цветовой фактуры. Пользование этим приемом, независимо от основной задачи, требует особого технического мастерства, потому пока, насколько мне известно, он представлен только полотнами Ларионова и Гончаровой и, пожалуй, не под силу поверхностным подражателям.

Последним этапом была выставка Гончаровой в сентябре 1913 г. в Москве<sup>16</sup>, на которой было объявлено всечество. Совместной деятельностью этой группы, к которой примкнули и неживописцы, в течение нескольких лет вырабатывались основные положения всечества. Постоянная враждебность его всяким направлениям, партийностям, организация, неизбежная борьба с возможностью застоя, процветающего в этих условиях, способствовали выработке наиболее широкого и полного понимания искусства как такового.

Общие положения всечества были формулированы в прочтенном на гончаровской выставке манифесте и докладе. Целью специально живописного их толкования является моя настоящая статья. Утверждение всечества не нуждается ни в каких усилиях с нашей стороны, оно может оспариваться только упорными дилетантами, роль которых в искусстве не может быть значительной. «Мы не объявляем никому борьбы, ибо где же найти противника», — так было сказано еще в манифесте «Мишени»<sup>17</sup>.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Александр Николаевич Бенуа (1870-1960), живописец, театральный художник и критик, публиковал в 1912-1917 в Москве (Кнебель) свою *ИСТОРИЮ ЖИВОПИСИ ВСЕХ ВРЕМЕН И НАРОДОВ*. Вышло двадцать два выпуска, но работа так и не была закончена. Бенуа был человеком консервативным в отношении вкуса, хотя иногда и блестящим оформителем (его декорации и костюмы к парижской постановке *ПЕТРУШКИ* Дягилева в 1911), он с трудом принимал первые проявления «новой» живописи и часто осуждал искания авангардистов. Упомянутый в тексте Ледантю Давид Давидович Бурлюк (1882-1967) составил даже ироническую подборку из высказываний Бенуа, используя их в полемике с ним и И.Е. Репиним: *ГАЛДЯЩИЕ «БЕНУА» И НОВОЕ РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ИСКУССТВО* (СПб, Шмидт, 1913).

<sup>2</sup> Ледантю имеет в виду художника-символиста Михаила Александровича Врубеля (1856-1910).

<sup>3</sup> «Мир искусства» — петербургское объединение художников, поэтов и эстетов, основанное в конце 90-х годов Бенуа, Дягилевым, Константином Сомовым и др. «Мир искусства» проводил выставки (1899-1906) и публиковал журнал (1898-1904), в котором популяризировались символизм, идея *fin de siècle* и делались сознательные попытки вывести современное русское искусство на передовой европейский уровень. Многие идеи и темы «Мира искусства» (ретроспективизм, внимание к декоративному искусству и т.п.) легли в основу спектаклей дягилевского «Русского балета» (1909-1929).

<sup>4</sup> Братья Васнецовы: Аполлинарий Михайлович (1856-1933) и Виктор Михайлович (1848-1926); Михаил Васильевич Нестеров (1862-1942) и Врубель в большей или меньшей степени стремились к возрождению традиций русского религиозного искусства, особенно икон и фресок, и работали во многих соборах Москвы, Петербурга и Киева. В.Васнецов, например, работал с 1885 (а Врубель — с 1887) над фресками Владимирского собора в Киеве; Нестеров создал в 1910-1911 фреску «Благовещение» для Марфино-Мариинской общины в Москве, а Врубель работал над фресками для Кирилловского собора в Киеве в 1884-1888. Эти были большей частью официальные заказы, финансируемые и проводимые под наблюдением Академии художеств и Императорской археологической комиссии.

<sup>5</sup> Сборник *ПОЩЕЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ*, изданный в 1912 в Москве (Кузьминин), содержал известный одноименный манифест за подписью Д.Бурлюка, Велимира Хлебникова, Алексея Крученых и Владимира Маяковского. В сборник также вошли два значительных эссе Д.Бурлюка: *КУБИЗМ* (с.95-101) и *ФАКТУРА* (с.102-110). Среди опубликованных вещей Бурлюка нет статьи под названием *ЖИВОПИСНЫЙ КОНТРАПУНКТ* — Ледантю, вероятно, имел в виду *ФАКТУРУ*,

поскольку Бурлюк пользуется в ней этим термином. Слово «фактура» в это время было одним из ключевых в манифестах авангардистов. (См., напр., брошюру Владимира Маркова (Вальдемар Матвейс) *ПРИНЦИПЫ ТВОРЧЕСТВА В ПЛАСТИЧЕСКИХ ИСКУССТВАХ. ФАКТУРА*. СПб., «Союз молодежи», 1914.

<sup>6</sup> Ледантю имеет в виду напечатанное в 1913 в сб. *ОСЛИНЫЙ ХВОСТ И МИШЕНЬ* (М., Мюнстер, с.83-124) эссе Ларионова *ЛУЧИСТАЯ ЖИВОПИСЬ*, которое до этого в том же году вышло отдельной брошюрой. В этом эссе Ларионов говорит о тембре как «состоянии покрашенной плоскости». Больше того, в манифесте *ЛУЧИСТЫ И БУДУЩИКИ* (ibid.; с.9-48), подписанном также Морицем Фабри, Гончаровой, Левкиевским, Владимиром Оболенским, Романовым, братьями Зданевичами и Ледантю, Ларионов утверждает, что лучизм создаст «истинное обособление живописи и жизнь ее только по своим законам».

<sup>7</sup> Русские кубофутуристы часто обращались к концепции сдвига, пользуясь ею в поэзии и живописи. Под сдвигом, грубо говоря, подразумевался перенос объекта из привычного контекста в неожиданный или нелогичный, например, деревянная ложка на «заумной» картине Малевича «Англичанин в Москве» (1913. Музей Стедельик, Амстердам). Поэт Крученых написал даже трактат об использовании и функции сдвига в русской поэзии — *СДВИГОЛОГИЯ*. М., МАФ, 1923.

<sup>8</sup> Ледантю имеет в виду не только картины Жана Метцанже и Альберта Глеза (известные в Москве по нескольким выставкам, как «Салон "Золотого руна"» (М., 1908), но и их книгу *DU CUBISME* (1912), которая также была хорошо известна в России (см.: М.Матюшин. *О КНИГЕ МЕТЦАНЖЕ-ГЛЕЗА «DU CUBISME»*. — «Союз молодежи», СПб, 1913, №3, с.25-34). Метцанже, Глез, Лефоконье и Фернан Леже крайне почитались более «академическим» крылом «Бубнового валета», которое и было отвергнуто в 1911 Ларионовым ради образования группы «Ослиный хвост». См., напр.: И.Аксенов *К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ*. — В кн. *БУБНОВЫЙ ВАЛЕТ*. М., 1913, с.3-36.

<sup>9</sup> Отношение русского авангарда к итальянскому футуризму было по меньшей мере неоднозначным. Идеи и деятельность итальянцев были хорошо известны в России, например, из таких переводов итальянских манифестов, как *МАНИФЕСТЫ ИТАЛЬЯНСКОГО ФУТУРИЗМА* Вадима Шершеневича (М., «Русское товарищество», 1914). Неудивительно, что Бурлюки, Ларионов, Малевич и др. поносили Маринетти и его коллег последними словами, хотя вели себя и общались друг с другом примерно таким же образом. Поэт Бенедикт Лившиц уделил в своих мемуарах особое внимание тому, что он считал основным различием между итальянским и русским футуризмом. См. его кн. *ПОЛУТОРАГЛАЗЫЙ СТРЕЛЕЦ*. Л., Изд. писателей, 1933 (особенно седьмая глава).

<sup>10</sup> Анри Матисс был широко представлен в московских коллекциях Ивана Морозова и Сергея Шукина и незадолго до того, поздней осенью 1911, сам побывал в Петербурге и Москве. См.: Yu. Rusakov. *MATISSE IN RUSSIA IN THE AUTUMN OF 1911*. — В журн. «The Burlington Magazine», London, 1975, May, p.284-291.

<sup>11</sup> Ледантю говорит о художнике Александре Андреевиче Иванове (1806-1858), большая часть творческой деятельности которого прошла в Италии — он был стипендиатом Санкт-Петербургской Академии художеств. Известность ему принесли картина «Явление Христа народу» (1837-1857, Третьяковская галерея, Москва) и библейские эскизы.

<sup>12</sup> Николай Васильевич Рерих (1874-1947); Иван Яковлевич Билибин (1872-1942). Рериха и Билибина, так же как братьев Васнецовых и Врубеля, особенно привлекали искусство и ремесла Древней Руси. И тот и другой были членами «Мира искусства».

<sup>13</sup> «Художественными письмами» назывались регулярно публиковавшиеся в 1908-1917 в газете «Речь» критические статьи Бенуа.

<sup>14</sup> В 1910 Ларионов основал объединение «Бубновый валет», а в декабре 1910 — январе 1911 организовал его первую выставку. В создании объединения принимали участие также Гончарова, Петр Петрович Кончаловский (1876-1956), Аристарх Васильевич Лентулов (1882-1943) и Илья Иванович Машков (1881-1944). Члены объединения испытывали большой интерес к таким жанрам русского народного искусства, как лубок и вывески.

<sup>15</sup> Александра Александровна Экстер (1884-1949) также была членом «Бубнового валета». Аксенов был очень высокого мнения о ее работах. См. сноску 8.

<sup>16</sup> В августе-октябре 1913 Гончарова организовала в Москве грандиозную выставку своих работ: 768 картин художницы охватывали период с 1900 по 1913. В начале 1914 ее выставка меньшего масштаба открылась в Петербурге. Ни в том ни в другом каталоге всечество не упоминается, хотя можно естественно предположить, что сам Ледантю поделился с присутствовавшими на московской встрече своими взглядами устно или письменно.

<sup>17</sup> Ледантю цитирует манифест *ЛУЧИСТЫ И БУДУЩНИКИ*, см. сноску 6.

**ИЗ ИСТОРИИ  
ЛИТЕРАТУРНОЙ  
ЖИЗНИ**





## НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО

Публикация В.Аллоя

Публикуемое ниже письмо к Зинаиде Николаевне Гиппиус принадлежит самому бурному периоду в жизни Андрея Белого, — времени его лихорадочной журнальной и газетной деятельности, завершения любовной драмы, сведения литературных и личных счетов и, в конце концов, разрыва давних дружеских связей и полной смены духовных ориентиров. Оценивая впоследствии свой жизненный путь начала века, Белый выделял в нем два семилетия: первое — с 1901 по 1908 — путь к проблемам Владимира Соловьева, к развитию и обоснованию символизма, и второе — с 1909 по 1916 — путь *от* символизма к символике тайного знания.

На первое семилетие приходится и дружба Белого с З.Н. Гиппиус. Началась она в 1902 г. письмом Д.С. Мережковскому от «студента-естественника»<sup>1</sup>, где молодой соловьевец выражал автору «Толстого и Достоевского» свой восторг перед книгой и излагал свое *credo*. Завершилась в 1908 — тоже письмом к Мережковскому, где Белый признавал крах утопии «идейно-религиозной коммуны» и «стабилизацию "нового" сознания в догматизм секты»<sup>2</sup>.

Вслед за тем для Белого начинается «окультиный» период его жизни: встреча с А.Р. Минцловой, харитоновские антропософские вечера, (уживавшиеся с участием в Московском РФО и «Мусагете»), позднее — лекции Р.Штейнера, Дорнах, строительство Гетеанума... Эта область всегда оставалась для Мережковских закрытой. Тем более не могли совпасть их пути и в дальнейшем, когда, возвратившись в Россию, Белый в 1917 г. становится одним из идеологов «Скифов» — направления, глубоко чуждого Мережковским, воспринятого ими как полный отказ от культуры во имя хаоса. Последняя встреча произошла в марте 1917 на квартире Мережковских в доме Мурузи и, судя по воспоминаниям З.Н. Гиппиус, была весьма отчужденной.

<sup>1</sup> Статья Белого о *ТОЛСТОМ И ДОСТОЕВСКОМ* появилась в №1 «Нового пути» за 1903 г.

<sup>2</sup> Андрей Белый. *ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ...* Ardis, Ann Arbor, 1982, с.49-50.

В начале века все складывалось по-иному. Гиппиус вспоминает, что письмо «юного Бори Бугаева» произвело сильное впечатление на Мережковского, а В.В. Розанов назвал его гениальным. В феврале 1902 г. Мережковские приезжают в Москву, личная встреча выявляет духовную близость, которая вскоре перерастает в интимную дружбу, а Мережковский и Гиппиус становятся конфидентами Белого и наставниками его душевной жизни. Приезжая в Петербург, он останавливается в доме Мурузи, возвращаясь в Москву, — нетерпеливо ждет писем Гиппиус с рассуждениями о новой соборности, об интимной религиозной общине, о Церкви Св. Духа, в которой раскроется тайна плоти. В это время Мережковские усиленно разрабатывали мысль о «тройственном устройстве мира», вылившуюся у них в идею Третьего Завета, или Третьего Царства — Царства Духа. На более конкретном уровне это оборачивалось созданием небольшой религиозной общины, над которой господствовала триада Мережковский-Гиппиус-Философов. Скептический Николай Бердяев, который в эти годы также был очень близок с Мережковскими, отмечал, что они «всегда имели тенденции к образованию своей маленькой церкви и с трудом могли примириться с тем, что тот, на кого они возлагали надежды в этом смысле, отошел от них и критиковал их идеи в литературе»<sup>3</sup>. В отличие от Н.А. Бердяева, Белый принял идею общины, был допущен в нее и оставался вплоть до 1908 года, хотя и чувствовал, что «в ней жила лишь ТРИАДА /.../; я же по счету принятия седьмой член (Карташев, две сестры Гиппиус суть четвертый, пятый и шестой члены); нам в триаде нет места: ТРИАДА доминирует над телом общины; и оттого наше творчество внутри ее связано»<sup>4</sup>.

При такой близости вполне естественно, что З.Н. и Т.Н. Гиппиус стали конфидентами Белого в его мучительных отношениях с Блоками. (Т.Н. Гиппиус даже уверяла его в возможности рождения новой «триады»: А.А.Блок-Белый-Л.Д.Блок). Зимой 1905-06 гг. Белый постоянно приезжает в Петербург. Его неудачный роман с Любовью Дмитриевной принимает все более драматические формы, при этом исповедальной служит квартира в доме Мурузи. С отъездом Мережковских из России общение продолжается в интенсивной переписке, а осенью 1906 г. Белый появляется в Париже, останавливается в двух шагах от квартиры Мережковских и большую часть времени проводит в их салоне.

Кроме проблем духовных и личных, обсуждаются, конечно, и проблемы эстетические, тем более, что в это время символизм вступает в полосу кризиса, достигшего высшей точки в журнально-газетной полемике 1907 года. Дифференциация началась, собственно, еще в 1906 г., когда с закрытием «Вопросов жизни» Брюсовские «Весы» на некоторое время (период становления «Золотого руна») сделали наиболее авторитетным символистским журналом. Попытки создания в Москве и Петербурге новых органов печати сделали раскол очевидным. Но в латентном виде он присутствовал уже в последние полгода существования «Вопросов жиз-

<sup>3</sup> Николай Бердяев. *САМОПОЗНАНИЕ. (Опыт философской автобиографии)*. Париж, YMCA-Press, 1949, с.152.

<sup>4</sup> Андрей Белый. *ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ...*, с.50.

ни», когда открыто выявились расхождения Чулкова и Мережковских. Именно в 1905 г. появилась впервые декларация Чулкова «О мистическом анархизме», оттолкнувшая Мережковских, но нашедшая сочувствие у Вяч. Иванова, который в «Кризисе индивидуализма» призывал к переходу «от уединения к соборности». Однако Чулков шел еще дальше — к социально-политическому деланию. Объясняя свою позицию 1906-07 гг., он писал:

Декадентство есть прежде всего своеволие, отъединение, самоутверждение, беззаконие. В мистическом анархизме эта тема бунта нашла свое предельное выражение. Это был внутренний мятеж самоопределяющейся личности /.../ личность дошла до предельного отрицания. Этим самым предопределялся кризис декадентства. Возникла неизбежная антиномия. И опыт и сознание требовали утверждения личности в общественности.<sup>5</sup>

Пафос разрушения, грядущего хаоса, гибели духовных и культурных ценностей отживающего мира и «самоожжения личности во имя мира и Родины» сближал Чулкова и поддержавшую его группу (Вяч. Иванов, А.Блок, С.Городецкий) — с Л.Андреевым, а через последнего и с другими писателями, группировавшимися вокруг Горького. Это, в свою очередь, вело к перестройке символистской эстетики: провозглашению «реалистического символизма» (Иванов), появлению народнических и национальных мотивов в творчестве Блока и Городецкого.

Для Мережковских, Философова, Белого, С.Соловьева, Эллиса, Брюсова — все это было неприемлемо. Радикализм «петербуржцев» и их культурный нигилизм сталкивались с апологией культурных традиций у «москвичей». Ориентация на «общественность» расценивалась ими как политическое доктринерство, как возврат к социальной беллетристике прошлого столетия, убившей искусство. И уж вовсе отталкивало восприятие «мистического анархизма» на массовом, обывательском уровне. Белый негодовал, вернувшись в Россию весной 1907 г.:

/.../ «неизреченность» вводилась в салон; а анархия становилась свержением штанов под девизами «нового» культа; этого Чулков не желал; но писал неумно; вот «плоды» — лесбийская повесть Зиновьевой-Аннибал и педерастические стихи Кузмина; они вместе с программной лирикой Вячеслава Иванова о «333» объятиях брались слишком просто в эротическом, плясовом, огарочном бреде; «оргазм» В.Иванова на языке желтой прессы понимался упрощенно: «свальным грехом», почтенный же оргиаст лишь хитренько помалкивал: «Понимайте, как знаете!»

/.../ «башня» Иванова, в передаче сплетников, сходила в уличное хулиганство.<sup>6</sup>

<sup>5</sup> Георгий Чулков. ГОДЫ СТРАНСТВИЙ. Из книги воспоминаний. М., «Федерация», 1930, с.85-86.

<sup>6</sup> А.Белый. МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ. Изд. писателей в Ленинграде, 1934, с.197-198.

В качестве противоядия «Весы» выдвигали защиту культуры, жесткое следование классической эстетике символизма, ориентацию на западные модели и возврат к определенной элитарности искусства, которое не может проституировать себя на площади. Белый был еще радикальней:

В противовес левым заскокам символистов я требовал сужения задач до специальных исследований — в области морфологии, стиховеденья и лингвистики.<sup>7</sup>

Такая программа неизбежно вызвала ответную реакцию: «петербуржцы», обвиненные в литературном хулиганстве и нигилизме, клеймили своих противников — «субъективистами», «реакционерами», «охранителями», «мертвецами».

Полемика 1907 года, развернувшаяся уже на страницах трех символистских журналов («Весы», «Золотое руно», «Перевал») и нескольких газет, — была тем ожесточеннее, что во многих случаях подогревалась, а иногда и вовсе определялась личными обидами, соображениями тактики, борьбой за влияние на русское поэтическое Парнасе, персональными амбициями (см. Примечания).

К 1908 году спор постепенно теряет остроту, искусственность его становится все очевиднее самим участникам, а внутри каждого лагеря начинается развал. Еще летом-осенью 1907 г. Блок и Иванов публично отвергли и мистический анархизм, и соборный индивидуализм, и прочие «измы», за которые так недавно ломались копыя. Охладевают к полемике и «москвичи». С.Соловьев все откровеннее поворачивает к традиционному христианству, церкви, богословию. Издание «Весов» и война против всех начинают надоедать Брюсову. Его отношения с Белым портятся с каждым месяцем все сильнее.

Бой за чистоту символизма не приносит ни победы, ни удовлетворения и самому Белому — лишь горький осадок да синяки. Остается считать раны и подводить итоги. Отношения с Блоками порваны, растет раздражение против Брюсова, даже недавняя близость с Эллисом уходит в небытие. Впоследствии 1908 год Белый назовет «сплошной черной ямой». Летом в Россию возвращаются Мережковские, но и здесь все расклеилось. Былая дружба рассыпается на глазах, исчезает взаимопонимание, а «религиозная интимная община» представляется теперь лишь замкнутой мертвой сектой. В конце 1908 г. Белый окончательно уходит из «коммуны»...

♦♦

Письмо представляет собой 4 густо исписанных страницы большого формата (22 × 35,5 см) со множеством дополнений и вставок. Печатается по новой орфографии, пунктуация оригинала сохранена. Подчеркнутые слова выделены курсивом. Оригинал текста хранится в частном парижском архиве А.Я. Полонского. Публикуется с любезного разрешения владельца.

<sup>7</sup> А.Белый. *МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ*, с.217.

Дорогая, милая, милая Зина,

до какой степени я обрадовался, получив сейчас Ваше письмо. Лежал усталый, разбитый (внешне разбитый), и вдруг подали письмо. Радостно забилося сердце, что есть милые, близкие, настоящие. Непременно выкарабкаюсь в Париж этой зимой. Думаю, это возможно двумя комбинациями. Если я прочно водворюсь в газете, я поеду в виде корреспондента из «Парижа». Я тут только что прочно водворился было в газете «Накануне» (бывший «Новый Путь»). Написал фельетон о Жоресе; они пришли в восторг и тут же напечатали. Написал продолжение фельетона; им еще более понравилось; просили работать много и писать часто, да газету извели штрафы; она погибла. Предлагали писать в «Столичном утре», но это — газета весьма низкого сорта; предлагали в «Голосе Москвы»; но это — октябристы. Теперь остаются две комбинации. С сентября выйдет газета «Солнце» (левых кадетов); там предлагают писать о чем угодно и что угодно. Кроме того: быть может, Соколов будет редактировать газету (еще не выяснено); он обещал заработок на 150 рублей в месяц. Жду. Это одна из моих надежд (увы, горьких: ибо разве приятно быть прикованным к газете?).

Другая моя комбинация заключается в том, что я постараюсь продать кусок земли на Кавказе (у берега моря); Соколов обещал содействовать. А то теперь, когда выяснилось, что больше жить с мамой не могу, а что заработок в месяц могу иметь не более 25-30 рублей, приходится прямо чуть ли не голодать. Знаете ли — теперь, когда мама была на водах, и я жил с конца июня в Москве, мне приходилось по 5-ти дней сидеть без обеда. А все это не способствует уравновешенности. Вопрос о продаже земли на Кавказе вероятно затянется, и если я получу возможность жить на вырученные деньги и знать, что голодать я не буду, я всецело уйду в работу (масса литературных планов); а то теперь все как-то нервно, скучно, тягостно, унижительно. Тогда я сейчас же перееду к Вам за границу.

А пока придется жить в Москве<sup>1</sup>.

Вы спрашиваете про Любу. Зина, к Любе у меня отношение серьезное, как жизнь и смерть, но больше я не в состоянии ее оправдывать, не в состоянии никак искать к ней путей. Пусть сама ищет. И я еще не знаю, прощу ли ее. Я послал ей последнее письмо ласковое; получил в ответ «слепое» письмо с обвинением меня во лжи и с требованием изменить отношение к Саше. В ответ

на это я дал ей формулу отношения моего к Саше (идиот, негодяй или ребенок: последнее мало вероятно; следовательно?). На том все и оборвалось. После же статьи его о «реалистах» в «Золотом Руне» (статья, которую он читал предварительно Л. Андрееву и за которую его наградили вступлением в «Знание») я ему написал, что освобождаю его от допроса, которому хотел его подвергнуть, ибо рассматриваю его статью, как «*Прошение*», и стало быть *все мне ясно* и лучше уж нам никогда не встречаться, потому что руку-то я ему подать, пожалуй и подам, да что толку? Всего этого я не мог не написать: если угодно Любе после всего этого искать путей ко мне (вероятно она все между нами забыла: у глухих людей так всегда), я жду ее в том, что *вечно*; но сам больше не двинусь ей навстречу никогда, никогда. Я вырезал 9/10 своей души, пораженные гангреной, осталась 1/10 прежней души, *но души*. С этим остатком прежнего я могу жить без Любы. Вот и все. Я сделал с собой опыт: приехал в Москву и *не был* в Петербурге. Месяц потом жил рядом с Любой, и не искал путей к ней (жил с 20 мая до 25 июня под *Крюковым*, а она около *Подсолнечной*). Раз 20 я думал, что поеду увидеться с ней, и всегда говорил себе: «*можешь всегда поехать, попробуй на этот раз овладеть собой*». И овладевал. И знаю, что могу теперь года ее ждать, года ее не видать. Никогда не забуду, но и не буду искать с ней встречи<sup>2</sup>.

Зина, все, что Вы пишете в «*Весах*», мне очень дорого. «*Мы и они*» прямо обожгло меня. Это хорошо, что Вы здесь пишете. «*Весы*» определенно решили начать сызнова тот путь, который приходилось преодолевать, когда не было вокруг соборного гама «*модерна*». Мы говорили с Брюсовым не раз откровенно и серьезно, что *больше* нельзя давать спуска хулиганству «*модерна*» и всякой профанации. Теперь к «*Весам*» стоит близко мой друг Эллис. Мы втроем часто видимся. «*Весы*» мне близки, как единственный журнал, серьезно озабоченный тем, чтобы не предавать культуру. Брюсов идет даже на то, что В.Иванов и Блок выйдут из «*Весов*». Очень рассчитывает на Вас, горюет, что «*Весы*» — карликовый журнал; хотелось бы параллельного органа, где можно было бы больше (по размеру) высказываться. Вообще здесь в Москве Брюсов и Эллис единственные сейчас люди, с которыми можно поговорить. У нас с Брюсовым отношения *прочные и честные*, хотя, конечно, во многом мы друг перед другом с опущенными забралами. Но сходимся на одном: искоренить гам модернизма надо с неумолимой жестокостью; и это есть почва нашего соглашения в «*Весах*»<sup>3</sup>. Я счел вполне возможным ближе подойти к этому журналу на том основании, что «*Весы*», оставаясь органом

индивидуализма, вовсе не предрешают вопроса о преодолении индивидуализма. За искусством открывается *еще нечто*, соборность возможно, но не следует указывать того, другого, третьего. Скоро мы составим коллективную программу (из меня в нее войдут вероятно оговорки к индивидуализму: индивидуализм, как тактический прием замахнуться от соборного хулиганства; если на поверхности литературного «*модерна*» гам соборного индивидуализма и «333» объятия<sup>4</sup>, то уж лучше тактически лозунг «*назад к индивидуализму*»; лучше вернуть паровоз на станцию и опять пустить в пространство далей, но на других рельсах. В этом пункте мы с Брюсовым вполне согласны).

Теперь о «*Руне*». С «*Руном*» у меня война. Еще в апреле я вышел из состава сотрудников. Потом Рябушинский просил меня вернуться. Я ответил ему письмом, что пока он Редактор, путевого из «*Руна*» ничего не выйдет. Потом Метнер написал против меня статью. Я ответил письмом в Редакцию. Письмо отказались напечатать; поставили условием, чтобы я вернулся в состав сотрудников. Я им выдвинул ряд условий, в числе которых было 1) чтобы журнал не опирался на мистических анархистов 2) чтобы Рябушинский дал конституцию. Мне ответили скверным, обидным письмом. Все это сопровождалось всякого рода гнусностями. Наконец я напечатал протестующее письмо в газетах. Вероятно это письмо будет лозунгом ухода Брюсова (он мне обещал, что в случае предания гласности моего письма, он демонстративно уйдет из «*Руна*»). Теперь «*Руно*» — разлагающийся труп, заражающий воздух. Там процветает идиотизм Рябушинского вкупе с хамским кретинизмом некоего «Тастевена» (заведующий литературным отделом), который мне сознался, после того, как я нецензурными словами изругал при нем заметку *Эмпирика* против Вас, что ее писал он. Тут мне и стало грустно, что Дима пишет в «*Руне*», где заведующий литер[атурным] отделом (в сущности редактор) Вас ругает. Последний № «*Руна*» — есть уже прямо вонь, где В.Иванов кувыркается, Блок холопствует перед «*Знанием*», С.Маковский разводит художественное безе, а *Эмпирик* Вас ругает. Теперь «*Руно*» всецело опирается на Блока, Иванова, Городецкого. Вероятно, вернется туда Чулков<sup>5</sup>.

Теперь строится баррикада в Москве. Есть возможность полагать, что к зиме в Москве образуется нечто устойчивое в противовес Петербургу. Дело в том, что «*Весы*» сейчас наиболее ходко идут, к ним прислушиваются и их начинают чтить даже московские газеты. С осени начинает функционировать наш «*Кружок свободной эстетики*»<sup>6</sup>, который еще будучи нелегальным (собирались в помещении «*Худ[ожественного] Кружка*»), успел заинте-



ресовать культурную часть Москвы. (Это — собрание поэтов, художников, музыкантов, меценатов и т.д.). Ввиду того, что ближайшее участие в литературной секции принимают там Брюсов, Эллис, я, мы надеемся организовать из кружка клуб «Весов», привлечь газетчиков, сочувствующих «Весам» и развить наступательные действия (некоторые газеты подхватят) против Петербурга, что в связи с лекциями Брюсова, моими, Эллиса (нас публика начинает серьезно слушать, особенно Брюсова) создаст из Москвы действительную оппозицию Петербургу. Все это еще «не о том», но на безрыбье и рак — рыба. И пока еще свет истинной соборности далек от масс, хорошо по крайней мере быть рыцарями «хорошего тона».

Зина, милая, видите, как растянулось письмо, и все о внешнем. Потому о внешнем, что в Главном я с Вами, улыбаюсь Вам, молюсь Вам, люблю Вас всех — Диму, Дмитрия Сергеевича. Пишите. Я буду отвечать. А если Вам не захочется писать, пойму. Христос с Вами, мои родные, близкие. Не оставьте меня. Молитесь за меня.

Любящий всех Вас неизменно и верно  
Боря.

P.S. Сережа<sup>7</sup> был в Крыму. Он очень Вас любит. Помчался было в сторону Петербурга, но, встретив в Крыму М.Волошина, голого, в греческом хитоне и с жезлом, и проведя с ним 2 дня, пришел в негодование и омерзение от Волошина в частности и от «Иванизма» вообще.

## ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо не датировано, не сохранился и конверт, в котором оно отправлено. Однако сам текст позволяет с большой долей вероятности установить время его написания, а заодно — и уточнить атрибутику писем З.Н. Гиппиус, приведенных в кн.: *АЛЕКСАНДР БЛОК. НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ*. «Литературное наследство», т. 92, кн. 3, М., «Наука», 1982. Публикаторы располагают письмом Гиппиус в хронологическом порядке, отмечая, что они являются ответами на неизвестные им письма Белого:

№1

Homburg, villa Ernst, [19 августа] 1 сентября 1907 г.

/.../ Спасибо за длинное письмо. С тех пор Брюсов мне писал, что вы получили от Бл[ока] письмо с отречением от мист[ического] анарх[изма]. Ну, да от непонимания это.

(с.295)

/.../ Насчет «Петербург» — вы глубоко правы. Я их сама ругательски ругаю, хотя Чулкова думаю бросить, пренебречь, ибо это его только рекламирует и он раздувается. Я, Боричка, ведь в таком же положении, как вы, мне тоже, хоть и не такую «философию», но хочется писать серьезно и длинно, а, вот, должна из-за каждой строки лишней торговаться в «Весах», да и то, кроме буренинских фелетонов, там ничего писать не могу. А больше негде, так что руки опускаются. /.../ О несчастном Блоке я немножко написала. Правда, в нем есть какой-то идиотизм. Слышала недавно, что он эту зиму чуть не разошелся с Любой, влюбившись в какую-то актрису, — но потом все обошлось, ибо она сама собирается в актрисы и даже брала уроки у ... Мусиной-Пушкиной! Вот нашла преподавателя! Да и все там происходит в такой скверной атмосфере, что лучше не поднимать занавеса. Правда ли, Боря, что вы насчет нее более или менее успокоились? Есть ли у вас тут какие-нибудь планы действий, объяснений, — или вы поняли, что нужны серьезные события, чтобы вырвать Любу из ее несчастного milieu и переменить в ней что-то ... даже если это и вообще возможно? Сам Блок — несомненно глупый человек, да и она, может быть, тоже, иначе бы давно задохнулась в этой петербургской чадности. Напишите мне о себе тут — с полной искренностью.

(с.299)

Боря, милый, пишу вам, наконец, подлиннее, не карточку. С чувством любовного интереса, а не любопытства, хочу и жду от вас письма-рассказа о вашем объяснении с Блоком. Мне о том, что оно состоялось, — писал Брюсов. И, конечно, оно не могло не отразиться на вашей душе, которую я не хочу перестать видеть и понимать, как увидела и поняла в Париже. Ваша крепость, с какою вы не поехали на свидание с Любой летом — очень мне понравилась. Я считаю, что тогда так и надо было, — ввиду всякой возможности в будущем. Ну, словом, напишите мне все дальнейшее, как если бы мы с вами сидели на углу rue Mozart, в вашей комнате у огня. — Затем, Боричка мой хороший, еще вот что я скажу вам с великой серьезностью. Это будет коротко, искренно и ясно, — и практически точно. В моей и нашей любви — вы сомневаться не можете. И в моей любовной проникновенности тоже. Так вот: *если только* вам сейчас, в эту осень и зиму, не предстоит немедленное личное, новое устройство вашей жизни, в смысле твердого, хотя бы медленного, сближения с Любой, и сближения истинного, честного, т.е. вне Блока (какой бы он ни оказался), сближения не трех, а воистину двух, — если не это, Боря, — то вам *надо* приехать в Париж. /.../

Правда ли, что Блок в Волохову влюблен?

Как мне не нравится «атмосфера», которую так ярко и живо передают мне письма Брюсова! Не расцвети в ней никакому истинно-благоуханному цветку!

(с.309)

Публикуемый текст оказывается недостающим звеном, которое восстанавливает порядок всей переписки. Судя по рассказу Белого о конфликте с Блоком — в связи со статьей последнего *О РЕАЛИСТАХ*, он

обращается к Гиппиус между 5-6 августа (дата его резкого письма к Блоку, повлекшего вызов на дуэль) и 11 августа (когда Белый извиняется, признает оскорбительность своей выходки и берет назад свои слова). При этом рассказ об отношениях с Л.Д. Блок явно вызван просьбой, содержащейся во 2-м письме Гиппиус. Ее первое и третье послания, в свою очередь, отвечают на сообщение Белого. (Блоковское «отречение» от мистического анархизма получено Белым 10-11 августа, так что Брюсов мог сообщить о нем Гиппиус лишь позднее). Т.о., последовательность переписки, вероятно, такова: в первых числах августа (не позднее 5-го) Гиппиус обращается к Белому из Баден-Бадена (№2), он отвечает ей публикуемым текстом, а затем следуют ее открытка (№1) и — после 25 августа — более распространенное письмо (№3), отправленные уже из Гомбурга.

<sup>1</sup> Активная работа в московских газетах весной и летом 1907 была вызвана не только материальными осложнениями, но и стремлением Белого к более широкой публицистической трибуне и упрочению своего социального статуса. Впоследствии, в кн. *ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ...*, описывая полемику с «петербуржцами», Белый отмечает «газетный характер» всех своих печатных выступлений этого периода, включая и статьи в «Весах». Появлению его на страницах московских газет в значительной мере содействовал В.Я. Брюсов, чье влияние было особенно сильным в «Голосе Москвы» и «Столичном утре».

«Новый путь» — Ежедневная политическая, общественная и литературная газета. Выходила с 15.08 по 3.11.1906 под ред. Н.Н. Евреинова. Закрыта в адм. порядке на основании *ПОЛОЖЕНИЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОХРАНЕ*. Вместо нее подписчикам рассылался «Век», бывший, как и «Новый путь», одной из модификаций газ. «Жизнь», издаваемой В.М. Саблиным и выходившей в 1905-07 под различными названиями («Жизнь и свобода», «Путь», «Новый путь», «Современник» и т.д.).

«Столичное утро» — ежедневная общественно-литературная газета. Выходила на 6-8 стр. с 30.05 по 9.10.1907. Ред.-изд. С.Л. Кугульский, с №56 — ред. В.Павлов. В конце 1907 издание приостановлено в административном порядке. «Столичное утро» выходило вместо запрещенных ранее газет «Утро» (ред. Н.Е. Попов; возобновлена с авг. 1910) и «Утро свободы» (ред. М.И. Шрейдер, А.С. Веснин, С.Л. Кугульский; выходила только один месяц — май 1907, затем была запрещена по *ПОЛОЖЕНИЮ О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ ОХРАНЕ*).

«Голос Москвы» — ежедневная газета, выходила с 23.12.1906 по 30. 11. 1915. Редакторы: А.И. Гучков, А.С. Белкин, Ю.В. Вульферт, П.И. Смирнов, В.Б. Гринберг и др. Издателем до лета 1907 был также А.И. Гучков, впоследствии — Московское товарищество для издания книг и газет (В.П. Рябушинский).

«Солнце» — газета с таким названием в библиографиях русской периодики начала века не обнаружена. Возможно, при выходе оно изменилось, и имеется в виду левокадетская газ. «Утро России», которая начала выходить 16 сентября 1907 и в которой активно сотрудничал Белый.

С Жоресом (1859-1914) Белый познакомился в конце 1906 в Париже, куда приехал из Мюнхена по приглашению Мережковских. Белый жил в небольшом пансионе на rue Renélagne и ежедневно встречался с Жоресом за завтраком, беседуя о событиях в России, о французской политической и культурной жизни. Познакомил Жореса с Минским, Мережковским и Философовым, стремясь вовлечь его в политическую активность русской эмигрантской колонии. Однако Жорес уклонился, отказавшись даже выступить на митинге протеста против царского деспотизма в России.

Соколов Сергей Алексеевич (псевд. С.Кречетов, 1878-1936) — юрист, поэт, литературный критик, издатель. Основал изд-во «Гриф» (1903-1914), выпускал одноименный альманах (1903-1905). Редактировал литературную часть журн. «Искусство» (январь-август 1905), а после его закрытия — основал вместе с Н.П. Рябушинским журн. «Золотое руно», в котором вел литературный отдел. Из-за конфликта с Рябушинским вышел из редакции, начал выпускать собственный журн. «Перевал» (ноябрь 1906 - октябрь 1907). С ноября 1907 заведовал литературным отделом газ. «Час» (выходила с 12 августа 1907 по 29 января 1908; ред. В.А. Беллев, затем — А.М. Подолгинский). Недолго был мужем Н.И. Петровской (1884-1928), которая затем сблизилась с Белым и Брюсовым (героиня *ОГНЕННОГО АНГЕЛА*).

О продаже принадлежавшей Бугаевым земли на Кавказе Белый неоднократно пишет матери в 1906-1907.

<sup>2</sup> Блок Любовь Дмитриевна (1881-1939) — жена А.А. Блока, старшая дочь Д.И. Менделеева от второго брака (с А.И. Поповой). Посещала Высшие женские курсы, с 1908 по 1921 эпизодически играла на драматической сцене в труппе В.Э. Мейерхольда и в Петроградском театре народной комедии (под фамилиями Блок и Басаргина). Написала книгу об искусстве балета, оставила воспоминания о Блоке.

Блок познакомился с нею (не считая детских встреч) в 1898 в Боблово — усадьбе Менделеевых. 2 января 1903 сделал предложение, 17 августа того же года состоялось венчание в церкви с. Тараканово вблизи Шахматова.

Запутанный роман А.Белого с Л.Д. начался летом 1905 в Шахматове, а к весне 1907 их отношения вступили в завершающую и особенно мучительную для него фазу. После бурных объяснений и переписки августа-сентября 1906 Белый покидает Россию, уезжая сначала в Мюнхен, затем в Париж. В Москву он возвращается лишь в марте 1907. Его чувство к Л.Д. отнюдь не угасло, но теперь оно не встречает никакого отклика с ее стороны. Мучения Белого усугубляются ревностью в связи с увлечением Г.Чулковым, которое переживала Л.Д. Блок. К тому же, его личная драма с самого начала сделалась «достоинством общечеловечности», в нее вовлечены С.Соловьев, Эллис, Мережковский, сестры Гиппиус и множество др. лиц. Все эти трагические обстоятельства служат для Белого постоянным раздражителем и фоном его полемики с Блоком, Ивановым, Чулковым, во многом определяя крайне резкий ее тон и часто личный характер.

В восьми верстах от Крюкова, в Дедове, находилось поместье А.Г. Коваленской — бабки С.М. Соловьева по материнской линии, — где Белый часто гостил. В начале 1907 в результате пожара дедовский дом

сгорел, и в мае С.М. Соловьев и А.Белый сняли небольшой домик в дер. Петровское в двух верстах от Дедова. Л.Д. Блок приехала в Шахматово 11 мая, о чем сообщала мужу в письме, отправленном из Подсолнечной.

В №5 «Золотого руна» за 1907 А.А. Блок поместил статью *О РЕАЛИСТАХ*, в которой защищал М.Горького, Л.Андреева, Скитальца, С.Н. Сергеева-Ценского и др. «знаньевцев» от критики Д.В. Философова (см. статьи последнего *КОНЕЦ ГОРЬКОГО, РАЗЛОЖЕНИЕ РЕАЛИЗМА* и др.). 5-6 августа Белый отправляет Блоку крайнее резкое письмо, обвиняя друга в штрейкбрехерстве и лицемерии и разрывая с ним отношения; в ответ получает вызов на дуэль, — если в течение десяти дней он не откажется от своих слов. 11 августа Белый извинился и взял назад свои обвинения. Дальнейшая переписка и личное 12-часовое объяснение 24-25 августа, для которого Блок приезжал в Москву, — закончились примирением. (См.: *АЛЕКСАНДР БЛОК — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. ПЕРЕПИСКА*. М., 1940, с.192-212).

Оценка статьи *О РЕАЛИСТАХ* как «прошения» была вызвана, по-видимому, сближением Блока с Л.Андреевым и планами его сотрудничества в сборниках «Знание», которые Горький в начале 1907 предложил Андрееву редактировать. Этому сближению в значительной мере способствовал Г.И. Чулков, находившийся в дружеских отношениях с Андреевым со времен нижегородской ссылки и публиковавший его на страницах своего альманаха «Факелы» (№1, СПб, 1906). Группа «Весов» относилась к «знаньевцам» резко отрицательно и сближение с ними «петербуржцев» восприняла как окончательное предательство символизма. М.А. Кузмин отмечает 31 июля: «/.../ Блок, попав в "Знание", прямо с ума сошел, и читая его статью в том же "Руне", то слышишь Аничкова, то Чулкова, то, помилуй Бог, Луначарского». (Письмо к В.Ф. Нувелю. — «Литературное наследство», т.92, кн.3, с.291). 9 августа Д.В. Философов пишет Белому из Баден-Бадена: «А поход против Петербурга начать следует. Ясно, что Блок и Чулков соединились с Андреевым против нас» («Литературное наследство», т.92, кн.3, с.292). В конце концов «объединение» так и не состоялось. Андреев поставил условием для своего редакторства привлечение в сборники новых авторов, и прежде всего Блока и Сологуба, однако Горький категорически отверг любое сотрудничество с «модернистами». 13 августа Андреев отказался от редактирования «Знания» (См.: «Литературное наследство», т.72, с.292).

<sup>4</sup> В 1907 «Весы» сделали основным бастионом «москвичей» в полемике с «петербуржцами». «Золотое руно» к августу было для них потеряно и открыто выражало взгляды их противников, группировавшихся вокруг Ивановского издательства «Оры» и Чулковских «Факелов». Что же до С.А. Соколова, выпускавшего третий символистский журнал «Первал», то его позиция определялась не так существом спора, как соображениями литературной тактики и личными пристрастиями: старой враждой с Брюсовым и новой — с Рябушинским. Какофония усугублялась еще тем, что внутри каждого лагеря также не было единства, и все участники это прекрасно сознавали.

Говоря о «почве соглашения» в «Весех», Белый имеет в виду лишь отрицательную программу — «искоренение гама модернизма». Однако движущие мотивы «искоренителей» существенно различались. Об эстетической основе дифференциации русских символистов говорилось в Предисловии. Что же касается стороны идеологической, то здесь каждый имел своего врага. Для Мережковских и Философова, стремившихся к созданию «религиозной общественности», был особенно неприемлем «откровенный социализм» Чулкова, раздражавший их уже во время работы в «Новом пути» и «Вопросах жизни» (1904-1905). Для С.М. Соловьева — попытка соединить миры Божественный и тварный, в то время как символизм рождался и строился на их трагической несовместимости. Для Эллиса — отказ от «соловьевства» и принятие в качестве ведущей стихии не красоты, а хаоса и разрушения. Для Брюсова — забвение эстетизма, как основного закона истинного и самодовлеющего искусства. Впрочем, ведя «бой по всей линии», Брюсов преследовал и более земные цели, которые он в полуиронической форме изложил в письме к отцу от 21 июня 1907: «Слишком много нас расплодилось и приходится поедать друг друга, иначе не проживешь». (Цит. по: **АЛЕКСАНДР БЛОК — АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. ПЕРЕПИСКА**. М., 1940, с. XXVI). Конечно, эти соображения не были единственными, но претензии Брюсова на роль вождя русского символизма, бесспорно, играли не последнюю роль в определении политики «Весов». Знаменательно, что сам он почти не принимал активного участия в полемике, оставляя ее на долю Белого, Эллиса, Гиппиус. В этом отношении интересен отзыв о нем Чулкова:

Брюсов был не только поэт: он был делец, администратор, стратег. Он деловито хозяйничал в «Весех», ловко распределял темы, ведя войну направо и налево, не брезгуя даже сомнительными сотрудниками, если у них было бойкое перо и готовность изругать всякого по властному указанию его, Валерия Яковлевича.

Георгий Чулков. *ГОДЫ СТРАНСТВИЙ. Из книги воспоминаний*. М., «Федерация», 1930, с.97.

Позиция Белого была наиболее воинственной и эклектичной, а критика его направлялась на всех противников сразу. Он отрицает дионисийство Вяч. Иванова как «декаданс соборного опыта в блуд», символический театр Блока — как перевод «проблемы мистерии в идеологическую мистификацию на плацдарме театра», и, конечно, мистический анархизм Чулкова — как профанацию и опошление самого интимного опыта символистов:

В мистическом анархизме я вижу кражу интимных лозунгов. /.../ Я вижу свои лозунги вывернутыми наизнанку: вместо соборности — газетный базар и расчет на рекламу; вместо сверхиндивидуализма задний ход на общность; вместо реальной символики — чувственное оплотнение символов, где знак «фаллоса» фигурирует рядом со знаком Христа; вместо революционной коммуны — запах публичного дома, сверху раздушенный духами утонченных слов /.../.

Всему этому я говорю свое негодующее «НЕТ»: это — не символизм, а — фальсификация.

/.../ Всего обиднее, что два настоящих символиста, Иванов и Блок, не только не вернули билета на мистический анархизм, но наоборот: покрывали молчаливым согласием эту неразбериху; и в своих художественных образах явно смеялись над всем, что вчера воспевали /.../.

А.Белый. *ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ...*

Ardis, Ann Arbor, 1982, с.52.

Обвинение в предательстве всего, что воспевалось вчера, явно относилось к А.А. Блоку, и по существу именно Блок был «единственной тайной фигурой» ожесточенных нападок Белого на «петербуржцев».

Эллис (псевд. Льва Львовича Кобылинского, 1879-1947) — поэт, переводчик, литературный критик, близкий друг С.М. Соловьева и А.Белого, участник кружка «Аргонатов», теоретик символизма. К активной работе в «Весех» был привлечен Брюсовым в конце 1906. Летом 1907, после возвращения Белого из Петровского, Эллис переехал к нему на квартиру, так что большинство статей обоих «полюемистов» этого времени рождалось, по признанию самого Белого, в бесконечных ночных обсуждениях, «взвизгивавших до последнего предела ожесточения», — против Ивановской «башни», ереси мистического анархизма и «литературного хулиганства» Блока.

<sup>5</sup> Речь идет о стихотворении Вяч.Иванова *УЗЛЫ ЗМЕИ* («Триста тридцать три соблазна, триста тридцать три обряда...») из сборника *COR ARDENS* (М., 1911), где Иванов использует темы индийской эротической символики. Белый видел здесь почти открытый намек на «звериное число» 666, полагая, что дионисийство уже прошло полпути от Неба до Ада.

<sup>6</sup> Рябушинский Николай Павлович (1876-1951) — крупный капиталист, промышленник, один из известнейших меценатов начала века. Издатель журнала «Золотое руно» (М., 1906-1909). Художник-дилетант, поэт. Печатался под псевд. Н.Шинский.

Метнер Эмилий Карлович (1872-1936) — музыкальный критик (писал под псевд. Вольфинг), исследователь творчества Гете, владелец издательства «Мусaget», редактор журн. «Труды и дни». Статья Метнера называлась *БОРИС БУГАЕВ ПРОТИВ МУЗЫКИ* и была прислана в «Золотое руно» из Мюнхена, где автор в то время жил.

Тастевен Генрих Эдмундович (1881-1919) — литературный и художественный критик (писал под псевд. Эмпирик). С №3 за 1907 и до закрытия «Золотого руна» (1909) — секретарь редакции. Один из организаторов турне Э.Верхарна и Ф.Маринетти в России.

Маковский Сергей Константинович (1877-1962) — художественный критик, поэт, издатель, устроитель нескольких крупных художественных выставок в 1910-х гг. Основатель и редактор журн. «Аполлон» (1909-1917).

Сын художника К.Е. Маковского. Написал ряд книг мемуарного характера: *СИЛУЭТЫ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ* (Прага, 1922), *ПОРТРЕТЫ СОВРЕМЕННОСТЕЙ* (Нью-Йорк, 1955), *НА ПАРНАСЕ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»* (Мюнхен, 1962).

Чулков Георгий Иванович (1879-1939) — писатель-символист, поэт, прозаик, драматург, критик. Родился в семье чиновника, в 1898 окончил московскую гимназию, учился на медицинском факультете Московского ун-та. В 1902 арестован за связь с рабочими кружками и подготовку демонстрации. Сослан в Якутский край, через год переведен в Нижний Новгород под надзор полиции. С 1899 начал печататься в газетах, в 1904 — выпустил первый сборник стихов *КРЕМНИСТЫЙ ПУТЬ*. Тогда же перебирается в Петербург, становится редакционным секретарем журнала «Новый путь» (1904), затем — зав. литературным отделом сменившего его журнала «Вопросы жизни» (1905). В 1906 выпустил брошюру *О МИСТИЧЕСКОМ АНАРХИЗМЕ*. В 1906-1908 издал три выпуска альманаха «Факелы». Один из идеологов петербургской группы символистов.

Война с «Золотым руном» иллюстрирует еще одну сторону размежевания русских символистов, где к серьезному спору о культуре примешивались личные амбиции, соперничество, постоянная борьба за влияние в журнально-издательском мире и за место на поэтическом Парнасе. С самого возникновения «Золотого руна» (январь 1906) Брюсов пытается направить деятельность второго символистского журнала в русло «Весов». Игра ведется с переменным успехом, но после редакционного конфликта между Рябушинским и Соколовым и ухода последнего — задача завоевания «Золотого руна» кажется вполне осуществимой. В конце 1906 Брюсов записывает в дневнике: «/.../ Соколов покинул "Золотое руно", и это дало мне надежду ближе войти в этот журнал. С осени я стал часто бывать в редакции и "помогать советами"». (Валерий Брюсов. *ДНЕВНИКИ. 1891-1910*. М., 1927, с.137). В результате этих «советов» весной 1907 «Золотое руно» покинули И.А. Бунин, Л.Н. Андреев, Б.К. Зайцев, зато на страницах журнала все чаще появляются «весовские» авторы. Однако претензии Брюсова неожиданно встретили отпор со стороны редактора-издателя. Рябушинский вполне серьезно считал себя литератором и хотел сам определять и линию журнала, и состав его авторов. После очередного скандала Брюсов отстранился от редактирования, тем более, что издатель предложил А.Белому занять освободившееся после ухода Соколова место заведующего литературным отделом. По совету Брюсова, Белый поставил ультиматум: Рябушинский должен отказаться от всякого вмешательства в литературную тактику журнала, предоставить Брюсову право вето на подбор сотрудников, а Белому — право бесконтрольного определения содержания литературного отдела. Самому Рябушинскому отводилась роль мецената, который «должен гордиться тем, что финансирует журнал». Естественно, ультиматум встретил отказ, а «Золотое руно» начало поиски других союзников. Г.Э. Тастевен, ставший с апреля 1907 редакционным секретарем, предложил Рябушинскому обратиться к «петербуржцам». Тастевен сочувствовал мистическому анархизму Чулко-



ва и Иванова, преклонялся перед Блоком и хотел превратить «Руно» в «идейный центр нового искусства». Рябушинский согласился, и с №4 литературные обозрения в журнале начал вести А.Блок (это и послужило Белому мотивом для обвинения друга в штрейкбрехерстве). Следующий выпуск уже полностью определил новую линию «Золотого руна». Кроме статьи Блока *О РЕАЛИСТАХ*, в нем появился резкий отклик самого Тастевена (под псевд. Эмпирик) *О КУЛЬТУРЕ КРИТИКИ*. (По поводу статей Антона Крайнего и Товарища Германа), — в котором автор защищал Л.Андреева и М.Горького от нападок З.Гиппиус в «Весах» (Антон Крайний и Тов. Герман — ее псевдонимы). Здесь же была напечатана статья Вяч. Иванова *О ВЕСЕЛОМ РЕМЕСЛЕ И УМНОМ ВЕСЕЛИИ* — с призывом выйти за пределы наносной поэтической речи — к народному языку (один из принципов, выдвинутых «петербуржцами»). В довершение всего Э.К. Метнер поместил ответ на статью Белого *ПРОТИВ МУЗЫКИ*, в котором ловил его на элементарной безграмотности и поспешности суждений (статья подписана псевд. Вольфинг). Белый ответил письмом в редакцию, которое Рябушинский отказался напечатать. Тогда взбешенный Белый поместил его в «Переvale», а все «весовцы» — Мережковский, Брюсов, Гиппиус, Белый, Балтрушайтис, Кузмин и Ликиардопуло — демонстративно вышли из «Золотого руна», поместив заявление об этом в «Столичном утре» (за 21 авг. 1907) и в других газетах. Все это лишь ускорило переход журнала к «петербуржцам». Тастевен с согласия Рябушинского предложил Чулкову войти в редакцию, тот принял приглашение. Т.о., к сентябрю в качестве сотрудников в «Золотое руно» пришли все лидеры петербургской группы — Блок, Иванов, Чулков, С.Городецкий, — а вместе с ними вернулись и старые авторы, «изгнанные» Брюсовым: Зайцев, Бунин, Андреев. Это дало повод Белому заявить: «Борьба с петербуржцами переместилась в Москву, став борьбой "Весов" и "Руна"». (А.Белый. *МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ*, с.247). Из «весовцев» в «Руно» остался лишь Д.В. Философов, поместивший в №6 журнала свою статью *ИСКУССТВО И ГОСУДАРСТВО*.

<sup>7</sup> Общество свободной эстетики (вначале Кружок) — литературно-художественное объединение, существовавшее в Москве в 1906-1917. Состояло из литераторов, музыкантов и людей свободных профессий модернистской ориентации. Литературно-художественный кружок, просуществовавший до 1917, в те годы помещался в особняке Востряковых на Б. Димитровке. Председателем его вначале был психиатр Баженов, затем С.А. Соколов. В 1907 в Кружке выступали: Е.Н. Трубецкой, Б.А. Кистяковский, Л.М. Лопатин, С.А. Котляревский, Ю.А. Айхенвальд, Э.К. Метнер и др.

<sup>8</sup> Соловьев Сергей Михайлович (1885-1942) — троюродный брат А.А. Блока, сын педагога и переводчика М.С. Соловьева и племянник философа В.С. Соловьева. Мать его — О.М. Соловьева (урожд. Коваленская) приходилась двоюродной сестрой матери А.А. Блока. Поэт, переводчик, филолог, теоретик символизма. Ближайший друг Белого, участ-

ник кружка «Аргонатов». Выпустил несколько поэтических сборников, написал биографию В.С. Соловьева, редактировал издание его стихотворного наследия. Переводил Эхила, Софокла, Вергилия, Сенеку, Шекспира, Мицкевича. Активный член Религиозно-философского общества им. Владимира Соловьева, впоследствии принял сан священника, в начале 20-х гг. перешел в католичество.

## ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Публикация Томаса Бейера

Мы располагаем крайне скудной информацией о нескольких месяцах, проведенных Мандельштамом в Гейдельберге. Глеб Струве просто упоминает два семестра, в продолжение которых поэт посещал Гейдельбергский университет, где изучал старофранцузский язык с Фрицем Нейманом<sup>1</sup>. Кларенс Браун из бесед с Аароном Штейнбергом приходит к выводу, что «Мандельштам посещал лекции Фрица Неймана по старофранцузскому языку и, гораздо менее регулярно, курс о Канте знаменитого историка философии Вильгельма Вильдельбанда»<sup>2</sup>. Несколько открыток, посланных Вячеславу Иванову, позволяют отнести время пребывания Мандельштама в Гейдельберге к периоду между 26 октября и 30 декабря 1909, а в Финляндии — к 15 марта 1910 г.

Приводимые официальные документы, связанные с обучением поэта в Гейдельбергском университете, проливают дополнительный свет на ранние годы его жизни.

Эти три документа были обнаружены в архиве Гейдельбергского Ruprecht-Karls-Universität. Первый из них представляет собой заявление о приеме в университет на зимний семестр 1909/1910 гг., написанное рукой Мандельштама и подписанное им. Интересно отметить, что в качестве даты рождения поэт указывает 16 января 1891 г. При этом он пользуется григорианским календарем, что соответствует 3 января по юлианскому<sup>3</sup>. Местом рождения Мандельштам называет Варшаву, а в качестве

---

<sup>1</sup> Г.Струве. *ОПЫТ БИОГРАФИИ И КРИТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ*. — В: Осип Мандельштам. Собрание сочинений в 3-х тт. Вашингтон, 1964, с.хххv.  
<sup>2</sup> Clarence Brown. *MANDEL'SHTAM*. Cambridge, 1973, p.46. См. также: N.Struve. *OSSIP MANDELSTAM*, Paris, 1982, p.258.

<sup>3</sup> Браун и др. исследователи справедливо отмечают эту дату как 3/15 января. Двенадцатидневная разница между григорианским и юлианским календарями в девятнадцатом веке превратилась в тринадцатидневную в двадцатом. Н.Струве в своей хронологии (op. cit., p.255) указывает дату рождения Мандельштама как 2/14 января 1891.

места жительства отца («Эмиля Мандельштама, коммерсанта») указывает Петербург, Загородный пр. 70. В связи с дискуссиями, которые недавно велись по поводу интереса, проявляемого Мандельштамом в 1908 г. к христианству, можно отметить, что через год, заполняя анкету, он в качестве вероисповедания указывает «Israelit»<sup>4</sup>.

Следующий документ — официальная регистрационная запись университета, указывающая, что Мандельштам зачислен студентом по филологии 13 ноября 1909 г. вплоть до летнего семестра 1910 г. Вторая страница документа представляет собой стандартную отметку о том, что в продолжение обучения за студентом Мандельштамом ничего предосудительного не замечено. Досье было официально закрыто 25 февраля 1911 и подписано проректором университета Geheimkerchenrat Dr. v. Schubert. Карандашная запись на верхней левой стороне первой страницы указывает на §20 правил, касающийся внесения платы за обучение.

Третий документ, составленный для отчетной ведомости, перечисляет лекции, которые посещал Мандельштам. Краткие записи соответствуют следующим курсам, отмеченным в университетском реестре за 1909/1910 гг.:

1. История французской литературы Средних веков. (Курс Ф.Неймана по понедельникам, вторникам, четвергам и пятницам с 9 до 10 часов).

2. Разбор старофранцузского текста

3. С упражнениями по исторической грамматике. (Курс Ф.Неймана по средам и субботам с 11 до 12 часов).

4. Великие венецианские художники XVI века. (Курс Тода по понедельникам, вторникам, средам с 12 до 13 часов и по вторникам с 18 до 19 часов).

5. Разбор стихотворений Мейера Хельмбрехта (Meier Helmbrecht) (упражнения по средневерхненемецкому языку для начинающих). (Курс Брауна по субботам с 9 до 10 и с 10 до 11 часов).

6. Основы истории искусства VII: Ренессанс в Северных странах. (Курс Тода по понедельникам с 18 до 19 часов)<sup>5</sup>.

Последний курс был бесплатным со свободным входом.

Документы воспроизводятся с любезного разрешения ректора Ruprecht-Karls-Universität проф. доктора Gisbert zu Palitz. Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность директору университетского архива доктору Hermann Weisert и Г.Суперфину, который навел меня на мысль о поисках документов, касающихся Мандельштама, в этом архиве.

<sup>4</sup> Clarence Brown, op. cit., p.21.

<sup>5</sup> Anzeige der Vorlesungen der Großh. Badischen Ruprecht-Karls-Universität zu Heidelberg für das Winter-Halbjahr 1909/1910, p.21-25.

Großherzoglich Badische  
Universität Heidelberg.

Anmeldung

für das Winter — Sommer-Semester 19

1. Zuname und Vorname: *Joseph Mandelstamm*
2. Geburtstag und -Jahr: *16 Januar 1891*
3. Geburtsort und -Land (bei Preußen auch Provinz): *Warschau*
4. Staatsangehörigkeit: *Russland*
5. Studium: *Philologie*
6. Vor- und Zuname, Stand und Wohnort (Straße)  
des Vaters oder der Mutter oder des Vormundes:  
*Emel Mandelstamm, ~~Kaufmann~~ Kaufmann  
Petersburg Sagrodny 70.*
7. Religion: *Israelit*
8. Dießige Wohnung, (nämlich Straße und No. des  
Haußes und Name des Vermieters):  
*Anlage 30, Frau Sponson.*

Die Richtigkeit dieser Angabe bestätigt

Heidelberg,

19

Unterschrift des Studierenden:

*J. Mandelstamm.*

20. a. Marschan < 551407  
Grossherzoglich Badische

# Universität Heidelberg.

## Studien- und Sittenzugnis.

N. 663. Dem Herrn Juset Handelstamm  
Fuze 10 M. geboren zu Marschan  
d. 27. / 2. Sohn des

..... bekrunden wir  
hiermit, dass er auf Grund eines Reifezeugnisses des Real-Gymnasiums, der Ober-  
realschule .....  
eines Abgangszeugnisses der Universität ..... technischen Hochschule  
..... — genügender Zeugnisse — Ecdlimationspapiere  
am 13. 11. 1909 ..... als Studierender der Phil.  
bei uns immatrikuliert worden ist, sich bis zum Schluss des 9.  
Semesters 19 10 .. beurlaubt, daber aufgehalten, und laut der vorgelegten  
Zeugnisse folgende Vorlesungen besucht hat.

während seines kienig. Aufenthalts bei Ende WS. 1911  
Hinsichtlich seiner Führung)st Nachteiliges nicht bekannt geworden.

-----  
Akademisches Bürgerrecht bis Schluss des .....-Semesters — während  
der Dauer des medizinischen Staatsexamens — vorbehalten.

Exmatrikel wegen Anmeldung zur .....-Prüfung ausnahmsweise vor  
Schluss des Semesters erteilt.

-----  
Zur Urkunde dessen Ist gegenwärtiges Zeugnis unter Vordrücke des grösseren  
Universitäts-Insigels ausgeteilt und von uns eigenhändig unterzeichnet worden.

Heidelberg, den 25<sup>ten</sup> Febr 1911:

D. z. Prorektor

v. z. V. Schenkert

Der akademische Disziplinarbeamte

v. z. Dr. Castenholz

Wintersemester 1906/07

Zahlung

Einzugsliste O.Z. 8j

des stud. phil. (Vor- und Zunamen) Joseph Handlmann

aus (Geburtsort) Warschau

(Staatsangehörigkeit) Russland

a) Vorlesungen	b) Namen der Lehrer	Honorar	Praktikanten-Beitrag	Bemerkung
		z	z	
1. Gesch. der franz. Lit. des 17. u. 18. Jh.	Joh. Nat. Kramar	20	✓	
2. Lit. Topogr. eines altfranz. Textes	Stenzel	10	✓	
3. Uebungsa. an altfranz. Texten	Stenzel	-		
4. Die provenç. romanische Lit.	Joh. Nat. Kramar	20	✓	
5. Erklärung des Gedichtes: Mein Klavier	Joh. Nat. Kramar	10	✓	
6. Jahresber. der Kunstgesch. Te.	Joh. Nat. Kramar	-		
7.				
8.				
9.				
10.				
11.				
12.				
13.				
14.				
15.				

Honorare	60
Praktikantenbeiträge	
Auditorien-geld	5
Institutsgebühr	
Kranken- und Ausschusskasse	4
Unfallversicherung	7 30
Summe	69 30

Durch den Studirenden in der Ueberschrift und in Spalte 1a u. b auszufüllendes Duplikatverzeichnis der Vorlesungen für die Quästur.



## ПИСЬМА В.ХОДАСЕВИЧА К Н.БЕРБЕРОВОЙ

Публикация Дэвида Бетеа

В истории новой русской литературы Владислав Ходасевич занимает особое место не только своей поэзией и литературной критикой, но и своим эпистолярным наследием. Уже с середины тридцатых годов различные эмигрантские издания публиковали письма к нему Андрея Белого, Михаила Гершензона, Зинаиды Гиппиус, Максима Горького, Вячеслава Иванова, Марины Цветаевой. Такие публикации значительно обогащают наши представления об указанных авторах<sup>1</sup>. Так, письмо Белого, отправленное Ходасевичу сразу после смерти Блока, открывает переживания поэта, вызванные потерей друга. Оживленная переписка с Горьким дает почти стенографически полную запись событий, связанных с недолгим взлетом и падением журнала «Беседа», который Горький, Белый и Ходасевич издавали в надежде на сближение советской и эмигрантской литературы.

---

Автор приносит глубокую благодарность Н.Н. Берберовой, без чьей многосторонней помощи настоящая публикация была бы невысказана. Искреннюю признательность за высказанные замечания и внесенные поправки выражает он профессорам Е.Эткинду, Дж.Мальмстаду и О.Ронену, а также переводчице комментариев к тексту на русский язык Н.Рид.

<sup>1</sup> ТРИ ПИСЬМА АНДРЕЯ БЕЛОГО. — «Современные записки», кн. LV, 1934, с. 256-270; ПИСЬМА М.О. ГЕРШЕНЗОНА. — там же, кн. XXXIV, 1925, с. 224-236 (вторично опубликованы Н. Берберовой с дополнениями в «Новом журнале», №60, 1960, с. 222-235); Зинаида Гиппиус. ПИСЬМА К БЕРБЕРОВОЙ И ХОДАСЕВИЧУ. (Публ. Erika Freiburger-Sheikholeslami). Ann Arbor, 1978; ПИСЬМА МАКСИМА ГОРЬКОГО К В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ. — «Новый журнал», 1952, №29, с. 205-214, №30, с. 189-202, №31, с. 190-205 (на англ. яз. в переводе Hugh McLean, с предисл. S. Yakobson — в «Harvard Slavic Studies», I, 1953, pp. 279-334); ЧЕТЫРЕ ПИСЬМА В.И. ИВАНОВА К В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ. Публ. Н. Берберовой. — «Новый журнал», №62, 1960, с. 284-289; ПИСЬМА М. ЦВЕТАЕВОЙ К В. ХОДАСЕВИЧУ. Публ. С. Карлинского. — «Новый журнал», №89, 1967, с. 102-114.

Однако за строчками писем возникают не только образы их авторов. Они проливают свет и на личность адресата — художника и человека Владислава Ходасевича, чье творчество после забвения сороковых-пятидесятых годов вновь привлекает сегодня интерес читателей и исследователей. Тем большую важность приобретает появление в печати писем самого Ходасевича, особенно многочисленные публикации недавних лет. Вслед за выходом в 1944 г. обширной деловой переписки с Марком Вишняком, одним из редакторов «Современных записок», — только с 1970 г. появились в печатном виде письма Ходасевича к Борису Диатропову, Михаилу Фроману, Зинаиде Гиппиус, Вячеславу Иванову, Льву Яффе, Михаилу Карповичу, Георгию Малицкому, Владимиру Набокову, Глебу Струве, Борису Садовскому и Юрию Верховскому<sup>2</sup>.

По своему исследовательскому интересу письма эти не равноценны, однако все они открывают (или, по крайней мере, приоткрывают) дверь во внутренний мир поэта, обнажая его мысли и переживания, высвечивая обстоятельства его личной жизни в разные эпохи. Так, короткие письма к Малицкому, написанные Ходасевичем летом 1905 года, которое он проводил в Лидино со своей первой женой Мариной Рындиной, — включают несколько стихотворений, как бы перебрасывающих мостик к стилизованному портрету поэта-декадента начала века. Письма к Борису Диатропову создают живой образ Ходасевича в годы, предшествовавшие его отъезду из России: жизнь в Коктебеле у Волошиных, в петроградском Доме искусств и в Доме творчества писателей в Бельском Устье. Письма к Льву Яффе отражают увлечение еврейской поэзией, которое переживал в те годы Ходасевич, а письма к Глебу Струве — его интерес к пушкиноведению. Переписка с Михаилом Фроманом дает нам точные указания о стихах, созданных Ходасевичем с 1922 по 1926 гг., и отражает его стремление сохранить живую связь с Россией; а письма к Борису Садовскому подтверждают, что Ходасевич, подобно Блоку и Белому, принимал рево-

<sup>2</sup> М. Вишняк. *ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ*. (31 письмо Ходасевича автору). — «Новый журнал», №7, 1944, с.277-306; Г. Струве. *ИЗ МОЕГО АРХИВА*. (3 письма Ходасевича автору). — «Мосты», №15, 1970, с.396-403; Л. Бернхардт. *В.Ф. ХОДАСЕВИЧ И СОВРЕМЕННАЯ ЕВРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ* (4 письма Ходасевича к Льву Яффе). — «Russian Literature», 6, 1974, p.21-31; J. Malmstad and G. Smith, eds. *EIGHT LETTERS OF V.F. KHODASEVICH (1916-1925)* [to Boris Diatroptov]. — «Slavonic and East European Review», 57 (January 1979), pp.71-88; Н. Струве. *«НЕКРОПОЛЬ» В. ХОДАСЕВИЧА*. (2 письма Ходасевича Г. Малицкому и 1 письмо Ю. Верховскому). — «Вестник русского студенческого христианского движения», №127, 1978, с.105-123; С. Полянина. *ПИСЬМА В. ХОДАСЕВИЧА К М. ФРОМАНУ*. (2 письма к М. Фроману). — «Часть речи», №1, 1980, с.292-297; R. Hughes and J. Malmstad, eds. *TOWARDS AN EDITION OF THE COLLECTED WORKS OF VLADISLAV KHODASEVIC* (with eight letters of Khodasevich to B. Sadovskoi). — «Slavica Hierosolimitana», 5-6 (1981), pp.467-500; И. Андреева, публ. *ПИСЬМА В.Ф. ХОДАСЕВИЧА К Б.А. САДОВСКОМУ*. Ann Arbor, 1983; R. Hughes and J. Malmstad, eds. *VLADISLAV KHODASEVICH TO MIKHAIL KARPOVICH: SIX LETTERS (1923-1932)*. — «Oxford Slavonic Papers», 24 (1986: New Series), pp.132-157; Джон Мальмстад. *ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА (1925-1938)* (1 письмо к Вячеславу Иванову, 1 письмо к Зинаиде Гиппиус, 2 — к Владимиру Набокову и 1 — к Марку Вишняку). — «Минувшее», №3, 1987, с.262-291.

люцию, хотя его восприятие событий и их смысла было очень своеобразным и личностным. Переписка с Михаилом Карповичем проливает дополнительный свет на отношение Ходасевича к Горькому и яснее всего ранее опубликованного показывает, как развивалось самосознание поэта, приведшее его к изменению гражданского статуса: из советского гостя на Западе Ходасевич окончательно превратился в эмигранта и открытого противника советского режима. Наконец, недавняя публикация его писем к Зинаиде Гиппиус, Вячеславу Иванову и Владимиру Набокову показывает, как выражались в повседневном личном и литературном общении стилистические принципы поэта (переходы от холодной вежливости к теплому дружескому участию или откровенной шутливости и озорному юмору). Все эти публикации постепенно дополняют портрет Владислава Ходасевича, давая нам более живой и многогранный образ его творческой и человеческой личности.

Тем не менее, два больших корпуса его переписки до сих пор не опубликованы. Один из них составляют 126 писем, почтовых открыток и телеграмм к Анне Чулковой, второй жене поэта. Они охватывают период от июля 1915 г. до ноября 1925 г.<sup>3</sup> и являются основным документальным источником о жизни Ходасевича в эпоху, предшествовавшую его отъезду из России, и в первые годы его пребывания в Западной Европе. Интересны они не только тем, что раскрывают настроения Ходасевича этих лет, но еще и тем, что содержат множество мимолетных, часто полумошутливых зарисовок его современников, таких как Мандельштам, Волошин, Гершензон, Горький, Вячеслав Иванов, Цветаева, Сергей Эфрон, Софья Парнок и т.д.

Второй свод неизданной переписки Ходасевича представлен в настоящей публикации. Это — 74 его письма к Нине Берберовой, написанные между сентябрем 1926 и январем 1939. Творческая личность поэта, по-разному проявлявшаяся в его стихах, критических и мемуарных работах, — получает здесь свое завершенное, наиболее зрелое выражение. Перед нами — внутренний взгляд на себя и на мир эмигрантской литературы между двумя войнами. На страницах писем проходят едва ли не все ведущие деятели русской культуры: Адамович, Алданов, Бальмонт, Бунин, Гиппиус, Зайцев, Георгий Иванов, Куприн, Мережковский, Набоков, Цветаева... и множество более мелких фигур, о которых Ходасевичу приходилось писать и с кем он почти ежедневно сталкивался в 1920-30-е гг. Видит читатель и постоянную бедность, преследующие поэта болезни,

<sup>3</sup> Оригиналы писем Ходасевича к Анне Чулковой (в настоящее время эти письма готовятся к публикации проф. Робертом Хьюзом и автором) и Нине Берберовой находятся соответственно в ЦГАЛИ (ф. 537) в Москве и в *Weincke Library* (архив Берберовой) Йельского университета. Все цитаты из писем в данном предисловии приводятся по фотокопиям, любезно предоставленным автору упомянутыми архивами и Н. Берберовой. Еще один крупный свод неизданной переписки Ходасевича, пока не появившийся в печати, составляют его письма к Александру Бахраху и Владимиру Вейдле. Дополнительный биографический материал об отношениях Ходасевича с А. Чулковой и Н. Берберовой см. в кн.: David M. Bethea. *KHODASEVICH; HIS LIFE AND ART*. Princeton, Princeton University Press, 1983.

постепенный распад профессиональных и личных связей, растущие под влиянием этих обстоятельств одиночество и «мрачность» Ходасевича. Но вместе с тем, из его писем, в особенности из написанных в период работы над «Державиным», — возникает образ вдохновенного художника, плененного поэзией русской истории и историей в русской поэзии. На противоположном полюсе выступает фигура адресата писем — Нины Берберовой. Но если Ходасевич предстает жертвой изгнания, то Берберовой можно отнести скорее к выжившим в эмиграции, к тем, кому удалось развить свой художественный талант, вопреки убеждению, что русская литература умирает. И наконец, из этой переписки возникает завершенный, глубоко личный и неповторимый образ исчезающей эпохи и усталого одинокого художника — едва ли не лучшего ее выразителя.

Какою же предстает личность Владислава Ходасевича из его эпистолярного наследия? Хотя переписка носила сугубо частный характер и не предназначалась для публикации, художник ошутим в ней не меньше чем обыкновенный человек. Письма подчас искрятся остроумием, светлым задорным юмором, неожиданными каламбурами. Так, в июне 1916 г. столкнувшись на коктебельском пляже с Мандельштамом, Ходасевич описывает Анне Чулковой эту встречу в следующих выражениях:

Тут случилась беда: из-за холмика наехали на нас сперва четыре коровы с ужаснейшими рогами, а потом и хуже того: Мандельштам! Я от него, он за мной, я взбежал на скалу в 100 000 метров высотой. Он туда же. Я ринулся в море — но он настиг меня среди волн.

(Письмо от 7 июня 1916; ЦГАЛИ, ф.537, оп.1, ед. хр.45).

А в начале 1928 г. озорно и не слишком уважительно к персонажу повествует Берберовой о литераторше-антропософке Григорович, измучившей его просьбами о литературных советах:

Она сказала: «Можно быть великой,  
Не будучи Антоном-Горемыкой!  
Лишь сядь под куст, попукай и посикай».  
Попукала, посикала — и вот  
Свой сик и пук ко мне на выбор шлет.

(Письмо от 3 апреля 1928, №4).

Но остроумие Ходасевича, как уже неоднократно отмечалось исследователями, могло быть жестоким, мрачным, сардоническим. Таково безжалостное изображение писателей и писательских жен на благотворительном балу в апреле 1938 г. (№66). Безусловно, здесь мы имеем дело с тем же самым мировосприятием, что породило стихи «Перешагни, перескочи...»<sup>4</sup>. Но нет художественной объективации, нет остранения — и в результате письма Ходасевича, особенно последние, вызывают настоящий озноб, гнетущее чувство полной изоляции поэта, его органи-

<sup>4</sup> См.: В.Ф. Ходасевич. Собрание сочинений. Под ред. Р.Хьюза и Дж.Мальмстада. Т.1, Ardis, Ann Arbor, 1983, с.120.

ческой неспособности слиться с окружающими, принимая людей лишь по внешнему их облику. Не ускользают от его безжалостного взгляда и те из собратьев по перу, кто стремится приспособиться, теряет остроту видения, изменяет высоким принципам писательского ремесла. Такова раздраженная характеристика, которую дает он Юрию Фельзену, молодому прозаику, начавшему «менять ориентации, возвращаясь на духовную почву, т.е. отступая из литературы на заранее подготовленные позиции — к бирже» (письмо от 21 июня 1937, №61).

Ходасевич никогда не был общественным деятелем или поклонником стадности. Но в годы совместной жизни с Берберовой, ее молодость и энергия, ее энтузиазм и постоянное стремление быть «в гуще жизни» — заражали и самого поэта, спасая его от полного одиночества. Со времени их разрыва в апреле 1932 г. его острый взгляд и способность к безжалостному анализу начинают свое разрушительное действие, усугубляя и без того растущую горечь и чувство разочарования. Сюда же добавляются нетерпеливость, раздражительность. Его словесные выпады обладают поразительной точностью и направляются большей частью на тех, кто — на родине ли, в изгнании ли — роняет, по мнению Ходасевича, звание русского литератора. Именно в этом ключе следует воспринимать его последние письма, поражающие своей беспросветностью, когда он жалуется, что «Зайцева читать нельзя» (14 марта 1936, №54), или объявляет «верхом комизма» полемику Бунина с Алдановым в «Освобождении Толстого» (21 июня 1937, №61). По существу, эти характеристики — лишь логическое развитие принципов, усвоенных Ходасевичем еще в начале литературной карьеры, его писательского ригоризма: невозможно братья за перо, не изучив досконально того, о чем собираешься писать, и не высказывая новых оригинальных мыслей. Разочарование банальностью бунинских, зайцевских и алдановских статей, посвященных столетнему юбилею Толстого; раздражение Осоргиным, приписавшим пушкинские строки Лермонтову, — все это вызывает гневные филиппики Ходасевича. Он словно вступает за честь русской литературы, которой нанесено оскорбление:

Толстовские ном[ера] газет ужасны. Обывательщина Зайцева, Бунина (пересказавшего анекдот, давно перепечатанный Горьким и даже на днях переведенный Бахрахом), Алданова — постыдна. А Бунаков! А Куприн — это уже суший позор. А весь вид «Возр[ождения]!»! (Послед[ние] Нов[ости] хоть сверстаны грамотно). Кабак.

(Письмо от 11 сентября 1928, №6)<sup>5</sup>.

Литераторы такого уровня, полагает Ходасевич, должны писать лучше; всякий раз, когда художественная правда подменяется словесными клише или гладкими общими рассуждениями, — наследие великой русской ли-

<sup>5</sup> Столетие со дня рождения Толстого отмечалось 9 сентября 1928. Статьи известных литературных деятелей эмиграции (Зайцева, Бунина, Алданова и Куприна) были помещены в обеих ежедневных газетах русского Парижа «Последних новостях» (№2727) и «Возрождении» (№1195).

тературы обесценивается. (Как часто сам Ходасевич в своих биографических и мемуарных заметках о Пушкине, Брюсове, Белом, Горьком и других писателях безжалостно разрушал этот «возвышающий обман», смывая с реальных исторических персонажей ненавистный ему «хрестоматийный глянец»).

Скептический ум и бесстрашная честность Ходасевича, его общественная бескомпромиссность, проявлялись и в его литературной позиции. Уже к середине двадцатых годов он отмечает унылое однообразие официальной советской литературы и фальшивый оптимизм выступлений ее «корифеев», и прежде всего — Горького, чьим соратником и другом Ходасевич некогда являлся. Однако, несмотря на все уважение, которое испытывал он к Горькому, несмотря на чувство личного долга перед ним, — Ходасевич твердо воспротивился его попыткам дискредитировать эмиграцию и эмигрантскую литературу. Именно это противостояние сделалось причиной разрыва личных и профессиональных отношений двух художников (см. письмо от 5.04.1928.)<sup>6</sup>. Когда поэт убедился, что Горький сознательно предает литературу — ту самую, истинную, высокую, «ни белую, ни красную», которой в прошлом отдал столько лет и усилий, — Ходасевич не колеблется в выборе между дружбой с писателем и правдой. Его резкий тон и жесткую характеристику Горького как «подлеца» (письмо от 14 сентября 1926, №1) следует рассматривать в контексте недавней капитуляции Горького при закрытии «Беседы» и его роли в полемике 1927-28 гг. о свободе советской литературы. В эту полемику были вовлечены не только Горький и Ходасевич, но и такие разные писатели, как Ромен Роллан, Илья Гальперин-Каминский, Бунин, Бальмонт, Луначарский (письмо от 5 апреля 1928, №5). В то время как Ходасевич безуспешно пытался привлечь внимание западной интеллигенции к положению советских писателей, Горький мешал этой попытке любыми средствами, вплоть до использования дружеских связей с Ролланом или открытой дискредитации своих оппонентов (довод об алкоголизме Бальмонта, как свидетельство ненадежности эмигрантских литераторов).

Ходасевич никогда не любил повседневную, бытовую сторону жизни. В нем было нечто от стереотипного образа поэта, возвышающегося надо всем, что связано с грубым, практическим миром. И все же от письма к письму мы видим, как снова и снова он вынужден возвращаться к материальным проблемам, подсчитывать деньги, торговаться с редакторами, мало озабоченными литературным качеством, писать не из внутренних побуждений, а из самой элементарной нужды. (Поэтому легко представить себе, какое отчаяние у измученного долгами поэта могли вызывать угрозы А.О. Гукасова закрыть «Возрождение», см. №42, 59). Письма к Берберовой значительно расширяют наши знания о повседневной стороне жизни Ходасевича в 1920-30-е гг.

<sup>6</sup> Более подробно об этом эпизоде и об отношениях Ходасевича и Горького см.: Н. Берберова. *КУРСИВ МОЙ*. Мюнхен, 1972, с.267-276; Hughes and Malmstad. *VLADISLAV KHODASEVICH TO MIKHAIL KARPOVICH*, op. cit., p.149-150; В.Ходасевич. *ГОРЬКИЙ*. — «Современные записки», кн. LXX, 1940, с.131-145.

Мысли о бедности не оставляют его: в первом письме Берберовой, написанном в сентябре 1926 г., когда он отдыхал в Sceaux-Robinson, Ходасевич просит выслать ему дополнительно 300 франков — и тут же спохватывается, извиняясь за сказанную глупость; несколько позже приводит рассказ о ссоре в семье Вейдле из-за денег, уточняя: «вернее, из-за отсутствия денег» (1 сентября 1928, №6); мы видим, как Ходасевич и Берберова постоянно выручают друг друга несколькими лишними франками, когда один из них оказывается в поездке без копейки; в ноябре 1930 (№25-27) Ходасевич, который на неделю исчез из Парижа, чтобы спокойно поработать в Арти над «Державиным», — с ужасом узнает, что муниципальная служба грозит отключить в его парижской квартире отопление за неуплату счета; и даже в период относительно счастливых лет своей жизни с Ольгой Марголиной, поэт жалуется на «неслыханное беднежье (куда хуже 1926 года)» — т.е. весны 1926 г., когда Ходасевич и Берберова без гроша в кармане вернулись в Париж из Сорренто и сидели практически без работы (письмо от 20 декабря 1935, №53).

Еще одним вечным спутником жизни поэта были болезни. В письмах они упоминаются постоянно, варьируя от мелких недомоганий, типа воспаления уха (№9-11), до настоящих мучений, связанных с периодическим обострением экземы, превращавшей изящный почерк Ходасевича в судорожные детские каракули, лишавшей его способности самостоятельно одеваться, бриться, вынуждавшей неделями сидеть дома с забинтованными руками (№50-53). И потому, когда время от времени он сообщает Берберовой, что «жив и здоров, ничего не болит, слава Богу» (№6), — Ходасевич вовсе не шутит и не играет в ипохондрию: слишком редко отпускает ему судьба такие моменты удачи. С детства болезненный Ходасевич постоянно приучает себя к страданию, к постоянной угрозе возврата боли, и физические муки, особенно в 1930-е гг., усугубляют растущее чувство горечи и разочарования. В последнем письме к Берберовой в январе 1939 г. он замечает, что из-за болей в животе даже не может читать газет (через несколько месяцев рак печени сведет его в могилу). После этого письма упоминания ежедневных занятий Ходасевича можно найти лишь в его неопубликованном рабочем дневнике. С 1939 г. записи в нем все чаще начинаются одной и той же фразой: «В постели».

Свою эпистолярную деятельность Ходасевич не считал литературным занятием, и, составляя письма Берберовой или Чулковой, не думал о том, что «вечность заглядывает через плечо», а письма его станут достоянием истории. (Хотя однажды он шутивно предложил Анне Чулковой отправить в Академию наук подробное описание их жизни коктейльских курортников). В этом смысле предреволюционная Москва и эмигрантский Париж скорее напоминают в его переписке пушкинское «Село Горюхино», нежели карамзинскую «Историю государства Российского». В ней нет изобразительной завершенности и литературной обработки текста (да автор и не стремился к этому). И все-таки из этих писем возникает не парадная, но повседневная история эпохи, если только мы способны, как советовал в другом месте сам Ходасевич, — «вчитаться» в них. Он пишет в тоне легкой болтовни о самых разных предметах, и уже бла-

годаря этому мы получаем ряд моментальных снимков людей и событий, которые чаще всего остаются за пределами официальных биографий и литературных мемуаров. К числу таких снимков относятся уже упоминавшиеся пассажи о неискренности Горького и нарочитой вежливости Зайцева. Однако их гораздо больше. Когда Ходасевич рассказывает о вечеринке у Алданова, после которой Бунин ничтоже сумняшеся приглашает гостей отправиться с ним в ближайшее бистро и тем самым обижает хозяев (№13), — мы воспринимаем бестактность и нечуткость Бунина лишь как естественное продолжение его эгоцентричности, его артистической природы. Рафинированный гедонист, Бунин видит мир во всех его физических подробностях, но остается глух ко всему, что выходит за их пределы, в том числе и к чувствам и мыслям окружающих его людей. Зато Зинаида Гиппиус воспринимается как полная противоположность Бунину: там, где ему трудно даже осознать возможность иного взгляда или мнения, для нее — сфера чужих мыслей представляет главный интерес, она словно заряжается от интеллектуальных хитросплетений и столкновения идей. Когда обиженный Ходасевич объясняет Берберовой, что уважение к ней исключает для него самую возможность прислушиваться к сплетням и пересудам о ее жизни, он многозначительно замечает:

Милый мой, ничто и никак не может изменить того большого и важного, что есть у меня в отношении тебя. Как было, так и будет: ты слишком хорошо знаешь, как я поступал с людьми, которые дурно относились к тебе или пытались загнать клин между нами. Зина — пример очень наглядный. Она не только тебя на меня настрикивала, но и меня на тебя, если хочешь знать. *За это* я ее и возненавидел навсегда.

(весна 1933, №40).

Но письма к Берберовой дают нам не только индивидуальные или коллективные портреты современников и многочисленные суждения поэта, разбросанные в его корреспонденции. Они почти с календарной точностью отмечают момент перелома, наступившего в его мироощущении изгнанника: говоря о разрыве с Берберовой (№32-33), Ходасевич горько добавляет:

Настроение весело-безнадежное. Думаю, что последняя вспышка болезни и отчаяния были вызваны прощанием с Пушкиным. Теперь и на этом, как и на стихах, я поставил крест. Теперь нет у меня ничего.

(19 июля 1932, №32).

С этого момента, несмотря на теплоту отношений с Ольгой Марголиной, у поэта не остается почти ничего, что привязывало бы его к жизни.

И все-таки Ходасевич боролся еще семь лет. На уровне общественном — помогал устраивать литературные вечера, изыскивал любые возможности для поддержки нуждающихся писателей (№46, 57, 60, 63). На уровне личном — постоянно следил за деятельностью Берберовой, радовался ее литературным успехам. Так, отвечая на появление в «Современных записках» ее романа «Без заката», он восклицает:



Написал ты чудно, так что даже слезу прошибло. Пошли тебе Господь, чтобы ты всегда так писал — и еще лучше.

(14 марта 1936, №54)

А на выход биографии Чайковского счастливо отзывается:

...так же хорош, как «Державин», хотя Чайковский действительно не моего романа герой.

(1 мая 1936, №55)

Замечательно, что во всей его переписке нет и намека на зависть или литературное соперничество. В то самое время, как Ходасевич прекращает писать стихи и «прощается с Пушкиным», — Берберова развивает собственную манеру письма, полностью выходя из-под его литературного влияния. И все же Ходасевич рукоплещет каждому ее новому успеху, искренне радуясь развитию ее таланта. Точно так же радуется он и за Набокова, для «открытия» которого Ходасевич сделал больше кого бы то ни было (№61, 72)<sup>7</sup>. Уже это показывает, что «мрачность» последних лет никак не отразилась на его критических и профессиональных оценках.

Именно поэтому письма Ходасевича возвышаются над человеческими слабостями, упоминаниями о которых они переполнены, а «слишком человеческое» не заслоняет ни истории, ни литературы. Причину этого, равно как и особой прелести, исходящей от его писем, — следует искать еще и в их языке. Не будучи «литературным» в строгом смысле, он остается языком литератора — т.е. человека, который относится к слову с чрезвычайной серьезностью. Это видно уже из его замечаний по поводу неточностей, допущенных Берберовой в биографии Чайковского:

Вот мелкие ругательства. Нельзя было называть петербуржцев хулиганами, потому что это слово появилось только в начале девяностых годов. Антонину Ивановну нельзя называть хипесницей: это слово — блатное, означает оно не стерву, не хищницу вообще, а специально проститутку, которая заманивает гостя и обкрадывает его, напоив или во время сна. Тут ты поступила, как профессор Коробкин, все цветы называвший лютиками.

(1 мая 1936, №55).

Ходасевич всегда остается поэтом (в переходах от легкой архаичности оборотов к шутивным уменьшительно-ласкательным прозвищам, в бесчисленных каламбурах, остротах, эпиграммах), если считать многозначность — отличительной особенностью поэтической речи. Слово несет для него нечто большее, чем простой номинативный смысл, и это проявляется в письмах так же, как и в его стихах. Рядом с Ходасевичем-человеком всегда стоит Ходасевич-художник — и мимолетность обретает для нас черты исторической правды.

*Перевод с англ. В.А.*

<sup>7</sup> Стоит отметить, однако, что к марту 1936 Ходасевич начал относиться к нему более критически. В письме №54 он признается Берберовой: «Сирин мне вдруг надоел (*секрет от Адамовича*), и рядом с тобой он какой-то поддельный».

Вторник, вечер  
[14 сентября 1926, Sceaux-Robinson]<sup>1</sup>

Милый мой кот<sup>2</sup>, мы сегодня почти не виделись<sup>3</sup>. Я очень жду тебя в четверг. На 2.50<sup>4</sup> пойду тебя встречать, но если приедешь раньше — чудно. Если есть чистая или получистая наволочка для моей думки — захвати.

Сегодня я опоздал на поезд 9.15, пошел в Ротонду<sup>5</sup> и встретил папу Познера<sup>6</sup>, который очень противен. Как ты и предсказывал — переписывается с А[лексеем] М[аксимовичем]<sup>7</sup>!!! «Возражал» ему на письмо о Дз[ержинском]<sup>8</sup>. А.М. — ему, словом — гнус. Я сказал, что А.М. просто подлец. Ну, к дьяволу их. О, если бы 300 франков! — Прости за глупости. Как хорошо, что я здесь, спасибо тебе за это и за все<sup>9</sup>.

Целую,  
Владя

Письмо Цвибака<sup>10</sup> и статья о Дз[ержинском]<sup>11</sup> из «Сегодня»<sup>12</sup> оказались внутри блокнота. Не вздумай искать.

<sup>1</sup> Квадратные скобки при датировке означают, что дата письма и местопребывание во время его написания восстановлены по календарю Ходасевича, по почтовому штемпелю или же просто предполагаются публикатором. В некоторых случаях удалось установить только год по данным, содержащимся в письме.

<sup>2</sup> Ласкательное прозвище Н.Н. Берберовой. Интересно, что прозвище, которое Ходасевич дал своей второй жене, Анне Ивановне Чулковой (сестре Г.И. Чулкова), связано по смыслу. Он прозвал ее «Мышью». Как будет видно из последующих писем, обращаясь к Берберовой, Ходасевич не только называет ее «Котом», но и употребляет глагольные и прилагательные окончания мужского рода. Такое обращение, по-видимому, символизировало своеобразный ласковый юмор в их отношениях.

<sup>3</sup> Они не виделись, потому что Ходасевич находился в это время в Sceaux-Robinson (дачном местечке увеселительного характера, расположенном на южной окраине Парижа и в настоящее время превратившемся в рабочий пригород): он заканчивал работу над воспоминаниями о Муни (Самуиле Викторовиче Киссине, русском поэте еврейского происхождения, со дня смерти которого к тому моменту прошло десять лет. Потеря ближайшего друга и соратника по символистской эпохе глубоко потрясла Ходасевича). Эти мемуары были напечатаны в газете «Последние новости» (см. ниже) (№2017 от 30 сентября 1926), а позднее вошли в состав *НЕКРОПОЛЯ* (Брюссель, изд. Petropolis, 1939) — книги воспоминаний.

<sup>4</sup> Т.е. поезд, прибывающий в 2.50.

<sup>5</sup> Кафе на бульваре Монпарнас.

<sup>6</sup> Соломон Викторович Познер (1880-1946), журналист, выехавший из Петербурга в Париж с женой и двумя сыновьями (Владимиром и Георгием). В это время, т.е. в 1920-е гг., С.В. Познер сотрудничал в «Последних новостях». Одно время он также писал для еженедельника М.М. Винавера «Еврейская трибуна». В.С. Познер, сын Соломона Викторовича, до своего выезда из Советской России состоял членом группы «Серапионовы братья», а позже, в эмиграции, работал журналистом во Франции, написал книгу о современной русской литературе (*PANORAMA DE LA LITTERATURE RUSSE CONTEMPORAINE*, 1929), состоял во французской компартии.

<sup>7</sup> Алексей Максимович Пешков (наст. имя Максима Горького, 1868-1936). В первую пору своей эмигрантской жизни Ходасевич и Берберова проживали у Горького в продолжение трех лет (с перерывами). Весной 1926, покинув Сорренто (в то время место пребывания Горького), Ходасевич навсегда перешел на эмигрантскую сторону, а Горький, устав сидеть «между двух стульев», вступил на длительный (правда, не прямой) путь примирения с официальной советской литературой и советским бытом. О весьма сложных отношениях между Ходасевичем и Горьким см., напр.: *ПИСЬМА МАКСИМА ГОРЬКОГО К В.Ф. ХОДАСЕВИЧУ*. «Новый журнал», 1952, №29, с.205-214, №30, с.189-202, №31, с.190-205; В.Ф. Ходасевич. *БЕСЕДА*. — «Возрождение», №4114, 14 января 1938; его же *НЕКРОПОЛЬ*, Брюссель, изд. Petropolis, 1939, с.228-277; его же *ГОРЬКИЙ*. — «Современные записки», 1940, №70, с.131-155; Н.Н. Берберова. *ТРИ ГОДА ЖИЗНИ М.ГОРЬКОГО*. — «Мосты», 1961, №8, с.262-277.

<sup>8</sup> Феликс Эдмундович Дзержинский (1877-1926). Незадолго до написания этого письма Горький «оплакал» смерть председателя ВЧК. (См.: Письмо М.Горького к Я.С. Ганецкому от июля 1926. — М.Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. М., изд. «Художественная литература», 1955, т.29, с.473). О высказываниях Ходасевича о Дзержинском см.: В.Ф. Ходасевич. *ПАРИЖСКИЙ АЛЬБОМ*. — «Дни», №1063, 25 июля 1926. Эта статья позднее перепечатана в рижской газете «Сегодня».

<sup>9</sup> В это время Ходасевич с трудом переносил городскую жизнь, предпочитая уединение шуму и суматохе в густо населенных европейских центрах. Он часто выезжал из Парижа в различные пригородные места, чтобы отдохнуть и поработать над очередным фельетоном или статьей. Понимая, что это уединение за городом облегчает его душу и благотворно влияет на семейные отношения, Берберова его всячески поддерживала и одобряла. Отношение Ходасевича к городской жизни становится понятным из его письма от 14 октября 1924, адресованного его второй жене

А.И. Чулковой (в то время Ходасевич находился в Сорренто): «К счастью (или к несчастью), я в последние годы совершенно утратил способность жить в больших городах. Берлин мне тяжел, Париж еще хуже, а в Риме (хоть он и много меньше) я буквально заболел на другой день. От всякого шума у меня делается такое сердцебиение, что не могу дышать. По ночам не сплю. Думаю, что не вынес бы ни Москвы, ни даже Петербурга» (ЦГАЛИ, ф.537, т.1, ед. хр.51).

<sup>10</sup> Яков Моисеевич Цвибак (лит. псевдоним Андрей Седых, р. 1902), писатель, журналист. С 1920 по 1940 — репортер в «Последних новостях», с 1940 — сотрудник, с 1967 — соредактор, а с 1973 по сей день — главный редактор нью-йоркской газеты «Новое русское слово».

<sup>11</sup> См. прим.8.

<sup>12</sup> Газета, выходившая в Риге с 1919 по 1940 под ред. М.С. Мильруда.

## 2

Понедельник, вечером  
[11 апреля 1927, Париж]

Милый Кот,

Я еще не знаю твоего адреса<sup>1</sup>, но решил писать тебе письмо, чтоб рассказать о делах, кот[орые] тебя, вероятно, интересуют.

Так вот, деньги юшкевичевские<sup>2</sup> я получил полностью и в благоприличной форме. Фохт<sup>3</sup> обещает дать 400-450 фр. в четверг, в 5 часов, божится, что примет «все меры», но мне не нравится, что он должен прибегать к «мерам». Однако, думаю, что действительно даст (Тьфу, тьфу, тьфу!). Рукопись<sup>4</sup> у меня. — Кажется, он подрабочаровался в Мерезлобине<sup>5</sup>, и в нем ходят разные эдакие мысли. Посмотрим, что будет дальше.

Получил сейчас заметку от Вейдле<sup>6</sup> и приглашение завтра вместе обедать. Если нет — просит послать рпеу<sup>7</sup> — и мне из-за этого придется надевать штаны и выходить на улицу, а я было собрался сидеть вечером дома. Сейчас 9 часов; я пришел домой в 7.30, съел котлету и все макароны, выпил молока, меня развезло, и я ложусь отдыхать. А обедать с Вейдле не буду, ибо завтра обедаю у Жени<sup>8</sup>, потом Сев<sup>9</sup> (зайду), потом Зайцевы<sup>10</sup>, потом домой ужинать, потом в Штейнов «очаг»<sup>11</sup> на чтение Шмелева<sup>12</sup> (опоздаю, сколько смогу) — чтобы окончат[ельно] сговориться о вечере с ним и с Мишей<sup>13</sup>, кот[орый] там будет. По-видимому, вечер — 26-го<sup>14</sup> (Тьфу, тьфу, тьфу!). — Ложусь. — Писем нет. —

*Вторник*, утро, в *Taverne Royale*<sup>15</sup>. Милый Кот, я очень обрадовался письмишку, но к тебе не приеду, поймешь из дальнейшего — почему.

Я лег в 9 часов и читал Юшкевича до 12, а в 12 потушил свет и тотчас заснул. Проклятую пневматичку опустил сегодня. Сейчас принужден выправлять каракули и запятые в рукописи Вейдле, черт бы его побрал. Отсюда бегу в редакцию<sup>16</sup>, потом к Нидермиллерам<sup>17</sup>.

Я не хочу ехать к тебе по двум причинам. 1-я — чтоб ты побыл один, сам по себе — и не смей воображать, что три дня — «трудно». Сиди, играй сам с собой. Советую привязать бумажку к веревочке, подвесить к лампе и с ней играть. Очень хорошо для кошек.

2-я причина: в четв[ерг] я должен вернуть Юшк[евичу] часть книг<sup>18</sup>, т.е. прочитать их к тому времени, т.е. завтра, ибо сегодня я весь день буду в бегах. След[овательно], мне с тобой разговаривать некогда. Кроме того — хроника<sup>19</sup> сегодня веч[ером] или завтра утром должна быть написана (кое-что наскребу). Завтра утром надо ехать в ред[акц]ию. Словом — занят.

Чувствую себя чудно (Тьфу, тьфу, тьфу!). Ухо почти прошло<sup>20</sup>. Ем за двоих, ибо уверен, что ты голодаешь.

Ну, будь здоров, Ангел маленький. Бегу, чтоб не опоздать к Жене. Целую ручки, ножки, пупочек и носик. Ты моя жизнь, как всем известно. Я страшный пай и аккуратист оказался.

Твой Владюша.

<sup>1</sup> Берберова поехала на несколько дней в Версаль. Ходасевич остался в Париже.

<sup>2</sup> Ходасевич взялся написать одну из вступительных статей для сборника *ПОСМЕРТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ С.С. ЮШКЕВИЧА* (Париж, 1927). Семен Соломонович Юшкевич (1868-1927), бытописатель одесского еврейства, до революции принадлежал к группе литераторов, объединившихся вокруг горьковского «Знания», после революции эмигрировал.

<sup>3</sup> Всеволод Борисович Фохт, поэт и журналист, сын друга А.Белого по Москве, Бориса Фохта. В.Б. Фохт вместе с Д.Кнутом, Ю.К. Терапиано и Н.Н. Берберовой являлся одним из членов редколлегии недолго просуществовавшего журнала «Новый дом» (1926-1927); он, главным образом, отвечал за финансовые дела журнала.

<sup>4</sup> Мы не знаем, что это за рукопись. Возможно, статья, которую Ходасевич намеревался поместить в «Новом доме».

<sup>5</sup> «Мерезлобин»: Зинаида Николаевна Гиппиус (1867-1945), Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865-1941) и Владимир Ананьевич Злобин (1894-1967), секретарь Мережковских. В это время Ходасевич и сам начинает разочаровываться в «Мерезлобине» и в «Зеленой лампе» — литературно-философском обществе, созданном по инициативе Мережковских. Он читал вступительную речь на первом собрании этого общества, но скоро утратил к нему интерес и в своих фельетонах начал даже выступать против Мережковских. Философские споры, ведшиеся на собраниях общества Мережковскими и их учениками, Ходасевичу казались пустыми. См., напр.: Зинаида Гиппиус. *ПИСЬМА К БЕРБЕРОВОЙ И ХОДАСЕВИЧУ*, под ред. Erika Freiberger Sheikholeslami, Ann Arbor, «Ardis», 1978; Зинаида Гиппиус. *ЗНАК*. — «Возрождение», №926, 15 декабря 1927; З.Гиппиус. *СОВРЕМЕННОСТЬ*. — «Числа», 1933, №9, с.141-145; Temira Pachmuss. *ZINAIDA HIPPIUS: AN INTELLECTUAL PROFILE*. Carbondale, University of Illinois Press, 1971, с.238-246; В.Ф. Ходасевич. *О ПИСАТЕЛЬСКОЙ СВОБОДЕ*. — «Возрождение», №2291, 10 сентября 1931; В.Ф. Ходасевич. *ЕЩЕ О ПИСАТЕЛЬСКОЙ СВОБОДЕ*. — «Возрождение», №3347, 2 августа 1934. Об отношениях между Ходасевичем и Гиппиус см.: Д.Мальмстад. *ИЗ ПЕРЕПИСКИ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА*. — «Минувшее», №3, Париж, 1987, с.272-277.

<sup>6</sup> Владимир Васильевич Вейдле (1895-1979), литературный критик, искусствовед, поэт; близкий друг Ходасевича; эмигрировал в 1924; много лет преподавал историю искусства в Св.-Сергиевской духовной семинарии в Париже; написал несколько статей о поэзии Ходасевича, наиболее значительная из которых была помещена в «Современных записках». См.: В.В. Вейдле. *ПОЭЗИЯ ХОДАСЕВИЧА*. — «Современные записки», №34, с.452-469.

<sup>7</sup> pneu: carte pneumatique (пневматичка). Вид срочной пересылки писем при помощи сжатого воздуха. Пневматичка пользовалась большой популярностью у тех, кто в то время не имел телефона. Ходасевичу и Берберовой часто приходилось прибегать к этому виду сообщения.

<sup>8</sup> Евгения Фелициановна Ходасевич (по первому браку Кан, по второму — Нидермиллер, 1876-1960), старшая сестра Ходасевича. Как и брат, она эмигрировала после революции и поселилась с мужем и дочерью в Париже.

<sup>9</sup> М.Г. Сев — зубной врач, сестра В.Г. Винавер.

<sup>10</sup> Борис Константинович Зайцев (1881-1972), писатель-реалист («акварелист»), переводчик Данте, и его жена — Вера Алексеевна (1877 или 1878-1965), — старые друзья Ходасевича еще по Москве. С 1922 — эмигранты в Париже.

<sup>11</sup> Известный русский клуб С.Ф. Штейна (существовавший еще до революции) около Place Pigalle.

<sup>12</sup> Иван Сергеевич Шмелев (1875-1950) — писатель-реалист, эмигрант.

<sup>13</sup> Михаил Осипович Цетлин (1875-1945) — поэт и критик, эмигрант; с женой, Марьей Самойловной (1882-1976), держал до Второй мировой войны литературный салон в Париже. Впоследствии — основатель «Нового журнала». О нем см.: В.Ф. Ходасевич. *КНИГИ И ЛЮДИ*. (Рецензия на книгу Цетлина *ДЕКАБРИСТЫ*). — «Возрождение», №2977, 27 июля 1933.

<sup>14</sup> Т.е. поэтический вечер.

<sup>15</sup> Кафе на rue Royale.

<sup>16</sup> Редакция газеты «Возрождение», которая в то время находилась на rue Sèze. Газета придерживалась правого направления и выходила сначала (1925-36) ежедневно, затем еженедельно (1936-40). Начиная с 1927 и до своей смерти в 1939 Ходасевич возглавлял ее литературный отдел. Одно время газету редактировал П.Б. Струве. Владельцем «Возрождения» был А.О. Гукасов.

<sup>17</sup> Семья сестры Ходасевича. См. прим.8.

<sup>18</sup> Т.е. книги, которые были необходимы Ходасевичу для подготовки статьи о Юшкевиче.

<sup>19</sup> Хроника советской литературы под названием «Литературная летопись», которую Ходасевич и Берберова вели вместе в «Возрождении», пользуясь псевдонимом «Гулливер». Поскольку Берберова одновременно печаталась в «Последних новостях» (ежедневной газете либерального направления, выходившей в Париже с 1920 по 1940 под редакцией П.Н. Миллюкова) и газеты резко отличались друг от друга по своему направлению, она скрывала свое соавторство, и создалось мнение, что столбцом заведует один Ходасевич.

<sup>20</sup> Вся жизнь Ходасевич отличался слабым здоровьем. В продолжение 1920-1930-х гг. он постоянно страдал от ушной инфекции, фурункулеза, плохих зубов, экземы, наконец, рака. В письмах он часто сетует на свое самочувствие.

3

2 апр[еля 1]928  
6 час[ов] веч[ера]  
Версаль<sup>1</sup>

Родной мой,

Мне нечего написать тебе, кроме того, что я чувствую себя неплохо. Писать сяду только сегодня вечером, после обеда. До сих пор гулял и читал.

Только недавно увидел твою надпись на бюваре. Милый ты мой.

Газет русских не покупал и, вероятно, не стану покупать.

Будь здоров, пиши и питайся. Отдохни от меня. А мне от тебя отдыхать не приходится: тебя мне Господь послал.

Целую. Твой Владюша.

<sup>1</sup> Ходасевич поехал на несколько дней в Версаль; Берберова осталась в Париже. См. также письма №№5 и 6.

4

3 апреля [1]928  
Версаль

Ты угадал, милый Кот: письмо Григорович<sup>1</sup> изумительно. Вот как пишут писатели, сознающие свое место в истории литературы и влияние на умы современников.

Она сказала: «Можно быть великой,  
Не будучи Антоном-Горемыкой!<sup>2</sup>  
Лишь сядь под куст, попукай и посикай».  
Попукала, посикала — и вот  
Свой сик и пук ко мне на выбор шлет.

Это — экспромт. Я вообще делаю экспромты — гастрономические. Пошел вчера утром в твой ресторан. Было плохо, но терпимо. Вечером — уже нестерпимо. Не доев какой-то подошвы с настриженным картофелем в машинном масле, швырнул на стол 6 фр[анков] и кинулся в лавочку. Купил ветчины, хлеба и шоколада. Съел, а всю ночь рыгал и икал воспоминаниями о пехоте, для которой я не создан.

Сегодня нашел ресторан для штатских. Увы, это стало в копейку. Но лучше раз в день есть хорошо и много, чем два раза тошниться от сухого пустяка.

За обедом случилось символическое. Против меня сидел толстый человек, декорированный до последней степени. Ел, лоснился и сиял — ослепительно. Уходя, брюхом качнул стол. Графин упал. Когда сей ослепляющий взоры ушел, *оставив после себя лужу*, — я понял, что это было 8-ое воплощение Людовика XIV. Какой-нибудь *deputé-Soleil*. На радостях я выпил не одну четверть белого, а две, да еще ликеру, да еще кофе, и шел домой по солнцу, чуть не танцуя. Будь в ресторане не вертлявый лакей, а



заснобистая служанка, поступил бы я с ней, разумеется, по-версальски, как какой-нибудь местный Вальмон<sup>3</sup> или Патя Муратов<sup>4</sup>, — т.е. посадил бы к себе на колени, угостил бутылочкой доброго бургундского, после чего она лукавым пальчиком поманила бы меня прямо на антресоли. Но этого не случилось. А пришел я мирно домой и сейчас, отдохнув, сяду писать. Вчера я только совладал с проклятым вступлением к статье<sup>5</sup>. Теперь, Бог даст, пойдет легче и глаже.

О Париже стараюсь не думать. Т.е. думаю о тебе — и больше ни о чем. Еще о Вейдличке<sup>6</sup> — любовнейше. Поцелуй его в четверг и в лысинку.

Визитную карточку нащупал только вчера ночью и был очень польщен. Спаси тебя господь.

Целую топталок. Правый заяц<sup>7</sup> протер-таки свой носок на пятке.

Твой Владюша.

P.S. Сегодня вторник. Завтра я не буду тебе писать — не о чем. Поэтому не беспокойся. Напишу в четверг.

<sup>1</sup> Писательница-антропософка, некогда влюбленная в Андрея Белого. См.: Н.Берберова. *КУРСИВ МОЙ*. Мюнхен, Fink, 1972, с.189-190. Второе из трех приводимых писем Белому — написано Григорович.

<sup>2</sup> Повесть Д.В. Григоровича (1822-1899) *АНТОН-ГОРЕМЫКА*, в которой описывается жизнь крестьян.

<sup>3</sup> Вальмон: Vicont de Valmont, главный герой *LES LIASONS DANGEREUSES* (1782) Pierre Choderlos de Laclos (1741-1803).

<sup>4</sup> Павел Павлович Муратов (1881-1950) — писатель, искусствовед, редактор журнала «София», специалист по Италии (автор книги *ОБРАЗЫ ИТАЛИИ*, Берлин, Изд. Гржебина, 1924), эмигрант, старый друг Ходасевича по Москве.

<sup>5</sup> В апреле 1928 Ходасевич писал воспоминания о Нине Петровской (которая в феврале того же года покончила с собой в Париже) под названием *КОНЕЦ РЕНАТЫ*. Эти воспоминания вышли в трех номерах «Возрождения» (№№1045, 1046, 1047 за 12-14 апреля 1928) и потом были включены в *НЕКРОПОЛЬ*.

<sup>6</sup> Т.е. В.В. Вейдле.

<sup>7</sup> *Топталки, заяц* — слова из того же шуточно-интимного словаря Ходасевича и Берберовой, что и прозвище «кот».

5 апр[еля 1]928  
Версаль

Милый Кот,

вчера утром, в кафе, я прочел письма Гальперина<sup>1</sup> и, не заходя домой, отправился в Париж. Постригся, вымыл голову и поехал к Гальперину. Именно его письмо окончательно убедило меня не печатать мой ответ на анкету<sup>2</sup>. Старика я оболостил и очаровал вдрызг. Теперь-то мы и стали друзьями до гробовой доски (надеюсь, все-таки, она накроет его раньше, чем меня). И вот что по-решили:

Г[альпери]н пишет Роллану<sup>3</sup>, чтобы тот прислал ему письмо Горького<sup>4</sup>. Это горьковское письмо Г-н печатает не в L'Avenir<sup>5</sup>, у которого нет ни читателей, ни редактора, ни простора, — а в Candide<sup>6</sup>, и *тут же, рядом* — мою большую обстоятельную статью, подвал, которую я напишу специально. Candide не L'Avenir, статья — не ответ на анкету, раздавить Горького *по поручению французской редакции* — не то, что в ряду других лепетать, отвечая на устарелую анкету. В довершение всего — потребую гонорар + в тот же день тисну все это (и Горького и себя) в Возрождение<sup>7</sup>.

Вот какой я умный. Но: о 2-м письме Горького, о моем грядущем ответе и о Candide — *величайшая тайна*. Ничего никому не говори.

Гальперин оказался твоим поклонником. Велел кланяться. Но поклоны — сотрясение воздуха, не больше. Мы заставим его переводить кошачьи штучки<sup>8</sup>. Дай срок.

У него (у его дочери) альбом, довольно потрясающий: Лев Толстой<sup>9</sup>, Влад[имир] Соловьев<sup>10</sup>, Майков<sup>11</sup>, Григорович<sup>12</sup>, Золя<sup>13</sup>, Тагор<sup>14</sup>, Франс<sup>15</sup>, Пуанкаре<sup>17</sup>, Горький, Л[еонид] Андреев<sup>18</sup>, Гол[енищев]-Кутузов<sup>19</sup>, Случевский<sup>20</sup>, Ростан<sup>21</sup>, Бор[ис] Лазаревский<sup>22</sup> — все великие люди.

На заду Бориса Зайцева (а еще там есть Брюсов<sup>23</sup>, Дима<sup>24</sup> про слишком ранних предтеч, Зина<sup>25</sup>...) написал я сонет в 14 слогов, дав старику честное слово, что это шедевр. (Он поверил за себя и за дочку).

Потом я был в Select<sup>26</sup>, где в полутьме подвала накрыл Верочку Бунину<sup>27</sup> с *Милиоти*<sup>28</sup>. Она адски сконфузилась. Тогда я сказал:

— Я живу в Версале, а здесь на 1/2 часа incognito. Никому не говорите, что меня видели.

— Хорошо, хорошо! — она буквально захлопала в ладоши. — А вы не говорите, что меня видели. Ах, как смешно. У нас с вами теперь будет тайна.

Спешу сообщить тебе эту тайну.

Потом я вернулся в Версаль. К тебе не поехал<sup>29</sup>, ибо не знал, дома ли ты, а ключа от квартиры со мной не было. Боялся приехать зря. Не живи так далеко!

Статья моя движется очень туго<sup>30</sup>. Оказалось — безумно трудно по тысяче причин. Кончу, разумеется, но будет плохо, и я с этим уже примирился.

Зато я очень отдохнул и «стал другим человеком». Сегодня впервые купил рус[ские] газеты. Видел хронику Ивелича<sup>31</sup> и стихи какой-то Нины<sup>32</sup>, чтоб ей ни дна, ни покрышки. Видел о назначении «Зел[еной] Лампы» на понедельник<sup>33</sup>. Канун ей да ладан.

Я приеду, вероятно, в субботу. М[ожет] б[ыть] днем домой, а м.б. — прямо к Берберовым<sup>34</sup>. Может случиться, что буду кончать статью в воскр[есенье] днем дома. Не позовешь ли *на вечер в воскр[есенье]* Вейдличку? Я бы хотел отправить статью с ним.

Целую. Писать тебе больше не буду. Симпатизирую тебе в высшей степени.

Владюша.

<sup>1</sup> Илья Данилович Гальперин-Каминский (1858-1936) — известный переводчик; знал Л.Н. Толстого и бывал в Ясной Поляне. Гальперин-Каминский написал Ходасевичу письмо, в котором выразил желание способствовать осознанию европейскими литераторами того, что советские писатели действительно страдают от жестокой цензуры, репрессий и т.д. Предыстория была такова: в №2300 «Последних новостей» от 10 июня 1927 было опубликовано анонимное письмо от советских писателей (доказать их авторство, однако, было невозможно, и шли слухи, что письмо написано эмигрантами), в котором эти неназванные и всячески преследуемые писатели зывали к «совести мира» и просили о помощи. Дело в том, что несмотря на многочисленные попытки русских эмигрантских литераторов обратить внимание Запада на гнетущую для работников искусства обстановку в Советской России, почти все «передовые» писатели Запада пропускали мимо ушей все сведения о реальном положении дел. Через два месяца после опубликования письма «Правда» (за 23 августа 1928) напечатала его опровержение: писала, что это — жалкая подделка, что лучше участи советского писателя и придумать нельзя. Тогда, обращаясь к Кнуту Гамсуну и Ромену Роллану, Бунин и Бальмонт отправили письменный протест в небольшой журнал «L'Avenir», который и опубликовал его в январе 1928. Роллан, отозвавшись на этот протест в журнале «L'Europe», со своей стороны, нашел нужным отчитать отсталых литераторов за их реакционные взгляды и одновременно обратился к Горькому (еще жившему в Сорренто) с вопросом о том, насколько правдиво анонимное письмо советских писателей. В следующем, мартовском номере «L'Europe» Горький дал свой ответ: письмо на самом деле

подсунуто эмигрантами, а советские писатели всех возрастов и убеждений живут в таких дружеских отношениях, что буржуазному уму этого не понять. Таким образом, хорошо зная Горького и всю подноготную его, в данном случае, неискреннего заявления, Ходасевич намеревался выступить с разоблачениями. См.: Н.Берберова. *КУРСИВ МОЙ*. Мюнхен, «Fink Verlag», 1972, с.267-274, 326-327; В.Ф. Ходасевич. *ПИСЬМО М.ГОРЬКОГО*. — «Возрождение», №1017, 15 марта 1928; А.В. Луначарский. *ОТВЕТ РОМЕН РОЛЛАНУ*. — «Вестник иностранной литературы», 1928, №3, с.138-142.

<sup>2</sup> В это время «L'Avenir» проводил опрос французских писателей посредством анкеты с целью выяснить, существуют ли, по их мнению, репрессии против их соратников по перу в Советском Союзе. См.: Н.Берберова. *КУРСИВ МОЙ*, с.274.

<sup>3</sup> Ромен Роллан (Romain Rolland, 1866-1944), французский писатель, драматург, биограф, музыковед; лауреат Нобелевской премии 1915 г.; проповедовал непротивленческую позицию, сочувственно относился к Октябрьской революции и «перестройке» России. См. прим.1.

<sup>4</sup> Горький послал Роллану второе письмо (от 22-23 марта 1928), в котором охарактеризовал Бальмонта алкоголиком и попросил опубликовать это письмо. Роллан отказался. См.: М.Горький. Собр. соч. в тридцати томах. М., изд. «Художественная литература», 1955, т.30, с.83-88, 90-91; Н.Берберова. *КУРСИВ МОЙ*, с.274.

<sup>5</sup> См. прим.1.

<sup>6</sup> Еженедельная французская газета, пользовавшаяся большой популярностью и выходившая в Париже с 1924.

<sup>7</sup> Из этих планов ничего не вышло.

<sup>8</sup> Гальперин-Каминский, однако, Берберову так и не переводил.

<sup>9</sup> Л.Н. Толстой (1828-1910). В это время отмечалось 100-летие со дня его рождения. См. письмо №6. См. также: В.Ф. Ходасевич. *УХОД ТОЛСТОГО*. — в его кн.: *ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ*. Нью-Йорк, изд. им. Чехова, 1959, с.135-150.

<sup>10</sup> В.С. Соловьев (1853-1900) — философ, поэт, основоположник символизма.

<sup>11</sup> А.Н. Майков (1821-1897) — поэт, один из наиболее любимых Ходасевичем в юности. См.: В.Ф. Ходасевич. *ПАРИЖСКИЙ АЛЬБОМ*. — «Дни», №1051, 11 июля 1926.

<sup>12</sup> Д.В. Григорович (1822-1899) — прозаик, бытописатель крестьянской жизни (его *АНТОН-ГОРЕМЫКА* упоминается в письме №4).

<sup>13</sup> Золя Эмиль (Emile Zola, 1840-1902), французский писатель.

<sup>14</sup> Сэр Рабиндранат Тагор (1861-1941), индийский писатель и духовный учитель, лауреат Нобелевской премии 1913.

<sup>15</sup> Франс Анатоль (Anatole France, 1844-1924), французский писатель, лауреат Нобелевской премии 1921.

<sup>16</sup> Фош Фердинанд (Ferdinand Foch, 1851-1929), профессор, затем директор «Ecole de Guerre», маршал Франции, прославился в годы Первой мировой войны.

<sup>17</sup> Пуанкаре Раймон (Raymond Poincaré, 1860-1934), французский государственный деятель, президент Франции с 1913 по 1920.

<sup>18</sup> Андреев Леонид Николаевич (1871-1919), писатель.

<sup>19</sup> Граф Голенищев-Кутузов Арсений Аркадьевич (1848-1913), поэт.

<sup>20</sup> Случевский Константин Константинович (1837-1904), поэт, стихи которого Ходасевич высоко ценил. Возможно, влияние поздних несколько «мрачных» стихов Случевского в какой-то степени отразилось на пресловутой «жестокости» Ходасевича.

<sup>21</sup> Ростан Эдмон (Edmond Rostand, 1868-1913), французский поэт и драматург.

<sup>22</sup> Лазаревский Борис Александрович (1871-1936), писатель, автор рассказов о быте русской эмиграции во Франции.

<sup>23</sup> Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924), поэт-символист. Оказал большое влияние на молодого Ходасевича. См.: В.Ф. Ходасевич. *НЕКРОПОЛЬ*, с.26-60.

<sup>24</sup> Д.С. Мережковский. Слова «слишком ранние предтечи» взяты из стихотворения Мережковского *ДЕТИ НОЧИ* (1883).

<sup>25</sup> З.Н. Гиппиус.

<sup>26</sup> Кафе на Монпарнасе.

<sup>27</sup> Бунина Вера Николаевна — жена Ивана Алексеевича Бунина (1870-1953, Нобелевская премия по литературе 1933). О Бунине Ходасевич написал несколько статей. См.: В.Ф. Ходасевич. *О ПОЭЗИИ БУНИНА*. — «Возрождение», №1535, 15 августа 1925; *КНИГИ И ЛЮДИ* (рец. на *БОЖЬЕ ДРЕВО* Бунина). — «Возрождение», №2158, 30 апреля 1931; *КНИГИ И ЛЮДИ* (о *ЖИЗНИ АРСЕНЬЕВА* Бунина). — «Возрождение», №2942, 29 июня 1933.

<sup>28</sup> Милиоти Николай Дмитриевич (1874-1950), художник, член «Мира искусства», брат художника В.Д. Милиоти, эмигрант.

<sup>29</sup> В это время (1926-1928) Ходасевич и Берберова жили на rue Lambardie около Place Daumesnil.

<sup>30</sup> См. прим.5 к письму №4.

<sup>31</sup> Псевдоним Н.Н. Берберовой.

<sup>32</sup> Нина Снесарева-Казакова, поэтесса из Праги. О ней см.: В.Ф. Ходаевич. *ДВАДЦАТЬ ДВА*. — «Возрождение», №4135, 10 июля 1938.

<sup>33</sup> См. прим.5 к письму №2.

<sup>34</sup> Семья дяди (брата отца) Н.Н. Берберовой.

## 6

Вторник, 11 сент[ября 1928]. Утро.  
[Juan-les-Pins]<sup>1</sup>

Милый мой Кот, я жив и здоров, ничего не болит, слава Богу. Я написал 5 страниц хроники и в четверг отправлю прямо Бобринскому<sup>2</sup>. Не отправляю раньше, чтобы в редакции не затеряли. Кстати — изругаюсь, ибо сегодня (т.е. вчера) Левицкий<sup>3</sup> прямо ссылается на 6-ю кн[игу] «Печати и рев[олюции]»<sup>4</sup>. Кстати, а 5-я была у нас?

Вчера послал первую партию книг<sup>5</sup>. В четверг — остальные. Увы, пришли «Совр[еменные] Зап[иски]»<sup>6</sup> целой книгой, — лишняя тяжесть. Впрочем, большая часть книг отправлена за 2 фр[анка] 75. След[овательно] — не так страшно.

Здесь ничего нового. Вейдле, Соф[ия] Пет[ровна]<sup>7</sup> и Мил[очка]<sup>8</sup> два дня вместе и напрасно ссорились из-за денег, — вернее, из-за отсутствия денег.

Прочел почти все в Сов[ременных] Зап[исках]. Сейчас еду к Мережк[овским] завтракать, а вечером сяду писать статью<sup>9</sup>.

Здесь скучно. Вейдле из-под мимозы переселился в твою комнату, где и сидит, не разгибая спины. Говорят, пишет... о Ренуаре!<sup>10</sup> Ну, Господь с ним.

Вполне вероятно, что уеду в субботу.

Толстовские №№ газет ужасны<sup>11</sup>. Обывательщина Зайцева<sup>12</sup>, Бунина<sup>13</sup> (пересказавшего анекдот, давно напечатанный Горьким и даже на днях переведенный Бахрахом<sup>14</sup>), Алданова<sup>15</sup> — постыдна. А Бунаков!<sup>16</sup> А Куприн<sup>17</sup> — это уже сущий позор. А весь вид «Возр[ождения]»! (Посл[едние] Нов[ости] хоть сверстаны грамотно). Кабак. Впрочем, лучшее из всего, напечатанного где-либо, — статья Амфитеатрова<sup>18</sup>.

Ну, будь здоров, ангел-птичка.

Целую тебя и еду — сперва к парикмахеру.

Твой Владюша.

<sup>1</sup> Из Juin-les-Pins (на Ривьере) в Париж; Берберова уехала из Juin-les-Pins одна 10 сентября искать новую квартиру: пришло время переезжать с rue Lamblardie на rue 4 Cheminées (Булонь-Бианкур); Ходасевич оставался с Вейдле и его женой Людмилой Викторовной («Милочкой»; урожд. Барановская, р. 1905) в Golf Juan, в пансионе тети Людмилы Викторовны, — Софьи Петровны.

<sup>2</sup> Граф Петр Андреевич Бобринский (1893-1962), автор книги *СТАРЕЦ ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА*, поэт, постоянный сотрудник «Возрождения».

<sup>3</sup> В.Левицкий, журналист «Возрождения».

<sup>4</sup> Советский журнал критики, выходивший в Москве в 1921-1930.

<sup>5</sup> По-видимому, книги, которые нужны были Ходасевичу для исследовательской работы.

<sup>6</sup> Известный «толстый» журнал (издавался при ближайшем участии Н.Д. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка, В.В. Руднева), в котором печатались произведения наиболее авторитетных авторов эмиграции. Выходил с 1920 по 1940. Ходасевич часто публиковал в «Современных записках» стихи, статьи и журнальный вариант книги *ДЕРЖАВИН*.

<sup>7</sup> Тети жены Вейдле. См. прим.1.

<sup>8</sup> Людмила Викторовна, жена В.В. Вейдле. См. прим.1.

<sup>9</sup> Т.е. обзорная статья 36 книги «Современных записок», которая была опубликована в «Возрождении» 27 ноября 1928 (№1213).

<sup>10</sup> Ренуар (Pierre Auguste Renoir, 1841-1919), французский художник и скульптор импрессионист.

<sup>11</sup> 9 сентября 1928 (по новому стилю) была отмечена столетняя годовщина со дня рождения Л.Н. Толстого.

<sup>12</sup> Упомянутая статья: Б.К. Зайцев. *ТОЛСТОЙ. ЗАМЕТКИ*. — «Возрождение», №1195, 9 сентября 1928.

<sup>13</sup> Упомянутая статья: И.А. Бунин. *ЗАМЕТКИ О ТОЛСТОМ*. — «Последние новости», №2727, 9 сентября 1928.

<sup>14</sup> Александр Васильевич Бахрах (1902-1985), журналист, литературовед. Эмигрант. О его высказываниях о Ходасевиче см.: Александр Бахрах. *ПО ПАМЯТИ, ПО ЗАПИСЯМ*. — «Мосты», №11, 1965, с.242-247.

<sup>15</sup> Марк Алданов (псевдоним Марка Александровича Ландау, 1886-1957), известный писатель, автор исторических романов, эмигрант. Его статья о Толстом: *К ЧЕСТВОВАНИЮ ТОЛСТОГО В МОСКВЕ*. — «Последние новости», №2727, 9 сентября 1928.

<sup>16</sup> И.Бунаков (псевдоним Ильи Исидоровича Фондаминского, 1879-1942), один из редакторов «Современных записок». Какую именно его статью о Толстом упоминает здесь Ходасевич, установить не удалось.

<sup>17</sup> Александр Иванович Куприн (1870-1938), писатель, эмигрант, вернулся в СССР в 1937. Упомянутая статья о Толстом: А.Куприн. *ТОЛСТОЙ*. — «Возрождение», №1195, 9 сентября 1928.

<sup>18</sup> Александр Валентинович Амфитеатров (1862-1938), журналист, писатель, с 1920 — эмигрант, жил в Италии. Упомянутая статья о Толстом: Александр Амфитеатров. *ЛЕВ ТОЛСТОЙ «НА ДНЕ»*. — «Возрождение», №1195, 9 сентября 1928.

7

14 сент[ября] 1928.  
[Juan-les-Pins]

Милый мой Кот, посылаю тебе хронику, раз ты все равно в понедельник идешь ее относить. *Не переписывай* и скажи, чтоб *не переписывали* в редакции, п[отому] ч[то] типография до покупки машинки *всегда* набирала меня без переписки.

Я было совсем собрался ехать завтра, в субботу, но слушаю твоего приказания и не еду. Выеду во вторник, и *в среду вечером*, Бог даст, буду *в Париже*. Телегр[амму] не буду присылать, — разве *только* в том случае, если и во вторник не выеду: напр[имер], гроза, что возможно, ибо уже второй день и гремит, и дождит, но как-то неокончательно. Под дождем мы и в Грасс<sup>1</sup> ездили вчера. Бунин мил. Написал Кульману<sup>2</sup> о моих лекциях в Белграде. Кульман уже ответил, что будет хлопотать<sup>3</sup>.

Здесь скучновато, но не до зарезу. Главное — не Бог весть какая погода.

Я очень люблю тебя, но писать как-то не о чем. У Мережковских все было прилично, я был умник.

Я перед Мер[ежковски]ми съездил в Cannet<sup>4</sup>, посмотрел на дом, где мы жили, и даже помолился о Нисе.

Ну, будь здоров, целую.

Владюша.

P.S. Сегодня же посылаю все книги.

<sup>1</sup> Грасс (Grasse): под Нищей; и Бунины, и Фондаминские там снимали дачу.

<sup>2</sup> Николай Карлович Кульман (1871-1940), профессор русской литературы в Белграде, воспитатель короля Александра Сербского.



<sup>3</sup> Эти лекции не состоялись.

<sup>4</sup> Ходасевич и Берберова провели лето 1927 в Cannet, курортном местечке на Ривьере.

8

Вторник

[18 сентября 1928, Juan-les-Pins]

Милая Нися, я приеду *утром*<sup>1</sup> в среду. Получив это письмо, тотчас иди на базар и готовь завтрак на мою долю. Но не пугайся, что меня дома нет: с вокзала я заеду к парикмахеру на rue de la Pompe.

Целую обоих<sup>2</sup>.

В.

<sup>1</sup> Если судить по его календарю, Ходасевич приехал в Париж только в среду вечером.

<sup>2</sup> Т.е. Н.Н. Берберову и кота.

9

15 фев[аля 1]930.

Суббота.

12 ч[асов] дня. [Париж]<sup>1</sup>

Милый мой Ниник, я пишу тебе это письмо в *Taverne Royale*, п[отому] ч[то] сейчас получил в «Возр[ождении]»<sup>2</sup> деньги\*, а идти к Жене еще рано. Иногда я буду тебе присылать маленькие и пустячные дневнички.

Проводив тебя, поехал я вчера в Веггу<sup>3</sup>, а в половине двенадцатого был дома. Пописал Державина<sup>4</sup>, натер ухо камфарой, обвязался, как прачка на Курском вокзале, и лег спать. Однако, долго ворочался, и сегодня хочется мне спать. Зато ухо явно улучшилось. Почти не сомневаюсь, что дело в железах, а железы натруждаются расхлябанной моей челюстью (собственной), особенно — когда хожу без зубов<sup>5</sup>. Кажется, что все это именно так — и в таком случае дело пустячное. Собственно, ради этого сообщения и уселся я писать тебе, еще не имея адреса<sup>6</sup>. (Таким образом, пока что это письмо еще как бы плавает по морю в бутылке).

---

\* 1017.50

Утром пришел газометр, и я испугался, но к счастью он ограничился констатациями и не вручил мне никакой ноты, кроме вербальной:

— Дайте скамейку.

В «Возр[ождении]» видел мельком Патю и Бор[иса] Зайцева, кот[орый] спешил на похороны 17-летнего юноши, вчера застрелившегося в ихнем приюте. По-видимому, мальчика довели до этого воплями о Кутепове<sup>7</sup>. Какие плохие политики эти патриоты! Смерть Кутепова — счастье, а не несчастье. Они этого не понимают. Кутепов послужил России своей смертью. Если бы он был жив — вероятно, для России это было бы вредно. Такова же судьба Николая II. А мальчик мог и жизнью пригодиться.

Глупы люди. Сейчас купил «Рос[сию] и славянство»<sup>8</sup>. Ничего любопытного. Однако, Кир[илл] Зайцев<sup>9</sup> рассыпается в комплиментах шульгинскому<sup>10</sup> роману. Отмечает лишь один незначительный недостаток: чрезвычайное безвкусие. Тут же Бальмонт<sup>11</sup> посвящает Шмелеву стишки, в которых говорит:

«Ты, Иванушка, царевич. У тебя свои законы».

Т.е. — именно тот Иван, которому закон не писан. Не поздороится от таких комплиментов.

В «П[оследних] Н[овостях]» сегодня Зуров<sup>12</sup>. М[ожет] б[ыть] прочту, но, кажется, не стану.

Целую лапку. Пока — до свидания. Докурю папироску и отправлюсь к Жене, а ты, Бог даст, к этому времени минувешь S.Raphaël<sup>13</sup>.

*6 часов*

Пообедал вкусно, приехал домой, полтора часа спал, сейчас оденусь и поеду к Вольфсонам<sup>14</sup>. Целую.

*1-ый час ночи*

Пришел от Вольфсонов. Обед был тошнотворный в кулинарном смысле. Потом — чудные фрукты и яблочный пирог. За обедом — Зензинов<sup>15</sup>, а к чаю и Вишняки<sup>16</sup>. Все были чрезвычайно милы и тебя любят.

События вкратце:

1) Амалия<sup>17</sup> сегодня приехала в Париж: у нее мать при смерти (85 лет). Но ты туда съезди<sup>18</sup>: либо мать умрет, либо не умрет — Амалия вернется. А не вернется — и того лучше: посидишь с Илюшей<sup>19</sup>. Впрочем, у него, должно быть, такая грязь, что стыдно перед Амели<sup>20</sup>. Ну, как хочешь, это чепуха.

2) Эсеры<sup>21</sup> в лютой обиде на Алданова за «Азефа»<sup>22</sup>, как и следовало ожидать. (Кроме Илюши, разумеется, который считает прошлое с[оциалистов]-р[еволюционер]ов греховным).

3) Зурова нынешний фельетон все ругают, никто не дочитал, говорят — описательство, очеркистика.

Больше посплетничать нечего.

Придя домой, застал твою телеграмму. Опиши мне подробно, какая у тебя комната, чтобы я мог все вообразить.

Нынешний день вышел, как видишь, бурный или, лучше, сумбурный. Но я такого и ждал. Ничего не работал, а сейчас ложусь спать, чтобы встать завтра не поздно и приняться за работу.

Целую тебя, мой Ангел, будь здоров.

Владюша.

<sup>1</sup> Н.Н. Берберова поехала 14 февраля в Ниццу (Nice) в гости к своей подруге Amélie Mauger; Ходасевич остался в Париже. См. также письма № 10-16.

<sup>2</sup> Т.е. жалование за очередные фельетоны в «Возрождении».

<sup>3</sup> Кафе на Champs Elysées на углу rue de Berry.

<sup>4</sup> Художественная биография поэта, которая первоначально вышла в «Современных записках» (вып. XXXIX - XLII за 1929-30), а впоследствии отдельной книгой (изд. «Современные записки», Париж, 1931). Многие считают ее лучшей работой последних лет Ходасевича. Рецензии см.: М.Алданов. — «Современные записки», 1931, №XLVI, с.496-497; П.М. Бицилли. — «Россия и славянство», 19 апреля 1931; А.А. Кизеветтер. — «Руль», №3150, 8 апреля 1931; André Levinson. — «Je suis partout», 30 мая 1931; П.П. Муратов. — «Возрождение», №2137, 4 апреля 1931.

<sup>5</sup> Зимой 1923-24 гг., когда Ходасевич и Берберова жили в Мариенбаде, — поэту удалили зубы и сделали протез.

<sup>6</sup> См. прим.1.

<sup>7</sup> А.П. Кутепов (1882-1930), генерал, играл видную роль в белом движении (армия Врангеля), а в эмиграции возглавлял РОВС. Как раз в это время (27 января 1930) Кутепов был похищен в Париже советскими агентами. Его исчезновение очень взволновало русскую эмиграцию, и каждый день (с 28 января по 12 марта 1930) в «Последних новостях» появлялись сообщения об этом происшествии.

<sup>8</sup> Еженедельная газета, выходившая в Париже в 1928-34 при ближайшем сотрудничестве П.Б. Струве.

<sup>9</sup> Кирилл Иосифович Зайцев (1886 - ?), критик, написал монографию о Бунине, главный помощник П.Б. Струве в «Возрождении», впоследствии игумен, архимандрит Константин.

<sup>10</sup> Василий Витальевич Шульгин (1878-1976), публицист и общественный деятель, член Государственной думы, идеолог национализма. После революции — эмигрант, жил в Белграде (Югославия). В начале 1920-х совершил «нелегальное» путешествие по России (как впоследствии выяснилось, — полностью подготовленное ВЧК), написал книгу об этой поездке (*ТРИ СТОЛИЦЫ. ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАСНУЮ РОССИЮ*). Упомянутый роман вышел под названием *ПРИКЛЮЧЕНИЯ КНЯЗЯ ВОРОНЕЦКОГО. В СТРАНЕ СВОБОД*. (Изд. «Russia Minor», Париж, 1930).

<sup>11</sup> Константин Дмитриевич Бальмонт (1867-1942), поэт-символист, с 1921 — эмигрант. См. о нем: В.Ф. Ходасевич. *К ЮБИЛЕЮ К.Д. БАЛЬМОНТА*. — «Дни», №872, 6 декабря 1925.

<sup>12</sup> Леонид Федорович Зуров (1902-1971), писатель-реалист, друг и секретарь И.А. Бунина. Упомянутый фельетон: Л.Ф. Зуров. *РУБЕЖ*. — «Последние новости», №3251, 15 февраля 1930.

<sup>13</sup> Курортное местечко на французской Ривьере.

<sup>14</sup> Марк Карлович и Эрна Сигизмундовна Вольфсон, друзья Ходасевича в Париже, во время Второй мировой войны погибли в Освенциме.

<sup>15</sup> Владимир Михайлович Зензинов (1880-1953), главный помощник А.Ф. Керенского в газете «Дни», член редакционной коллегии «Современных записок». Именно он уговорил редакцию «С. з.» отказать от публикации 4-й главы набоковского *ДАРА* — пародийной биографии Н.Г. Чернышевского. См. о нем: В.Ф. Ходасевич. *БЕСПРИЗОРНЫЕ*. (Рец. на книгу Зензинова). — «Возрождение», №1437, 9 мая 1929.

<sup>16</sup> Марк Вениаминович Вишняк (1883-1976), один из редакторов «Современных записок», и его жена.

<sup>17</sup> Амалия Осиповна Фондаминская (урожд. Гавронская, ум. 1935) — жена И.И. Фондаминского (см. прим.16 к письму 6).

<sup>18</sup> Т.е. из Ниццы в Грасс, где Фондаминские снимали дачу.

<sup>19</sup> Т.е. И.И. Бунаков-Фондаминский.

<sup>20</sup> Amelie Mauger, подруга Н.Н. Берберовой (см. прим.1).

<sup>21</sup> Т.е. редколлегия «Современных записок» — М.В. Вишняк, В.В. Руднев (1879-1940), Н.Д. Авксентьев (1878-1943) и В.М. Зензинов (за исключением И.И. Бунакова-Фондаминского — см. дальше).

<sup>22</sup> Эсеры были в обиде на Алданова, поскольку тот решил писать об Е.Ф. Азефе (1869-1918), известном провокаторе, разоблаченном в 1908. Упомянутая статья: М.Алданов. *АЗЕФ*. — «Последние новости», №3245, 3250, 3252, 9, 14, 16 февраля 1930.

18 фев[р]а[ля] 1]930.  
[Париж]

Ниночек мой родной, сейчас вторник, утро. Только что получил твое письмишко, рад, что тебе хорошо; обо мне не беспокойся, мои дела тоже не плохи.

В воскр[есенье] я весь день сидел дома, а вечером отнес Каплуну<sup>1</sup> 100 фр[анков] и пошел в кафе. Вчера был в Иврии<sup>2</sup>, оттуда в Совр[еменные] зап[иски]<sup>3</sup>. Там встретил Буниных. В[ера] Н[иколаевна] стала чем-то вроде тихой и улыбочивой идиотки. Объявила, что собирается ко мне. Я говорю: «Как же, помилуйте, рад бы, да вот Н[ина] Н[иколаевна] в Ницце». — Это, говорит, ничего, я именно к вам хочу прийти. Вы когда дома бываете? Бунин ее урезонивает: «Да куда ты пойдешь? Позови его к нам, он же на холостом положении...» — Нет, я именно к нему хочу!

О, Господи! Неужели придет? Что я с ней буду делать?

Потом пошел в «Табак»<sup>4</sup>. Там Зина скрипом скрипит, о тебе — ни звука. Но звала меня в пятницу обедать. Пойду. Еще звали обедать Каплуны и Вишняки. Но я отказался. Пойду только к Мережк[овским] и в субботу к Жене. У Вольфсонов меня чуть не стошнило (буквально) от котлет, которые Эрна сделала сама — должно быть, первый раз в жизни. Это было недожеванное мясо, без булки, разваливающееся и почему-то мокрое внутри, да еще пополам с зеленым луком и на каком-то гнусном масле. Плюс холодная картошка, тоже с луком и облитая прованским маслом. Тьфу! Такой строгий кошер, что меня тошнит при одном воспоминании. У меня слезы текли из глаз — не от умиления. Тошнясь, насилу доел.

Вчера после обеда (чудного, домашний стол — великая вещь!) я отдышал, потом брал ванну (или меня брала ванна, что гораздо точнее, живописнее и как-то сладострастнее), потом писал. Всего написал я после твоего отъезда, за 2 дня, 4 страницы<sup>5</sup>. Это нормально, но сегодня я все написанное буду переделывать, это уже хуже. Вечером иду на писат[ельский] обед<sup>6</sup>. Но весь день буду работать, а потом завтра весь день, послезавтра и т.д. Хронику я отвез еще в субботу, и теперь у меня до будущего понедельника только один обязательный дневной выход — в субботу к Жене. Даже забавно.

Вишняк сказал, что Алданов собирается меня звать к себе на четверг, у них — «прием». Сам Вишняк отказался идти, узнав, что будут Макеевы<sup>7</sup>.

Еще Вишняк сказал, что в Посл[едних] Новостях негодуют на Адамовича<sup>8</sup> за молчание о Державине и собираются печатать о нем (о Держ[авине], а не об Адамовиче) отдельную статью. Надо думать — когда выйдет книга? Я не расспрашивал и никаких особых восторгов не выказал, но про себя доволен, ибо люблю утертые носы. Все это исходит, полагаю, от Демидова<sup>9</sup>.

С Кутеповым что-то осложняется, ибо сегодня прочел в газете, что кабинет Тардые пал<sup>10</sup>. Пал он по второстепенному финансовому вопросу, *но накануне запросов о Советах*. Коммунисты, социалисты, рад[икалы]-соц[иалисты] и радикалы соединились именно так, как я предсказывал. Ты надо мной смеялась. Все «поражены неожиданностью», а я не поражен. Посмотрим, что будет дальше. Вся эта публика оказалась умнее, чем я думал: она свалила кабинет *накануне* интерpellаций, что, конечно, очень находчиво и тонко.

Я заказал не 3, а 4 бутылки лекарства, вчера получил и начал пить. А в ухе все-таки, видимо, прыщик. Но он мало меня беспокоит, чуть-чуть иногда подергивает, Бог с ним, надо и прыщичку дать жить. Ты не беспокойся, ибо я им совсем не обеспокоен. Некогда.

Пиши мне всю мелюзгу, я хочу знать, как и что, где кот был, что ел, а что только нюхал. Будь здоров, не уставай. Я по тебе еще совсем не скучаю, время дьявольски заполнено. Работа, хозяйство, то да сё... Пасьянсов не раскладываю совсем. За все время — два разложил вчера вечером. Целую ручки-ножки и бегу опускать это письмо и менять 100 фр[анков], потому что того и гляди придет прачечная девчонка.

Открытки пошли обязательно: Вишнякам, Вольфсонам, Алдановым, Полякову<sup>11</sup>, Каплуну (этим в один и тот же день!), Цетлиным, Аминаде<sup>12</sup>, Демидову, а также нашей консьержке, из которой бьет фонтан материнской нежности ко мне.

Как ты хорош! Я молю Бога о хорошей погоде в Ницце. У нас второй день мороз, а сегодня ночью был снег, все белое. Я не простужусь.

Пиши чаще!

Владюша.

<sup>1</sup> Соломон Гитманович Сумский-Каплун (1891-1940), владелец берлинского издательства «Эпоха», выпускавшего журнал «Беседа» (под ред. Горького, Ходасевича, Белого и др.) в 1923-25.

<sup>2</sup> По всей вероятности, или банк, или заемная контора, где Ходасевич брал деньги под проценты. Учреждение, вероятно, было русским, т.е. принадлежало русским эмигрантам.

<sup>3</sup> Редакция «Современных записок» в то время находилась на rue Vineuse.

<sup>4</sup> Те из парижских кафе, в которых продаются табачные изделия, обычно снабжены вывеской «Tabac». Ходасевич имеет в виду либо кафе у Porte St.Cloud, либо — на Place de la Muette.

<sup>5</sup> В это время (по неопубликованному рабочему календарю) Ходасевич пишет биографию Державина. См. прим.4 к письму №9.

<sup>6</sup> На такие «писательские» обеды обычно собирались М.Алданов, П.П. Муратов, Б.К. Зайцев, И.А. Бунин и Ходасевич. «Дам» не бывало.

<sup>7</sup> Николай Васильевич Makeев (1889-1974), второй муж Н.Н. Берберовой, и Рахиль Григорьевна («Рери») — бывшая жена М.А. Осоргина (1878-1942). Когда Осоргин оставил Р.Г. и женился на Т.А. Бакуниной, Makeев поселился в квартире Осоргина. Рахиль Григорьевна, будучи намного старше Makeева, никогда не состояла с ним в «законном» браке, но поскольку жили они вместе и появлялись всюду вдвоем, — к ним привыкли обращаться как к «Makeевым». Вишняк отказался прийти к Алданову на прием по той причине, что осуждал Makeевых за внебрачную связь.

<sup>8</sup> Георгий Викторович Адамович (1894-1972). См. прим.4 к письму №54.

<sup>9</sup> Игорь Платонович Демидов (1873-1947), заместитель редактора «Последних новостей» П.Н. Милюкова.

<sup>10</sup> Тардьё (André Tardieu, 1876-1945), французский государственный деятель, журналист, националист. Был премьер-министром в 1929-30 и 1932. Ходасевич, по-видимому, убежден, что падение кабинета Тардьё (как и похищение Кутепова) связано с деятельностью советской агентуры.

<sup>11</sup> Александр Абрамович Поляков (1879-1971), одесский журналист, позднее переехавший в Москву. Эмигрант, секретарь редакции «Последних новостей». В 40-х гг. переехал в США, работал в редакции «Нового русского слова».

<sup>12</sup> Дон Аминадо (псевд. Аминада Петровича Шполянского, 1888-1957), писатель-юморист, работал в «Последних новостях».

19 февраля [1]1930  
[Париж]

Милый мой Ниник,  
вчера, вернувшись с писат[ельского] обеда, получил чудную открыточку с одинокой Кисой. Обедали те же и Патя, в чехословацком ресторане по требованию Бунина. Грязь, теснота, чепуха.

Потом были в Tav[er]ne Royale, и все это вновь обошлось по 50 фр[анков]. Я решил след[ующий] раз не идти.

Живу я хорошо. Ничто не болит. Прыщ в ухе внезапно лопнул вчера ночью, вышли какие-то пустяки, но ухо, наконец, почти вовсе прошло, и я думаю, что это дело кончено. Экзема тоже почти прошла. Живот не блестящ, но не плох.

С Держ[авиным] беда. Пишу и выбрасываю. Совершенная Пенелопа<sup>1</sup>. Надеюсь, однако, что все будет хорошо. Поэтому ты обо мне не тревожься и живи, сколько можешь и хочешь. (Главное — сколько можешь). Однако, непременно и сейчас же напиши, не прислать ли тебе еще денег. Нет, сделаем иначе. Я просто сегодня же пошлю тебе 100 фр[анков], а то тревожит это меня. Ты лишнего не трать, с деньгами сейчас туговато, но иначе мне нет покоя. Лучше привези назад, что останется, чем тебе вдруг оказаться на мели. У меня останется всего 270 фр[анков], но я на них проживу отлично.

Завтра вечером бал<sup>2</sup> у Алд[анова], а до тех пор я буду сидеть дома; только сейчас пойду на почту.

Новостей нет решительно никаких. Зайцев и Цетлин говорили, что получили от тебя открытки. Илюша вчера, вероятно, тоже приехал сюда, ждатель, когда умрет старуха<sup>3</sup>. Кажется, они получают еще наследство<sup>4</sup>. Все делают вид, что скорбят. Уж очень Б.Зайцев убивается о предстоящей кончине 85-летней старухи, которой он никогда не видел.

«Числа»<sup>5</sup>, кажется, запоздают, и мне придется выкручиваться к[а]к-нибудь иначе. Однако же выкручусь. Я вообще бодр, а главное — ужасно тебя люблю, но все еще не скучаю. Решительно некогда.

А теперь будь здоров. Это пустое письмо считай открыткой. Целую рученьки, ноженьки, круглую головку и пупочек.

Владюша.

100 фр[анков] посылаю одновременно. На днях пришлю тебе анкетный лист для налога за 1929 г. Надо подать до 28. Ты заполнишь и вернешь мне.

<sup>1</sup> В значении «убивать время».

<sup>2</sup> Т.е. вечеринка.

<sup>3</sup> Имеется в виду мать Амалии Осиповны, жены Фондаминского. См. письмо №9.



<sup>4</sup> По сравнению с другими русскими эмигрантами Фондаминские были более или менее зажиточны. См.: Н. Берберова. *КУРСИВ МОЙ*, с. 344-348.

<sup>5</sup> «Числа» — художественный журнал, издавался в Париже под ред. Н. А. Оцуца с 1930 по 1934, вышло 10 номеров. Журнал считался наследником «Аполлона». Ходасевич в нем не печатался.

12

П[ариж]  
19 февраля [1930]

Это письмо<sup>1</sup> пришло вечером пневматичкой, в конверте «Возрождения», где, очевидно, дали твой адрес. Почему автор опять просит твой адрес — непонятно. На конверте: M-me Berberoff, chez M. Hodassevitch!

Т[ак] к[ак] я не знаю, кто это и что это, то завтра пошлю пневматичку с извещением, что ты в Ницце. Впрочем, сделаю это после, посмотрев в Bottin<sup>2</sup>, ибо полагаю, что в Париже штук 40 «Terminus»-ов<sup>3</sup>. Спрашивал Асю<sup>3</sup> — никакого Сташевского (?) не знает. Я тоже.

Это я пишу 19 числа вечером, поздно. Весь день работал. Сейчас половина третьего, пора спать. Заходила Ася, показывала твою открытку, я позавидовал. Мне сегодня письмишка не было. Ася проверила, цел ли я. Цел. Ухо, кажется, прошло окончательно.

Не тревожься обо мне. Я питаюсь. Сейчас доел твои мандарины. Фама<sup>4</sup> за мной ухаживает, две прачки тоже. Новостей, к[а]к понимаешь, нет. Liberté<sup>5</sup> пишет о кризисе министерском то же, что я писал тебе вчера. Вот я какой умник.

Вся моя мечта — это чтоб в Ницце была хорошая погода. *Деньги тебе я послал*. Посылаю бланки налоговые\*. Заполни и пришли мне.

Целую  
Владюша.

20 февр[аля], четв[ерг], утро. Ой, что же это? Письмишка нету! Да цел ли? Да жив ли? Будь здоров, милый.

Целую. В.

---

\* 2, на случай, если один заляксишь.

<sup>1</sup> Приложено письмо от друга родителей Н.Н. Берберовой — В. Сташевского.

<sup>2</sup> Телефонная книга Парижа.

<sup>3</sup> Название гостиницы, где остановились Сташевские.

<sup>4</sup> Ася Берберова (1897-1975), двоюродная сестра Н.Н. Берберовой, дочь Р.И. Берберова (см. прим.34 к письму №5).

<sup>5</sup> Т.е. домработница (*femme de ménage*).

<sup>6</sup> Вечерняя политическая французская газета левого направления, выходящая в Париже с 1831 по 1940.

13

20 февр[аля], 1 ч[ас] ночи [1930]  
[Париж]

Милый мой, я вернулся от Алдановых. Были: Бунины (4)<sup>1</sup>, Зайцевы, Вишняк (не усидел дома), Вольфсоны, Макеевы, Аминады и Маргулиес<sup>2</sup>. Было очень скучно. В 12 разошлись. Бунин (воспитанный человек) объявил тут же, что идет в бистро пиво пить. Алд[анов] обиделся, но и я бы обиделся. Ходить не возбраняется, но объявлять да еще других увлекать — «это *c'est trop*», к[ак] один военный печатно выразился.

И опять скажу — было скучно. В[ера] Н[иколаевна] заявила, что придет ко мне во вторник — очень многозначительно. То ли хочет меня изнасиловать, то ли еще что. У Зурова нос штопорчиком или штучкой для открывания сардинок — почтителен, молчалив. Желаю ему всего лучшего. Галина два раза пыталась со мной заговорить, да я «не расслышал». К черту.

В Руле<sup>3</sup> напечатано что-то о ней, — Гофман<sup>4</sup>. Не читал, но к[а]к если бы читал. Какой-то А. Савельев<sup>5</sup> пишет о [Современных] Записках. Обо мне чушь какая-то, но восторженная вдрызг. Дескать — великое мастерство + биография + историческая ценность + разные взгляды. Как верх похвалы — «лучше, чем Моруа<sup>6</sup> и Людвиг<sup>7</sup>». Вишняк за меня гордится. Спасибо, хоть это и наивно.

*Все* получили от тебя открытки. *Все* мне об этом сообщили. *Все* спрашивали, довольна ли ты. *Все* спрашивали, когда вернешься. *Все* спрашивали, не скучаю ли. *Все* спрашивали, чем питаюсь. *Все* звали обедать. *Всем* отвечал одно и то же.

Событий нет. Алданов в отчаянии: сделал гаффу! Даманская<sup>8</sup> жаловалась ему, что ей что-то не удалось написать с обычным ее блеском. Он ответил: «Ну, что же, и на старуху бывает проруха». Я его утешил, сказав, что и на старуху бывает проруха. Разговаривали с Рахилью<sup>9</sup> о гаффах.

Завтра Струве<sup>10</sup> завтракает с Керенским<sup>11</sup>. Комментарии не то, чтобы излишни (напротив — очень нужны бы) — но невозможны. Знаю только, что это факт. Инициатива — от Струве. Говорят еще, что завтра на митинге Liberté будет драка — Jeunesse patriote<sup>12</sup> с коммунистами.

Пора спать.

21 фев[р]аля]

Получил утром открыточку. Плохая погода меня печалит, но все-таки радуюсь, что ты отдыхаешь. Пишу это в Tav[er]ne Royale. (Заходил на разведку в «Возр[ождение]»). Получил «За Свободу»<sup>13</sup>. Там о Держ[авине] 2 1/2 столбца<sup>14</sup>. Полные восторги. «Ценный, насущно-нужный вклад в культурную и худож[ественную] работу эмиграции» и т.п. Стиль не блестящий, но чувства пылкие. Кроме того сказано, что современная жизнь в «Совр[еменных] зап[исках]» — не в статьях Макл[акова]<sup>15</sup>, Миллюк[ова]<sup>16</sup>, Вишняка о современности — а в биографии Державина<sup>17</sup>. Это даже умно. Покажу это Вишняку. Он говорит — не видел. Я думаю — врет, пожалуй.

«Числа» еще не вышли. Я решил учинить еще один самоплагиат<sup>18</sup>, и душа моя (не совесть) спокойна за будущий фельетон.

Теперь буду читать веч[ернюю] газету. Целую тебя, мой ангел чудный. Не беспокойся обо мне. Я живу хорошо, только занят по горло. Пасьянсов и в помине нет. Вот я как люблю тебя ужасно, а скучать все-таки еще не начал, хотя думаю про тебя постоянно и воображаю. А, вот входит Алданов. Приятная встреча, как изволите поживать? Пересаживаюсь к нему.

Владюша.

<sup>1</sup> Т.е. И.А. Бунин, В.Н. Бунина, Л.Ф. Зуров и Галина Николаевна Кузнецова (1900-1976), поэтесса, писательница, жила в доме Буниных с 1927 по 1938, ученица Бунина, в эмиграции с начала 20-х гг. О ней см.: В.Ф. Ходасевич. ПРОЛОГ. — «Возрождение», №2956, 6 июля 1933; он же. ДВАДЦАТЬ ДВА. — «Возрождение», №4135, 10 июля 1938.

<sup>2</sup> Мануил Сергеевич Маргулиес (1868 - после 1938), известный петербургский адвокат, в эмиграции занимался активной общественной деятельностью.

<sup>3</sup> Газета, выходившая в Берлине с 1920 по 1931 при ближайшем участии И.В. Гессена, А.И. Каминки и В.Д. Набокова.

<sup>4</sup> Модест Людвигович Гофман (1887-1959), пушкинист, друг Кузнецовой; Ходасевич несколько раз с ним полемизировал в эмигрантской печати. См., напр.: В.Ф. Ходасевич. *КОНЕЦ ОДНОЙ ПОЛЕМИКИ*. — «Возрождение», №1318, 10 января 1927. Упомянутая статья: М.Л. Гофман. *КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ* (Рец. на книгу УТРО Кузнецовой). — «Руль», №2807, 19 февраля 1930.

<sup>5</sup> А.Савельев — псевдоним Савелия Григорьевича Шермана, критика. Упомянутая рецензия: А.Савельев. *СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ*. — «Руль», №2807, 19 февраля 1930.

<sup>6</sup> Моруа (André Maurois, 1885-1967), известный французский биограф, романист.

<sup>7</sup> Людвиг (Emil Ludwig, 1881-1948), немецкий биограф.

<sup>8</sup> Августа Филипповна Даманская (1885-1959), писательница, переводчица, сотрудничала во многих эмигрантских журналах и газетах.

<sup>9</sup> Т.е. Р.Г. Осоргина. См. прим.7 к письму №10.

<sup>10</sup> Петр Бернгардович Струве (1870-1944), известный историк, экономист, член Государственной Думы, активный кадет, после революции редактор эмигрантских периодических изданий (в том числе «Русской мысли», «Возрождения», «России и славянства»).

<sup>11</sup> Александр Федорович Керенский (1881-1970), член Гос. Думы, министр, затем премьер-министр Временного правительства, главнокомандующий русской армией. В эмиграции редактировал газету «Дни». Будучи постоянно «на ножах», Струве и Керенский редко встречались, и сообщение о завтраке звучит весьма неправдоподобно.

<sup>12</sup> Французская газета крайне правого направления.

<sup>13</sup> Еженедельная газета, выходившая в Варшаве под ред. Д.В. Филоsoфа с 1921 по 1932. Издатель — И.И. Мациевский.

<sup>14</sup> Упомянутая рецензия: Андрей Луганов. *СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ*. — «За свободу», №28 (3009), 30 января 1930.

<sup>15</sup> Василий Алексеевич Маклаков (1870-1957), кадет, член Государственной Думы, в 1917 — русский посол в Париже. В эмиграции написал воспоминания.

<sup>16</sup> Павел Николаевич Милюков (1859-1943), член Гос. Думы, один из руководителей партии кадетов, министр иностранных дел Временного правительства, в эмиграции редактировал газету «Последние новости».

<sup>17</sup> В кн. *КУРСИВ МОЙ* Н.Н. Берберова пишет: «Политика выступавших [на банкете сотрудников «Современных записок». — Д.Б.] ораторов — Милюкова, Керенского, Струве, самих редакторов "Современных записок" (членов партии эсеров) — умерла вместе с ними, оставив едва заметный след в истории русской эмиграции. Литература — единственное, что осталось от этих лет, и искусство, конечно: живопись, театр, музыка» (с.332).

<sup>18</sup> Т.е. перепечатка старой статьи: впервые опубликовано под заглавием *ПРИЕЗД ПУЩИНА В ПОЭЗИИ ПУШКИНА* («Дни», №481, 8 июня 1924), а на этот раз — под названием *ДВОР-СНЕГ-КОЛОКОЛЬЧИК* («Возрождение», №1731, 27 февраля 1930). Публикация статьи о «Числах», между прочим, последовала через месяц («Возрождение», №1739, 27 марта 1930).

14

Суббота, 22 февр[аля] 1930]  
[Париж]

Киса, я пишу Вам только потому, что завтра воскр[есенье], письмо не пойдет, выйдет большой промежуток, и Вы будете тревожиться.

Я завтракал у Жени, а пишу из Табас. Встретил Злобина, к[оторый] мне надоел. Он Вам кланяется.

Событий решительно никаких, поэтому я целую Вашу лапку и за ушком и прошу любить да жаловать.

Вы в среду писали, чтобы я Вам послал 100 фр[анков], а я их к[а]к раз и послал *в среду*. Вот я какой умный. Ах, как Вы хороши!

В.Х.

15

Воскресенье,  
23 февр[аля] 1930]  
вечером,  
[Париж]

Нисинька, нынче вечером я с удовольствием прочитал Ваш рассказик<sup>1</sup>. Он очень хорош, но «психология героини», к[а]к сказал бы Пьер Боборыкин<sup>2</sup>, «недорисована». — Зато не было письмишка — приходится надеяться на завтрашнее утро.

Я просидел полтора дня дома, работал. Вечером пошел к Вишняку с намерением увлечь его в кафе. Но он объявил: «На Montmartre или никуда». Я выбрал никуда, и мы мирно пили у него чай. Перед Вишняком я занес Бобринскому Гулливера и фельетон (самоплагиат из «Дней» 1925, о Пушкине). Таким образом, если не считать походов в лавочки, я теперь буду сидеть дома до среды. В среду — в Возр[ождение], а вечером бал у Вишняков.

Здесь вообще стоят холода, а сегодня, кажется, самый холодный день в этом году. У P[or]te de St. Cloud не было трамвая, и я принужден был спрятаться в кафе, чтобы переждать. Но ты не тревожься — не простужусь. Зато дома у нас чудная теплынь, хотя радиаторов закрывать не приходится.

Прости, что пишу все чепуху. Но я бы рад знать про тебя все — и поэтому сам пишу всякую мелочь.

Фама чудно за мной ухаживает, но вообще в доме серия убытков: а) разбилась (при моем деятельном участии) полоскательница для масла; б) протерся мой ковер; с) сломалась оглобелька у очков, — держатся, но придется покупать новые; не огорчен, ибо они мне не вполне были по носу и не по глазам; d) вчера, придя домой, нашел в передней вешалку, лежащую на полу: самосорвалась, обнажив все корни свои; хорошо, что не ночью, а то бы я перепугался; вероятно, фама ее вытирала и выдернула, а проходящий грузовик вытряс из стены.

Все это не ужасно. *Вообще же в квартире блеск и чистота.* Ася меня одобрила.

Если тебе нужны еще денежки, напиши, я тотчас вышлю, в крайнем случае по телеграфу. А теперь — бай.

Прилагаю письмо родителей<sup>3</sup>. Больше тебе писем нет, мне тоже никто не пишет.

Я с ужасом жду вторник: неужели эта дура Вера Николаевна придет? Жаль, что у меня нет денег: я бы купил похабных карточек, а то не знаю, чем занимают дам.

*Понедельник.* Пришло письмишко. Рад, что ты себя лучше чувствуешь. Ни о чем не заботься и толстей — больше ничего не требуется. — Откуда ты взял, что мне «трудно»? Мне *не труднее, чем было бы при тебе.* Даже легче, ибо сознаю, что ты отдыхаешь. А куда деньги ушли — вот счет:

Каплун — 100 Это уже 750 из 1000, кот[орая] у меня была.  
Иврия — 300 Остальные на еду, на папиросы, на разъезды,  
Лекарст[ва] — 100 на кафе. Ишь ты, подумаешь! Учить меня  
Прачке — 20 вздумал. Одним словом, сиди смирно и *к/а/к*  
Нисе — 100 *можно больше*, а деньги я тебе пришлю, но

Фаме — 20 *напиши*, т[ак] к[ак] не хочу посылать в слу-  
 Газ — 50 чае, если они тебя не застанут. Я могу вы-  
 Вольфс[оны] — 10 слать *в пятницу*. Впрочем, могу и раньше,  
 \_\_\_\_\_ если напишешь. Но главное — мне хочется,  
 ' 700 чтоб как можно дольше ты не приезжал. Я  
 Обед писательский даже совсем не люблю тебя. Целую ручки,  
 — 50 ножки, затылок. [Ангел] мой, до чего ты  
 \_\_\_\_\_ будешь хорош, если чуточку потолстеешь.  
 750 Храни тебя Бог.

Владюша.

<sup>1</sup> Упоминаемый рассказ (из цикла *БИАНКУРСКИЕ ПРАЗДНИКИ*): Н.Н. Берберова. *ВЕРСТЫ-ШПАЛЫ*. — «Последние новости», №3259, 23 февраля 1930.

<sup>2</sup> Петр Дмитриевич Боборыкин (1836-1921), известный писатель, чьи романы написаны в стиле французских натуралистов.

<sup>3</sup> Письмо от родителей Н.Н. Берберовой — Николая Ивановича (1868-194?) и Наталии Ивановны (урожд. Караулова, 1877-194?).

16

25 [февраля 1930]  
вторник [Париж]

Киса, вчера я весь день сидел дома и сегодня сажу, но, кажется, вечером сбегу.

Наконец-то я кончил губернаторство и суд над Державиним<sup>1</sup>. Теперь остается сделать ровно столько же, сколько сделано — а времени всего 15-16 дней. Но я не унываю, п[отому] ч[то] во-первых, под конец всегда лучше работаю, а во-вторых — теперь пойдет *интересное и легкое*. До сих пор было трудно разбираться в огромном, нудном и запутанном материале. Грот<sup>2</sup> его весь добыл — да сам же и запутал так, что черт ногу сломит. А я не сломал — и то хорошо.

Посылаю тебе письмо Зака<sup>3</sup>. Счастливый! 8 страниц в один вечер написал. Я почитал. Кое-что недурно, но в общем — так себе. Хотя, конечно, здесь он был бы первым мыслителем и первым критиком. Не можешь ли сделать из него критика? Очень бы пригодился.

Кстати — о критиках. Я неделю тому назад (даже 8 дней) опустил письмо к Милочке, но в конверте на имя Вейдле. «Ангел мой» — и т.д. Только в конце разоблачается, что письмо к ней, а не к нему. А ему, мол, старому хрычу, не пишу, ибо он мне не пишет. Не знаю, обиделся он, что ли — молчание. Чхать.

Вот сию секунду принесли 2 открытки твои и письмо, написанное в субботу, а *опущены в понедельник* (со вложением налоговой бумаги). Дрянная ты девчонка.

Очень хорошо, что ты поправился, но не можешь ли еще побывать в Ницце.

Во-1-ых — полезно;

во-2-ых — приятно;

в-3-х — я еще не соскучился, а мне интересно, когда соскучусь;

в-4-х — я побольше успею написать до тех пор.

Право, попробуй еще пожить там.

Однако, в виду того, что это письмо придет к тебе самое раннее в четверг, а вернее, что в пятницу, — *я тебе больше писать не буду*, если не получу известия, что ты еще остаешься.

Посылаю письмо Наташи<sup>4</sup>. По-моему, ты на него пока не отвечаешь, а придешь — придумаем что-нибудь смешное.

Завтрашний бал вишнячий<sup>5</sup> переносится на послезавтра.

Жаль, что ты не любишь «домашнего». А я тебе, кажется, в последнем письме все домашнее писал. Очень теперь смущен и не знаю просто, как быть.

Впрочем, целую ручку-ножку. Будь здоров, под конец не растряси золотнички свои.

Сиди, сколько можно в Ницце, это мой тебе завет.

Владюша.

<sup>1</sup> Т.е. пятая глава биографии.

<sup>2</sup> Яков Карлович Грот (1812-1893), лингвист, историк литературы, академик, написал работы о многих писателях. См. его *ЖИЗНЬ ДЕРЖАВИНА ПО ЕГО СОЧИНЕНИЯМ И ПИСЬМАМ И ПО ИСТОРИЧЕСКИМ ДОКУМЕНТАМ*, 2 тт., СПб, 1880-1883. Ходасевич пользовался книгой Грота как источником для справок в своей работе над биографией Державина.

<sup>3</sup> Яков Зак, эмигрант, проживавший в Брюсселе, в эти годы неожиданно начал писать Н.Н. Берберовой письма на литературные темы. Переписка эта оборвалась так же внезапно. См. *КУРСИВ МОЙ*, с.532.



<sup>4</sup> Наташа Кук (Mrs. Frank Cooke, урожд. Караулова, род. 1896), двоюродная сестра Н.Н. Берберовой, проживавшая в Белфасте. Ходасевич и Берберова посетили ее летом 1924.

<sup>5</sup> Т.е. завтрашняя вечеринка у Вишняков.

17

7 июня [1]1930  
[Arthies]<sup>1</sup>

Милый мой Ниник, я живу здесь благополучно и пописываю, как следует. Сегодня получил газеты — спасибо. Приехала Ека-т[ерина] Ал[ексеевна]<sup>2</sup> и велит мне побриться. Я это сделаю, хоть и не хочется. Больше мне тебе сказать нечего, кроме того, что здесь много зайцев и что сегодня у меня чуть-чуть болит голова.

Работаю я в общем просто весь день, ложусь в 10, встаю в 8. М[ожет] б[ыть], потому и голова побаливает, что много читал вчера вечером и сегодня до утреннего кофе. После этого все пи-сал. Сделаю отдых.

Целую ручки-ножки.

Напиши, что слышно.

Владюша.

<sup>1</sup> Arthies: русский пансион (chez Ярко) под Парижем, куда Ходасевич поехал в июне (и вновь в октябре и ноябре) 1930, чтобы работать над биографией Державина. Н.Н. Берберова осталась в Булони. См. также письма №№18-28.

<sup>2</sup> Екатерина Алексеевна Голованова, жена доктора Михаила Константиновича Голованова, который одно время бесплатно лечил Ходасевича.

18

Понедельник  
9 июня [1]1930  
[Arthies]

Милый мой Ниничек,  
я получил твое письмо не в среду, а уже нынче, в понедельник. Очень рад, что ты рад своему жилью. А я своему тоже рад, хотя никаких исключительных причин торжествовать нет.

Работа движется не то, чтобы гигантскими шагами, но движется, и я надеюсь, что успею кончить если не к понедельнику, когда ты за мною приедешь, то хотя бы к среде уже в городе (придется кое-что переписывать второй раз, а сейчас мне некогда). Словом, на сей счет я сравнительно спокоен — а это главное.

Работаю очень много — в сущности весь день, но ночью и даже вечером не пишу: свет не устроен. Отдыхаю за столом. В процессе работы изрядные улучшения получает весь план, — но из-за улучшений-то дело и замедляется. Пришлось переделывать все начало два раза!

Ходил я *в поля* — один, а в лес — с Кат[ериной] Алексеевной. Лежали чудно. [?] По вечерам немножко с ней кутим и гуляем, но стоят морозы при ясном небе. Красиво и холодно. Деревушка и вообще окружающее мне чрезвычайно нравятся, кормят отлично, и вообще я доволен. Только вот вчера и сегодня слишком шумно. Однако, нынче с вечера начинается разъезд. Люди в общем весьма приличные, не могу жаловаться.

Я бы гулял больше, но это мне решительно не по средствам.

Получил письмо от Вейдле. Да! Андр[ей] Луганов<sup>1</sup> прислал мне 2 экз[емпляра] статьи о 42 кн[иге] Сов[ременных] Зап[исок]. Два подвала — из них 1 1/2 обо мне, и вся статья называется — «Ходасевич о Державине». «Сов[ременные] Зап[иски]» — только в подзаголовке, мелким шрифтом. Статья же, увы, Словцовского<sup>2</sup> типа, но с чрезвычайными комплиментами. Выгода всего дела, — конечно, — перед Вишняками: только о Бунине<sup>3</sup> (виноват: еще раз о Нисе<sup>4</sup>) писали *отдельно* по поводу Совзапок. Невыгода та, что на сей раз, будь она сама прислала, — придется мне ей писать письмо. Ну, напишу, что делать.

А еще, милый Кот, я Вас ужасно люблю и целую. А теперь отстаньте, я сажусь за работу. Сейчас 2. До 4 писать; потом опустить письмо (а где же я нынче в праздник добуду марку?), а потом опять писать.

Твой писатель.

Поцелуй Вейдлей.

Отправь хронике — можно даже в среду, если забыла.

Успеху «Девочки» очень рад, но он (отчасти) доказывает правоту моих антибиянкурских соображений<sup>5</sup>. В общем, все это может привести к книжке<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Андрей Луганов, псевд. Хирьяковой, критика варшавской газ. «За свободу», жены писателя-толстовца Александра Модестовича Хирьякова. Восторженно относилась к ВФХ. Упомянутая статья: Андрей Луганов. *ХОДАСЕВИЧ О ДЕРЖАВИНЕ*. — «За свободу», №139 (3120), 25.5.1930.

<sup>2</sup> Р.Словцов — псевдоним Николая Викторовича Калишевича (ум. 1941), критик в «Последних новостях», имя которого ассоциировалось для Ходасевича и Берберовой с простым пересказом содержания, импрессионистской критикой, излишним чувством, шаблонностью и т.д.

<sup>3</sup> Какую именно рецензию на книгу Бунина имеет в виду Ходасевич, установить не удалось.

<sup>4</sup> Рецензия Ю.И. Айхенвальда на *ЛИРИЧЕСКУЮ ПОЭМУ* Н.Н. Берберовой в «Руле», №1883, 9 февраля 1927.

<sup>4</sup> *антибианкурские соображения*: Ходасевич, как и многие другие (Вейдле, Зайцев, Набоков), считал, что «бианкурский» период Берберовой скоро должен пройти, что это лишь этап (в сущности, подражательный) и что она вскоре от него перейдет к написанию «настоящих» рассказов.

<sup>5</sup> Предсказанию Ходасевича суждено было сбыться только в настоящее время: *БИАНКУРСКИЕ ПРАЗДНИКИ* должны выйти отдельной книгой (вместе с другими рассказами 1928-1952) в изд. «Russica».

## 19

Среда

[11июня 1930, Arthies]

Золотой мой Кот, я жив, здоров и благополучен. Здесь чудно, и я очень благодарен, что ты меня отдала в этот пансион. — Работа вся перевернулась, все будет не так, к[а]к я предполагал, а гораздо занимательнее. Но — в книге, п[о]тому ч[т]о, конечно, число страниц разрастается, а писание замедляется. Однако, я уже оконч[ательно] вижу, что и как будет в Сов[ременных] зап[ис]ках. Пробел будет *огромный*, но, кажется, так даже лучше, а то выходили какие-то клочья. М[ожет] б[ыть] — я даже сим увеличу число покупателей книги. — Часть рукописи послал Вейдле для переписки (в «Возр[ождение]»<sup>1</sup>), а то сам переписал 3 раза — некогда и скучно переписывать в 4-й. — Нарыв при помощи вакцины кончился. Сегодня опять теплый день, а то все был мороз. — Не вздумал ли ты, дьяволеныш, послать в Белград<sup>2</sup> рукопись без меня? Подозреваю это и огорчаюсь. — За сим целую ручку-ножку. Я еще не соскучился, но к понедельнику соскучусь. Кланяйся от меня кому попало и поцелуй Асю.

Владюша.

Без голованихи<sup>3</sup> гуляю.

С ней — скучно.

<sup>1</sup> Часть биографии Державина вышла в «Возрождении» (см. №№ 1433, 1591, 1680, 1836, 1913, 1976, 1983, 2000, 2090) и в «Руле», №3041.

<sup>2</sup> Т.е. лекции, которые Ходасевич должен был читать в Белграде. Но эти планы не осуществились. См. прим.7 к письму №8.

<sup>3</sup> Т.е. Е.К. Голованова.

20

Пятница, 13 [июня 1930]  
[Arthies]

Милый Ниничек, золотой мой, меня ужасно огорчило твое письмо. Не затем я сижу, поджавши хвост, не затем ты целуешься с Абрамычем, Калишевичем и Демидовым — чтобы опять портить отношения — из-за чего? Из-за пошлого дурака Осоргина?<sup>1</sup> Охота была расстраиваться.

И что значит — умышленно от меня скрытый Н? Кем скрытый?<sup>2</sup> Надеюсь — тобой? Но неужели ты думала, что я два года лакейничал (своим молчанием) перед Пос[ледними] Новостями, стану все сызнова портить из-за Осоргина? Но если ты боялась моего взрыва — зачем же сама взрываешься? Поверь, что в конце концов вся эта сволочь, которой на Пушкина, на Лермонтова, на всю Россию чхать, запомнит одно: милый Мисинька сделал в литературные штанишки, а Бербесевичи-мерзавцы обрадовались и сводят с ним *личные счета*. Вот и все.

У меня Пушкин держит экзамен, завтра начнет умирать Д[ержавин]<sup>3</sup>. Надеюсь, к понед[ельнику] он это сделает, а нет — я его уморю во вторник в городе. Этим все и кончится, ибо больше писать нет ни времени, ни места в С[овременных] зап[исках], ни главное — возможности, п[отому] ч[то] «Беседу»<sup>4</sup> надо разбить на 3 куска и вообще по многим важным соображениям, надо все так перепутать, что пропуски станут немислимы: или все, или ничего. Значит — ничего. После 11 марта 1801 наступает прямо 8 янв[аря] 1815, а потом — 8 июля 1816, — и подпись: Владислав Ходасевич. Этим я сохраню книгу, которую не хочу портить. А прочтут ли ее — не знаю. М[ожет] б[ыть] даже скорее прочтут (и купят!) ради такого огромного пропуска.

Вчерашний день у меня погиб: утром была жара и духота, с 4-х надвигалась гроза и болел живот, с 7 до 10 была гроза и ливень + выключение электричества и единственной лампы в столовой, а в 10 я лег спать.

Кроме того, я, наконец, решительно по тебе соскучился и жду понедельника с нетерпением.

Спасибо за газеты, хотя приходят они (ты не виновата) через пятое в десятое. Вот сегодня не пришли.

Будь здоров, Ангел мой. Очень люблю тебя, целую хвостик и под.

Владюша.

Тум[аркин] 2 года хочет мириться<sup>1</sup>. Но — за твой счет, с признанием твоей вины. Это мне не подходит, и мы вряд ли сторгуемся.

<sup>1</sup> М. Осоргин — псевдоним Михаила Андреевича Ильина (1878-1942), романист, журналист, высланный из России в 1922, сотрудничал во многих эмигрантских изданиях, старый друг Ходасевича по Москве, но к тому времени их отношения начинают портиться из-за политических расхождений (Осоргин поддерживал Советскую Россию и ежегодно возобновлял свой советский паспорт).

*Абрамыч, Калишевич, Демидов* — здесь Ходасевич ссылается на А.А. Полякова, Н.В. Калишевича (Р.Словцова) и И.П. Демидова — ведущих сотрудников «Последних новостей». Отношения Ходасевича с редакцией «Последних новостей» резко обострились с тех пор, как П.Н. Милюков заявил ему, что он газете «совершенно не нужен».

<sup>2</sup> *И что значит... скрытый Н:* Берберова намеревалась скрыть от Ходасевича свое решение написать в редакцию «Последних новостей» протест на статью Осоргина (*ЧЕЛОВЕК, ПОХОЖИЙ НА ПУШКИНА*. — «Последние новости», №3367, 11 июня 1930), в которой автор путал стихи Пушкина со стихами Лермонтова. Этот номер газеты Берберова попыталась спрятать от Ходасевича, опасаясь его гнева на некомпетентность Осоргина. Под «Мисинькой» Ходасевич имеет в виду Осоргина; «Бербесевичи» — Берберова и Ходасевич.

<sup>3</sup> Т.е. заключительная часть биографии Державина.

<sup>4</sup> «Общество любителей Российской словесности», организованное по инициативе адмирала Александра Семеновича Шишкова (1754-1841). Державин принимал участие в деятельности Общества (что Ходасевич подробно описал в биографии поэта). Интересно, что журнал, который Ходасевич издавал вместе с Горьким, Белым и др. (см. прим.1 к письму №10) в 1923-25, также получил в честь Державина название «Беседа».

<sup>5</sup> А.С. Тумаркин, брат М.С. Цетлиной. Сейчас невозможно установить, на какой почве у Ходасевича и Берберовой произошли разногласия с Тумаркиным, но эти разногласия не повредили их дальнейшим отношениям после примирения.

Arthies,  
29 окт[ября 1]1930

Родной мой Ниничек,  
я доехал благополучно и поселился в прокопенковской<sup>1</sup> комнате, где, оказывается, теплее.

В комнате просторно. Два стола (общей длиной больше сажени) сдвинуты у меня рядом. Бумаги и книги на них разложены в упоительном порядке. Перед столами два стула, и я не двигаю книг, а пересаживаюсь сам. Очень удобно. Лампа пристроена и сияет, озаряя все поле действий. На правом фланге машина.

Днем спал, разумеется, а перед ужином и после него работал. Написал 1 1/4 машинных — это тебе не Париж! (Правда — и кусок выдался легкий). Теперь половина десятого, и мне опять хочется спать. Сейчас лягу. Бог даст, завтра с утра примусь работать уже всерьез. Погода кисленькая, но здесь светлей, чем в городе.

30 октября [1930]

Вот так выспался! С 10 до половины девятого. Видел во сне, будто Гукасов<sup>2</sup> устроил тир из живых детей и подстрелил одного мальчика. Еще видел царевича Алексея<sup>3</sup>. Одним словом — мальчики кровавые в глазах. Должно быть, это потому, что меня немножко тревожит хроника. Не можешь ли вечером в пятницу послать мне хоть 2 страницы, от руки написанных? Я получу их утром в воскр[есенье], перепишу, прибавлю кое-что от себя (у меня есть тема на целую страницу) и пошлю в тот же день. Ах, если б ты это сделала! Ну — хоть *утром* в субботу пошли!

Напиши, кого и что видела и вообще разное, а то вдруг я засучаю. Поцелуй себя и Кису. Промывай ему уши.

Владюша.

Милый Муринька<sup>4</sup>,  
целую тебя в самый носик. В комнате у меня тепло, ты бы здесь не чихал. Еще есть чудная занавеска для платья, с самого пола до потолка. Я по ней не карабкаюсь, и воображаю, как бы ты карабкался.

Будь пай, не рассыпай опилки, давай чистить уши, не серди Нисю, не ройся в солонке. Здесь есть барышня — твоя сестренка, очень похожа на тебя *лицом* и глазами, даже смешно. Оказывается, у вашего брата сходство бывает такое же, как у нашего. Ну, всего хорошего, не забывай твоего друга и почитателя.

В.

<sup>1</sup> Доктор Прокопенко, знакомый Н.Д. Милиоти и Юлии Леонидовны Сазоновой-Слонимской (1887- ?), писательницы, критика, сестры Михаила Слонимского. Милиоти и Сазонова жили вместе. См. письмо №25.

<sup>2</sup> Абрам Осипович Гукасов, владелец «Возрождения».

<sup>3</sup> Царевич Алексей (1690-1718), сын Петра I, приговорен к казни отцом, умер от пыток.

<sup>4</sup> Кот Ходасевича. всю жизнь Ходасевич любил кошек. (См. стихи *ПАМЯТИ КОТА МУРРА*. — Собр. соч. Под ред. Р.Хьюза и Д.Мальмстада, т.1, Ann Arbor, 1983, с.216-217, 387-388). Когда в 1931 Мурр умер, его место в доме занял другой кот (Наль), взятый по совету И.И. Фондаминского, который считал, что только так можно утешиться в горе. Кот Наль умер уже во время войны.

## 22

Пятница, 31 окт[ября] 1930  
[Arthies]

Милый мой, получил газеты и письмо, спасибо. Погода дрянная. Вчера гулял, но попал под дождь, а сегодня нельзя и носу высунуть. — Кормят так себе, топят хорошо. Кроме Лимата<sup>1</sup> никого нет, завтра и он уезжает. —

Я надеюсь к завтр[ашнему] вечеру кончить проклятую VIII главу (министерство) и въехать на ровную дорогу. Надоели мне министры до черта, но надо через это проехать.

Пожалуйста, кушай как следует. Боюсь, что ты голодаешь. Деньги мне ты вряд ли сможешь послать раньше понедельника, но не беспокойся — они мне не нужны. Это и есть главное, для чего пишу тебе. Завтра писать не буду — не тревожься.

Поцелуй Кису. Целую тебя уж очень любовно, ты мой ангел, это несомненно.

Владюша.

<sup>1</sup> Лимат: очевидно, летний гость в Арти, пансионе Ярко.

## 23

Воскрес[енье], 2 ноября [1]930  
[Arthies]

Спасибо тебе, мой ангел, за Гулливера. Вчера получил его, тотчас переписал и отправил.

Из Державина написал я 8 страниц в трое суток (четверг, пяти[ица], суб[бота]), но сегодня выбросил из них 2 1/2 (радуйся). К вечеру будет кончена вся политика — этому я сам радуюсь. Таким образом, я отстал от плана на одни сутки, но не унываю — место было мучительно трудное. Завтра отправлю фельетон<sup>1</sup> в «Возрождение». Дойдет — хорошо, опоздает — не беда: поставят в след[ующий] четверг.

Вчера было немного светлее и суше, я гулял. Сегодня холод и ветер, но дождя нет, и я после обеда иду гулять. Жаль, что здесь нет ничего и никого — нечем перебить мысли, и я от этого утомляюсь.

В Париж поеду в буд[ущее] воскр[есенье] или в понедельник — не позже. Это чтоб тебе не пришлось вторично посылать сюда Гулливера. Державина к тому времени еще не кончу, но останется немного, и я мечтаю 15 числа<sup>2</sup> все кончить.

Зовут обедать.

Кормить стали лучше. В комнате очень тепло, и я даже работаю без пиджака.

Сегодня не пришли газеты и нет письмишка, так что я только воображаю тебя и Кису. Боже, какое свидание будет! — А теперь сажусь за работу.

---

А теперь скоро пить чай. Надеюсь кончить главу к ужину. На радостях думал о тебе, Ниничек, и нашел, что ты у меня удивительно занимательный. Целую ручки и ножки.

Кроме всяких пустяков, как видишь, мне написать решительно нечего. Иду опускать письмо и гулять, хотя ветер такой, что, кажется, скоро улетит крыша.

Будь здоров, мой ангел, очень люблю тебя. Поцелуй кота и скажи ему, чтоб был пай.

Владюша.

Главная (и единственная) цель моих писем — чтоб ты не беспокоилась. Вот и все.

Поезжай на ул[ицу] св[ятого] Доминика<sup>3</sup>. Не поможет ли нам этот святой? Очень деньги нужны, как сказал Злобин.

Завтра не буду писать тебе. Нечего.

<sup>1</sup> Т.е. статья о Суворове и Державине. См. прим.1 к письму №19.

<sup>2</sup> К 15 числу он так и не кончил. По рабочему календарю последний день работы над биографией — 6 января 1931.

<sup>3</sup> Т.е. в банк, который находился на этой улице.



3 [ноября 1930]  
 понедельник,  
 перед ужином  
 [Arthies]

Киса, да что же это? Последние газеты (пятничные) получил в субботу, а с тех пор — ничего! Может быть, уже меня выбрали в французскую академию, или m-me Коварская<sup>1</sup> умерла, или еще что — а я не знаю и не могу принять своих мер. Не тебя виню — почту и праздники, но от того не легче.

Вчера кончил министерство и сегодня послал Маковскому<sup>2</sup>. Нынче день ясный, ходил гулять. Воздух такой прозрачный, что видны домики вдаль, которых не видно летом. Потом читал, делал выписки и фишки для дальнейшего. После ужина надеюсь написать переход от службы к Шишкову<sup>3</sup> (конец 8 главы), а завтра засесть за Шишкова.

До сих пор не брился, но завтра приезжает какая-то мамаша с какой-то дочкой — и я решил окрасавиться, чтобы их не пугать. Они — в первый раз: пожалуй и без моей бороды ужаснутся: мокровато, скучновато, грязновато да как-то хамовато. Семен Маркович<sup>4</sup> — малосносный мужчина, хотя дружба наша отнюдь не омрачена ничем. Но есть с ним за одним столом скучно. Вот, Державин все у императрицы обедал (а меня и Цетлины не зовут).

Ты у меня, опять скажу, молодчина. Письмо твое получил. А в Руле есть примечания какие-ниб[удь] к Кондратьеву?<sup>5</sup> А у тебя есть статья Луганова?<sup>6</sup> А как твой рассказ?<sup>7</sup> А стоит ли волноваться из-за Балиева?<sup>8</sup> А если Вишняк с Вейдле подерется<sup>9</sup> — не наплевать ли? А вот что важно — как кошкино здоровье? Почему не пишешь об этом? А сколько денег ты получила?<sup>10</sup>

За сим — иду ужинать. Завтра утром еще припишу что-нибудь, если будет что. Впрочем, всегда можно поговорить о моей любви к Вам, Нися, — это тема неиссякаемая. Боже, как ты хорош! Целую ушки, ножки, рожки и носик —

твой Владюша.

(Продолжение на обороте).

4, вторн[ик]

*Спасибо за деньги.* Получил сразу 3 пакета газет.

Не огорчайся из-за Балиева: 1) он хам, это я тебе говорил. 2) Он может заказать пьесу, но (получив откуда-ниб[удь] другую) — уклониться от получения рукописи. 3) Получив рукопись — вернуть ее — опять же, если есть у него другая. Так поступил он с

Потемкиным<sup>11</sup>. 4) Самое важное, что я забыл тебе сказать. Видя, что *опошлить свою работу ты не хочешь* — он заявляет, что все прекрасно — а сам отдаст вещь в переделку. (Так Лоло<sup>12</sup> переделывал меня и Щепкину-Куперник<sup>13</sup>). После этого пьеса все-таки идет под твоим именем. (Я ночи не спал от стыда за «Клеопатру» со вставленными куплетцами Агнивцева<sup>14</sup>). Вот это и есть причина, почему я против того, чтобы пьеса шла под твоим именем. Он делал и так, что пьеса нек[оторое] время шла к[а]к следует, а потом, через год — он ее отдавал в «освежение» — и она становилась ужасна. (Так испакостил ему кто-то водевиль Кузмина<sup>15</sup>, кое-что из моих вещей). Ты и знать не будешь, что идет под тв[оим] именем. Вообще — не расстраивайся и больше к нему ни в коем случае не звони. Выйдет — хорошо, не выйдет — чхать, но всегда надо быть готовой к худшему: гарантия от разочарований.

Я работаю. Трудно, но легче прошлого куска. Целую тебя. Ужасно огорчен отоплением<sup>16</sup>.

Салтыков<sup>17</sup> — старый хрыч.

Владюша.

<sup>1</sup> Жена И.Н. Коварского, владельца книжного магазина на rue de la Source и хозяина издательства «Родник» при журнале «Современные записки».

<sup>2</sup> Сергей Константинович Маковский (1877-1962), редактор дореволюционного журнала «Аполлон», сын художника-реалиста, поэт, мемуарист. Маковский в это время занимал должность редактора литературного отдела «Возрождения».

<sup>3</sup> Адмирал А.С. Шишков. См. прим.4 к письму №20.

<sup>4</sup> Семен Маркович Ярко, владелец пансиона в Арти.

<sup>5</sup> А.Кондратьев — псевдоним Георгия Владимировича Иванова (1894-1958), известного поэта, который во второй книге «Чисел» (1930, с.311-314) поместил желчную и саркастическую статью *К ЮБИЛЕЮ В.Ф. ХОДАСЕВИЧА*. См. также: Георгий Иванов. *В ЗАЩИТУ ХОДАСЕВИЧА*. — «Последние новости», №2542, 8 марта 1928. Об отношениях между Ходасевичем и Ивановым см.: Ю.Терапиано. *ОБ ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ВОЙНЕ*. — «Мосты», 1966, №12, с.363-375.

<sup>6</sup> Упомянутая статья: Андрей Луганов. *В ПОТЕМКАХ*. (Рец. на №2-3 «Чисел»). — «За свободу», №291 (3272), 26 октября 1930. Рецензентка очень критически отозвалась на эти номера «Чисел» и на помещенные в них стихи разных поэтов.

<sup>7</sup> Упомянутая статья: Н.Н. Берберова. *САНОВНИК*. — «Последние новости», №3546, 7 декабря 1930.

<sup>8</sup> Никита Федорович Балиев (1877-1936), директор и хозяин театра «Летучая мышь». Ходасевич написал стихи (см. *АКРОБАТ* [1914-21]. — Собр. соч., т.1, с.77) к силуэтам немецкого художника — стихи, которые тогда читались на сцене театра Балиева. В Париже Балиев задумал возродить свой театр. Позднее он переехал в Нью-Йорк. Берберова одно время писала пьесы для его театра в надежде найти дополнительный заработок, но Ходасевич оказался прав, и из этой затеи ничего не вышло.

<sup>9</sup> Т.е. «поссорится». Отношения Вишняка и Вейдле носили крайне напряженный характер. Вишняк считал Вейдле скучным и заявлял, что «Современные записки» в нем не особенно нуждаются. Ходасевич, со своей стороны, постоянно настаивал, чтобы Вейдле печатался в этом журнале.

<sup>10</sup> *Сколько денег ты получила?*: с тех пор, как рассказы Н.Н. Берберовой начали иметь успех, ей платили по 1 франку за строку, что приносило заработок в 300-360 франков за рассказ (хотя и редко, но иногда удавалось получать такую сумму по два раза в месяц).

<sup>11</sup> Петр Петрович Потемкин (1886-1926), поэт, драматург (писал пьесы для «Летучей мыши»).

<sup>12</sup> Лоло (Л.Г. Мунштейн, 1867-1947) — поэт.

<sup>13</sup> Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874-1952), переводчица.

<sup>14</sup> Николай Яковлевич Агнивцев (1888-1932) — поэт, фельетонист. «Клеопатра» — по-видимому, скетч Ходасевича, написанный для Балиева, который был переделан «для публики» Агнивцевым (до революции).

<sup>15</sup> Михаил Алексеевич Кузмин (1872-1936), поэт, прозаик, драматург, критик, композитор. «Водевиль» Кузмина, насколько нам известно, не был напечатан ни в то время, ни позднее.

<sup>16</sup> На булонской квартире Ходасевича и Берберовой грозились отключить отопление, по-видимому, за неуплату счета.

<sup>17</sup> Граф Александр Александрович Святлыков (1865-194?), поэт, знакомый Ходасевича.

Милый Ниник, пишу тебе экстренно, по двум поводам. Первый. Сегодня мороз, барометр подымается, завтра будет еще холоднее. Я очень тревожусь за тебя. Умоляю: если нет отопления, бери маленький чемодан и приезжай сюда завтра вечером (поезд

идет из Парижа в 5 ч[асов] 26). У меня 2 стола, и буду очень гостеприимен, — умоляю не мерзнуть. *Котика привези с собой.* Вернемся вместе в воскресенье или в понедельник.

Второе. Решительно прошу тебя не мириться с Милиоти. Т.е., конечно, нет нужды ссориться. Но я прошу тебя очень настоятельно, чтобы после всего, что говорено о нем с Зайцевыми, с Вольфсонами и с Вейдле, после того двусмысленного и глупого положения, в ко[тор]ое он тебя (*и меня!*) поставил перед Прокопенками (как ты знаешь — нарочно!), — после всего этого чтоб ты никогда и нигде *вдвоем* с ним не являлась и чтоб он не являлся ни *к нам*, ни *к тебе*. В нейтральном месте — да, но в нашей квартире я не подам ему руки, о чем предупреждаю. Не сердись на меня, но не вижу нужды играть роль великодушного роконосца, в которого он меня *сознательно* рядит. Да думаю — и ты не захочешь этого. Допустим, своей репутации ты хозяйка, но и я своей — тоже. Впрочем я уверен (говорю это искренно), что ты сама все это знаешь и, как ни прекрасны глаза Сазоновой<sup>1</sup> — не будешь меня менять на нее.

Я очень соскучился по тебе, стал чудно тебя воображать, перечитал письмишко вчерашнее — тут-то милиотная муха меня и укусила. Очень обидно. Но целую твои хвостики и обожаю тебя.

Владюша.

Пришла верстка Д[ержави]на — читаю ее. Пишу о Шишкове — кажется, хорошо выходит.

Привези Кота, если поедешь, не поручай его никому.

<sup>1</sup> Ю.Л. Сазонова-Слонимская. См. прим.1 к письму №21.

*Четверг* [6 ноября 1930]  
[Arthies]

Сейчас получил письмишко, где ты написал, что «обещают затопить сегодня», т.е. вчера. Дай Бог, а то я просто измучился, думая о тебе. Очень рад, что ты пай и с Милиоти не сдаешься. Ах, как ты хорош!

Вчера я не писал, а читал корректуру. День пропал, но ничего не поделаешь — надо.

Если затопили, то, очевидно, ты не приедешь. А я, вероятно, приеду в воскр[есенье] вечером. Это потому, что лента в машине

вдруг истрепалась и, пожалуй, не доживет даже до воскр[есенья]. Пожалуйста, походи в Ремингтон<sup>1</sup> и купи новую, черную (fixe), для портабля<sup>2</sup>. Это потому необходимо, что во вторник Armistice<sup>3</sup>, а в понедельник pont<sup>4</sup>. След[овательно], Ремингтон (я знаю его строгость на сей счет) *будет закрыт с 12 ч[асов] дня субботы до среды!* Лента же нужна и тебе, и мне в воскр[есенье] и в понед[ельник] для хроники, и рассказа, и *Державина*.

Я, кроме того, соскучился, и все думаю о тебе и воображаю Кису бедную. Боже, как мы будем втроем друг друга обнюхивать! — А теперь сажусь писать и целую тебя очень. Рассказом<sup>5</sup> интересуюсь весьма, уверен, что чудно.

Владюша.

Барышня оказалась твоих лет, некрасивая, но *совсем* культурная. Торгует старыми яхтами. Вот какие бывают профессии.

<sup>1</sup> Известная фирма «Remington», где можно было купить пишущие машинки и аксессуары к ним.

<sup>2</sup> Пишущая машинка Ходасевича и Берберовой.

<sup>3</sup> 11 ноября во Франции государственный праздник — отмечается заключение перемирия после Первой мировой войны.

<sup>4</sup> *Pont*, т.е. мост — обычай, согласно которому рабочий день, если он попадает между праздничным и воскресным, — присоединяется к празднику и объявляется выходным.

<sup>5</sup> См. прим. 7 к письму №24.

7 нояб[ря 1930], пятница  
[Arthies]

Киса, я рад безумно, что затопили. Очень беспокоился. Еще рад, что ты умничек насчет Милиоти — но в этом не сомневался — см[отри] мое вчерашнее письмо.

На радостях решаю остаться еще один день: *приеду вечером в понедельник*. Это еще потому, что не уверен, будет ли pont — и если не будет, то вечером в воскресенье ехать уж очень гнусно с моим багажом.

Написал я 14 страниц, из которых, кажется, выкину 2 ради сокращения. Это — в 8 дней. Не много, но в Париже не написал

бы и этого. О мин[истер]стве было безумно трудно и нудно писать. Сейчас пишу (кончаю) о Шишкове.

Больше писем от меня не будет. Предупреждаю, что очень люблю тебя и не пушу шляться, а буду любоваться. Целую котика. Очень по нем соскучился. Лечи его, Бога ради.

Твой Владюша.

28

*Суббота, 29 нояб[ря] 1930.*  
Вечер [Arthies]

Ненаглядный мой Ниник, я забыл (мы забыли), укладывая машину, уложить штебель. Однако, я ухитрился обойтись без него, и лампа чудно сияет на столе. Но обеспокоила меня мысль, что ты спохватишься и будешь беспокоиться. Я написал тебе письмо, но было уже поздно — оно не пошло. Я даже пытался звонить по телефону Бобринскому — *pas libre!* В надежде, что ты не заметишь беды — вернулся домой и решил не тревожиться предполагаемую твоею тревогой.

Здесь чудно. Погода ужасная, но уютно от этого очень. Самая нужная человеку вещь — почти как воздух — тишина. После обеда я спал два часа. После чая и телефона писал. (Чрезвычайно приятно писать обыкновенною ручкой).

Наводнение, оказывается, не шуточное. Поезд верст 30 идет по залитой местности. Вода местами отделена от рельс буквально вершками. Говорят, может размыть полотно, и тогда я прилечу на воздушном шаре.

Зовут ужинать.

---

Кисынька, меня развезло от дороги, тишины, печки и ужина. Поработал немного — и ложусь спать. Теперь половина десятого. Завтра утром примусь за работу как следует. Покойной ночи. Если твой рассказ<sup>2</sup> не пошел, не грусти, все вздор. Над нами не каплет. Займись посылкой родителям.

*Воскрес[енье]*

Безобразие! До половины второго ворочался, волновался, не мог уснуть. Спал до 10. Выпил кофе, чудно себя чувствую, отлично работал до обеда. Теперь опять пишу и буду писать.

Киса, я решительно не знаю, когда приеду. М[ожет] б[ыть] в среду, а м[ожет] б[ыть] и в четверг, и даже в пятницу. Хочу по-

работать. Фельетон<sup>3</sup> выдумал — опять сам себя оберу. Займусь этим в воскр[есенье] и в понедельник. Т[аким] обр[азом], могу застрять здесь надолго. Но ты будешь обо всем извещена.

Вольфсонам я напишу открытку и честно скажу, что застрял из-за работы.

Целую ручку и ножку —  
Владюша.

<sup>1</sup> *pas libre*: занято (фр.)

<sup>2</sup> См. прим.7 к письму №24.

<sup>3</sup> Упомянутый фельетон: В.Ф. Ходасевич. *АМУР И ГИМЕНЕЙ*. — «Возрождение», №2014/2015, 10-11 декабря 1930. Эта статья впервые вышла в журнале «Русский современник» (Пг.), 1924, №2.

29

[3 августа 1931, Париж]<sup>1</sup>

Милая Нися, сейчас половина пятого (понедельник). Я сижу в Tav[er]ne Royale и жду Бориса<sup>2</sup>, кот[орый] приведет сюда Патю.

Мы решили идти *не* на сдачу, а только на *компромисс*, под угрозой ухода<sup>3</sup>. Бор[ис] мечтает привлечь Патю, к[ото]рому все равно *грозит* та же участь. Пока ничто неизвестно, но у меня есть надежды. Убытки неизбежны, но, кажется, можно будет их уменьшить. Есть и еще кое-какие соображения и надежды.

Затем: *абсолютно* не давай коту молока: все — от молока. Рис, с мясной подливкой, даже крошечку легко наре[з]анного мяса. Кроме того, я привезу и способ активного лечения. Думаю — завтра веч[ером] вернусь, но могу застрять. Целую. Асю еще не видел, но она едет в отпуск + у них нашествие клопов от жильца. (Слышал от консьержки). Еще целую. Будь бодр.

Владюша.

<sup>1</sup> На этот раз Берберова осталась в Арти, а Ходасевич уехал в Париж по делам.

<sup>2</sup> Б.К. Зайцев.

<sup>3</sup> Ходасевич, Зайцев и Муратов встретились, чтобы обсудить проблемы, возникшие в «Возрождении». Время от времени Абрам Осипович Гукасов наводил панику на своих сотрудников сокращением жалованья и гонорахов и угрозами закрыть газету.

[17 мая 1932, Париж]<sup>1</sup>  
*Вторник, вечер*

Милая Нися, я буду ждать тебя завтра, *в среду, в 3 часа; в кафе на Rond Point*. Там воздух лучше, и к тебе ближе, и вообще это новее.

Целую.

Владюша.

<sup>1</sup> В это время Берберова уже ушла от Ходасевича (они разошлись в апреле 1932) и переселилась на Bd. de Latour-Maubourg (на левом берегу Сены) в отель «Des Ministères». Ходасевич продолжал жить в Булони по старому адресу (на rue des 4 Cheminées).

Воскресенье,  
 17 июля [1]932.  
 [Париж]

Милая Нися, я очень тревожился, не имея от тебя вестей, — ни даже адреса. Вероятно, ты мне послала его прямо в Арти, но я еду туда только завтра утром. В пятницу не поехал, п[отому] ч[то] только в пятницу получил от Ярко ответ — запрос, согласен ли я жить у Юбера или у Жоржа (в новом доме, у дороги)<sup>1</sup>. Я ответил, что у Юбера — ни за что, а у Жоржа согласен и приеду в понедельник. Адрес твой дал мне Вейдле.

Итак, завтра еду и напишу тебе из Арти. А сейчас пишу для того только, чтоб ты не вздумала беспокоиться обо мне. *Я жив и цел. Настроение — сносное, но усталое*. Событий никаких, если не считать того, что дважды, оба раза — в 10 час[ов] утра, являлся ко мне Голованов и изводил меня. (Второй раз, в пятницу, меня спас от него Мандельштам<sup>2</sup>). Голованов, на мой взгляд, сумасшедший, но совсем не любопытный и чрезвычайно утомительный. Судьба его будет очень тяжела. Практикой заниматься отказывается, а до научной работы его, я думаю, не допустят.

Сегодня переписываю Гулливера, укладываюсь, моюсь и проч. Сейчас у меня Вейдле. Мы были с ним у налогового инспектора. Дело, надеюсь, уладится, но не уладилось еще.

Ну, будь здоров, целую тебя, котик тоже целует.

В.



Я вернусь из Арти 25 числа утром. Но ты мне еще напиши туда.

25-го мне необх[одимо] быть в городе. Но я сговорюсь с Яр-ко, чтобы еще раз поехать туда в середине августа<sup>3</sup>.

За квартиру я заплатил полностью — есть куда отступить в октябре. Амар<sup>4</sup> сам предлагал не платить. Он очень мил, консьержка — родная мать.

<sup>1</sup> Яр-ко, ввиду того, что основные два дома были заполнены жильца-ми, снимали еще два дома в деревне у местных жителей (Юбера и Жоржа).

<sup>2</sup> Юрий Владимирович Мандельштам (1908-1943), поэт, эмигрант, друг Ходасевича, заменил его в «Возрождении» в 1939, погиб в немецком концлагере.

<sup>3</sup> В августе Ходасевич не вернулся к Яр-ко, а нашел более удобный пансион в St. Hilaire - St. Mesmin (Loiret). См. письма №№35-38.

<sup>4</sup> Амар (M. Hamard) — хозяин дома, где Ходасевич снимал квартиру, на 10 bis, rue des 4 Cheminées.

32

[Arthies]  
19 июля [1]1932.

Я приехал сюда вчера, милый Ниник, и получил твое письмо. Очень рад, что тебе посчастливилось в рассуждении отдыха<sup>1</sup>. Вероятно, и я здесь отчасти приду в себя. Я привез машинку, но писать ничего не буду, а все только переписывать. Этим способом собираюсь состряпать 3 фельетона и 2 гулливера<sup>2</sup>. 1 фельетон и 1 гулливер уже готовы — нащелкал их вчера под вечер и сегодня утром.

Здесь из прежних одни Айзенберги<sup>3</sup>, по-прежнему милые. Велят тебе кланяться. Кроме того здесь Азовы<sup>4</sup>. Вообще публика чище прошлогодней и несколько моложе. Яр-ко тоже почистились и навели кое-какой порядок. Меня, впрочем, чистка сия не коснулась: я живу в крошечной комнатушке, в том доме, где жили Зайцевы. Погода сухая и холодная, хотя барометр идет вверх.

В последнюю минуту я испугался брать сюда котика — и слава Богу: в моей комнате решительно негде повернуться, она напоминает ту комнату у Паули<sup>5</sup>, где мы ночевали, приезжая из Saagow'a<sup>6</sup>. За котом ходит консьержка.

Здоровье мое терпимо. Настроение весело-безнадежное. Думаю, что последняя вспышка болезни и отчаяния были вызваны прощанием с Пушкиным<sup>7</sup>. Теперь и на этом, как и на стихах<sup>8</sup>, я поставил крест. Теперь нет у меня *ничего*. Значит, пора и впрямь успокоиться и постараться выуживать из жизни те маленькие удовольствия, которые она еще может дать, а на гордых замыслах поставить общий крест.

Я должен уехать отсюда не позже утра понедельника. Ты, вероятно, получишь это письмо в четверг. Если ответишь мне в тот же день, то я еще получу твое письмо. Впрочем, мне перешлют.

Вот и все. Целую тебя. Обо мне не тревожься. Денежные дела улажу, а иных у меня кажется нет. Кажется, с августа даже и жильца найду: на эту тему у меня начались переговоры с Авре-хом<sup>9</sup>. Дело решится, когда он вернется из отпуска. Единственное препятствие — он не очень хочет жить за заставой. Ну, да там видно будет.

Еще раз целую тебя.

Владислав.

<sup>1</sup> Н.Н. Берберова поехала на Луару с Еленой Александровной Софроницкой — дочерью А.Н. Скрябина, женой пианиста.

<sup>2</sup> За вторую половину июля и за август Ходасевич написал следующее: рец. на книгу В.М. Зензинова *ПУТЬ К ЗАБВЕНИЮ* («Возрождение», №2613, 28 июня 1932), *О ГОРГУЛОВЩИНЕ* («Возрождение», №2627, 11 августа 1932) и *АРХИВ КН. А.М. ГОРЧАКОВА* («Возрождение», №2641, 25 августа 1932).

<sup>3</sup> Исайя и Марья Вениаминовна Айзенберги, знакомые по пансиону.

<sup>4</sup> Владимир Азов (псевдоним Владимира Александровича Ашкинази), журналист, и Наталия Филипповна, его жена, — знакомые Ходасевича.

<sup>5</sup> Пансион в Берлине, где Ходасевич и Берберова однажды ночевали.

<sup>6</sup> Курортное местечко (в 2 часах езды от Берлина), где Ходасевич и Берберова (вместе с Горьким) провели зиму 1923.

<sup>7</sup> Ходасевич давно собирался написать биографию Пушкина. Он даже начал ее и опубликовал первые страницы в «Возрождении» и «Сегодня». Однако закончить эти биографию он так и не успел. Невозможно переоценить значение Пушкина для Ходасевича, который был одним из выдающихся пушкинистов своего поколения. В эмиграции он написал 2 книги (вторая является перепечаткой первой с дополнениями) и около 100 статей о Пушкине. См.: В.Ф. Ходасевич. *ПОЭТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПУШКИНА*. Л., Изд. «Мысль», 1924; В.Ф. Ходасевич. *О ПУШКИНЕ*.

Берлин, Изд. «Petropolis», 1937. Ввиду вышесказанного, фраза Ходасевича — «прощание с Пушкиным» — заключает в себе большой смысл: с потерей Пушкина Ходасевич не видит смысла в работе, а значит — и в жизни.

<sup>8</sup> С конца 1920-х гг. Ходасевич писал все меньше и меньше стихов, сосредотачивая все свое внимание на критических статьях, фельетонах, воспоминаниях и биографии Державина.

<sup>9</sup> Один из служащих «Возрождения». После ухода Берберовой Ходасевич хотел найти себе постоянного.

Arthies  
23 июля [1]932

Милая Нина, ты, конечно, права — мне нужно себя привести в порядок. За пять дней артийских<sup>1</sup> я многое обдумал и твердо решил внести ряд существенных изменений в свою жизнь. Это, разумеется, принесет добрые плоды. На сей счет будь спокойна, — впрочем, я очень рад, что ты, наконец, решила обо мне не тревожиться. Это как раз то, что требуется. В определении причин, из-за которых у нас все «треснуло», ты не права<sup>2</sup>. *Истинные и основные* причины, как ты сама знаешь, совсем не те. Но это вопрос академический — практического значения не имеет.

«Крест» на Пушкине значит очень простое: в нынешних условиях писать его у меня нет времени. Нечего тешить себя иллюзиями. Но, с другой стороны, условия могут измениться — никто не помешает мне ими воспользоваться. Это тем более, что отныне (согласен — поздненько) я буду жить *для себя* и руководствоваться *своими* нуждами.

Я в Арти отдохнул и пощелкал порядочно. Сделал трех (а не двух) Гулливеров и два халтурных фельетона<sup>3</sup> — всего 1320 строк.

Таким образом, следующий Гулливер будет нужен на 18 августа, т.е. ты должна мне его доставить не позже, чем *к утру 15 августа*. У меня есть «Новый мир»<sup>4</sup>. Как быть? Прислать ли его тебе или ты успеешь сделать хронику по возвращении в Париж? Ответ пожалуйста, на 4 Cheminées. Деньги я вышлю тебе, когда получу — но может случиться, что я сам получу их только 2 числа (31-е воскресенье, а по понедельникам нам не любят платить)!

Айзенберг лежит в grippe и панике. Ма[рья] Веняминовна тебе кланяется. Впрочем, они слышали, что ты часто бываешь в «Napoli»<sup>5</sup>, и туда собираются — чтобы ты не соскучилась!

С Азовыми общаюсь мало — только раз гулял с ними. Активных гадостей не заметил.

Сейчас на мне нет, кажется, ни одной хвори, даже ни единого прыщика. Этим я чрезвычайно утешен.

Целую тебя.

В.

<sup>1</sup> Т.е. в Arthies.

<sup>2</sup> Берберова в своей жизни с Ходасевичем постепенно стала чувствовать себя «надломленной внутри, всеми этими годами, этой жизнью, всем, что случилось [с ней]» (*КУРСИВ МОЙ*, с.400). О причинах ее ухода от Ходасевича см. *КУРСИВ МОЙ*, с.399-403. В письме автору от 21 сентября 1981 Н.Н. Берберова объясняла эти строки: «Трудно расшифровать эти слова. Возможно, что мы оба думали одно и то же, возможно, что мы были разного мнения о причинах нашего расхождения. Возможно, что я до конца не объяснила В.Х., что именно "треснуло", — вообще "объяснений" между нами, полных и долгих, я не помню. Мы достаточно знали себя самих и друг друга, так что слова были нам не очень нужны».

<sup>3</sup> См. прим.2 к письму №32.

<sup>4</sup> Советский журнал был необходим Берберовой для написания Гулливера. «Новый мир» выходит в Москве с 1925.

<sup>5</sup> Кафе, находившееся прямо напротив «Куполя» на бульваре Монпарнас.

34

29 июля [1]1932  
Париж

Милая Нина,

Сегодня посылаю тебе «Новый мир» — больше пока нет журналов. Деньги вышло 1 или 2-го.

В Арти отдохнул порядочно, однако вновь туда ехать не хочется: грязь, робинзонство и грубость Ярко надоели. Вообще же мечтаю уехать числа 20-22. Я было сперва нацелился на Головановский<sup>1</sup> пансион, — но третьего дня выяснилось одно случайное обстоятельство, из-за которого я туда, может быть, не поеду. Куда-нибудь, однако же, отправлюсь во всяком случае.

Вчера напечатал я словцовщину о Зензинове<sup>2</sup> и радовался легкой работе (еще одна такая же у меня заготовлена). Увы — придется заготовленную отложить. Арменак Гукасов<sup>3</sup> (Абрам в Карл-

сбаде) мне заявил, что они платят мне «большие деньги» за «оригинальные статьи», а словцовщина 1.25 сант[има] не стоит! Беседовали мирно, — но осадок поганый. Главное — придется тереть мозги и выдумывать нечто «оригинальное».

Видел я Цетлиных — они поехали в Данциг. Кланяются тебе и вообще ведут себя мило.

Здесь полный разъезд — почти никого не осталось. На днях, проходя вечером мимо Napoli, видел Фельзена<sup>4</sup>, «одиноко сидяща», в совершенно пустом кафе. Еще видел Рысса<sup>5</sup>, кот[орый] жаловался, что ты очень азартно играешь в бридж. Сам же он завирается: написал книгу, которую американцы рвут у него из рук; богатые англичанки вешаются ему на шею — и проч[ее]. На меня же пробовала повеситься только одна состоятельная еврейка, но я бежал, оставив плащ на ее ложе (лучше сказать — на лужайке, где мы с ней сидели в Арти).

Получил я открытки от разных купальщиков — от Смоленского<sup>6</sup>, от Милочки, от Ладинского<sup>7</sup>.

В Воле России<sup>8</sup> Андреев<sup>9</sup> хвалит «Повелительницу»<sup>10</sup>. — Последний рассказ твой очень хорош и *хорошо написан*<sup>11</sup>. Только ты для себя недоовообразила тон, дух, стиль первой любви своей героини — от этого ее прошлое оказалось представлено несколько общими цветами, тут чувствуется незаполненность. В общем же — хорошо.

Б[орис] Зайц[ев] принес-таки мне итал[ьянский] журнал «Circoli»<sup>12</sup>. Там 4 белых стихотворения из «Путем зерна», целых 9 страниц. Это журнал — стихотворный по преимуществу. Из него я увидел, что молодежь итальянская *сплошь* пишет белые стихи! (Это вообще журнал молодой и передовой).

Засим — целую тебя. Будь здоров.

В.

<sup>1</sup> Т.е. пансион, который рекомендовали М.К. и Е.А. Головановы.

<sup>2</sup> См. прим.2 к письму №32.

<sup>3</sup> Арменак Гукасов, племянник Абрама Осиповича (издателя «Возрождения»).

<sup>4</sup> Юрий Фельзен (псевдоним Николая Бернардовича Фрейденштейна, 1895-1943), прозаик «младшего» поколения эмиграции, во время войны погиб в Освенциме.

<sup>5</sup> Петр Яковлевич Рысс, журналист, мемуарист, эмигрант.

<sup>6</sup> Владимир Алексеевич Смоленский (1901-1961), поэт «младшего поколения», ученик Ходасевича (который был о нем высокого мнения),

писал в романтическом, «блоковском» ключе. О нем см., напр.: В.Ф. Ходасевич. *КНИГИ И ЛЮДИ*. (Рец. на сборник стихов Смоленского ЗАКАТ). — «Возрождение», №2410, 7 января 1932; он же. Рецензия на сборник Смоленского *НАЕДИНЕ*. — «Возрождение», №4139, 8 июля 1938.

<sup>7</sup> Антонин Петрович Ладинский (1896-1961), поэт «младшего» поколения, ученик Ходасевича в «державинском» ключе, вернулся в СССР в 1955. О нем см., например: В.Ф. Ходасевич. *СЕВЕРНОЕ СЕРДЦЕ*. (Рец. на сборник стихов Ладинского). — «Возрождение», №2543, 19 мая 1932; В.Ф. Ходасевич. *ПЯТЬ ЧУВСТВ*. (Рец. на сборник стихов Ладинского). — «Возрождение», №4163, 23 декабря 1938.

<sup>8</sup> Культурно-политический журнал, выходивший в Праге с 1922 по 1932 под ред. В.И. Лебедева, М.Л. Слонима, Е.А. Сталинского и В.В. Сукомлина.

<sup>9</sup> Речь идет о рецензии: Н.Е. Андреев. *СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ (КН. XLIX, ЧАСТЬ ЛИТЕРАТУРНАЯ)*. — «Воля России», №4/6, 1932, с.183-186.

<sup>10</sup> Роман Н.Н. Берберовой, впервые напечатанный в «Современных записках» (кн. XLIX, L за 1932 г.), затем вышедший отдельной книгой (Берлин, «Парабола», 1932).

<sup>11</sup> Упомянутый рассказ: Н.Н. Берберова. *ВЕЧНАЯ ГЕЕННА*. — «Последние новости», №4144, 24 июля 1932.

<sup>12</sup> «Circoli» — журнал поэзии, выходящий в Генуе с 1931. Белые стихи Ходасевича, вошедшие в *ПУТЕМ ЗЕРНА* (1920) (третья книга стихов): *ЭПИЗОД* (1918), *2-ОЕ НОЯБРЯ* (1918), *ПОЛДЕНЬ* (1918), *ВСТРЕЧА* (1918), *ОБЕЗЬЯНА* (1918-19), *ДОМ* (1919-20).

Четверг  
[25 августа 1932]<sup>1</sup>

Нися, Ангел мой, я сейчас еду. Напиши мне о котике. Умоляю тебя, если будет жарко, — перебраться ко мне<sup>2</sup>, сказав «свету», что едешь на дачу. Ключ у замконсьержки. Белье в шкафу. Целую ручку-ножку.

Мой адрес:

V. Hodassevitch  
«Chatelet»  
St. Hilaire - St. Mesmin  
(Loiret)

<sup>1</sup> См. прим.3 к письму №31.

<sup>2</sup> Т.е. в Булонь. Берберова жила по-прежнему в отеле, в мансарде под самой крышей, на Bd. de Latour-Maubourg.

36

26 августа [1]932

[St.Hilaire - St.Mesmin (Loiret)]

Ангел мой Нися, я приехал сюда вчера. Комната у меня на деревне, но близко от пансиона, — та самая, в которой жила Наташа Зайцева<sup>1</sup>. В общем, недурна, — лучше той, где мы с тобой жили в Арти. Есть даже зеркальный шкаф, а кровать с балдахином, чуть-чуть съехавшим набекрень. Чисто. Парк оказался садом. До пляжа 1 1/2 километра, туда возят в автомобиле за особую плату. Не ежу. Кормят пока что гораздо лучше, чем у Ярко. И вообще все гораздо благоустроенней. После Арти — сущий Довиль<sup>2</sup>. Есть даже роскошные женщины в демонических пижамах — и собой вполне ничего! Ты бы здесь страдала, ибо прогулок нет, или почти нет: до ближайшего леса, говорят, три километра — по гудрону. Поля нет тоже — есть сплошные огороды. Я гуляю в пределах моего вкуса прогулочного, но настоящим любителям природы здесь делать нечего. — Зато еда и безделье утешают меня чрезвычайно. — Из знакомых — Кунцевичи<sup>3</sup> (кланяются) и сегодня приехавшие Азовы. Публика чище артийской на 90% и моложе — на 95. Это утешительно — о «Возрождении» никто не слышал, о «Посл[едних] Нов[остях]» многие слышали, но получают одни Кунцевичи. Прочие либо ничего не читают, либо *Matin* и *Journal*<sup>4</sup>. Сегодня одна дама (без пижамы) предложила другой (в пижаме) книжку. Та ответила: «Я еще не старуха, — чего мне книжки читать?» Одна барышня читала русскую книжку недавно — года три тому назад. Очень хорошая книжка, большевицкое сочинение, но смешное, — про какую-то дюжину стульев<sup>5</sup>. Все это тебе сообщая потому, что прикоснулся к «читающей массе» и делюсь сведениями.

Напиши мне о Париже и о себе. В эти наши свидания очень ты был мил и утешен. Напиши также о Котике — как ты его нашла и что он? Мне здесь очень отдохновенно. Боже мой, что за счастье — ничего не писать и не думать о ближайшем фельетоне! Ну, будь здоров. Целую тебя.

Владюша.

Адрес: «Chatelet». *St.Hilaire - St. Mesmin* (Loiret)

<sup>1</sup> Дочь Б.К. и В.Н. Зайцевых.

<sup>2</sup> Довиль (Deauville), один из наиболее популярных курортов на Ла Манше.

<sup>3</sup> М.М. Кунцевич, эмигрант (до революции служил в царской полиции), и его жена.

<sup>4</sup> «Matin» и «Journal», ежедневные утренние французские крупнотиражные газеты.

<sup>5</sup> Имеется в виду роман И.Ильфа и Е.Петрова «Двенадцать стульев» (1928).

37

5 сент[ября 1]932  
«Chatelet»  
St.Hilaire - St.Mesmin  
(Loiret)

Я, душенька, не кручу сердец<sup>1</sup>. Я обедаю, ужинаю, пью чай-кофей, а также играю в покер<sup>2</sup> (рекорд: 6'сеансов — ни одного проигрыша, 50 фр[анков] чистой прибыли). Немножко гуляю. Ездил с Марголиными на автомобиле в Olivet<sup>3</sup>: чудная дорога, а там кафе над самой водой (густозеленой), лодки с флагами и берега кудрявые, как парикмахер из Гомеля<sup>4</sup>. Все мысли (даже о таких предметах, о которых подумать надо бы) выметены из головы моей начисто. Сегодня здесь начался разъезд. Завтра или послезавтра останусь едва ли не в полном одиночестве. Тогда выну мозги из нафталина и кое о чем подумаю (не берясь, однако, за перо).

Режим красит человека — я красив ослепительно: ни прыщичка, ни шелушинки. Так порядочно, что жутко испортить: боюсь возвращения в Париж и не без ужаса думаю о приготовлении пищи. Не прельщает меня также моя квартира. Кажется, заявлю Нинке<sup>5</sup> отказ и буду искать себе две комнаты где-нибудь у Pte de St. Cloud или у Pte d'Auteuil. Вейдле, к счастью, отпадает<sup>6</sup>: Милочка поссорилась с кузиной и возвращается на зиму в Париж. (А мож[ет] быть — и не поссорилась, но все-таки возвращается).

Написал бы я тебе еще что-нибудь — но ей-Богу нечего, либо длинно, либо сложно. 15 числа вернусь в Париж и тогда буду рад пожать твою честную трудовую лапу. Может случиться и то, что я приеду после 15-го. Поэтому на всякий случай посылаю тебе доверенность, по которой ты можешь получить с Каплана<sup>7</sup>



150 фр[анков] и взять их себе в счет 225<sup>8</sup>, следуемых тебе 15 числа. Срок у Каплана — 5 сент[ября], так что ты можешь явиться к нему в любую минуту.

Засим — будь здоров и черкни, если не лень, — как, что и почему.

Целую тебя —

Владюша.

P.S. — важнейший. Когда бы я ни приехал — для широкой публики я возвращаюсь только 20 числа. С 15 до 20 буду скрывать-ся от Тумаркина<sup>9</sup> и т.п., ибо я обаялся уехать *на месяц*.

В.Х.

<sup>1</sup> После того, как Берберова оставила Ходасевича, он начал проводить время с Ольгой Борисовной Марголиной, весьма симпатичной дамой, которая с удовольствием ухаживала за ним. Они поженились в 1933 и до смерти Ходасевича в июне 1939 — ее присутствие и забота скрашивали последние тяжелые годы его жизни. Ольга Борисовна, еврейка по происхождению, крестилась в 1939. Когда немцы заняли Париж, она была арестована и погибла в концлагере в 1942 (по слухам — в Освенциме). О ней см.: *КУРСИВ МОЙ*, с.427-435; см. также: R.D. Sylvester, ed. *UNPUBLISHED LETTERS TO NINA BERBEROVA*. Berkeley, «Berkeley Slavic Specialities», 1979, с.75-86. Берберова написала Ходасевичу, что желает ему успеха с Олей Марголиной, на что он ответил, что «не крутит сердец». Ольга и ее сестра Марианна тоже отдыхали в пансионе «Chatelet».

<sup>2</sup> Ходасевич имел пристрастие к азартным играм. См., например: В.Ф. Ходасевич. *МОСКОВСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК*. — В кн.: *ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ И СТАТЬИ*, с.297-311.

<sup>3</sup> Небольшой город (в департаменте Луарэ) недалеко от пансиона.

<sup>4</sup> Т.е. кудрявый, еврейской внешности. До революции Гомель находился в черте оседлости, и значительную часть его населения составляли евреи.

<sup>5</sup> Нина Николаевна Нидермиллер, племянница Ходасевича, дочь Евгении Фелициановны (Жени); она намеревалась переселиться к Ходасевичу, когда он после ухода Берберовой заявил, что хочет взять жильца.

<sup>6</sup> В.В. Вейдле также подумывал поселиться на квартире Ходасевича, вероятно, после семейной ссоры. Однако жена, собиравшаяся его покинуть, вернулась.

<sup>7</sup> Михаил Семенович Каплан — владелец парижского магазина «Дом книги», издатель. По-видимому, у Ходасевича с Капланом были какие-то денежные счета (возможно, неоплаченный гонорар).

<sup>8</sup> Гонорар за хронику (Гулливер).

<sup>9</sup> А.С. Тумаркин взял слово с Ходасевича, что тот будет отдыхать целый месяц, и снабдил его деньгами (без возврата) на поездку.

38

10 сент[ября] 1932

«Chatelet» St.Hilaire - St.Mesmin (Loiret)

Душенька, если уж Вы так милы, то вот Вам вариант Вашего проекта, на мой взгляд более удобный. Не привозите мне ничего накануне моего приезда, а приезжайте ко мне в четверг, 15 числа, к 12 3/4 и привезите с собой разной снеди, которую мы будем есть в холодном виде, так, чтобы ничего не варить и не жарить ни Вам, ни мне. Устроим абсолютно холодный завтрак и зальем его раскаленным кофе. Т[аким] обр[азом] я буду вовсе избавлен от хозяйств[енных] хлопот, а Вы — от напрасной поездки в пустую квартиру. Оба мы получим наслаждение взаимного лицезрения от 12 3/4 (не опаздывайте) до 3-х ч[асов]. Я тут же вручу Вам 75 фр[анков]<sup>1</sup>, а в три часа поеду в Возрождение.

Если Вы в четверг заняты и завтракать со мной не хотите или не можете, то не утруждайте себя — не возите мне ничего, я все куплю сам и все съем в одиночестве, а к Вам позвоню в пятницу утром, чтобы условиться о свидании. (В четверг во 2-ю половину дня я буду занят). Словом — жду Вас до часу 1/4 в четверг.

Получил я слезную мольбу Руднева<sup>2</sup> — дать что-нибудь в 50-ю книжку. Срок — 15-е. Кажется, пошлю ему завтра старый мертвецкий<sup>3</sup> стишок, несколько исправленный. Больше никаких новостей не имеется, кроме того, что я, слава Богу, здоров, что погода, слава Богу, хорошая.

Пишу сие из орлеанского кафе, в ожидании автомобиля, кот[орый] меня повезет обратно в St.Hilaire. Орлеан — городишка нудный: Вы правы. Целую ручку и ножку.

Владюша Х.

P.S. Мы с Вами условились, что новые сов[етские] журналы<sup>4</sup> будут лежать у меня на комодe. Они там и лежат, и даже с записочкой к Вам. Видали ли Вы их? Если нет — Вы разиня. Если видали — то какие же еще Вам нужны журналы? Можете сделать Гулливера из этих!

P.P.S. Сейчас выяснилось, что мой поезд приходит в Париж в 12.30, в 12.45 я буду дома. Если Вы приедете на 5 мин[ут] раньше меня — не смущайтесь. Но приезжайте пораньше — дорога решительно каждая секунда!

<sup>1</sup> С этого момента (лето 1932) денежный вопрос, подымавшийся Ходасевичем и Берберовой время от времени, касался «Хроники», которую писала она, а подписывал он. За каждую «хронику» Берберова получала 75 франков.

<sup>2</sup> Вадим Васильевич Руднев (1874-1940), видный эсер, один из редакторов «Современных записок».

<sup>3</sup> См.: В.Ф. Ходасевич. Я. — «Современные записки», 1932, кн. L, с. 232-233.

<sup>4</sup> Журналы, необходимые для «Хроники».

39

[31 декабря 1932]<sup>1</sup>  
[Париж]

Ангел мой, поздравляю тебя с наступающим Новым годом, люблю и целую. Пусть Господь Бог спасет и сохранит тебя.

Жду тебя в понедельник к 12 часам.

В.

<sup>1</sup> К этому времени (т.е. к концу декабря 1932) Ходасевич переехал на новую квартиру в Булони: 46, av. Victor Hugo.

40

[Весна 1933]<sup>1</sup>

Милая Нина,

я получил твое письмо только сейчас, 2 числа, ночью. Спасибо за его откровенный голос — он действительно дружеский. Отвечу тебе с тою же прямою.

Ася сказала правду о моем недовольстве «консьержным»<sup>2</sup> способом сообщения между нами. Но если она сказала, что я «стараюсь узнать» что-нибудь о тебе от кого бы то ни было — тут она либо просто выдумала, либо (это вернее) — меня не поняла. Что я знаю о тебе, я знаю *от тебя* и *только* от тебя. Неужели ты думаешь, что я могу о тебе сплетничать с Феклами?<sup>3</sup> Поверь, я для этого слишком хотя бы самолюбив — ведь это очень унизило бы *меня*. Это во-первых. А во-вторых — ни одна из них этого и не посмеет — мой характер слишком известен, и на сей раз эта из-

вестность служит мне хорошую службу. Не только Марьяна<sup>4</sup>, формально воспитанная на ять, но даже Люба<sup>5</sup>, никак не воспитанная, в грехе сплетничанья о тебе со мной действительно невиновны.

Этого мало. О каких сплетнях может идти речь? Допустим, завтра в газетах будет напечатано, что ты знаешь то-то и то-то. Какое право я имею предписывать тебе то или иное поведение? Или его контролировать? Разве хоть раз попрекнул я тебя, когда сама ты рассказывала мне о своих, скажем, романах? Я не доволен твоим поведением. Я говорил Асе, что меня огорчает твое безумное легкоеверие, твое увлечение людьми, того не стоящими (*обо его пола, вне всяких любовей!*) и такое же твое стремительное швыряние людьми. Это было в тебе всегда, я всегда это тебе говорил, а сейчас, очутившись одна, ты просто до экстаза какого-то, то взлетая, то ныряя<sup>6</sup>, купаешься в людской гуще. Это, на мой взгляд, должно тебя разменивать — дай Бог, чтобы я ошибся. *Это и только это* я ставлю тебе в упрек. Согласись, что тут дело не в поведении и вообще лежит не в той области, в какой могут лежать какие бы то ни было сплетни. Словом, ты можешь быть со мной несогласна в системе отношения к людям вообще и в отношении к отдельным людям в частности, — но не думай, пожалуйста, что я могу о тебе сплетничать. На сей счет мне было бы очень горько оправдываться, если бы самое допущение таких вещей не было отчасти смешно. Подумай спокойно и вообрази себе картину: я сижу с Любой и о тебе судачу. Экая чепуха. Единственная тема моих о тебе разговоров с Любой — лифт. Но это невинно, да и лифт, говорят, уже действует. И эта тема отпала.

Милый мой, ничто и никак не может изменить того большого и важного, что есть у меня в отношении тебя. Как было, так и будет: ты слишком хорошо знаешь, как я поступал с людьми, которые дурно относились к тебе или пытались загнать клин между нами\*. Так это и останется, и все люди, которые хотят быть хороши со мной, должны быть хороши и доброжелательны в отношении тебя. На сей счет нет и не было у меня недоговоренностей ни с кем.

Пожалуйста, не сердись за то, что я написал о твоём разменивании. Я упомянул об этом только ради того, чтобы разъяснить тему моего разговора с Асей (и — о твоём таком отношении к людям тысячу раз я с ней говорил на 4 Cheminées — иногда при тебе, и оба мы тебя бранили в глаза и за глаза: что ж мне с Асей

---

\* Зина — пример очень наглядный. Она не только тебя на меня настрикивала, но и меня на тебя, если хочешь знать. *За это* я ее и возненавидел навсегда.

стесняться?). В дальнейшем не буду и этого тебе говорить, т.е. твое предложение о «белых перчатках»<sup>7</sup> принимаю. Надеюсь, однако, увидеть такие же точно и на тебе. Предоставим друг другу законное право строить свои отношения с третьими лицами по его выбору. Не усмотри колкости (было бы гнусно, чтобы *я тебе* стал говорить колкости — какое падение!): но ведь зимой, во время истории с Р.<sup>8</sup>, он вовсе не восхитил меня во время нашего «почти единственного» свидания в Napoli и в Джигите<sup>9</sup> (помнишь?). Но ты должна согласиться, что я вел себя совершенным ангелом, — это мне, впрочем, ничего не стоило: я не могу и не хочу выказать неприязнь или что-нибудь в этом роде, по отношению к человеку, в каком бы то ни было смысле тобой избранному, — на все то время, пока он тобой избран. Я так делал, как ты могла убедиться, — и так буду делать, и жду от тебя того же. Для тебя это будет даже и легче, ибо никто не станет так безвкусно чуть не в дружбу к тебе навязываться, как Р. навязывался ко мне.

Словом, надеюсь, что наша размолвка (или как это назвать?) залечится. В субботу в 3 1/2 приду в 3 Obus<sup>10</sup>. Тогда расскажу и о своих планах на зиму. Предвидения мои сносны, но пока что — заели и замучили меня кредиторы. Хуже всех — фининспектор (было 2000; 1000 выплатил — стало опять 2!) и Гукасов, у кот[орого] я взял осенью 1000. Он мне вычитает по 250 в каждые 2 недели. Выплатив, беру сызнова — и все начинается сначала! Ну, это вздор. Будь здорова. Ложусь — уже скоро четыре часа. Целую ручку.

## В.

<sup>1</sup> С весны 1933 Берберова жила на 2, rue Claude-Lorrain.

<sup>2</sup> В это время, когда Берберова пыталась освоиться с новым образом жизни, она несколько сторонилась старых друзей (в том числе и Ходасевича); Ходасевич же продолжал принимать участие в судьбе своей бывшей жены и старался быть в курсе событий ее жизни. Как ни добродетельны были его попытки, Берберова смотрела на них как на вмешательство в ее личные дела.

<sup>3</sup> *феклы*: бабы-сплетницы.

<sup>4</sup> Т.е. М.Б. Марголина (см. прим. 1 к письму №37).

<sup>5</sup> Сестра Марка Алданова.

<sup>6</sup> *то взлетая, то ныряя*: слова из стихотворения *СЕНОКОС* Аполлона Майкова, одного из любимых поэтов молодого Ходасевича.

<sup>7</sup> *Белые перчатки*: «цивилизованные» отношения, т.е. без драматичности, без эмоций, всегда ровные и в известных границах.

<sup>8</sup> Один из друзей Берберовой.

<sup>9</sup> Русский ресторан на Монпарнасе.

<sup>10</sup> Кафе около Porte de St. Cloud.

[Суббота, лето 1933]

Ангел мой,  
вот «Литер[атурный] Современник» и две «Звезды»<sup>1</sup>. О «Литер[атурном] Современнике» напиши сперва, но не чиркай его и не вырезай кусочков, ибо его надо *вернуть Чертоку*<sup>2</sup> (я сам верну).

Кроме того — вот Женина пневматичка. Когда я туда позвонил, чтобы согласиться на утро, — выяснилось, что утро опять превратилось в вечер. Я согласился и на вечер: дареному коню никуда не смотрят.

Ах, если б и ты пришел тоже! Оттуда уйдешь в 9 и в 9 1/4 будешь у Ладинского. Я именно к нему от Жени ездил. Засим: добейся у Рери адреса вдовы Савинкова<sup>3</sup>: она обещала к воскресенью. Я на этом деле заработать хочу: т.е. за адрес продать статью свою чехам.

Целую лапку и хвостик.

В.

Приходи к Жене!

<sup>1</sup> «Литературный современник»: литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходящий в Ленинграде с 1933; «Звезда»: литературно-общественный и научно-популярный журнал, выходящий в Ленинграде с 1924.

<sup>2</sup> Лев Черток — помощник Каплана по «Дому книги».

<sup>3</sup> Евгения Ивановна, вдова Бориса Викторовича Савинкова (1879-1925), известного эсера, террориста, автора романов (под псевдонимом В.Ропшин). Ходасевич воспользовался просьбой об адресе Савинковой для завязывания отношений с чешским журналом и напечатания там своей статьи — по-видимому, рецензии на избранные стихи Н.С. Гумилева, изданные Чешской Академией Наук и Искусств (см.: *КНИГИ И ЛЮДИ*. — «Возрождение», №2956, 6 июля 1933).

[6 июля 1933]  
[Париж]

Милый мой, я, оказывается, могу получить деньги только в среду, а не во вторник\*. Следовательно — *в среду, в 6, в 3 Obus*. Если это не годится, то назначь любой час и место, *начиная с 12 час[ов] дня среды*.

Биржевые отчеты надо уметь не только читать, но и понимать<sup>1</sup>. Я уже вечером сообразил, что то, что нам показалось падением, в действительности есть стояние на прежнем уровне. Почему — долго объяснять. Целую тебя.

В.

*Четверг*

\* Правление<sup>2</sup> заседает не по понед[ельникам], а по вторникам. Деньги дают на другой день.

<sup>1</sup> Во Франции в 1930-х гг. биржа часто являлась показателем внешней и внутренней политики страны.

<sup>2</sup> Правление нефтяной фирмы А.О. Гукасова, которая субсидировала «Возрождение» (газета, несомненно, была убыточной). Контора фирмы выплачивала деньги сотрудникам газеты.

[25 августа 1933]  
[Париж]

Милый мой, я по тебе соскучился. Все ждал весточки от тебя — и не дождался. В Murat<sup>1</sup> ты тоже не пришел в понедельник, хотя и обещал.

Завтра, в субботу, жду тебя утром пить кофе и, если хочешь, завтракать. Если завтра не можешь, та же комбинация переносится на воскресенье. Гулливер также весьма желателен. Кроме того, я могу тебе дать денежку в счет мебели<sup>2</sup>.

Целую и жду каждодневно до 11.

В.Х.

*Пятница*. P.S. Я же сам тебя не тревожил из уважения к твоим поездкам в «Посл[едние] Новости».

P.P.S. Могу тебе рассказать интересное о Чертоке, который на днях сидел у меня полтора часа. Даже, пожалуй, не только интересное, но и нужное.

<sup>1</sup> Кафе у Porte d'Auteuil.

<sup>2</sup> *в счет мебели*: Ходасевич собирался заплатить Берберовой небольшую сумму за мебель, оставленную ею в его квартире. Как Берберова ни отказывалась от этих денег, он насильно вручил ей причитающуюся сумму. В свое время эта мебель была куплена на деньги, вырученные от продажи серег матери Берберовой, которые были подарены Н.Н.Б. при отъезде из Петербурга.

44

[Около 13 сентября 1933]  
[Париж]

Милый мой, мы ошиблись: 15 число только в пятницу. Поэтому, если деньги тебе очень нужны, приходи *в пятницу, в 4 1/2, в Tavernes Royale*. Если не придешь (*я буду ждать тебя до 5*) — значит, ты занят, и тогда я приду к тебе утром в субботу. В обоих случаях было бы весьма желательно получить Гулливера. Есть «Новый мир».

Ты обещал прийти к Вейдле в воскр[есенье] — и не пришел. В понедельник мечтал увидеть тебя в Mugar'e — и не увидел. По-видимому, ты хочешь жить по Боратынскому<sup>1</sup>. Ну, Господь с тобой. Моего отношения к тебе ничто изменить не может. Целую.

В.

<sup>1</sup> Т.е. уединенно, как поэт-отшельник.

45

28 нояб[ря 1]933  
[Париж]

Ангел мой, я приеду к тебе утром в пятницу, часам к десяти — принесу денежку и вообще: соскучился по тебе.

Если ты до тех пор будешь проходить мимо того магазина, где купила мне носки, — купи еще две пары того же размера и качества: больно хороши! Но нарочно не езди, разумеется. Если это где-нибудь в стороне, то ты просто мне скажешь адрес.

Третье «если»: если пятница и утро тебя не устраивают — назначь любой другой день и час. Но хорошо бы — в пятницу утром.

Целую.

В.

P.S. Причтется тебе 225 монет, ибо 3 четверга.



[13 марта 1934]  
[Париж]

Милый Ниник, вот заметка, которую умоляю протолкнуть на четверг. Что не напечатали-таки о Пушкине — в общем плевать. Но тут — и я, и Цветаева, и вообще — как же иначе?<sup>1</sup>

О себе — ничего. Жив, здоров, изнемогаю от хлопот, возни, переписки.

Ах, если бы в следующий раз милая Гуля пришла ко мне в субботу или хоть в воскресенье!

Будь здоров, Ангел мой, целую лапку.

Спасибо за информацию<sup>2</sup>.

*Вторник.*

В.

<sup>1</sup> Ходасевич просит Берберову протолкнуть заметку в «Последние новости». Возможно, что он говорит о вечере Цветаевой, посвященном творчеству Белого (скончавшегося в 1934), на котором Ходасевич как друг Белого, по всей вероятности, тоже выступал. Доклад был прочитан в четверг, 15 марта 1934, в зале Географического общества. (См.: «Последние новости», №4741, 15 марта 1934). Свои воспоминания о Белом (*ПЛЕННЫЙ ДУХ*. — Избранная проза в двух томах. 1917-1937. Нью-Йорк, изд. «Russica», 1979, т.2, с.80-121), написанные в 1934, Цветаева посвятила Ходасевичу. В 1934 состоялся еще один поэтический вечер Цветаевой — в четверг 1 ноября. К поэзии Марины Ивановны Цветаевой (1892-1941) Ходасевич сначала относился критически, а впоследствии высоко ценил. Как у всех крупных и изолированных в эмиграции (особенно в 1930-е гг.) художников, у Ходасевича и Цветаевой было немало общего. Из календаря Ходасевича видно, что они часто встречались в этот период. Высказывания Ходасевича о Цветаевой см.: В.Ф. Ходасевич. *ЗАМЕТКИ О СТИХАХ*. (Рец. на сказку Цветаевой «МОЛОДЕЦ»). — «Последние новости», №1573, 11 июня 1925; В.Ф. Ходасевич. *ПОСЛЕ РОССИИ*. (Рец. на сборник стихов Цветаевой 1922-25). — «Возрождение», №1113, 19 июня 1928. См. также: С.Карпинский, ред. *ПИСЬМА М.ЦВЕТАЕВОЙ К В.ХОДАСЕВИЧУ*. — «Новый журнал», №89, 1967, с.102-114.

<sup>2</sup> Какую именно информацию сообщила Берберова Ходасевичу — восстановить не удалось. Скорее всего, она имела отношение к советским журналам и заметкам «Гулливера».

[26 января 1934]  
[Париж]

Милый мой, поздравляю тебя Ангелом<sup>1</sup>. Я бы сам приехал, но не знаю, когда ты дома, и боюсь очутиться некстати.

Будь здорова. До вторника. Привет Н.В.<sup>2</sup>

Оля<sup>3</sup> тебя поздравляет.

В.

*Воскресенье.*

<sup>1</sup> День св. Нины — 14 января по старому стилю. Ходасевич в тексте употребляет форму без предлога «с».

<sup>2</sup> Николай Васильевич Makeев (1889-1974), второй муж Берберовой.

<sup>3</sup> Ольга Борисовна Марголина-Ходасевич.

[1934]  
[Париж]

Ангел мой, я тебе сказал: «В George V<sup>1</sup>, в пятницу, в 4 часа». Ты согласилась — но, конечно, это опечатка. Жду тебя в пятницу, в George V, но не в 4, а *в половине четвертого*, а то очень кратко.

Будь здоров.

В.

Привет Н.В.

Еду в понедельник на дачу<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Кафе на Champs Elysées, рядом с редакцией «Возрождения». Ходасевич в своем календаре не упоминает встречи с Берберовой в пятницу в «George V» (по крайней мере не называет это кафе). Однако встреча с Берберовой в пятницу в «George V» упоминается 22 марта 1935.

<sup>2</sup> Какую именно поездку 1934 года имеет в виду Ходасевич — установить не удалось. В календаре за 1934 о ней ничего не сказано, и по-видимому, Ходасевич жил дома. Возможно, имеется в виду просто однодневная поездка за город к кому-нибудь в гости.

Ниник, милый,  
адрес Карповича<sup>1</sup> у меня старый, данный еще в 1932 г., но он называет его «постоянным» и «университетским». След[овательно], я думаю — годится.

Eliot House  
Cambridge, Mass.  
U.S.A.

Он — Михаил Михайлович, жена — Татьяна Николаевна. Пошли ему от меня поклон и мой адрес и просьбу, чтоб написал о себе.

Олсуфьев<sup>2</sup> — Дмитрий Адамович, и назвать его графом при всяком удобном случае. Но — он уехал из Парижа и обрел постоянное пристанище не более и не менее, как в Ватерлоо (Belgique) — а как это слово пишется, я что-то не уверен. В Ватерлоо имеется «La maison Russe». Вот и весь адрес.

Будь здоров.

В.

2 дек[абря 1]934

<sup>1</sup> Михаил Михайлович Карпович (1888-1959), профессор Гарвардского ун-та, после войны редактор «Нового журнала», друг Ходасевича. Так как между 1932 и 1935 Н.Н. Берберова книг не издавала, то, вероятно, она собиралась послать Карповичу и Олсуфьеву один из рассказов из цикла «Бианкурские праздники» (см. прим.4 и 5 к письму №18). И с Карповичем, и с Олсуфьевым Берберова была знакома лично.

<sup>2</sup> Граф Дмитрий Адамович Олсуфьев, до революции — один из самых либеральных членов Государственного совета; после революции — в эмиграции, часто бывал на литературных собраниях в Париже, высоко ценил поэзию Ходасевича.

Милый мой,  
я не знаю, условлено ли у нас встретиться сегодня в кафе. Но — не могу прийти: руки болят<sup>1</sup>, из-за этого не могу побриться, одеться, натянуть перчатки на опухшие пальцы.

Если найдется время — зайди ко мне. Пришли по крайности Гулю. Но я больше был бы рад тебе. Я дома, конечно, все время. Целую.

В.

Привет Н.В.

В это время Ходасевич сильно страдал от экземы.

51

[Париж]

Милый Ниник, я по тебе соскучился, а признаков жизни не подавал потому, что жил очень трудно, по совести говоря — плохо: руки отчаянно разболелись, денег так мало, что даже смешно, Оля тоже хворала, ей резали руку, так что у нас вообще сейчас на двоих — одна рука здоровая. В хозяйстве это опять же комично.

Послезавтра, во вторник, поеду в редакцию. Не придешь ли в половине четвертого в Георга Пятого? Я бы рад тебя повидать. Это и есть цель моего письма.

Будь здоров. Поклонись Н.В.

24 нояб[ря 1]935

В.Х.

52

[2 декабря 1935]

[Париж]

Милая Нина, я не могу прийти завтра, а приду в George V *послезавтра, в среду, в 3 1/2*.

Почерк непорядочный: *бинты и боль*.

Будь здорова. Привет Н.В.

В.

53

[Париж]

Ты, милый друг, путаешь, а я многое уже забыл, потому что дело-то было сорок лет тому назад. Вот что, однако, могу сообщить, а уж ты разбирайся, как знаешь<sup>1</sup>.

Роман называется «Гектор Сервадак» — так зовут и героя. Но никакого телеграфа он отнюдь не изобретал, и о телеграфе нынешнем, электрическом, в романе помину нет. Сервадак — французский офицер в Марокко (или еще где-то в Африке). Он (и еще ряд персонажей) попадает на комету, которая отщепила от земли кусок и утащила с собой. Кусок же земли охватывал как раз то место, где теперь итальянцы хотят подраться с англичанами. Не помню в точности, но помню, что на комете оказался кусок северной Африки, Капри и Гибралтар. Однажды мы гуляли на *Capo di Sorrento*<sup>2</sup>, дошли до самого того мыса, который только узеньким проливом отделен от Капри, и смотрели на Капри. Показывая на груды камней на вершине горы (на *Capo*, а не на Капри), Горький сказал, что это развалины старинного телеграфа. Тогда я и вспомнил, что в «Гекторе Сервадаке» рассказывается о телеграфе — *вероятно* об этом самом. Телеграф же это был еще не электрический, а зрительный, сигнальный (есть какое-то у него название, но не помню). Пользовались этим телеграфом так: состоял он из высокой мачты с перекладиной, которую приводили в движение при помощи веревок; все сооружение было похоже на человека, который размахивает руками (это сравнение имеется и у Жуля Верна); была условная азбука этих размахиваний — таким образом и передавались известия; «читались» телеграммы при помощи подзорной трубы, почему и устраивались такие телеграфы на горах — чтобы издали было видно. Думаю, что об их устройстве ты можешь прочесть в Энциклопедическом словаре. Умоляю только тебя о телеграфе в нынешнем смысле не упоминать — о нем в романе и речи нет.

Здоровье мое — второй сорт. Два пальца залечились, а два не хотят. Это больно, утомительно. Прибавь сюда неслыханное безденежье (куда похуже 1926 года) — и ты поймешь, что я живу не припеваючи.

Что ты пропал — Бог с тобой, главное — приналяг на роман, двинь хорошенько, как Фохт<sup>3</sup>, который — монахом во Святом Граде Иерусалиме. У него (у Фохта, а не у Иерусалима) — борода, я фотографию видел. Вишняк, говорят, собирается к нему. Намечается песня — «На родину едет счастливый Вишняк» — поется на мотив «Вещего Олега».

Будь здоров, Н.В. поклон. Оля кланяется.

В.

20 дек[абря 1]935

Купи-ка ты «Сервадака» да почитай в метро — он не длинный, гораздо короче других романов Ж.Верна. А потом дай мне почитать. Это очень мило и совсем не похоже на Бакунину<sup>4</sup>.

Иван Степанович<sup>5</sup> очень помолодел. Встретились в кафе. Он говорит: «Лукашу<sup>6</sup> все помогут, его все знают». А я ей: «Обелиск на Сорсорге тоже все знают, а ведь вот — не держите же Вы над ним зонтик в плохую погоду». Тут они переглянулись, расплатились и убежали. Не надо говорить притчами, это к добру не ведет.

<sup>1</sup> Берберовой необходимы были сведения о романе Жюль Верна *ГЕКТОР СЕРВАДАК* для написания своего романа *БЕЗ ЗАКАТА*. (См. прим.2).

<sup>2</sup> В романа *БЕЗ ЗАКАТА* Берберова упоминает то самое место близ Сорренто, куда она ездила с Ходасевичем, — к юго-западу от Сапо di Sorrento. Ходасевич отвечает на вопрос Берберовой, была ли это та же самая скала, которую они видели в 1925. Они жили у Горького в Сорренто с октября 1924 по апрель 1925. См.: В.Ф. Ходасевич. *НЕКРОПОЛЬ*, с.228-277; Н.Берберова. *КУРСИВ МОЙ*, с.197-230.

<sup>3</sup> В.Б. Фохт (см. прим.3 к письму №2).

<sup>4</sup> Екатерина Васильевна Бакунина, автор романа *ТЕЛО* (1933). О ней см.: В.Ф. Ходасевич. *КНИГИ И ЛЮДИ*. (Рец. на роман Бакуниной *ТЕЛО*). — «Возрождение», №2900, 11 мая 1933.

<sup>5</sup> Иван Степанович Чекунов, доктор, о котором Ходасевич и Берберова сочинили юмористические стихи.

<sup>6</sup> Иван Созонтович Лукаш (1892-1940), сотрудник «Возрождения», писатель, автор романов и рассказов с мистическим оттенком. Как большинство литераторов эмиграции, Лукаш очень нуждался материально и постоянно находился в поисках денег. О нем см.: В.Ф.Ходасевич. *КНИГИ И ЛЮДИ*. (Рец. на роман Лукаша *ВЬЮГА*). — «Возрождение», №4032, 18 июля 1936.

[март 1936]  
[Париж]

Ангел мой, я получил «Совр[еменные] зап[иски]» еще в понедельник и сейчас же прочел тебя и ужасно обрадовался<sup>1</sup>. Написал ты чудно, так что даже слезу прошибло. Пошли тебе Господь, чтобы ты всегда так писал — и еще лучше. На четверг приготовлю фельетон<sup>2</sup> о «Совр[еменных] зап[исках]», но о тебе как раз буду писать немного, хоть и ужасно нежно. Это потому, что совсем

еще неизвестно, куда клонит автор, и критику приходится только облизываться, как коту после рыбки, но умствовать еще не о чем (что, м[ожет] б[ыть], и к лучшему).

Сирин<sup>3</sup> мне вдруг надоел (*секрет от Адамовича*<sup>4</sup>), и рядом с тобой он какой-то поддельный.

Газданову всыплю по первое число и за статью, и за рассказ<sup>5</sup>.

Зайцева читать нельзя<sup>6</sup>. А Притыкино-то стала Людиновым! Почему? Потому что *Лутовиново*<sup>7</sup>. Вот осел! Надеюсь, что Спиридонович<sup>8</sup> превратится во что-нибудь вроде Виардо<sup>9</sup>. Ты это предсказание на всякий случай запомни.

Шляпу не купил за ненадобностью. В кровати и в шляпе один Волынский лежал (я это видел)<sup>10</sup>. А лежу, п[отому] ч[то] вчера пришлось ехать к Симкову<sup>11</sup>, и он меня ковырял, покуда у меня не сделался обморок. Обещал, что нынче же сяду, но еще не сидится.

Следственно, не пойду заседать и с Извольской<sup>12</sup>. Ты ей скажи, что я благодарю и проч. А Кологривов<sup>13</sup> давно живет в Амстердаме. Другой иезуит его изиезуитил из Парижа.

Засим — будь здоров.

Владюша.

Оля тоже упилась сочинением и тоже ахает, какой ты молодчина.

<sup>1</sup> Роман Берберовой *БЕЗ ЗАКАТА* (Париж, изд. «Дом книги», 1938) сначала печатался в «Современных записках» под названием *КНИГА О СЧАСТЬЕ* (см. «Современные записки», 1936, №№LX, с.120-168; LXI, 45-90; LXII, с.67-113).

<sup>2</sup> Упомянутая рецензия: В.Ф. Ходасевич. «*СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ*». — «Возрождение», №3935, 12 марта 1936.

<sup>3</sup> Сирин — псевдоним Владимира Владимировича Набокова (1899-1977). Между ним и Ходасевичем существовали очень дружеские отношения. Вместе с Берберовой, Смоленским, Ладинским и др. Набоков-Сирин был одних их тех «младших» писателей и поэтов, о которых Ходасевич, как представитель «старшего» поколения, был высокого мнения. См.: В.Ф. Ходасевич. *О СИРИНЕ*. — В кн.: *ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ*, с.245-254. Набоков дважды (в предисловии к английскому изданию *ДАРА* и в переводе *ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА*) ссылался на Ходасевича как на величайшего русского поэта XX века. Об отношениях между ними см. указанную публикацию Д.Мальмстада («Минувшее», №3, 1987, с.277-291).

<sup>4</sup> Георгий Викторович Адамович (1894-1972), поэт-акмеист, известный критик в эмиграции и сторонник так называемой «парижской ноты» (фраза была изобретена Борисом Поплавским) в эмигрантской поэзии.

Адамович (в «Последних новостях») и Ходасевич (в «Возрождении») в течение многих лет вели полемику о судьбе русской поэзии в изгнании. Адамович отстаивал «романтические» тенденции, предпочитая Пушкину Лермонтова и требуя от молодых поэтов лирических дневников и «человеческих документов» (эта фраза часто упоминалась в связи со стихами Лидии Червинской), — в противоположность отшлифованным произведениям «лагеря» Ходасевича. Набоков-Сириг, который в это время уже перешел от стихов к прозе, являлся представителем «классической» законченности. Адамович был одним из прототипов Мортуса, а Ходасевич — поэта Кончеева. О полемике между Адамовичем и Ходасевичем см.: Roger Hagglund. *THE ADAMOVIC — XODASEVIC POLEMICS*. — «Slavic and East European Journal», (fall) 1976, no.20, p.239-252.

<sup>5</sup> Гайто (Георгий) Газданов (1903-1971), один из прозаиков «младшего» поколения, автор рассказов и романов, в которых отмечено влияние Пруста. Упомянутая рецензия Ходасевича — см. прим.2.

<sup>6</sup> Ходасевич говорит о книге Б.К. Зайцева *ЖИЗНЬ ТУРГЕНЕВА* (Париж, YMCA-Press, 1932). Идеи Ходасевича и Зайцева о методологии создания литературных биографий были противоположны.

<sup>7</sup> *Притыкино-то стало Людиновым*: Притыкино — имение отца Б.К. Зайцева в Калужской губ.; Лутовиново — имение Ивана Сергеевича Тургенева (1818-1883). Ходасевич тогда в шутку называл Зайцева «нашим Тургеневым».

<sup>8</sup> М.Спиридонович, бывшая жена генерала А.И. Спиридоновича (1873-1959), светская дама, приятельница Б.К. Зайцева.

<sup>9</sup> Виардо (Pauline Viardot-Garcia, 1821-1910), известная французская певица, предмет долгой и мучительной любви Тургенева.

<sup>10</sup> Аким Львович Волинский — псевдоним А.Л. Флексера (1863-1926), известный критик символистской эпохи, знакомый Ходасевича по Дому искусств в Петербурге. Сохранилось несколько неопубликованных писем Ходасевича к Волинскому, написанных перед отъездом поэта за границу. Когда Ходасевич жил в Доме искусств, Волинский, спасаясь от холода, спал не только в шляпе, но и в галошах. (См.: В.Ф. Ходасевич. *ДОМ ИСКУССТВ. — ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ*, с.404).

<sup>11</sup> Симков — врач, который в это время лечил Ходасевича.

<sup>12</sup> Елена Александровна Извольская, мемуарист, критик. Как и Ходасевич, Извольская была католичкой. По всей вероятности, существовал кружок русских католиков, к которому принадлежала Извольская и на собрания которого Кологривов (см. прим.13) иногда приглашал Ходасевича.

<sup>13</sup> А.Кологривов, иезуит, знакомый Ходасевича.



Спасибо тебе, мой Ангел, за книжку<sup>1</sup>. Получил ее третьего дня, а сейчас получил открытку. Конечно, все будет так, как тебе нужно. Напишу о ней на 21-е или на 28-е, тем более, что в этот четверг (или в следующий) придется мне отругиваться от Гофмана и Милюкова<sup>2</sup> (которому на сей раз влетит). Это немножко досадно, потому что «Чайковского» я уже почти прочел. Официальные комплименты прочтешь в газете, а неофициально могу тебе сказать, что книжка чудесная, а ты умница. Говоря откровенно, «Чайковский» так же хорош, как «Державин», хотя Чайковский действительно не моего романа герой. Подозреваю, что ты еще немножко прикрасила, сгладив бездарные черты его бездарной эпохи. Один «счастливый конец» «Онегина» чего стоит! Этого ужаса я не знал, — вот так фунт!

Вот мелкие ругательства. Нельзя было называть петербуржцев хулиганами, потому что это слово появилось только в начале девятисотых годов. Антонину Ивановну<sup>3</sup> нельзя называть хипсницей: это слово — блатное, означает оно не стерву, не хищницу вообще, а специально проститутку, которая заманивает гостя и обкрадывает его, напоив или во время сна. Тут ты поступила, как профессор Коробкин<sup>4</sup>, все цветы называвший лютиками. Наконец, раза два у тебя слова «он», «она» относятся не к тем предметам, к каким надо бы им относиться.

Засим — будь здоров, поздравляю тебя с книжкой и желаю написать еще много таких же. С Карповичем я насилу созвонился: он мне не написал, в котором часу надо звонить. До свидания. Надо надевать штаны, потому что сейчас придут Горлины<sup>5</sup>. Оля тебя целует. И я.

В.

1 мая [1]936

<sup>1</sup> Биография Чайковского (*ЧАЙКОВСКИЙ: ИСТОРИЯ ОДИНОКОЙ ЖИЗНИ*), написанная Берберовой, вышла в это время (Берлин, изд. Petropolis, 1936), и Н.Б. подарила Ходасевичу экземпляр. Позднее он написал рецензию на эту книгу, В.Ф. Ходасевич. *ЧАЙКОВСКИЙ*. — «Возрождение», №4005, 21 мая 1936.

<sup>2</sup> См.: В.Ф. Ходасевич. *О ПИСЬМЕ Г.ГОФМАНА*. — «Возрождение», №3998, 14 мая 1936.

<sup>3</sup> Антонина Ивановна (урожд. Милюкова) — жена П.И. Чайковского, который ушел от нее вскоре после свадьбы.

<sup>4</sup> Персонаж романа А.Белого *МОСКОВСКИЙ ЧУДАК*. Об автобиографических чертах в романах Белого (проф. Коробкин во многом напоминает проф. Н.В. Бугаева, отца А.Белого) см.: В.Ф. Ходасевич. *АБЛЕУХОВЫ, ЛЕТАЕВЫ, КОРОБКИНЫ*. — *ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ*, с.187-218.

<sup>5</sup> Раиса Ноевна Блох (1899-1943), поэтесса, и Михаил Генрихович Горлин (1909-1943), поэт и литературовед; оба жили тогда в Берлине и были друзьями Ходасевича; в их честь Ходасевич написал шуточное послание (1937). (См.: В.Ф. Ходасевич. *ПРИНОШЕНИЕ Р. И М. ГОРЛИНЫМ*. — Собр. соч., т.1, с.269-271, 433-438); оба погибли в немецком концлагере. О Раисе Блох см.: В.Ф. Ходасевич. *НОВЫЕ СТИХИ*. — «Возрождение», №3585, 28 марта 1935. О Горлине см.: В.Ф. Ходасевич. *НОВЫЕ СТИХИ*. — «Возрождение», №4060, 6 января 1937.

Ангел мой, вот что я забыл вчера сказать тебе. Дело в том, что Мишечка<sup>1</sup>, изнывая от засухи, решил последовать моему совету, данному года 4 тому назад: просит стихотворческие «центры» дать ему стихи в групповом порядке. Раевскому очень хочется изобразить «Перекресток»<sup>2</sup>. Мандельштам<sup>3</sup> отказался, ибо изображает Союз Мол[одых] Писател[ей]<sup>4</sup>. Остались: Раевский и Смоленский вдвоем. (*Ладинский отказался тоже*). Так вот — решились просить тебя. Предупреждаю — очутишься в числе ребят (плюс Смоленский).

Знаю, что ты не любишь советов. Но по-моему — не давай. Напечататься в «Совр[еменных] Зап[исках]» в числе молодой поросли после 11 лет печатания там же в индивидуальном порядке — чудно. Кроме того — в апреле реформировали «Перекресток», тебя не позвали и даже от нас с тобой это скрывали. А теперь — к тебе же за стихами.

Я тут интригую не бескорыстно. 1) Не хочу, чтобы ты, по нечаянности, профигурировала вместе со «Скитом поэтов»<sup>5</sup> и т.п. пупсами. 2) Хочу, чтобы Мишечка остался с плохими стишками.

Засим — целую лапку твою. Я это время очень скучал по тебе — больше ничего интересного не случилось.

До воскресенья.

В.Х.

<sup>1</sup> М.О. Цетлин.

<sup>2</sup> «Перекресток»: группа молодых поэтов (живших, главным образом, в Париже), ориентировавшихся на Ходасевича и, начиная с 1928,

выпустивших несколько стихотворных сборников. Наиболее видными участниками «Перекрестка» были: Д.Кнут (псевд. Д.М. Фихмана, 1900-1965), Ю.В. Мандельштам, Георгий Раевский (псевдоним Георгия Авдеевича Оцуа, 1897-1963), В.А. Смоленский, Ю.К. Терапиано (1892-1980).

<sup>3</sup> Т.е. Ю.В. Мандельштам.

<sup>4</sup> «Союз молодых писателей в Париже» — группа молодых русских поэтов, в 1929 выпустившая в Париже первый сборник стихов. По мнению Ходасевича (см. его *ЛЕТУЧИЕ ЛИСТЫ*. — «Возрождение», №1458, 30 мая 1929), в ней участвовали авторы, объединяемые не столько поэтическими идеями, сколько жизненными обстоятельствами (напр., местожительство в Париже). По этой причине в группе отсутствовала внутренняя сплоченность, цельность, отсутствовал и эстетический манифест, который следовало предположить включенным в сборник стихам. (Ходасевича огорчило именно последнее обстоятельство). В этом сборнике участвовали такие «младшие» поэты, как В.Андреев, В.Гансон, А.Гингер, В.Дряхлов, И.Кнорринг, Д.Кобяков, В.Мамченко, Б.Поплавский, А.Присманова, В.Смоленский, Ю.Софиев (Ю.Б. Бек-Софиев).

<sup>5</sup> «Скит поэтов» — группа молодых поэтов (живших в Праге), руководимая Альфредом Людвиговичем Бемом (1886-1945), известным критиком и ученым-славистом. Эта группа регулярно устраивала собрания и выпускала сборники стихов, написанных ее участниками. К «Скиту поэтов» принадлежали: Алла Сергеевна Головина, Вячеслав Михайлович Лебедев, Эмилия Кирилловна Чегринцева и др.

Ниник, милый, —

постарайся устроить это *на четверг*<sup>1</sup>, покрупнее, повиднее. Кажется, надо говорить с Алекс[андром] Абрам[овичем]<sup>2</sup>, а не с Коноваловым<sup>3</sup>, потому что ведь это даром.

Сейчас понедельник, вечер. Завтра позвоню тебе.

Будь здоров.

В.

<sup>1</sup> Предположительно речь идет о заметке по поводу литературного вечера. В феврале 1936 состоялось три таких вечера: два стихотворных (устраивало Объединение молодых поэтов 1 и 15 февраля) и вечер Ходасевича и Сирина (8 февраля). На последнем, в Salle Las Cases, Ходасевич прочел свой пастиш *ЖИЗНЬ ВАСИЛИЯ ТРАВНИКОВА* (см.: «Возрождение», №3907, 3914, 3921 за 13, 20 и 27 февраля 1936; см. также: «Последние новости», №5427, 5434, 5441 за 1, 8 и 15 февраля 1936).

<sup>2</sup> А.А. Поляков, секретарь редакции «Последних новостей».

<sup>3</sup> А.И. Коновалов, председатель правления «Последних новостей».

58

[9 марта 1936, Париж]

Душенька, извини: в субботу не мог дозвониться до «П[оследних] Н[овостей]» (занято), а вчера между 5 и 8, как сукин сын, играл в карты. Сейчас еду в Дом Книги — по дороге завожу тебе 100 за нынешний раз и 50 — за прошлый.

На днях тебе позвоню, чтобы свидеться.

Передай ред[акции] «П[оследних] Н[овостей]» и всем вообще, кого встретишь, мое глубокое соболезнование по поводу зинаидиновой рассказа<sup>1</sup>. От такого удара эмиграция не скоро оправится.

Будь здоров. Поклон Н.В.

В.

*Понедельник*

<sup>1</sup> Предположительно, имеется в виду рассказ З.Н. Гиппиус *ЯБЛОНЫ-КА*. — «Последние новости», №5463, 8 марта 1936.

59

[24 июня 1936, Париж]

*Ночью на среду*

Ниник, ты просил позвонить от 7 до 8, но у нас был ливень. Поэтому пишу. Был в редакции. *Ничего неизвестно*. Можешь опровергать все слухи, плохие и хорошие одинаково, ибо никак нельзя сказать, к чему приведут гукасовское упрямство + семейная глупость (доходящая до «измены») + еще всевозможные запутанные обстоятельство<sup>1</sup>. Планы и настроения меняются каждые 5 минут. Если что узнаю — позвоню тебе. Но не думаю, что узнаю, ибо сегодня Яновский<sup>2</sup> повел меня к доктору насчет экземы, а тот нашел... начало воспаления легких и велел три дня не выходить из дому.

Все это может кончиться полной катастрофой, но настроение у меня отличное — так я устал и так опротивело *Возрождение*, что любой развязке я был бы рад.

Целую тебя. Поклонись, пожалуйста, Н.В., если он вернулся. А ты будешь на докладе Адамовича?<sup>2</sup> Я буду.

В.

<sup>1</sup> В это время прошел слух, что «Возрождение» закрывается. *Семеновская глупость* — Юлий Федорович Семенов (1873-1947) — занимал тогда должность главного редактора газеты.

<sup>2</sup> Василий Семенович Яновский (р.1906), романист «младшего» поколения. О нем см.: В.Ф. Ходасевич. *КНИГИ И ЛЮДИ*. (Рец. на роман Яновского *ЛЮБОВЬ ВТОРАЯ*). — «Возрождение», №3732, 22 августа 1935. См. также воспоминания Яновского, в которых фигурирует Ходасевич: *ЕЛИСЕЙСКИЕ ПОЛЯ*. — «Воздушные пути», V, 1967, с.175-200; он же. *ПОЛЯ ЕЛИСЕЙСКИЕ*. — «Время и мы», №37 (январь 1979), с.162-198; он же. *ПОЛЯ ЕЛИСЕЙСКИЕ. КНИГА ПАМЯТИ*. Нью-Йорк, изд. «Серебряный век», 1983.

<sup>3</sup> Г.В. Адамович читал доклад о Горьком (скончавшемся 16 июня 1936) 26 июня 1936. Ходасевич присутствовал на этом докладе. См.: *БЕСЕДА О ГОРЬКОМ*. — «Последние новости», №5572, 26 июня 1936.

60

[11 декабря 1936, Париж]

Душенька,  
если можешь — приезжай сегодня в Las-Cases<sup>1</sup> и прочти два-три старых стишка.

Причины: 1) *доброе дело*; 2) услуга объединению, ибо публика начинает сердчать на отсутствие объявленных знаменитостей; 3) «товарищеская солидарность» — ибо уж очень ты держишься в стороне.

Вся поездка займет час времени. Можешь прийти, прочитать и уйти.

Привет Н.В.

В.

*Пятница.*

<sup>1</sup> Зал на улице Las-Cases, в котором обычно проводились литературные вечера русской эмиграции. Видимо, Ходасевич говорит о вечере стихов в пользу А.С. Головиной, который состоялся в пятницу 11 дек. 1936.

61

[21 июня 1937, Париж]

Это ты, милый мой, уезжаешь, не чихнув, — а я-то бы с тобой простился<sup>1</sup>. Однако, ставить вопросы в этой плоскости весьма преждевременно. Действительно, своего предельного разочарования в эмиграции (в ее «духовных вождах», за ничтожными исклю-

чениями) я уже не скрываю; действительно, о предстоящем отъезде Куприна я знал недели за три. Из этого «представители элиты» вывели мой скорый отъезд. Увы, никакой реальной почвы под этой болтовней не имеется. Никаких решительных шагов я не делал — не знаю даже, в чем они должны заключаться. Главное же — не знаю, как отнеслись бы к этим шагам в Москве (хотя уверен «в душе», что если примут во внимание многие важные обстоятельства, то *должны* отнестись положительно). Впрочем, тихохонько, как Куприн (правда, впавший в детство), я бы не поехал, а непременно, и крепко, и много нахлопал бы дверями, так что бы ты услышала.

Я сижу дома — либо играю в карты. Литература мне омерзела вдребезги, теперь уже и старшая, и младшая. Сохраняю остатки нежности к Смоленскому (читал мне чудесные стихи новые на хорошую, бодрую тему: [...]) и к Сирину. Из новостей — две: Фельзен, кажется, начинает менять ориентацию, возвращаясь на духовную родину, т.е. отступая из литературы на заранее подготовленные позиции — к бирже. Алферов<sup>2</sup> вчера женился на богатой и некрасивой музыкантше. Квартира (с экономкой!) отдала — молодые поехали в горы. Словом, все эволюционирует в естественном направлении.

О песике слышал<sup>3</sup>. Жалко, что не могу представиться ему, ибо на поездку надо выложить полсотни. Если будешь в Париже — дай знать, чтобы свидеться.

«Париж-Шанхай» опубликовал содержание 1-го №<sup>4</sup>. Плохо. Кроме того, есть признаки, что эти «Записки» повернутся лицом к Китаю, как «Современные» были повернуты к Чехословакии. Уже завелась какая-то тамошняя Папаушкова<sup>5</sup>. Вероятно, будут статьи о юбилее какого-нибудь Фунг-Тюнь-Тяна и о мировоззрении Чан-Кай-Шека<sup>6</sup> — на зависть Масарику!<sup>7</sup> — Ты ошибаешься — Фондам[инский] все еще ходит в умниках.

Я видел Пумпянскую<sup>8</sup> — это напомнило мне о молодости (моей) и старости (ее). Она ходит под ручку с Мишей Струве<sup>9</sup> и говорит об Ахматовой<sup>10</sup>, как старые генералы при Николае I говорили о Екатерине.

Зюзя<sup>11</sup> вышла замуж за англичанина. Славный парень, инженер, делает аэропланы и снаряды. Жить она будет под Бирмингемом, в тамошнем Холивуде<sup>12</sup>. Боюсь — будет ей холивудно и кукисто<sup>13</sup>, но пока что она довольна. В конце концов — ты устроила ее судьбу, это забавно.

Какие ужасы пишет Бунин о Толстом!<sup>14</sup> Ох, уж эти мыслики. Ученый спор с Алдановым — верх комизма. Жду спора с Марьей Самойловной<sup>15</sup> и Дон-Аминадо.

Наташа<sup>16</sup>, действительно, не блещет. Однако, я нашел в ней перемену к лучшему: читает «Посл[едние] Новости» — и целая полка с книгами. Боюсь, как бы она не замучила нас. Ты, однако, не брыкай ее очень. Уверю тебя, что ум надо спрашивать только с профессионалов этого дела и что все люди — лучше писателей.

«Бородин»<sup>17</sup> твой занятен, но беда в том, что Чайковский сам по себе гораздо сложнее и интереснее, а в таких случаях личность «героя» — дело важнейшее.

Батюшки! Чуть не забыл! Прилагаю письмо, мною полученное через «Возр[ождение]» и вскрытое потому, что только начав читать, увидел я на конверте: m-lle Nine Verberoff. Прости, пожалуйста — еще прочти, что темы в этом письме (т.е. в моем) перетасованы как-то идиотски. Но я сегодня дописал фельетон<sup>18</sup>, ездил в город, прочел 3 французских газеты (по случаю Блюма<sup>19</sup>) — а сейчас уже 2 часа ночи, и я устал, и пора спать.

Будь здорова. Оля тебя целует. Поклонись Н.В. Песика благословляю. Внушай ему хорошие правила с детства.

В.

21 июня [1]937

<sup>1</sup> Ходили слухи (после отъезда А.И. Куприна в СССР в 1937), что Ходасевич тоже намеревается вернуться на родину.

<sup>2</sup> Анатолий Алферов, молодой прозаик, опубликовавший несколько рассказов и затем таинственно исчезнувший.

<sup>3</sup> В это время Берберова и ее муж Н.В. Макеев уже жили в Лонгшэне (Longchêne), в часе езды от Парижа на юго-запад. Тогда они и взяли в дом фокстерьера Лазика.

<sup>4</sup> Имеется в виду общественно-политический и литературный журнал «Русские записки», который издавался (сначала в Париже и Шанхае) с 1937 по 1939 при ближайшем участии Н.В. Авксентьева, И.И. Бунакова, М.В. Вишняка и В.В. Руднева.

<sup>5</sup> Н.Ф. Папаушкова — жена крупного чехословацкого чиновника, которая помогала «Современным запискам» получать чешские субсидии.

<sup>6</sup> Чан-Кай-Ши (1887-1975) — известный китайский военный и государственный деятель, вождь «националистического» движения в Китае, разбитого коммунистами в 1949. Остатки националистов укрылись в 1950 на Тайване.

<sup>7</sup> Т.Г. Масарик (1850-1937) — чешский политический деятель и философ, первый президент Чехословакии.

<sup>8</sup> Пумпянская — старая приятельница Ходасевича по Дому искусств (в Петрограде, в 1920-22).

<sup>9</sup> Михаил Александрович Струве (1890-1948) — поэт-акмеист, эмигрант, печатался во многих эмигрантских периодических изданиях.

<sup>10</sup> Анна Ахматова (псевдоним Анны Андреевны Горенко, 1888-1966). Ходасевич познакомился с ней в послереволюционные годы в Петрограде. См. его *ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ*, с.394-395.

<sup>11</sup> Зюзя Лившиц (Мелита) — племянница О.Б. Марголиной.

<sup>12</sup> Ходасевич и Берберова однажды провели два месяца (летом 1924) в Холивуде (Ирландия).

<sup>13</sup> Игра слов — по типу пушкинского «и кюхельбеккерно, и тошно». Наташа Кук (Mrs. Frank Cooke) — двоюродная сестра Н.Н. Берберовой.

<sup>14</sup> Свою книгу о Толстом (*ОСВОБОЖДЕНИЕ ТОЛСТОГО*. Париж, УМСА, 1937) И.А. Бунин в продолжение 1937 публиковал отрывками в «Современных записках» и «Русских записках», а затем выпустил отдельным томом. Здесь Ходасевич говорит об отрывке, напечатанном в «Русских записках» (№1, 1937: с.93-129). См.: В.Ф. Ходасевич. «*ОСВОБОЖДЕНИЕ ТОЛСТОГО*». — «Возрождение», №4099, 1 октября 1937.

<sup>15</sup> М.С. Цетлина.

<sup>16</sup> Наташа Кук (см. прим.4 к письму №16).

<sup>17</sup> Биография композитора Александра Порфирьевича Бородина (1833-1887), написанная Берберовой и вышедшая отдельной книгой в 1938 (Берлин, Retropolis). Здесь речь идет об очередном отрывке из этой биографии (Берберова печатала ее полностью в «Последних новостях» за 1937. Всего было восемь отдельных публикаций). О биографии см.: В.Ф. Ходасевич. *КНИГИ И ЛЮДИ*. — «Возрождение», №4137, 24 июня 1938.

<sup>18</sup> Упомянутый фельетон: по всей вероятности, В.Ф. Ходасевич. *ИЗ ПЕТЕРБУРГСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ*. — «Возрождение», №4088, 23 июня 1937.

<sup>19</sup> Блюм (Leon Blum, 1872-1950) — известный французский социалист. В то время был премьер-министром «Народного фронта» (коалиции радикалов-социалистов, социалистов и коммунистов), находившегося у власти во Франции.



[Париж]

Ниник, поздравляю тебя, милый мой, с днем рождения<sup>1</sup>. Я жив, но работаю сверх всяких возможностей, п[отому] ч[то] вздумал ехать на дачу 18 числа и хочу заготовить все впрок, чтобы там не работать. Между прочим, буду писать о Худож[ественном] театре<sup>2</sup>. Иду туда сегодня, 9-го и 11-го. А ты? Впрочем, я, если бы не писание, кажется, не пошел бы.

Был у меня Руднев — в панике<sup>3</sup>.

Когда ты вернешься в город?

Будь здорова. Поклон Н.В.

Оля целует и поздравляет.

В.

7 июля [1]1937

<sup>1</sup> День рождения Берберовой — 8 августа.

<sup>2</sup> Московский Художественный Академический Театр (МХАТ) в это время гастролировал в Европе. См.: В.Ф. Ходасевич. *ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТР*. — «Возрождение», №4091 и 4092, 13 и 20 августа 1937.

<sup>3</sup> Вероятно, «паника» была вызвана денежными неурядицами в «Современных записках», что было довольно частым явлением.

[13 сентября 1937, Париж]

Ниник, когда ты поедешь к нам, захвати, пожалуйста, «Бесов»<sup>1</sup>. Нужны до зарезу.

Умоляю не забыть.

Ждем.

В.

А я получил письмо от Марии Игнатъевны<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Для чего понадобился Ходасевичу роман Ф.М. Достоевского, установить не удалось, возможно — для сверки цитат. Достоевский несколько раз упомянут в статьях Ходасевича за 1937, см., например: его статью о Сирине (*КНИГИ И ЛЮДИ*. — «Возрождение», №4065, 13 февраля 1937), в которой он говорит о «юродстве» и об «эпилептических минутах высшей гармонии».

<sup>2</sup> Мария Игнатъевна Будберг (урожд. Закревская, по первому браку Бенкендорф, 1892-1974) секретарь Горького, в 1930-40-х гг. нахо-

дилась в близких отношениях с Гербертом Уэллсом. Ходасевич и Берберова хорошо знали ее по «соррентийскому» периоду, когда они жили у Горького. О ней см.: Н.Н. Берберова. *ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА*. Нью-Йорк, изд. Russica, 1981.

[4 марта 1938, Париж]

Ангел мой, я пишу, потому что по телефону было бы долго объяснять. У меня к тебе несколько комиссий, которые, будь добра, исполни, не в службу, а в дружбу.

*Первая.* В отделе объявлений в «Посл[едних] Нов[остях]» служит некий Константинов, которого я не видал в глаза, но который однажды поклялся Долинскому<sup>1</sup>, что будет ему служить до гроба, как конек-горбунок Ивану-дураку. Он имеет какое-то близкое отношение к Русскому театру. Так вот, походи к нему и скажи от имени Долинского, чтобы он послал мне два билета на премьеру сирийской пьесы<sup>2</sup>. Прибавь, что и я прошу: по словам Долинского, сей Константинов литературу читает. Непременно на премьеру: на второй спектакль — меня не устраивает. Дай ему мой адрес или возьми билеты. *Вторая.* В тех же «Посл. Нов.» есть энциклопедический словарь. Бога ради, взгляни и запиши, как звали полностью Иоанна Антоновича (Иоанна VI), его папу, его маму, в котором году он родился, где именно был заключен и в котором году убит. Память у меня стала дырявая вдребезги.

*Третья.* Прочти мою нынешнюю статью<sup>3</sup>. Там есть про тебя.

*Четвертая.* Выясни, в какой день вы свободны на будущей неделе, чтобы прийти к нам.

Я позвоню к тебе в воскресенье утром, чтобы узнать ответ Константинова. А насчет Иоанна Антоновича только запиши — и храни бумажку: отдашь мне при свидании. Таким образом тебе самой нет надобности писать мне.

Будь здоров. Кланяйся Н.В. Привет песику.

В.

*Пятница.*

Бицилли написал Рудневу, что узнал в Мортусе — меня! И этот человек еще на свободе!<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Наум Владимирович Долинский, секретарь редакции «Возрождения».

<sup>2</sup> Пьеса Сирина под названием *СОБЫТИЕ* была поставлена в марте 1938 в Париже. Ходасевич присутствовал на премьере и затем написал

на нее рецензию («Современные записки», №LXVI, 1938, с.423-427). Текст пьесы напечатан в №4 (апрельском) «Русских записок» за тот же год.

<sup>3</sup> Упомянутая статья: В.Ф. Ходасевич. *КНИГИ И ЛЮДИ*. (Рец. на LXV книгу «Современных записок»). — «Возрождение», №4120, 25 февраля 1938. В этой рецензии Ходасевич с похвалой отзываясь о *ДАРЕ* Набокова и, упоминая о рассказе Берберовой *ЛАКЕЙ И ДЕВКА*, выдвигает его как пример произведения, в котором «за кажущейся беспощадностью изображения /.../ чувствуется большая, настоящая боль» за людей.

<sup>4</sup> В *ДАРЕ*, последний отрывок из которого был только что напечатан в «Современных записках» (за исключением пародийной биографии Чернышевского, входящей в роман), Ходасевич являлся прототипом поэта Кончеева. Одним из прототипов Мортуса был Г.В. Адамович. Петр Михайлович Бицилли (1879-1953), профессор Новороссийского ун-та, затем эмигрант. Часто сотрудничал в «Современных записках», писал статьи на литературно-исторические темы и критические обзоры.

65

[Париж]

Мой сторублевый котик<sup>1</sup>, прочитал «Бородина» — просто прелесть, как хорошо (хотя есть недосмотры). Не знаю, буду ли писать — боюсь перехвалить<sup>2</sup>. Во всяком случае — пусть сперва пишут в «П[оследних] Н[овостях]». А м[ожет] б[ыть] — напишу сразу о 2 твоих книгах. Ну, будь здоров. Книжка куда лучше, чем я ожидал.

Оля кланяется — целую.

Поклон Н.В.

В.

4 апр[еля 1]1938

<sup>1</sup> *Мой сторублевый котик*: так композитора А.П. Бородина называла его мать.

<sup>2</sup> См. прим.17 к письму №61.

66

8 апр[еля 1]1938  
[Париж]

Еще раз спасибо, душенька, за лампы. Оля как раз только нынче собралась съездить за ними. Раньше не выходило — то дела, то хвори, то бурная светская жизнь.

Что же тебе написать смешного? Я был на балу Объединения<sup>1</sup>, но это не смешно. Сбор — тысяч около двух с половиной, т.е. провал. Причина — отсутствие еврейских дам, которые не пошли и мужей не пустили, обидевшись на С.Прегель (не без основания)<sup>2</sup>. Следственно, публика была «своя», плохо одетая, жирная, потная. Поплавская (жена брата)<sup>3</sup> с голой, но прыщавой спиной, Червинская<sup>4</sup> с лишаем во всю большую верхнюю губу, Ставрова<sup>5</sup> — акушерка, одетая под субретку. Мужчины и того хуже. Ей Богу, Одоевцева<sup>6</sup> была всех лучше — хоть потом не пахнет. Георгия Иванова она отправила «куда-то в деревню», по словам Адамовича. По-видимому — очередная опала.

Еще смешное — Милочка с [...] <sup>7</sup> поехали в Италию. Интриговка: она (не он!) повезла экскурсию каких-то австралиек. «Будет ли читать лекции об Италии», — не зная: Италии и английский языка. Подозреваю, что никаких австралиек просто нет, но есть Б[...] <sup>8</sup>, который может случайно очутиться тоже в Италии (Пасха). [...] на это время можно отправить к Оттокару<sup>9</sup>. С искренним огорчением думаю, что от нашего старого друга<sup>10</sup> начинает пахнуть Жоржем Ивановым. Ну, что поделывать!

Я пишу фельетон<sup>11</sup> с омерзением и тоской. Очень тебе завидую, что ты живешь достойной человеческой жизнью: не пишешь для денег (и *никогда* не пиши! Ничего хорошего не напишешь!), сидишь на земле, не играешь в карты.

На днях, после перерыва месяцев в пять, был в кинематографе и убедился, что лучше играть в карты. Была комедия (слава Богу, не драма!) с психологией. У меня буквально спина разболелась от скуки.

Ну, вот и все. Будь здоров, душенька. Привет Н.В. Оля кланяется. Поцелуй собачку Лазика. Воображаю, как благотворно действует на его юную душу близость к природе.

В.

9 апр[еля 1938], утро.

Случилось смешное. Приходил сейчас Руднев — «предупредить», что написал мне письмо. А в письме (которого я еще не получил), он, видимо, «предупреждает», что опять начались бури из-за моего доклада о Горьком<sup>12</sup>, Ек[атерины] Пав[ловны]<sup>13</sup> и т.д. Кажется, буря идет от Осоргина (или Осоргин — только рычаг, которым действует Вишняк). Кажется, требуют моей «изоляции», т.е. выгнать меня из «Совр[еменных] Записок» (что Руднев, конечно, и сделает). Бедный Руднев огорчен, а мне начихать. Даже — лишняя тема для нескольких прелюбопытных фельетонов. Причины кампании (или цели, вернее) мне еще не ясны. М[ожет]

б[ыть], боятся моих будущих статей о Миллюковском журнале<sup>4</sup> и мечтают о том, чтобы они исходили от «публично ошельмованного» человека. М[ожет] б[ыть], хотят лишить «С[овременные] З[аписки]» еще одного сотрудника. М[ожет] б[ыть], и то, и другое, и еще что-то. В общем — не те времена. Чихаю.

Будь благополучен. Целую лапку.

В.

<sup>1</sup> Т.е. Объединения молодых поэтов. Бал состоялся 2 апреля 1938 (см.: *ВЕСЕННИЙ БАЛ ПИСАТЕЛЕЙ*. — «Последние новости», №6216, 2 апреля 1938).

<sup>2</sup> Софья Юльевна Прегель (1904-1972), поэтесса «младшего» поколения; ее стихи (см., напр., первый сборник *РАЗГОВОР С ПАМЯТЬЮ*) часто сравнивали с живописью фламандской школы. О ней см.: В.Ф. Ходасевич. *КНИГИ И ЛЮДИ*. — «Возрождение», №3704, 25 июля 1935. Причина «ссоры» неизвестна. Возможно, здесь замешаны идеологические мотивы (Прегель симпатизировала Советской России).

<sup>3</sup> Т.е. невестка Бориса Юлиановича Поплавского (1903-1935), поэт «молодого» поколения. Обстоятельства смерти последнего (самоубийство или убийство?) так и остались не выясненными до конца. (О нем см.: В.Ф. Ходасевич. *О СМЕРТИ ПОПЛАВСКОГО*. — «Возрождение», №3788, 17 октября 1935 (позднее статья была включена в *ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ*).

<sup>4</sup> Лидия Давыдовна Червинская (р.1907), поэтесса, автор интимной, «дневниковой» лирики; как и Поплавский, часто печаталась в «Числах» и являлась характерной представительницей так называемой «парижской ноты» — направления, которому покровительствовал Г.Адамович. О ней см.: В.Ф. Ходасевич. *КРИЗИС ПОЭЗИИ*. — «Возрождение», №3235, 12 апреля 1934.

<sup>5</sup> М.И. Ставрова, жена Перикла Ставровича Ставрова (1895-1955), поэт, в молодости участника одесского литературного кружка, куда входили также Ю.Олеша, В.Катаев, Э.Багрицкий; в эмиграции писал стихи, в которых чувствуется влияние И.Анненского и «парижской ноты».

<sup>6</sup> Ирина Владимировна Одоевцева (урожд. Генике, р.1901), поэтесса, романистка, мемуаристка. До революции член гумилевской студии «Звучащая раковина». Жена поэта Георгия Иванова (1894-1958). В 1987 вернулась из эмиграции в Советский Союз.

<sup>7</sup> Здесь и далее квадратные скобки обозначают зачеркнутые в тексте слова.

<sup>8</sup> Личность не установлена.

<sup>9</sup> Николай Петрович Оттокар (1884-1957), историк-медиевист, проф., затем ректор Пермского ун-та. Осенью 1921 выехал в командировку в Италию, преподавал, в Россию не вернулся. Умер во Флоренции.

<sup>10</sup> Имеется в виду В.В. Вейдле.

<sup>11</sup> Во второй половине апреля 1938 Ходасевич печатает два фельетона: *ГР. Д.Ф. ФИКЕЛЬМОН* и *ЛЕОНИД ЗУРОВ — ПОЛЕ*. — «Возрождение», №4127, 15 апреля и №4129, 29 апреля 1938.

<sup>12</sup> По неопубликованному календарю Ходасевича следует, что он читал доклад в довольно широкой аудитории 7 декабря 1936. По-видимому, доклад был посвящен Горькому, скончавшемуся в июне того года при довольно сомнительных обстоятельствах. 14 ноября 1936 Ходасевич публично выступил с чтением своих воспоминаний о Горьком. Позднее, 18 марта 1937, он поместил в «Возрождении» (№4123) статью о смерти Горького, где пытался объяснить обстоятельства его кончины. Резкая по отношению к Горькому позиция Ходасевича вызвала негодование эсеров, и в частности, Вишняка.

<sup>13</sup> Екатерина Павловна Пешкова (1876-1965), первая жена М.Горького; председатель Политического Красного Креста.

<sup>14</sup> Т.е. «Русские записки», см. прим.4 к письму №61.

Посылаю тебе, душенька, вчерашний мой фельетон<sup>1</sup>. Завтра надо садиться за следующий. Вероятно, напишу о Бор[исе] Ник[олаевиче]<sup>2</sup>, но еще не решил. Взял книгу у Фондаминского, но читаю по странице в час — сил моих нет, какое вранье ужасное, горестное. Так что, может, и не стану писать: махну рукой.

Обедали у Наташи. Гроб. Одна польза — какой-то шофер сказал, что нельзя сажать хрен с другими овощами. Надо — отдельно и вдалеке. Потому что он, хрен, плодлив, корни пускает под землей и вылезает наружу, где его не ждали, так что вскоре все убивает вокруг, и весь огород превращается (страшно подумать!) в хреновник. Это безумно для тебя важно.

Только вернувшись в город, мы по-настоящему оценили, как хорошо было у вас. Только побывав у Наташи, поняли, как хорошо дома. Только побывав в тот же вечер на Монпарнасе, пожалели, что не остались у Наташи. Вот ты и посуди, каково тут все.

Будьте здоровы, пожалуйста.

На днях я тебе позвоню.

В.

21 мая [1]938.

<sup>1</sup> В.Ф. Ходасевич. *О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ*. — «Возрождение», №4132, 20 мая 1938.

<sup>2</sup> Борис Николаевич Бугаев (псевд.: Андрей Белый, 1880-1934), поэт, прозаик, мемуарист, один из ведущих деятелей русского символизма. Ходасевич был с ним очень дружен в дореволюционные и революционные годы, а также в берлинский период жизни Белого; оставил о нем воспоминания (см.: *НЕКРОПОЛЬ*, с.61-99) и статьи (см., напр.: *АБЛЕУХОВЫ, ЛЕТАЕВЫ, КОРОБКИНЫ*. — *ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ*, с.187-218). Упоминаемый фельетон (рец. на книгу Белого *МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ*): В.Ф. Ходасевич. *ОТ ПОЛУПРАВДЫ К НЕПРАВДЕ*. — «Возрождение», №4133, 27 мая 1938.

68

[Париж]

Возвращаю тебе пьесу<sup>1</sup>, мой Ангел. Она так гнусно переписана, что, охраняя целостность впечатления, мне пришлось прочитать ее Оле вслух: вот на какие жертвы я иду ради твоей славы! Оля очень тебя благодарит. Пьесу она нашла *преlestной*, но *очень грустной*.

Если тебя будут отговаривать от названия «Мадам» — умоляю не сдаваться. Чудное название, с двумя смыслами, — пальчики оближешь!

У меня к тебе просьба: сообщи *экстренно*, на каких условиях Каплан издал твою последнюю книгу. Это мне нужно для ориентации при переговорах с Блохом<sup>2</sup> о «Некрополе».

Поклонись Н.В. и скажи ему, что я, по крайней мере, сумел купить билет с шестеркой на конце<sup>3</sup>. На возвращенные 10 фр[анков] купил 7-й т[и]р[а]ж, №1, 197, 914. Уповайте.

Будьте здоровы и благополучны. Поклон зверям. Цистерночку<sup>4</sup> обнимаю.

В.

27 июня [19]38.

<sup>1</sup> Пьеса Н.Н. Берберовой *МАДАМ* тогда шла в русском театре в Париже. Ходасевич присутствовал на этом спектакле 26 ноября 1936.

<sup>2</sup> *НЕКРОПОЛЬ* вышел в берлинском издательстве Petropolis в 1939. См. также прим.1 к письму №72.

<sup>3</sup> Речь идет о национальной лотерее.

<sup>4</sup> В Лонгшене, где жили Берберова и Макеев, наконец, установили цистерну для водосбора и провели водопровод. См. прим.3 к письму №61.

2 июля [19]38  
[Париж]

Я, душенька, зол на тебя. Ты не знаешь, что у меня есть за-  
щечные деньги, предназначенные на лето и свободные до середины  
августа. Следовательно, надо было не предаваться тревогам из-за  
100 фр[анков], а взять у меня *еще* перед платежом 1 июля.

Спасибо за информацию. Полагаю, что ни трех шкур, ни  
клока шерсти содрать с Блоха мне не удастся.

Скотиков благодарю за книжку<sup>1</sup>. Чтение откладываю до тех  
пор, пока смогу о ней написать — т.е. после Адамовича<sup>2</sup> и по про-  
шествии некоторого времени после рецензии на «Бородина»<sup>3</sup>.

Пожалуйста, заезжай, когда будешь в городе.

Будь здоров. Оля шлет всякие нежности.

Не хочешь ли деньгу?

Кота в пузо целую —

В.

<sup>1</sup> Роман Н.Н. Берберовой *БЕЗ ЗАКАТА* (Париж, изд. «Дом книги», 1938).

<sup>2</sup> Т.е. после завершения спора с Адамовичем о направлении эмигрант-  
ской поэзии, который вел в это время Ходасевич. (См.: В.Ф. Ходасевич.  
*КНИГИ И ЛЮДИ*. (О сборнике В.Смоленского *НАЕДИНЕ*). — «Возрожде-  
ние», №4139, 8 июля 1938.

<sup>3</sup> Ходасевич так и не успел написать рецензию на *БЕЗ ЗАКАТА*,  
хотя он раньше других критиков откликнулся на публикацию первых от-  
рывков из романа (см. прим.1 к письму №54).

[Париж]

Мы с тобой, Ниник, сговорились на среде, 19 числа. Это  
вздор, ибо среда будет 20-го. Так вот — ударение стоит на дне, а  
не на числе, и мы явимся в среду, 20-го.

Что касается кота, то необходимо прежде всего научить онго  
смирно сидеть у ног воспитателя, хвостом — к лицу сего послед-  
него. Затем воспитатель, вытянув и соединив руки, как показано  
на рис[унке]<sup>1</sup>,

Фиг[ура] 1.



плавно сгибается в талии, зорко следя за тем, чтобы кот не ки- нулся в сторону. Затем, опустив руки низко, воспитатель прось- бами и угрозами приучает кота поступать, как изображено на рис[унке] 2.

## Фиг[ура] 2.

Получаемый эффект доставляет огромное удовольствие взросло- му и детям, особенно в деревне, в долгие зимние вечера или в дурную погоду. Кота он наполняет благородной артистической гордостью, возрастающей по мере того, как он приучается пры- гать все выше и выше. Необходимо помнить, что высота и красо- та прыжков столько же зависят от способностей воспитателя, сколько от таковых же воспитанника.

Желаем успехов. Кланяемся.

11 июля [19]38.

<sup>1</sup> Далее следуют рисунки Ходасевича.

71

[Париж]

Ну, душенька, будем надеяться, что мы с тобой переволнова- лись понапрасну: кажется, всеблагое<sup>1</sup> хотят нас избавить от при- сутствия на их очередной пирушке. Это очень мило с их стороны. Не люблю роковых минут и высоких зрелищ.

Следовательно, надо приниматься за работу. Почему убедит- ельно прошу тебя *экстренно* посмотреть по вечному календарю, в какой день умер Блок<sup>2</sup>. Кроме того, если ты еще не отдала кни- гу и если цитата не больно длинна, пришли мне тот отрывок о препирательствах Н.В. Бугаева<sup>3</sup> с Львом Толстым. Впрочем, мне нужно из него *только* то, что касается папочкиных ужимок, при- седаний, лысины и голоса. Хочу всунуть в примечания. Укажи точно название книги и страницу.

Страшна не война, страшно то, что Женя сказала мне: «Как только объявят войну, мы все вчетвером (я, Ник[олай] Георг[ие- вич], кот и Нина)<sup>4</sup> едем к Макеевым и будем у них жить». (Нинка приехала).

Будьте здоровы. Спасибо за гостеприимство. Оля кланяется. Пишите и приезжайте.

В.

21 сент[ября] 19]38.

<sup>1</sup> Здесь и далее («роковые минуты», «высокие зрелища») — реминисценции из тютчевского *ЦИЦЕРОНА*. Речь идет о слухах о возможном начале войны.

<sup>2</sup> Ходасевич запрашивает сведения для *НЕКРОПОЛЯ*. О его знакомстве с Александром Александровичем Блоком (1880-1921) см. *НЕКРОПОЛЬ*, с.118-140. Ходасевич присутствовал при произнесении известной речи, посвященной Пушкину (*О НАЗНАЧЕНИИ ПОЭТА*), с которой Блок выступил 11 февраля 1921 (за полгода до своей смерти 7 августа).

<sup>3</sup> Николай Васильевич Бугаев (1837-1903), проф. математики Московского ун-та, отец Андрея Белого. Об отношениях между Белым и его отцом см.: В.Ф. Ходасевич. *НЕКРОПОЛЬ*, с.61-117.

<sup>4</sup> Т.е. семья сестры Ходасевича: Евгения Фелициановна (Женя), Николай Георгиевич Нидермиллер (второй муж Жени) и Нина (или «Нинка») — дочь Жени от первого брака.

[Париж]

Милые друзья, я получил деньги с Блоха. Поэтому заезжай за ними — по почте посылать обидно. — Берлинские деньги, кажется, окончательно зажулят<sup>1</sup>, чем я угнетен до крайности. — Почему Нина не приехала к Блоху во вторник и не известила? Он обижен. Книга Нинина, впрочем, включена в производственный план<sup>2</sup>. Имейте в виду, что раздувается большое кадило, — хотят задушить Каплана<sup>3</sup>. Намечено 12 книг, с подпиской на *льготн[ых] усл[овиях]* (Бунин, Нина, я, Яновский и др.). Деньги есть: ИМКА<sup>4</sup>.

Мы очень беспокоились во время морозов, все ли у вас благополучно с водой, отоплением и автомобилем. Здоровы ли Вы? Здоровы ли скотики? Дай Бог Вам всего хорошего в Новом году.

Приветы всевозможные от нас обоих.

В.

30 дек[абря] 1938.

<sup>1</sup> Ходасевич получил от Petropolis'a деньги, которые, видимо, причитались Берберовой за *БОРОДИНА*. Директор издательства Я.Н. Блок еще не порывал с Берлином, хотя уже не мог вывозить деньги из Германии. Ходасевич опасался, что не сможет получить их, однако все устроилось: вскоре Блоху удалось перевести издательство в Бельгию.

<sup>2</sup> Petropolis выпустил книгу Берберовой *БОРОДИН* в начале 1939, однако на самой книге выход помечен еще 1938-м годом. После этого во время войны издательская деятельность прекратилась.

<sup>3</sup> Издательство Блоха конкурировало с «Домом книги» Каплана.

<sup>4</sup> Young Men's Christian Association — протестантская религиозная организация с центром в Америке. С 1919 осуществляла помощь культурной деятельности русской эмиграции (в частности, в 1922 создала и в продолжение многих лет финансово поддерживала парижское издательство ИМКА-Пресс).

[Париж]

Поздравляю тебя, милый мой, с днем Ангела и ужасно желаю всех самых хороших вещей. Оля, должно быть, тоже тебя поздравляет, но она дома, а я в Murat'e, вожусь с бабами<sup>1</sup>, которые, кажется, общими силами провалят мой вечер.

Приезжайте, пожалуйста, когда будете в городе, либо назначьте свидание.

Поклон Н.В.

Будь здоров. Целую лапу.

В.

P.S. Не звони Элите: я уже на днях получил приглашение<sup>2</sup>.

А что такое *паша*?<sup>3</sup>

26 янва[ря] 1939.

<sup>1</sup> Дамы, продававшие билеты на вечер стихов Ходасевича. Вечер состоялся 15 февраля 1939; присутствовали: Г.Адамович, Р.Блох, В.Вейдле, А.Гингер, М.Горлин, Л.Зуров, Г.Иванов, А.Ладинский, Ю.Мандельштам, И.Одоевцева, С.Прегель, А.Присманова, Г.Раевский, В.Смоленский, Н.Тэффи, Ю.Фельзен и другие деятели литературного русского Парижа.

<sup>2</sup> *Элита*: Вильчковский, литератор, участник движения младороссов, после войны — «советский патриот» и сотрудник парижской газеты с тем же названием. Речь идет о литературном вечере младороссов.

<sup>3</sup> Смысл слова «паша» восстановить не удалось.

[Париж]

Ты, милый мой, попал в самую точку. У меня душа в пятках — не хочу воевать. В сущности, только об этом и думаю, а что-то пишу и хлопочу — как сквозь сон. Очень меня огорчает, что у вас нет денег. Главное, когда появятся — не делайте трат, с которыми

можно повременить. Отложите даже всякие амелиорации в поместье, потому что нужнее всего могут оказаться просто деньги.

Спасибо за сто франков<sup>1</sup>. Пока что — можешь их тратить. С кого ты их содрала? И что же ты дала, беря деньги? Ведь билетов у тебя не было! Посылаю шесть, как ты велишь. Бери любую цену. Вечер — 15-го. Завтра позвоню Калишевичу, а Фондаминского попрошу позвонить Демидову для верности.

На обороте — вырезка из последнего номера «Возрождения». Я сам газету не читаю<sup>2</sup>, но мне указал Сири́н. Надо заметить, что Грюнвальд и Ден — личности, действительно, темноватые<sup>3</sup>. Забавно, однако, что оба — бывшие сотрудники «Возрождения».

Книжка моя все еще не вышла<sup>4</sup>.

Будьте здоровы (включая скотиков). «Хлопочи, хлопочи обо мне, милый Пушкин!»<sup>5</sup>

Оля целует обоих. Ждет модель каскетки.

В.

29 янв[аря] 1/1939.

<sup>1</sup> Т.е. за проданный билет на вечер стихов Ходасевича.

<sup>2</sup> В это время Ходасевич уже был болен. Начиная с января и особенно с марта, — в его календаре все чаще появляется запись: «в постели».

<sup>3</sup> В «Возрождении» №4168, 27 января 1938 под рубрикой «Дела, толки, слухи» появилась следующая заметка: «Нам сообщают, что в Париже образовался новый политический кружок, члены которого периодически собираются каждый месяц в ресторане на бульваре Экзельманс на совещание о судьбах России и о том, какой политической линии следует придерживаться эмиграции. В этот кружок входят эсеры гг. Бунаков-Фондаминский и Зензинов /.../ писательница г-жа Берберова, писатель г.Алданов и /.../ лица, в политическом отношении совершенно неизвестные, как гг. Кривошеин (И.А.), Грюнвальд (И.К.) и Ден (В.Е.)».

<sup>4</sup> Речь идет о *НЕКРОПОЛЕ*.

<sup>5</sup> Ходасевич цитирует по памяти письмо Дельвига Пушкину (июль 1928): «Хлопочи, хлопочи об мне, брат Пушкин. Добрый отец мой умер». (См.: А.С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.-Л., АН СССР, 1937-1959, т.14, с.23).

Мишель Никё

## К ВОПРОСУ О СМЕРТИ М. ГОРЬКОГО

«Факт убийства Горького можно считать непреложно установленным», — пишет Л.Флейшман в своей фундаментальной книге о Пастернаке в тридцатые годы<sup>1</sup> (в этом исследовании много места отводится Горькому, выступления которого впервые соотнесены с закулисной борьбой той эпохи). Л.Флейшман ссылается на свидетельство Е.Пешковой, но оно остается загадочным<sup>2</sup>, и на воспоминания бывшего начальника экономического отдела иностранного управления ОГПУ А.Орлова, который на самом деле говорит о естественной смерти Горького, приписанной в 1938 г. Сталиным «троцкистско-зиновьевскому блоку»<sup>3</sup>. Л.Флейшман ссылается также на Г.Герлинга-Грудзинского и на Н.Берберову, но они оставляют вопрос открытым<sup>4</sup>. Лишь Р.Конквест, взвесив все предположения, считает, что Горький был убит без участия и ведома лечащих его врачей<sup>5</sup>. Таким образом, в этом вопросе среди исследователей нет единогласия, причем интересно отметить, что среди тех, кто верит в естественную смерть Горького, некоторые считают смерть Максима Пешкова

<sup>1</sup> Л.Флейшман. *БОРИС ПАСТЕРНАК В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ*. The Magnes Press, The Hebrew University, Jerusalem, 1984.

<sup>2</sup> Е.Пешкова ответила американскому журналисту Исааку Дон Левину, который в 1964 г. в Москве спросил ее о смерти Горького: «Не спрашивайте меня об этом! Я трое суток заснуть не смогу, если буду с вами говорить об этом». (Цит. по: Н.Берберова. *ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА*. Нью-Йорк, 1981, с.303).

<sup>3</sup> А.Орлов. *ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ СТАЛИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ*. Изд. «Время и Мы», 1983, с.258.

<sup>4</sup> См.: Г.Герлинг-Грудзинский. *СЕМЬ СМЕРТЕЙ МАКСИМА ГОРЬКОГО*. — «Континент», 1976, №8, с.327, 333; Н.Берберова, ук. соч., с.274, 299.

<sup>5</sup> R.Conquest. *LA GRANDE TERREUR*. Paris, 1970, p.393-395.

в мае 1934 насильственной, и наоборот: В.Ходасевич верит в естественную смерть Горького, но не его сына<sup>6</sup>, тогда как Р.Конквест придерживается противоположного мнения.

Все это относится больше к области личных убеждений, чем к науке, которая должна привести как можно больше источников, проверить, сопоставить и истолковать их. Наша работа не претендует на такую полноту, как исследование Н.Петренко о болезни и смерти Ленина<sup>7</sup>. Но она устанавливает или восстанавливает ряд фактов, которые выясняют если не прямую причину смерти Горького, то ее обстоятельства. Такое исследование диктуется не авторским некрофильством, но сознанием литературного и исторического значения кончины Горького. Ее обстоятельства связаны с такими важными и еще мало изученными вопросами, как отношения Горького и Сталина, Горького и Бухарина, взгляды Горького в тридцатые годы. И постепенно вырисовывается более сложный образ Горького, чем принято думать.

#### СВИДЕТЕЛЬСТВА АРАГОНА

Луи Арагон оставил о Горьком важные, хотя и расплывчатые свидетельства, еще не использованные историками. Статьи 1936-1937 гг., помещенные в седьмом томе его Собрания разрозненных произведений, предварены предисловиями-воспоминаниями, из которых мы узнаем, что уже в марте 1936 Горький «засыпает» Арагона и Э.Триоле настойчивыми призывами скорее приехать к нему в Москву:

Мы с Эльзой были засыпаны, надо сказать, призывами Горького, непосредственными или посланными через Кольцова, который умолял нас приехать, скорее приехать. Но я больше

<sup>6</sup> В.Ходасевич. *О СМЕРТИ ГОРЬКОГО*. — «Возрождение», 1938, №4122. Цит. по его кн.: *БЕЛЫЙ КОРИДОР. Воспоминания*. Нью-Йорк, 1982, с.263-271. Вопрос о смерти Максима Пешкова не будет рассматриваться в настоящей статье. Укажем лишь на одно, насколько мы знаем единственное в советских мемуарах, свидетельство о том, что Ягода (его фамилия не названа) ухаживал за невесткой Горького «Тимошей»: «[Каждое утро] по ступенькам поднимался из сада на веранду небольшого роста лысый человек в военной форме. Его дача находилась недалеко от Горок. Он приезжал почти каждое утро на полчаса к утреннему кофе, оставляя машину у задней стороны дома, проходя к веранде по саду. Он был влюблен в Тимошу, добивался взаимности, говорил ей: "Вы меня еще не знаете, я все могу". Растерянная Тимоша жаловалась маме [Н.В. Крандиевской — третьей жене А.Н. Толстого. — М.Н.]» (Ф.Ф. Крандиевский-Волькенштейн. *ПО ДОРОЖКАМ ДЕТСКОСЕЛЬСКИХ ПАРКОВ. Воспоминания*. — «Звезда», 1984, №3, с.59-60).

<sup>7</sup> Н.Петренко. *ЛЕНИН В ГОРКАХ. БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ*. — «Минувшее», 1986, №2, с.143-287.

всего не хотел уехать, пока я не кончил второй роман из цикла «Реальный мир» — «Богатые кварталы», от которого тысяча дел, политические надежды, в то предвыборное время, меня отвлекли.<sup>8</sup>

Вот уже два месяца как нас вызывал Горький через Кольцова. Сначала Эльза ответила, что да, мы этим летом поедem в Москву. Но каждый вызов звучал все более и более неотложным.<sup>9</sup>

(Речь идет о марте-апреле 1936 г.: Горький в Крыму, в Тессели. Еще в феврале «он занимался физическим трудом, копал землю на клумбах, выкорчевывал корни старых деревьев, наводил чистоту на аллеях и дорожках»<sup>10</sup>).

Итак мы с Эльзой уехали в Лондон, как я уже сказал, спустя не больше трех недель после второго тура выборов<sup>11</sup>. Тон вызовов Горького, которые мы получали через посредство Кольцова, изменился. В них теперь чувствовался страх смерти. И завуалированный намек на поручение, которое Горький, казалось, хотел нам дать для Франции: почему именно нам? И для кого?<sup>12</sup>

Да, почему поручение Арагону, а не Мальро, с которым Горький встретился в марте 1936 г. в Тессели? В «Умерщвлении» (или, как принято в СССР называть этот роман 1965 г., — «Гибели всерьез»), где, как мы увидим, смерть Горького искусно инсценирована, Арагон пишет: «Горький очень любил Фужер [Эльза. — М.Н.]. И через нее, хотя он по-французски не читал, он уважал меня»<sup>13</sup>. Выбор Арагона Горьким может объясняться «обращением» Арагона к реализму после его разрыва с сюрреалистической группой в 1932 г., а еще больше его должностью секретаря Международной Ассоциации писателей в защиту культуры (против фа-

<sup>8</sup> L.Aragon. *L'OEUVRE POETIQUE*, t.VII (1936-1937). Paris, 1977, p.96.

<sup>9</sup> Op. cit., p.100.

<sup>10</sup> Воспоминания Ник. Попова [кинотехника] в кн.: *ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.М. ГОРЬКОГО*, т.IV, М., 1960, с.571-572.

<sup>11</sup> Речь идет о выборах в палату депутатов в апреле-мае 1936 г., на которых «Народный фронт» левых партий одержал победу.

<sup>12</sup> L.Aragon, op. cit., p.107.

<sup>13</sup> L.Aragon. *LA MISE A MORT*. Paris, 1983 (Folio), p.41. В 1935 Горький жаловался, что стихов Арагона не печатают в СССР (см.: М.Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т.27, М., 1953, с.273). После выхода в свет *ТРЕТЬЕЙ ЭЛОИЗЫ (ZOO)* (где заглавие — анаграмма Эльзы Триоле) — Горький попросил В.Шкловского познакомить его с Э.Триоле: он первый, кто в 1923 г., в Берлине, «почти заставил Эльзу, которая об этом не думала, писать, *писать* по-настоящему. По-русски, конечно, еще, — "На Таити".» (L.Aragon. *L'OEUVRE POETIQUE*, t.VII, p.466, 99).

шизма — дело, которое очень волновало Горького), и его политическими и семейными связями с СССР. Арагон уже не менее пяти раз побывал в СССР и встречался с Горьким в 1932 и 1934 гг.<sup>14</sup> Его приезд не представлял трудностей и не мог вызвать возражений.

Что именно хотел Горький поручить или сказать Арагону? В Архивном фонде «Эльза Триоле-Арагон» в Париже нет писем или телеграмм, которые Горький или Кольцов посылали Арагону в 1936, и «Летопись жизни и творчества А.М. Горького» не упоминает о них. Но важно не столько их содержание, по всей вероятности лаконичное, сколько сам факт «забрасывания» Арагона в продолжение трех месяцев посланиями Горького и Кольцова. В «Умерщвлении» Арагон высказывает предположение, которое он не повторяет в своих предисловиях-воспоминаниях 1977 г.: может быть, Горький хотел дать ему поручение для приемного сына Зиновия Пешкова, который сделал во Франции блестящую военную и дипломатическую карьеру. Возможны другие, хотя маловероятные предположения: Горький хотел предупредить через Арагона каких-то знакомых об опасности, грозившей им после того, как Мария Игнатьевна (Мура) Будберг привезла в СССР в 1936 г. (по Б.Николаевскому и Н.Берберовой) архивы, которые Горький доверил ей перед своим окончательным возвращением в СССР в мае 1933 г.<sup>15</sup> В это же время Сталин завладевал другими нужными ему архивами: часть материалов Троцкого в Парижском отделе Амстердамского Международного института социальной истории (ул. Мишле, 7) была выкрадена в августе 1936, а в марте НКВД отобрал у К.Пятницкого документы и письма Горького<sup>16</sup>. Или (что еще менее вероятно) Горький хотел передать Арагону свой «дневник», о существовании которого известно по двум источникам<sup>17</sup>. «Как волка ни корми, он все в лес смотрит!» — якобы сказал Ягода, когда нашли заметки Горького после его смерти. И они исчезли, вместе в большинстве свидетелей. Может быть, Горький хотел просто поделиться с Арагоном угнетавшими его мыслями о внутренней и внешней политике СССР?<sup>18</sup>

<sup>14</sup> См.: R.Garaudy. *L'ITINERAIRE D'ARAGON*, Paris, 1961, p.235.

<sup>15</sup> Н.Берберова, ук. соч., с.258-276.

<sup>16</sup> *ПЕРЕПИСКА А.М. ГОРЬКОГО С И.А. ГРУЗДЕВЫМ*. — «Архив Горького», т.ХІ, М., 1966, с.362-363.

<sup>17</sup> Г.Глинка. *ДНЕВНИК ГОРЬКОГО*. — «Социалистический вестник», 1954, №1, с.18-20; А.Орлов, ук. соч., с.267.

<sup>18</sup> См.: Т.Иванова. *МОИ СОВРЕМЕННОКИ, КАКИМИ Я ИХ ЗНАЛА*. М., 1984, с.106.



Как бы то ни было, Арагон и Эльза поехали наконец в Москву в конце мая на пароходе через Лондон и Ленинград. «Как только мы приехали в Лондон, мы нашли настойчивое письмо Кольцова... Он, должно быть, позвонил в Париж, чтобы узнать наш адрес в Англии»<sup>19</sup>. В Ленинграде Арагон и Эльза задерживаются у Лили Брик и генерала Примакова, которого вскоре арестуют: «Мы, наверное, должны были бы устремиться в Москву, где Горький нас ждал. Но, конечно, моя свояченица не хотела нас так просто отпустить»<sup>20</sup>. «А в это самое время еще и письмо от Кольцова: — Ну, что вы застряли на берегах Невы?»<sup>21</sup>

Ясно, что Арагон не торопился ответить на призывы Горького. Из равнодушия или трусости, из-за боязни рассердить власти встречей с писателем, который, как мы увидим, был уже в опале? Во всяком случае, Арагон не мог не знать, что Горький заболел перед его приездом: начиная с 6-го июня центральные газеты ежедневно публиковали довольно тревожные бюллетени о здоровье Горького.

Арагон пишет в 1977, что он приехал в Москву 18 июня, то есть в день смерти Горького, уже слишком поздно, чтобы с ним встретиться. В «Умерщвлении» он пишет, что приехал 16 или 17 июня: «Мишель [Кольцов. — М.Н.] все-таки хотел, чтобы мы с ним встретились. Ужасно хотел. Горький ему сказал ... он настаивал, чтобы нас торопили, он хотел нам что-то сказать»<sup>22</sup>. Но на следующий день, когда Арагон с Кольцовым отправляются в Горки, — уже поздно. Даже Кольцова не пускают. Арагон говорит, что Кольцов был «в ярости», «недоволен или обеспокоен?», «в слезах»: «Он так хотел вас видеть!»<sup>23</sup>

На самом деле Арагон приехал в Москву за несколько дней до 18 июня: в «Правде» от 16 июня 1936 (с.6) есть интервью Арагона, в котором сказано, что писатель приехал в Москву «вчера утром», чтобы повидаться «со своими друзьями — советскими писателями» и «отдохнуть в одном из подмосковных домов отдыха». Так как «Правда» — утренняя газета, интервью было написано не позже 15 июня. Арагон, следовательно, был в Москве уже 14-го, самое позднее — 15 июня. Он мог бы встретиться с Горьким, тем более, что в эти дни, судя по бюллетеням, состояние здоровья последнего «несколько улучшилось». Отложил ли Арагон свой визит, как он оттягивал свой отъезд в Москву,

<sup>19</sup> L.Aragon. *L'OEUVRE POETIQUE*, t.VII, p.113; *LA MISE A MORT*, p.43.

<sup>20</sup> L.Aragon. *L'OEUVRE POETIQUE*, t.VII, p.115-116.

<sup>21</sup> Op. cit., p.120.

<sup>22</sup> L.Aragon. *LA MISE A MORT*, p.48; *L'OEUVRE POETIQUE*, t.VII, p.161.

<sup>23</sup> L.Aragon. *LA MISE A MORT*, p.49, 51.

или ему не дали поехать к Горькому под предлогом, что больного это могло бы утомить? В любом случае, давая понять, что он приехал лишь в день смерти Горького или накануне, Арагон, по-видимому, что-то умалчивает.

Дает ли «Умерщвление» ключ к смерти Горького? Это — искусно построенный роман о раздвоении личности автора со сложной игрой зеркал и двойников, и сама его структура значима. Смерть и похороны Горького отражены в первой части романа. Антуан, который олицетворяет собой Арагона-сталиниста, в 1937 г. оказывается в парижском кафе вместе с Мишелем (Кольцовым), и воспоминания 1936-го чередуются с событиями 1937 г. Над всей этой сценой тяготеет образ посетителя с физиономией «убийцы», который сидит за Антуаном. Тень этого убийцы лежит на всем рассказе о смерти и похоронах Горького, на которых Арагон столкнулся с провокаторами. В 1965 г. Арагон больше не верит, как в 1938, что Горького убили врачи<sup>24</sup>, но неотвязный образ «убийцы» и само название романа (смерть Горького в нем — первая из серии «умерщвлений») придают обстоятельствам смерти Горького сомнительный оттенок. Арагон как бы подсказывает литературными приемами то, что не может или не хочет сказать открыто. В одном из воспоминаний 1977 г. он, кстати, говорит о «некоторых сомнениях», которые версия убийства, выдвинутая в 1938, лишь подтвердила<sup>25</sup>. «Убийца» в романе «Умерщвление» является коллективным образом сталинского террора. Он неразрывно связан со смертью Горького и со смертью Кольцова, которая вскоре последует<sup>26</sup>.

### БОЛЕЗНЬ ГОРЬКОГО

Проанализируем печатные материалы о болезни Горького. Первое сообщение о ней было опубликовано 6 июня: «Алексей Максимович Горький серьезно заболел 1-ого июня гриппом, осложнившимся в дальнейшем течении катарральными изменениями в легких и явлениями ослабления сердечной деятельности»<sup>27</sup>. Горький заболел гриппом не в первый раз, но никогда еще не

<sup>24</sup> L. Aragon. *LA MISE A MORT*, p. 49; *L'OEUVRE POETIQUE*, t. VIII, p. 109.

<sup>25</sup> L. Aragon. *L'OEUVRE POETIQUE*, t. VIII, p. 108.

<sup>26</sup> М. Кольцов был арестован в дек. 1938, расстрелян в 1939 и ... приговорен к десяти годам лагерей без права переписки в 1940 (см.: Б. Ефимов. *ТАЙНА СУДЬБЫ МИХАИЛА КОЛЬЦОВА*. — «Огонек», 1987, №34, с. 26-30). В «Краткой литературной энциклопедии» дата смерти Кольцова, как и ряда других репрессированных писателей — вымышленна, в связи, может быть, с «разрежением» дат сталинских расстрелов (см.: «Русская мысль», 29 мая 1987, с. 4).

<sup>27</sup> «Правда», 6 июня 1936, с. 2.

публиковались ежедневные бюллетени о состоянии его здоровья<sup>28</sup>. Это «внимание» необычно и создает впечатление, что власти заранее хотели подготовить общественность к роковому исходу. В «Правде» бюллетени помещены вверху или в середине первой страницы и заголовки набраны крупным шрифтом. В «Известиях» — меньше эффектности: текст — одинаков, но чаще всего публикуется в конце первой страницы под рубрикой «Последние новости». «Правда» словно подчеркивает, драматизирует бытие<sup>29</sup>.

Бюллетени о состоянии здоровья Горького — кратки и указывают лишь температуру (она колебалась между 36,2° и 37,5°) и пульс (от 96 до 160). Мы предложили все бюллетени на рассмотрение двум французским врачам, — терапевту и геронтологу<sup>30</sup>. По мнению первого — не может быть гриппа без повышенной температуры, а бюллетени не дают четкого характера течения болезни и являются скорее «сумбурными». Для второго — отсутствие температуры может встречаться при тяжелой легочной суперинфекции, а пульс при отсутствии электрокардиограммы интерпретировать крайне трудно. Бюллетени составлены таким образом, что могут подтвердить любую версию смерти Горького. При этом оба врача отметили, что Горький, которому было 68 лет и который страдал легочными заболеваниями со времени его попытки самоубийства в 1877, — вполне мог умереть естественной смертью: «У него была хроническая легочно-сердечная недостаточность и хронический туберкулез. Для такого ослабленного организма гриппозная суперинфекция могла естественно повлечь за собой тяжелую и даже смертельную сердечную недостаточность».

Бюллетени о здоровье Горького показывают два периода улучшения: от 9 до 12 июня и от 14-го вечером до 16 июня.

---

<sup>28</sup> За последние 10 лет — это было шестое заболевание гриппом (см.: Л. Левин. *ПОСЛЕДНИЕ ДНИ*. — «Известия», 1936, 20 июня, с.2). Сразу после его приезда в СССР, в мае 1933, Горький заболел гриппом и чуть не умер (К.Федин. *ГОРЬКИЙ СРЕДИ НАС*. М., 1968, с.357, 359; *ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.М. ГОРЬКОГО*, т.IV, М., 1960, с.296), но не было никакого бюллетеня о здоровье, как и во время бронхита, который в июне 1935 официально помешал Горькому поехать в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры. (*ЛЕТОПИСЬ...*, т.IV, с.496; ср.: Л.Флейшман, ук. соч., с.239-242).

<sup>29</sup> Вс. Иванов рассказывает, что Горький протестовал против публикации бюллетеней о здоровье и что напечатали специально для него номер газеты без бюллетеней. (Вс. Иванов. *ВСТРЕЧИ С ГОРЬКИМ*. М., 1947, с.143). В Доме-музее Горького в Москве хранится такой экземпляр «Правды» без бюллетеня (Л.Быковцева. *ГОРЬКИЙ В МОСКВЕ. 1931-1936*. М., 1968, с.315).

<sup>30</sup> Д-р П.Борис (Кан) и д-р Ж.Дельтей (Тулуза).

Первое улучшение было якобы связано с визитом, который «руководители партии и правительства» (Сталин, Молотов и Ворошилов) нанесли Горькому 8 июня. Вот рассказ В.Зазубрина, редактора журнала «Колхозник» (в 1938 г. репрессирован):

В ночь с 7 на 8 июня появилась синюха, т.е. у больного стали синеть губы и нос, больной начал умирать. Врачи все усилия свои направляли на то, чтобы поднять деятельность слабеющего сердца. А.М., казалось, был в забытьи. Неожиданно в комнату вошли тов. Сталин, Молотов, Ворошилов. Они вошли веселые, громко разговаривая. Они всем своим видом и голосами, казалось, были живым отрицанием опасности, грозящей больному. Больной, увидев их, страшно обрадовался, уселся удобнее в постели и 15 минут, пренебрегая болезнью и смертью, делал доклад о планах работ на ближайшие годы. /.../ Он буквально встал из гроба. Началось заметное улучшение.<sup>31</sup>

Второе улучшение позволило как врачам, так и самому Горькому предположить, что опасность миновала. В.Зазубрин указывает, что «дня за два до смерти А.М. попросил зеркало и, увидев щетину своей бороды, вызвал парикмахера, побрился и сказал: — Ну, довольно валиться. Мне надо работать, отвечать на письма. Вскрытие обнаружило могучий организм, молодой мозг».<sup>32</sup> Доктор М.П. Кончаловский сообщает: «16 июня, после консилиума, узнав от врачей о благоприятной точке зрения на его болезнь, А.М. крепко пожал мне руку и сказал: — Ну, по-видимому, я поправлюсь. До последних дней его жизни нам, врачам, не хотелось верить, что болезнь закончится таким роковым образом /.../. Нам, врачам, казалось, что А.М. и на этот раз победит болезнь»<sup>33</sup>. Эти свидетельства подчеркивают, что смерть Горького не казалась неизбежной.

И вдруг — резкое ухудшение 17 июня: «Состояние тяжелое. В течение всего дня 17 июня дыхание и сердечная деятельность

<sup>31</sup> В.Зазубрин. *ПОСЛЕДНИЕ ДНИ М.ГОРЬКОГО*. (Речь на траурном собрании в Доме советского писателя 19 июня 1936). — «Колхозник». 1936, №6. Цит. по: *ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО СИБИРИ*, т.2, Новосибирск, 1972, с.239. М.П. Кончаловский также упоминает об этом визите и его благотворном влиянии. (См.: М.П. Кончаловский. *ПОСЛЕДНИЕ ДНИ А.М. ГОРЬКОГО*. — «Правда», 20 июня 1936, с.1). Печать сообщила об этом посещении лишь после смерти Горького.

<sup>32</sup> В.Зазубрин, ук. соч. с.239-240.

<sup>33</sup> М.П. Кончаловский, ук. ст. В *ЛЕТОПИСИ...* (т.IV, с.598-599) эта статья дается по тексту «Литературной газеты» (от 20 июня 1936), который несколько отличается от текста «Правды»: «За два дня до смерти Горький почувствовал значительное облегчение /.../ Горький сказал нам, врачам, лечившим его, и в частности мне: "По-видимому, выскочу".»

поддерживались применением кислорода и больших количеств сердечных средств. Т° вечером 37,4, пульс — 120, неправильный»<sup>34</sup>. Горький умер 18 июня в 11 час. 10 мин.

В «Заключении к протоколу вскрытия», опубликованном 19 июня, приводится краткий анамнез и указывается, что «смерть А.М. Горького последовала в связи с острым воспалительным процессом в нижней доле левого легкого, повлекшим за собой острое расширение и паралич сердца»<sup>35</sup>. Такая связь между воспалительным процессом и расширением сердца кажется неправдоподобной врачу, которому мы показали эти материалы.

Известно, что в 1938 г., на процессе «право-троцкистского блока» доктора Левин и Плетнев сказали, что, поддавшись шантажу Ягоды, они применили «умышленно неправильное лечение»<sup>36</sup>. Левин указал, что давал крупные дозы лекарств: до 40 уколов камфары за сутки, — 48, если добавить инъекции дигалена, кофеина, стрихнина<sup>37</sup>. Это кажется невероятным опрошенным нами врачам («Это привлекло бы внимание окружающих, и понадобилось бы сообщничество медсестер»<sup>38</sup>.) Таким образом, «признания» врачей на процессе 1938 г., возможно, сами себя опровергают.

Если исключить «медицинское убийство», остается версия естественной смерти и версия отравления, которую проф. Плетнев поведал немецкой коммунистке Б.Герланд на Воркуте в 1948<sup>39</sup>: резкое ухудшение состояния Горького, возникшее 17 июня, могло

<sup>34</sup> БЮЛЛЕТЕНЬ О СОСТОЯНИИ ЗДОРОВЬЯ А.М. ГОРЬКОГО. — «Правда», 18 июня 1936, с.4.

<sup>35</sup> ЗАКЛЮЧЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ ВСКРЫТИЯ А.М. ГОРЬКОГО. — «Правда», 19 июня 1936, с.1.

<sup>36</sup> ПРОЦЕСС АНТИСОВЕТСКОГО «ПРАВО-ТРОЦКИСТСКОГО БЛОКА». — «Правда», 3 марта 1938, с.4.

<sup>37</sup> Там же, 9 марта 1936, с.5. В.Зазубрин приводит следующие слова Горького: «Порядочных людей кормят котлетами, а меня пичкают одной камфарой». (Ук. соч., с.239).

<sup>38</sup> Валентина Ходасевич считает «странным», что ее «присутствие в Горках сочли нежелательным». (ТАКИМ Я ЗНАЛА ГОРЬКОГО. — «Новый мир», 1968, №3, с.65-66).

<sup>39</sup> Б.Герланд. КТО ОТРАВИЛ ГОРЬКОГО? (РАССКАЗ ПРОФ. ПЛЕТНЕВА). — «Социалистический вестник», 1954, №6, с.109-110; Г.Герлинг-Грудзинский. СЕМЬ СМЕРТЕЙ МАКСИМА ГОРЬКОГО. — «Континент», 1976, №8, с.334-335. Можно задать вопрос, почему Д.Плетнев не был расстрелян, как Л.Г. Левин и П.П. Крючков. Плетнев, в отличие от Левина, не был врачом НКВД, и понадобилась травля 1937 г., чтобы его сломить. (См.: R.Conquest. LA GRANDE TERREUR, p.389-390). Плетнева приговорили к 25 годам «как не принимавшего непосредственно активного участия в умерщвлении тт. В.В. Куйбышева и А.М. Горького». («Правда», 13 марта 1938, с.2). Левин уже подписывал ложные медицинские заключения. (См.: R.Conquest, op. cit., p.90).

быть вызвано поглощением отравленных конфет, присланных Горькому Сталиным. Кстати, любопытно отметить, что в своей обвинительной речи прокурор Вышинский сделал большое отступление о случаях отравления в мировой истории, при том что врачей он в этом не обвинял<sup>40</sup>. У Ягоды была лаборатория для изготовления ядов<sup>41</sup>, и НКВД не раз прибегал к таким методам<sup>42</sup>. К тому же, протокол о вскрытии не упоминает о проверке на отравление.

После публикации краткого варианта этой статьи в газете «Le Monde» (от 14-15 декабря 1986) автор получил письмо от французского участника Сопротивления, г-на М.Брауна, который был в Бухенвальде вместе с командиром Ш.Айере, — будущим главой генерального штаба ген. де Голля. М.Браун служил переводчиком между Ш.Айере и другим заключенным — советским гражданином по фамилии Новиков («Сашка»), который признался, что он «капитан спецслужбы, свидетель физической ликвидации абсолютно невиновных оппозиционеров». «Я помню, — пишет М.Браун, — среди других, случай с Горьким, и на мое возражение: — Вскрытие должно было бы обнаружить..., — он ответил: — Нет, ты ничего не понимаешь! *Протокол о вскрытии был составлен раньше смерти!*»<sup>43</sup>

#### ГОРЬКИЙ И СТАЛИН

Если смерть Горького была ускорена, то почему? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к истории отношений Горького со Сталиным, которые в сущности еще мало изучены.

Хорошо известна, конечно, поддержка Горьким политики Сталина с первого же его приезда в СССР в 1928: поездка на Соловки<sup>44</sup>, его одобрение процесса «Промпартии» в конце 1930 г.<sup>45</sup>

<sup>40</sup> «Правда», 12 марта 1938, с.7-8.

<sup>41</sup> R. Conquest, *op. cit.*, p.386.

<sup>42</sup> Там же, с.395. См. также: Л.Шатуновская. *ЖИЗНЬ В КРЕМЛЕ*. Нью-Йорк, 1982, с.225. Виктор Серж в своей книге о Сталине пишет: «Так как триумvirат опасался, что популярность Троцкого не даст ему хода, Сталин предложил обоим своим коллегам [Зиновьеву и Каменеву. — М.Н.] незаметно ликвидировать главу Красной армии, пользуясь "флорентийским способом", т.е. ядом. Существуют по этому поводу любопытные письма. Не пора ли их опубликовать?» (V.Serge. *PORTRAIT DE STALINE*. Paris, 1940, p.72).

<sup>43</sup> Письмо г-на Мориса Брауна автору от 16 дек. 1986. Ср. прим. 26 о вынесении приговора Кольцову после его расстрела.

<sup>44</sup> См.: М.Геллер. *КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ МИР И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА*. Лондон, 1974, с.84-95.

<sup>45</sup> См.: Л.Флейшман, *ук. соч.*, с.19-20, 23-24.

со зловещей статьей «Если враг не сдается, то его уничтожают», опубликованной в виде брошюры тиражом в 3 миллиона экземпляров<sup>46</sup>, его поддержка, может быть, более сдержанная, процесса меньшевиков в марте 1931<sup>47</sup>, его апология принудительного труда для «перековки» людей, с организацией поездки 120 писателей на Беломорканал в 1933<sup>48</sup>, и т.д. Это и есть «темная сторона» Горького<sup>49</sup>, которая восходит к этическому релятивизму («утешительная ложь»), провозглашенному им еще в 1892 («О Чижее, который лгал, и о Дятле — любителе истины»). Но существует одновременно и другая сторона Горького, следы которой тщательно стерла сталинская и послесталинская историография: речь идет о его сдерживающей роли во внутренней литературной и партийной борьбе, о попытках умерить «азиатчину» власти.

В этом плане Горький защищает писателей, затравленных РАПП (И.Молчанов в 1928<sup>50</sup>, Б.Пильняк в 1929<sup>51</sup> и др.); он ратует за сатиру, вопреки утверждению Сталина в письме к Горькому о самокритике<sup>52</sup>; он требует качественной работы от своих со-

---

<sup>46</sup> ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А.М. ГОРЬКОГО, т. IV, с. 68. По свидетельству Н.А. Заболоцкого, «апелляция к Горькому повторялась всякий раз, когда в кабинет входил какой-либо посторонний следователь и узнавал, что допрашивают писателя». (ИСТОРИЯ МОЕГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. — «Минувшее», 1986, №2, с.318).

<sup>47</sup> Л.Флейшман, ук. соч., с.30-33.

<sup>48</sup> См.: М.Геллер, ук. соч., с.134-151; Л.Флейшман, ук. соч., с.135-136.

<sup>49</sup> М.Геллер пишет: «Еще не оценена по достоинству поистине гигантская деятельность М.Горького в последнее десятилетие его жизни. С его прежде всего помощью было осуществлено духовное закабаление страны». (М.Геллер и А.Некритч. УТОПИЯ У ВЛАСТИ, т.1, Лондон, 1982, с.290).

<sup>50</sup> М.Горький. О ВОЗВЕЛИЧЕННЫХ И «НАЧИНАЮЩИХ». — «Известия», 1 мая 1928. Текст этой статьи, помещенной в т.27 Собрания сочинений (М., 1953), сильно переделан: в нем не упоминаются ни Молчанов, ни Безыменский, ни Авербах, ни Маяковский...

<sup>51</sup> Статья Горького о травле Пильняка (ВСЕ О ТОМ ЖЕ) не была опубликована. Крупницы из нее процитированы в «Новом мире» (1964, №11, с.220). С другой стороны, Горький критиковал Пильняка за его стиль. Против методов РАПП Горький написал и статью О ТРАТЕ ЭНЕРГИИ («Известия», 15 сент. 1929), которая не вошла в Собрание сочинений.

<sup>52</sup> И.Сталин. Собрание сочинений, т.12, М., 1949, с.173-177 (письмо Сталина Горькому от 17 янв. 1930). Это ответ на письмо Горького Сталину от 29 ноября 1929, которое было частично опубликовано в 1959 (А.И. Овчаренко. СОВЕТСКАЯ ДЕЙТЕЛЬНОСТЬ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ГОРЬКОГО (1928-1936). — «Научные доклады высшей школы. Филологические науки», 1959, №2, с.11-13). Горький хотел «уравновешивать» факты отрицательного характера, которыми изобиловала пресса в эпоху перестройки начала 30-х годов, — фактами положительными. Но, судя по ответу Сталина («Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович. Без нее неминуемы застой, загнивание аппарата, рост бюрократизма, подрыв творческого почина рабочего класса»), — спор шел совсем о другом: ведь лозунг «самокритики» был неразрывно связан (см. след. стр.)

трудников и иногда противится цензуре<sup>53</sup>. А самое главное — он упорно борется против захвата литературы чиновниками от литературы<sup>54</sup>. Этим объясняется, по Л.Флейшману, неоднократное перенесение даты Первого съезда союза советских писателей<sup>55</sup>, атаки Горького против Ф.Панферова<sup>56</sup>, А.Фадеева<sup>57</sup>, Вс.Вишневского<sup>58</sup> и др. Союз писателей, о котором мечтал Горький, был союзом лояльных, но беспартийных писателей<sup>59</sup>. И придет время, когда он будет вспоминать с сожалением старую РАПП!<sup>60</sup>

В политической области Горький надеялся привести Сталина к политике примирения с интеллигенцией и с большевистской оппозицией<sup>61</sup>. Благодаря его усилиям, Л.Б. Каменеву и Н.Бухарину были снова доверены крупные политические и культурные должности<sup>62</sup>. Надо отметить также, что Горький так и не написал биографии Сталина, для которой ему давали материалы<sup>63</sup>. Мож-

---

с борьбой против «правой оппозиции» в 1928-1930; можно думать, что Горький, в сущности, восставал против чисток и террора как метода управления. Отсюда — раздраженный ответ Сталина. Не пора ли опубликовать «письмо-докладную» Горького целиком? О связях между «самокритикой» и чистками см.: Z.Brzezinski. *LA PURGE PERMANENTE*. Paris, 1958, p.47-49; С.Козн. *БУХАРИН*. США, 1980, с.293, 297; *ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. 1933-1945*. М., 1968, с.131-133.

<sup>53</sup> См.: В.А. Максимова. *ГОРЬКИЙ-РЕДАКТОР (1918-1936)*. М., 1965, с.119, 160-164.

<sup>54</sup> См.: Л.Флейшман, ук. соч., с.125, 227, 229; *М.ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ*. — «Архив А.М. Горького», т.Х, кн.1, М., 1964, с.380. См. также письмо Вс.Иванова Горькому конца 1935 — начала 1936 (Вс.Иванов. *Собрание сочинений* в 8 тт. Т.8, М., 1978, с.570).

<sup>55</sup> См.: Л.Флейшман, ук. соч., с.131-132, 186; В.Максимова, ук. соч., с.243. А.Штецкий, зав. культпропом ЦК ВКП(б), указывал Сталину на влияние в этом деле Авербаха на Горького (см.: А.К. Романовский. *ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ЛИТЕРАТУРОЙ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ К ПЕРВОМУ СЪЕЗДУ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ*. — В сб.: *О ПОЛИТИКЕ ПАРТИИ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА*. М., 1958, с.103. После роспуска РАПП Горький действительно сблизился с Авербахом.

<sup>56</sup> А.М. Горький. *Собрание сочинений* в 30 тт. Т.27, М., 1953, с.138-141, 268-270; Л.Флейшман, ук. соч., с.158, 227.

<sup>57</sup> См.: Л.Флейшман, ук. соч., с.131.

<sup>58</sup> А.М. Горький, СС, т.27, с.158-159.

<sup>59</sup> См.: Л.Флейшман, ук. соч., с.229, 352.

<sup>60</sup> А.М. Горький, СС, т.27, с.249.

<sup>61</sup> См.: *LETTRE D'UN VIEUX BOLSCHEVIK*. - In: В.Nicolaevski. *LES DIRIGEANTS SOVIETIQUES ET LA LUTTE POUR LE POUVOIR*. Paris, 1969, p.46, 60. (Впервые в «Социалистическом вестнике», 1936, 22 дек., с.20-23, и 1937, 17 янв., с.17-24. — под названием *КАК ПОДГОТОВЛИВАЛСЯ МОСКОВСКИЙ ПРОЦЕСС (ИЗ ПИСЬМА СТАРОГО БОЛЬШЕВИКА)*.)

<sup>62</sup> См.: А.Орлов, ук. соч., с.264-265; Л.Флейшман, ук. соч., с.224.

<sup>63</sup> См.: А.Орлов, ук. соч., с.264-266; Л.Флейшман, ук. соч., с.228; *М.ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ*. — «Архив А.М. Горького», т.Х, кн.1, М., 1964, с.260.



но говорить о «лагере Горького», в который входили И.П. Павлов, Н.Крупская, Н.Бухарин, С.Киров, К.Радек, Л.Каменев и др. Все они считали, что террор, связанный с коллективизацией и индустриализацией, больше не оправдывался, и желали, чтобы было признано право на некоторую оппозицию<sup>64</sup>. В 1934 г. Горький фактически является второй фигурой в стране<sup>65</sup>. Б.Николаевский, в «Письме старого большевика», написанном после встреч с Бухариным в Париже в начале 1936 г., но также и В.Серж<sup>66</sup>, и Е.Замятин<sup>67</sup>, — отмечают благотворное влияние Горького на Сталина.

Убийство С.М. Кирова 1 декабря 1934 г. положило конец надеждам Горького и тех «глубинных сил, которые вот уже два года принуждают Кремль вести более умеренную политику во всех областях»<sup>68</sup>. Сталин мог чувствовать угрозу своей власти в популярности Кирова<sup>69</sup>. Последний отнюдь не был «либералом», но, как и Горький, считал, что время репрессий и «чрезвычайных мер» должно было кончиться. Исчезновение Кирова открыло путь для Большого Террора, разбив надежды интеллигенции и умеренного крыла партии (ситуация повторится после войны, в 1946 г.<sup>70</sup>). Вслед за убийством Кирова, которого Горький «очень любил и уважал»<sup>71</sup>, начались массовые расстрелы и ссылки, ликвидация Общества старых большевиков и Общества политкаторжан, процессы над Каменевым (в январе и июле 1935) и т.д. Николаевский полагает, что «Горький изо всех сил пытался удержать Сталина от мести»<sup>72</sup>. Но его протесты против обоих процессов Каменева остаются тщетными<sup>73</sup>. В «Правде» появляется пасквильная ста-

<sup>64</sup> См.: В.Nicolaevski, op. cit., p.26-27, 45-47, 60; Л.Флейшман, ук. соч., с. V, 362.

<sup>65</sup> См.: В.Nicolaevski, op. cit., p.46, 60; B.Souvarine. *SOUVENIRS SUR PANAIT ISTRATI, ISAAC BABEL, PIERRE PASCAL*, Paris, 1985, p.29.

<sup>66</sup> V.Serge. *PORTRAIT DE STALINE*, p.108.

<sup>67</sup> Е.Замятин. *М.ГОРЬКИЙ*. — В: Е.Замятин. *ЛИЦА*. Нью-Йорк, 1967, с.96.

<sup>68</sup> G.Luciani (корреспондент газеты «Temps» в Москве). *SIX ANS A MOSCOU*. Paris, 1937, p.35.

<sup>69</sup> А.Орлов (ук. соч., с.17-55) дает подробную версию убийства, которая в общем совпадает с признаниями Ягоды в 1938 и с «секретным докладом» Н.Хрущева. См. также: В.Nicolaevski, op. cit., p.85-121; Л.Шатуновская, ук. соч., с.170-179. А.Б. Улам считает «мало вероятным» ответственность Сталина в этом убийстве (А.В. Улам. *STALINE. L'HOMME ET SON TEMPS*, t.1, Paris, 1977, p.450).

<sup>70</sup> См.: Е.Эткинд. *1946 ГОД: КРУШЕНИЕ НАДЕЖД*. — «Время и мы», 1986, №89, с.173-185.

<sup>71</sup> Письмо Горького К.Федину от декабря 1934 (К.Федин. *ГОРЬКИЙ СРЕДИ НАС*. М., 1968, с.371); М.Горький. *ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ*. III. — «Правда», 24 января 1935.

<sup>72</sup> В.Nicolaevski, op. cit., p.74.

<sup>73</sup> «Вообще в последний год-два перед кончиной Горький ощущал некоторую отчужденность — ему все труднее и труднее было говорить со (см. след. стр.)

тя Д.Заславского<sup>74</sup>, направленная против «благодушного либерализма» Горького, который защищал публикацию «Бесов» Достоевского в издательстве «Academia»<sup>75</sup>. Говорят, что Горький потребовал тогда паспорт для Италии и получил отказ<sup>76</sup>. Горький находится фактически под домашним арестом в золотой клетке<sup>77</sup>, устроенной его «другом» Ягодой<sup>78</sup>, под надзором своего секрет-

Сталиным. Советы и рекомендации А.М. не всегда принимались во внимание, почти игнорировались». (Л.Никулин. *ГОДЫ НАШЕЙ ЖИЗНИ. ВОСПОМИНАНИЯ И ПОРТРЕТЫ*. М., 1966, с.108; о Л.Никулине см.: Г.Свирский. *НА ЛОБНОМ МЕСТЕ*. Лондон, 1979, с.217, 401; В.Souvarine, op. cit., p.44-45).

<sup>74</sup> Д.Заславский. *ЗАМЕТКИ ЧИТАТЕЛЯ. ЛИТЕРАТУРНАЯ ГНИЛЬ*. — «Правда», 20 янв. 1935; см. также выпуск за 25 янв. Согласно версии Б.Николаевского (опиравшегося на Бухарина), статья была инспирирована Н.Ежовым и А.Стецким (см.: В.Nicolaevski, op. cit., p.75). Д.Заславский (1880-1965) был до революции антибольшевистским журналистом, чл. ЦК Бунда, которого Ленин определял как «заведомого клеветника» (см.: В.Ленин. ПСС, изд.5-е, т.49, М., 1978, с.441). В 1919 занял позицию поддержки советской власти, в 1934 вступил в КПСС. В 1928 занял в «Правде» место сосланного Л.Сосновского (см.: P.Istrati. *VERS L'AUTRE FLAMME*, t.2, Paris, 1929, p.171. — Этот том написан на самом деле В.Сержем). В 1958 Заславский открыл кампанию против Пастернака (*ШУМИХА РЕАКЦИОННОЙ ПРОПАГАНДЫ ВОКРУГ ЛИТЕРАТУРНОГО СОРНЯКА*. — «Правда», 26 октября 1958).

<sup>75</sup> М.Горький. *ОБ ИЗДАНИИ РОМАНА «БЕСЫ»*. — «Правда», 24 янв. 1935 (статья не вошла в Собрание сочинений). Кроме *БЕСОВ* — «вместе с Карамзовыми самый удачный роман», — Горький рекомендовал издание «контрреволюционных романов» 60-х годов (*НЕКУДА* Лескова, *ВЗБАЛАМУЧЕННОЕ МОРЕ* Писемского, *МАРЕВО* Клюшников), чтобы их «запретность» больше не соблазнила молодежь... Уже в 1930 Горький включил эти произведения в издательский план «Academia» (*М.ГОРЬКИЙ И СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ*. — «Архив А.М. Горького», т.Х, кн. 1, М., 1964, с.82-84). О полемике Д.Заславского с Горьким см.: Л.Флейшман, ук. соч., с.225-228.

<sup>76</sup> См.: В.Nicolaevski, op. cit., p.75. А.Орлов упоминает о подобном отказе в конце лета 1934 (ук. соч., с.266). В июне 1935, в очередной корреспонденции из России, помещенной в «Социалистическом вестнике», было сказано: «У нас с некоторого времени поговаривают, будто звезда Горького вообще начинает закатываться: ему будто бы категорически отказали в разрешении снова отправиться на некоторое время в его любимое Сорренто, и вообще в отношении к нему повеяло холодком /.../ Ничего невероятного в этих слухах о пошатнувшемся положении Горького нет. Ведь он был председателем издательства "Академия", заместителем председателя которого состоял сугубо опальный ныне Л.Каменев. /.../ Издательство подвергнулось разгрому». (*ПО РОССИИ*. — «Социалистический вестник», 1935, №11, с.15). В июне 1935 Горький получил паспорт, чтобы съездить в Париж на Международный конгресс писателей в защиту культуры. По-видимому, визит Р.Роллана в Москву помешал ему отправиться туда (см.: Л.Флейшман, ук. соч., с.239-242). Не был ли этот визит организован умышленно к моменту Конгресса? (См. прим. 99 о М.Кудашевой).

<sup>77</sup> В распоряжении Горького был дом Рябушинского в Москве (М.Никитская 6, ныне ул. Качалова), резиденция в Горках и вилла в Тессели в Крыму.

<sup>78</sup> Г.Ягода был зятем Л.Авербаха, мать которого была сестрой братьев Свердловых (см.: Б.Бажанов. *ВОСПОМИНАНИЯ БЫВШЕГО СЕКРЕТАРЯ СТАЛИНА*. Париж, 1980, с.95). Как и Свердловы, Ягода был нижегородец. (См. след. стр.)

таря П.Крючкова, который процеживает письма и посетителей, изолируя писателя от внешнего мира: «Устал я очень... Сколько раз хотелось побывать в деревне, даже пожить, как в былые времена... Не удастся. Словно забором окружили — не перешагнуть! /.../ Окружили... обложили... ни взад, ни вперед! Непривычно сие!» — жалуется Горький И.Шкапе, арестованному в 1935 г.<sup>79</sup>. Понятно, что визит Сталина 8 июня 1936 г. мог поселить надежды в Горьком, который, не являясь «антисталинистом», был подавлен крахом «умеренной» политики 1932-34 и своим бессилием<sup>80</sup>.

Если рассматривать в этом контексте последние статьи Горького, то они покажутся уже не столь безоговорочно сталинскими: статья о «формализме» — последняя большая работа писателя — подспудно опровергает официальную кампанию, как показал Л.Флейшман<sup>81</sup>. Таким же образом лозунг «народности» был выдвинут в конце 1935 г. против горьковского лозунга «качества»<sup>82</sup>. Можно еще отметить многозначительные умолчания («все величие работы партии Ленина» — в предисловии 1936<sup>83</sup> — без обязательного пристегивания сюда имени Сталина); скрытую оппозицию между «политическим гением» Ленина — «вождя пролетариата», и «железной волей» Сталина — «вождя партии»<sup>84</sup>; антифашизм, выразившийся гораздо сильнее и чаще, нежели это было официально принято<sup>85</sup>, причем тесно связанный с темой «пролетарского гуманизма», общей для Горького и Бухарина<sup>86</sup>. И что

---

Особняк Горького в Москве был связан прямым проводом с кабинетом Ягоды (*БОРЬБА ЗА ГПУ*. — «Социалистический вестник», 1933, №14-15, с.11). В 1928-29 Ягода склонялся к «бухаринцам» (см.: В.Nikolaevski, op. cit., p.112; С.Козн. *БУХАРИН*. США, 1980, с.299, 382).

<sup>79</sup> И.Шкапа. *СЕМЬ ЛЕТ С ГОРЬКИМ*. М., 1966, с.318, 383-384; см. также: В.Ходасевич. *ТАКИМ Я ЗНАЛА ГОРЬКОГО*. — «Новый мир», 1968, №3, с.60; Л.Никулин, ук. соч., с.109 («[Максим Пешков], разбирая письма к отцу, не утаивал такие, которые могли волновать Горького...»). В 1938 Арагон толкует образ Егора Булычева, «также окруженного интригами», как предчувствие Горького собственной судьбы (L.Aragon. *L'OEUVRE POETIQUE*, t.VIII, p.103-104).

<sup>80</sup> «Мы лечили Горького от болезни сердца, но он страдал не столько физически, сколько морально, он не переставал терзать себя самоупреками» (из рассказа Д.Плетнева в ст. Б.Герланд *КТО ОТРАВИЛ ГОРЬКОГО?* — «Социалистический вестник», 1954, №6, с.109).

<sup>81</sup> Л.Флейшман, ук. соч., с.348-352.

<sup>82</sup> Там же, с.265. «Одним росчерком пера были перечеркнуты все усилия Горького по повышению "качества" литературы и языка: новая кампания ставила ту-пых недоучек над "мастерами"» (там же, с.298).

<sup>83</sup> М.Горький. *КНИГА РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ*. — «Правда», 6 июня 1936, с.4.

<sup>84</sup> А.М. Горький. Собр. соч., т.27, с.49, 354.

<sup>85</sup> Там же, т.30, с.428; см. также: В.Nikolaevski, op. cit., p.102-103.

<sup>86</sup> В своей критике фашизма Н.Бухарин намекает и на сталинизм (см.: С.Козн, ук. соч., с.375, 380).

скрывают все купюры в опубликованных письмах, в особенности в письмах Горького А. Щербакову — секретарю Союза писателей? И сколько неизданных писем (все письма Сталину) и статей?<sup>87</sup>

Все это не заслоняет и не обеляет Горького — певца ГПУ и классовой ненависти. Вряд ли можно говорить о каком-то «добреньком» Горьком, который на склоне лет заслоняет иного — «жесточкого» Горького. Натура его цельна и неизменна: Горький всегда был романтик, предпочитавший «возвышающую ложь» «анекдотической правде», находивший убежище в иллюзиях, но плакавший по ночам и цеплявшийся как за спасательный круг — за обещанную либеральную конституцию<sup>88</sup>. Он остается тем же самоучкой с энциклопедическими планами и стремлениями Прометей, он хочет управлять литературой (хорошо или плохо) и надеется посредством Культуры и Разума «цивилизовать» страну и умерить инстинкты, в том числе и сталинские. В Горьком тридцатых годов есть и глашатай с казенным языком, который оправдывает свои позиции угрозой фашизма, есть и собеседник, который говорит афоризмами и анекдотами<sup>89</sup>, как Клим Самгин, есть и автор острых и откровенных писем. «Старый медведь — с кольцом в носу»<sup>90</sup>, протестант был «обезоружен сразу после своего возвращения в 1928 официальной опекой»<sup>91</sup>. И Горький отдает себе отчет в этом. В 1935-1936 он уже не тот «безоговорочный сталинист», которого Уэллс нашел в 1934<sup>92</sup>. Теперь Горький —

<sup>87</sup> «Большая часть горьковских документов, собранных в архивах страны, до сих пор закрыта для исследователей /.../. Ведь границы запрета на документы Горького в архивах были установлены еще в 30-40-е годы /.../ Суть неуклонно оставалась прежней. В некоторых архивах отдельные документы Горького разрешают прочитать, "познакомиться" с ними, но использовать в работе, тем более опубликовать — нельзя. /.../ Горьковедение будет стоять на месте, если не изменится положение с документами Горького в архивах /.../ Если будем, как и раньше, говорить о сложной общественно-политической позиции писателя в разные периоды нашего государства (от начала 900-х годов и до конца его жизни) — без учета всех документов и всей переписки Горького со многими и самыми разными политическими деятелями России [курсив мой. — М.Н.]» (Т.Дубинская. — «Вопросы литературы», 1987, №9, с.58-60).

По мнению Р.Медведева, в 30-е годы «исчезли многие документы и из архива А.М. Горького, Н.К. Крупской, С.К. Орджоникидзе и других виднейших деятелей нашей страны» (Р.А. Медведев. *К СУДУ ИСТОРИИ. ГЕНЕЗИС И ПОСЛЕДСТВИЯ СТАЛИНИЗМА*. Нью-Йорк, 1984, с.21).

<sup>88</sup> R.Rolland. *UN SEJOUR CHEZ GORKI*. — «Europe», 1960, №370-371, p.24.

<sup>89</sup> Op. cit., p.19.

<sup>90</sup> Выражение из дневника Р.Роллана (цит. по кн.: J.Perus. *ROMAIN ROLLAND ET MAXIME GORKI*. Paris, 1968, p.320).

<sup>91</sup> P.Istrati, op. cit., p.201.

<sup>92</sup> Цитата из *ОПЫТА АВТОБИОГРАФИИ* Г.Уэллса. (см.: H.G. Wells. *LA RUSSIE DANS L'OMBRE*. Paris, 1985, p.175).

раздвоенный и слабовольный, изолированный и раздираемый противоречиями. Р.Роллан хорошо почувствовал его внутреннюю трагедию<sup>93</sup>. Горький не наивный и не слепой — он сломан. За образом его, созданным славословиями или обвинительными актами, открывается человек, попавший в западню и теперь способный лишь посылать S.O.S. какому-нибудь Арагону, еще большему сталинисту, чем он сам, но хотя бы пользующемуся свободой передвижения...

В этих условиях Сталин мог опасаться, как бы у Горького в конце концов не произошел взрыв совести, как бы он не стал «огрызаться», особенно в связи с предстоящими процессами «старых большевиков». Пьер Эрбар — редактор «La Littérature Internationale» в Москве в 1935-1936, пишет, что Горький «засыпал Сталина резкими протестами», что «его терпение истощилось», что «он хотел начистоту поговорить с Жидом»<sup>94</sup>. В самом деле, Горький мог надеяться не только на Арагона, но и на Жида, который решился «без большой охоты» съездить в СССР<sup>95</sup>. Болезнь Горького заставляет его ускорить отъезд, назначенный на 11 или 12 июня. Но 11 июня, записывает «дамочка» (Мария ван Рыссельберг, confidentка Жида), — «звонит по телефону Эренбург... и сообщает неожиданную новость: Горький больше не умирает, "все отложено", как говорит Жид. К тому же, предпочли бы, чтобы Жид приехал в Москву не раньше 18»<sup>96</sup>. Совпадение дат поразительно (Горький умрет 18 июня), как и логика Эренбурга (или его шефов): улучшение здоровья Горького не должно ли было бы, наоборот, благоприятствовать встрече обоих писателей, а не служить поводом для отсрочки приезда Жида?..

<sup>93</sup> R.Rolland, art. cité; см. также: П.Мороз. ГОРЬКИЙ В СССР. ВСТРЕЧИ С ГОРЬКИМ. — «Социалистический вестник», 1954, №1, с.15-18.

<sup>94</sup> P.Herbert. LA LIGNE DE FORCE. Paris, 1980 (Folio), p.114. В «признаниях» Ягоды на процессе «антисоветского право-троцкистского блока» в марте 1938 есть несомненно известная доля правды. «Блок» опасался, что «если Горький будет жить, то он подымет свой голос против нас». Достаточно заменить «нас» словом «Сталин», чтобы картина стала вполне правдоподобной. Постепенное отдаление Горького от Сталина было приписано его окружению: «Объединенный центр право-троцкистской организации в течение долгого времени пытался обработать Горького и оторвать его от близости к Сталину. В этих целях к Горькому были приставлены Каменев, Томский и ряд других». — «Правда», 3 марта 1938, с.4.

<sup>95</sup> См.: LES CAHIERS DE LA PETITE DAME (1929-1937). — «Cahiers André Gide», 1974, №5, p.539; R.Maurer. ANDRE GIDE ET L'URSS. Berne, 1983, p.53, 96. «Тень Жида и предстоящий его приезд Вас защищают», — сказал И.Бабель П.Эрбару, советуя ему торопить Жида (P.Herbert, op. cit., p.105).

<sup>96</sup> LES CAHIERS DE LA PETITE DAME, op. cit., p.547. На процессе 1938 П.Крючков настаивал на том, что в мае 1936 Ягода особенно «торопил» его умерщвлять Горького («Правда», 10 марта 1938, с.3). Не связано ли это «нетерпение» Ягоды с предстоящим приездом Арагона и Жида?

Жид прилетел в Москву 17 июня днем, вместе с П.Эрбаром. Его встретил М.Кольцов, в качестве председателя иностранной комиссии ССП, и Арагон. «Одним из первых вопросов А.Жида был вопрос о здоровье Горького»<sup>97</sup>. Но его привезли к Горькому только на следующий день, когда было уже слишком поздно.

Невольно задаешь себе вопрос: настойчивость, с которой Горький добивался встречи с Арагоном, и его желание «поговорить начистоту» с Жидом не ускорили ли его конец? Не встревожился ли Сталин, при своей болезненной подозрительности, узнав, что два видных западных писателя собирались встретиться с раздраженным Горьким и нарушить его изоляцию? Версия смерти Горького, приведенная в 1954 г. в серьезном американском исследовании о сталинских процессах, может подтвердить эту гипотезу, и она сама оказывается подкрепленной признаниями Арагона о вызовах Горького:

Дополнительным фактором, делающим смерть Горького желательной для сталинской группы, согласно нашему информатору<sup>98</sup>, был его престиж у западной интеллигенции и риск, что он «поговорит» с некоторыми видными деятелями из тех, кто посетил Советский Союз в середине тридцатых годов.

Он написал критическое письмо о режиме и о том, как с ним обращались, одному известному западному писателю, с которым дружил; но письмо было перехвачено в окружении самого писателя, где НКВД имел своего агента<sup>99</sup>; когда другой известный западный писатель собрался посетить СССР в 1936, он заявил о своем намерении встретиться с Горьким, особенно потому, что молчание Горького беспокоило вышеупомянутого писателя и поэтому он попросил своего коллегу во что бы то ни стало навестить Горького<sup>100</sup>. Ягода изложил вопрос Сталину,

<sup>97</sup> ПРИЕЗД АНДРЕ ЖИДА. — «Известия», 18 июня 1936, с.2.

<sup>98</sup> Нам не удалось узнать от автора книги (Натан Лейтис) фамилию его информатора: он умер 5 июня 1987. В предисловии к книге сказано, что этот информатор принадлежал к верхам советской власти в 20-е и 30-е гг.

<sup>99</sup> Л.Флейшман предполагает, что упомянутый «известный западный писатель» был Р.Роллан (ук. соч., с.363). Теперь, после того, как жена Р.Роллана М.Кудашева сама призналась сыну Ж.Дюамеля, что ею «манипулировал» НКВД (см.: G.Duhamel. *LE LIVRE DE L'AMERTUME. JOURNAL 1925-1936*. Paris, 1983, p.185, 417; Л.Флейшман, ук. соч., с.242, прим. 31), можно считать эту догадку абсолютно правильной.

<sup>100</sup> Речь идет, по всей вероятности, об А.Жиде. Сходные версии приведены в кн. В.Сержа о Сталине (1940) и воспоминаниях руководителя советской военной разведки в Европе Вальтера Кривицкого, вышедших по-французски также в 1940:

Из сообщений довольно верного источника создается впечатление, что Киров, член Политбюро, и старый писатель Максим Горький, осыпанный официальной славой, но полный горечи и усталости, старались повлиять на него [Сталина. — *М.Н.*] в эту сторону [амнистия, некоторая свобода

который сначала приказал запретить контакты между западными гостями и Горьким. Когда Ягода сказал, что это значило бы возможность для уже колеблющегося писателя допустить, что не все благополучно, — Сталин приказал убить Горького.

Знаменательно, что на своем процессе Ягода слабо сопротивлялся обвинению в убийстве Горького и что подсудимые утверждали, что престиж Горького на Западе был главной причиной для его убийства<sup>101</sup>.

## ВТОРАЯ СМЕРТЬ ГОРЬКОГО

Как бы то ни было, смерть Горького «наступила в нужный момент, как впрочем все смерти, которые служили замыслом Сталина»<sup>102</sup>. Горький, который мог через Жида или Арагона обратиться к западной интеллигенции, был последним препятствием к открытию больших «московских процессов», в организации которых «ОГПУ опоздал на четыре года», как жаловался Сталин Политбюро<sup>103</sup>. Не был ли Горький в некоторой мере причиной этой задержки? В 1935 г. он уже протестовал против процесса Каменева и, как писал Р.Роллан в своем неизданном дневнике, «одно присутствие его голубых глаз служило уздой и защитой. Глаза сомкнулись»<sup>104</sup>. А.Вышинский, ссылаясь на «троцкистов», раскрывает наверное правду, говоря: «Как они могли лишить Горького возможности проявлять политическую актив-

---

мнений. — М.Н.]. Столкновение, де, произошло между Сталиным и Горьким, которому даже отказали в паспорте для заграницы, и переписка которого с Роменом Ролланом была вдруг остановлена цензурой.

V.Serge. *PORTRAIT DE STALINE*, p.108.

В последние месяцы своей жизни Горький жил фактически в заключении. Сталин отказывал ему в разрешении поехать лечиться за границу. Его корреспонденция была перлюстрирована, и по специальному распоряжению письма Р.Роллана перехватывал Щетский, тогда первый секретарь Сталина, и они хранились в кабинете диктатора. Обеспокоенный отсутствием ответов на свои письма, Р.Роллан написал другому знакомому, заместителю директора МХАТ, чтобы узнать, в чем дело.

W.G.Krivitsky. *J'ETAIS UN AGENT DE STALINE*. Paris, 1979, p.13.  
(Заместителем директора МХАТ был Николай Васильевич Егоров).

<sup>101</sup> N.Leites, E.Bernaut. *RITUAL OF LIQUIDATION. THE CASE OF THE MOSCOW TRIALS*. Glencoe, USA, 1954, p.333.

<sup>102</sup> R.Conquest, op. cit., p.104.

<sup>103</sup> Телеграмма Сталина и Жданова в Политбюро от 25 сент.1936 (см.: В.Lazitch. *LE RAPPORT KROUCHTCHEV ET SON HISTOIRE*. Paris, 1976, p.81.)

<sup>104</sup> J.Perus, op. cit., p.333. В письме Г.Хессе от 5 марта 1938 Р.Роллан сообщал: «Пока Горький был жив, у меня были большие возможности через его посредство [речь идет о заступничестве. — М.Н.]. Теперь — никаких». («Cahiers Romain Rolland», 1972, №21, p.165). Р.Роллан считал, что «Террор в СССР начался не с убийства Кирова, а со смерти Горького» (J.Perus, op. cit., p.333).

ность, иначе как остановив его жизнь?»<sup>105</sup> Вышинский имел в виду, в частности, Ягоду. Но не был ли Ягода лишь верным исполнителем воли Сталина? Первый большой процесс, процесс «шестнадцати» (среди которых из «горьковского лагеря» был Л.Камнев) открылся в августе 1936 и, вероятно, имел бы другой исход, если бы Горький оставался в живых<sup>106</sup>.

Репрессии, которые обрушились на сотрудников Горького<sup>107</sup>, закрытие его детища — «Наших достижений», назначение аппаратчика В.Ставского во главе Союза писателей<sup>108</sup> и А.Стецкого — председателем комиссии по литературному наследию Горького<sup>109</sup>, — все это означало для Горького вторую смерть, отрицание его политики и его усилий. Нападки на него самого появляются в прессе в завуалированной форме: В.Я. Кирпотин (зав. сектором художественной литературы ЦК ВКП(б) в 1932-1936), под видом защиты Горького от нападок «троцкистов», не скупится на цитаты из их старых антигорьковских статей (цитируются работы К.Радека, Л.Авербаха, В.Киршона, Г.Горбачева) и пишет: «Перед самым съездом писателей Болотников, бывший тогда редактором "Литературной газеты", по указке авербаховской группы и Крючкова, бил по основному ядру писателей-коммунистов. Он напечатал статью Мирского, выбрасывающую Фадеева из литературы, он систематически травил Панферова и других писателей-коммунистов»<sup>110</sup>. Если вспомнить, что статья Д.Мирского против романа Фадеева «Последний из удэге» являлась частью борьбы «горьковского лагеря» против партийных писателей<sup>111</sup> и была

<sup>105</sup> «Правда», 12 марта 1938, с.7.

<sup>106</sup> В.Nicolaevski, op. cit., p.78.

<sup>107</sup> См.: Г.Глинка. *ДНЕВНИК ГОРЬКОГО*. — «Социалистический вестник», 1954, №1, с.20; *ИСТОРИЯ РУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. 1917-1932*. М., 1966, с.456.

<sup>108</sup> См.: Л.Флейшман, ук. соч., с.363, прим.37.

<sup>109</sup> «Правда», 19 июня 1936, с.1. А.И. Стецкий (1896-1939) был заведующим отделом культуры и пропаганды при ЦК ВКП(б). Он был бывшим бухаринцем. В очередном *ПИСЬМЕ ИЗ МОСКВЫ*, опубликованном в «Социалистическом вестнике» (1933, №23, с.9-10) о нем говорилось следующее: «Он был одним из первых, кто покинул начавший тонуть корабль правых оппозиционеров /.../ Последнее время его функции заметно расширяются. Он уже введен в состав Оргбюро ЦК; на него возложено политическое руководство всей кампанией обработки писателей; он входит в состав Оргкомитета Съезда писателей, председателем которого является, как известно, Максим Горький, — и за спиной последнего фактически руководит всей деятельностью этого комитета /.../ Стецкий один из самых предприимчивых интриганов, какие только у нас на верху имеются». А.Стецкий был «ликвидирован» в 1939.

<sup>110</sup> В.Кирпотин. *ТРОЦКИСТСКАЯ АГЕНТУРА В ЛИТЕРАТУРЕ*. — «Правда», 17 мая 1937, с.4.

<sup>111</sup> См.: Л.Флейшман, ук. соч., с.192-193.



инспирирована и поддержана самим Горьким<sup>112</sup>, что сама кампания против Панферова исходила от Горького, — станет ясным, что главной мишенью В.Кирпотина был не Мирский, но сам Горький. Таким же образом в 1937 г. книга о Беломорканале и книга о Болшевской колонии (которой очень дорожил Горький) были объявлены «троцкистскими», потому что в них приняли участие Ягода и Авербах<sup>113</sup>. А Горький?! Не будет большой натяжкой утверждение, что процесс «право-троцкистского блока» 1938 г. был и процессом самого Горького, во всяком случае его политики и его окружения.

Связь Горького с Бухариным сыграла, вероятно, важную роль в отношении Сталина к Горькому. Но за неимением источников можно лишь наметить эту связь. В тридцатые годы линии Горького и Бухарина («гвоздь» съезда писателей) совпадают: они разделяют искренний антифашизм, который у Бухарина выливается в осуждение любого тоталитаризма<sup>114</sup>; у них тот же лозунг «пролетарского гуманизма», одна и та же критика обломовщины и азиатчины<sup>115</sup>. «Письмо старого большевика» отдает должное и умеряющей роли Горького. После его смерти Бухарин опубликовал одну за другой две лирические статьи<sup>116</sup>, посвященные его памяти. Можно сказать, что конец одного предвещал конец второго.

При всех рассмотренных выше свидетельствах и источниках высказаться строго научно и определенно о причине смерти Горького, на наш взгляд, все-таки нельзя. Поэтому в заключение мы лишь напомним главные тезисы этой статьи:

— Отношение Горького к Сталину не сводится к безоговорочной поддержке его политики. В 30-е годы Горький защищает более умеренную линию в области литературы и в отношении к «старым большевикам», — линию, которая будет отвергнута после убий-

<sup>112</sup> Вот что писал Горький: «Д.Мирский /.../ совершенно правильно указал в печати, что "Последний из удэге" не украшает советскую литературу. Суждение это общепризнано, ничего обидного в нем не содержится, сам автор этой книги тоже знает, что она — очень плоха». (ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАБАВЫ. III. — «Правда», 24 янв. 1935). Все то, что касается Мирского и Фалеева, отсутствует в тексте, напечатанном в Собрании сочинений (т.27, с.272).

<sup>113</sup> См.: В.Александрова. ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Нью-Йорк, 1964, с.244-245 и «Социалистический вестник», 1937, 14 мая.

<sup>114</sup> См.: С.Козн, ук. соч., с.375, 380.

<sup>115</sup> См.: Н.Бухарин. НАШ ВОЖДЬ, НАШ УЧИТЕЛЬ, НАШ ОТЕЦ. [О Ленине]. — «Известия» 21 янв. 1936, с.2; Л.Флейшман, ук. соч., с.299.

<sup>116</sup> Н.Бухарин. ПЕВЕЦ РАЗУМА. — «Известия», 20 июня 1936, с.2; ГОРЬКИЙ — ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ. — «Известия», 23 июня 1936, с.2; см. также: Н.Бухарин. НОВОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО (ЗАПОЗДАЛАЯ СТАТЬЯ К ЮБИЛЕЮ ГОРЬКОГО). — «Правда», 17 окт. 1932, с.3.

ства Кирова. С того времени его отношения со Сталиным сильно портятся.

— С 1935 г. Горький находится фактически под домашним арестом. Письма Р.Роллана до него не доходят.

— Начиная с марта 1936 г. Горький и Кольцов засыпают Арагона письмами и телеграммами, которые зовут его в Москву, но Арагон не спешит.

— Арагон утверждает, что он приехал в Москву слишком поздно, чтобы встретиться с Горьким. На самом деле он приехал за три или четыре дня до смерти писателя 18 июня.

— В романе Арагона «Умерщвление» (1965) смерть Горького отражена на фоне сталинского террора (образ «убийцы»).

— Из Москвы через Эренбурга Жида дали знать, чтобы он приехал не раньше 18 июня (он приехал 17-го).

— Смерть Горького совпала с приездом Жида и Арагона, с которыми он очень хотел поговорить.

— Смерть Горького наступила неожиданно, после значительного улучшения его состояния, которое обнадежило врачей.

— Бюллетени о состоянии здоровья Горького мало научны и могут подтвердить любую версию смерти.

— Протокол о вскрытии грешит упущением: не указаны анализы на отравление.

— За физической смертью Горького следует вторая смерть, — отрицание его линии, репрессии против его сотрудников и процессы над близкими ему политическими деятелями (Каменев, Бухарин).

Из всего перечисленного каждый может вывести собственное заключение. Дело теперь стоит, главным образом, за советскими исследователями. Нынешние призывы к исторической правде<sup>117</sup> должны повлечь за собой публикацию неизданных писем и статей Горького, восстановление пропущенных мест в опубликованных письмах и в воспоминаниях современников, полное освещение отношений Горького со Сталиным и т.д. По сравнению со всеми дореволюционными писателями, жизнь Горького крайне мало изучена. М.Булгакову в этом отношении повезло больше<sup>118</sup>.

<sup>117</sup> «Следует полностью ликвидировать запретные темы, "белые пятна". История должна быть полностью очищена от искажений и недомолвок» (из интервью чл.-корр. АН СССР Ю.Полякова «Литературной газете» от 29 июля 1987, с.10).

<sup>118</sup> О Михаиле Булгакове и Сталине см.: «Огонек», 1987, №19; «Октябрь», 1987, №6; «Новый мир», 1987, №8.

«Крепок татарин — не изломится,  
А и жиловат, собака, — не изорвется»,

— гордо говорил про себя Горький в 1910-е годы и, уже с некоторой завистью, про С.Клычкова — в 1926<sup>119</sup>. Мы видели, что Горький остался, несмотря на все знаки преданности, — достаточно крепким и «жиловатым» для того, чтобы Сталин счел необходимым принять против него меры. Вплоть, может быть, до «высшей»...

---

<sup>119</sup> Двустихие из былины *ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ*. Горький приводит его в письме 1912-1913 (?), опубликованном в «Литературном архиве», т.1, Л., 1934, с.352, а также в письме к М.Пришвину от 17 окт. 1926, «в качестве комплимента упрямому россиянину» — Клычкову. — «Литературное наследство», т.70, 1963, с.335.

***СООБЩЕНИЯ,  
ДОПОЛНЕНИЯ***



**А.В. Храбровицкий**  
**А.И. КУПРИН В 1937 ГОДУ**

В 1967 году в собрании сочинений И.А. Бунина, выпущенном издательством «Художественная литература» в Москве, были перепечатаны из зарубежных изданий воспоминания Бунина об А.И. Куприне. Касаясь возвращения Куприна в 1937 году из эмиграции, Бунин поставил в кавычки слово «возвращение» и написал: «Он не уехал в Россию, — его туда увезли, уже совсем больного, впавшего в младенчество»<sup>1</sup>. Эта публикация вызвала возмущения известного своей ортодоксальностью критика А.Л. Дымшица. Опровергая Бунина, Дымшиц писал о Куприне: «Ни в каком состоянии младенчества мы его не видели. Он рассуждал живо и энергично, он выступил в печати с несколькими патриотическими статьями»<sup>2</sup>.

Я обратился в редакцию «Литературной России» с письмом от 18 марта 1968 г., в котором сообщал:

«Существует много свидетельств о тяжелом состоянии, в котором вернулся Куприн, но они не опубликованы, за исключением одного, опубликованного в 1966 г. и принадлежащего первой жене писателя М.К. Куприной-Иорданской. Она писала следующее о физическом состоянии Куприна в 1937 г. и о происхождении его статей, появившихся в советской печати:

Может быть, за три-четыре года до приезда в Москву Куприн еще надеялся с новыми силами начать работу, но в год приезда тяжелая болезнь отняла у него все его силы.

<sup>1</sup> И.А. Бунин. Собрание сочинений в 9-ти тт. Т.9, М., 1967, с.398.

<sup>2</sup> «Литературная Россия», 15 марта 1968.

При мне Елизавета Морицевна брала руку Александра Ивановича и выводила автографы. Отвечая на вопросы корреспондентов, она спрашивала Куприна:

— Ты так говорил, Саша?

— Да, Лиза.

— Тебе в Москве нравится?

— Нравится, — повторял Куприн последние слова жены.

Но чаще всего Елизавета Морицевна говорила назойливым корреспондентам: «Александр Иванович сегодня очень устал, он говорил вот что /.../»<sup>3</sup>.

А.Л. Дымшиц отвечал мне 28 марта 1968 г.:

«Что касается А.И. Куприна, то версия И.А. Бунина о том, что он впал в младенчество и не уехал на Родину, а был туда (видимо, в бессознательном состоянии) вывезен, явно несостоятельна.

Да, Куприн был серьезно болен, у него нередко дрожали руки, он очень худо видел. Но живости мысли он отнюдь не утратил.

М.К. Иорданскую я знал, встречал. У нее к Куприну отношение было весьма субъективное, и ее мемуары (впрочем, весьма интересные) — для меня отнюдь не исчерпывающий источник. Тем более, что я сам видел Куприна, сам с ним разговаривал (правда, не в Москве, а в Ленинграде). Я был в числе тех, кто встречал его в Ленинграде на вокзале. Затем посетил его (был вместе со старым знакомым А.И. Куприна — В.Ф. Боцяновским) на его квартире в Лесном. Между прочим, Куприн тогда еще надеялся на возможности творческой работы. Но вскоре умер.

Иначе говоря, — я (и, конечно, не только я, а многие видевшие Куприна) не могу не видеть надуманности и тенденциозности версии Бунина о характере отъезда Куприна из эмиграции. Вы, вероятно, знаете и воспоминания дочери Куприна, которая свидетельствует о том, что А.И. должен был весьма незаметно уехать, так как он опасался неприятностей со стороны эмигрантов».

К письму Дымшица уместно добавить, что в том же 1968 году вышла книга его воспоминаний с главой о Куприне, где сказано:

Разум у Куприна был совершенно ясный, ум живой. Он острил, улыбался, вспоминая былое /.../. В разговоре со мной Куприн говорил о радости встречи с родиной, о трудных судь-

<sup>3</sup> М.К. Куприна-Иорданская. *ГОДЫ МОЛОДОСТИ*. М., «Художественная литература», 1966, с.327.

бах той части эмиграции, которая, отойдя от «белой идеи», еще не решалась вернуться в Россию. Куприн заметил, что сам он долго колебался, но внял советам Алексея Толстого и твердо решил ехать домой. О Толстом он сказал с нежностью: «Спасибо Алеше — он похлопотал за меня»<sup>4</sup>.

Продолжая полемику с Дымшицем, я писал ему 8 апреля 1968 года:

«Итак, Вы утверждаете, что эмигрант Бунин, руководимый "политически окрашенным" раздражением и завистью к возвратившемуся Куприну, о чем сказано у Вас далее, написал "дважды неправду"».

Допустим. А чем руководствовалась в таком случае советская мемуаристка М.К. Куприна-Иорданская, написавшая то же самое, что Бунин?

Вы пишете в своем ответе следующее: "М.К. Иорданскую я знал, встречал. У нее отношение к Куприну было весьма субъективное, и ее мемуары (впрочем, весьма интересные) — для меня отнюдь не исчерпывающий источник". В этих словах удивляет нечеткость мысли. Тем не менее, ясно видно, что Вы желаете опровергнуть свидетельство Куприной-Иорданской, но не решаетесь заявить, как Вы это сделали с Буниным, что она написала "неправду".

Вы пишете, что мемуары Куприной-Иорданской для Вас "не исчерпывающий источник". Я сообщал, что это единственное свидетельство о тяжелом состоянии Куприна, попавшее в нашу печать, но существует еще много неопубликованных свидетельств о том же. Если бы Вас интересовала истина, Вы запросили бы эти свидетельства у меня.

Приведу здесь письмо писателя Н.Н. Никандрова ко мне от 4 июня 1955 г.; о близости Никандрова к Куприну Вы можете прочесть в моем послесловии к однотомнику Никандрова "Береговой ветер"<sup>5</sup>. О встрече с Куприным в июне 1937 г. Никандров вспоминал следующее:

В заключение скажу по секрету, что такие последние его очерки, как в трехтомнике «Родная Москва», ему не принадлежат. По приезде тогда в Москву я первый на крыльях полетел к нему в номер гостиницы «Метрополь». Там сидели: Анатолий Каменский, художник Билибин, жена (вторая) Куприна Елизавета Морицевна, сидел и еще какой-то довольно немощный, остроносый интеллигент в густо-дымчатых очках, совсем скрывающих его глаза.

<sup>4</sup> Александр Дымшиц. *ЗВЕНЬЯ ПАМЯТИ*. М., 1968, с.345.

<sup>5</sup> М., 1964, с.473-475.



— Елизавета Морицевна, а где же Александр Иванович?

— Вот он сидит, — грустно указала она на этого интеллигента и, наклонившись, закричала ему в ухо: "Саша, Саша, к тебе Никандров пришел".

— Дорогой! — воскликнул я и потянулся к нему для объятий.

Он не шевельнулся. Казалось, был глух и нем. Я растерянно посмотрел на его посетителей.

— Он никого не узнает, кроме жены, — громко сказал мне А. Каменский.

— Это после второго удара в Париже, — прибавил мне так же громко Билибин и, не стесняясь присутствия Куприна, говорил мне подробно об апоплексиях того.

Я был ошеломлен.

На столе, вокруг которого мы сидели, было красное вино и черешни. Я выпил вина, съел несколько черешен и не переставал чувствовать, как все внутри мучительно дрожало во мне. Немного освоившись, я стал громко напоминать Куприну о его любимцах, часть из которых я тоже знал, о трех величайших русских силачах, трех Иванах — Иване Поддубном, Иване Заикине и Иване... забыл фамилию, замоскворецкий купец, ставший всемирно известным борцом-циркачом.

Куприн никак не реагировал на эти мои воспоминания. И вдруг жалобно-жалобно произнес, как бы сilesя что-то понять:

— Ваня Заикин... Ваня Заикин...

И все, что я от него услышал...

Когда я с борцами потерпел крах, я стал напоминать Куприну об известных нам обоим морских рыбаках, но и тут ни одна фамилия не тронула его. Только раз он произнес следом за мной: "Капитанаки".

Как потом я выяснил, он не приехал в Москву, а его привезла туда жена, как вещь, так как он ничего не сознавал, где он и что он<sup>6</sup>.

Письмо Никандрова хранится в Отделе рукописей Ленинской библиотеки в моем фонде № 357; там же хранятся аналогичные воспоминания о встречах с Куприным в 1937 г., принадлежащие другу Куприна доктору Е.М. Аспизу и внучатой племяннице Куприна Е.Л. Нат. В ЦГАЛИ в фонде С.Г. Скитальца хранятся воспоминания его жены В.Ф. Петровой, где также описано не-мощное состояние Куприна в 1937 году.

<sup>6</sup> Куприн приехал в Москву 31 мая 1937 г. («Известия», 1 июня 1937, № 127, с.4). Жена Куприна в письме от 2 июня 1937 г. к дочери Ксении в Париж сообщала: «Были у нас Билибины — приезжали на один день в Москву...» («Литературная газета», 16 декабря 1970, № 51, с.7). Поскольку Никандров был у Куприна одновременно с художником Билибиным, визит его следует датировать 1-м или 2-м июня 1937 г.

Вы ссылаетесь на то, что встречали Куприна в Ленинграде на вокзале и были у него в Лесном. В статье Вы написали, что Куприн "рассуждал живо и энергично, он выступил с несколькими патриотическими статьями", в письме же у Вас сказано скромнее: "надеялся на возможности творческой работы". По-видимому, воспоминания Куприной-Иорданской, рассказавшей о происхождении упомянутых Вами статей, внесли в Ваши воспоминания известную поправку.

В заключение Вы ссылаетесь на воспоминания дочери Куприна, "которая свидетельствует о том, что А.И. должен был весьма незаметно уехать, так как опасался неприятностей со стороны эмигрантов". Это не вызывает сомнений. Я могу добавить к этому слышанное мною лично от покойного В.П. Потемкина, бывшего в 1937 г. послом СССР в Париже, что, получив согласие И.В. Сталина на возвращение Куприна, он просил семью Куприна соблюдать до момента отъезда строгую конспирацию. Известно, что жена Куприна — Елизавета Морицевна — сказала Куприну, что они едут за город, и он не мог понять, почему они так долго едут (об этом есть в книге Куприной-Иорданской, с.325).

Вышеизложенное, однако, никак не подтверждает Вашу версию, а противоречит ей».

Полемическую переписку с Дымшицем дополню слышанным в 1967 году от писателя П.Л. Жаткина. Он встречал Куприна в 1937 году на Белорусском вокзале. Группу встречавших возглавлял А.А. Фадеев<sup>7</sup>. До прихода поезда он сказал журналисту Василию Регину, старому знакомому Куприна, чтобы тот первым подошел к Куприну, когда он выйдет из вагона.

---

<sup>7</sup> В заметке *ПРИЕЗД А.И. КУПРИНА* сообщалось, что группа встречавших возглавлялась «отв. секретарем ССП т. В.Ставским» («Известия», 1 июня 1937). А.А. Фадеев мог быть в группе писателей, не возглавляя ее формально; это требует уточнения. Далее в той же заметке читаем:

«В беседе с сотрудником "Известий" А.И. Куприн выразил чувство огромной радости, испытываемой им в связи с возвращением на родину, о котором он давно мечтал.

— В последние дни перед отъездом из Парижа, — рассказывает А.И. Куприн, — меня охватило такое нетерпение, что я готов был идти в Москву пешком. Я счастлив, что, наконец, слышу вокруг себя родную русскую речь. Я никак не могу прийти в себя от радости, от чуда, что я снова у себя на родине. Я давно мечтал повидать новую Россию, новое ее поколение, окрепнуть здесь, на родной земле, и снова начать писать. Я бесконечно признателен советскому правительству, давшему мне возможность вернуться в родную страну, оторванность от которой я так остро переживал все эти годы». (См. след. стр.)

Так и сделали. Регинин с объятиями и приветствиями бросился к Куприну. Тот с каменным лицом медленно выговорил:  
— А Вы кто такой?

Тогда Фадеев выдвинулся вперед и обратился к Куприну с приветствием:

— Дорогой Александр Иванович! Поздравляю вас с возвращением на родину!

Результат был такой же. Куприн тем же безжизненным голосом спросил:

— А Вы кто такой?

После этого никто ничего не говорил. Вышли на площадь, посадили Куприна в машину и разъехались.

Москва  
26 января 1987 г.

---

Судя по газете, Куприн высказал эту тираду в день приезда — 31 мая. Но вот что сообщала об этом дне жена Куприна: «Так был потрясен радостью приезда и приема, что первый день не мог говорить...» (письмо к дочери от 1 июня 1937. — В кн.: К.А. Куприна. *КУПРИН — МОЙ ОТЕЦ*. 2-е изд. М., 1979, с.254).

18 июня 1937 г. в «Известиях» появилась статья Куприна *ОТРЫВКИ ВОСПОМИНАНИЙ*, в которой сказано: «Советское правительство дало мне возможность снова очутиться на родной земле, в новой для меня Москве, наполненной прекрасным жаром строительства».

Сохранившаяся в Отделе рукописей Ленинской библиотеки в Москве машинопись этой статьи свидетельствует, что она была изготовлена сотрудником «Известий» Н.К. Вержбицким (см. *ВОСПОМИНАНИЯ И ДНЕВНИКИ XVIII-XX вв.* Указатель рукописей. М., «Книга», 1976, с.214).

Для характеристики Вержбицкого отметим, что его воспоминания о встречах с Маяковским и Есениным в Тбилиси признаны «крайне недостоверными» (Катанян. *В.МАЯКОВСКИЙ. ХРОНИКА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*. Изд. 5-е, дополненное. М., «Советский писатель», 1985, с.557).

От С.И. Фонской, бывшей в 1937 г. директором Дома писателей в Голицыно, я слышал, что Вержбицкий был единственным журналистом, имевшим доступ к Куприну. Поэт Яков Хелемский, приезжавший в Голицыно по поручению редакции «Пионерской правды» летом 1937 г., сообщил мне, что его не пустили к Куприну, он видел его только через забор дачи.

М.Агурский  
М.ГОРЬКИЙ И Ю.Н. ДАНЗАС

Несмотря на свою знаменитость, на обилие обращенных к нему восхвалений и проклятий, Горький остается во многом непонятой фигурой русской и советской истории и культуры. Официально провозглашенный отцом советской литературы и даже создателем советского культурного конформизма, Горький на много десятилетий ушел от внимания серьезной критики, и лишь только сейчас, по-видимому, наступает время пересмотра отношения к его литературному творчеству, к его значению в русской истории, переоценки его личности<sup>1</sup>.

Не будет преувеличением назвать его одной из центральных фигур русской и советской истории и, по существу, вторым после Ленина (по своему истинному значению) создателем советской системы. В его личности смыкаются русская и советская история, он является тем мостом, который соединяет русскую и мировую радикальную мысль с советской системой, во всяком случае в ее раннем периоде. Горький оказался главной харизматической личностью этого периода, и без его влияния советская система была бы, возможно, совершенно иной. Центральность его фигуры хорошо понимали вожди большевистской революции, в ней был секрет незаменимости Горького, который был необходим для легитимации новой системы.

---

<sup>1</sup> Одним из признаков этого пересмотра может служить состоявшаяся в октябре 1986 конференция о Горьком в Йельском университете. См. также: *ГОРЬКИЙ. ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ*. М.Агурский, М.Шкловская (ред.). Иерусалим, 1986; М.Хейфец. *ВОСКРЕСЕНИЕ ГОРЬКОГО*, — «Алеф», Тель-Авив, 1987, №149.

В предвзятых и слишком поверхностных трактовках Горького, которые бытуют в современной эмигрантской литературе, он выступает либо как злодей, либо как человек, ради материальных выгод пошедший на службу к Сталину в конце двадцатых годов, порвав со своим прошлым. Такие утверждения говорят, прежде всего, о непонимании Горького, недостаточном знакомстве с глубокими мировоззренческими корнями его поведения. При всей своей противоречивости Горький был единственным человеком, которому удалось не только отстоять многие культурные ценности и сделать их интегральной частью современной советской культуры, но и спасти множество людей от преследований, а некоторым из них — дать возможность получить убежище на Западе в самые мрачные годы.

Горький оказался последним и самым трудным барьером, который пришлось преодолеть Сталину, чтобы начать массовые чистки 1936-1938 гг., унесшие не только почти всю ранне-революционную элиту, в чем сегодня некоторые склонны видеть небесное возмездие «отцам революции». Чистки унесли громадное число простых людей всех национальностей, массу интеллигенции и почти все духовенство всех исповеданий и религий, которое еще оставалось на свободе.

Безусловно, Горький не был гуманистом в либеральном понимании этого слова. Его гуманизм имел другие основы, ибо строился на сложном религиозно-философском мировоззрении, близком по своим выводам к мировоззрению Тейяра де Шардена и некоторых других радикальных западных мыслителей, хотя, в отличие от Тейяра де Шардена, Горький был богоборцем — любимой его книгой была книга Иова.

История отношений Горького и Ю.Н. Данзас (пока еще далеко не полная) помогает лучше понять настроения писателя последних лет его жизни.

\*\*

Имя Юлии Николаевны Данзас (1879-1942) практически неизвестно современному читателю. Она родилась в Афинах в семье русского дипломата (потомка друга Пушкина, секунданта на его дуэли), женатого на гречанке, происходившей от византийских императоров. Благодаря знатности рода и своей красоте, Ю. Данзас некоторое время была фрейлиной последней русской императрицы Александры Федоровны. Одним из наиболее стойких увлечений этой одаренной личности был глубокий интерес к религиозно-философским вопросам. В ранней молодости Ю.Н. Данзас

испытала сильное влияние Шопенгауэра и Ницше, затем увлекалась теософией (и то и другое пережил и Горький), стала членом масонского ордена мартинистов. Под различными псевдонимами занималась журналистикой<sup>2</sup>. В 1913 г. под псевдонимом Ю. Николаев Данзас опубликовала апологетическую работу о гностиках «В поисках божества», отражавшую ее теософские взгляды. Она интересовалась хлыстовством, посещала хлыстовские «корабли». Научная репутация Ю. Данзас как историка религии была достаточно высока, чтобы в 1917 ее назначили профессором Петроградского университета<sup>3</sup>.

Неизвестно, когда Горький познакомился с Данзас, но ее книга о гностиках сразу привлекла его внимание (как, впрочем, и любая литература о гностицизме, которым он крайне интересовался). Экземпляр этой книги с пометками Горького хранится до сих пор в его личной библиотеке<sup>4</sup>. Влияние Данзас чувствуется и в его литературных произведениях, по крайней мере в третьем томе эпопеи «Жизнь Клима Самгина»<sup>5</sup> (1930) — в содержании бесед предводительницы хлыстовского корабля купчихи Марины Зотовой с Самгиным. Можно предположить, что Данзас была одним из прототипов образа Зотовой. Интерес же к гностицизму прослеживается уже в «Жизни Матвея Кожемякина»<sup>6</sup> — романе с глубоким религиозно-философским подтекстом, написанном еще в 1909-1911 гг.

На близость Данзас к Горькому указывает и тот факт, что в марте 1920 г. она была назначена заведующей петроградским Домом ученых, основанным в январе того же года<sup>7</sup>, который, как известно, был детищем Горького и находился под его покровительством вплоть до отъезда писателя из России.

В 1920 г. Данзас знакомится в Доме ученых с главой русских католиков, экзархом Леонидом Федоровым<sup>8</sup>, и в том же году под

---

<sup>2</sup> И. Масанов. *СЛОВАРЬ ПСЕВДОНИМОВ*. М., 1957, т.2, с.252 (см. псевдоним «Наш»).

<sup>3</sup> Источником биографических сведений о Ю.Н. Данзас для нас является книга католического диакона Василия ЛЕОНИД ФЕДОРОВ. *ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ*. Publicationes scientificae et litterariae «Studium Monasteriorum Studiorum», no.III-IV, Romae, 1966.

<sup>4</sup> *ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА А.М. ГОРЬКОГО В МОСКВЕ*. М., 1981, кн.1, с.303.

<sup>5</sup> *ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА*. М., 1956, т.3, с.174-177, 223, 292, 302, 346.

<sup>6</sup> М. Горький. *Собрание сочинений*. М., 1950, т.9, с.381.

<sup>7</sup> *ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ГОРЬКОГО*. М., 1959, т.3, с.160.

<sup>8</sup> Леонид Федоров (1879-1935), ученик Вл. Соловьева. Окончил СПб Духовную Академию. В 1902 перешел в католицизм. В 1917 митрополит Шептицкий назначил его экзархом русских католиков. Арестован в 1922, судился вместе с архиепископом И. Цепляком и его викарием К. Будкевичем. Двум (см. след. стр.)

его влиянием принимает католичество, решительно порвав с теософией и масонством, с которыми она была связана много лет. В 1923 году она принимает монашеский постриг.

Горький знал о католицизме Данзас. В одном из опубликованных в последнее время его черновиков двадцатых годов ее имя упомянуто в числе русских католиков<sup>9</sup>. Горький покинул Советскую Россию в октябре 1921, а 13 ноября 1923 г. Данзас была арестована в группе других католиков<sup>10</sup>. Не исключено, что ее арест был связан и со стремлением властей дискредитировать Горького<sup>11</sup>.

Данзас была отправлена на Соловки. Есть основания полагать, что Горький поддерживал с ней контакт. Это было вполне возможно через его бывшую жену Е.П. Пешкову, возглавлявшую еще не утративший своего значения Политический Красный Крест<sup>12</sup>. В самом деле, в письме к Ольге Форш, датированном 13 ноября 1926 г., Горький между прочим замечает, что книга,

---

последним был вынесен смертный приговор, в то время как Федоров получил 10 лет. В результате широких протестов на Западе Цепляка помиловали, но Будкевич был все-таки казнен. Федоров был освобожден в 1926, вновь арестован в 1929. Умер в ссылке в Кирове.

<sup>9</sup> *МИР-ТЕСЕН*. — См.: *АРХИВ ГОРЬКОГО*, М., 1969, т.12, с.26.

<sup>10</sup> Данзас полагала, что ее арест был частью ответной кампании советского правительства против русских католиков — после известной ноты английского министра иностранных дел лорда Керзона, но вряд ли это исчерпывало ситуацию. Преследования католиков начались еще до ноты Керзона. 3 апреля 1923 года завершился суд над Цепляком, Будкевичем, Федоровым и др. Нота Керзона, в которой, в частности, выражался протест против религиозных гонений в СССР (и католиков, и православных), была опубликована 5 мая 1923. Известно, что в июне 1923 был неожиданно освобожден из заключения патриарх Тихон, которого ожидал суд и, возможно, расстрел. Считается, что это было одним из результатов ноты Керзона. В конце 1923 возобновляются гонения на духовенство. Так что преследования католиков были лишь частью общей антирелигиозной кампании, направленной и против католичества, и против православия.

<sup>11</sup> В конце 1923 и в начале 1924 в СССР проводились попытки дискредитировать Горького публично. Так, например, в «Известиях» (19 дек. 1923) появляется заметка, цель которой — связать имя Горького с уголовным делом. Возмущенный Горький хотел даже прекратить сотрудничество в советских изданиях (см.: *АРХИВ ГОРЬКОГО*, т.IX, с.233). Несколько позднее был закрыт издававшийся Горьким в России журнал «Русский современник», а его редактор и личный друг Горького А.Н. Тихонов (см. о нем ниже) был арестован и больше года провел в заключении (см. об этом: Н.Берберова. *ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА*, Н.-Й., 1983, с.216). Этот период совпадает с последними месяцами жизни Ленина и его смертью, когда резко усилилось влияние Г.Е. Зиновьева, заклятого врага Горького.

<sup>12</sup> О Екатерине Павловне Пешковой (1876-1955) и Политическом Красном Кресте, созданном в 1920 г., см. подробнее: О.Марков *Е.П. ПЕШКОВА И ЕЕ ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЗАКЛЮЧЕННЫМ*. — *ПАМЯТЬ*. Исторический сборник. Вып.1. Н.-Й., 1978; Д.Минин. *ЕЩЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМ КРАСНОМ КРЕСТЕ*. — *ПАМЯТЬ*. Вып.3, Париж. 1980.

изданная в 1926 г. в Харбине, есть у Данзас<sup>13</sup>. По-видимому, он посылал Ю.Н. в заключение литературу, возможно, оказывал и материальную помощь. Поскольку Горький упоминает ее имя без всяких комментариев, не исключено, что в судьбе Данзас каким-то образом участвовала и сама Форш (также бывшая в прошлом теософкой и, по-видимому, остававшаяся ею до конца жизни<sup>14</sup>).

Леонид Федоров, обративший Данзас в католицизм и также находившийся на Соловках, был освобожден по ходатайству Пешковой, что не исключает участия в этом деле Горького<sup>15</sup>. Однако Данзас по-прежнему оставалась в заключении, и когда Горький в июне 1929 г. посетил Соловецкий лагерь, он виделся с ней<sup>16</sup>. Однако в очерке «Соловки»<sup>17</sup>, описывая посещение женского барака, он ни словом о Данзас не упоминает. И это проливает некоторый свет на характер горьковской публицистики того периода. Несомненно, от той же Данзас Горький знал, что представляют собой Соловки на самом деле. Тем не менее, описал он не то, что было реальностью, а то, что, по его мнению, *должно было быть* на Соловках. В этом ключ к пониманию Горького того периода. Он пытается менять действительность не критикой, а созданием новых мифов, которые, как он считал, должны были учить власти правильной политике...

Данзас была освобождена в январе 1932 г., т.е. лишь через два с половиной года после горьковской поездки на Соловки<sup>18</sup>. Каким образом проходило вмешательство Горького в ее судьбу и в какой степени оно было действенным, нам неизвестно, но освободили Данзас досрочно. О том, что произошло далее, пишет автор пространной биографии Леонида Федорова — диакон Василий<sup>19</sup>, который пользовался недоступными нам биографическим материалом о Ю.Н. Данзас:

В январе 1932 г., в один особенно морозный день, когда было 35° ниже нуля, Юлии Николаевне сообщили в канцелярии, что она свободна. Ее освободили досрочно; срок десятилетнего заключения кончился 14 ноября 1933 г. (арестовали ее вечером 14 ноября 1923 г.). Известие пришло совсем неожиданно. Освобождение давало ей право уйти немедленно из лагеря, куда угодно, но как и куда — об этом ей нужно было самой позаботиться.

<sup>13</sup> «Литературное наследство», т.70, М., 1963, с.590.

<sup>14</sup> О теософии О.Форш см., напр.: А.Тамарченко. *О.ФОРШ*. Л., 1965, с.47.

<sup>15</sup> Дьякон Василий, ук. соч., с.609.

<sup>16</sup> Там же, с.701.

<sup>17</sup> М.Горький. *Собрание сочинений*, т.17, М., 1952.

<sup>18</sup> Дьякон Василий, ук. соч., с.700.

<sup>19</sup> Там же, с.700-704.



Одежда Юлии Николаевны была буквально в лохмотьях. В кармане оставалось мелочи не больше того, сколько надо на булку.

Юлия Николаевна попросила разрешения остаться в лагере еще на 2-3 дня. Ей нужно было для начала обеспечить себя ночлегом, пока не удастся приискать убежище где-нибудь поблизости лагеря. В конце концов, одна добрая женщина пустила ее в свою хижину. Затем надо было приискать какой-нибудь труд, чтобы заработать на железнодорожный билет. Но и это тоже устроилось. Юлию Николаевну приняли помощницей счетовода для ликвидации товарного склада на станции. Когда у нее появились деньги на билет, возник самый серьезный вопрос: куда ехать? Где быть *свободной*, раз (как она в этом сразу же убедилась), вся Россия превратилась в огромную советскую тюрьму, в которой удел *свободных* граждан мало чем отличался от рабства бесчисленного множества заключенных.

Оказалось, что досрочное освобождение последовало по ходатайству Максима Горького, который где-то «нажал». Юлия Николаевна была ему и раньше хорошо знакома как писательница и профессор университета, и он ценил ее. Ей представился даже случай встретиться с ним однажды на Соловках, куда власти послали «совесть СССР», как тогда называли Горького, лично все осмотреть и сказать, правда или нет то, что начали говорить и писать за границей о Соловках.

О приезде Максима Горького было дано знать заранее. Заключенных подготовили к встрече с ним. Лагерным учреждениям было приказано показать работу, которая там выполняется. Когда в одно прекрасное утро на Соловки прибыл Максим Горький, то заволновался весь остров. Доверие к нему у всех было полное. Он мог ходить без охраны, мог останавливать любого заключенного и беседовать с ним. Горький внимательно выслушивал, расспрашивал, сочувствовал, записывал в книжку, обещал помочь. Велико было удивление и возмущение заключенных, когда они потом прочитали в «Известиях» большую статью Горького, озаглавленную «Соловки», в которой он дал лестную оценку деятельности ГПУ и его детищу — «Соловецкому исправительно-трудовому концлагерю».

Но Юлии Николаевне Горький действительно пришел на помощь. Ходатайства его жены, Е.П. Пешковой, в отношении Юлии Николаевны было бы недостаточным. Горький помог ей и после освобождения литературной работой — дал какой-то перевод. Юлия Николаевна решила хлопотать через него о разрешении выехать за границу, ибо только таким путем можно было освободиться из той огромной тюрьмы, которую теперь представляла собою Россия. Хоть как-нибудь примириться с этим режимом и бытом и приспособиться к нему было не по силам Юлии Николаевны. /.../

В Берлине проживал теперь ее брат Яков Николаевич. Он хотел вырвать сестру из советского ада. Единственной возможностью было «выкупить» (как тогда говорили) Юлию Николаевну. Нужно было внести советскому представителю в данной стране определенную сумму, за которую власти в России выпускали выкупленного за границу. Якову Николаевичу Данзасу, ценою долгих усилий и материальных жертв, удалось освободить сестру (это обошлось ему по тогдашнему курсу около 20000 фр. франков, что составляло, во всяком случае для него, огромную сумму). Однако, чтобы довести начатое им до успешного конца, Юлии Николаевне нужна была помощь и в России. Рассчитывая на Максима Горького, она написала ему, прося об «аудиенции», чтобы переговорить с ним лично. Так как на ее письмо не пришло никакого ответа, то она обратилась за советом и содействием к жене Горького, Е.П. Пешковой. Та сказала ей, что все зависит от приставленного к ее мужу чекиста Кузьминского<sup>20</sup>. По ее словам, ни одно письмо не доходило до Горького, не пройдя через его цензуру, и никто не мог быть допущен к Горькому помимо того же Кузьминского. А с ним нужно было держать себя очень осторожно и действовать «политично». Тем не менее, Пешкова решила сделать попытку и при случае «замолвить слово» за Юлию Николаевну. Однажды, выбрав подходящий момент, она сказала мимоходом Кузьминскому:

— У вас должно быть письмо от приятельницы мужа, гражданки Данзас; она просит о свидании, хорошо бы устроить...

Через несколько дней Юлия Николаевна получила приглашение явиться к Горькому в таком-то часу. Она явилась. Горький занимал подаренный ему особняк Рябушинских. Получал миллион рублей жалованья в год. В квартире все оставалось нетронутым — паркеты, ковры, зеркала, картины, позолота, мебель, амфилада комнат — словно хозяева только что покинули свой дом. Вопиющий контраст с тем миром, из которого только что вышла Юлия Николаевна! По-видимому, «совести СССР» это не претило.

Юлию Николаевну довели до кабинета Горького. Тут сидел, как сторожевой пес, чекист Кузьминский.

— Сейчас доложу.

Доложил, попросил Юлию Николаевну войти и сам вошел вслед за ней. Горького она застала за большим письменным столом. Направо и налево от него лежали кипы бумаг. Он принял ее радушно, как старую знакомую. Предложил сесть, указав на стул рядом с собою. Кузьминский тоже уселся.

Горький начал разговор с извинения, что завален срочной работой и не может уделить сейчас Юлии Николаевне достаточно

<sup>20</sup> Здесь явная ошибка. Видимо, имеется в виду Петр Петрович Крючков (1889-1938) — личный секретарь Горького и сотрудник ГПУ. Расстрелян в 1938 по обвинению в убийстве Горького.

времени, а хотел бы переговорить с ней об одном переводе, который он приготовит к следующему разу. Просмотрев свою записную книжку, он назначил Юлии Николаевне свидание в среду.

— В среду мне неудобно, — вмешался Кузьминский без всяких стеснений.

— Ну что же делать, — возразил Горький, — у меня нет другого свободного дня, а работа для Юлии Николаевны важная.

— Хорошо, — сказал Кузьминский, — я пришлю Тихонова<sup>21</sup> вместо себя.

Этого-то Горький и добивался. Как выяснилось впоследствии, он потому и выбрал среду, что Кузьминский был в этот день не свободен.

Когда Юлия Николаевна пришла в среду, у двери Горького ее встретил Тихонов. Повторилась та же церемония приема, с той только разницей, что теперь против Горького уселся Тихонов. После нескольких приветственных фраз Горький, как бы спохватившись, обратился к нему:

— Сейчас же надобно съездить в редакцию, доставить поправку для срочной статьи. Пожалуйста, съездите и отвезите. Сейчас предупрежу по телефону.

Тихонову, не столь твердому на этом посту, как Кузьминский, пришлось удалиться. Только он вышел, Горький вздохнул с облегчением:

— Ну, теперь мы можем поговорить с вами...

Отъезд Юлии Николаевны за границу устроился. /.../

После отъезда из СССР Данзас получает возможность создать первый серьезный советологический центр на Западе — «Истина», — которым она руководит в течение нескольких лет. Она издает журнал «*Russie et Chrétienté*», причем по степени осведомленности о происходящем в России и глубине анализа это издание является едва ли не лучшим повременным западным источником об СССР. В частности, Данзас регулярно помещала в журнале обзоры советской прессы. В 1935 г. она опубликовала отдельной брошюрой свои воспоминания о Соловках — «Красная каторга», которые вышли без указания имени автора<sup>22</sup>.

Попад на Запад, Данзас пытается критически осмыслить свой гностический опыт прошлого. Это проявляется, в частности, в поисках гностических элементов в современной ей русской ре-

<sup>21</sup>Речь идет об Александре Николаевиче Тихонове (1880-1956) — близком соратнике и друге Горького. В указанное время он был административным директором издательства «Academia».

<sup>22</sup> *BAGNE ROUGE. Souvenirs d'une prisonnière au pays des Soviets*. Istina, Les Editions du Serf, Juvisy, 1935.

лигиозно-философской мысли<sup>23</sup>. Естественно, что, будучи знатком гностицизма и пройдя лично через теософию, она понимала эту проблематику, как немногие. Данзас утверждала, что русское православие в целом находится под сильным влиянием религиозного дуализма. В дуализме же обвиняла она и Достоевского. Но особое внимание Данзас привлекала группа русских православных богословов во главе с о.Сергием Булгаковым, сделавших центром своих богословских исследований учение о Софии Премудрости Божией. Она обвинила «софианство» в «неогностицизме» и полностью поддерживала его осуждение как тогдашним главой Московской Патриархии митрополитом Сергием<sup>24</sup>, так и Архиерейским Собором Русской Православной зарубежной Церкви, который состоялся в Сремских Карловцах, в Югославии<sup>25</sup>.

Основоположителем русского неогностицизма она считает Владимира Соловьева, который, по ее словам, попал под влияние немецкого мистика Якова Беме (1575-1624) и английского — Джона Пордеджа (1607-1681), приведшее Соловьева к оккультизму, неоплатонизму и т.п. По тому же пути, утверждает Данзас, шли С.Трубецкой, Н.Бердяев и особенно П.Флоренский. «Если Н.Бердяев, — пишет Данзас, — не говоря уже об о.Булгакове, хочет быть больше богословом, нежели теософом, то можно утверждать, что о.Флоренский был скорее теософ, чем богослов». Однако она полагает, что, за исключением самого Соловьева, нет прямой преемственности между древним гностицизмом и современной русской религиозно-философской мыслью. По словам Данзас, «расплывчатые пережитки гностицизма, традиции, сохранившиеся веками в тайных учениях, проникли в Россию и укоренились там через посредство западного оккультизма»<sup>26</sup>. Она обращает внимание на то, что в основополагающем труде о.П.Флоренского «Столп и утверждение истины» имеется, например, ссылка на

---

<sup>23</sup> Danzas J. *L'ITINERAIRE RELIGIEUX DE LA CONSCIENCE RUSSE*, Istina, Editions du Cerf, Juvisy, 1935; Danzas J. *LES REMINISCENCES GNOSTIQUES DANS LA PHILOSOPHIE RELIGIEUSE RUSSE MODERNE*. — «Revue des sciences philosophiques et théologiques», 1936, no 4.

<sup>24</sup> Сергей (Страгородский) (1861-1944) — тогда местоблюститель патриаршего престола. В 1943-1944 — патриарх. Осудил «софианство» в своих посланиях от 7 сентября и 27 декабря 1935. Poleмику по поводу его осуждения см.: Н.Бердяев. *ДУХ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА*. — «Путь», Париж, 1935, №49; В.Лосский. *ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО БЕРДЯЕВУ*. — «Путь», 1936, №50; Н.Бердяев. *ОБ АВТОРИТЕТЕ, СВОБОДЕ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ*. — «Путь», 1936, №50.

<sup>25</sup> Определение архиерейского Собора было вынесено 30 октября 1935. Poleмику по этому поводу см.: С.Булгаков. *О СОФИИ ПРЕМУДРОСТИ БОЖИЕЙ. Ответ карловцким епископам*. — «Путь», Париж, 1936, №50.

<sup>26</sup> Danzas J. *LES REMINISCENCES GNOSTIQUES...*, op. cit., p.666, 680.

Папюса<sup>27</sup>. Другим источником гностического влияния на современное русское богословие она считает древний гностицизм, проникший в православную иконографию, но особенно проявивший себя в строительстве храмов, посвященных Св. Софии. Корни этого она прослеживает еще в Византии.

Н.А. Бердяев довольно резко отреагировал на выступления Данзас. Об одной из ее работ он писал: «Написана книга умно и с внешним знанием, но она очень тенденциозна /.../ Остается впечатление, что книга написана иностранцем, которому совершенно чужда Россия и все русское, который описывает со стороны, издалека. Как будто бы человек, гордящийся своей принадлежностью к цивилизации, рассказывает о своем посещении варварской страны. Есть неприятный тон высокомерного презрения. /.../ Точка зрения госпожи Данзас слишком провинциально-католическая /.../ Госпожа Данзас усвоила себе точку зрения, которую уже высказывали католики, что в русском православии есть сильный дуалистически-манихейский элемент. /.../ Русскую религиозную философию госпожа Данзас не понимает /.../ в оригинальной русской религиозно-философской мысли конца XIX — начала XX века госпожа Данзас видит гностицизм, в чем она сходится с обвинениями обскурантских богословских кругов»<sup>28</sup>. По-видимому, Бердяев был недостаточно информирован о Данзас и не связывал ее имя с авторством книги «В поисках божества». Для него она была лишь «русской католичкой».

Данзас опубликовала множество работ, посвященных анализу русской религиозно-философской мысли и марксизма. Последняя ее книга была посвящена императрице Александре Федоровне, фрейлиной которой она была в молодости<sup>29</sup>...

Ю. Данзас была не единственным человеком, который выехал тогда из России с помощью Горького. Среди других мы видим таких, казалось бы далеких от него людей, как бывший троцкист Виктор Серж, книги которого, написанные позднее, стали одним из ведущих свидетельств о советском терроре. Судя по опубли-

---

<sup>27</sup> Папюс, псевдоним (Epcousse Gérard Anaclét Vincent, 1865-1916) — известный оккультист, гротмейстер ордена мартинистов, с которым Данзас, вероятно, была лично знакома.

<sup>28</sup> Н. Бердяев. Рецензия на кн.: Danzas J. *L'ITINERAIRE RELIGIEUX DE LA CONSCIENCE RUSSE*. — «Путь», Париж, 1936, №51, с.74-76.

<sup>29</sup> Danzas J. *LA PENSEE PHILOSOPHIQUE EN URSS*. — «La vie intellectuelle», 1936, no.41; Danzas J. *LE NATIONALISME RELIGIEUX RUSSE*. — *Russie et Chrétienté*, 1938-1939, no.1; Данзас Ю. *КАТОЛИЧЕСКОЕ БОГОПОЗНАНИЕ И МАРКСИСТСКОЕ БЕЗБОЖИЕ*. Рим, 1941; Danzas G. *L'IMPERATRICE TRAGICA E IL SUO TEMPO*. Verona, 1942.

кованным в последнее время документам, Горький оказался решающим звеном кампании в защиту Сержа и, в конечном итоге, добился его освобождения<sup>30</sup>.

На смерть Горького Данзас откликнулась проникновенной статьей, которую мы публикуем здесь в переводе с французского<sup>31</sup>:

### МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Максим Горький умер в Москве 18 июня в возрасте 68 лет. Мало кто из писателей удостоился при жизни такой славы, как он. О величайших гениях, которыми может гордиться история литературы, — не трубили по всему свету так громко и с такой настойчивостью. Правда, в наши дни для этой цели используют инструменты, куда более совершенные, чем простой пастушеский рожок. Имя Горького было связано с самыми важными моментами нашей грозовой эпохи, в нем почти всюду видели живое воплощение идей, потрясавших весь мир. Впрочем, именно так и представляют его те, кто ищет вдохновение в Москве.

Там Горький в продолжение восьми лет был чем-то вроде «Папы от литературы». Даже устроенные ему грандиозные похороны бледнеют по сравнению с тем апофеозом, в который четыре года назад вылилось чествование его литературного юбилея. Все формы официального энтузиазма были исчерпаны. Один из крупнейших городов России, старинный Нижний Новгород был переименован в Горький, ибо удостоился чести быть родиной писателя. То же имя было присвоено самой красивой улице Москвы; театру, который создал и которым с таким блеском руководил более трех десятилетий знаменитый Станиславский; институтам всех рангов, колохозам и т.д. — вплоть до чудовищного аэроплана<sup>32</sup>. Не оставалось уже никаких почестей, которые в час похорон могли бы окружить его память дополнительным ореолом. Имя его дали на этот раз лишь нескольким школам, да знаменитому Институту Экспериментальной медицины, созданному полвека назад принцем Александром Ольденбургским<sup>33</sup>. Если мы

<sup>30</sup> Виктор Серж (1900-1947) — французский анархист русского происхождения (настоящая фамилия Кибальчич). Приехал в Россию после 1917, примкнул к большевикам, затем присоединился к троцкистской оппозиции. Был арестован, находился в заключении. В письме к Р. Роллану от 12.11.1935 Горький сообщает: «Серж будет выслан из Союза, это — решено» («Вопросы литературы», 1957, №1, с.188).

<sup>31</sup> *MAXIME GORKI*. — «Russie et chrétienté», 1936, Juillet-Août, no.4, p.154-163.

<sup>32</sup> Аэроплан «Максим Горький» разбился во время воздушного парада. Конструктором его был А.Туполев, арестованный после катастрофы.

<sup>33</sup> Институт был создан в 1890 на личные средства принца Александра Петровича Ольденбургского (1844-1918), который во время Первой мировой войны состоял начальником санитарной и эвакуационной части русской армии.

обратим внимание на тот факт, что имя Горького в настоящее время связано с вещами, происхождение и сущность которых были ему абсолютно чужды, — станет ясно, что это лишь составная часть сложного явления, которое был Горький.

Никакая литературная слава не может объяснить такого апофеоза. Он обращен к политической личности, или, точнее, к той политической роли, какую хотели навязать человеку, к ней неподготовленному. Во всем этом казенном превозношении явно ощущима фальшивая нота. Реальная личность Горького исчезает за облаками официального фирмиама. Когда эти облака рассеются, снова обнаружится живой человек, гораздо более простой, иногда озадачивающий, но и более привлекательный.

Недоразумения, окружающие имя Горького, начинаются уже с биографических деталей его детства. Правда ли, что маленький Алексей Пешков (таково было его настоящее имя) рос в нищете, что ему приходилось с самого детства добывать хлеб насущный, занимаясь унизительным ремеслом: быть тряпичником, поваренком, подмастерьем у булочника, получая везде тумачи и оплеухи? Этим обстоятельством в дальнейшем очень кичились — оно, якобы, доказывало чистокровное пролетарское происхождение великого писателя. Но некоторые документы как бы показывают обратное — что семья его не имела к пролетариату ни малейшего отношения, что дед Пешкова занимал видное положение среди волжских торговцев<sup>34</sup>. Спорить на эту тему нам кажется напрасным. Даже если дед его и жил в достатке, то состояние было промотано сыном, умершим в 1872 году от холеры и оставившим вдову (тут же вышедшую замуж) и маленького четырехлетнего сына, будущего писателя (он родился в 1868 году). Максим Горький сам рассказал о тяжелых годах своего детства и отрочества («Детство», «В людях», «Мои университеты»). Свои автобиографические повести он писал в эпоху, когда уже сделался литератором-революционером, другом Ленина. И потому можно заподозрить, что Горький нарочито усиливал «пролетарскую» ноту. Однако сущность его описания должна быть верной, ибо она подтверждается живостью рассказа и выпуклостью образов. Это, конечно, лично пережитые впечатления, быть может, лишь несколько романтизированные. Впрочем, совершенно очевидно, что в детстве он не получил никакого образования, кроме начальной школы. Все знания, приобретенные им позднее, стали результатом той

<sup>34</sup> Дед Горького со стороны отца выслужился из солдат в офицеры, но был разжалован за жестокость. См.: Н.А. Забурдаев. *БАБУШКА И ОТЕЦ А.М. ГОРЬКОГО*. — «Горьковские чтения», М., 1968, с.349.

жажды чтения, что владела им с ранних лет. Необходимо отметить, что Горький всю жизнь нес в душе отпечаток детства, проведенного в предместье большого города. Он любил рассказывать о своих играх с уличными мальчишками, маленькими злоумышленниками, которые забавлялись, разбивая уличные фонари. Он никогда не знал, что такое сельская жизнь и испытывал по отношению к ней ужас горожанина. Отвращение к крестьянину — вещь характерная для жителя предместья. И Горький часто говорил об «идиотизме деревенской жизни». Это не было презрением к человеку, обрабатывающему землю, но глубочайшим презрением к жизни провинциальной, патриархальной, с ее покоренностью судьбе, отягощенностью мирскими традициями — всем тем, что так ненавистно было любознательному и гордому мальчику. Позднее, когда настало время долгих странствий по Руси, — внимание его привлекали не крестьяне, но бурлящая портовая толпа, люди, морально свободные от пут земли, ничем не связанные, готовые отправиться куда им вздумается, чтобы заработать немного, а затем, как только работа наскучит, — вновь отдаться собственной фантазии. Этот тип он описал с такой захватывающей силой, что совершенно ясно, что и сам автор в полной мере дышит этой полнотой свободы, свободы от всех материальных стеснений. Достаточно перечесть хотя бы историю его странствия пешком из Одессы до Тифлиса («Мой спутник»).

Этот тип Горький ввел в русскую литературу, и он прославил своего создателя. Но было бы ошибкой видеть в нем пролетария, по крайней мере такого, какой существует на Западе. Босьяк, описанный Горьким, по своему мироощущению не имеет ничего общего с европейским рабочим. Это, прежде всего, — деклассированный человек, и обаятельный рассказчик прекрасно умеет живо описать этот любопытный и чисто русский тип. В эпоху, когда Горький создавал свои первые рассказы, рабочий класс в России еще лишь появлялся. У него пока не было ни традиций, ни организаций. Молодые деревенские парни, покидавшие свои медвежьи углы, чтобы поселиться в городах, теряли всякий контакт со своей средой, но при этом не могли войти в иную социальную страту. Это ломало традиционное мироощущение, и в сознании этих людей радость от обретенной свободы и независимости уживалась с презрением ко всему, что ранее считалось святым. Такая неуравновешенная психология осложнялась пережитками вековых инстинктов — инстинкта русского кочевника, привыкшего к свободе неограниченного пространства. Горьковский босьяк имеет удивительное сходство со странниками, которых всегда было много в русском народе. Разница лишь в том, что у святого бродяги, про-



водившего жизнь в странствовании от одного святого места к другому, находившего пропитание где попало, свободного как перелетная птица, — у такого странника подсознательный инстинкт кочевника сублимировался в религиозное чувство. У нового же «пролетария», созданного ломкой экономическими условиями, — не было религиозного чувства или, по крайней мере, оно исчезало под влиянием секуляризованной городской жизни, пронизанной антиклерикализмом. Отрицая традиции русского крестьянства, этот новый человек, явившийся внутри еще только формирующегося общества, также отрицал религию и любые моральные нормы. Свобода прежде всего, полная беспечность и безразличие к другому, вплоть до жестокости. Босьяк способен на благородный поступок, но он же способен не задумываясь совершить зло. Повторю, что тип этот был специфически русским, очень характерным для той эпохи, когда Горький вошел в литературу. Просто литература не замечала его, сосредоточив внимание на крестьянине или на высших слоях русского общества. Крестьянскую тему разрабатывали все писатели России, одни идеализируя сельский мир, другие — рисуя его в черном цвете. Новый тип, созданный Горьким, стал откровением, а талант писателя дал ему жизнь.

О литературном пути Горького говорилось уже много раз. Вернувшись после странствий в Нижний Новгород, он стал рассыльным у нотариуса. Его первые рассказы, написанные в это время, привлекли внимание Короленко, который советовал молодому автору больше работать над стилем. Затем последовал новый период странствий Горького по России, в продолжение которых он опубликовал свой первый рассказ «Макар Чудра» в тифлисской газете (1892 год). Именно эту публикацию считают его литературным дебютом. Далее, в течение нескольких лет Горький сотрудничает в малоизвестных провинциальных газетах, где он печатал свои очерки и рассказы. Он заболевает туберкулезом, и это заставляет его подолгу жить в Крыму. В 1898 году появился (в двух небольших томах) первый сборник его рассказов, получивший беспрецедентный успех. Вчерашний бродяга превратился в прославленного писателя. С точки зрения литературной, этот первый сборник критика будущего, возможно, сочтет основным шедевром Горького. В более позднем творчестве писателю так и не удалось превзойти живости и свежести красок, образной полноты, которая отличает его первые небольшие рассказы. В них смешивалась романтическая пылкость и острое чувство реальности. Позднее манера Горького стало более тяжеловесной, а естественность сменилась усилиями, часто очень упорными, доказать правоту какой-либо идеи. Горький перестал быть свободной

и беспечной певчей птицей, он оказался втянут в политические страсти, сотрясавшие страну, и старался ввести в свои произведения идеологию, навязанную ему новыми друзьями.

С юности он был связан с революционными кружками — обычный и даже неизбежный путь всякого деклассированного человека его типа. Интеллектуальная элита — русская интеллигенция — была насыщена революционными идеями, и приход Горького в ее ряды был предопределен с самого начала. Вся социальная структура России представлялась ему чудовищным скоплением несправедливостей. Но если он и мечтал о великом потрясении, то лишь во имя анархического идеала, где для человеческой свободы уже не было никаких стеснений. Этого непонятого великого романтика привлекал хмель разрушительной бури, а не созидательный труд. Он никогда не мог заставить себя следовать какой-либо определенной политической доктрине и, по существу, никогда не входил в какую-либо партию<sup>35</sup>. И все же из двух революционных партий тогдашней России — социалистов-народников и марксистов — он предпочитал последних, уже потому что первые строили свою программу на организации крестьянства, на развитии сельской общины, а Горький, как мы видели, питал непреодолимое отвращение к крестьянам и их традиционному быту. Он связал судьбу с пролетариатом, и тот сделал его своим певцом. Правда, здесь есть одно важное недоразумение: организованный рабочий никогда не был и не мог быть идеалом Горького. Но в то время важнее была не программа будущего, а великий порыв перевернуть существующий мир, и к этому Горький прилагал все силы.

Мы не будем следовать всем подробностям жизни плененного поэта, ставшего актером политической драмы. Горький оказался на стороне демократических социалистов, он выполнял даже важные партийные поручения, такие как поездка в Америку в 1906 году для сбора средств в пользу русской революции. Именно в ходе этой поездки был написан роман «Мать», который столь часто выдается за шедевр Горького. Мало вероятно, чтобы такую оценку разделили будущие поколения. Это лишь одно из его произведений, где усилие доказать определенную идею пошло в ущерб психологической правде. Горький брался за разные жанры, писал многотомные произведения, обычно менее успешные, чем его рассказы, занимался драматургией. Он находился под сильным литературным влиянием, главным образом, Толстого и Чехова, и оно

<sup>35</sup> Горький все же короткое время формально принадлежал к большевистской партии, начиная с 1905, однако затем выбыл из ее рядов.

отразилось во всех его пьесах, особенно в его знаменитой драме «На дне» (1903 г.), принесшей ему мировой успех. Революционная деятельность не раз приводила писателя в тюрьму, правда, всегда ненадолго<sup>36</sup>, — по слабости его здоровья, а также потому, что он не состоял в какой-либо политической партии.

После поражения революционного взрыва 1905 года Горький покинул Россию и поселился в Италии, на Капри, где его дом стал одним из центров революционной активности русских эмигрантов. Его личная встреча с Лениным приходится на 1907 год, и Ленин был многим обязан Горькому и умел использовать его в своих целях<sup>37</sup>. Эта дружба сильно пострадала, когда столь долгожданная революция, наконец, совершилась в России<sup>38</sup>. Горький связывал с нею все свои чаяния, встретил ее с трепетом и энтузиазмом. Но когда первое опьянение прошло, он с отвращением увидел насилие и резню, топившие в крови его идеалы свободы. Издаваемая им газета («Новая жизнь») стала настоящим воплем протеста, а Ленин теперь видится Горькому как «хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата» («Новая жизнь», 20 ноября 1917), который «бесчестит революцию», «оправдывает деспотизм власти, против которого так мучительно боролись все лучшие силы страны» (23 ноября 1917) и т.д.<sup>39</sup> Газета была закрыта.

Но отношения двух людей были слишком давними, их связывало слишком много общих интересов, и окончательного разрыва не произошло. К чести Ленина, он никогда не забывал тех личных услуг, которые оказал ему писатель. Но и к великой чести Горького, надо отметить, что он никогда не отказывался от того, как вел себя в первые годы революции, и даже подчеркивал это. Вынужденный замолчать на политической сцене, он делал все возможное, чтобы спасти остатки русской культуры: музеи, научные учреждения, но особенно — человеческие жизни. Можно утверждать, что все, что еще сохранилось от прежней научной России и русских культурных сокровищ, обязано своим существованием Горькому. Это он придумал «Комиссию по улучшению быта ученых» и добился разрешения Ленина на ее создание. Оставаясь председателем комиссии, он никогда не стремился придать ей узко утилитарного характера и никогда не требовал от тех, кого

<sup>36</sup> Горький находился в заключении несколько раз. Впервые был арестован в 1889 в Казани, затем — в 1898 в Тифлисе, в последний раз — в 1906 в Риге.

<sup>37</sup> Неточно. Ленин и Горький впервые встретились 27 ноября 1905.

<sup>38</sup> О внешней стороне отношений Ленина и Горького см., напр.: В. Wolfe. *THE BRIDGE AND THE ABYSS*. London, 1967.

<sup>39</sup> М. Горький. *НЕСВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ*. Париж, 1971, с. 103, 112.

она поддерживала, идеологического повиновения<sup>40</sup>. Горький беззаветно боролся, чтобы спасти возможно больше чужих жизней, даже бесполезных для режима, даже враждебных ему. Сколь многих защищал он, часто на свой страх и риск, — от великих князей до нищих священников<sup>41</sup>. Кровавый разгул власти вызывал в нем ужас и почти физическую боль<sup>42</sup>...

Но влияние его ослабевало, а волшебные сны, которыми он себя убаюкивал, наталкивались на слишком жестокую действительность. Свобода превращалась в кошмар: крестьянская стихия, выплеснувшаяся как бурное море, грозила окончательно смыть остатки культуры, и без того подорванной революционным взрывом<sup>43</sup>. Таким он видел будущее. В 1922 году он покидает Россию под предлогом ухудшения здоровья<sup>44</sup>. Горький снова поселился в Италии и оставался там шесть лет, разочарованный, дезориентированный. Слабеет его творческая энергия: «Дело Артамоновых» (1925) — лишь бледный отблеск прежнего таланта. К тому же экзотика, которая некогда принесла ему успех за границей, вышла из моды. Автор, которому все льстили, теперь оказался забытым. Горький плохо уживался в буржуазном мире. Триумф фашизма в Италии раздражал его. Тоска по родине не оставляла. Все это заставляло Горького прислушиваться к льстивым отзывам из Москвы, к приглашениям вернуться...

Ему приготовили золотой мост, устроили восторженный прием<sup>45</sup>, поселили в роскошном особняке — одном из тех, которым он сам в прошлом грозил кулаком. Окруженный лестью, вознесенный до небес, объявленный крупнейшим писателем мира, получивший все мыслимые почести и богатства, старый бунтарь, опьянявшийся свободой, оказался в положении увенчанного лаврами наемника, призванного воспеть нескгибаемую диктатуру партии, радости принудительного труда, жизнь, регламентированную

---

<sup>40</sup> Комиссия была создана в декабре 1919. См.: «Летопись жизни и творчества Горького», т.3, с.151.

<sup>41</sup> Горький позволил жить в своей квартире Великому князю Гавриилу Константиновичу и спас его жизнь. (См.: Н.Берберова. *ЖЕЛЕЗНАЯ ЖЕНЩИНА*. Нью-Йорк, 1983, с.120-123). Он старался помочь А.Вырубовой в 1918 (см.: А.Вырубова. *СТРАНИЦЫ ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ*. Берлин, 1923, с.144) и многим другим.

<sup>42</sup> Крайне интересное замечание. По воспоминаниям второй жены Горького М.Андреевой, во время работы над *ЖИЗНЬЮ МАТВЕЯ КОЖЕЯКИНА* Горький упал в обморок при описании сцены, когда один из персонажей романа ударяет женщину ножом в печень. Андреева обнаружила на животе Горького кровавый след, словно от ножевой раны. См.: *М.АНДРЕЕВА*, М., 1961, с.169.

<sup>43</sup> М.Горький. *О РУССКОМ КРЕСТЬЯНСТВЕ*. Берлин, 1922.

<sup>44</sup> Неточно. Горький выехал из России в окт. 1921.

<sup>45</sup> Горький прибыл в СССР в мае 1928.

до мелочей, прелесть казарменного существования. Прежний антимилитарист стал воспевать Красную армию. Человек, столь остро переживавший людские страдания, начал проповедовать ненависть и беспощадность к классовому врагу: Он опустил до восхваления чекистов, до воспевания концлагерей, он использовал свое перо для камуфляжа, представлявшего разгул нечеловеческой жестокости как дело перевоспитания...

И все же отметим, что это нравственное падение было результатом не столько лицемерия, сколько добровольного ослепления. Горький любил говорить о себе, что обладает талантом не видеть того, чего ему не хотелось видеть. Он знал, как отгонять от себя «несвоевременные мысли». Можно не сомневаться, что в последние годы писателю приходилось отгонять множество таких мыслей. К тому же, за ним строго наблюдали, стараясь отдалить от него все, что могло возмутить человека по натуре сострадательного и благородного, — каким он был<sup>46</sup>. Быть может, и его подспудный романтизм помогал ему создавать воображаемый мир, где реальность казалась ему преображенной, очищенной от кровавых пятен. А может быть, в уюте своего маленького дворца, он опустил до сенильного эгоизма, до обычного буржуазного благополучия. Человек в нем пережил сам себя.

Но пережил себя и писатель. Горький хотел создать грандиозную эпопею, похожую на «Войну и мир» Толстого. Ею думал он завершить свою литературную карьеру. Он работал над ней несколько лет, мучительно и безуспешно. «Жизнь Клима Самгина» — произведение тяжеловесное, плохо связанное, почти непреодолимо скучное<sup>47</sup>. Свое творческое бессилие Горький ощущал с горечью. Ощущал он такое же бессилие и вокруг себя — заявляя в своих писаниях и торжественных речах о триумфальном взлете новой русской культуры. В минуты отрезвления ему случалось говорить, что советская литература не что иное, как гримаса гальванизированного трупа. Когда ему показали конкурсные эскизы и проекты грандиозного Дворца Советов, он отреагировал в обычном официальном духе, а в частной беседе проворчал: «Здесь не хватает дыхания, воодушевления... Все они какие-то придав-

<sup>46</sup> Эту характеристику подтверждает и эпизод встречи Данзас и Горького, о том же говорит и В.Ходасевич в своих воспоминаниях (*ТАКИМ Я ЗНАЛА ГОРЬКОГО*. — «Новый мир», 1968, №3, с.55-56).

<sup>47</sup> Можно отметить, что сегодняшнему читателю *ЖИЗНЬ КЛИМА САМГИНА* гораздо интереснее, чем тогдашнему, уже потому что это одно из лучших описаний жизни и быта того времени, а главное, — в ней отражены наиболее полно религиозно-философские взгляды Горького, которые еще требуют своего изучения.

ленные и бездушные»<sup>48</sup>. Приходится откровенно признать, что такие моменты прозрения были редкими. Появился новый человек — так мало похожий на прежнего — и этот новый Горький уже с гневом отгонял от себя несвоевременные мысли. Потому что сам он в глубине своего сознания был поражен тем, что яростно обличал в других, проповедуя религию ненависти и уничтожения «классовых врагов», смешивая с грязью все проявления свободы совести и интеллектуальной независимости.

Максим Горький не только пережил себя, он забыл себя, и будущее с трудом обнаружит его истинную личность за бесчисленными ширмами, которыми он добровольно окружил себя. Сейчас, когда он держит ответ перед Высшим Судьей за врученные ему дары, можно утешаться мыслью, что он окружен не только ширмами, но и молитвами тех, кого он утешал и поддерживал, тех, кто обязан ему своей жизнью, и тех, кто знал в нем человека доброго и чувствительного, с сердцем широко открытым состраданию<sup>49</sup>.

\* \* \*

Автор выражает глубокую признательность о. Винченцо Поджи (Pontificio Istituto Orientale, Рим) за помощь, оказанную при сборе материалов, связанных с Ю.Н. Данзас. Почти все обнаруженное автором находится в библиотеке Pontificio Istituto Orientale и отчасти в библиотеке Григорианского университета (Рим). Автор выражает также признательность библиотеке Св.Владимирской духовной семинарии (США) за предоставленную ему копию книги Ю. Данзас «В поисках божества».

<sup>48</sup> В «Летописи жизни и творчества Горького» об этом ничего не говорится, но существует письмо А.Толстого к Горькому от 1 февраля 1932, где упоминается участие последнего в комиссии по премированию этих проектов. Комиссия была создана по Постановлению 28 февр. 1932. Горький был в это время в Сорренто. Первые премии получили В.М. Иофан, И.В. Жолтовский и американец Г.Гамильтон. («Литературное наследство», т.70, М., 1963, с.409). Судя по тому, что встреча Данзас и Горького состоялась уже после его возвращения в Москву, вероятно, эти слова, как и слова о советской литературе, сказаны Горьким в личной беседе с ней.

<sup>49</sup> Данзас была не единственной католичкой, откликнувшейся добрым словом на смерть Горького. Член ордена иезуитов, о.Фридрих Мукерман, также прошедший советские лагеря, писал в миссионерском бюллетене «Римские письма», что Горького нельзя сводить к марксизму. Автор спрашивал: «Разве для того, чтобы занять революционную позицию по отношению к ограниченному и бескультурному мещанству старой России, — нужно было стать обязательно марксистом?» Автор заканчивает свою статью так: «Мы кланяемся земно писателю, который любил свою страну и свой народ, который хотел вырвать их из посредственности и который в лучшие свои часы искренне искал Бога. /.../ Но он был также похитителем, ибо похищал у читателей веру в другой мир, веру в Спасителя, веру во все, что могло бы дать силу и утешение в жизни, даже в жизни обитателей ночлежки». (F.Muckerman. *GORKI ET LE MARXISME*. — «Lettres de Rome», 1936, no.10(18), Août, p.147).

**Б.Закс**  
**ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА**

**И. А. Т. ТВАРДОВСКИЙ И В. С. ГРОССМАН**

Не так-то уж много друзей было у Василия Семеновича Гроссмана, если говорить о действительно близких. Одним из ближайших, пожалуй даже самым близким, — был С.И. Липкин. И это, конечно, не могло не сказаться на недавно выпущенной им книге о В.С. Гроссмане\*.

Написанные о человеке воистину трагической судьбы, воспоминания С.И. Липкина отнюдь не окрашены однотонно мрачным колоритом, в них много юмора, по-разному и порой — весьма неожиданно проявляющегося и у главного героя книги, и у ее автора, и у Андрея Платонова, не часто возникающего на страницах, но которого к второстепенным персонажам никак не отнесешь... А в некоторых эпизодах для человека, хотя бы мало-мальски (подобно мне) знавшего Василия Семеновича, эффект узнавания достигает прямо-таки иллюзии соприсутствия. Не стану на этих эпизодах останавливаться, ибо я не пишу рецензию.

Книга Липкина, отразившая нежную дружбу и братство, написанная искренне и правдиво, без сомнения войдет в число важнейших свидетельств о русской литературной жизни XX века, а для литературоведов, специально занимающихся жизнью и творчеством В.С. Гроссмана, мне кажется, станет одним из первоисточников.

Тем важнее, я считаю, не оставить без внимания некоторые огорчительные неточности, допущенные в книге, которые лишь на первый взгляд могут показаться мелкими, на самом же деле —

---

\* Семен Липкин. *СТАЛИНГРАД ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА*. «Ardis», Ann Arbor, 1986.

весьма существенны и вносят неверные штрихи в обрисовку взаимоотношений Гроссмана и Твардовского.

Речь идет о некоторых подробностях истории романа В. Гроссмана «Жизнь и судьба», рукописи которого, как известно, были арестованы, изъяты не только у автора и в редакции «Знамени», куда роман поступил по договору, но и в редакции «Нового мира», куда он был дан в частном порядке на прочтение Твардовскому.

Вот коротко ход событий, как его излагает С. Липкин (в кавычках — всюду цитаты из его книги):

1. Гроссман 30 июля 1960 года сообщает Липкину: «"Знамя" наседает, торопит, просит уточнить дату сдачи рукописи».

2. «Насколько мне помнится, в конце 1960 года Гроссман окончательно завершил работу над романом».

3. «Шли недели за неделями, за месяцем месяц, от "Знамени" ни звука...». «А месяцы идут и идут, а "Знамя" молчит».

4. «Наконец Гроссмана вызвали на заседание редколлегии. Гроссман не пошел. Ему прислали стенограмму... Произведение антисоветское, очернительское».

5. «Гроссман уже давно начал понимать, что совершил непоправимую ошибку, отдав "Жизнь и судьбу" в руки Кожевникова и Кривицкого. Вот что он написал мне в Малеевку 1 февраля 1961 года, — еще до рокового заседания редколлегии: "Я снова заболел... Имел перед болезнью беседу с Твардовским... Он отступил во всему фронту, от рукописи и от деловых отношений откасался полностью»...

6. «Однако на этом отношения с Твардовским не оборвались. После того как "Знамя" отвергло роман, но до его ареста, Гроссман с Ольгой Михайловной поехали в Коктебель. Там в это же время отдыхали Твардовский и Мария Илларионовна. Жены... помирили мужей». Далее рассказано, как Твардовский попросил роман почитать и как Гроссман «видимо, с некоей тайной надеждой», отвез рукопись в «Новый мир».

7. «В феврале 1961 года роман был арестован».

В этих выдержках точно датированы письма Гроссмана Липкину, а остальные хронологические отметки расплывчаты.

И налицо явные неувязки.

Возьмем за основу дату второго цитируемого письма: 1 февраля. И другую дату — ареста романа; в книге сказано «в феврале», но это поддается уточнению. Как я уже писал несколько лет назад в своем небольшом очерке о Гроссмане («Континент» № 26, 1980), рукопись романа была изъята в «Новом мире» 14 февраля, производил изъятие полковник Бардин.



Если довериться данной Липкиным последовательности событий, получается, что в краткий период между письмом Гроссмана и арестом романа вместились: отклонение романа «Знаменем», поездка Гроссмана с женой в Коктебель, встреча там с Твардовским и его женой, примирение, возвращение в Москву, передача рукописи Твардовскому, прочтение им этого объемистого романа, да и не только им одним, но и некоторыми членами редакционной коллегии «Нового мира»...

Слишком много для двух недель!

К тому же, в феврале, в несезонное время, никто в коктебельские края отдыхать не ездит, а дом Литфонда на зимний период закрывается. Сошлюсь снова на свой давний очерк «Немного о Гроссмане». В нем описана встреча Гроссмана и Твардовского в одной из отдаленных бухт между Козами и Отузами, когда В.С., едва завидев А.Т., отошел подальше в сторону и повернулся спиной к морю и тропинке, по которой шел Твардовский. Я при этом присутствовал, и было это отнюдь не в феврале 1961 года, а много раньше — в конце октября 1960 года. Почему встреча состоялась в одной из Лисьих бухт, а не просто в столовой за завтраком или обедом? Да потому, что Ольга Михайловна Гроссман в ту осень поселилась не в самом Коктебеле, а по другую сторону Карадага, в Крымском Приморье (бывших Нижних Отузах), поближе к любимым бухтам.

Но если, в соответствии с действительностью, встречу эту отнести на октябрь, то неизбежно передвинутся и иные из упомянутых событий. И самое главное — станет ясно, что письмо Гроссмана от 1 февраля написано не *до*, а *после* примирения, не *до*, а *после* прочтения Твардовским романа. Это существенно меняет дело. Книга создает впечатление, что Гроссман обращался к Твардовскому по поводу романа дважды: до примирения и после. Мне это представляется неверным. И по свойству природы, и по тяжести обстоятельств, в которых он находился, В.С. относился к ссоре гораздо серьезнее, чем А.Т. Трудно поверить, чтобы он, еще не помирившись, обратился с чем-либо к А.Т.

С другой стороны, какие у А.Т. могли быть причины отказаться от нечитанного романа? Я ни одного такого случая припомнить не могу.

Все встает на свои места, если письмо В.С. подытоживает разговор, состоявшийся уже *после* прочтения романа; если до примирения контактов между Гроссманом и Твардовским не было.

Я не останавливаюсь на резком отзыве Гроссмана о Твардовском в том же письме. Но одно дело, если осуждается редак-

тор, отклонивший роман не читая, и совсем другое, если роман прочитан. Роман, о котором сам Липкин еще до передачи рукописи в «Знамя» предупреждал Гроссмана, что даже Твардовский эту вещь напечатать не сможет.

Хорошо помню, как, прочитав рукопись, А.Т. с болью говорил: «Неужели у него нет ни одного друга, который бы сказал ему, что нельзя такой роман носить к Кожевникову?» Теперь мы знаем, что таким другом был Семен Израилевич Липкин, но Гроссман его не послушал.

В трагической истории романа «Жизнь и судьба» все подробности важны. Оттого я останавливаюсь даже на мелочах. Почему, скажем, рукопись не была возвращена Гроссману после того, как Твардовский от нее отказался? Потому, что все разговоры между ними велись вне стен редакции, никто из редколлегии при этом не присутствовал. И привез рукопись в редакцию даже не Гроссман, а Твардовский, прочитав, из дому. И считалось, что она дана не в «Новый мир», а Твардовскому лично, поэтому она даже не была зарегистрирована, не значилась ни в одной книге или картотеке. Хотя и находилась в редакционном сейфе. Не помню, сколько людей знало о ней. Человек пять, наверное.

Гроссман сам указал гебистам в ответ на их расспросы, что одна из рукописей — в «Новом мире». Должно быть, он боялся «утечки» и больше заботился о других, надежно запрятанных экземплярах.

Все эти подробности я привожу здесь как свидетельства очевидца, помогающие кое-что уточнить.

Суммирую.

Роман был передан в «Знамя» не в конце года, а раньше, вероятно, вскоре после письма Гроссмана от 30 июля о том, что «Знамя» торопит. Ведь в книге правильно сказано: «а месяцы идут и идут». — Поездка в Коктебель состоялась в октябре 1960 г. Во время этой поездки (или, как рассказывал мне А.Т., после нее) произошло примирение и роман был отдан Твардовскому на прочтение. Рукопись прочитал он сам, вслед за ним по очереди несколько членов редколлегии. — В январе 1961 года состоялась встреча, с глазу на глаз, и Твардовский, как сообщает Гроссман в письме от 1 февраля, «от рукописи отказался». Это случилось еще до того как роман был отвергнут «Знаменем». — 14 февраля роман был арестован.

При такой хронологии одно логически следует за другим и событиям не тесно в рамках отрезка времени от октября до февраля.

Вот что я считал нужным закрепить печатно в качестве своей версии некоторых существенных моментов во взаимоотношениях В.С. Гроссмана и А.Т. Твардовского в связи с романом «Жизнь и судьба».

*Джерси-Сити.  
США.*

## II. ЕЩЕ РАЗ О ПИСЬМЕ АРКАДИЯ ГАЙДАРА

В третьем выпуске альманаха «Минувшее» напечатано письмо А.Гайдара к Р.Фраерману. Вступительная статья публикатора Н.Стахова вызывает целый ряд претензий, которые я попытаюсь в дальнейшем пояснить. Дело в том, что в тридцатые годы я был близок с Гайдаром, а на Дальнем Востоке мы даже жили в одной комнате. Оттуда и началась наша дружба.

В 1946 г. я напечатал к пятилетию его гибели воспоминания, от фактической стороны которых не отрекаюсь и по сей день, чего не могу сказать о стороне идейно-политической. (Впрочем, тут нужны две оговорки. Отвечая за точность моей передачи слов Гайдара, я не отвечаю за их содержание. И еще, — в моем тексте В.Вишневский сделал ряд купюр, которые мне в последующих воспроизведениях не удалось восстановить; одну из них я хорошо помню, см. ниже).

Претензию к публикатору и автору предисловия Н.Стахову я сформулировал бы как неосновательность, неубедительность его анализа. Вот что я под этим подразумеваю.

Упомянув какой-либо факт, публикатор не делает из него необходимых выводов. И наоборот, решается на далеко идущие допущения без твердых фактов. Атмосферы времени Большого Террора он явно не знает и не чувствует. Конкретные особенности личности, характера Гайдара ему неведомы, отсюда — и неубедительность общей картины.

Итак, начну по порядку — с письма как такового. Публикатор не учитывает его специфику. А ведь это — письмо из психиатрической клиники. Отвлечься от этой его особенности означает исказить картину. Получится простое, обычное письмо. Один писатель пишет другому, здоровый здоровому, равный равному. А на самом деле все не так. Пишет пациент из психиатрической боль-

ницы «на волю». Неизвестно, в какой мере излеченный, на какой стадии выхода из кризиса находящийся. Н. Стахов, правда, упоминает о «тяжелом нервном расстройстве», которым Гайдар страдал еще с гражданской войны. Но что за этим стоит, он не раскрывает. А речь идет о самом настоящем психическом заболевании, регулярно приводившем Гайдара в соответствующие лечебные заведения. Не так-то долго он пробыл на Дальнем Востоке, меньше года, но за это время дважды побывал в психиатричке. Я тому свидетель и расскажу оба случая подробнее.

Мне пришлось за мою долгую жизнь иметь дело со многими алкоголиками — запойными, хроническими и прочими. Гайдар был иным, он зачастую бывал «готов» еще до первой рюмки. Он рассказывал, что детально обследовавшие его врачи вывели такое заключение: алкоголь — только ключ, открывающий дверь уже разбушевавшимся внутри силам. Конечно, верить Гайдару на слово — дело опасное, но этот его рассказ отвечает тому, что я видел собственными глазами.

Однажды мы (Е.И. Титов и я), жившие в одной редакционной квартире с Гайдаром, начали замечать в его поведении что-то неладное, какие-то тревожные симптомы... Мы знали о его болезни и принялись уговаривать, пока не поздно, обратиться в больницу. Наконец, после долгого сопротивления, он согласился. Втроем мы отправились на поиски психолечебницы. С трудом добрались. В вестибюле Гайдар сразу опустился на ступеньки и мы стали ждать врача. Вдруг по лестничной площадке верхнего этажа пронеслась завернутая в развевающуюся простыню фигура некоего бедуина, а за ним, топя сапожищами, два ражих держиморды — санитары. И тотчас раздался грохот и дикий вопль — это уже невидимый нам «бедуин» сорвался вниз с летницы. А еще минуты через две те же санитары протопали обратно с носилками, на которых лежал он, окровавленный и стонущий... Гайдар искося глянул на нас и сказал: «Хорошие у меня товарищи, куда привели».

Пришел врач. Принял нас сухо. Выслушал, посмотрел на Гайдара и взяв в больницу отказался. Он, видимо, не привык, чтобы к нему являлись добровольно и не набедокулив, а потому не признал Гайдара больным.

Дорога обратно далась еще труднее. Гайдар еле передвигал ноги. У меня время было, я работал в ночной редакции, но Титову пора было сдавать в набор телеграммы, и он ушел вперед, оставив нас вдвоем. Едва Титов ушел, Гайдар начал нападать на него. Бессвязно, заплетающимся языком он обвинял Титова в

том, что тот будто бы сказал: «Лучше бы вы со славой погибли в бою»...

«Вот... поповский сынок... небось, нарочно себе ногу навозными вилами проколел... я воевал, а он отсиживался... а теперь упрекать смеет...» (Титов сильно хромал).

Он производил полное впечатление пьяного, хотя не пил ни капли. Но еще не дойдя до дому, мы встретили нескольких знакомых и, несмотря на мои возражения, они увели Гайдара к себе. Вернулся он в дым пьяным и с первых слов объявил, что убьет Титова. «Где он?» Тому, что Титов еще не приходил из редакции, он не поверил и отправился на поиски. Вошел в титовскую комнату — никого. Тогда, взяв стул за спинку, принялся ножками выбивать в окна одно стекло за другим. Перевернул вверх ногами кровати, стол, стулья. Потом вышел в коридор и повернул к нашей комнате.

Смеркалось, света не было (хабаровская электростанция то и дело отключала ток). Дом наш стоял в глубине двора, позади сада, и я метался от Гайдара к воротам, чтобы подкараулить и предупредить Титова. В коридоре, ощупывая стены, стоял Гайдар с большой боржомной бутылкой в руке. «Где Титов? Я его убью!» — повторял он. Я начал его урезонивать, он невнятно ответил: «Уйди. У меня сейчас рука тяжелая». И тут же выбил бутылкой маленькое окошко, глядевшее из нашей с ним комнаты в коридор. Пройдя в нашу комнату, повторил ту же процедуру: перевернул обе кровати и прочее...

Позади нашего дома во флигеле жил Зайцев — секретарь ПП (кто нынче помнит, что значили эти две страшные буквы?), т.е. Полномочного Представительства ОГПУ по Дальневосточному краю. Услышав шум, он выскочил на крылечко флигеля и заорал: «Что это тут происходит?..» И в тот же миг — ну прямо как в кино, — непредсказуемая хабаровская электростанция дала ток и перед Зайцевым предстал в окне ярко освещенный Гайдар с поднятым вверх стулом. Потом они сидели в саду за столом и обменивались военными воспоминаниями... Потом Гайдар ушел в дом. Я сказал Зайцеву, что напрасно он пустил Гайдара одного: сам-то я уйти со своего поста не мог, чтобы не упустить Титова. — «Это прекрасный парень, — воскликнул Зайцев в ответ. — Я за него ручаюсь. Мы, старые чекисты, умеем разбираться в людях». Тут раздался звон стекла — Гайдар добивал уцелевшее окно, и знаток людей проворно побежал в дом.

В этом случае ярость Гайдара была направлена вовне — на другого человека.

Но видал я и иную ситуацию — когда эксцессы его гнева были направлены на него самого.

Я был молод, ничего подобного отроду не видывал и та страшная ночь произвела на меня ужасающее впечатление.

Гайдар резался. Лезвием безопасной бритвы. У него отнимали одно лезвие, но стоило отвернуться, и он уже резался другим. Попросился в уборную, заперся, не отвечает. Взломали дверь, а он опять — режется, где только раздобыл лезвие. Увели его в бессознательном состоянии, все полы в квартире были залиты свернувшейся в крупные сгустки кровью... Я думал, он не выживет...

При этом не похоже было, что он стремится покончить с собой; он не пытался нанести себе смертельную рану, просто устраивал своего рода «шахсей-вахсей». Позже, уже в Москве, мне случалось видеть его в одних трусах. Вся грудь и руки ниже плеч были сплошь — один к одному — покрыты огромными шрамами. Ясно было, он резался не один раз.

Я вовсе не собираюсь упрекать публикатора в том, что он этих невеселых подробностей не знает. Кроме меня, знать доподлинно все это некому.

Но и при том, что он знал, не обратить никакого внимания на болезнь как на фактор, не могший не оказать влияния на письмо, — промах непростительный.

Я увлекся и растянул свои мемуарные возражения. Но эти детали, по крайней мере, дают представление о том, кто послал письмо из Сокольников Рувиму Фраерману.

Еще несколько замечаний по поводу предисловия. Излагая творческую историю «Судьбы барабанщика» (повести и сценария), Н. Стахов сообщает: «В первоначальном варианте отец Сережи был арестован по ложному политическому доносу». Никакой ссылки на источник этого утверждения не дано. Откуда сие? С чьих-либо слов? Из печати?..

Я убежден, что это миф и что ни малейших доказательств или свидетельств, подтверждающих утверждение публикатора, не существует.

Уверен я в этом по разным причинам. Одна из них та, что я был знаком с повестью (частично, конечно), когда она еще не была закончена, — Гайдар читал мне вслух готовые куски. Ничего похожего на политический донос, как мотив ареста, в них не было. С самого начала фигурировала растрата казенных денег.

Больше того, Гайдар подарил мне машинописный экземпляр повести, возвращенный ему с редакторскими поправками (кажется, из «Пионера»). Поля этого экземпляра были испещрены

возмущенными надписями Гайдара, из которых мне почему-то запомнилась едва ли не самая мягкая: «Какая сволочь снимает мои лучшие слова?»

Экземпляр этот не сохранился, от него после войны я нашел только клочки, обрывки и малую часть целых страниц. Но до того, по выходе повести отдельной книгой, я успел провести беглую сверку и убедился, во-первых, что ни одна поправка не была принята, и, во-вторых, что речь шла именно о словах, т.е. правка была стилистической, притом направленной против — хороших или плохих, — но самых характерных особенностей писательской манеры Гайдара. И это его буквально взбесило.

В сценарии многое было переписано по-иному, серьезнее, глубже. И была там сцена, не стершаяся в моей памяти до сих пор. Мальчик и девочка живут в квартирах, расположенных на одной площадке, дверь против двери. Они устраивают совместную елку. Елка наряжена, собираются гости, и в это время арестовывают отца...

Прочитав сценарий, я сказал Гайдару: «Как ты можешь выпускать повесть в прежнем виде? Ведь ты далеко ушел вперед. Надо перенести всё лучшее из сценария в повесть». — «Нет... Не могу я больше к ней возвращаться. Лучше что-нибудь другое напишу. А кто в кино увидит, до тех дойдет то новое, что есть в сценарии».

Вариант с утерей секретного документа — его уносило ветром — появился в ходе работы над сценарием, в этом Н. Стахов прав. А вот утверждение его о том, что был вариант с политическим доносом — представляется мне абсолютно неосновательным. И не потому лишь, что я никогда не слышал о нем от Гайдара. Но по внутренней логике повести, которая целиком противоречит самой возможности появления такого варианта.

Вспомним сюжет повести. У мальчика арестовывают отца. В силу стечения обстоятельств он остается один. И попадает в руки самых настоящих, «матерых», как сказано в повести, империалистических шпионов. Только бдительность доблестных чекистов спасает его и приводит в объятия уже успешного выйти на свободу отца. Как с типично советской повестью, разоблачавшей козни врага, наглядно демонстрировавшей, сколь опасно доверяться безобидной внешности, маске, под которой враг прячет свою вредоносную сущность, — как, повторяю, совместить с такой антишпионской повестью мифический вариант, предложенный публикатором, — этого я понять не могу. И в то, что Гайдар будто бы «едва не пал жертвой собственного правдолюбия», не верю.

Если я правильно понял, Н. Стахов намекает, что именно «первоначальный» вариант явился причиной всех злоключений повести и ее автора. Однако стоит лишь аккуратно расположить события во времени, чтобы стала очевидной неосновательность противопоставления «гладкой версии» «гонения по недоразумению» (отчасти, вероятно, исходящей из моих, уже упоминавшихся воспоминаний) — и тому факту, что 2 ноября 1938 г. в «Пионерской правде» было напечатано начало «Судьбы барабанщика».

Историю появления (вернее, непоявления) повести в печати Н. Стахов излагает неточно, а несколько абстрактное его представление об атмосфере эпохи террора мешает публикатору допустить, что, подобно шутовскому юмору в трагедии, в жизни тех лет возникали и траги-анекдотические ситуации. В одну из них и влип Гайдар. И «гладкостью» эта версия совсем не отличается.

Никакой опалы не было. Опальные в ту пору тотчас попадали за решетку. Было «всего лишь» недоразумение, но зловещее, рожденное великим страхом. Постараюсь в общих чертах реконструировать действительный ход событий, как я его знаю.

Гайдар имел талант с неслыханной быстротой избавляться от полученных денег (он сам писал о «бунте денег» у него в кармане), вечно бывал в долгу как в шелку — и заключал договора направо и налево. Так и на этот раз. Было обусловлено, что «Судьба барабанщика» появится одновременно и в газете «Пионерская правда», и в журнале «Пионер». Но этого ему показалось мало, и он дал еще отрывок в журнальчик «Колхозные ребята».

Не забудем, это происходило в эпоху великого страха. Всеобъемлющего, проникшего во все поры общества. И страх заставил цензора (не редакцию, а именно цензора) испугаться поставить свою визу на куске неизвестного ему целиком произведения, — черт его знает, какая крамола может содержаться в остальных частях? (К слову, той же методы придерживались и цензоры «Нового мира» четверть века спустя.) В дальнейшем Гайдар винил целиком своего близкого друга Боба Ивантера — редактора «Пионера». Считал, что именно на Боба накатила следующая, усиленная волна страха, и он отложил печатание «Барабанщика» у себя в журнале. А волна, все нарастая, покатила дальше. И докатилась до газеты. Это стало кульминацией.

Дело в том, что предстоящее появление в «Пионерской правде» новой повести весьма популярного у детей писателя редакция обставила большой помпой. Несколько раз в газете появлялись анонсы, извещавшие, что читатели вскоре смогут прочесть эту повесть. И читатели ждали. Поначалу они не были обмануты,



в самом деле — первый кусок появился. В конце, как положено, стояло: «Продолжение следует». И тут произошло нечто странное — его не последовало. Ни в очередном номере, ни в дальнейших... Без всяких объяснений. Словно начала вовсе не бывало.

Как можно было такое понять? Только так, как оно и было понято: Гайдар арестован. Когда человека сажали, он как бы падал в пропасть безвестности, исчезал во всеобщем молчании. Вот такое молчание и окружило Гайдара почти на три месяца. Дня человека с психикой Гайдара — немало.

Н.Стахов не верит, что в провинциальных библиотеках книги Гайдара жгли. А что было запуганным библиотекарям делать? Ждать не поспевающих за арестами проскрипционных списков, а заодно дожидаться и обвинения в потере бдительности? Или проявить куда менее опасную инициативу?

Позднее, когда Гайдара наградили орденом, с мест пошли в Москву заявки на новые тиражи для пополнения поредевших библиотечных полок. И Гайдар получил кучу денег, расплатился со всеми висевшими на нем долгами.

Но когда я в те дни пришел к нему, он сказал: «Знаешь, если бы за мной пришли ночью, я бы меньше удивился, чем этому ордену». (Вот эти-то строки и вычеркнул у меня Вишневский, как я упоминал выше).

В самом деле положение его в тот загадочный период было прескверным. Аресты подступали все ближе. Арестован муж его любимой сестры Талки (военный в Орле или в Курске). Арестован муж его бывшей жены Соломянской. Потом взяли и ее тоже. Вот и он ждал ночного визита...

Вообще, представление о Гайдаре, как об эталоне благополучного советского писателя, далеко от истины.

С юных лет он поверил в идеи революции, сражался за них, остался им верен. И что же? Он вне партии, исключен еще в конце гражданской войны.

Всю жизнь его тянуло ко всему военному, нет у него ни одной книги без Красной армии, даже одевался он на военный лад. И что же? Уволен из армии по чистой — из-за той самой болезни, что описана выше. «Я — белобилетчик», — с горечью говорил он, завидуя тем писателям, которым присвоили звания офицеров запаса.

Из всех своих жен больше других он любил одну — Р.Соломянскую. А она его бросила, ушла к другому.

Он вообще любил детей, а своего сына Тимура прямо-таки обожал. Но был разлучен с ним уходом от него матери Тимура. Это осталось тяжелой травмой.

И вдобавок постоянные рецидивы болезни, сопровождаемые запоями и прочими эксцессами, мешавшими нормальной творческой работе. Он никогда не успевал сдать рукопись в договорный срок, вечно спешил, хватал авансы, изворачивался, чтоб не платить неустойку (т.е. не возвращать деньги).

К усидчивому труду он был способен лишь временами. Много начинал и бросал, не окончив. В Хабаровске, однажды, он начал было диктовать машинистке статью, но засуетился, сказал, что забыл дома блокнот, и вдруг выскочил в окно. На том дело и кончилось. Гайдар запил. Уж как любил его добрейший редактор «Тихоскеанской звезды» Шацкий (впоследствии, как и Титов, погибший в лагере), а был вынужден с Гайдаром расстаться...

Но вернемся к письму. Конечно, можно его толковать как угодно, можно зачислить Гайдара в некие инакомыслившие. Но он таким никогда не был, и никаких политических аллюзий ни в тексте, ни под текстом его письма к Фраерману я не вижу. Не вижу, чтобы речь шла о лжи в литературных произведениях. Зато в быту, в личных отношениях, в редакционно-издательских связях Гайдар был, мягко говоря, фантазером. И рассказы его нельзя было запросто брать на веру.

О чем бы речь ни шла, у него на все были разные варианты. В том числе и в собственной биографии. Ни одного эпизода он не повторял одинаково. Происхождение своего псевдонима всякий раз объяснял по-другому. Даже для исключения из партии у него была не одна версия. (Один молодой «гайдаровед» нашел документы, подтверждавшие такую, слышанную мной от него причину: за расстрел пленных. Нет, тут дело было не в гуманизме или отсутствии оногo, а в нарушении прямого приказа — если попадут в руки пленные, доставить в штаб для допроса. Потом бы их, может, все равно расстреляли, но вина Гайдара была в том, что он расстрелял, не допросив.) В воспоминаниях я воспроизвел его рассказ о том, что его при демобилизации принимал сам Фрунзе; Борис Емельянов мои несколько строк превратил в эпизод кино-сценария... Прошло много лет, нашлись дневниковые записи Гайдара, и выяснилось, что принимал его какой-то Данилов, чин третьестепенный...

Не эту ли свою особенность он имел в виду в письме к Фраерману?

Ведь письмо отличается надрывным, истерическим тоном, совершенно несвойственным Гайдару в его здоровые минуты, в светлые периоды. Перед нами гиперболизированное самообвинение, самобичевание, столь характерное для маниакально-депрессивных состояний. Мне это сразу бросилось в глаза. И Стахов —

это болезненное состояние автора письма обязан был учитывать. А не замалчивать. Не делать вид, что его вовсе нет.

Как Гайдар относился к тому, что принято объединять словом 37-й год? Неясно. Я никогда не слышал от него ни единого словечка осуждения или сомнения. Хуже того, из глубин памяти всплыл некогда в ужасе загнанный на самое дно эпизод: об аресте Сергея Третьякова Гайдар рассказывал со смехом. Какие-то подробности ареста показались ему смешными. Жестокие, бесчеловечные... Вспоминать тяжело... Вообще, я думаю, что у человека, который сам расстреливал, отношение к террору 37-го года не могло быть адекватно нормальному.

Саринов, которого цитирует Н.Стахов, прав, считая, что в «стране Гайдара», в его книге, нет места для ареста по клеветническому доносу. Не исключено, что этому не было места и в его сознании.

Террор не родился в тридцатые. Гайдар еще в гражданскую войну посмотрелся всякого. Ведь дисциплина в Красной армии держалась на расстрелах. А Гайдар еще мальчишкой служил в ЧОН'е. Думаю, что категория справедливости еще тогда перестала его интересовать. Только — целесообразность. И не знаю, считал ли он террор нецелесообразным.

Ведь и пленных он расстрелял во имя целесообразности, — слишком много бойцов конвоя потребовалось бы для отправки пленных в тыл. Проще было расстрелять и на рысях двинуться дальше.

Гайдар был по-своему очень цельный человек. В то, что писал, верил. В том числе и в счастливую «страну Гайдара». Где не арестовывают зря. Где благо революции — прежде всего. Не стоит приписывать ему почти что диссидентские мысли и поступки.

Письмо его к Фраерману любопытно, но к общественной и литературной обстановке тех лет имеет лишь отдаленное отношение. Просто Гайдару захотелось устроить себе очередной «шахсей-вахсей». На этот раз — бескровный. На бумаге.

Только и всего.

Вот что мне подсказывает мой жизненный опыт и годы знакомства с Гайдаром.

Справедливость требует добавить. Какими бы мне сейчас ни казались книги Гайдара, сам он — в свои лучшие, здоровые годы — запомнился как веселый человек, интересный собеседник, добрый товарищ.

*Сентябрь 1987. США.*

***ANNEX***

---

---

*«Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непротерпима... Но процесс восстановления справедливости не был доведен до конца и практически приостановлен в середине 60-х годов... Политбюро ЦК создало комиссию для всестороннего рассмотрения новых и известных ранее фактов и документов, относящихся к этим вопросам... Мы должны это сделать. Тем более, что еще и сейчас встречаемся с попытками отвернуться от больших вопросов нашей истории, замолчать их, сделать вид, что ничего особенного не произошло. С этим мы не можем согласиться. Это было бы пренебрежением к исторической правде, неуважением к памяти тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Не можем еще и потому, что правдивый анализ должен помочь нам решать сегодняшние проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма, — словом, насущные проблемы перестройки».*

*Эти слова М.С. Горбачев произнес 2 ноября 1987 г. Трудно не согласиться с ними. Совершенно ясно, что для восстановления исторической правды и реальной реабилитации жертв сталинизма необходима «демократизация, законность, гласность», а процесс этот может быть лишь открытым и массовым. В нем должны участвовать сами жертвы репрессий, их близкие, советские и зарубежные историки, все — в СССР и в эмиграции, — кто заинтересован в том, чтобы работа по восстановлению справедливости снова не была «приостановлена».*

*Неудача кампании 60-х годов показала, что нельзя проводить такую работу келейным образом, опираться на сведения лишь одного учреждения или одной картотеки, исходить из заранее заданных результатов или предположений. Необходимо самое широкое обсуждение временных границ репрессий, обследование источников, методики сбора и обработки сведений; создание единого опросного формуляра, который включал бы все данные о репрессированных (такой формуляр следовало бы использовать и для предстоящей переписи населения в 1989 г.). Необходимо систематическое освещение результатов этой работы в печати, публикация списков уже известных и вновь выявленных имен осужденных и*

---

---

---

---

погибших, широкое разъяснение целей и методов работы — с тем, чтобы привлечь людей к активному участию в сборе сведений. Лишь полная открытость и всенародное участие могут дать исчерпывающие и достоверные результаты.

Работа комиссии должна опираться на массовые активные силы: общественные организации, неформальные объединения и группы, на отдельных людей. Ее деятельность должна быть открыта для всех без исключения, кто заинтересован в восстановлении исторической правды.

Такая общественная работа может принимать самые различные формы, например, групп содействия, образованных по территориальному, профессиональному или иным принципам. Эти группы будут проводить опросы на местах, собирать воспоминания очевидцев, разыскивать документы, проводить первичную обработку полученных данных. Они должны получить доступ в местные и государственные архивы, должны обладать возможностями для обмена сведениями с другими группами и предоставления их всем заинтересованным лицам. С этой целью необходимо организовать периодические издания, в которых освещались бы результаты работы отдельных групп и центральной комиссии, давались ответы на запросы с мест о судьбах отдельных людей и т.д.

В такой работе может принять участие и эмиграция, и западные ученые — организуя группы сбора информации, обследуя западные архивы, опрашивая очевидцев и репрессированных, обсуждая полученные сведения на страницах эмигрантской печати или специального периодического издания. Необходимость исследований такого рода очевидна, и участвовать в них может каждый, независимо от его отношения к советскому строю или его политических взглядов.

Только сопоставление результатов опроса с архивными и мемуарными материалами, существующими в Советском Союзе и на Западе, — позволит составить относительно полные списки жертв репрессий и получить их надежную количественную оценку. Это — наш общий долг перед погибшими и перед собственной историей. Не заполнив до конца этой страшной страницы, невозможно считать ее навсегда закрытой, как и невозможно двигаться дальше.

---

---

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авербах Л.Л. 55, 338, 339, 341, 347, 348  
 Авксентьев Н.Д. 250, 255, 314  
 Аврех, эмигрантский журналист 285, 286  
 Агафонов Е.А. 30, 31, 46  
 Агнивцев Н.Я. 277, 278  
 Агурский М. 359-377  
 Адамович Г.В. 230, 236, 257, 258, 306, 307, 311, 312, 318-320, 323, 326  
 Азеф Е.Ф. 253, 255  
 Айере Ш. 337  
 Айзенберг И.В. 284-286  
 Айзенберг М.В. 284-286  
 Айхенвальд Ю.И. 220, 270  
 Акинсемойн И. 140  
 Аксаков И.Т. 20, 27  
 Аксенов И.А. 201, 202  
 \*Алданов М. (Ландау М.А.) 230, 232, 235, 249, 250, 253-259, 261, 262, 296, 313, 327  
 Александр, король сербский 251  
 Александра Федоровна, имп. 360, 368  
 Александрова В., критик 348  
 Александрова Т., коллекц. 142, 163  
 Алексеев, электрик 81  
 Алексей, царевич 273, 274  
 Алерамо С. (\*Рина Фаччио) 168  
 Аллой В. 205-221  
 Алферов А., прозаик 313, 314.  
 Альбенис И. 166  
 Амиранашвили Ш. 185  
 Амфитеатров А.В. 249, 251  
 Андерсон Г.-Х. 71  
 Андреев А.А. 93, 94  
 Андреев В.Л. 310  
 Андреев Л.Н. 207, 210, 216, 219, 220, 245, 248  
 Андреев Н.Е. 288, 289  
 Андреева И. 229  
 Андреева М.Ф. 375  
 Андроникашвили К. 135  
 Андроников И.Л. 61, 66, 67, 77, 78, 142  
 Анисфельд Б.И. 26, 45  
 Аничков Е.В. 216  
 Анненков Ю.П. 134  
 Анненский И.Ф. 320  
 Антокольский П.Г. 63, 93  
 Антонов С.П. 114, 115  
 Апрелева-Зданевич О.Г. 126, 127, 130, 137-141, 151, 154  
 Арагон Л. (Aragon L.) 142, 329-333, 342, 344, 345, 349  
 Арватов Б.А. 7  
 Аросев А.Я. 144  
 Архангельский А.Г. 60  
 Асеев Н.Н. 8, 10  
 Аспиз Е.М. 356  
 \*Ахматова (Горенко) А.А. 55, 111-113, 115, 116, 118, 313, 315  
 Ашбе А. 28, 46  
 Ашкинази В.А. (\*Азов В.) 284, 285, 287, 290  
 Ашкинази Н.Ф. 284, 285, 287, 290

Курсивом выделены номера страниц, где соответствующее лицо выступает как автор или публикатор. Звездочкой (\*) отмечены псевдонимы или криптонимы.

- Бабель И.Э. 55, 106, 340  
 Багратишвили К. 144  
 \*Багрицкий Э. (Дзюбин Э.Г.) 106, 320  
 Бажанов Б. 341  
 Байсенберг, литератор 110  
 \*Бакст (Розенберг) Л.С. 166  
 Балашов А.А. 53  
 Балиев Н.Ф. 276-278  
 Балла Дж. 166, 174, 178, 194  
 Балльер А. 184  
 Бальмонт К.Д. 22, 230, 233, 246, 247, 253, 255  
 Балтрушайтис Ю. 220  
 Бальзак О. де 96  
 Баранов-Россине В.Д. 9, 31, 46  
 Барановская С.П. 249, 250  
 Бардин, полковник КГБ 379  
 Барт В.С. 130, 131, 143, 157, 162, 164  
 Бахрах А.В. 230, 232, 249, 250  
 Баядзе, владелец духана 158  
 Безвал А. 46  
 Безыменский А.И. 338  
 Бейер Т. 222-227  
 Бек А.А. 80  
 Белкин А.С. 214  
 \*Белый А. (Бугаев Б.Н.) 55, 168, 205-208, 209-212, 213-221, 228, 229, 233, 244, 257, 272, 300, 309, 321, 322, 325  
 Беляев В.А. 215  
 Бем А.Л. 310  
 Беме Я. 367  
 Бенатов Л.М. 177, 178  
 Бенуа А.Н. 40, 41, 43, 52, 187, 188, 197, 200, 202  
 Берберов Н.И. 265, 266  
 Берберов Р.И. 249, 261  
 Берберова А.Р. 260, 261, 270  
 Берберова (ур. Караулова) Н.И. 265, 266, 299  
 Берберова Н.Н. (\*Ивелич) 168, 228, 230-328, 331, 362, 375  
 Берберовы, семья 246  
 Бердяев Н.А. 206, 367, 368  
 Берзин Ю.С. 107  
 Берия Л.П. 57, 63, 78, 82-85, 87, 89, 90, 93, 100  
 Бернар Э. 192  
 Бернхардт Л. 229  
 Бетеа Д. (Bethea D.) 228-327  
 Бехтерев В.Н. 41, 53  
 Билибин И.Я. 46, 197, 202, 355, 356  
 Бискупские, семья 29  
 Бицилли П.М. 254, 317, 318  
 Блок А.А. 51, 92, 168, 206-218, 220, 228, 229, 324, 325  
 Блок (ур. Менделеева) Л.Д. (\*Басаргина) 206, 208-210, 213-216  
 Блох Р.Н. 326  
 Блох Я.Н. 322, 323, 325  
 Блохин Н.К. 50  
 Блюм Л. 314, 315  
 Боборыкин П.Д. 264, 266  
 Бобринский П.А. 249, 250, 265, 281  
 Бобров С.П. 8  
 Богданов М.Н. 25, 44  
 \*Божидар (Гордеев Б.П.) 8  
 Болотников, редактор 347  
 Большаков К.А. 8  
 Бонч-Томашевский М.М. 184  
 Боратынский Е.А. 299  
 Борис П., врач 334  
 Бородин А.П. 314, 315, 318, 323, 325  
 Босх ван А. 193  
 Боткин С.П. 56  
 Боулт Дж.Э. 183-202  
 Боцяновский В.Ф. 354  
 Боччиони У. 193  
 Брагалья А.-Д. 167  
 Брагалья К.-Л. 167  
 Брак Ж. 124, 132, 133, 192  
 Браун К. (Brown C.) 222, 223  
 Браун М. 337  
 Брешко-Брешковский Н.Н. 40, 52, 53  
 Брик Л.Ю. 142, 145, 332  
 Брик О.М. 9  
 Бродский И.А. 14  
 Бродский И.И. 26, 31-32, 44, 45, 50



- Брокер-Зданевич А.-С.-Э. 139, 141, 143  
 Брыкин Н.А. 104  
 Брюсов В.Я. 23, 43, 206-208, 210-220, 233, 245, 248  
 Бубеннов М.С. 62-65, 68, 76-78, 81, 92, 94-96, 102  
 Бубеннова В., жена М.С. Бубеннова 63, 64, 66, 68, 78  
 Бугаев Н.В. 309, 324, 325  
 Бугаевы, семья 215  
 Будберг (ур. Закревская, по 1-му мужу Бенкендорф) М.И. 316, 331  
 Будкевич К., кат. свящ. 361, 362  
 Булгаков М.А. 55, 349  
 Булгаков С.Н. 367  
 Булыгин М.В. 29, 46  
 Бунин И.А. 137, 219, 220, 230, 232, 233, 235, 245, 248-251, 254-256, 258, 261, 262, 269, 270, 313, 315, 325, 353-355  
 Бунина В.Н. 245, 251, 256, 261, 262, 265  
 Буренин Н.Е. 213  
 Бурлюк А.В. 16  
 Бурлюк А.Ф. 15  
 Бурлюк В. 16  
 Бурлюк В.Д. 23, 28, 29, 31-34, 40, 43, 49, 52, 184, 192, 201  
 Бурлюк В.Ф. 15  
 Бурлюк Д.Д. 7-13, 14-41, 42-53, 184, 186, 190, 192, 197, 198, 200, 201  
 Бурлюк Д.Д., сын Д.Д. Бурлюка 50  
 Бурлюк Д.Ф. 15, 20, 25, 27, 29, 32, 42  
 Бурлюк Е.Ф. 15  
 Бурлюк Ев.Ф. 15  
 Бурлюк И.В. 16-19  
 Бурлюк (ур. Михневич) Л.И. 16, 19, 21, 24, 29, 44  
 Бурлюк М.В. 16, 17  
 Бурлюк М.Д. 30, 42, 46  
 Бурлюк (ур. Еленевская) М.Н. 9, 11-14, 25, 30, 43-45, 51  
 Бурлюк М.Ф. 15  
 Бурлюк Н.Д. 8, 30, 33, 40, 44, 46  
 Бурлюк Н.Д., сын Д.Д. Бурлюка 50  
 Бурлюк Т.Ф. 15  
 Бурлюк Ф.В. 15, 16, 18, 19  
 Бухарин Н.И. 73, 74, 97, 329, 339-342, 348, 349  
 Быковцева Л., литературовед 334  
 Вагнер Р. 134  
 Важдаев В., критик 58  
 Валишевский С. 133, 139-141, 143, 154  
 Ван-Гон В. 31, 32  
 Василий, кат. дьякон 361-366  
 Васильев С.А. 62-67, 92-94  
 Васильева С. 183  
 Васильковский С.И. 30, 46  
 Васнецов А.М. 188, 197, 200, 202  
 Васнецов В.М. 188, 197, 200, 202  
 Вейдле В.В. 230, 234, 239-241, 244, 246, 249, 250, 267, 269, 270, 276, 278, 279, 283, 291, 292, 299, 320, 321, 326  
 Вейдле-Барановская Л.П. 249, 250, 267, 269, 279, 288, 291, 319  
 Вениг А.К. 24, 44  
 Вениг К.Б. 44  
 Вергилий М.П. 221  
 Вережкина М.В. 46  
 Вержбицкий Н.К. 358  
 Верлен П. 170  
 Вермель С.М. 34, 49  
 Верн Ж. 304, 305  
 Верхарн Э. 218  
 Верховской Ю. 229  
 Веснин А.С. 214  
 Веснин Л.А. 60  
 Виардо П. 306  
 Вильдельбанд В. 222  
 Вильчковский Е. 326  
 Винавер В.Г. 241  
 Винавер М.М. 238  
 Вишневский В.В. 339, 382  
 Вишняк М.В. 229, 250, 253, 255-258, 261, 263, 265, 276, 278, 304, 314, 319, 321

- Вишняки, семья 253, 256, 257, 265, 268, 269  
 Волохова Н.Н. 213  
 Волошин М.А. 41, 53, 212, 230  
 Волошины, семья 229  
 Вольф М.О. 20  
 Вольфсон М.К. 253, 255-257, 261, 266, 279, 282  
 Вольфсон Э.С. 253, 255-257, 261, 266, 279, 282  
 \*Вольнский (Флексер) А.Л. 306, 307  
 Воронский А.К. 141, 144  
 Ворошилов К.Е. 73, 91, 335  
 Врангель П.Н. 254  
 Врубель М.А. 32, 41, 161, 187, 188, 197, 200, 202  
 Вульферт Ю.В. 214  
 Вырубова А.А. 375  
 Вышинский А.Я. 337, 347  
  
 Гавриил Константинович, вел.кн. 375  
 Газданов Г. (Г.И.) 306, 307  
 \*Гайдар А. (Голиков А.П.) 382-390  
 Гальперин-Каминский И.Д. 233, 245-247  
 Гамильтон Г. 377  
 Гамсахурдиа К.С. 65, 69  
 Гамсун К. 246  
 Ганецкий Я.С. 238  
 Гансон В., эмигр. поэт 310  
 Гароди Р. (Garaudy R.) 331  
 Гарэтто Э. 165-182  
 Гауш А.Ф. 184  
 Гейро Р. 123-164  
 Геллер М.Я. 337, 338  
 Герланд Б. 336, 342  
 Герлинг-Грудзинский Г. 328, 336  
 Гершензон М.О. 168, 228, 230  
 Гессен И.В. 263  
 Гидаш А. 58  
 Гингер А.С. 310, 326  
 Гиппиус З.Н. (\*Антон Крайний, тов. Герман) 205-215, 217, 220, 228-230, 235, 239, 241, 245, 246, 248, 256, 295, 311  
 Гиппиус Т.Н. 206, 215  
 Гитович А.И. 104, 105, 107-109, 111, 112, 114, 116-119  
 Гитович (ур. Левина) С.С. 104-119  
 Глез А. 192, 201  
 Глинка Г., журналист 331, 347  
 Гоген П. 31, 194  
 Гоголь Н.В. 20, 158, 168  
 Голенищев-Кутузов А.А. 245, 248  
 Голиков Т.А. 388  
 Голикова Т.П. 388  
 Голлербах Э.Ф. 9, 12  
 Голованов М.К. 268, 283, 288  
 Голованова Е.К. 268, 269, 288  
 Головина А.С. 310, 312  
 Головина Р.Я. 80, 81  
 Гольдони К. 165, 166  
 Гомперс С. 98  
 Гончаров А.Д. 143, 144  
 Гончарова Н.С. 8, 33, 47, 48, 53, 131, 165-169, 170-182, 183, 185, 198, 199, 201, 202  
 Горбачев Г., критик 347  
 Горлин М.Г. 308, 309, 326  
 Горлина Р.Н. 308, 309  
 Городецкий С.М. 40, 52, 207, 211, 220  
 Горчаков А.М. 285  
 \*Горький М. (Пешков А.М.) 14, 22, 34, 50, 73, 74, 99, 100, 149, 168, 207, 216, 220, 228, 230, 232, 233, 235, 237, 238, 245-247, 249, 257, 272, 285, 304, 305, 312, 317, 319, 321, 328-350, 359-377  
 Готье Т. 9  
 Гофман М.Л. 261, 263, 308  
 Гошкевич В.И. 15, 42  
 Грабарь И.Э. 11, 36, 37, 46, 50, 51  
 \*Гранин (Герман) Д.А. 56  
 Гржебин З.И. 244  
 Грибачев Н.М. 102  
 Григорович, эмигр. писательница 231, 243, 244  
 Григорович Д.В. 244, 245, 247  
 Григорьев Б.Д. 39, 51  
 Григорьев Н.Ф. 112  
 Григорьев С.Л. 165

- Гринберг В.Б. 214  
 Громова У.М. 72  
 Гроссман В.С. 378-382  
 Гроссман О.М. 379, 380  
 Грот Я.К. 266  
 Груздев И.А. 331  
 Грюнвальд И.К. 327  
 Губельман М.И. 80  
 Гудиашвили Л. 130  
 Гукасов А., племянник А.О. Гукасова 287, 288  
 Гукасов А.О. 233, 242, 273, 274, 282, 287, 288, 298  
 Гумилев Н.С. 164, 297  
 Гурвич А.С. 81  
 Гурджиев (Гюрджиев) Г.И. 126, 128  
 Гуро Е.Г. 8, 40, 51, 53, 184  
 Гучков А.И. 214  
  
 Давыдов, художник 27, 45  
 Даманская А.Ф. 261, 263  
 Данзас Ю.Н. (Danzas J., \*Николаев Ю.) 359-377  
 Данзас Я.Н. 365  
 Д'Аннунцио Г. 167  
 Девриен, изд. 20  
 Де Голль Ш. 337  
 Дельвиг А.А. 327  
 Дельтей Ж., врач 334  
 Демидов И.П. 257, 258, 271, 272, 327  
 Ден В.Е. 327  
 Дени М. 28  
 Денисов-Уральский А.К. 40, 52  
 Деперо (Depero) Ф. 165, 166  
 Державин Г.Р. 231, 234, 236, 250, 252, 257-259, 262, 266, 267, 269, 271, 272, 275, 276, 279, 280, 286, 308  
 Джабаев Дж. 70  
 Джакометти А. 140  
 Дзержинский Ф.Э. 237, 238  
 Диасамидзе Г. 163  
 Диатроптов Б. 229  
 Диц В. фон 28, 46  
 Добролюбов Н.А. 20  
 Добрынин П.С. 27, 45  
 Долинский Н.В. 317  
 \*Дон Аминадо (Шполянский А.П.) 257, 258, 261, 313  
 Дон Левин И. 328  
 Достоевский Ф.М. 8, 99, 168, 316, 341  
 Драйер К.С. (Drier K.) 12, 45, 51  
 Дриттенпрейс В.П. 33, 48  
 Дряхлов В.Ф. 310  
 Дубинская Т., критик 343  
 Дузе Э. 168, 169, 171-177, 179, 180  
 Дульский П.М. 27, 45  
 Дымов О.И. 51  
 Дымшиц А.Л. 353-357  
 Дэрме П. 133  
 Дюшен М. 192  
 Дюамель Ж. (Duhamel G.) 345  
 Дягилев С.П. 165, 166, 169, 182, 200  
  
 Евангулов Г. 154  
 Евреинов Н.Н. 9, 40, 52, 134, 214  
 Ежов Н.И. 55, 82, 341  
 Екатерина II, имп. 313  
 Еленевский Н.И. 25  
 Еленевский П.Н. 25  
 Ельчанинов А., свящ. 163  
 Ермолаева В., художница 124  
 Емельянов Б., критик 389  
 Есенин С.А. 358  
 Ефимов Б.Е. 333  
  
 Жаннере Ш.-Э. (\*Ле Корбюзье) 133  
 Жаткин П.Л. 357  
 Жданов А.А. 111, 112, 346  
 Жевержеев Л.И. 41, 53  
 Жид А. (Gide A.) 344, 345, 349  
 Жолтовский И.В. 377  
 Жордания Н.Н. 127  
 Жорес Ж. 209, 215  
 Жорж В. 133  
  
 Заболоцкая (урожд. Клыкова) Е.В. 107, 108  
 Заболоцкий Н.А. 107, 338

- Забурдаев Н.А. 370  
 \*Зазубрин (Зубцов) В.Я. 65, 71, 335, 336  
 Заикин И.М. 356  
 Зайцев, работник ОГПУ 384  
 Зайцев Б.К. 219, 220, 230, 232, 235, 239, 241, 245, 249, 250, 253, 258, 259, 261, 270, 279, 282, 284, 288, 291, 306, 307  
 Зайцев К.И. (архим. Константин) 253, 254  
 Зайцева В.Н. 239, 241, 250, 258, 259, 261, 270, 279, 291  
 Зак Я., знакомый Н.Н. Берберовой 267  
 Закс Б.Г. 378-390  
 Замятин Е.И. 144, 340  
 Заславский Д.И. 341  
 Зданевич А.А. 140  
 Зданевич А.К. 126, 130, 132, 133, 135, 147  
 Зданевич В.А. 152, 153  
 Зданевич (ур. Валишевская) В.В. 126-128, 130, 132-135, 137  
 Зданевич В.К. 153, 154  
 Зданевич (ур. Гамкрелидзе) В.К. 126-128, 143, 145, 150, 153, 155  
 Зданевич Д.И. 144, 155  
 Зданевич И.А. 143  
 Зданевич И.М. (\*Ильязд, Эли Эганбюри) 8, 123-156, 157-164, 184, 185, 201  
 Зданевич К.М. 123-125, 126-155, 156, 161-164, 185, 201  
 Зданевич М.А. 126, 127, 143, 145, 150, 153, 155, 161, 163, 164  
 Зданевич М.И. 141, 142  
 Зданевич Ш.И. 140  
 Зданевич-Дуар Э. 140  
 Зеленская (ур. Чолокашвили, по 2-му браку Рафалович) М. 126, 128, 135  
 Зеленский К.Д. 136, 137  
 Зелинская Т.Л. 82, 86  
 Зелинский К.Л. 54-65, 66-103  
 Зелинский Ф.Ф. 56  
 Земенков Б.М. 186  
 Зензинов В.М. 253, 255, 285, 287, 327  
 Зернов В.М. 128, 142  
 Зернов М., врач 128  
 Зернов Н.М. 128  
 Зернова С.М. 128  
 Зерновы, семья 126, 128  
 \*Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. 328, 337, 362  
 Зиновьева-Аннибал Л.Д. 207  
 Злобин В.А. 239, 240, 264, 275  
 Золя Э. 245, 248  
 Зошенко М.М. 105-119  
 Зубарев М., искусствовед 13  
 Зуров Л.Ф. 253-255, 261, 263, 321, 326  
 Ибсен Г. 177  
 Иванов А.А. 161, 197, 202  
 Иванов В.И. 40, 168, 207-210, 211, 215-218, 220, 222, 228-230  
 Иванов Вс.И. 61, 67, 103, 144, 334, 339  
 Иванов Г.В. (\*Кондратьев К.) 49, 230, 276, 277, 319, 320, 326  
 Иванова Т.В. 331  
 Ивановская-Ливанова Н.Н. 27, 45  
 Ивантер Б. 387  
 \*Ивнев Р. (Ковалев М.А.) 8  
 Извольская Е.А. 306, 307  
 Издеский В.А. 8, 29, 33, 41, 44, 48  
 Ильин И.Х. 13  
 \*Ильф И. (Файнзильберг И.А.) 291  
 Инбер В.М. 60, 73  
 Инге Ю.А. 104  
 Иоанн VI, царь 317  
 Иофан В.М. 377  
 Каганович Л.М. 73, 91  
 Казакевич Э.Г. 66  
 Казелла А. 167, 168, 171, 174, 178, 179  
 Казелла (Муллер) И. 179  
 Кайзер Г. 135, 136  
 Какабадзе Д. 130, 131, 157, 160  
 Калишевич — см. Словцов Р.

- \*Каменев Ю. (Розенфельд Л.Б.) 337, 339-341, 344, 347  
 Каменский А., знакомый А.И. Куприна 355, 356  
 Каменский В.В. 8, 53, 134  
 Каминка А.И. 263  
 Каминская А.Г. 112  
 Кандинский В.В. 8, 34, 46, 49  
 Канчели А.И. 159, 161, 162  
 Каплан М.С. 291, 292, 325, 326  
 Кардовский Д.Н. 46  
 Карл IX 15  
 Карлинский С.А. 228, 300  
 Карпович М.М. 130, 229, 230, 302, 308  
 Карпович Т.Н. 302  
 Карра К. 178, 179  
 Карташев А.В. 206  
 Катаев В.П. 77, 80, 113, 114, 320  
 Катанян В.А. 144, 145  
 Кашницкий В.С. 145  
 Керенский А.Ф. 124, 255, 262-264  
 Керзон Д.-Н. 362  
 Кизеветтер А.А. 254  
 Кикодзе Г. 134  
 Кирико Д. де 168, 176  
 Кирико (ур. Самойлова) Р. де 176  
 \*Киров (Костриков) С.М. 340, 345, 346  
 Кирпотин В.Я. 347, 348  
 Киршон В.М. 347  
 Киссин С.В. (\*Муни) 237  
 Кистьяковский Б.А. 220  
 \*Клычков (Лешенков) С.А. 350  
 Ключников В.П. 341  
 Кнабе И.-А. 33, 48  
 Книпович Е.Ф. 61, 62, 64, 66, 67, 103  
 Кнорринг И.Н. 310  
 \*Кнут Д. (Фихман Д.М.) 240, 310  
 Князев, хореограф 178  
 Кобяков Д.Ю. 310  
 Коваленская А.Г. 215  
 Ковальчик Е.И. 102  
 Коварский И.Н. 276, 277  
 Коган Д.З. 47  
 Кожевников В.М. 379, 381  
 Кокто Ж. 166  
 Колесников С.М. 45  
 Кологривов А., знакомый В.Ф. Ходасевича 306, 307  
 Колца Т. 26, 45  
 \*Кольцов (Фридлянд) М.Е. 329-333, 337, 345, 349  
 Конквест Р. (Conquest R.) 328, 329, 336, 337, 346  
 Коновалов А.И. 310, 311  
 Константинов, журналист 317  
 Кончаловский М.П. 335  
 Кончаловский П.П. 186, 198, 202  
 Корели М. 135  
 Корнейчук А.Е. 81  
 Корнилов Б.П. 105  
 Корнилова Л., жена Б.П. Корнилова 105  
 Короленко В.Г. 372  
 Костанди К.К. 26, 28, 45, 49  
 Котляревский С.А. 220  
 Кочлашвили С., владелец духана 159  
 Козн С. 339, 342, 348  
 Кравченко А.И. 10, 38, 51  
 Крандиевская Н.В. 329  
 Крандиевский-Волькенштейн Ф.Ф. 329  
 Кратт И.Ф. 115  
 Кривель Р. 140  
 Кривицкий А.Ю. 379  
 Кривицкий В. (Krivitsky W.) 345, 346  
 Кривошеин И.А. 327  
 Кролл Г.А. 175, 176  
 Крупская Н.К. 67, 73, 340, 343  
 Крученых А.Е. 8, 10, 11, 49, 53, 124, 125, 130, 133, 137, 138, 144, 147, 200, 201  
 Крымов Н.П. 33, 48  
 Крючков П.П. 336, 342, 344, 347, 365, 366  
 \*Ксенин Д. 7-53  
 Кугульский С.Л. 214  
 Кудашева М. 341, 345  
 Кузмин М.А. 216, 220, 277, 278  
 Кузнецов В.В. 42

- Кузнецова Г.Н. 261-263  
 Кузнецова (ур. Бурлюк) Л.Д. 15, 23, 24, 27, 29, 30, 42, 44, 46  
 Кузьмин Г.Л. 7, 200  
 Куинджи А.И. 28, 40, 51, 52  
 Куйбышев В.В. 336  
 Кук Н. (Cooke N.) 267, 268, 314, 315, 321  
 Куклин Г.О. 107  
 Кульбин Н.И. 33, 40, 41, 49, 52, 53  
 Кульман Н.К. 251  
 Кунцевич М.М. 290, 291  
 Куприн А.И. 230, 232, 249, 251, 313, 314, 353-358  
 Куприна Е.М. 353-358  
 Куприна К.А. 356, 358  
 Куприна-Иорданская М.К. 353-357  
 Курбэ Г. 28  
 Курчатов И.В. 56-58  
 Куталадзе (ур. Зданевич) М.К. 146, 148, 153-155  
 Кутепов А.П. 253, 254, 257, 258  
  
 Ладинский А.П. 288, 289, 297, 306, 309, 326  
 Ладыженский Г.А. 28, 46  
 Лазаревский Б.А. 245, 248  
 Лазо С.Г. 63, 96  
 Ландау Л.А. 295, 296  
 Лапшин Н., художник 124  
 Ларионов М.Ф. 8, 33, 34, 40, 47, 48, 53, 124, 130, 131, 143, 162, 165-169, 170-182, 183-185, 190, 198, 199, 201, 202  
 Лебедев В.И. 289  
 Лебедев В.М. 310  
 Левкиевский В.В. 184, 201  
 Левин Л.Г. 334, 336  
 Левицкий В., журналист 249  
 Ледантю В., отец М.В. Ледантю 164  
 Ледантю М.В. 124, 125, 131, 156, 157, 162-164, 183-185, 186-199, 200-202  
 Леднев В.Х. 13  
  
 Леже Ф. 192, 198, 201  
 Лейтис Н. (Leites N.) 345, 346  
 \* Ленин (Ульянов) В.И. 14, 38, 67, 73, 81, 97, 112, 149, 329, 341, 342, 348, 359, 362, 370, 374  
 Лентулов А.В. 8, 33, 34, 40, 47, 198, 202  
 Леонов Л.М. 63-65, 99-101  
 Лермонтов М.Ю. 20, 26, 232, 271, 272, 307  
 Лесков Н.С. 149, 341  
 Лефоконье А. 186, 192, 201  
 Лефран, фабрикант 144  
 Лешкова О., художница 124  
 Лившиц Б.К. 8, 11, 201  
 Липкин С.И. 378-381  
 Лифшиц М. 313, 315  
 Лидин В.Г. 100  
 Ликиардопуло М.Ф. 220  
 \* Лоло (Мунштейн Л.Г.) 277, 278  
 \* Лондон Д. (Гриффит Д.) 98  
 Лопатин Л.М. 220  
 Лопатинский Б., художник 123  
 Лосский В.Н. 367  
 \* Луганов А. (Хирьякова) 263, 269, 276, 277  
 Луговской В.А. 60  
 Лукаш И.С. 305  
 Лукомский Г.К. 27, 45  
 Луначарский А.В. 9, 37, 67, 216, 233, 247  
 Людвиг Е. (Ludwig E.) 261, 263  
 Людовик XIV 243  
  
 Мазепа И.С. 83  
 Майков А.Н. 245, 247, 296  
 Макеев Н.В. 256, 257, 261, 301, 303, 304, 311, 312, 314, 316-319, 322, 324, 326  
 Маклаков В.А. 262, 263  
 Маковский К.Е. 219  
 Маковский С.К. 33, 48, 211, 218, 219, 276, 277  
 Максимова В.А. 339  
 Малевич К.С. 8, 53, 133, 138, 184, 201  
 Маленков Г.М. 91, 93

- Малипиеро Ф. 167  
 Малицкий Г. 229  
 Мальмстад Д. (Malmstad J.) 228, 231, 233, 241, 274, 306  
 Мальро А. 330  
 Малявин Ф.А. 41  
 Мамченко В.А. 310  
 Мандельштам (ур. Хазина) Н.Я. 58  
 Мандельштам О.Э. 55, 58, 222-227, 230, 231  
 Мандельштам Э.В. 223, 224  
 Мандельштам Ю.В. 283, 284, 309, 310, 326  
 Марголина М.Б. 292, 295, 296  
 Марголины, семья 291  
 Маргулис М.С. 261, 262  
 Марзадури М. (Marzaduri M.) 154  
 Марков В.И. (\*Матвейс В.) 184, 201  
 Маринетти Ф.-Т. 123, 161, 162, 166, 167, 178, 179, 201, 218  
 \*Марков О. 362  
 Мартыщенко М.П. (он же Греков М.Б.) 26, 27, 31, 32, 45  
 Масанов И.Ф. 361  
 Масарик Т.Г. 313, 314  
 Матисс А. 161, 166, 194, 202  
 Матюшин М.В. 43, 51, 53, 138, 184, 201  
 Мацевский И.И. 263  
 Машков И.И. 198, 202  
 Маяковская О.В. 79  
 Маяковский В.В. 8, 10, 14, 37, 38, 43, 49, 53, 55, 62, 70, 77, 79, 96, 119, 138, 145, 147, 150, 200, 338, 358  
 Медведев Г.А. 25, 27, 44  
 Медведев Р.А. 343  
 Мейерхольд В.Э. 9, 43, 133, 168, 215  
 Мельников К.С. 60  
 \*Мельникова (Барковская, урожд. Каплан) С.Г. 126, 127, 133  
 Менделеев Д.И. 215  
 Менделеева (урожд. Попова) А.И. 215  
 Мережковские, семья 208, 215, 217, 249, 251, 256  
 Мережковский Д.С. 41, 53, 205-208, 212, 215, 230, 239, 241, 245, 248  
 Местрович И. 168  
 Метнер Э.К. (\*Вольфинг) 211, 218, 220  
 Метцанже Ж. 186, 192, 201  
 Микадзе А. 143, 144  
 Милиоти В.Д. 248  
 Милиоти Н.Д. 245, 248, 274, 279, 280  
 Милош А. (Milloss A.) 181, 182  
 Мильруд М.С. 239  
 Милюков П.Н. 242, 258, 262-264, 308, 320, 321  
 \*Минин Д. 362  
 \*Минский (Виленкин) Н.М. 215  
 Миншлова А.Р. 205  
 Мицишвили Н. 132, 133  
 Мицкевич А. 221  
 Мишо П. (Michaut) 177, 178, 181  
 Мишонзе Г. 140  
 Мирошниченко Г.И. 107  
 Михаил Александрович, вел.кн. 29  
 Михневич В.О. 19, 42  
 \*Молотов (Скрябин) В.М. 73, 335  
 Молчанов И.Н. 338  
 Мороз П., журналист 344  
 Морозов И.А. 202  
 Моруа А. 261, 263  
 Мукерман Ф. (Muckerman F.) 377  
 Муратов П.П. 168, 244, 253, 254, 258, 282  
 Мюфке К.-Г.-Л. 25, 27, 44  
 Мясин Л.Ф. 165, 178  
 Набоков В.В. (\*Сирин) 229, 230, 236, 255, 270, 306, 307, 310, 313, 316-318, 327  
 Набоков В.Д. 263  
 Народный И., художник 39  
 Нат Е.Л. 356  
 Недригайлов, врач 30  
 Нейман Ф. (Neumann F.) 222, 223, 227

- Некрасов Н.А. 20  
 Некрич А.М. 338  
 Нестеров М.В. 188, 200  
 Нидермиллер (ур. Ходасевич, по 1-му браку Кан) Е.Ф. 239-241, 252, 253, 256, 264, 292, 297, 324  
 Нидермиллер Н.Г. 240-242, 324  
 Нидермиллер Н.Н. 291, 292, 324, 325  
 Никандров Н.Н. 355, 356  
 Никё М. 328-350  
 Никитин Н.Н. 112  
 Николаевский Б.И. (Nicolaevski) 331, 339-342, 347  
 Николай I, имп. 313  
 Николай II, имп. 253  
 Никулин Л.В. 341, 342  
 Нилин П.Ф. 66, 68, 80  
 Ницше Ф. 361  
 Нотович О.К. 19, 42  
 Нувель В.Ф. 216
- Оболенский В.А. 201  
 Овсяный, художник 26, 27, 45  
 Овчаренко А.И. 338  
 Одоевцева (ур. Генике) И.В. 319, 320, 326  
 Озанфан А. 133  
 Олейников Н.М. 107  
 Оленина-д'Адельгейм М. 129  
 Олеша Ю.К. 106, 320  
 Олсуфьев Д.А. 302  
 Ольденбургский А.П. 369  
 Орджоникидзе С.К. 343  
 Орланд Л.М. 27, 31, 32, 45  
 Орлов А. 328, 331, 339, 341  
 \*Осоргин (Ильин) М.А. 258, 271, 272, 319  
 Осоргина Р.Г. (Рери) 256, 258, 261-263, 297  
 Осоргина (ур. Бакунина) Т.А. 258  
 Оттокар Н.П. 319, 321  
 Оцуп Н.А. 260
- Папаушкова Н.Ф. 313, 314  
 Папини Д. 168, 171, 174, 175, 177  
 \*Папюс (Encausse G.-A.-V.) 368  
 Паркин В., критик 185  
 \*Парнах В. (Парнок В.Я.) 8, 153, 154  
 Парнок С.Я. 154, 230  
 Паскин Ж. 140  
 Пастернак Б.Л. 8, 55, 70, 144, 328, 341  
 Пастернак Л.О. 49  
 Паули, владелец пансиона 284  
 Паустовский К.Г. 127  
 Пестриков М.Р. 30, 46  
 Петр I, имп. 15, 196  
 \*Петренко Н. 329  
 \*Петров Е. (Катаев Е.П.) 291  
 Петрова В.Ф. 356  
 Петровская Н.И. 215, 244  
 Пешков З.А. 331  
 Пешков М.А. 328, 329, 342  
 Пешкова Е.П. 319, 321, 328, 362-365  
 Пешкова Н.А. 329  
 Пизис Ф. де 167  
 Пикабия Ф. 192  
 Пикассо П. 124, 132, 133, 140, 156, 166, 167, 189, 192, 194  
 \*Пильняк Б. (Вогау Б.А.) 10, 55, 144, 338  
 Пиранделло Л. 168  
 Пиросманишвили Н. 124, 125, 134, 139-144, 150-152, 156-161, 163, 185  
 Пирумовы, семья 141, 155  
 Писемский А.Ф. 341  
 Пискунов М.Ф. 28, 46  
 Платон 21  
 Платонов А.П. 378  
 Плетнев Д., врач 336, 342  
 Плоткин Л.А. 117  
 Поддубный И.М. 356  
 Поджи В. 377  
 Подолинский А.М. 215  
 Познер В.С. 238  
 Познер Г.С. 238  
 Познер С.В. 237, 238  
 Поликарпов, чл. ССП 72
- Павленко П.А. 73, 74, 82, 88  
 Павлов В., редактор 214  
 Панферов Ф.И. 91, 339, 347, 348



- Полонский А.Я. 208  
 Полонский В.П. 22, 23, 43  
 Поляков А.А. 257, 258, 271, 272, 310, 311  
 Поляков Ю.А. 349  
 Полянина С. 229  
 Поплавская, невестка Б.Ю. Поплавского 319, 320  
 Поплавский Б.Ю. 150, 306, 310, 320  
 Попов И., коллекционер 142, 163  
 Попов Н., кинотехник 330  
 Попов Н.Е. 214  
 Попов-Иорини А.А. 28, 46  
 Пордедж Д. 367  
 Поскребышев А.Н. 86  
 Поспелов Г., искусствовед 185  
 Поступальский И., художник 12  
 Потемкин В.П. 357  
 Потемкин П.П. 277, 278  
 Прегель С.Ю. 319, 320, 326  
 Примаков В.М. 332  
 Присманова А.С. 310, 326  
 Пришвин М.М. 350  
 Прокопенко, врач 273, 274, 279  
 Пруст М. 307  
 Проньер А. (Prunières Н.) 174, 175  
 Пуанкаре Р. 155, 245, 248  
 Пумпянская, знакомая В.Ф. Ходасевича 313, 315  
 Пуни И.А. 8  
 Пунин Н.Н. 9  
 Пушкин А.С. 8, 19, 42, 49, 83, 93, 183, 232, 233, 235, 236, 265, 271, 272, 285, 286, 300, 307, 325, 327  
 Пушкин Г.А. 42  
 Пшибышевский С. 43  
 Пятницкий К. 331  
 Равель М. 166  
 \*Радек (Собельсон) К.Б. 340, 347  
 Раевская-Хьюз О. 154  
 \*Раевский Г. (Оцуп Г.А.) 309, 326  
 Райх З.Н. 168  
 Рафалович С.Л. 136  
 Рафаэль Санти 49  
 Регинин В., журналист 357, 358  
 Рейснер Л.М. 85  
 Ремизов А.М. 22, 40, 43  
 Ренуар П.-О. 249, 250  
 Репин И.Е. 14, 28, 31, 41, 46, 47, 49, 53, 200  
 Рерих Н.В. 197, 202  
 Рибемон-Дессень Ж. 140  
 Рид Г. (Read Н.) 13  
 Рид Д. 10, 11, 97  
 Рид Н. 228  
 Ризниченко Ф.П. 24, 44  
 Римский-Корсаков Н.А. 165, 166  
 Риччарди (Рикарди) А. 166, 174  
 Робакидзе Г. 135, 136  
 Роден О. 168  
 Рождественский В.В. 33, 48  
 Розанов В.В. 206  
 Роллан Р. (Rolland R.) 233, 245-247, 341, 343-346, 349, 369  
 Романов С.М. 184, 201  
 Романовский А.К. 339  
 Ромов С.М. 131, 138, 151-156  
 Ронен О. 228  
 Россини Д. 178  
 Ростан Э. 245, 248  
 Рошина-Колесова А.И. 24, 44  
 Рублев А. 196  
 Рубцов А.А. 184  
 Руднев В.В. 250, 255, 293, 294, 314, 316, 317, 319  
 Русолло Л. 194  
 Руссо А. 195  
 Руставели Ш. 135  
 Рысс П.Я. 288  
 Рыссельберг М. ван 344  
 Рябушинские, семья 365  
 Рябушинский В.П. 214  
 Рябушинский Н.П. (\*Шинский Н.) 47, 211, 215, 216, 218-220, 341  
 Саблин В.М. 214  
 \*Савельев А. (Шерман С.Г.) 261, 263  
 Савинков Б.В. (\*Ропшин В.) 297  
 Савинкова Е.И. 297  
 Сагайдачный Е.Я. 162, 184  
 Садовской Б.А. 229

- Сазонова-Слонимская Ю.Л. 274, 279
- Салтыков А.А. 277, 278
- Сальмон А. 133
- Санович И., коллекционер 152
- Сапунов Н.Н. 33, 47
- Сарнов Б.М. 390
- Свердловы, семья 341
- Свечин, генерал 31
- Свирский Г.Ц. 341
- Святополк-Мирский, владелец поместья 27, 44, 45
- Святополк-Мирский Д.П. 150, 347, 348
- Сев М.Г. 239, 241
- Северини, художник 193, 194
- \*Северянин И. (Лотарев И.В.) 8
- Сезанн П. 30, 32, 33, 191, 192, 194
- Сельвинский И.Л. 60, 71, 89
- Семенов М.Н. 166
- Семенов Ю.Ф. 311, 312
- Сенека Л.-А. 221
- Сергеев, работник Госиздата 111
- Сергеев-Ценский С.Н. 216
- Сергий, митр. 367
- \*Серж В. (Serge V., наст. фамилия Кибальчич) 337, 340, 341, 345, 346, 368, 369
- Серов В.А. 28, 49
- Симбирцев Вс., двоюродный брат А.А. Фадеева 63, 96
- Симбирцев И., двоюродный брат А.А. Фадеева 63, 96, 97
- Симков, врач 306, 307
- Симонов К.М. 118
- Синьорелли А. 167-169, 171-177
- Синьорелли В. 169, 173, 174, 181
- Синьорелли Е. 169, 172, 173, 179, 181
- Синьорелли М. 169, 172-174, 176-179, 181, 182
- Синьорелли (ур. Ресневич) О.И. 165-182
- Синьяк П. 193
- Скарлатти А. 166
- \*Скиталец (Петров С.Г.) 216, 356
- Сковорода Г. 250
- Скрябин А.Н. 285
- \*Словцов Р. (Калишевич Н.В.) 269-272, 327
- Слоним М.Л. 289
- Слонимский М.Л. 105
- Случевский К.К. 245, 248
- Смирнов П.И. 214
- Смирнов С.В. 62-65, 68
- Смоленский В.А. 288, 289, 306, 309, 310, 313, 323, 326
- Снесарева-Казакова Н. 246, 249
- Соколов С.А. (\*Кречетов С.) 209, 215, 216, 219, 220
- Соловьев В.С. 205, 220, 221, 245, 247, 361, 367
- Соловьев М.С. 220
- Соловьев С.М. 207, 208, 212, 215-218, 220, 221
- Соловьева-Коваленская О.М. 220
- Сологуб (ур. Зайцева) Н.Б. 290
- \*Сологуб (Тетерников) Ф.К. 216
- Соломянская Р. 388
- Сомов К.А. 200
- Сосновский Л., критик 138, 341
- \*Софиев Ю. (Бек-Софиев Ю.Б.) 310
- Софокл 221
- Софроницкая (ур. Скрябина) Е.А. 285
- Спадини А. 168, 171, 172, 174, 175
- Спандиков Э.К. 184
- Спаский С.Д. 127, 164
- Спиридонович А.И. 307
- Спиридонович М., приятельница Б.К. Зайцева 306, 307
- Ставров П.С. 320
- Ставрова М.И. 319, 320
- \*Ставский (Кирпичников) В.П. 347, 357
- \*Сталин (Джугашвили) И.В. 55, 56, 58, 62, 63, 65, 71-75, 78, 81-83, 85-92, 103, 328, 329, 331, 333, 335, 337-350, 357, 360
- Сталинский Е.А. 289
- Станиславский К.С. 168, 369
- \*Стахов Н. 382, 383, 385-390
- Сташевский В., знакомый Н.Н. Берберовой 260

- \*Стенич (Сметанич) В.О. 105, 107  
 Стецкий А.И. 339, 341, 346, 347  
 Сторицын П.И. 106, 107  
 Стравинский И.Ф. 131, 166, 167  
 \*Стриж В. 54-103  
 Струве Г.П. 222, 229  
 Струве М.А. 313, 315  
 Струве Н.А. (Struve N.) 222  
 Струве П.Б. 242, 254, 262-264  
 Суварин Б. (Souvarine B.) 340, 341  
 Суворов А.В. 275  
 Судейкин С.Ю. 33, 48, 130  
 Судейкина В. 131  
 Сумский-Каплун С.Г. 256, 257, 265  
 Суперфин Г.Г. 223  
 Сурков А.А. 62, 65, 77, 95, 96, 101  
 Сухомлин В.В. 289  
 Сэйлер О. 35, 36, 50
- Табидзе Т.Ю. 134-136  
 Тагер Е.М. 107  
 Тагор Р. 245, 248  
 Таиров А.Я. 165  
 Такайшвили Е. 124, 140  
 Тамарченко А. 363  
 Танин И.А. 82  
 Тараканов, чл. ССП 95  
 Гардые А. (Tardieu A.) 257, 258  
 Гарсидзе, знакомый И.Зданевича 132  
 Гастевен Г.Э. (\*Эмпирик) 211, 218, 219  
 Татлин В.Е. 8, 184  
 Твардовская М.И. 379  
 Твардовский А.Т. 66, 378-382  
 Терапиано Ю.К. 240, 277, 310  
 Терентьев И.Г. 124-130, 132, 133, 135-138, 144-148, 155, 156  
 Терк-Делоне С. 130, 142  
 Тимирязев К.А. 56  
 Тимофеев, журналист 33  
 Титов Е.И. 383, 384, 389  
 Тихон, патриарх 361  
 Тихонов А.Н. 362, 366  
 Тихонов Н.С. 72
- Тод (Thode) 223, 227  
 Тоидзе М. 142  
 Толлер Э. 135, 136  
 Толстой А.К. 100  
 Толстой А.Н. 41, 86, 88, 329, 355, 377  
 Толстой Л.Н. 8, 21, 29, 34, 38, 46, 49, 61, 62, 96, 168, 232, 245-247, 250, 251, 313, 315, 324, 373, 376  
 \*Томский (Ефремов) М.П. 344  
 Торо Г. 21  
 Третьякевич В.И. 59  
 Третьяков С.М. 8, 10, 133, 144, 145, 147, 148, 150, 390  
 Триоле Э. 142, 329-332  
 \*Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 9, 328, 336, 337  
 Трубецкой Е.Н. 220  
 Трубецкой С.Н. 367  
 Тугендхольд Я. 185  
 Тумаркин А.С. 272, 292, 293  
 Туполев А.Н. 369  
 Тургенев И.С. 307  
 Тышлер А.Г. 143, 144  
 \*Тэффи (Бучинская, ур. Лохвицкая) Н.А. 326  
 Тютчев Ф.И. 22, 325
- Уводская (ур. Протопопова) Е.В. 27, 45  
 Улам А.Б. (Ulam A.B.) 340  
 Ульянова М.И. 73  
 Уманьский К. (Umanskij K.) 39, 51  
 Успенский П. 128  
 Уткин П.С. 33, 48  
 Ушаков С. 196  
 Уэллс Г. (Wells H.G.) 317, 343
- Фабр, врач 30  
 Фабри М. 201  
 Фадеев А.А. 54-103, 146-148, 339, 347, 348, 357, 358  
 Фадеев А.И. 79  
 Фадеев М.А. 61, 103  
 Фадеева А.В. 78-80, 86, 87  
 Фальк Р.Р. 8

- Федин К.А. 61, 103, 334, 340  
 Федоров Л., кат. свящ. 361-363  
 Федоров М.С. 30, 31, 46  
 \*Фельзен Ю. (Фрейденштейн Н.Б.)  
 232, 288, 313, 326  
 Фет А.А. 22  
 Фиала В. 46  
 Фикельмон Д.Ф. 321  
 Филонов П.Н. 8, 22, 43, 53, 133,  
 184  
 Философов Д.В. 206, 207, 211,  
 212, 215-217, 220, 263  
 Флейшман Л.С. 154, 328, 334,  
 337-339, 341, 342, 345, 347  
 Флоренский П.А. 367  
 Фокин В.М. 181  
 Фондаминская (ур. Гавронская)  
 А.О. 253, 255, 259, 260  
 Фондаминский (\*Бунаков) И.И.  
 232, 249-251, 253, 255, 259, 260,  
 313, 314, 321, 327  
 Фонская С.И. 358  
 Форш О.Д. 362, 363  
 Фохт В.Б. 239, 240, 304, 305  
 Фош Ф. 245, 248  
 Фраерман Р.И. 382, 385, 389, 390  
 Франс А. 84, 245, 248  
 Фроман М. 229  
 Фрунзе М.В. 389
- Харджиев Н.И. 43  
 Хейвуд Б. 97, 98  
 Хейфец М.Р. 359  
 Хелемский Я.А. 358  
 Хельмбрехт М. (Helmbrecht M.)  
 223  
 Хессе Г. 346  
 Хирьяков А.М. 269  
 Хлебников В.В. 8, 10, 14, 53, 147,  
 200  
 Ходасевич (ур. Чулкова) А.И. 230,  
 231, 234, 237, 239  
 Ходасевич В.М. 336, 342, 376  
 Ходасевич В.Ф. 168, 228-236, 237-  
 327, 329  
 Ходасевич (ур. Рындина) М. 229
- Ходасевич-Марголина О.Б. 234,  
 235, 291, 292, 301, 306, 308, 314-  
 316, 318, 319, 323, 324, 327  
 Ходлер Ф. 194  
 Хорава А. 135  
 Храбровицкий А.В. 353-358  
 \*Хрисанф (Зак Л.В.) 8, 53  
 Хрущев Н.С. 82, 346  
 Хьюз Р. (Hughes R.) 154, 229, 231,  
 233, 241, 274
- Цветаева М.И. 177, 228, 230, 300  
 Цвибак Я.М. (\*Седых А.) 237,  
 239  
 Цедербаум В., художник 130, 131  
 Цепляк И., кат. епископ 361, 362  
 Цетлин М.О. 239, 242, 257, 259,  
 276, 288, 309  
 Цетлина М.С. 242, 257, 272, 276,  
 288, 313, 315  
 Ционглинский Я.Ф. 162, 184  
 Цитович Г., художник 27, 28, 45
- Чайковская (ур. Милюкова) А.И.  
 308  
 Чайковский П.И. 127, 236, 308, 314  
 Чалова Л., редактор 106  
 Чан-Кай-Ши 313, 314  
 Чаурели М. 152  
 Чегринцева Э.К. 310  
 Чекунов И.С. 305  
 Ченей В. 39  
 Червинская Л.Д. 307, 319, 320  
 Черина В. 171, 172  
 Чернышевский Н.Г. 255, 318  
 Чернявский Н.А. 132-136, 142,  
 163, 164  
 Черток Л., книготорговец 297, 298  
 Чехов А.П. 168, 373  
 Чиаурели М.Э. 82, 83  
 Чивилихин В.А. 110  
 \*Чижов Е. 7-53  
 Чкалов В.П. 78  
 Чолокашвили А. 135  
 Чолокашвили Э. 135  
 \*Чужак (Насимович) Н.Ф. 10  
 \*Чуковский (Корнейчуков) К.И. 44

- Чулков Г.И. 207, 211, 213, 215-217, 219, 220, 237  
 Чурилин Т.В. 8
- Шанель К. 142  
 Шарден Т. де 360  
 Шаршун С.И. 124, 154  
 Шатуновская Л.Я. 337, 340  
 Шацкий, редактор 389  
 Шеварднадзе Д. 139, 140, 142, 143, 150-152  
 Шевченко А.В. 184, 186  
 Шевченко Т.Г. 21  
 Шелгунов Н.В. 20  
 Шершеневич В.Г. 8, 201  
 \*Шестов (Шварцман) Л.И. 51  
 Шильтян Г.И. 141  
 Шишкин И.И. 28, 44  
 Шишков А.С. 272, 276, 277, 279, 281  
 Шкапа И. 342  
 Шкловская М., ред. 359  
 Шкловский В.Б. 9, 145, 146, 330  
 Школьник И.С. 41, 53  
 Шлейфер С.Я. 184  
 Шлиман Г. 59  
 Шмелев И.С. 239, 241, 253  
 Шолохов М.А. 102  
 Шопенгауэр А. 361  
 Шрейдер М.И. 214  
 Штейн С.Ф. 239, 241  
 Штейнберг А.З. 222  
 Штейнер Р. 205  
 Штеренберг Д.П. 143  
 Штюрьваге, художник 33, 48  
 Шульгин В.В. 253, 255  
 Шустер С., коллекц. 163
- Щербаков А.С. 93, 94, 343  
 Щепкина-Куперник Т.Л. 277, 278  
 Щукин С.И. 202
- Эйдельман Н.Я. 59  
 Экстер А.А. 8, 144, 198, 202  
 \*Эллис (Кобылинский Л.Л.) 207, 208, 210, 212, 215, 217, 218  
 \*Эль (Л.М.) Лисицкий 60  
 Эрбар П. (Herbart P.) 344, 345
- Эренбург И.Г. 8, 88, 144, 344, 349  
 Эткинд Е.Г. 228, 340  
 Эфрон С.Я. 230
- Юзовский И.И. 81  
 Юшкевич С.С. 239, 240, 242
- Явленский А.Г. 8, 46  
 Ягода Г.Г. 83, 100, 329, 331, 336, 337, 341, 342, 344-348  
 Якобсон Р.О. 9, 10  
 Якулов Г.Б. 33, 48  
 Яновский В.С. 311, 312, 325  
 Ярмо С.М. 274, 276, 277, 283, 284, 287, 290  
 Яффе Л. 229
- Antonucci G. 166  
 Bernaut E. 346  
 Brzezinski Z. 339  
 Chamot M. 178, 183  
 De Cuevas, marquis 177, 178  
 Fletcher I.K. 182  
 Fossati P. 166  
 Freiburger-Sheilholeslami E. 228  
 Hagglund R. 307  
 Istrati P. 341, 343  
 Laclos P. C. de 244  
 Lazitch B. 346  
 Levinson A. 254  
 Loguine T. 165, 182, 183  
 Luciani G. 340  
 Markov V. 179  
 Maurer R. 344  
 Mayer A. 253-255  
 McLean H. 228  
 Pachmuss T. 241  
 Palitz G. 223  
 Perus J. 343, 346  
 Pollock E. 51  
 Rusakov Ju. 202  
 Schubert, проректор 223, 226  
 Smith G. 229  
 Sylvester R.D. 292  
 Weisert H. 223  
 Wolfe B. 374  
 Yakobson S. 228

## АННОТАЦИИ

### В о с п о м и н а н и я

Д.Бурлюк. ВОСПОМИНАНИЯ ОТЦА РУССКОГО ФУТУРИЗМА. Публикация Е.Чижова и Д.Ксенина.

Наиболее обстоятельная творческая и личная автобиография родоначальника русского футуризма, составленная на основе рукописи, подготовленной Д.Д. Бурлюком в 1930 году для харьковского искусствоведа М.Зубарева. В публикацию входят только не издававшиеся ранее фрагменты. Автор подробно рассказывает о своей семье, о начале увлечения живописью, о возникновении и становлении футуристического движения в России, о борьбе различных художественных групп и течений, о первых выставках и манифестах авангарда, о своей творческой судьбе на Западе — после выезда из России. Подробный комментарий восстанавливает историко-культурный контекст эпохи и дает множество фактических сведений о художниках и литераторах русского авангарда. 8 + 27 + 12 с.

Корнелий Зелинский. В ИЮНЕ 1954 ГОДА. Публикация и предисловие В.Стрижа.

Воспоминания известного советского литератора об А.А. Фадееве и о той смутной эпохе, когда после смерти Сталина страна оказалась на переломе своей истории. Автор, сам принадлежавший к писательской знати, передает моральную атмосферу того круга литераторов, который группировался вокруг Фадеева и в продолжение двадцатилетия во многом определял направление официальной русской словесности. Нравственный облик этих людей, расстановка сил и внутренние взаимоотношения в писательской среде, начало борьбы за фадеевское наследие, — живо представляют один из существенных аспектов неустойчивой ситуации 1954 года, рисуют уходящее поколение литературной номенклатуры и тех, кто вступает им на смену. Комментарий публикатора служит дополнением, коррелируя авторские высказывания, договаривая то, о чем умалчивает К.Зелинский. 12 + 38 с.

Сильва Гитович. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ.

Фрагмент из мемуарной рукописи посвящен, главным образом, М.М. Зощенко и жизни ленинградской писательской организации в 1930-40 гг. 16 с.

## И з и с т о р и и и с к у с с т в а

### ИЗ АРХИВА ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА. Публикация Режиса Гейро.

В начале века братья Кирилл и Илья Зданевичи играли видную роль в литературно-художественной жизни русского авангарда в Петрограде, Москве, Тифлисе. Илья выступал теоретиком футуризма, Кирилл — принимал участие в большинстве выставок М.Ф. Ларионова, был вместе с А. Крученых и И. Терентьевым в центре художественной жизни Грузии. Публикация состоит из двух частей: переписки братьев в 1920-30-х годов, и воспоминаний Ильязда о Н. Пиросманишвили, М. Ледантю, В. Барте. Примечания и комментарий содержат обширный историко-культурный материал о жизни русского авангарда до и после 1917 года. 42 с.

### ПИСЬМА Н.С. ГОНЧАРОВОЙ И М.Ф. ЛАРИОНОВА К ОЛЬГЕ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ. Публикация Э.Гарэтто.

Девять писем известных художников к Ольге Ивановне Ресневич-Синьорелли, переводчице и пропагандисту русской культуры в Италии. Дружба их возникла в 1916 г., когда оба художника в составе дягилевского балета приехали в Рим, и продолжалась до смерти корреспондентов в 1960-х гг. Примечания дают богатый материал по истории русско-итальянских культурных связей. 18 с.

### Михаил Ледантю. МАНИФЕСТ ВСЕКОВ. Публикация Дж.Э. Боулта.

Теоретическая работа известного художника и театрального оформителя М.В. Ледантю, погибшего в 1917 г. Автор развивает взгляды русского авангарда, и в частности — ларионовской группы, противопоставляя их отечественному академизму и деятельности «Мира искусства». Комментарий и примечания содержат биографические сведения о Ледантю и близких ему художниках. 20 с.

## И з и с т о р и и л и т е р а т у р н о й ж и з н и

### НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО. Публикация и комментарий В.Аллоя.

Письмо к З.Н. Гиппиус, написанное в один из самых бурных периодов жизни А. Белого (август 1907), посвящено литературной полемике в лагере русских символистов, характеристике участников спора, расстановке сил, личным взаимоотношениям Белого с А.А. и Л.Д. Блоками. Комментарий и примечания восстанавливают контекст событий. 17 с.

### ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. Публикация Томаса Бейера.

Неизвестные документы о пребывании О.Э. Мандельштама в Гейдельбергском университете осенью-зимой 1909-1910 годов. 6 с.

## **ПИСЬМА В.ХОДАСЕВИЧА К Н.БЕРБЕРОВОЙ. Публикация Дэвида Бетеа.**

74 письма В.Ф. Ходасевича за период с сентября 1926 по январь 1939 дают чрезвычайно богатую картину внутреннего мироощущения поэта, его отношения к эмигрантской и советской литературе, содержат множество портретов крупнейших деятелей эмиграции. Комментарий дает исторические и биографические сведения об упоминаемых Ходасевичем событиях и людях. 100 с.

## **Мишель Никё. К ВОПРОСУ О СМЕРТИ М.ГОРЬКОГО.**

Автор рассматривает обстоятельства смерти Горького в свете воспоминаний Л.Арагона, бюллетеней о здоровье писателя и отношений Горького со Сталиным; устанавливает ряд моментов, которые ставят под сомнение версию о естественной смерти Горького и версию 1938 года о медицинском убийстве. Анализируя поведение Арагона, Жида, Кольцова, Эренбурга и других участников событий, автор ставит ряд вопросов, разрешение которых могло бы по-новому осветить роль Горького в событиях 1936 г. и причину его смерти. 23 с.

## **С о о б щ е н и я, д о п о л н е н и я**

### **А.В.Храбровицкий. А.И. КУПРИН В 1937 ГОДУ.**

Автор полемизирует с официальной советской версией о реэмиграции Куприна и, приводя неизданные свидетельства очевидцев, — восстанавливает реальные обстоятельства возвращения писателя на родину. 6 с.

### **М.Агурский. М.ГОРЬКИЙ И Ю.Н. ДАНЗАС.**

Опираясь на малоизвестные источники, автор прослеживает историю взаимоотношений своих героев и ту роль, которую сыграл Горький в судьбе Ю.Н. Данзас. 19 с.

### **Б.Закс. ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА.**

Сообщение состоит из двух частей. В первой — автор на основе личных воспоминаний, восстанавливает события, предшествовавшие аресту рукописи романа В.Гроссмана «Жизнь и судьба», и отношения Гроссмана с Твардовским. Во второй — полемизирует с публикатором гайдаровского письма Н.Стаховым («Минувшее», №3, 1987) и предлагает иную версию событий, основанную на личном общении и совместной работе с А.Гайдаром в 1930-е годы. 5 + 9 с.



## ABSTRACTS

### Memoirs

D.Burliuk. MEMOIRS OF THE FATHER OF RUSSIAN FUTURISM. Publication by E.Chizhov and D.Ksenin.

The most completed artistic and personal biography of the founder of the Russian futurism, based on a manuscript, prepared by D.D. Burliuk in 1930 for Kharkov's art historian M.Zubarev. The present memoirs includes only unpublished fragments of initial manuscript. The author gives detailed description of his family life, the beginning of his interest in painting, the foundation and development of the futurist movement in Russia, the rivalry between various art groups, the first exhibitions and futurist manifestos, and his artistic fate in the West — after leaving Russia. The commentary reestablishes historical and cultural context of the epoch and gives a lot of factual accounts about artists and writers of Russian avant-garde. 8 + 27 + 12 p.

Cornely Zelinsky. IN JUNE OF 1954. Publication and foreword by V.Strizh.

The memoirs of a well-known soviet writer about A.A. Fadeev and about that very unstable epoch, when after Stalin's death the country found itself on a brink of it's history. The author, himself a member of writers' nomenklatura, relates the moral atmosphere of the circle of writers, that grouped around Fadeev and during the period of two decades established the direction of official Russian literature. The moral standards of this people, the power arrangements and inside relationships in the writers milieu, the beginning of a fight for Fadeev's inheritance — give a life picture of one of the important aspects of an unstable situation in 1954, present the departing generation of writers' nomenklatura and those who take their places. The publisher's commentary serves an addition, which correlates author's text, explaining things that Zelinsky prefers to keep quiet. 12 + 38 p.

Silva Gitovich. FROM MEMOIRS.

The present fragment describes the life of Leningrad's writers organisation and Zoschenko's fate in 1930-40s. 16 p.

## From the History of Art

### FROM THE ARCHIVES OF ILYA ZDANEVICH. Publication by Régis Gayraud.

In the beginning of the century Kirill and Ilya Zdanevich played an important role in art and literary life of Russian avant-garde in Petrograd, Moscow, Tiflis. Ilya participated in constructing of the theory of Russian futurism, Kirill took part in the majority of exhibitions of M.F. Larionov, and together with Kruchenykh and Terentiev was in the center of Georgian art life. The publication consists of two parts: the letters of Kirill and the memoirs of Ilyazd about N.Pirosmanishvili, M.Ledantiu, V.Bart. The commentary includes the wide historical material about life of Russian avant-garde before and after 1917. 42 p.

### THE LETTERS OF N.S. GONCHAROVA AND M.F. LARIONOV TO OLGA RESNEVICH-SIGNORELLI. Publication by E.Garretto.

The nine letters of the well-known artists to Olga Ivanovna Resnevich-Signorelli, who was a translator and a promoter of Russian culture in Italy. Their friendship started in 1916, when both artists came to Rome with Dyagilev's Ballet, and continued till their death in 1960s. The commentary gives important information about cultural connections between Russia and Italy. 18 p.

### Michael Ledantiu. MANIFEST VSEKOV. Publication by J.E. Bowlt.

The theoretic work of a famous artist and stage designer died in 1917. The author develops the views of Russian avant-garde, particularly views of Larionov's group, putting them opposite the Russian academism and activities of «Art World» group. Commentaries include the biographical data about Ledantiu and the artists that were close to him. 20 p.

## From the History of Literary Life

### THE UNKNOWN LETTER OF A.BELYI. Publication of V.Alloy.

The letter to Z.N.Hippius written in one of the most agitated period of Belyi's life — depicts literary polemics in the milieu of Russian symbolists, characterises different personages, forces arrangement, describes personal relationship of Belyi with A.A. and L.D. Blok. Commentaries reestablish the context of events. 17 p.

### OSIP MANDELSTAM AND HEIDELBERG UNIVERSITY. Publication by Thomas Beyer.

The unknown documents about the time that Mandelstam spent in Heidelberg University in the fall-winter of 1909-1910. 6 p.

**THE LETTERS OF V.KHODASEVICH TO N.BERBEROVA.** Publication by David Bethea.

74 letters of V.Khodasevich in a period of September 1926 — January 1939 give a clear appearance of poet's inside world, his opinion on emigrant and soviet literature. The letters also include many portraits of significant figures of emigration. The commentary gives the historical and biographical data about events and people mentioned by Khodasevich. 100 p.

**Michel Niqueux. TO THE PROBLEM OF GORKY'S DEATH.**

The author reviews the events linked with Gorky's death in the light of memoirs of L.Aragon, bulletins of writer's health, and Gorky's relationships with Stalin. He finds out some points which arise suspicions in the version of Gorky's natural death as well as in version of medical murder. Analysing the behavior of Aragon, Gide, Koltsov, Erenburg and other participants of events, the author presents a number of questions. The answers could clarify the role of Gorky in 1936 and the real reasons of his death. 23 p.

**R e p o r t s**

**A.V. Khrabrovitsky. KUPRIN IN 1937.**

The author argues with the official soviet version about reemigration of Kuprin, gives the unpublished evidence of the witnesses and recreates the real picture of the writer's return to the USSR.

**M.Agursky. M.GORKY AND J.N. DANZAS.**

Using rare sources, the author retraces the role that Gorky had in the life of J.Danzas and the relationship between them.

**B.Zaks. THE NOTES OF A WITNESS.**

The publication consists of two parts. In the first, the author on a basis of his own memoirs, recreates the events that came before the arrest of the manuscript of V.Grossman's novel «Life and Destiny», and relationship between Grossman and Tvardovsky. In the second part he argues with the publisher of Gaidar's letter («Minuvshee», №3, 1987) and gives another version of events based on his knowledge of the personality of Gaidar, on their friendship and mutual work in 1930s.

## СОДЕРЖАНИЕ

### Воспоминания

Д.Бурлюк. ВОСПОМИНАНИЯ ОТЦА РУССКОГО ФУТУРИЗМА. Публикация Е. Чижова и Д.Ксенина . . . . .	7
Корнелий Зелинский. В ИЮНЕ 1954 ГОДА. Публикация и предисловие В.Стрижа . . . . .	54
Сильва Гитович. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ . . . . .	104

### Из истории искусства

ИЗ АРХИВА ИЛЬИ ЗДАНЕВИЧА. Публикация и примечания Режиса Гейро . . . . .	123
ПИСЬМА Н.С. ГОНЧАРОВОЙ И М.Ф. ЛАРИОНОВА К ОЛЬГЕ РЕСНЕВИЧ-СИНЬОРЕЛЛИ. Публикация Э.Гарэтто . . . . .	165
Михаил Ледантю. МАНИФЕСТ ВСЕКОВ. Публикация Дж. Э. Боулта . . . . .	183

### Из истории литературной жизни

НЕИЗВЕСТНОЕ ПИСЬМО АНДРЕЯ БЕЛОГО. Публикация В.Аллоя . . . . .	205
ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ И ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. Публикация Томаса Бейера . . . . .	222
ПИСЬМА В.ХОДАСЕВИЧА К Н.БЕРБЕРОВОЙ. Публикация Дэвида Бетеа . . . . .	228
Мишель Никё. К ВОПРОСУ О СМЕРТИ М.ГОРЬКОГО . . . . .	328

### Сообщения, дополнения

А.В. Храбровицкий. А.И. КУПРИН В 1937 ГОДУ . . . . .	353
М.Агурский. М.ГОРЬКИЙ И Ю.Н. ДАНЗАС . . . . .	359
Б.Закс. ЗАМЕТКИ ОЧЕВИДЦА . . . . .	378
Аппех . . . . .	391

ACHEVÉ D'IMPRIMER  
LE 15 FÉVRIER 1988  
PAR L'IMPRIMERIE  
DE LA MANUTENTION  
A MAYENNE  
N°52-88

